

СОДЕРЖАНИЕ

Члены редакционной коллегии:

Координатор:

Свиридова И. А. – ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент.

Главный редактор:

Афанасьев К. Е. – проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, профессор.

Зам. главного редактора:

Садовой А. И. – д-р ист. наук, профессор.

Отв. секретарь – Григорьева О. С.

Редакционная коллегия:

Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;

Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;

Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;

Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, профессор;

Араева Л. А. – д-р филол. наук, профессор;

Бобров В. В. – д-р ист. наук, профессор;

Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Желтов В. В. – д-р филос. наук, профессор;

Казин Э. М. – д-р биол. наук, профессор;

Карташов В. Я. – д-р техн. наук, профессор;

Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, профессор;

Курбатова М. В. – д-р экон. наук, профессор;

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, профессор;

Осадчий М. А. – канд. филол. наук;

Пименов Е. А. – д-р филол. наук, профессор;

Поварич И. П. – д-р экон. наук, профессор;

Поплавный А. С. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Шер Я. А. – д-р ист. наук, профессор;

Щенников В. П. – д-р филос. наук, профессор;

Юркевич Н. А. – канд. юрид. наук, доцент;

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, профессор.

Редактор выпуска – **З. А. Кунашева.**

Компьютерная верстка – **В. А. Шерина.**

ПСИХОЛОГИЯ

- Аргентова Т. Е., Аргентова Л. В.** Представления женщин из неполных родительских семей о возможности реализации в их личной жизни ценностей «взаимная любовь» и «счастливая семейная жизнь» 5
- Авилов Г. М., Самодумова Е. О.** Особенности ценностно-смысловой сферы женщин в связи с их отношением к сексуально-ролевым играм 10
- Белогай К. Н.** Психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений 20
- Богомолов А. М.** Возрастная изменчивость адаптационного потенциала личности 26
- Борисенко Ю. В.** Специфика психологической помощи семье в контексте работы с отцовством 31
- Браун О. А., Русакова Н. Н.** Взаимосвязь представлений молодежи об успешном человеке с содержанием народных сказок (на примере татарского и чувашского этносов) 37
- Будич Н. Ю.** Религиозность как условие личностного самоопределения 43
- Воробьева Н. А.** Образ предпринимателя у школьников, студентов, работающих и пенсионеров 48
- Гольдшмидт Е. С.** К вопросу об онтогенезе личности человека с позиции теории функциональных систем 54
- Григорьева Е. В.** Особенности адаптации младших школьников с различными типами минимальных мозговых дисфункций к учебной деятельности 62
- Карась Д. В., Миллер Н. А.** Разработка методики оценки ценностно-смысловой значимости некоторого события 66
- Киенко Е. В., Морозова И. С.** Специфика самореализации личности в профессиональной деятельности 69
- Колотилина В. В.** Исследование особенностей взаимоотношений мужчины и женщины в связи с драматическим характером переживания чувства первой любви 78
- Ляхова М. А.** Психологические составляющие жизненной стратегии личности 82
- Портнова А. Г., Холодцева А. Е.** Психологические защиты и стратегии совладания с кризисными ситуациями сотрудников в экстремальных видах профессиональной деятельности 89
- Сафонова Т. О., Морозова И. С.** Уровневые характеристики саморегуляции личности 99
- Серый А. В., Семенова М. Б.** Трансформация системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы 106

Журнал теоретических и прикладных исследований

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 1225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-28-39,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: keafa@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Сибирском окружном межрегиональном территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ ФС77-40023

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник КемГУ» открыта подписка. Подписные индексы: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150, Каталог российской прессы «Почта России» – 51944.

© ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2010.

Подписано к печати _____

Формат А 4.

Печать офсетная.

Бумага Sveto Copy.

Усл. печ. л. – 29,38.

Уч.- изд. л. – 27,67.

Тираж 500 экз.

Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИНТ».

**650003, Кемерово,
пр. Химиков, 43а.**

Симкин М. Ф., Симкина Е. М. Ранняя психокоррекция интеллектуального недоразвития у детей, как основной аспект успешной профилактики отклоняющегося поведения	110
Симкина Е. М. Оценка и прогнозирование возможности осуществления трудовой деятельности лицами с нарушением познавательной сферы с учетом их психофизиологических особенностей	113
Сирота Е. Ю. Личностные особенности постоянных посетителей сайта WWW.VKONTAKTE.RU	115
Сухотина Е. В., Хакимова Н. Р. Связь свойств темперамента с индивидуальным стилем учебной деятельности студентов-психологов	119
Теплинских М. В. Особенности профессионального самосознания студентов	122
Холодцева Е. Л. Активность в системе компетентности выпускника высшего профессионального заведения	127
Шамовская Т. В. Условия и механизмы формирования и развития социальной идентичности личности	133
Яницкий М. С. Предмет и методологические основания судебно-психологической экспертизы текста	139

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Антропова М. Н. Исследование проблемы занятости студенческой молодежи в сфере социально-трудовых отношений	145
Бирюкова А. С. Насилие в семье как социальная проблема: организационно-правовой аспект	150
Волкова А. В. Социальные факторы активизации научно-исследовательской деятельности студентов социальной направленности обучения	156
Гребчук К. М. Социальное партнерство: проблемы и перспективы профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе	161
Игнатьева А. С. Ценностно-смысловые детерминанты готовности к волонтерской деятельности студентов Кемеровского государственного университета	167
Кривоцова Е. В. Взаимосвязь толерантности личности с ценностным самоопределением	173
Лычагина В. В. Применение информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе: теоретический аспект	177
Мартьянова Т. Н. Социально-психологические аспекты профессионального становления специалистов по социальной работе	183
Нилов Э. В. Местное самоуправление как гарант в сфере социальной защиты населения	192
Решетникова Н. Н. Готовность студентов вуза к научно-исследовательской деятельности как средство формирования профессионального самоопределения	197
Романчук А. А. Социальные отношения в трудовом коллективе	203
Филатова Е. В. Кадровая политика социальных служб и проблемы, сопровождающие ее реализацию	209
Хорошилов А. В., Тараканов А. В. Основные причины травматизма на шахтах Кузбасса в конце XX – начале XXI вв.	215
Чигаева В. Ю. Современное состояние социальной безопасности на региональном уровне (на примере Кемеровской области)	219
Шулаева М. А. Ценностные представления о здоровье и здоровом образе жизни студенческой молодежи	224
Авторы выпуска	230
Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»	235
Подписка на «Вестник КемГУ»	237

CONTENT

PSYCHOLOGY

<i>Argentova T. E., Argentova L. V.</i>	Social representations about the possibility of realization in the personal life values «Mutual love» and «Happy family life» designed by groups of women out of complete and incomplete parental families	5
<i>Avilov G. M., Samodumova E. O.</i>	Features of value-semantic sphere of women in connection with their relation to the sexual-role games	10
<i>Belogai K. N.</i>	The psychological tasks of the marriage and factors of the stability of family relations	20
<i>Bogomolov A. M.</i>	Age variability of the personal adaptive potential	26
<i>Borisenko J. V.</i>	The specifics of psychological help in the context of work with fathering	31
<i>Braun O. A., Rusakova N. N.</i>	Interrelation of representations of youth about the successful person with the maintenance of national fairy tales (on the example of the tatar and chuvash ethnoses)	37
<i>Budich N. Y.</i>	Religiousness as a condition of personality self-determination	43
<i>Vorobyeva N. A.</i>	Image of the businessman at schoolboys, students, workman and pensioners	48
<i>Goldschmidt E. S.</i>	To the question about individual developments persons of the person from the position of the theory of functional systems	54
<i>Grigoryeva E. V.</i>	Features of adaptation of younger schoolboys with various types of the minimum brain dysfunctions to educational activity	62
<i>Karas D. V., Miller N. A.</i>	Working out of the technique of the estimation of the value-semantic importance	66
<i>Kienko E. V., Morusova I. S.</i>	The characteristic of levels of self-control of the person	69
<i>Kolotilina V. V.</i>	Investigation of features relationships of men and women in connection with the dramatic nature of the experience feeling of first love	78
<i>Lyahova M. A.</i>	Psychological components of the personality life strategy	82
<i>Portnova A. G., Kholodtseva A. E.</i>	Psychological defenses and coping-strategies employees, whose professional activities related to crises and emergencies	89
<i>Safonova T. O., Morusova I. S.</i>	The characteristics of levels of self-control of the person	99
<i>Seriy A. V., Semenova M. B.</i>	Transformation of system of personal senses in the situation of the compelled loss of work	106
<i>Simkin M. F., Simkina E. M.</i>	Early correctional psychological work intellectual underdevelopment at children, as the basic aspect of successful preventive maintenance of a deviating behaviour	110
<i>Simkina E. M.</i>	Estimation and forecasting opportunities of realization of labour activity by persons with infringement of cognitive sphere in view of their psychophysiological features	113
<i>Sirota E. J.</i>	Personal peculiarities of regular visitors of the site www.vkontakte.ru	115
<i>Sukhotina E. V., Khakimova H. R.</i>	Relation of properties of temperament with individual style educational activity of students-psychologists	119
<i>Teplinskih M. V.</i>	The specifics of professional self-consciousness of students – the future social workers	122
<i>Kholodtseva E. L.</i>	The personal activities of university graduate in the competence system	127
<i>Shamovskaya T. V.</i>	Conditions and mechanisms of formation and development of social personal identity	133
<i>Janitsky M. S.</i>	The subject and the methodological bases of judicial-psychological examination of the text	139

SOCIAL WORK

<i>Antropova M. N.</i>	Study challenges student employment young people in social and labor relations	145
<i>Biryukova A. S.</i>	Domestic violence as a social problem: organizational-legal aspects	150
<i>Volkova A. V.</i>	Social factors enhance the research social work students focus of study	156
<i>Grabchuk K. M.</i>	Social partnership: problems and perspectives of professional training of the future specialists on social work	161
<i>Ignatieva A. S.</i>	Value-semantic determinants of willingness to volunteer activities of students of Kemerovo state university	167
<i>Krivtsova E. V.</i>	Interrelation of tolerance of the person with valuable self-identification	173
<i>Lychagina V. V.</i>	Application of information technologies in the activities social workers: theoretical aspects	177
<i>Martynova T. N.</i>	Socially-psychological aspects the professional formation of experts in social work	183
<i>Nilov E. V.</i>	Local government as the guarantor in sphere of social protection of the population	192
<i>Reshetnikova N. N.</i>	Professional self-determination student – future specialist of the social sphere by means of shaping of readiness to research activity	197
<i>Romanchuk A. A.</i>	Social relations in the workplace	203
<i>Filatova H. V.</i>	Personnel policy of social services and the problems accompanying its realization	209
<i>Khoroshilov A. V., Tarakanov A. V.</i>	Principal causes of traumatism at Kuzbass mines in the end of the XX – the beginning of the XXI centuries	215
<i>Chigaeva V. Y.</i>	The current state of social safety at regional level (for example in the Kemerovo region)	219
<i>Shulaeva M. A.</i>	Value notion of health and healthy lifestyles of student youth	224

Третий выпуск "Вестника Кемеровского государственного университета" посвящен 15-летию социально-психологического факультета КемГУ. Редакционная коллегия журнала приняла решение о публикации в данном выпуске научных материалов ведущих ученых, преподавателей, аспирантов и магистрантов КемГУ по психологии и социальной работе.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955:173→392.3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖЕНЩИН ИЗ НЕПОЛНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ СЕМЕЙ О ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В ИХ ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ЦЕННОСТЕЙ «ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ» И «СЧАСТЛИВАЯ СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ»

Т. Е. Аргентова, Л. В. Аргентова

SOCIAL REPRESENTATIONS ABOUT THE POSSIBILITY OF REALIZATION IN THE PERSONAL LIFE VALUES «MUTUAL LOVE» AND «HAPPY FAMILY LIFE» DESIGNED BY GROUPS OF WOMEN OUT OF COMPLETE AND INCOMPLETE PARENTAL FAMILIES

T. E. Argentova, L. V. Argentova

В статье исследовано, описано и сравнительно проанализировано содержание представлений, конструируемых группами не состоящих и состоящих в браке женщин 35 – 59 лет из полных и неполных родительских семей, вдов, одиноких матерей и находящихся в разводе женщин о возможности реализации ценностей «взаимная любовь» и «счастливая семейная жизнь» в их личной жизни.

In the article the social representations designed by groups consisting of not married and married women of 35 – 59 years old out of complete and incomplete parental families, widows, lonely mothers and women in divorce about the possibility of realization in their personal life values «mutual love» and «happy family life» are described and comparatively analyzed; the significant group distinctions are proved.

Ключевые слова: неполная семья, вдовы, находящейся в разводе женщины, одинокой матери, социальные представления, ментальный диссонанс неполноты семьи, реализация ценностей.

Keywords: incomplete parental families of the widows, lonely mothers and women in divorce; social representations, mental dissonance of the incomplete family, the realization of values.

Актуальность исследования. В настоящее время имеет место рост числа неполных семей в РФ как и во всем христианском мире. По разным оценкам, примерно каждый третий ребенок в РФ воспитывается в неполной семье.

Имеющийся ряд исследований говорит о том, что воспитание в неполной семье может негативно отражаться на всем процессе становления личности ребенка: отмечаются искажения системы ценностей, эмоциональная неустойчивость, избыточная конфликтность (Л. Л. Баз, О. В. Баженова, О. А. Белобрыкина, А. Я. Варга, А. И. Захаров, Б. В. Зейгарник, Э. Г. Эйдемиллер и др.).

Как правило, определяющим признаком неполной семьи является отсутствие супружеской пары, а чаще всего подразумевается семья «мать – ребенок (дети)». На самом же деле существует качественное различие между неполными семьями, которое обычно упускают исследователи семьи. Неполные семьи одинокой матери, разведённой женщины и вдовы – это существенно отличающиеся семьи с точки зрения отношения к ним социума, величины диссонанса переживания ситуации неполноты семьи матерью и ребенком. Существуют, однако, проблемы, для решения которых необходимо учитывать тип неполной семьи. К числу таких проблем относится и проблема ценностей взаимной любви, семьи для женщины, ее представления о возможности устройства своей личной жизни, реализации в ней ценностей «взаимная любовь» и «счастливая семейная жизнь». Эти представления определяют мироощущение женщины, ее

ожидания и поведение в межличностных отношениях с лицами противоположного пола.

Эти представления закладываются в семье, выступающей в качестве первого социализирующего института общества, во многом определяя то, что представляется человеку значимым в плане благополучия его будущей личной, семейной жизни.

В этом смысле знания о ценностях семьи, взаимной любви и особенно представлений о возможности реализации этих ценностей в своей личной, семейной жизни в настоящем и в будущем у женщин из неполных родительских семей разного типа существенны для выработки принципиальных ориентиров практики и прежде всего в области семейного консультирования.

Цель нашего исследования состояла в изучении ценностей семьи и взаимной любви у женщин из неполных родительских семей разного типа, в раскрытии содержания представлений исследуемой категории женщин о возможности устройства своей личной жизни и о возможности реализации в своей личной, семейной жизни ценностей взаимной любви и счастливой семейной жизни, выявлении особенностей содержания этих представлений в сравнении между собой и представлениями женщин из полных родительских семей.

В задачи исследования входило:

1. Проведение анализа теоретико-методологических подходов к изучению ценностей семьи и взаимной любви, а также представлений о возможности реализации этих ценностей в личной семейной жизни

ни у женщин в контексте влияния на эти представления типа родительской семьи женщины.

2. Исследование, описание и сравнение ценностей семьи и взаимной любви у не состоящих в браке женщин 35 – 59 лет из полных и неполных родительских семей, возникших в результате развода, вдовства и одинокого материнства.

3. Исследование, описание и сравнение представлений не состоящих в браке женщин 35 – 59 лет из полных и неполных родительских семей о возможности реализации ценностей взаимной любви и счастливой семейной жизни в своей личной, семейной жизни.

4. Выявление наличия связи между типом родительской семьи женщины и ее представлениями о возможности устройства своей личной жизни и прогнозе на будущее уже существующих отношений.

Гипотеза исследования. Предварительные исследования показывают, что наиболее распространенными являются неполные семьи трех типов: возникшие в результате развода родителей, вдовства одного из родителей и одинокого материнства. Можно полагать, что женщины, вырастающие в этих типологически различных неполных семьях, по-разному переживают диссонанс ситуации неполноты семьи. Этот диссонанс может выступать в качестве фактора, обуславливающего особенности формирующихся ценностей семьи, любви, представлений о возможности их реализации в личной, семейной жизни, определяя облик семейной жизни и сексуального поведения женщин.

Теоретико-методологическую основу исследования составили комплексный и системный подходы в психологической науке (К. А. Абульханова, Б. Г. Ананьев, А. Г. Асмолов, А. Л. Журавлев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, А. В. Юревич и др.); идеи отечественных и зарубежных психологов, занимающихся проблемами влияния родительской семьи на формирование будущей личной жизни ребенка (Т. В. Андреева, М. Боуэн, А. Я. Варга, К. Витакер, В. Н. Дружинин, С. В. Ковалев, А. Г. Лидерс, Т. Лукман, С. Минухин, Н. Л. Москвичева, В. Сатир, Е. Т. Соколова, А. С. Спиваковская, Л. В. Шнейдер, Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис и др.).

Методологическим основанием исследования послужила *теория социальных представлений*, разработанная школой С. Московиси и его последователями (С. Московиси, 1984, 1987, 1988; Ж.-К. Абрик, 1984; В. Вагнер, 1995, 1996; У. Дуаз, 1986, 1994; Д. Жоделе, 1989; М.-Ж. Шомбар де Лёв, И. Маркова, 1996; С. Йовчелович, Ж.-П. Кодол, Г. М. Андреева, 1997; Т. П. Емельянова, 1987, 2004; А. И. Донцов, 1987; Е. В. Якимова, 1996, 1999 и др.), согласно которой семья закладывает тип интерпретации социального мира ребенка, в том числе о лицах противоположного пола, задает определенный рисунок взаимодействий с ними и тем самым воздействует на формирование образа социального мира ребенка, вводят личность в культурные традиции группы, становясь частью ее индивидуальности.

Для исследования ценностей семьи и взаимной любви, а также содержания представлений о возможности их реализации в своей личной, семейной жизни в настоящем и в будущем, наряду с методами теоретико-методологического анализа, общенаучными методами и методами математической статистики, **использовался комплекс диагностических методов и методик**, в том числе:

- методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в адаптации С. Р. Пантеева. С помощью данной методики изучались представления о ценности семьи и взаимной любви в системе ценностей исследуемых, их представления о возможности реализации этих ценностей в своей личной, семейной жизни;

- методика «Автобиография» («Я через 5 лет») Г. Олшпорта и М. Гиллспи. Данная проективная методика использовалась для исследования содержания представлений не состоящих в браке женщин о перспективах во взаимоотношениях с лицами противоположного пола и своей личной жизни и для исследования содержания представлений замужних женщин о перспективах сохранения имеющегося брака и перспективах своей личной жизни в случае развода;

- методика «Психобиографическая анкета» (авторская). Эта методика представляет собой опросник, имеющий 4 варианта в соответствии с актуальной семейной ситуацией женщины. С помощью данной методики изучались семейные истории респондентов;

- при обработке полученных данных использовались методы математической статистики. Выявление различий в процентах исследуемых признаков осуществлялось с помощью биномиального критерия; в средних уровнях исследуемых признаков – с помощью Т-критерия Стьюдента; в распределениях признаков – с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Данные исследования анализировались по более 200 психодиагностическим параметрам. Их обработка проводилась с помощью пакета «STATISTICA».

Исследование проводилось поэтапно в течение 2001–2007 годов.

Общую **выборку** в исследовании составили 228 женщин в возрасте 35–59 лет, жители г. Кемерово и Кемеровской области. Средний возраст респонденток составил 41,2 года. Среднее количество детей у исследуемых женщин 1,3 ребенка. Выборка формировалась исходя из типов родительских семей респонденток. В их числе были выходцы из неполных родительских семей вдов, одиноких матерей и разведенных женщин. Контрольную группу составили представительницы полных родительских семей. Помимо деления выборки по критерию типа родительской семьи женщины, для исследования влияния семейной ситуации самой исследуемой женщины на ее представления о лицах противоположного пола группы дополнительно дифференцировались по признаку замужество / незамужество женщины.

Из неполных родительских семей вышли 64,9 % (148 человек), в том числе: из семей, образовавшихся в результате развода – 32,9 % (75 женщин), из семей вдов – 18,0 % (41 женщина), из семей одиноких матерей – 14,0 % (32 женщины). Контрольную группу составили представительницы полных родительских семей – 35,1 % всей выборки (80 человек).

По семейному статусу респондентки выглядели следующим образом: замужних – 30,7 % (70 женщин); остальную часть 158 человек (69,3 %) составили: находящиеся в разводе – 41,2 % (94 женщины), вдовы – 14,0 % (32 женщины) и одинокие матери – 14,0 % (32 женщины).

Изложение и обсуждение результатов исследования:

1. Исследование ценностей «счастливая семейная жизнь» и «взаимная любовь», а также представлений о степени и возможности реализации этих ценностей у женщин из неполных родительских семей разного типа проводилось с использованием методики М. Рокича в адаптации С. Р. Пантилеева. С помощью биномиального критерия были выявлены статистически значимые различия в представлениях о степени и возможности реализации этих ценностей у исследуемых групп женщин. Результаты исследования представлены в таблицах 1 – 3 и рисунке 1.

Полученные данные свидетельствуют о том, что взаимная любовь и счастливая семейная жизнь за-

нимают главное место в иерархии жизненных ценностей всех исследуемых категорий женщин, а представления о возможности реализации этих ценностей значимо различаются у групп респонденток из разных типов родительских семей. Наибольший оптимизм был выявлен в представлении о степени и возможности реализации ценностей взаимной любви и счастливой семейной жизни у респонденток из полных родительских семей, а наибольший пессимизм – у групп дочерей вдов и одиноких матерей, что вполне логично, имея ввиду пример неустойчивости семейной жизни матерью-одиночкой и потерю отца по независящим от матери причинам в семье матери-вдовы.

Дочери разведенных женщин значимо оптимистичнее оценили свои возможности в реализации ценности взаимной любви по сравнению с дочерьми вдов и одиноких матерей ($p < 0,0043$). Они также значимо оптимистичнее оценили свои возможности и в реализации ценности счастливой семейной жизни по сравнению с дочерьми одиноких матерей, которые пессимистичнее оценили свои возможности в этом, выбирая значимо чаще вариант ответа: «Хотела бы, но вряд ли смогу» ($p < 0,1$). В то же время счастливая семейная жизнь имеет для них большую ценность. Никто из них не выбрал вариант ответа «Этого нет в моих планах», говоря о счастливой семейной жизни.

Таблица 1

Представление о степени и возможности реализации ценности взаимной любви у исследуемых женщин из полных и неполных родительских семей

<i>Ценность взаимной любви, степень ее реализованности и оценка возможности ее реализации у исследуемых женщин</i>	<i>Тип родительской семьи</i>		<i>Уровень значимости отличий</i>
	<i>полная (%)</i>	<i>неполная (%)</i>	
<i>Этого не было в планах (0)</i>	<i>1,26582</i>	<i>5,92593</i>	<i>0,038</i>
<i>Хотели бы, но считают, что вряд ли смогут этого добиться (1)</i>	<i>24,05063</i>	<i>23,70370</i>	
<i>Пока не добились, но считают, что это вполне им по силам (2)</i>	<i>56,96203</i>	<i>37,03704</i>	<i>0,0022</i>
<i>Считают, что уже этого добились (3)</i>	<i>17,72152</i>	<i>33,33333</i>	<i>0,0087</i>

Таблица 2

Средние значения оценок возможности реализации ценности взаимной любви исследуемыми женщинами из разного типа неполных родительских семей

<i>Тип неполной родительской семьи</i>	<i>Средний уровень оценок</i>
Развод родителей	2,208333
Вдовство матери	1,775000
Одинокая мать	1,608696

Таблица 3

**Основные результаты однофакторного дисперсионного анализа средних оценок
возможности реализации ценности взаимной любви трех групп респондентов
из неполных родительских семей разного типа**

<i>Число степеней свободы фактора</i>	<i>Сумма квадратов отклонений, вызванная действием фактора</i>	<i>Число степеней свободы случайной составляющей</i>	<i>Сумма квадратов отклонений, вызванная действием случайного фактора</i>	<i>Статистика Фишера</i>	<i>Уровень значимости</i>
3	2,941567	215	0,65	4,518603	0,004288

Таблица 4

**Представления о степени и возможности реализации ценности счастливой семейной жизни
у исследуемых групп женщин в зависимости от типа их родительских семей**

<i>Ценность счастливой семейной жизни, степень ее реализованности и оценка возможности ее реализации у исследуемых групп женщин</i>	<i>Тип родительской семьи</i>		<i>Тип неполной родительской семьи</i>			<i>Уровень значимости отличий</i>
	<i>полная (%)</i>	<i>неполная (%)</i>	<i>развод (%)</i>	<i>вдовство (%)</i>	<i>одинокая мать (%)</i>	
Этого не было в планах	1,26582	4,37956	5,47945	4,87805	0	
Хотели бы, но считают, что вряд ли смогут этого достичь	20,25316	21,16788	15,06849	26,82927	30,43478	0,1
Пока не достигли, но считают, что это вполне им по силам	58,22785	39,41606	38,35616	34,14634	52,17391	0,0035
Считают, что уже этого достигли	20,25316	35,03650	41,09589	34,14634	17,39130	0,0099; 0,04

Женщины из *полных родительских семей* значительно оптимистичнее оценили свои возможности в реализации ценности взаимной любви ($p < 0,0022$) и счастливой семейной жизни ($p < 0,0035$) по сравнению с женщинами из *неполных родительских семей* в целом, выбирая статистически чаще вариант ответа «Пока не добилась, но это вполне по силам».

2. Исследование представлений не состоящих в браке женщин из *неполных родительских семей* о перспективах во взаимоотношениях с мужчинами и своей личной жизни осуществлялось с использованием методики «Автобиография» («Я через 5 лет») Г. Оллпорта и М. Гиллеспи.

Результаты исследования представлены в таблице 5 и свидетельствуют в целом о достаточно пес-

симистическом характере представлений исследуемых групп женщин о перспективах во взаимоотношениях с мужчинами в сфере личной жизни: 17,6 % – 30,1 % респонденток этой группы (в зависимости от принадлежности к тому или иному типу родительской семьи) рассчитывают вступить в официальный брак, а 41,7 % – 63 % исследуемых считают, что ситуация их личной жизни (незамужество) не изменится, особенно дочери вдов (63 %). Это означает наличие рассогласования у исследуемых групп женщин ценности «счастливая семейная жизнь» и ее доступности.

Таблица 5

**Представления не состоящих в браке женщин из полных и неполных родительских семей
о перспективах во взаимоотношениях с лицами противоположного пола
и своей личной жизни на ближайшие 5 лет**

<i>Возможные перспективы личной жизни</i>	<i>Тип родительской семьи</i>		<i>Тип неполной родительской семьи</i>			<i>Уровень значимости</i>
	<i>полная</i>	<i>неполная</i>	<i>развод</i>	<i>вдовство</i>	<i>одинокая мать</i>	
<i>Ситуация личной жизни останется той же (не замужем)</i>	58,7301	51,25000	41,6666	62,96296	52,94118	0,06
<i>Будут жить в новом гражданском браке</i>	11,1111	26,25000	30,5555	18,51852	29,41176	0,0117
<i>Выйдут замуж (официальный брак)</i>	30,1587	22,50000	27,7777	18,51852	17,64706	0,1

Тем не менее выявлены значимые различия в представлениях о перспективах личной жизни между группами женщин из полных и неполных родительских семей разного типа:

Группа не состоящих в браке женщины из полных родительских семей (контрольная группа) проявила значимо больше оптимизма в оценке перспектив своего замужества в сравнении с группой женщин из неполных родительских семей. Респондентки из полных родительских семей значимо чаще представительниц неполных родительских семей рассчитывают вступить в официальный брак в ближайшие 5 лет (30,15 % против 22,5 % при $p < 0,1$), а среди представительниц неполных родительских семей – *дочери разведенных женщин* – значимо чаще представительниц других типов неполных родительских семей рассчитывают в будущем на официальный брак (27,77 % против 18,5 % и 17,64 % при $p < 0,06$), тогда как дочери одиноких матерей проявляют пессимизм в оценке перспектив своей личной

жизни и в большей мере рассчитывают лишь на гражданский брак. Дочери вдов в равной степени рассчитывают на официальный и гражданский брак, но большинство из них все-таки считают, что ситуация их незамужества не изменится.

3. Исследование представлений замужних женщин из неполных родительских семей о перспективах брака, ожиданий в изменении семейной ситуации проводилось с помощью методики «Автобиография» («Я через 5 лет») Г. Оллпорта и М. Гиллеса. Результаты исследования представлены в таблице 6 и говорят о том, что большинство исследуемых замужних женщин (64,1 % – 73,7 % в зависимости от типа родительской семьи) рассчитывают в ближайшие 5 лет сохранить имеющийся брак, а если и поменять семейную ситуацию, то не на одиночество, а на новый брак, в том числе на так называемый гражданский.

Таблица 6

Представления состоящих в браке женщин из полных и неполных родительских семей разного типа о перспективах сохранения своего брака и перспективах своей личной жизни в случае развода

Варианты перспектив семейной ситуации исследуемых групп женщин	Тип родительской семьи		Тип неполной родительской семьи			Уровень значимости
	<i>полная</i>	<i>неполная</i>	<i>развод</i>	<i>вдовство</i>	<i>одинокая мать</i>	
Семейное положение останется тем же	64,1025	69,92481	69,0140	73,6842	66,66667	
Развод не планируют, но в случае развода рассчитывают на гражданский брак	10,2564	16,54135	16,9014	13,1578	20,83333	0,07
Развод не планируют, но в случае развода рассчитывают на новый официальный брак	24,3589	13,53383	14,0845	13,1578	12,50000	0,02
Планируют развод	1,28205	0				

Дочери вдов в большей степени по сравнению с представительницами других типов родительских семей рассчитывают свой брак в течение ближайших 5 лет сохранить (73,68 %), а в случае развода – в равной степени рассчитывают на новое замужество и гражданский брак.

Дочери одиноких матерей в случае развода чаще рассчитывают на гражданский брак (20,83 % против 16,9 % и 13,16 % у дочерей разведенных и вдовых матерей соответственно).

Дочери разведенных матерей в меньшей степени, чем дочери вдов, рассчитывают на сохранение семейной ситуации и чаще их рассчитывают на гражданский брак, но реже дочерей одиноких матерей.

Женщины из полных родительских семей, выступающие в качестве контрольной группы, значимо чаще женщин из неполных родительских семей строят планы в случае развода на новый официальный брак (24,36 % против 13,53 % при $p < 0,02$).

Выводы

Обоснован теоретико-методологический подход к изучению проблемы представлений женщин о возможности реализации ценностей взаимной любви и счастливой семейной жизни в контексте влияния типа родительской семьи.

Выявлена роль семьи в формировании представлений о возможности реализации ценностей семьи, взаимной любви.

Установлено, что принадлежность женщины к определенному типу неполной родительской семьи обуславливает особенности ее представлений о возможности реализации ценностей семьи и взаимной любви в своей личной, семейной жизни. Это связано с переживанием ею ментального диссонанса ситуации неполноты семьи.

Выявлена связь между типом родительской семьи женщины, её семейным положением (состоит / не состоит в браке) и содержанием её представлений о будущей личной жизни.

Значимо более оптимистичны в своих представлениях о будущей личной жизни *состоящие в браке* женщины. Они в основном рассчитывают брак сохранить, а в случае развода, рассчитывают не на одиночество, а на вступление в официальный брак или проживание в гражданском браке, который набирает свою популярность как форма взаимоотношений мужчины и женщины.

Результаты, полученные в исследовании, имеют прогностический потенциал, необходимый для анализа тенденций в становлении сознания у представителей специфичных групп общества (неполных семей разного типа).

Объективная информация, полученная в ходе исследования, может лечь в основу разработки психологических тренингов и психокоррекционных программ, а также использоваться в практике семейного консультирования при работе с неполными семьями разного типа.

Литература

1. Амато, П. Р. Влияние развода и разногласий в браке на психологическое благополучие взрослых детей [Текст] / П. Р. Амато, Дж. Соболевски // Американский социологический периодический журнал. – 2001. – № 66. – С. 900 – 921.
2. Андреева, Г. М. Психология социального познания [Текст] / Г. М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 240 с.
3. Андреева, Т. В. Психология современной семьи [Текст]: монография / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2005. – 436 с.
4. Донцов, А. И. Концепция «социальных представлений» в современной французской психологии [Текст] / А. И. Донцов, Т. П. Емельянова. – М., 1987. – 128 с.
5. Дымнова, Т. И. Зависимость характеристик супружеской семьи от родительской [Текст] / Т. И. Дымнова // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 46 – 56.
6. Кречко, Е. П. Влияние развода и разногласий в браке родителей на психологическое благополучие взрослых детей [Текст] / Е. П. Кречко // Сибирский психологический форум «Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность»: материалы конференции. – Томск, 2003. – С. 160 – 164.
7. Московичи, С. Социальное представление: исторический взгляд [Текст] / С. Московичи // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3 – 18.
8. Хорни, К. Психология женщины [Текст] / К. Хорни // Собр. соч. в 3 т. – Т. 1. – М.: Смысл, 2006. – 240 с.
9. Юнг, К. Г. Брак как психологическое отношение [Текст] / К. Г. Юнг // Конфликты детской души. – М.: Канон, 1995. – С. 210–244.
10. Якимова, Е. В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80-х – 90-х годов [Текст]: научно-аналитический обзор / Е. В. Якимова. – М.: РАН ИНИОН, 1996. – 115 с.
11. Abric J., Cl. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction // Social representations / Ed. by R. M. Farr. S. Moscovici. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1984. – P. 168 – 183.
12. Farr, R. Social representations: a french tradition of research // J. for the theory of social behaviour. Spec. iss. – Oxford, 1987. – Vol. 17. – № 4. – P. 343 – 369.
13. Moscovici, S. Answers and questions / S. Moscovici // J. for the theory of social behaviour. Spec. illss. – Oxford, 1987. – Vol. 17. – № 4. – P. 513 – 529.

УДК 159.923-055.2→176

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЖЕНЩИН В СВЯЗИ С ИХ ОТНОШЕНИЕМ К СЕКСУАЛЬНО-РОЛЕВЫМ ИГРАМ Г. М. Авилов, Е. О. Самодумова

FEATURES OF VALUE-SEMANTIC SPHERE OF WOMEN IN CONNECTION WITH THEIR RELATION TO THE SEXUAL-ROLE GAMES G. M. Avilov, E. O. Samodumova

В данной статье представлена общая характеристика понятия «ролевая игра», сексуального поведения человека. Описан феномен сексуально-ролевых игр как отдельной составляющей интимной жизни человека. Рассматриваются особенности ценностно-смысловой сферы людей, практикующих сексуально-ролевые игры, на примере студентов КемГУ. На основании отношения к сексуально-ролевым играм было выделено четыре типа людей и описаны их особенности.

The summary: In given article the concept general characteristic «role game», sexual behaviour of the person is presented. The phenomenon of the sexual-role games, as separate making intimate human life is described. Features of value-semantic sphere of the people practising sexually role games, on an example of students of Kemerovo State University are considered. Four types of people have been allocated and their features are described on the basis of the relation to the sexual-role games

Ключевые слова: ролевая игра, этапы сексуальных отношений, сексуальное поведение, сексуально-ролевые игры, ценностно-смысловая сфера, «осознанно практикующие сексуально-ролевые игры», «стихийно практикующие сексуально-ролевые игры», «не признающие, что практикуют сексуально-ролевые игры», «осознанно не практикующие сексуально-ролевые игры».

Keywords: role game, stages of sexual relations, sexual behaviour, sexual-role games, value-semantic sphere, «consciously practising the sexual-role games», «spontaneously practising the sexual-role games», «not recognising that practise the sexual-role games», «consciously not practising the sexual-role games».

Определение понятий

Понятие «игра» используется в самых различных отраслях человеческого знания. Существует множество определений игры, как имеющих общий, очень широкий смысл, так и сводящих сущность игры к явлениям какого-либо одного уровня. Так, в биологии под играми животных понимают комплекс разнообразных поведенческих актов (преимущественно молодых животных), не имеющих утилитарного значения (действия с биологически нейтральными предметами и игровое общение животных, не приводящее к биологически значимым результатам). В теории управления и педагогике рассматривается деловая игра – форма воссоздания предметного и социального содержания профессиональной деятельности, моделирование систем отношений, характерных для данного вида практики. В философии под игрой понимается широкий круг деятельности животных и человека, противопоставляемой обычно утилитарно-практической деятельности и характеризующийся переживанием удовольствия от самой деятельности [3]. В культурологии игра – это основной источник и высшее проявление человеческой культуры, из которой проистекает всё многообразие человеческой деятельности. И наконец, в психологии игра – это форма деятельности в условных ситуациях, направленная на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры [2].

Собственно ролевая игра присуща, на наш взгляд, только человеку, поскольку предполагает осознание процесса игры. Человеческая игра в ходе онтогенетического развития из игры вообще становится собственно ролевой. В качестве основных структурных характеристик игры принято выделять следующие элементы:

- роли, взятые на себя играющими;
- игровые действия как средство реализации этих ролей;
- игровое употребление предметов, т. е. замещение реальных предметов игровыми, условными;
- реальные отношения между играющими;
- сюжет игры;
- содержание игры [2].

Один из классиков отечественной психологии Л. С. Выготский [1], рассматривает ролевую игру как ведущий тип деятельности детей дошкольного возраста и выдвигает гипотезу о психологической сущности развернутой формы ролевой игры. Приведем некоторые положения этой гипотезы:

1. Игру невозможно понять без понимания мотивов и потребностей ребенка. То, что ценно для младенца, практически не имеет ценности для дошкольника.

2. Игра возникает при столкновении в раннем детстве нереализуемых немедленно потребностей и тенденции к немедленной реализации желаний. Од-

нако это не значит, что игра возникает в результате каждого неудовлетворенного желания. Игра есть исполнение желаний, но не единичных, а обобщенных аффектов, которые чаще всего и не осознаются ребенком как таковые.

3. В игре ребенок оперирует значениями, оторванными от вещей, но опираясь на реальные действия. «Главное генетическое противоречие игры заключается в том, что в ней возникает движение в смысловом поле, но способ движения остается как во внешнем действии». В игре все внутренние процессы даны во внешнем действии.

4. Главным критерием выделения игровой деятельности ребенка из общей группы других его деятельностей Л. С. Выготский считает создание «мнимой ситуации» «закрывающейся в принятии ребенком на себя роли взрослого, и осуществление ее в создаваемой самим ребенком игровой обстановке», что «становится возможным на основе расхождения видимого и смыслового поля, появляющегося в дошкольном возрасте». Для «мнимой» ситуации характерен перенос значений с одного предмета на другой и действия, воссоздающие в обобщенной и сокращенной форме реальные действия в принятой ребенком роли взрослого.

5. Уже в самой мнимой ситуации заложены, хоть и неявно, правила. Игра ребенка всегда есть игра с правилами. Правила игры – это правила самоограничения и самоопределения.

6. Ещё одним существенным критерием выделения игровой деятельности является правило, ставшее аффектом. Удовольствие в игре связано с преодолением непосредственных побуждений, с подчинением правилу, заключенному в роли. Такие ситуации постоянно возникают в ходе игры.

7. Игра есть целевая деятельность ребенка. Цель – выиграть. Цель определяет аффективное отношение ребенка к игре. Цель должна быть довольно труднодостижимой, что достигается всё более сложными правилами.

8. Ведущим типом деятельности в дошкольном возрасте является игра. Она содержит в себе все тенденции развития. Игра источник развития и создает зоны ближайшего развития. «В игре ребенок всегда выше своего среднего возраста, выше своего обычного повседневного поведения; он в игре как бы на голову выше самого себя. Игра в конденсированном виде содержит в себе, как в фокусе увеличительного стекла, все тенденции развития; ребенок в игре как бы пытается сделать прыжок над уровнем своего обычного поведения». Игра реализует изменения потребностей и изменения сознания общего характера.

9. В школьном возрасте игра не умирает, а проникает в отношение к действительности. Она имеет свое внутреннее продолжение в школьном обучении и труде (обязательная деятельность с правилом).

Последний пункт позволяет распространить эти положения не только на игру детей, но и на игру людей вообще.

В ходе теоретического анализа понятия «игра» были выявлены основные признаки игры. Игра:

- свободная деятельность (по Й. Хейзинга [4]), которая осознается как «невзাপравду», вне повседневной жизни («мнимая ситуация» по Л.С. Выготскому [1]);
- может целиком овладеть играющим (Й. Хейзинга [4]);
- не преследует материального интереса, имеет собственный смысл (Й. Хейзинга [4]);
- совершается внутри намеренно ограниченного пространства и времени (Й. Хейзинга [4]);
- развивается по определенному сюжету; для игры нужно взять на себя некую роль, она проходит по правилам, которые являются центральным звеном выполняемой роли (Д. Б. Эльконин [5]);
- в игре символически реализовываются внутренние переживания, влечения, эмоции (Д. Б. Эльконин [5]);
- человеческая игра воссоздает социальные отношения. Игра вызывает к жизни социальные группировки, подчеркивающие своё отличие от остального мира (Й. Хейзинга [4], Д. Б. Эльконин [5]).

В ходе ролевой игры, как вида деятельности, можно выделить следующие этапы: процесс вовлечения в деятельность, процесс целеполагания, процесс проектирования действий, процесс осуществления действий, процесс анализа результатов действий и сравнение их с поставленными целями.

Отношения людей также рассматриваются некоторыми исследователями как процесс. В том числе и отношения между мужчиной и женщиной во всем их многообразии. В сексуальных отношениях мужчин и женщин по аналогии выделим следующие этапы: начальный этап (флирт), развитие отношений (соблазнение), этап реализации сексуальных потребностей и этап завершения отношений и анализа их результатов. В рамках предлагаемой работы мы остановили свое внимание на этапе реализации сексуальных потребностей в форме сексуально-ролевых игр.

Объектом нашего исследования являются сексуально-ролевые игры, предметом – особенности ценностно-смысловой сферы людей, практикующих сексуально-ролевые игры. Цель нашей работы: исследовать особенности ценностно-смысловой сферы людей, практикующих сексуально-ролевые игры.

Сексуальное поведение – сложное образование, его нельзя свести ни к физиологическим потребностям, ни к эмоциональным реакциям, ни к ситуативным воздействиям.

Человеческая сексуальность – выражение сексуального чувства и интимной близости между людьми, а также выражение идентичности через секс, под влиянием секса или основанное на сексе.

Сексуальность представляет собой движущую силу социальной активности человека, поскольку направлена на достижение не только сексуального удовлетворения, но и социально-психологического

состояния, обозначаемого как «счастье», повышение качества жизни. Сексуальность является фактором, побуждающим людей к совместному проживанию и деятельности, является движущей силой сближения и объединения людей, одной из основных составляющих семейной жизни и продления рода.

Долгое время вопросы сексуального поведения были под запретом. Табуированность данной темы приводила к сексуальной безграмотности. Сейчас положение изменилось. На сегодняшний день секс в общественном сознании – это уже не только способ продления рода, но и один из способов получения удовольствия. Значение сексуальных отношений в жизни людей возросло. Открыто обсуждаются те интимные вопросы, которые раньше были под запретом. Широкое признание получили, в том числе, приемы соблазнения и сексуально-ролевые игры.

Сексуально-эротический репертуар человечества весьма многообразен, в каждом обществе существует определенная, детерминированная отчасти физиологически, но главным образом культурно, последовательность сексуальных действий, соответствующих разным степеням интимности: поцелуи, прикосновения к разным частям тела, половой акт. Чем больше запрета лежит на действии, тем оно интимнее, причем мужские и женские критерии дозволенного интимного поведения не всегда совпадают. Большей частью мужчина первым обследует женское тело, а некоторые формы интимности допускаются только после полового акта. Нарушение неписаной нормативной последовательности действий может натолкнуться на отпор или вызвать отрицательные эмоции.

Сексуальные ласки, игры и прикосновения могут быть самыми различными.

Игровой компонент в отношении к действительности пронизывает всю активность человека, но некоторые ее виды становятся серьезными и не признают своего родства с игрой, другие, такие как сексуально-ролевые игры, несут в себе игру как отражение бытия жизни и без творческой составляющей умирают, превращаясь в фарс или насилие.

Сексуально-ролевая игра происходит только по доброй воле. Иначе это или насилие или перверсия.

Сексуально-ролевая игра целиком овладевает сознанием играющих, подчиняя порой себе всю ценностно-мотивационную структуру личности.

Сексуально-ролевая игра имеет собственный смысл. Она совершается ради удовольствия и для более полного взаимопонимания.

Люди, играющие в сексуально-ролевую игру погружаются в созданный ими мир фантазий, но игровые правила, среди которых могут быть довольно необычные, не действуют вне территориальных и временных рамок этих игр.

Сексуально-ролевая игра это игра, в основе которой лежат биологические потребности особей данного вида. Сюда можно отнести любопытство, стремление к новизне и т. д. Сексуально-ролевые игры – это вспомогательные условия прелюдий полового контакта, которые помогают оживить наскучившие сексуальные отношения с партнером.

Другая часть правил данной игры обусловлена социальными и культурными нормами данного общества. Так, социальные запреты на сексуальные отношения в некоторых ситуациях могут породить сексуальные игры с сюжетом, реализующим запретные желания. Ролевые игры в интимных отношениях появились с развитием консерваторских принципов в обществе как сигнал особого рода, обеспечивающий передачу партнерше или партнеру тайных желаний. Все то, от чего «в жизни» пришлось отказаться или что реализовать весьма сложно, стало сюжетом для сексуальных ролевых игр. Сексуально-ролевые игры как один из компонентов интимной жизни людей помогают реализовать тайные фантазии, преодолеть те запреты, которые ставит общество, выразить себя с другой, новой стороны, разнообразить и улучшить отношения с партнером. Игры – это своеобразное зеркало души, потаенных желаний и прекрасная возможность для познания себя. Выудив из собственного сознания образы и фантазии, человек может спросить себя: почему мне нравится именно эта роль? Такое поведение? В результате лучше понять себя, свои желания.

Третья часть правил возникает в процессе конкретного взаимодействия, эти правила определяются социальными, экономическими, политическими, культурными особенностями ситуации, возрастными и личностными характеристиками партнеров и т. п. Эту часть правил играющие устанавливают сами: они предлагают свои правила и согласовывают или угадывают правила предлагаемые партнером. В итоге люди, вовлеченные в сексуально-ролевую игру, переживают ощущение некоторой общности: слова и жесты оказываются наполнены тайным смыслом, непонятным для других. Чаще всего они не стремятся объяснить этот смысл окружающим и на этом основании оказываются отграничены от остального мира.

Сексуальная ролевая игра может быть определена как разновидность ролевых игр с ярко выраженным сексуальным уклоном. В сексуальной ролевой игре принимают участие два и более сексуальных партнера. При проведении сексуально-ролевых игр партнеры выбирают для себя определенный сценарий, роли, продумывают антураж и детали (где и когда это будет происходить, что говорить, как себя вести, во что быть одетыми), кроме того, любая сексуальная игра имеет свои гласные и негласные правила, которые устанавливают: что можно и что нельзя делать.

Сексуальные ролевые игры могут быть самыми различными и подразделяться на различные смысловые группы:

Костюмированные игры. Такими, условно говоря, могут считаться даже эксперименты с фасоном и цветом нижнего белья. Правда, сразу надо оговориться, что не все мужчины обращают пристальное внимание на нижнее белье партнерши. Однако, если специально акцентировать на этом внимание, можно сделать «бельевой момент» интересным для обеих сторон. Еще одним аспектом данного вида сексуально-ролевых игр является возможность переоде-

вания в некоторую форму. Например, костюм медсестры, горничной, военной форма и т. д.

Костюмированно-ситуационные игры. Игры, в которых костюм (белье, атрибуты, имидж) сочетается с определенной игровой ситуацией. Например, игра в ту или иную профессию.

Ситуативные игры. Воплощение различных ситуаций психологического плана. Например, игра в тайных любовников.

Экстремальные сексуальные игры. Эти игры притягивают любителей адреналина в жизни и в интимной сфере. Связывание, доминирование, садизм и мазохизм (БДСМ-практика) приносят в интимные отношения еще больше остроты. Например, более мягким вариантом экстремальных сексуальных игр может стать простое связывание рук партнера (партнерши) обычной веревкой. Многие из таких игр завязаны на актив и пассив, когда один из партнеров играет доминирующую роль, а другой пассивную.

Таким образом, мы видим, что сексуально-ролевые игры известны человечеству с древнейших времен. Стало быть, они выполняют какие-то важные функции в сексуальной жизни человека.

На основе теоретического анализа мы выявили следующие функции сексуально-ролевых игр (список которых может быть расширен и уточнен в дальнейшем):

- сексуально-ролевые игры помогают разнообразить и улучшить сексуальную жизнь человека;
- позволяют воплотить в реальность свои фантазии;
- дают возможность открыть в себе и партнере новые грани переживаний и новые возможности отношений;
- помогают преодолеть запреты общества;
- сексуально-ролевые игры помогают оттачивать мастерство общения.

Мы предполагаем, что существуют особенности ценностно-смысловой сферы женщин в связи с их отношением к сексуально-ролевым играм.

Ценностно-смысловая сфера является важнейшим компонентом структуры личности. Усваиваясь индивидуальным сознанием, ценности и смыслы, с точки зрения психологии, интересны не столько как универсальные категории, сколько как детерминанты, лежащие в основе выбора жизненного пути, определяющие поведение человека. Ценностно-смысловая сфера, по мнению ряда авторов, представляет собой базовое ядро личности и включает в себя два компонента – личностные ценности и систему личностных смыслов, отражающую личностные особенности смыслового понимания. Оба компонента имеют прямое отношение к изучению человеческого поведения и побуждений и неразрывно связаны друг с другом.

Методы исследования

Так или иначе игра присутствует в жизни и отношениях каждого человека. В ходе исследования мы столкнулись с вопросом: «Как отделить в интимных отношениях секс как таковой от сексуально-

ролевых игр?» Для выделения сексуально-ролевых игр как отдельной составляющей интимной жизни людей мы предлагаем следующие критерии.

Субъективный критерий – признание или отрицание человеком наличия в своей интимной жизни сексуально-ролевых игр. Данный критерий отражает содержание одного из аспектов идентичности личности: представление о себе как о практикующем сексуально-ролевые игры или нет. В исследовании этот критерий проверяется прямым вопросом «Практикуете ли Вы сексуально-ролевые игры?»

Объективный критерий – критерий деятельности. Сексуально-ролевые игры являются видом деятельности человека, которая, как и всякая деятельность, имеет фазу планирования, подготовки, реализации и извлечения опыта. Следующие варианты ответа на вопрос «Что Вы используете при проведении сексуально-ролевых игр?» расценивались нами как признаки планирования и подготовки данного вида деятельности: «продумывание сюжета/ сцена-

рия игры», «одежда (халат медсестры, форма)», «садо-мазо атрибутика (приспособления для связывания, бичевания, фетиш-атрибутика)» и «специализированные настольные игры (карты, кубики)».

Мы предполагаем, что, в зависимости от своих личностных характеристик, а в частности, ценностных установок как регулятора деятельности, человек может относить себя к практикующим или не практикующим сексуально-ролевые игры вне зависимости от наличия объективных признаков.

Также, несмотря на субъективное признание наличия в своей сексуальной жизни сексуально-ролевых игр, объективный фактор их наличия может быть сведен к минимуму, то есть игра случается стихийно, без достаточной фазы подготовки и необходимых для неё элементов.

Таким образом, по отношению к сексуально-ролевым играм людей можно разделить на 4 типа. Их описание представлено в таблице 1.

Таблица 1

Описание типов людей по отношению к сексуально-ролевым играм

	<i>Субъективный (+)</i>	<i>Субъективный (–)</i>
Объективный (+)	1). <i>Осознанно практикующие сексуально-ролевые игры.</i> Данная группа людей субъективно признают наличие сексуально-ролевых игр в своей жизни, а также уделяют время их подготовке, используют определенные элементы, необходимые для их проведения, такие, как одежда, садо-мазо атрибутика, специализированные настольные игры, продумывание сюжета игры и т. д.	3). <i>Не признающие, что практикуют сексуально-ролевые игры.</i> Члены данной группы отрицают наличие в своей интимной жизни сексуально-ролевых игр. Однако в ней присутствуют объективные факты, свидетельствующие о подготовке к сексуально-ролевым играм (одежда, садо-мазо атрибутика, продумывание сюжета игры и т. д.)
Объективный (–)	2). <i>Стихийно практикующие сексуально-ролевые игры.</i> Данная группа идентифицирует себя как практикующих сексуально-ролевые игры, но при этом игра чаще случается стихийно, либо без подготовки к ней, либо с минимальной подготовкой.	4). <i>Осознанно не практикующие сексуально-ролевые игры.</i> Данная группа характеризуется отрицанием игрового компонента в своей сексуальной жизни, что подтверждается отсутствием объективных признаков практики сексуально-ролевых игр.

В соответствии с целью и задачами работы нами было проведено эмпирическое исследование особенностей ценностно-смысловой сферы студентов, практикующих сексуально-ролевые игры. Исследование проходило в апреле-мае 2010 года. В нем принимало участие 56 студентов 4 курса КемГУ в возрасте от 20 до 23 лет, все девушки. Выборка была разделена на четыре группы: «люди, осознанно практикующие сексуально-ролевые игры»; «стихийно практикующие»; «не признающие, что практикуют» и «осознанно не практикующие».

Для исследования ценностно-смысловой сферы нами использовались следующие методики:

1) методика изучения ценностных ориентаций личности М. Рокича, адаптированная А. А. Гоштаутасом, А. А. Семеновым, В. А. Ядовым и модифицированная Д. А. Леонтьевым;

2) методика смысловых ориентаций (СЖО), созданная на базе теста «Цель в жизни»

(Purpose-in Life Test, сокращенно PIL) Дж. Крамбо и Л. Махолика, разработанного на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В. Франкла. Отечественная версия PIL, названная тестом осмысленности жизни (ОЖ), была разработана и адаптирована Д. А. Леонтьевым;

3) методика изучения типов ценностных ориентаций испытуемых Р. Инглхарта, модифицированная М. С. Яницким.

Для изучения предпочтения сексуально-ролевых игр нами была разработана анкета, включающая 20 вопросов.

Для обработки первичных данных, полученных по вышеперечисленным методикам, мы использовали методы математической статистики (парное сравнение данных по t-критерию Стьюдента и однофакторный анализ).

Обсуждение результатов

В ходе сравнительного анализа групп, выделенных по отношению к сексуально-ролевым играм, был обнаружен ряд особенностей, некоторые из них представлены в таблицах 2, 3, 4 и 5.

В первых двух группах наиболее предпочитаемыми являются ситуативные сексуально-ролевые игры. Представители третьей группы предпочитают костюмированные игры, однако не остаются без внимания костюмировано-ситуационные игры как и в первых двух группах. Экстремальные сексуально-ролевые игры не практикует никто из респондентов.

Представители группы «Осознанно практикующие» наиболее активны в использовании дополнительных атрибутов при проведении сексуально-ролевых игр. Наиболее используемыми являются: эротическое белье, одежда, еда, продумывание сюжета. Испытуемые из второй и третьей групп чаще всего используют эротическое белье и еду, в третьей группе также используется одежда. Использование эротического белья и еды видимо не воспринимается испытуемыми как практика сексуально-ролевых игр, что подтверждает наши теоретические выводы.

Таблица 2

**Распределение ответов испытуемых на вопрос
«Какие сексуально-ролевые игры Вы предпочитаете?» в выделенных группах**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Осознанно практикующие (1)</i>	<i>Стихийно практикующие (2)</i>	<i>Не признающие, что практикуют (3)</i>	<i>Осознанно не практикующие (4)</i>
Экстремальные	0,00	0,00	0,00	0,00
Ситуативные	72,22	66,67	0,00	6,67
Костюмированно-ситуационные	50,00	33,33	50,00	0,00
Костюмированные	44,44	16,67	100,00	0,00

Таблица 3

**Распределение ответов испытуемых на вопрос
«Что Вы используете при проведении сексуально-ролевых игр?» в выделенных группах**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Осознанно практикующие (1)</i>	<i>Стихийно практикующие (2)</i>	<i>Не признающие, что практикуют (3)</i>	<i>Осознанно не практикующие (4)</i>
Эротическое белье	83,33	100,00	100,00	10,00
Одежда	55,56	0,00	100,00	0,00
Еда	50,00	50,00	100,00	20,00
Продумываете сюжет	55,56	0,00	0,00	0,00
Садо-мазо атрибутика	5,56	0,00	0,00	0,00
Средства дополнительной стимуляции	5,56	16,67	0,00	0,00
Секс-мебель	0,00	0,00	0,00	0,00
Специализированные настольные игры	11,11	0,00	0,00	0,00

Таблица 4

**Распределение ответов испытуемых на вопрос
«Что Вас привлекает в сексуально-ролевых играх?» в выделенных группах**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Осознанно практикующие (1)</i>	<i>Стихийно практикующие (2)</i>	<i>Не признающие, что практикуют (3)</i>	<i>Осознанно не практикующие (4)</i>
Помогают разнообразить отношения	66,67	100,00	100,00	56,67
Позволяют преодолеть те ограничения, которые ставит общество	22,22	33,33	0,00	6,67
Воплощают в реальность сексуальные фантазии	72,22	33,33	50,00	23,33
Положительные эмоции, удовольствие	83,33	83,33	100,00	40,00
Дают возможность партнерам узнать друг друга с новой стороны	55,56	83,33	50,00	30,00

Во второй, третьей и четвертой группах наиболее привлекательным в сексуально-ролевых играх является то, что они помогают разнообразить отношения. Для представителей первой группы наиболее важным является возможность получения положительных эмоций и удовольствия, это же отмечается и в остальных трех группах. Наименее привлекательным фактором для всех групп является то, что сексуально-ролевые игры позволяют преодолеть те ограничения, которые ставит общество. В целом же ответы представителей разных групп довольно схожи, в том числе и группы «Осознанно не практикующих». Полученные данные свидетельствуют, что некоторая потребность в сексуально-ролевых играх, некий интерес есть у всех групп испытуемых.

Анализ представленных в таблице 5 данных показывает, что наибольший разброс мнений встречается в четвертой группе, однако чаще всего респонденты заявляют о том, что они ещё «не обсуждали это со своим партнером». Также данная причина является наиболее распространенной и в остальных группах. Этот факт подтверждает мысль о том, что сексуально-ролевые игры социальны по своей природе, как и любые игры: т. е. для их реализации необходим другой человек. При этом по результатам анкетирования большинство испытуемых (82 % от

давших ответ на этот вопрос) практикуют сексуально-ролевые игры именно со своим постоянным партнером.

Представители первой группы в качестве причин, отталкивающих от практики сексуально-ролевых игр отмечали следующие: «большие затраты времени», «жестокость и боль» (в ответе «другое»).

Резюмируя приведенные данные, мы видим, что представители первой группы больше предпочитают ситуативные и костюмированно-ситуационные сексуально-ролевые игры. Они наиболее активны в использовании дополнительных атрибутов при проведении сексуально-ролевых игр. Наиболее используемыми являются: эротическое белье, одежда, еда, продумывание сюжета. При проведении сексуально-ролевых игр наиболее привлекательным является возможность получения положительных эмоций и удовольствия, а также воплощение в реальность сексуальных фантазий и возможность разнообразить отношения. В качестве причин, отталкивающих от практики сексуально-ролевых игр, испытуемые отмечают следующие: «мы это еще не обсуждали», «большие затраты времени», «жестокость и боль».

Таблица 5

**Распределение ответов испытуемых на вопрос
«Что Вас отталкивает в сексуально-ролевых играх?» в выделенных группах**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Осознанно практикующие (1)</i>	<i>Стихийно практикующие (2)</i>	<i>Не признающие, что практикуют (3)</i>	<i>Осознанно не практикующие (4)</i>
Считаю это безнравственным	0,00	0,00	0,00	6,67
Моим отношениям это не нужно	0,00	0,00	0,00	23,33
Мой сексуальный партнер против	0,00	0,00	0,00	6,67
Мы это еще не обсуждали	11,11	33,33	100,00	36,67
Для меня это не приемлемо	0,00	16,67	0,00	13,33
Другое	11,11	0,00	0,00	0,00

Наиболее предпочитаемыми видами сексуально-ролевых игр во второй группе являются ситуативные и костюмированно-ситуационные. При проведении сексуально-ролевых игр чаще всего используется эротическое белье, еда и средства дополнительной стимуляции. Больше всего в сексуально-ролевых играх представителей данной группы привлекает возможность разнообразить отношения, получить положительные эмоции и узнать партнера с новой стороны. Как фактор, отталкивающий от сексуально-ролевых игр, чаще всего отмечался ответ «мы это ещё не обсуждали».

Наибольшее предпочтение представители третьей группы отдают костюмированным сексуально-ролевым играм. Во время сексуально-ролевых игр используется эротическое белье, одежда и еда. Наи-

более привлекательным в сексуально-ролевых играх члены данной группы считают то, что они позволяют разнообразить отношения и получить положительные эмоции, удовольствие. В качестве причин, отталкивающих от практики сексуально-ролевых игр отмечали: «Мы это ещё не обсуждали».

У представителей четвертой группы нет каких-либо предпочтений в отношении сексуально-ролевых игр, за исключением выбора ситуативных игр, однако и этот показатель является очень низким. Наиболее привлекательным в сексуально-ролевых играх в этой группе является возможность разнообразить отношения и получение положительных эмоций, удовольствия. Наиболее распространенные причины, по которым сексуально-ролевые игры отталкивают членов данной группы, это отсут-

ствие обсуждения этой темы с партнером, отсутствие необходимости в сексуально-ролевых играх для отношений и неприемлемость их для человека.

Для проверки гипотезы о том, что существуют статистически значимые различия ценностно-смысловой сферы личности в разных группах нами

была проведена проверка данных, полученных по методике М. Рокича и СЖО по t-критерию Стьюдента. Сравнение групп по t-критерию показало наличие значимых различий между рядом показателей. Полученные данные представлены в таблице 6.

Таблица 6

**Усредненные показатели исследуемых параметров ценностно-смысловой сферы
в выделенных группах (только имеющие значимые различия)**

Признак	Осознанно практикующие (1)	Стихийно практикующие (2)	Не признающие, что практикуют (3)	Осознанно не практикующие (4)	Наличие достоверных отличий
<i>Ранги терминальных ценностей</i>					
Наличие хороших и верных друзей	6,22	9,83	6,50	6,50	1-2; 2-4
Познание	12,06	9,17	14,00	13,53	2-4
Развитие	9,61	6,17	10,50	9,73	2-4
Уверенность в себе	7,17	9,00	6,00	9,70	1-4
<i>Реализованность терминальных ценностей</i>					
Активная деятельная жизнь	64,11	81,67	40,00	59,30	2-3; 2-4
Жизненная мудрость	52,22	75,00	35,00	46,50	1-2; 2-3; 2-4
Любовь	63,11	91,67	45,00	69,07	2-3
Материально обеспеченная жизнь	47,17	75,00	45,00	49,67	1-2; 2-4
Общественное признание	57,50	80,00	50,00	58,23	1-2; 2-3; 2-4
Познание	74,67	81,67	65,00	61,60	2-4
Продуктивная жизнь	65,50	80,00	50,00	57,50	2-3; 2-4
Развитие	71,94	86,67	60,00	62,63	2-3; 2-4
Уверенность в себе	72,44	90,00	30,00	62,90	1-3; 2-3; 2-4
<i>Ранги инструментальных ценностей</i>					
Воспитанность	9,28	4,33	9,50	7,63	1-2
Рационализм	10,61	13,17	9,00	13,53	1-4
Твердая воля	7,11	12,67	13,00	9,00	1-2; 1-3
Чуткость	10,78	8,00	14,50	9,50	2-3
<i>Реализованность инструментальных ценностей</i>					
Воспитанность	80,89	93,33	75,00	79,13	2-4
Жизнерадостность	76,61	81,67	35,00	67,80	1-3; 2-3
Образованность	75,00	86,67	70,00	72,90	2-3; 2-4
Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	73,11	84,17	45,00	70,90	2-3; 3-4
Честность	77,17	95,00	60,00	76,00	2-4
Чуткость	71,67	88,33	55,00	79,60	2-3; 3-4
Эффективность в делах	69,17	86,67	70,00	64,63	2-4
<i>Показатели осмысленности жизни</i>					
Общий показатель осмысленности жизни	75,56	68,67	77,50	73,47	1-2; 2-4
Цели в жизни	27,22	23,33	29,00	26,17	2-4
Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни	27,11	26,00	33,00	25,67	1-3; 3-4

Как видно из таблицы, ценность «наличие хороших и верных друзей» достоверно более значима в первой и четвертой группах и менее значима во второй. Ценности «познание» и «развитие» более значимы во второй группе по сравнению с четвертой. «Уверенность в себе» достоверно более значима для представителей первой группы по сравнению с четвертой. Реализованность ценности «активная деятельная жизнь» достоверно более высокая во второй группе по сравнению с третьей и четвертой. Ценности «жизненная мудрость» и «общественное признание» более реализованы у членов второй группы в отличие от остальных. Реализованность ценности «любовь» достоверно выше во второй группе по сравнению с третьей. Во второй группе более реализована ценность «материально обеспеченная жизнь» в отличие от первой и четвертой. Ценность «познание» более реализована во второй группе по сравнению с четвертой. Ценности «продуктивная жизнь» и «развитие» больше реализованы во второй группе по сравнению с третьей и четвертой. Реализованность ценности «уверенность в себе» достоверно более высокая в первой группе по сравнению с третьей и во второй по сравнению с третьей и четвертой.

Ценность «воспитанность» более значима во второй группе в отличие от первой. «Рационализм» более значим для членов первой группы по сравнению с четвертой. Ценность «твердая воля» достоверно более значима в первой группе по сравнению со второй и третьей. «Чуткость» более значима для представителей второй группы в отличие от третьей. Реализованность ценностей «воспитанность», «честность» и «эффективность в делах» достоверно более высокая во второй группе по сравнению с четвертой. Реализованность такой ценности как «жизнерадостность» более высокая у представителей первой и второй групп в отличие от третьей. Ценность «образованность» более реализована во второй группе по сравнению с третьей и четвертой. Ценности «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» и «чуткость» больше реализованы у представителей второй и четвертой групп по сравнению с третьей.

Общий показатель осмысленности жизни первой и четвертой групп достоверно более высокий по сравнению со второй.

Показатели осмысленности целей в жизни достоверно отличаются у второй и четвертой групп. Осмысленность процесса жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни достоверно более высокие у представителей третьей группы по сравнению с первой и четвертой.

Итак, в ходе нашего исследования мы выявили, что для представителей группы «осознанно практикующих сексуально-ролевые игры» характерно то, что для них достоверно более значимо «наличие хороших и верных друзей», «уверенность в себе», «рационализм» и «твердая воля». Ценность «воспитанность» для них наоборот, менее значима, чем для представителей второй группы. Реализованность ценностей «уверенность в себе» и «жизнерадост-

ность» в первой группе более высокая. Ценности «материально обеспеченная жизнь», «жизненная мудрость» и «общественное признание» являются менее реализованными. У членов данной группы более высокий показатель осмысленности жизни. Осмысленность процесса жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни меньше по сравнению с третьей группой.

Данные нашего исследования показывают, что у представителей второй группы (стихийно практикующие) более значимыми ценностями являются следующие: познание, развитие, воспитанность и чуткость, менее значимыми: наличие хороших и верных друзей, твердая воля. Реализованность таких ценностей, как «активная деятельная жизнь», «жизненная мудрость», «общественное признание», «любовь», «материально обеспеченная жизнь», «познание», «продуктивная жизнь», «развитие», «уверенность в себе», «воспитанность», «честность», «эффективность в делах», «жизнерадостность», «образованность», «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» и «чуткость» более высокая. В целом самореализация членов данной группы наиболее высокая по сравнению с другими. Для них характерен более низкий показатель осмысленности жизни и более низкие показатели осмысленности целей в жизни.

Представители третьей группы (не признающие, что практикуют сексуально-ролевые игры) отличаются достоверно более низкой реализованностью таких ценностей, как «активная деятельная жизнь», «жизненная мудрость», «общественное признание», «любовь», «продуктивная жизнь», «развитие», «уверенность в себе», «жизнерадостность», «образованность», «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов», «чуткость». Ценности «твердая воля» и «чуткость» для них менее значима по сравнению с другими группами. Осмысленность процесса жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни более высокая у членов третьей группы.

Наше исследование показало, что для представителей четвертой группы (осознанно не практикующие) характерно следующее: для них достоверно более значима ценность «наличие хороших и верных друзей» по сравнению с другими группами, менее значимы такие ценности, как «познание», «развитие», «уверенность в себе», «рационализм». «Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов» и «чуткость» реализованы достоверно больше. Реализованность ценностей «активная деятельная жизнь», «жизненная мудрость», «общественное признание», «материально обеспеченная жизнь», «познание», «продуктивная жизнь», «развитие», «уверенность в себе», «воспитанность», «честность», «эффективность в делах», «образованность» в данной группе более низкая по сравнению с остальными. Общий показатель осмысленности жизни четвертой группы достоверно более высокий. Для этой группы характерны более высокие показатели в осмысленности целей жизни. Осмысленность процесса жизни или интерес и эмоциональная насы-

щенность жизни более низкие по сравнению с третьей группой.

Дисперсионный однофакторный анализ результатов, полученных в ходе нашего исследования, заключается в выявлении и изучении параметров, на

которые влияет отношение к сексуально-ролевым играм. Результаты факторного анализа представлены в таблице 7.

Таблица 7

Переменные, зависящие от типа отношения к сексуально-ролевым играм

<i>Фактор</i>	<i>Вероятность ошибки, р</i>
«Вы практикуете сексуально-ролевые игры со своим постоянным партнером?»	0,0000
«Допускаете ли в будущем для себя возможность практиковать сексуально-ролевые игры?»	0,0001
«Как Ваш партнер относится к сексуально-ролевым играм?»	0,0001
«Как Вы относитесь к сексуально-ролевым играм?»	0,0003
«Считаете ли Вы для себя допустимым анальный секс»	0,0475
«Считаете ли Вы для себя допустимым мастурбацию»	0,0113
«Считаете ли Вы для себя допустимым половой акт с двумя и более партнерами»	0,0416
«Считаете ли вы для себя допустимым садо-мазохистские формы сексуальных отношений»	0,0018
Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни	0,0097
Активная деятельная жизнь (реализованность ценности)	0,0378
Жизненная мудрость (реализованность ценности)	0,0349
Жизнерадостность (реализованность ценности)	0,0373
Твердая воля (ранг ценности)	0,0458
Уверенность в себе (реализованность ценности)	0,0050
Чуткость (реализованность ценности)	0,0292

Результаты дисперсионного однофакторного анализа говорят о том, что отношение к сексуально-ролевым играм влияет на выбор ответа в таких вопросах анкеты «Вы практикуете сексуально-ролевые игры со своим постоянным партнером?»; «Допускаете ли в будущем для себя возможность практиковать сексуально-ролевые игры?»; «Как Ваш партнер относится к сексуально-ролевым играм?»; «Как Вы относитесь к сексуально-ролевым играм?»; «Счи-

таете ли Вы для себя допустимым анальный секс»; «Считаете ли Вы для себя допустимым мастурбацию»; «Считаете ли Вы для себя допустимым половой акт с двумя и более партнерами» и «Считаете ли Вы для себя допустимым садо-мазохистские формы сексуальных отношений».

Данные, полученные по методике Р. Инглхарта, представлены в таблице 8.

Таблица 8

Распределение типов ценностных ориентаций испытуемых в выделенных группах

<i>Типы</i>	<i>Осознанно практикующие, в % (1)</i>	<i>Стихийно практикующие, в % (2)</i>	<i>Не признающие, что практикуют, в % (3)</i>	<i>Осознанно не практикующие, в % (4)</i>
Адаптирующийся	32,31	50,00	80,00	34,85
Социализирующийся	35,38	42,86	20,00	28,79
Индивидуализирующийся	4,62	0,00	0,00	3,03
Промежуточный	27,69	7,14	0,00	33,33

Распределение ценностных типов произошло в пользу адаптирующегося (ориентация на порядок, здоровье, материальный достаток) во второй, третьей и четвертой группах. Большая часть представите-

лей первой группы относится к социализирующемуся типу (ориентация на семью, карьеру, общественное признание), хотя часть респондентов данной группы, принадлежащей к адаптирующемуся и про-

межличностному типу ценностных ориентаций, также велика. В четвертой группе, кроме адаптирующегося ценностного типа, большую долю представителей занимает социализирующийся тип. Стоит отметить, что представители индивидуализирующегося типа (ориентация на ценности самореализации, свободы и терпимости) есть только в группах осознанно практикующих (1) и осознанно не практикующих сексуально-ролевые игры (4).

Отношение к сексуально-ролевым играм также влияет на отношение к инструментальной ценности «твердая воля», и на реализованность таких терминальных ценностей, как «активная деятельная жизнь»; «уверенность в себе» и «жизненная мудрость», и реализованность таких инструментальных ценностей, как «чуткость» и «жизнерадостность». Наконец, показатели осмысленности жизни по шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни».

Таким образом, нами выделены и описаны типы людей по отношению к сексуально-ролевым играм: «осознанно практикующие сексуально-ролевые игры»; «стихийно практикующие сексуально-ролевые игры»; «не признающие, что практикуют сексуально-ролевые игры» и «осознанно не практикующие сексуально-ролевые игры».

Существуют особенности ценностно-смысловой сферы личности практикующих сексуально-ролевые

игры: они иначе относятся к таким терминальным ценностям, как «наличие хороших и верных друзей», «познание», «развитие», «уверенность в себе», и к таким инструментальным, как «воспитанность»; «рационализм»; «твердая воля» и «чуткость». Нами также выявлено, что существуют достоверные различия в показателях осмысленности жизни.

Наше предположение о существовании особенностей ценностно-смысловой сферы женщин в связи с их отношением к сексуально-ролевым играм подтвердилось.

Литература

1. Выготский, Л. С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка / Л. С. Выготский // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – С. 65 – 79.
2. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – 494 с.
3. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Хейзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 352 с.
5. Эльконин, Д. Б. Психология игры. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ БРАКА И ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

К. Н. Белогай

THE PSYCHOLOGICAL TASKS OF THE MARRIAGE AND FACTORS OF THE STABILITY OF FAMILY RELATIONS

K. N. Belogai

В статье анализируются психологические задачи брака и факторы стабильности супружеских отношений. Акцент сделан на анализе отношений в функциональных семьях. В центре внимания автора проблемы по установлению семейных границ, эмоциональные и сексуальные аспекты супружества в гармоничных браках, задачи, стоящие перед супругами в кризисные периоды жизненного цикла семьи.

In the article the problem of the psychological tasks of the marriage and factors of the stability of family relations are discussed. Analysis of the functional families was given. In the center of author's attention such parameters of married relations as borders of family, emotional and sexual aspects of marriage, problems in the crisis periods of the cycle of the family.

Ключевые слова: психологические задачи брака, супружеские отношения, факторы стабильности супружеских отношений, функциональная семья.

Keywords: married relations, psychological tasks of the marriage, factors of the stability of family relations, functional family.

Проблеме стабильности брака посвящено в последние годы значительное число исследований. Например, начальная стадия жизни семьи может осложняться целым рядом факторов, связанных с мотивацией вступления в брак, особенностями прародительских семей и добрачного периода отношений. В первую очередь, осложняет этап адаптации неадекватная мотивация создания брака (например, семья создается из-за желания кого-то из супругов дис-

танцироваться от родительской семьи). Значительное расхождение в семейных традициях и происхождении супругов, разный состав родительских семей (один из супругов – единственный ребенок, другой вырос в многодетной семье) также не способствуют стабильности отношений на начальном этапе. Слишком близкое или слишком далекое проживание пары хотя бы от одной из родительских семей, материальная, физическая или эмоциональ-

ная зависимость пары от членов расширенной семьи усложняют процесс установления границ нуклеарной семьи. Отрицательно коррелируют с успешной адаптацией заключение брака в возрасте до 20 или после 30 лет, период ухаживания менее шести месяцев или свыше трех лет, свадьба в отсутствие членов семьи или друзей, беременность жены до свадьбы или в течение первого года после замужества. Негативные отношения одного из супругов с сводными или родителями; собственное несчастливое, по мнению хотя бы одного из супругов, детство или отрочество; нестабильность брачных паттернов в одной из расширенных семей также относятся к числу факторов, негативно влияющих на адаптацию к браку [7].

Для прогноза стабильности семейных отношений можно использовать концепцию оценки и прогнозирования брачного союза Г. С. Васильченко и Ю. А. Решетняк, согласно которой, в структуру общего брачного потенциала входят физический, материальный, культурный, сексуальный, психологический факторы. Физический фактор проявляется в том, что, независимо от пола, человек имеет безотчетную симпатию к одному человеку или антипатию к другому. В него включаются: физический облик (особенно лицо и фигура), тембр голоса, манера поведения, речь, мимика, манера одеваться, запах партнера. Физический фактор формируется при первых встречах и тесно связан с сексуальным фактором. Материальный фактор определяется вкладом партнера в материальный статус семьи и соответствием этого вклада ожиданиям партнера. Культурный фактор связан с соотношением культурных и интеллектуальных запросов и ценностей супругов, причем, он может меняться в течение жизни. Сексуальный фактор определяется соответствием программы интимной близости каждого из супругов их сексуальным ожиданиям. Он зависит от здоровья супругов, изменения сексуальности в течение жизни, соотношения мужской и женской сексуальности, сексуальной культуры каждого из супругов. Психологический фактор – это соотношение личностных особенностей обоих супругов, их характеров, ролевых притязаний, ценностных ориентаций. Взаимодействие указанных факторов определяет потенциал брака: если они единонаправлены, то способствуют сохранению союза [цит. по 1].

При изучении стабильности брака большинство исследователей супружеских отношений концентрируют внимание на неуспешных, дисфункциональных браках. Взаимоотношения гармоничных супружеских пар практически не рассматриваются. Чем же различаются функциональные и дисфункциональные семьи? С позиций системного подхода, функциональная семья – это та семья, которая справляется с поставленными перед ней внешними и внутренними задачами. Дисфункциональная семья соответственно – это та семья, которая с этими задачами не справляется. Как пишет А. Я. Варга, любая дисфункция может быть описана словами: «Хотим, но не можем». Например, хотим, чтобы ребенок был здоров и не можем этого достичь; хотим, чтобы ре-

бенок хорошо учился и не можем этого достичь; хотим жить хорошо и не можем этого достичь. Особенно ярко различия между функциональными и дисфункциональными семьями проявляются в кризисные периоды. Дисфункциональные семьи представляют собой ригидные системы, которые пытаются сохранить привычные стереотипы взаимодействия между элементами своих подсистем и другими системами. В результате этого могут блокироваться актуальные потребности самого «слабого» члена семьи (чаще – ребенка), и у него возникает какое-нибудь заболевание, отклонение в поведении или другой симптом [3].

Таким образом, наиболее существенное отличие гармоничного (функционального, стабильного) брака от дисфункционального состоит в способности супругов успешно справляться с возникающими внешними и внутренними задачами. Д. Валлерстайн в 90-е годы прошлого века провела интересное исследование, описывающее основные задачи брака и способы их решения в гармоничных парах. Отобранные для исследования пары не менее девяти лет состояли в зарегистрированном браке, имели хотя бы одного ребенка, и во всех парах оба супруга считали свой брак счастливым [2]. По данным, полученным в упомянутом исследовании, большинство супругов, имеющих гармоничный брак, не являются примером беззаботных людей, выросших в стабильных и любящих семьях. Из ста участников исследования только пятеро строили собственные супружеские отношения по модели своих родителей. При описании совместной жизни супруги говорят и о затраченных усилиях, финансовых проблемах, требованиях детей, сексуальных соблазнах вне семьи. Почти в каждом браке наступают моменты, когда один или оба партнера ставят под сомнение справедливость своего выбора. Но в то же время супруги испытывают ощущение, что позитивные моменты в их отношениях весомее, чем временные неурядицы. Они уважают, любят и принимают друг друга. Причем чувства зарождаются по-разному: в одних парах любовь возникает еще в период ухаживания, в других – вырастает в ходе семейной жизни. Общая оценка гармоничных супругов такова: брак – это работа, которая требует постоянного развития и внимания.

Все супружеские пары с гармоничными отношениями указывают на то, что они нашли баланс между индивидуальными потребностями и потребностями семьи. Подобный баланс имеет множество источников: ценности, разделяемые обоими супругами, опыт детских и отроческих лет, способность к эмоциональному созреванию, эмпатии, желание понять партнера.

Первой психологической задачей брака является отделение от прародительских семей, а в повторных браках – еще и от предыдущих супружеских отношений. Роли сына и дочери после заключения брака должны стать вторичными, уступив место ролям мужа и жены. Способность пары к близким и независимым отношениям во многом определяется тем, насколько каждому из супругов удалось стать само-

стоятельной личностью в родительской семье. Зачастую супруги формируют отношения псевдонезависимости от родительской семьи. М. Боуэн подчеркивает, что в этом случае супруг склонен дистанцироваться от родительской семьи, чтобы избежать сильных эмоциональных переживаний, однако неудовлетворенная потребность в близости заставляет интенсивно погрузиться в супружеские отношения. Когда напряжение в супружеских отношениях достигает определенного уровня, супруг может вновь эмоционально отдалиться. Таким образом, причиной нарушения эмоциональных отношений в паре может быть неразрешенная проблема тесных взаимоотношений одного из супругов с родительской семьей.

Следующая задача брака – это создание общности, взаимной идентификации с одновременным созданием границ, защищающих автономию каждого партнера. Центральной проблемой многих современных браков является именно постоянная напряженность из-за попыток сохранить баланс между общностью и автономией. Если двое находятся в слиянии друг с другом, то есть семья практически не имеет внутренних границ, они часто не способны нести ответственность за себя и свои взаимоотношения. При слиянии наблюдается непринятие различий в мыслях, чувствах, желаниях партнеров.

Слияние имеет место в том случае, когда, по мнению одного из супругов, партнер должен обеспечить его счастье, причем зачастую именно партнер считается виновником всех возникающих между супругами проблем. В таких семьях бытует следующая установка: если партнер изменится, все проблемы уйдут.

Оптимальным решением данной задачи является формирование способности свободно передвигаться между полюсами «индивидуализация – сопринадлежность». То есть супруги чувствуют себя принадлежащими паре, но не теряют своего «Я» и не испытывают вины или тревоги в случае сознательного присоединения или отделения друг от друга [цит. по 7].

Что касается любовных и сексуальных аспектов супружества, то любовь является одним из наиболее распространенных мотивов вступления в брак. В качестве родового понятия любовь охватывает достаточно широкий круг эмоциональных явлений, различающихся глубиной, силой, направленностью. Существует целый ряд концепций, описывающих любовные отношения, – Э. Фромма, В. Соловьева, Р. Стернберга. Остановимся подробнее на трехкомпонентной теории любви Р. Стернберга (см. рис. 1).

Первая составляющая любви – близость, интимность. Любящие чувствуют себя связанными друг с другом. Близость имеет несколько проявлений: радость по поводу того, что любимый человек рядом; желание сделать жизнь любимого человека лучше; желание оказать помощь в трудную минуту и надежда на то, что у любимого человека тоже имеется такое желание; обмен мыслями и чувствами, а также общие интересы.

Вторая составляющая любви – страсть. Она приводит к физическому влечению и к сексуальному поведению в отношениях. Хотя половые отношения здесь важны, но они не являются единственным видом потребностей. Сохраняется потребность в самоуважении, потребность получить поддержку в трудную минуту.

Рис. 1. Концепция любви Р. Стернберга

Между близостью и страстью соотношения неоднозначные: иногда близость вызывает страсть, в других случаях страсть предшествует близости. Бы-

вает и так, что близость не сопровождается страстью, а страсть – близостью.

Третья составляющая любви – обязательства, решение, ответственность. У нее есть кратковременный и долговременный аспекты. Кратковременный аспект отражается в решении о том, что конкретный человек любит другого, долговременный аспект – в обязательстве сохранять эту любовь [цит. по 5].

Исходя из соотношения трех компонентов любви, Р. Стернберг описал типологию любовных отношений. Однако описанные типы любви представляют собой полярные случаи. Большинство реальных любовных отношений попадает в промежуток между этими категориями.

Что касается экспериментальных исследований любовных аспектов супружеских отношений, большинство исследователей изучают то, что легче всего изучить, – реакции незнакомых людей друг на друга в ситуации кратковременного знакомства. Первое впечатление будущих супругов друг о друге имеет большое значение. Тем не менее продолжительные любовные отношения – это не просто интенсификация первоначального чувства. Большинство вступающих в брак полагают, что они руководствуются совершенной любовью. Однако нередки случаи, когда за таковую принимают банальное увлечение. Чаше всего бывает, что страсть в ходе супружеской жизни угасает. Показано, что страстная влюбленность может сохраняться в течение нескольких месяцев, иногда – нескольких лет, но рано или поздно чувство головокружительного «парения в облаках» сходит на нет. После двух лет брака супруги говорят о вдвое меньшей влюбленности друг в друга, чем в то время, когда они были молодоженами [6]. В первые пять лет супружества процент разводов самый высокий во всех мировых культурах. Если же супружеские отношения продолжаются, страсть перерастает в любовь-дружбу.

Охлаждение страстной любви зачастую приводит к разочарованиям, в особенности тех, кто считал такую любовь необходимой как для заключения брака, так и для его стабильности в дальнейшем. Однако в данном отношении существуют существенные различия, обусловленные культурой [6]. Например, в рамках индийского исследования обнаружилось, что те супруги, которые женились по любви, сообщили об угасании любовного чувства, если их брак продолжался более пяти лет. Те же, кто женились по расчету, напротив, отмечали усиление чувства любви, по сравнению с тем периодом, когда они были новобрачными.

В связи с этим важной задачей брака является выработка у супругов способности соединять воедино два образа супруга или супруги: идеализированный образ, сложившийся во время ухаживания, и реалистические изменения, происшедшие с самим человеком и его половиной в течение многих лет супружества. Эта задача очень сходна с задачей сохранения любви на протяжении жизненного пути, так как она обеспечивает психологический механизм сдерживания разочарований среднего и старшего возраста.

С одной стороны, супруги проходят этап деидеализации друг друга, а с другой стороны, способность сохранять в памяти образы юности, помогает удерживать влюбленность, прежнее сексуальное влечение друг к другу и гордость от того, что рядом с тобой живет такой удивительный человек.

Однако и здесь необходим баланс, так как при отсутствии чувства реальности брак может оказаться как бы в герметичной упаковке, стать оранжереей, в которой один или оба партнера живут воспоминаниями прошлого. Брачные отношения, которые почти не изменяются под влиянием перемен в обоих партнерах, могут ухудшить способности каждого из партнеров адекватно отвечать изменившимся потребностям второго члена пары.

С любовными аспектами супружества теснейшим образом связаны сексуальные отношения. Создание полноценных и приносящих радость сексуальных отношений и защита их от вторжений со стороны обязательств, связанных с другими ролями супругов, например родительскими, – еще одна важная задача брака. Гармоничные супружеские пары тратят значительные усилия для того, чтобы гарантировать себе личное время для совместного пребывания. Сексуальные отношения в браке (гораздо больше, чем случайные связи) нуждаются в приоритетном к ним отношении. Эмоционально богатая сексуальная жизнь является защитным фактором, так как делает семейную жизнь достойной жертв, которые требуются для сохранения брака.

Многие современные супруги считают полноценную сексуальную жизнь одним из условий прочного и счастливого брака. Под сексуальной гармонией супружеской (партнерской) пары понимается взаимная сексуально-поведенческая адаптация, характеризующаяся уровнем сексуального влечения и сексуальной активностью, соответствующими половой конституции и темпераменту обоих супругов (партнеров), соответствием мотивации сексуального поведения, мотивов полового акта каждого из них, что приводит к оптимальной суммации эротических ощущений, оргазму и полному психосексуальному удовлетворению.

Современный человек, независимо от пола, пытается показать, что он вполне компетентен во всем, в том числе и в интимных отношениях. Считается, что незнание, неумение или застенчивость, скованность – удел прошлых поколений. Однако, это не так. Длительные сексуальные отношения супругов отличаются от добрачных тем, что они более регулярны и накладываются на бытовые неурядицы. Изучение проблем развода подтверждает, что сексуальная жизнь партнеров является наиболее уязвимой частью взаимоотношений. Она чувствительна к кратким и длительным перерывам, связанным со стрессами на работе, рождением детей, возрастающими потребностями маленьких детей, неотлучным присутствием подростков, болезнями, депрессией, беспокойством, обычной усталостью. Она чрезвычайно чувствительна к событиям и переменам настроений, связанным со всеми сферами жизни отдельного человека и семьи в целом [1].

Ошибочно полагать, что благодаря уже имеющемуся сексуальному опыту, с которым люди вступают в брак, построение хороших сексуальных отношений является сравнительно простым делом. Сексуальная близость и в этом случае сопряжена с беспокойством, ощущением страха быть осмеянным, отвергнутым, покинутым, нелюбимым или, на более примитивном уровне, быть подавленным или подчиненным партнером. Кроме того, возникают новые причины для беспокойства. Как женщины, так и мужчины привносят в свои сексуальные отношения гораздо больше сложных ожиданий. Например, супруги могут получать гораздо большее сексуальное возбуждение в прошлых добрых связях, чем в предсказуемом семейном варианте [2].

Сексуальная жизнь семейной пары необязательно бывает насыщенной страстью в первые годы брака. Многие супруги отмечают возрастание удовольствия по мере получения успешного совместного опыта, например, с течением времени женщина может испытывать более интенсивные и частые оргазмы.

В то же время в развитии семьи существуют периоды, когда практически у всех супружеских пар сексуальные отношения меняются. Один из таких периодов – рождение ребенка, когда у большинства женщин обычно снижается интерес к сексу, что продолжается весь первый год после рождения ребенка.

Модели сексуальной активности изменяются в зависимости от типа брака, который создала пара. В романтических браках, где страстным отношениям между мужчиной и женщиной придается приоритетное значение, в течение нескольких десятилетий отношения практически не меняются. В традиционных браках высокая сексуальная активность ранних лет, которая иногда достигает своего эмоционального пика во время беременности, резко снижается с появлением детей, т. е. в младенческий и раннедетский период, затем снова повышается, когда дети покидают дом. В браках компаньонов (где оба партнера работают полный рабочий день), время совместного пребывания значительно сокращается. Командировки вызывают стрессовое состояние, часто или на длительный срок разделяя супругов, в таких условиях супругам приходится прилагать усилия, чтобы спланировать свою сексуальную жизнь. Супружеские пары, вышедшие на пенсию, имеют регулярные сексуальные контакты, хотя без юношеских порывов, но создающие чрезвычайно комфортные сексуальные ощущения, эти контакты продолжают оставаться весьма важными с эмоциональной стороны для укрепления брака.

Эмоциональная сторона супружеских отношений и сексуальные отношения в кризисные периоды брака могут как стабилизировать брак, так и усугублять возникающие проблемы.

Важнейшей задачей брака является объединение усилий в момент появления в семье ребенка. В то же самое время важно, чтобы сохранялась близость супругов. Формирование треугольника отношений, включающего родителей и ребенка, приводит к то-

му, что в период после рождения ребенка на периферии треугольника, как правило, оказывается мужчина, а между женщиной и ребенком образуется симбиотическая связь. В то же время отец может брать на себя функции ухаживающего объекта, позволяя матери на время дистанцироваться от ребенка и отдохнуть от слишком интенсивных и близких отношений с ним. То есть супруг на время становится «символической матерью жены» [4].

Проблема заключается в том, что мужчина может почувствовать себя исключенным из семейных отношений, переживать чувство ревности, поскольку супруга все внимание направляет на ребенка. Появление «эмоционального голода» у мужчины может привести к уходу в профессиональную сферу, в другие отношения и т. п. Жена, ожидающая эмоциональной поддержки и помощи в уходе за ребенком и ведении домашнего хозяйства, может начать предъявлять мужу претензии, провоцируя еще большее отдаление с супругом. Таким образом, для супругов, наряду с принятием новых обязательств, очень важно сохранять близость и в собственных отношениях, находя пространство, время и силы на общение не только по поводу ребенка.

В связи с этим очевидной становится еще одна задача брака – выработка умения противостоять неизбежным кризисам, поддерживая семейные узы перед лицом неблагоприятных обстоятельств. С нормативными и ненормативными кризисами сталкивается любая семья, однако в одних случаях кризисы разрушают супружеские отношения, в других – делают их более близкими.

Способность супругов к преодолению кризисов формируется за счет решения такой задачи, как создание безопасного пространства внутри семьи для выражения и разрешения разногласий, гнева и конфликтов. Любой выбор, с которым сталкиваются супруги: чья карьера важнее, иметь или не иметь детей – может быть причиной острого конфликта. Обсуждение и поиск компромиссов не всегда искореняют столкновение интересов. Существенную лепту в перечень причин конфликтов вносит ревность, трудности, связанные с воспитанием детей и работой, усталость, разочарование, болезни, финансовые проблемы, вызывающие напряжение и желание найти виноватого. В гармоничных браках конфликты удерживаются под контролем и протекают по выработанным совместно правилам.

Для создания безопасного пространства, где сильный гнев можно выразить без страха за последствия, супругам необходимо открыто договориться, что высказывание разных точек зрения (борьба) не может разрушить брак. В этом случае супруги могут чувствовать себя в семье безопаснее, чем где бы то ни было.

Если говорить о прохождении семейной системой нормативных кризисов, то есть, переходных моментов между стадиями жизненного цикла семьи [8], можно выделить перечень задач, которые супругам приходится решать в каждом таком нормативном кризисе (таблица).

Задачи развития семьи в кризисные периоды [7]

<i>Суть кризиса</i>	<i>Задачи семьи</i>
Принятие супружеских обязательств	– адаптация супругов к семейной жизни и друг другу; – установление границ семьи; – решение проблемы семейной иерархии; – нахождение баланса между индивидуализацией и сопринадлежностью; – сексуальная адаптация; – решение проблемы жилища и обзаведение имуществом.
Освоение родительских ролей	– реорганизация отношений, пересмотр договоренностей для обеспечения ухода за ребенком; – адаптация к потребностям ребенка; – обеспечение безопасности ребенка и родительского авторитета, поощрение роста ребенка; – согласование семейных и личных ценностей.
Включение детей во внешние социальные структуры (школа)	– перераспределение обязанностей в семье; – проявление участия при наличии у ребенка проблем с учебой; – распределение обязанностей по помощи ребенку при подготовке домашних заданий.
Принятие факта вступления ребенка в подростковый возраст	– изменение автономии и контроля в родительском отношении; – изменение типа родительского поведения; – подготовка к уходу подростка из дома.
Семья, в которой выросший ребенок покидает дом	– сепарация ребенка от семьи, корректный уход из дома; – поступление в учебное заведение или на военную службу; – приспособление супругов к сепарации ребенка.
Супруги вновь остаются вдвоем	– пересмотр супружеских взаимоотношений; – перераспределение обязанностей и времени; – адаптация к выходу на пенсию.
Принятие факта смерти одного из супругов	– адаптация овдовевшего партнера к одиночеству; – поиск новых связей с семьей (детьми, внуками); – организация ухода за старым человеком.

В большинстве случаев нормативные кризисы могут быть связаны с изменением семейной структуры – например, рождением ребенка или, напротив, уходом взрослых детей из дома; необходимостью сепарации ребенка от родителей, когда он включается во внешние социальные структуры, например идет в школу, или сепарацией в период подросткового возраста.

Важны также правила, которых супруги придерживаются в конфликте, в том числе о неприемлемости физического насилия. Во всех семьях существуют темы, которые не могут быть затронуты в ссорах, например, может быть, нельзя упоминать старые обиды или затрагивать темы национальных и религиозных различий. В гармоничных парах также выработаны правила относительно времени и места споров. Например, супруга может никогда не спорить с мужем в момент его сборов на работу, если видит, что его это приводит в ярость. Супруги из функциональных семей часто указывают на то, что избегать ссор по мелочам или выходить из конфликтной ситуации эффективно им помогает чувство юмора.

В определенные периоды супружеской жизни на первый план выходит задача обеспечения условий ухода и комфорта в отношении партнера, а также удовлетворение потребности партнера в эмоцио-

нальной поддержке. Психотерапевтическая функция брака становится все более актуальной в последнее время, когда традиционные функции ослабевают. Данная функция позволяет членам семьи удовлетворять потребности в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите. Супруги все чаще ориентируются на брак как на среду, способствующую психологической разрядке и стабилизации.

Супружеские отношения в наибольшей степени изменились за последние сто лет. Именно нестабильность супружества определяет нестабильность современной семьи. Особенно трудным является начальный период отношений, когда требуется адаптация друг к другу, выстраивание общего пространства без потери собственной индивидуальности. Во многих парах на этом этапе отношений господствует установка на изменение партнера и неготовность к самоизменению и принятию партнера таким, какой он есть.

Как отмечают исследователи, далеко не все супруги готовы «работать над отношениями», выстраивать их. От супругов сегодня требуется способность выстроить четкие границы с родителями, терпимо относиться к автономии друг друга, понимать потребности друг друга, уважать и быть готовыми к переменам. Все эти задачи не так просты и действи-

тельно требуют постоянных усилий. В то же время существует множество стабилизаторов брака: от общих ценностей при вступлении в брак до возникновения треугольников, когда напряжение в паре снимается за счет какого-то третьего объекта. Возникновение некоторых треугольников, когда в качестве третьего объекта выступает болезнь, зависимость или возлюбленный, добавляет к нормативным кризисам семейной жизни еще целый ряд кризисов, обусловленных болезнью, изменой, разводом. На каждом этапе жизненного цикла семьи перед супружеской парой встают все новые задачи, и прохождение супругами кризисных периодов зависит практически исключительно от них самих. Государство, общество, родители супругов чаще всего не могут повлиять на этот процесс. Функционирование семьи зависит прежде всего от мотивации супругов, их желания сделать отношения более гармоничными. При этом получается, что партнеры гармоничного семейного союза разделяют точку зрения, что им удалось найти золотую середину во взаимоотношениях: баланс между индивидуализацией и сопринадлежностью, реальным и романтическим образами друг друга, баланс, который они считают уникальным и, возможно, незаменимым. Формирование и трансформация задач на протяжении всего жизненного пути с учетом непрерывных изменений жизненных условий составляют собой работу семьи, работу, находящуюся в постоянном развитии, равно как и эмоционально богатые и жизнеспособные отношения семьи.

Литература

1. Борисенко, Ю. В. Введение в сексологию для студентов-психологов [Текст]: учебное пособие / Ю. В. Борисенко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 127 с.
2. Валлерстайн, Д. Психологические задачи брака [Текст] / Д. Валлерстайн // Семейная психология и семейная терапия. – 2004. – № 3. – С. 14 – 33.
3. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс [Текст] / А. Я. Варга, Т. С. Драбкина. – СПб.: Речь, 2001. – 144 с.
4. Витакер, К. Танцы с семьей. Семейная терапия: символический подход, основанный на личном опыте [Текст] / К. Витакер, В. Бамберри; [пер. с англ.] А. З. Шапиро. – М.: Класс, 1997. – 172 с.
5. Лидерс, А. Г. Психологическое обследование семьи [Текст]: учеб. пособие-практикум / А. Г. Лидерс. – М.: Академия, 2006. – 432 с.
6. Майерс, Д. Социальная психология [Текст] / Д. Майерс; [пер. с англ.]. – СПб.: Питер, 1999. – 688 с.
7. Олифирович, Н. И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь [Текст] / Н. И. Олифирович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. – М., Обнинск, 2005.
8. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи [Текст] / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2000. – 656 с.

УДК 159.922

ВОЗРАСТНАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ АДАПТАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

А. М. Богомолов

AGE VARIABILITY OF THE PERSONAL ADAPTIVE POTENTIAL

A. M. Bogomolov

В статье поднимаются вопросы функциональной и структурной изменчивости личностного адаптационного потенциала в процессе онтогенеза, рассматриваются закономерности возрастной эволюции адаптационного потенциала как комплексной характеристики адаптационных способностей личности. Автор затрагивает проблемы надежности потенциала адаптации и факторов, обуславливающих его формирование в онтогенезе. В заключение определяются задачи и перспективы дальнейших теоретических исследований рассматриваемого феномена.

The questions of functional and structural variability of the personal adaptive potential in the ontogenesis are raised in the paper, laws of an age evolution of the adaptive potential as a complex characteristic of personal adaptive abilities are also considered. The author mentions problems of reliability of adaptive potential and factors which cause its formation in ontogenesis. In conclusion the author defines tasks and prospect of further theoretical researches of considered phenomenon.

Ключевые слова: адаптационный потенциал личности, развитие, психическая адаптация, онтогенез.

Keywords: personal adaptive potential, development, mental adaptation, ontogenesis.

Исследование возрастной эволюции регуляционно-приспособительных свойств психики и анализ сложной картины онтогенетических изменений структуры и функций адаптационного потенциала на всех уровнях организации личности являются ак-

туальными задачами психологии развития. Адаптационный потенциал (адаптоспособность по В. И. Медvedеву) выступает неспецифической, т. е. мало зависящей от действующего фактора, характеристикой способностей личности осуществлять

адаптационные перестройки. Реализация потенциала адаптации осуществляется в общем контексте взаимодействия личности и среды.

Личностный адаптационный потенциал характеризует устойчивость личности к воздействию внешних факторов, «готовность» к разрешению и усложнению адаптационных задач, способность к образованию прогрессивных адаптационных эффектов и новообразований. Таким образом, потенциал адаптации не ограничивается лишь способностью «выдержать» адаптационную нагрузку, сохранив целостность и устойчивость личности.

Концепция адаптационного потенциала личности сформирована в рамках общей теории адаптации, основывается на работах Ф. Б. Березина, Л. Г. Дикой, В. И. Медведева, Д. В. Колесова, А. А. Налчаджяна, А. А. Реана и других авторов, рассматривавших проблемы регуляционно-приспособительной активности личности, факторы, закономерности и механизмы психической адаптации. Исследования собственно адаптационного потенциала, как системного образования, представлены работами Н. Л. Коноваловой, А. Г. Маклакова, С. Т. Посоховой и др. Отметим, что на сегодняшний день сложно выделить устоявшиеся и общепринятые взгляды на функции и структуру адаптационного потенциала.

Адаптационный потенциал, как упорядоченная система связанных внутренними закономерностями свойств и качеств личности, обуславливающих и регулирующих процессы психологической адаптации, имеет полифункциональный характер. Возрастная изменчивость функциональной стороны адаптационного потенциала связана с неравномерной динамикой формирования психологических функций и систем, наиболее выраженной в детском возрасте. Онтогенез адаптационного потенциала личности имеет системный характер и выражается, в частности, в преобразовании взаимосвязей между различными уровнями регуляции (индивидуальным, личностным, субъектно-деятельностным), которое обеспечивается процессами интеграции и дифференциации функциональных систем и внутренних адаптационных факторов.

Процессы психической адаптации имеют неоднозначное влияние на развитие личности. Позитивный аспект адаптационных преобразований заключается в формировании прогрессивных адаптационных следов и новообразований, обнаруживается в формулировании новых «задач» для целенаправленного развития отдельных сторон личности. Отрицательное влияние связано с дезадаптивными функциональными или структурными нарушениями, а также с приобретением личностью свойств, ограничивающих, искажающих, нарушающих процессы развития. При этом дезадаптивные состояния могут являться следствием как уровня адаптогенных требований, превышающего предельные адаптационные возможности, так и слабостью имеющихся адаптационных механизмов (например на ранних этапах онтогенеза).

В. И. Медведев предполагает, что программы, сформировавшиеся в раннем постнатальном периоде, характеризуются прочностью, которая определяется тем, что постоянное пребывание в адаптационных условиях освобождает человека от мучительного процесса ломки и переделки программ. Необходимость частых «переадаптаций» хотя и тренирует адаптационные возможности организма, повышает его адаптоспособность, отрицательно сказывается на длительности стабильной адаптации. Автор приводит данные, свидетельствующие о прямой связи между прочностью существующей структуры гомеостатического регулирования и сложностью развития адаптационного процесса [9].

На ранних этапах онтогенеза границы и вариативность адаптационных возможностей обусловлены индивидуальными свойствами ребенка [12], при этом предъявление адаптационных задач регулируется и регламентируется микросоциальным окружением. Психологические новообразования микропериодов детства включаются в репертуар адаптационных средств, обеспечивающих психологическое благополучие ребенка и формирование системы его социальных отношений.

Внутренние факторы, определяющие эффективность адаптационных изменений, связаны со степенью зрелости личности (Н. Л. Коновалова; А. М. Богомолов, А. Г. Портнова). Развитие функциональной системы адаптации ребенка происходит системно и гетерохронно, что создает предпосылки для приспособления к тем или иным факторам среды на разных этапах онтогенеза [6]. Эволюция потенциала в детский период онтогенеза характеризуется изменчивостью «геометрии», силы корреляционных связей между адаптационными переменными и удельного веса последних в определении характера адаптационного ответа. Психофизиологическое созревание ребенка и расширение границ функциональных резервов обуславливают повышение порога чувствительности к воздействию адаптогенных факторов и возрастание временных и энергетических возможностей адаптационных реакций.

Адаптационные процессы совершенствуются по мере онтогенетического развития [11]. Как отмечает Л. И. Божович, «психические особенности и качества возникают путем приспособления ребенка к требованиям окружающей среды. Но, возникнув таким образом, они затем приобретают самостоятельное значение и в порядке обратного влияния начинают определять последующее развитие» [4]. По мере формирования сознательной регуляции поведения осознанные цели все в большей мере начинают контролировать и направлять аккомодационную и ассимиляционную активность субъекта [10].

В течение детского и подросткового периодов онтогенеза происходит преобразование иерархии значимых адаптогенных факторов, индивидуализация механизмов регуляции психической адаптации, развитие стилевых черт и дифференциация векторов адаптационной активности. Формирование поведенческих и собственно психологических механизмов регуляции обуславливает усложнение структуры

адаптационного ответа и расширение адаптогенного контекста.

В регулирование психофизиологической адаптации включены механизмы, претерпевающие существенные изменения в процессе развития и окончательно формирующиеся к моменту завершения полового созревания [2, с. 195]. Психофизиологические особенности ребенка обуславливают специфичность процессов как срочной, так и долговременной адаптации. В раннем возрасте адаптационный процесс отличают две важнейшие особенности: недостаточность ресурсов у развивающегося субъекта адаптации и генерализация адаптационного ответа на воздействующий стимул.

Недостаточность адаптационных ресурсов у детей связана с особенностями структуры функционального диапазона. Воздействие, требующее адаптационных реакций организма, приводит к активации функциональных систем до уровня резервных возможностей. Нижняя граница зоны резервных возможностей является тем пороговым значением, после преодоления которого и начинается собственно адаптация. У детей зона резервных возможностей имеет гораздо меньший диапазон, соответственно, имеющихся ресурсов чаще не хватает для решения возникающих адаптационных задач [2, с. 196]. Риск развития дезадаптивных состояний возрастает у детей уже в условиях действия «умеренных» функциональных нагрузок.

Говоря о возрастной эволюции регуляторно-приспособительных возможностей у детей, М. М. Безруких, В. Д. Сонькин и Д. А. Фербер отмечают, что на ранних этапах онтогенеза практически любое новое воздействие на организм вызывает бурную, генерализованную, обобщенную реакцию, в реализацию которой вовлекается большое число физиологических систем. Генерализованность адаптационного ответа, по предположению авторов, вызвана несформированной способностью нервных центров качественно дифференцировать приходящие стимулы. В процессе взросления ребенка функциональные системы организма оптимизируют взаимосогласованность действий, совершенствуются механизмы регуляции.

В структуре адаптационного ответа ребенка специфические компоненты адаптации почти не проявляются, а неспецифические во многих случаях идентичны. Неспецифическая, генерализованная адаптационная реакция характеризуется неэкономичностью и вынуждает активироваться большое число систем, не способных содействовать решению стоящей перед развивающимся организмом адаптационной задачи. Вследствие того, что резервные возможности детского организма и без того невелики, такая стратегия адаптации неминуемо ведет к перенапряжению. По мере созревания нервных структур адаптационные реакции у детей дифференцируются и становятся значительно более избирательными по отношению к воздействующим стимулам. Адаптационный ответ делается все более локальным и специфическим, то есть строго направленным на устранение определенного действующе-

го агента (фактора), на решение конкретной и узкой адаптационной задачи. Наиболее значимые изменения в стратегии физиологической адаптации ребенка происходят в возрасте 5 – 7 лет, начиная с этого возраста, организм становится способным осуществлять специфические и дифференцированные адаптационные реакции. В период полового созревания адаптационные процессы, по мнению М. М. Безруких, В. Д. Сонькин и Д. А. Фербер, временно утрачивают свою эффективность и вновь становятся менее специфическими, а после 15 – 16 лет уровень адаптационных возможностей достигает практически, уровня, соответствующего возможностям взрослых людей.

Формирование адаптационных способностей личности соответствует выделенному Б. Г. Ананьевым двухфазному характеру психического развития. Оно включает общий, фронтальный прогресс функций в первой фазе и специализацию тех же функций применительно к определенным объектам, операциям деятельности и сферам жизни во второй [12]. Развитие адаптационного потенциала происходит в направлении от генерализованности адаптационных реакций на широкий круг адаптационных стимулов и задач к избирательности и повышению специфичности адаптационных реакций. Возрастание адаптационного потенциала личности сопровождается одновременным увеличением сензитивности к определенному роду воздействиям. Неспецифические адаптационные реакции связаны с общей активностью функциональной системы психической адаптации, реактивностью и устойчивостью личности. Специфические реакции характеризуются высокой изменчивостью и представляют диапазон вариативности адаптационных механизмов в условиях воздействия различных адаптогенных стимулов.

Динамика снижения компенсаторно-приспособительных возможностей личности к периоду поздней взрослости имеет гетерохронный, неравномерный характер и непосредственно связана с активностью и включенностью личности в социальные отношения. Рассматривая динамику изменения адаптационного регулирования в возрастном аспекте, замечает В. И. Медведев, можно прийти к выводу, что тезис об уменьшении адаптационных способностей не вполне корректный. Действительно, физиологические компоненты адаптации характеризуются сужением функционального диапазона, но оно в значительной мере компенсируется поведенческими компонентами, что позволяет достаточно долго осуществлять необходимую деятельность. Здесь основным системообразующим фактором является социальная деятельность человека [8].

Любой организм, замечает В. И. Медведев, в той или иной мере обладает резервами оптимизации и при слабости или отсутствии одних адаптационных механизмов достигает адаптационной цели другими путями, используя иные механизмы [9]. Особенно велики резервы индивидуальной стратегии адаптации, когда происходит адаптация к деятельности, где появляются адаптационные механизмы, связанные с волевыми активационными качествами чело-

века. Умеренность, управляемость, предсказуемость адаптационных задач, что неоднократно подчеркивалось отечественными исследователями (Б. Г. Ананьев, В. И. Медведев, Е. Ф. Рыбалко), выступают факторами долголетия психических функций и систем.

Возрастные кризисы развития являются неотъемлемым компонентом анализа специфики возрастной эволюции любого психического феномена. Нормативные возрастные кризисы сопровождаются преимущественным использованием онтогенетически более ранних адаптационных механизмов, возрастание интенсивности эксплуатации которых может сопровождаться высокими адаптационными затратами. Обнаруживается зависимость: чем более эффективными оказывались адаптационные механизмы на предыдущих этапах онтогенеза, тем более сложным оказывается процесс включения новых механизмов, адекватных изменившимся социальным отношениям и психологическим особенностям ребенка (Л. В. Лебединский, О. С. Никольская и др.). Сформированные формы и механизмы адаптации, адекватные задачам предшествующих этапов онтогенеза, неспособны обеспечить эффективное снижение рассогласования в системе личность–среда в условиях интенсивного преобразования социальной ситуации развития.

Внутренние и внешние механизмы реализации и регуляции адаптационного потенциала личности претерпевают онтогенетические изменения наряду с его функциональной стороной и структурными особенностями. Предпочтение и индивидуальная predisположенность к алло- или интрапсихическим способам адаптации, а также реализуемые векторы адаптационных усилий, направленные на обеспечение согласованности и устойчивости личности или на достижение внешних адаптационных задач связаны с возрастными особенностями субъекта адаптации. Например, готовность к достижению адаптационных задач путем гипермобилизации адаптационных возможностей свойственна периодам взрослости, в то время как поздние периоды онтогенеза характеризуются превалированием значения внутреннего адаптационного статуса над разрешением возникающих задач социально-психологической адаптации.

Отдельные возрастные этапы характеризуются существенно отличными социальными ситуациями развития, которые в норме предъявляют ожидаемые адаптационные задачи и содержат социальные механизмы поддержания личности. «Зона ближайшего развития» адаптационных способностей личности формируется совокупностью упорядоченных по степени значимости и содержанию адаптационных задач.

Внутренняя регуляция потенциала как сложной системы осуществляется посредством изменения уровнейых характеристик адаптационных переменных (индивидуально-психологических свойств, включенных в структуру потенциала), функционально-компенсаторной подвижности (взаимозаменяемость и взаимодополняемость психологических

свойств), структурной динамики, изменчивости механизмов реализации потенциала или прибегания к разнообразным формам ухода. Преобладание внутренних механизмов регуляции адаптационного потенциала является одним из показателей зрелости личности.

Теоретический анализ существующих исследований (П. К. Анохин, Ф. Б. Березин, В. П. Ковалев, В. И. Медведев, А. А. Реан и др.) позволяет условно выделить в развитии адаптационного потенциала несколько основных линий. Первая заключается в усложнении его внутренней структуры, обусловленном усложнением психического аппарата в процессе развития личности, включением высших психических функций и систем в программы гомеостатического регулирования и обеспечения психологического благополучия личности. В границах данного направления развития находится преобразование связей (внутри- и межфункциональных) функциональных систем адаптации, подвижность иерархии уровней протекания адаптации. Вторая линия связана с формированием субъекта адаптации и возрастанием личностной обусловленности всех звеньев адаптационного процесса. В процессе онтогенеза возрастает роль личностных факторов в определении субъективной значимости адаптационных задач, дифференциации значимых адаптогенных стимулов. Третья линия выражается в индивидуализации социального развития субъекта адаптации – динамике социальных ролей, преобразовании статуса, построении индивидуальной «архитектуры» социальных связей и т. д. В процессе онтогенеза претерпевает изменения структура социальных ожиданий, регламентирующих формы и способы адаптационного ответа личности, и формы поддержки микро-социальным окружением.

Все эти линии представляют различные аспекты единого процесса эволюции индивидуальных приспособительных возможностей, обобщенно выражающихся в истории преобразования адаптационного потенциала личности в контексте процессов онтогенеза и индивидуального жизненного пути.

Обоснованно предположить, что системообразующие факторы адаптационного потенциала личности соответствуют стержневым факторам структуры возраста, понимаемой Л. С. Выготским как внутреннее строение процесса развития в каждой возрастной эпохе [5, с. 902]. Данное предположение относится к стабильным возрастным периодам, в то время как в критические периоды наблюдается «отставание», отражающееся в преимущественном использовании в структуре адаптационного ответа устойчивых образований предыдущих периодов. Согласно Е. Ф. Рыбалко, обнаруживается закономерная последовательность формирования различных функций; интенсивный рост одной функции осуществляется за счет замедления развития другой, долговечность отдельных функциональных систем зависит от их роли в жизнедеятельности организма.

Структурный анализ адаптационного потенциала предполагает дифференциацию функций быстрого и медленного реагирования (имеющих различную

продолжительность периодов колебания), обеспечивающих реакции краткосрочной и долговременной адаптации. Включение различных функций в структуру потенциала приводит к тому, что в систему адаптационных приспособлений могут вовлекаться структуры и процессы, обладающие разными резервными возможностями, длительное напряжение нестабильных функций может приводить к срывам адаптации [9].

Соответственно, важной задачей является понимание механизмов поддержания надежности сложной многоуровневой функциональной системы психической адаптации в онтогенезе. Понятие надежности физиологических систем А. А. Маркосян предлагает положить в основу теории онтогенеза и возрастной периодизации. Надежность развивается и усложняется в процессе онтогенеза и по-разному проявляется на отдельных этапах развития [7, с. 224]. Под надежностью физиологической системы А. А. Маркосян понимает такой уровень регулирования и такое соотношение элементов самого процесса, когда обеспечивается его оптимальный ход с резервными возможностями, с взаимозаменяемостью звеньев, с быстрым возвратом к исходному состоянию, с достаточной лабильностью или пластичностью, гарантирующей быстрое приспособление и перестройку. Надежность, стабильность (имеющая колебательный характер и обеспечиваемая постоянными динамическими преобразованиями) является принципом организации адаптационного потенциала личности в различных возрастах.

А. А. Маркосян приводит к выводу, что надежность системы максимально повышается именно в том звене, которое на данном этапе развития является наиболее важным. Это не значит, что другие звенья системы или другие системы не развиваются. Речь идет о том, что в различных возрастах то или иное звено приобретает важное значение и именно в этот период возникают оптимальные условия для развития и прочного закрепления именно этой функции.

Принципы надежности биологической системы, сформулированные А. А. Маркосяном, включают следующие: принцип избыточности элементов управления и протекающего процесса; принцип дублирования, или взаимозаменяемости, элементов регулирования и процесса; принцип совершенного и быстрого возврата к состоянию относительного постоянства и принцип динамичности взаимодействия звеньев самой системы [7, с. 234].

Дифференциацию нормы потенциала адаптации, определение некоторого спектра оптимальных адаптационных реакций принято производить на основе критериев гармоничности структуры личности, сохранения психологического здоровья, развития и формирования качественных новообразований в процессе адаптации. Границы адаптационного потенциала очерчены возможностями личности по организации целесообразных адаптационных реакций, адекватных интенсивности и значимости воздействующих стимулов, с одной стороны, и имеющимся ресурсам – с другой [3].

Продуктивность адаптационных процессов, с точки зрения формирования устойчивых адаптационных эффектов, «следов», новообразований, их гармоничность, взвешенность, «сонаправленность» структурных и уровневых изменений являются основными характеристиками личностного адаптационного потенциала. Согласованность или диссонанс индивидуальных целей и ценностей с ценностями среды, стремление к равновесию или неравновесию, реализации собственных целей определяют как степень реализации потенциала, прогрессивный или регрессивный характер его структурной и уровневой динамики, так и «стоимость» достижения поставленных целей [1, с. 28]. Описание состояния, тенденций уровневой и структурной изменчивости адаптационного потенциала как сложной системы, определение типа структурной динамики (дифференциация и интеграция, центробежные или центростремительные тенденции и т. д.) позволяет выделить ключевые стороны потенциала и прогнозировать его развитие в будущем.

Структурно-функциональная модель адаптационного потенциала, на наш взгляд, является наиболее адекватным средством для анализа возрастной эволюции регуляционно-приспособительных свойств психики. Названная модель основывается на выделении компонентов, обеспечивающих выполнение специфических функций в процессе психической адаптации и представляющих отдельные звенья адаптационного цикла, универсальные для всех возрастов (например, имеющих отношение к когнитивному, ориентировочному анализу, энергетическому обеспечению, микросоциальному взаимодействию, компенсаторным и охранительным задачам). Психологические свойства и системы, обеспечивающие реализацию выделенных функций, являются специфичными для каждого возрастного периода и позволяют проследивать изменения адаптационного потенциала в процессе онтогенеза.

Литература

1. Аверин, В. А. Цели развития [Текст] / В. А. Аверин // Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – С. 27–30.
2. Безруких, М. М. Возрастная физиология (Физиология развития ребенка): учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. – М.: Академия, 2002. – 416 с.
3. Богомолов, А. М. Механизмы регуляции и закономерности реализации адаптационного потенциала личности [Текст] / А. М. Богомолов // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов / под ред. И. С. Морозовой, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. – С. 300–304.
4. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте [Текст] / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.

5. Выготский, Л. С. Психология [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
6. Колесов, Д. В. Проблема адаптации в возрастной физиологии [Текст] / Д. В. Колесов // Адаптация организма подростков к учебной нагрузке / под ред. Д. В. Колесова. – М.: Педагогика, 1987. – 152 с.
7. Маркосян, А. А. Надежность физиологической системы и онтогенез [Текст] / А. А. Маркосян // Молекулярные и функциональные основы онтогенеза. – М.: Медицина, 1970. – С. 224 – 234.
8. Медведев, В. И. О проблеме адаптации [Текст] / В. И. Медведев // Компоненты адаптационного процесса. – Л.: Наука, 1984. – С. 3 – 16.
9. Медведев, В. И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов [Текст] / В. И. Медведев. – Л.: Наука, 1982. – 104 с.
10. Пиаже, Ж. Избранные психологические труды [Текст] / Ж. Пиаже. – М., 1969. – 680 с.
11. Портнова, А. Г. Возрастная динамика индивидуальных и личностных характеристик учащихся в связи со школьной адаптацией [Текст] / А. Г. Портнова: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – СПб., 2001. – 191 с.
12. Рыбалко, Е. Ф. Возрастная и дифференциальная психология [Текст] / Е. Ф. Рыбалко. – СПб.: Питер, 2001. – 224 с.

УДК 159.922.1:37.018.1

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЕ В КОНТЕКСТЕ РАБОТЫ С ОTCОВСТВОМ

Ю. В. Борисенко

THE SPECIFICS OF PSYCHOLOGICAL HELP IN THE CONTEXT OF WORK WITH FATHERING *J. V. Borisenko*

В статье рассматриваются проблемы психологической помощи семье. Предпринята попытка проанализировать, каким образом социальные условия, взаимоотношения родителей ребенка, различные личные проблемы супругов, а также принятие родительских ролей оказывают влияние на проявления отцовства. Представлена программа тренинговой работы по формированию продуктивного отцовства.

In the article there the issues of the psychological work with family are being discussed. There is the attempt to analyze the way social circumstances, relations between parents of a child and accepting of parenting roles influence on fathering. There the program of the training work for forming the responsible fathering is represented.

Ключевые слова: отцовство, психологическая помощь.

Keywords: fathering, psychological help.

Экспериментальные исследования семьи и семейных взаимодействий с ребенком (во время беременности, матери с детьми, лонгитюдное исследование женщин с начала беременности до второго полугодия жизни ребенка, матерей с детьми и отказниц, с детьми разного возраста) чаще всего ориентированы на изучение динамики изменения основных показателей содержания материнской сферы. Сам тип взаимодействия и начальная ценность ребенка изучаются в основном относительно матери, как формирующиеся в онтогенезе на всех предыдущих этапах развития личности матери и во время беременности, а также после рождения ребенка. Считается, что связь этих содержаний с личностными особенностями матери и содержанием ее социально-комфортной сферы обуславливает ситуативное развитие ценности ребенка. Психологические особенности формирования бондинга по отношению к ребенку у мужчины почти не изучены экспериментально как в нашей стране, так и за рубежом. Понятие «психологическая помощь отцу (семье) и ребенку» не встречается в литературе.

Вспомним, что в содержание понятия «психологическая помощь» включается обеспечение эмоцио-

нальной, смысловой и экзистенциальной поддержки семье и ее отдельным членам [2].

Выделяются следующие функции психолога в рамках психологической помощи семье: поддерживающая функция (психологическая поддержка, которая отсутствует или приняла искаженные формы в реальных семейных отношениях); посредническая функция (психолог выполняет функцию посредника, содействующего восстановлению нарушенных связей семьи с миром); обучающая (способствующая развитию навыков общения, приемов саморегуляции, самопознания); развивающая (помощь членам семьи в развитии основных социальных умений и навыков, например навыки внимательного слушания, умение оказывать поддержку и решать конфликтные ситуации, умение выражать свои чувства и понимать чувства других людей); информационная (включает в себя изложение (например лекционное или в рамках беседы) информации о психическом здоровье и нездоровье, норме развития и ее вариантах).

Виды психологической помощи семье можно классифицировать следующим образом:

1) информирование (предоставление информации об особенностях функционирования семьи на

разных этапах развития, о задачах, стоящих перед семьей в кризисные периоды, о возрастнопсихологических особенностях развития личности);

2) индивидуальное психологическое консультирование – так как работа с одним из членов семьи, по мнению М. Боуэна, может привести к изменениям всей системы внутрисемейных отношений;

3) консультирование (психотерапия) супружеской пары;

4) групповая тренинговая работа (психотерапия) супружеских пар (участвуют несколько семейных пар);

5) семейное консультирование (работа с ядерной семьей);

6) групповое семейное консультирование (психотерапия).

Одним из вариантов работы с семьей может быть командная работа специалистов (2 – 4 человека). По мнению Н. И. Олиферович и коллег, работа в команде позволяет избежать ряда «ловушек», связанных со спецификой работы с семейной системой, например соблазна присоединиться и образовать коалицию с одним из членов семьи. Они выделяют несколько способов работы в команде:

1) с семьей взаимодействует вся команда;

2) с семьей работает один член команды, остальные, по типу супервизорства, не включаясь в непосредственное взаимодействие с семьей, наблюдают за процессом и дают психологу обратную связь после работы; либо после завершения работы они обсуждают возникшие у них предположения в присутствии членов семьи. Все эти виды работ могут быть использованы в работе с семьей, отцом и ребенком.

На основе изучения онтогенеза и динамики преобразования всех компонентов комплекса отцовства выявилось, что базовыми содержаниями ценности ребенка, как и для материнства, являются эмоциональная ценность и замена ценности ребенка на ценности «социально-комфортной» сферы [3].

Если для женщины переживание беременности и динамика стиля переживания беременности отражает ценность ребенка, взаимодействие ценности ребенка с другими значимыми для женщины ценностями и является прогностическим для выявления особенностей материнского отношения и динамики ценности ребенка после родов, это же характерно и для мужчин, хоть и не столь явно проявляется. Отношения мужчины – будущего отца, с беременной женщиной, особенно во второй половине беременности, запускают множественные переживания, перестройку ценностей, апеллируя к детским переживаниям, отношениям с собственной матерью и отцом.

Как показывает наше исследование, переживание беременности жены (партнерши) мужчиной во многом зависит от поведения и отношений с женщиной. Согласно мнения В. И. Брутмана, А. Я. Варга, М. С. Радионовой, Г. Г. Филипповой, И. Ю. Хамитовой, изучавших психологические состояния женщин во время вынашивания ребенка, в беременности есть собственная динамика обострения и ос-

лабления имеющихся у женщины проблем. Например, в первом триместре у женщин актуализируются и остро переживаются проблемы с собственной матерью и другими объектами привязанности, проблемы отношений с мужем [3]. Для мужчины – это период рационального принятия факта беременности и актуализации множественных социальных проблем: материальных, проблем принятия ответственности и др. Во втором и третьем триместрах у женщин появляется выраженное избегание отрицательных эмоций, проблемы первого триместра ослабевают, актуальными становятся страх перед родами и своей некомпетентности в послеродовом периоде, появляется «синдром обустройства гнезда», который проявляется в повышении активности, стремлении упорядочить имеющиеся проблемы. В это время направление активности на подготовку к родам и послеродовый период свидетельствует о благоприятной динамике течения беременности; тогда как активность, не связанная с ребенком, – неблагоприятный показатель. Для мужчины это период первичного осознания факта существования и скорого рождения ребенка. Большинство исследователей полагают, что появление физического свидетельства беременности – увеличение живота, приводит к новому эмоциональному переживанию, иррациональному пониманию существования будущего ребенка. Однако, несмотря на то, что поведение мужчины в это период может быть весьма диагностичным, четкого определения влияния типов отношения мужчины к беременности жены на последующие отношения с ребенком на настоящий момент не выявлено. Известны наиболее общие закономерности: отрицательное, враждебное отношение к будущему ребенку коррелирует с несформированностью ценностно-смысловой сферы личности, различными сложностями в родительской семье, серьезными материальными проблемами. Однако отношение мужа к беременной женщине в этот период, как правило, меняется: усиливается любовь и желание заботиться [3]. Л. Л. Баз и Т. А. Баландина полагают, что гордость и переживание собственной причастности мужчины при появлении физических признаков беременности являются показателем появления ценности ребенка в структуре ценностно-смыслового блока отцовства.

У женщин к концу беременности чаще всего ослабляется страх родов, своей некомпетентности, снижается напряжение всех остальных проблем. Тогда как противоположная ситуация отражает выраженную неблагоприятную динамику переживания беременности и ценности ребенка. В этот период принимается решение об участии отца в родах.

Особенности проявления отцовства являются относительно устойчивыми, однако могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. Многое зависит от возраста мужчины в момент рождения ребенка и зачастую от пола ребенка, особенно в семьях с патриархальными традициями.

Проблема принятия ребенка, восприятия его как продолжения себя, особенно в период беременности, подготавливающий последующие отношения с

ребенком, и в первый год жизни ребенка, актуальна для мужчин, в силу гораздо меньшей, чем у женщин, выраженности «гештальта младенчества», который запускает эмоциональные, смысловые и другие реакции, облегчающие формирование привязанности матери во время первичного взаимодействия с ребенком. И именно этим осложнена любая психологическая работа с отцом и ребенком.

Таким образом, в рамках работы с отцовством, по мнению W. J. Doherty [5], сложность составления программ психологического сопровождения семьи, с одной стороны обусловлена тем, что широкое распространение таких программ невозможно без соответствующих политических программ по улучшению демографической ситуации, а с другой – основной акцент в этих программах должен быть поставлен на то, чтобы отражать множественные области отцовства, различные бытовые и брачные обстоятельства отцов, и множество личных отношений и экологических факторов, которые влияют на то, каким отцом является мужчина. Такая программа должна: вовлекать матерей, особенно для не состоящих в браке отцов, пропагандировать совместное родительство внутри и вне брака, обратить внимание на критические периоды в семейной жизни, например, рождения ребенка и развода родителей, обеспечить возможность отцов учиться от других отцов и пропагандировать жизнеспособность браков, построенные на совместной заботе, преданности и взаимодействии.

Проблемы отцовства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. Может применяться психоаналитический подход к консультированию и терапии, ориентированные на проработку личностных проблем, а также клиент-центрированная и семейная терапия и консультирование.

В зарубежной традиции нередко используются комплексные методы оказания помощи, включающие услуги врачей, психологов, психиатров, педиатров и т. д. Часто применяется групповая работа, причем существуют специальные группы отцов, которые делятся своим опытом, что также стимулирует родителей к поискам дополнительных форм решения своих проблем [6].

В нашей стране участие отцов в работе с семьей ограничивается либо рамками семейной терапии, либо курсами по подготовке к совместным родам, которые посещают далеко не все. Различная помощь для родителей с детьми раннего возраста оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, иногда – в психологических консультациях. В основном в такой работе задействованы матери. Но консультирование для матерей с младенцами, новорожденными, также как и в пренатальный период, практически не проводится.

При оказании такого рода психологической помощи семье хорошо разработаны и широко используются методы диагностики развития ребенка, его эмоционального благополучия, диагностика роди-

тельского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка. Мать, и ее психологические проблемы рассматриваются с позиций оптимизации условий развития ребенка, отец и его отношение изучается крайне редко. Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся проблемы семьи побуждают ее обращаться к другим специалистам [6].

Таким образом, в настоящее время организации работы с отцовством психологическими службами почти не ведется. Следовательно, все проблемы взаимодействия отца и ребенка игнорируются психологическими службами так же, как и государственным, политическим и общественным мнением.

Наиболее приемлемым представляется организация комплексной психологической помощи в местных центрах, связанных с медицинскими учреждениями (женскими консультациями, родильными домами, детскими поликлиниками) и детскими дошкольными, а, возможно, и образовательными учреждениями с участием обоих родителей. Возможно также включение элементов просвещения и пропаганды ценности отцовства в воспитательный процесс в образовательных программах для учащихся средних учебных заведений.

Однако в настоящее время речь может идти только о перспективах организации подобной психологической службы. Содержанием такого психологического консультирования могут быть: диагностика индивидуальных особенностей материнской и отцовской сфер; психологическая помощь в планировании семьи, беременности и взаимодействии отца и матери с ребенком; диагностика родительской компетентности; помощь в решении семейных психологических проблем; подготовка родителей к родам; организация групповых занятий в беременности и для родителей, и для детей; индивидуальное консультирование; работа специалистов-психологов и врачей с семьей в кризисные периоды, например сразу после рождения ребенка, в период рождения второго ребенка.

Индивидуальное и семейное консультирование по проблемам родительства хорошо сочетается с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т. п.). Психологическая помощь в этом случае включает в себя не только консультирование, психотерапию, но и коррекционные мероприятия, специфика которых зависит от особенностей каждого конкретного случая.

В работе с отцом или семьей в целом целесообразно использовать следующие диагностические методы: клиническая беседа в форме полуструктурированного или структурированного интервью; генограмма с проработкой родительских отношений в нескольких поколениях [4]; анкетирование для уточнения формальных данных и оптимизации сбора информации (например анкеты, представленные в приложении); определение особенностей самооценки себя как отца с помощью опросника «Лич-

ностный дифференциал», с помощью модифицированного метода Дембо-Рубинштейн, включающего набора из 5 шкал (качеств идеального отца или матери) для оценки себя [1]; методика диагностики межличностных отношений (модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири); тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; методика «Мое письмо супруге» С. А. Белорусова; сочинение о своем ребенке (или модификация «Письмо своему ребенку») как для матери, так и для отца с использованием контент-анализа; методика PARI; опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса; диагностика уровня тревожности (Ч. Д. Спилберга–Ю. Л. Ханина, Люшер и др.); диагностика уровня агрессии (Розенцвейг); различные проективные рисуночные тесты «Кинетический рисунок семьи», «Я и мой ребенок», «Я – ребенок и моя мама» (Г. Г. Филиппова) и на другие темы в зависимости от ситуации; проективные методики: тест «Фигуры», «Психогеометрический тест», тест «Эпитеты» (В. И. Брутман, Г. Г. Филиппова, И. Ю. Хамитова) и др.

По результатам диагностики и предварительной беседы определяются содержание и формы психологического воздействия, которые зависят от возраста ребенка, особенностей развития ребенка, и выявления особенностей семейных взаимоотношений. Однако опыт показывает, что в современных условиях обращаются к специалисту в подавляющем большинстве матери, и в рамках работы с проблемами материнства выявляется необходимость работы с отцом. Ввиду множественных социальных и личностных барьеров, таких как стеснение, неумение выразить свои эмоции, большая занятость мужчины, особенно в период младенчества ребенка, меньшая представленность осознаваемых ценностей отцовства в общественном мнении, важнейшей задачей психологов, работающих с семьей и материнством, становится привлечение мужчин к процессу продуктивного взаимодействия в семье, в том числе и в рамках психокоррекционной и психотерапевтической работы.

Литературные данные свидетельствуют о наличии большого количества разнообразных исследований материнства, включая описания разработок тренинговых программ, основанных на корректирующем влиянии тренинговых занятий на психическое состояние человека, его самовосприятие, восприятие жизненной ситуации в целом и направленных на помощь матери в различных ситуациях, в том числе и работу по принятию материнской роли в период беременности. Однако целенаправленная работа по изучению психологических последствий тренинговых занятий отцовства не проводилась, и оценка их результативности редко подтверждалась конкретными данными. Ориентация проводимых нами групповых занятий на решение этих задач определена зарубежным и отечественным (преимущественно эмпирическим) опытом работы.

Опыт исследовательской и практической работы позволяет предположить, что в результате по-

добных занятий оптимизируется психическое состояние клиента, повышается его самооценка и самопринятие. Этот комплекс личностных изменений, влияющий в итоге на решение различных семейных проблем, предположительно можно считать подтверждением результативности групповых занятий как формы психологической поддержки человека. Однако, учитывая широкое распространение тренинговой работы, необходимо изучение динамики индивидуально-психологических качеств под воздействием тренинговых занятий и получение более точной исследовательской оценки их результативности.

Разработанная нами и постепенно модифицируемая система тренинговой работы повышения продуктивности отцовства, общее описание которой здесь представлено, состоит из нескольких стандартных блоков. Первый блок – «разогрев», второй блок – формирования доверительных отношений, третий блок – лекционный, четвертый – практический, пятый блок – релаксационный. Занятия проводились в рамках групп встреч и включали 10 – 11 встреч в течение 2-х месяцев. В группу набирались мужчины, имеющие одного (или более) ребенка, по 15 человек в каждую группу. Всего было проведено 3 группы.

В данной работе психологическая поддержка рассматривается как заданное воздействие на клиента в целях изменения его психического состояния для облегчения процесса принятия роли отца, взаимодействия с ребенком, обеспечения повышения продуктивности отцовства. Реализация данного воздействия может быть осуществлена на нескольких уровнях: когнитивном – как повышение самооценки, коррекция представлений человека о самом себе; мотивационном – как повышение активности человека, актуализация потребности в самопознании и саморазвитии; эмоциональном – как изменение текущего состояния клиента и формирование умений саморегуляции; поведенческом – как формирование эффективных умений и навыков для повышения эффективности операциональной сферы отцовства.

Второй и третий уровни могут быть объединены под общим названием саморегулятивный уровень, однако разделение их на два отдельных блока позволяет конкретизировать направленность упражнения.

В соответствии с таким подходом основными задачами данной тренинговой работы являются: снятие эмоционального напряжения для обеспечения эффективности взаимодействия с ребенком; актуализация эмоционального отношения к ребенку; информирование отцов о способах взаимодействия с ребенком; информирование отцов о влиянии отца на развитие ребенка и возможных последствиях нарушений отношений в диаде «отец-ребенок»; обучение умениям и навыкам эффективного поведения.

Таким образом, в работе с отцами необходимы мероприятия, направленные на оптимизацию их состояния, повышение активности и ответственности.

Во избежание упущения какого-либо аспекта отцовства в качестве основной концепции тренинго-

вой программы была принята разработанная нами модель феномена отцовства. Согласно нашей модели, в структуру отцовства входят следующие компоненты: потребностно-эмоциональный, включающий биологические, социальные аспекты мотивации, потребность в контакте, эмоциональные реакции, переживания; операциональный, как осведомленность и умения, операции по уходу за ребенком и общение с ним; ценностно-смысловой, как отношение отца к ребенку, включая экзистенциальные переживания. Кроме того, в данную структуру включается интегральный сквозной компонент – оценочный, в который входят 1) самооценка, как элемент Я-концепции, принятие или непринятие роли отца и рациональная и эмоциональная оценка себя как отца и своего ребенка; 2) а также социальная оценка окружающих, базирующаяся на принятых в данном конкретном обществе социальных стереотипах и предписаниях по выполнению роли, требованиях, которые необходимо соблюдать для соответствия статусу. Социальная оценка является базой для формирования собственной оценки, так как через социальные стереотипы формирует образы Я-идеального. Оценочный компонент является интегральным, так как пронизывает и влияет на все остальные компоненты структуры.

В соответствии с этим, теоретическая и практическая части были выстроены таким образом, чтобы в процессе работы были затронуты каждый из блоков.

Кроме того, для реализации поставленных целей были использованы упражнения на актуализацию имеющихся у человека ресурсов развития, включая: личностные ресурсы, как актуализацию особенностей восприятия; семейные ресурсы, а именно – отношения с людьми, на которых данный человек может опереться, в данном случае, это могли быть жена и родители; социальные ресурсы – ресурсы, предоставляемые социальной средой конкретного человека; культуральные – культурно закрепленные способы поведения или модели восприятия и оценки поведения.

Все эти ресурсы так или иначе задействуются при обращении к такому значимому аспекту жизни мужчины, находящегося в возрасте взрослости, как отцовство. Таким образом, при работе с любым из блоков отцовства мы обращались к перечисленным выше ресурсам развития человека, что позволяло использовать при работе собственный опыт мужчины, а также его представлении об обсуждаемом явлении.

Таким образом, главными задачами тренинга являются обеспечение отцов информацией, обучение навыкам взаимодействия с ребенком и оказание помощи в практическом применении полученных навыков в целях оптимизации этого взаимодействия.

Тренинговая программа включает теоретическую и практическую части. В теоретическом курсе

излагаются постулаты детской, семейной психологии и психологии развития, данные о развитии ребенка, о влиянии отца на развитие ребенка, специфических функциях и роли отца в жизни ребенка и семье, а также данные акмеологии о развитии личности в период взрослости, кроме того, о способах взаимодействия с ребенком, а также данные о конкретной деятельности, например способах решения конфликтных ситуаций, а также примеры взаимодействия с ребенком других отцов. Материалы были подготовлены на основе анализа литературных источников, таких, как монографии и статьи по детской психологии, акмеологии и семейной психологии, материалов работы В. Фтенакиса [6], а также сайта fathers.com, который предлагает большое количество описаний конкретного опыта взаимодействия конкретных отцов со своими детьми, а также сайта американского центра репродуктивного здоровья March Of Dimes.

Теоретический материал был представлен в лекционной форме, а также в форме дискуссий на заданную тему.

Собственно практическая часть включает в себя упражнения на принятие роли отца на различных уровнях: когнитивном, поведенческом и саморегулятивном (эмоциональном и мотивационном).

В процессе занятий использовались разнообразные психологические приемы и методы работы: психотехнические игры и упражнения, методы «мозгового штурма», фокус-группы и направленной дискуссии, кроме того, элементы психодрамы, сказкотерапия, ролевые игры. Отрабатывались умения и навыки общения.

Содержание групповых занятий адекватно отражает основные психологические проблемы, возникающие в процессе взаимодействия с ребенком. Они направлены на формирование психических состояний и развитие личностных качеств, обеспечивающих возможность оптимизации действий человека в данной жизненной ситуации (повышение эмоциональной устойчивости и уверенности в себе, информированности, повышение степени экстравертированности, формирование практичности и реалистического представления о жизни и самом себе).

Содержание занятий кратко представлено в таблице 1.

Эффективность данного тренинга подтверждается проведенной нами работой и соответствующим исследованием.

Однако психологическая работа с семьей и отцовством не ограничивается только групповой и консультативной работой и требует дальнейшей разработки психокоррекционных методик, методов практической, психотерапевтической работы с семьей и отцовством как важнейшим компонентом гармоничности семейной системы.

Таблица 1

№	Тема	Лекция	Ключевые упражнения *
1	Роль отца и матери в развитии ребенка. Специфика их функций.	История детства. Исторические модели семьи.	Обсуждение целей, мозговой штурм «Функции отца и матери», дискуссия «Аборт».
2		Подробная история отцовства. Понятие «новый отец».	Дискуссия «Жестокое обращение с детьми», общение в паре, ролевые игры.
3	Социальные стереотипы отцовства.	Отцовство как этап социализации мужчины.	Дискуссия, ролевые игры.
4	Отец в современной семье.	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. I).	Дискуссия «Ребенок в разводе», ролевые игры,
5	Деструктивное отцовство.	Проблемы детей, растущих без отца, детей, переживших насилие.	Дискуссия, ролевые игры, сказкотерапия.
6	Отец как воспитатель.	Влияние отцовского воспитания на развитие личности ребенка (ч. II).	«Выращивание цветка», «Запеленатые», письмо ребенку через 10 лет, сказкотерапия.
7	Взаимодействие с собственным отцом.	Этапы жизни семьи. Период взрослости.	Дискуссия «Яблоко от яблони...», «Кто Я. 10 эпитетов», «Любимая фраза моих родителей», «Незаконченные предложения», «Портрет семьи».
8	Взаимодействие с ребенком.	Опыт взаимодействия с ребенком до рождения.	Дискуссия, «рождение моего ребенка», ролевые игры.
9	Молодая семья.	Новорожденность. Младенчество. Дошкольный возраст.	Дискуссия «Мои советы», ролевые игры, «Ребенок в кровати»
10	Конфликтные ситуации между поколениями.	Подростковый возраст. Отец для девочки. Отец для мальчика.	Дискуссия-суд «Секс и молодежь – взгляд с противоположных сторон», проигрывание конфликтной ситуации в дисфункциональной семье, обмен опытом решения конфликтных ситуаций.
11	Отец как транслятор культуры.	Основные задачи периода взрослости (ч. II). Взрослые дети и их родители. Межпоколенная коммуникация в семье.	Дискуссия, сказкотерапия – анализ образа отца и матери в сказках и мифах, ролевые игры.

Приведенные теоретические и практические данные свидетельствуют о существовании насущной необходимости дальнейшего исследования отцовства и его функций в современном обществе. Нами рассмотрена только часть аспектов данной проблемы.

Большинство современных культурных споров о родительстве сосредоточилось на том, что матери должны делать вне семьи, а отцы – внутри семьи. Некоторая размытость современных норм относительно отцовства может приводить и к конфликтам между родителями. Известно, что некоторые отцы, принимавшие участие в родах своего ребенка, затем привязываются к нему, выполняя по существу материнскую функцию, оставляя при этом отцовские функции нереализованными. Конечно, такое положение дел приводит к недоразумениям и непониманию со стороны матери. В этой связи показателен такой пример: в США недавнее повышение интереса к отцовству привело к выступлениям сторонников прав женщин и матерей. Они полагают, что акцент на важной роли отца в семье может поддержи-

вать давнишнее предубеждение против семей матерей-одиночек, и что работа с отцами будет увеличена за счет работы с матерями-одиночками, и что проотцовские разговоры будут использованы сторонниками права «отцов» для того, чтобы бросить вызов пособию на ребенка и правилам посещения после развода.

С другой стороны, даже феминистски настроенные психологи недавно привели доводы в пользу большего акцента на отцовстве (предполагается, что вовлеченном отцовстве), что поможет отцам и принесет пользу женщинам, так же, как детям.

Таким образом, несмотря на то, что существуют определенные объективные свидетельства уязвимости отцовства в неблагоприятных социальных условиях, спада отцовского авторитета и кризиса семьи, можно говорить о постепенном изменении общественного мнения относительно отцовства. Значительная социальная детерминированность отцовства в этом смысле позволяет делать оптимистичные прогнозы.

Литература

1. Евсеенкова, Ю. В. Гендерные аспекты формирования родительских чувств в период ожидания ребенка [Текст] / Ю. В. Евсеенкова // Женщина. Образование. Демократия: материалы V Международной междисциплинарной научно-практической конференции (6–7 декабря 2002 г.). – Мн.: ЖИЭНВИЛА, 2003. – С. 222–225.
2. Олиферович, Н. И. Семейные кризисы: феноменология, диагностика, психологическая помощь [Текст] / Н. И. Олиферович, Т. А. Зинкевич-Куземкина, Т. Ф. Велента. – М.; Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2005. – 356 с.
3. Филиппова, Г. Г. Психология материнства. [Текст] / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.
4. Шерман, Р. Структурированные техники семейной и супружеской терапии [Текст]: руководство / Р. Шерман, Н. Фремдман. – М.: Класс, 1997. – 336 с.
5. Doherty, W. J. Family theories and methods: A contextual approach / P. G. Boss, W. J. Doherty, R. LaRossa, W. R. Schumm, & S. K. Steinmetz (Eds.) // Family theories and methods: A contextual approach. – New York: Plenum Press, 1993.
6. Fthenakis, W. E. Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie. Herausgeber: LBS-Initiative Junge Familie / W. E. Fthenakis/ Opladen: Leske & Budrich, 1999. – 352 p.

УДК 159.922.4:316.613

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ ОБ УСПЕШНОМ ЧЕЛОВЕКЕ
С СОДЕРЖАНИЕМ НАРОДНЫХ СКАЗОК**

(на примере татарского и чувашского этносов)

О. А. Браун, Н. Н. Русакова

**INTERRELATION OF REPRESENTATIONS OF YOUTH ABOUT THE SUCCESSFUL PERSON WITH
THE MAINTENANCE OF NATIONAL FAIRY TALES**

(on the example of the tatar and chuvash ethnoses)

O. A. Braun, N. N. Rusakova

В статье описываются результаты исследования представлений современной молодежи об успешном человеке. Делается сравнительный анализ особенностей этих представлений на примере этнических групп татар и чувашей. Анализируется взаимосвязь современных социальных представлений об успешном человеке и более ранних коллективных представлений, зафиксированных в народных сказках.

This article describes the results of a study of representations of today's youth about successful person. Is made a comparative analysis of characteristics of these representations by the example of ethnic Tatars and Chuvash. Was analyzed the relationship of contemporary social representations of the successful man and the earlier collective ideas, embodied in folk tales.

Ключевые слова: социальные представления, коллективные представления, этническая идентичность, молодежь, народные сказки.

Keywords: social representations, collective representations, ethnic identity, youth, Fairy Tales.

Социальные представления являются, с одной стороны, одной из наиболее популярных, а с другой – одной из наименее изученных областей социальной психологии. И дело здесь не только в динамичности самих представлений, которые, как известно, отражают особенности группы носителя и изменяются с течением времени под воздействием новой информации, и любых других факторов, оказывающих влияние на содержание массового сознания. Неисчерпаемой темой для исследований социальных представлений делает их многогранность. Объектом формирования представлений может стать любой человек или событие, имеющее достаточную важность для группы – носителя. А если еще учесть, что социальные представления отражают специфику той или иной социальной группы, которых, как известно, может быть выделено великое множество, поле для исследований становится поистине безграничным.

При этом, несмотря на большой эмпирический материал, накопленный к настоящему времени, сама теория социальных представлений со времён своего создателя – С. Московиси изменилась мало.

Согласно С. Московиси, социальные представления и ценности являются основной силой, интегрирующей людей в общество, именно они придают смысл таким социальным институтам и категориям как власть, закон, справедливость и т. д. С. Московиси формулирует несколько основных теоретических положений. Первое – общность поддерживается не столько знаниями и технологиями, сколько мнениями, символами и ритуалами. Второе – коллективные представления способны превратить людей из пассивных созерцателей в активных участников коллективных действий. Третье – общности могут выжить культивируя религиозные или магические верования, поскольку последние являются ярким примером коллективных представлений, что в данном случае имеет гораздо большее значение, чем

рациональность их содержания. Четвертое – значимые убеждения, знания и представления берут свое начало в процессе взаимодействия людей и по другому не образуются. Пятое – идеи и представления, возникшие в процессе взаимодействия людей и побуждающие их к совместной деятельности, укоренены в специфических структурах – клане, церкви, социальном движении, семье и т. д. [3].

Рассматривая социальные представления, свойственные различным обществам, С. Московиси предложил разделять собственно социальные представления – более подвижные и чувствительные к противоречиям идеи, свойственные современным обществам, и коллективные представления – однородные и нечувствительные к противоречиям идеи, характерные для традиционных общностей. Проведенное исследование, результаты которого будут изложены ниже, по сути, является попыткой сопоставить коллективные представления об успешном человеке, закрепленные в народных сказках и социальные представления о том же, свойственные современной молодежи.

Выбирая в качестве объекта социальных представлений категорию «успешного» человека, нас интересовал вопрос, насколько в представлении современной молодежи критерии успешного поведения похожи на зафиксированные еще в незапамятные времена в народных сказках. На наш взгляд, представления об успешности во многом зависят от ситуации, социального окружения и внешних ценностей. Еще М. Вебер отмечает, что формирование личности, ориентированной на успех в обществе, будет определяться типом культуры, в которой она формируется [2].

Как уже упоминалось, в качестве носителя коллективных представлений нами рассматривались народные сказки. В мировом творческом наследии жанр сказки представляет собой универсальное явление, при всем многообразии которого традиционные формулы сказки (сюжет, композиция, структура, герои) остаются стабильными для всех времен и народов. Генетические корни сказки как жанра устного народного творчества, возникшего из первобытного мифа, теряются в незапамятных временах, но уже с XVII века сказка, исчерпав себя как продуктивный вид фольклора, медленно затухает и деградирует, живя старым багажом. Многие сказковеды считают, что судьба сказки как самостоятельной языковой формы предопределена – она погибнет, вытесненная литературой [4].

Существуют различные гипотезы происхождения сказки. Одна из них – антропологическая, ее последователи (Ван Геннеп, Б. Малиновский) видели в сказке непосредственное отражение некогда живых представлений и обычаев, со временем забытых и сохранившихся в виде пережитков.

Лингвистическая гипотеза отражает эволюцию сказки как устной традиции народного творчества [4]. Исходя из анализа формальной структуры сказки, универсальной для многих культур, исследователи приходят к выводу о едином источнике воз-

никновения сказки и дальнейшем ее «кочевье» по странам и континентам.

Психоаналитическая гипотеза, возводя сказку к древним мифам, магии и снам, приписывает ей выражение «извечных подавляемых желаний» и «комплексов человека» (З. Фрейд, К. Юнг). В частности, З. Фрейд говорит о том, что литературное воображение реализуется непосредственно в исторической реальности [6]. К. Юнг же свидетельствует, что это литературное воображение реализуется непосредственно в нас самих. В основе теории К. Юнга лежит символ. Он, как и метафора, передает нечто большее, чем представляется на первый взгляд. К. Юнг считал, что вся картина нашего психического мира опосредована символами. Основной ролью символа, по мнению К. Юнга, является выражение архетипа. Архетипы – это врожденные элементы человеческой психики, отражающие общие модели чувственного опыта, выработанные в ходе развития человеческого сознания. Иначе говоря, архетипы – это метафорические прототипы, представляющие многочисленные этапы эволюции человечества. Существует много способов выразить или воссоздать архетип, наиболее распространенные из них – сны, мифы и сказки. В этих особых областях деятельности сознания неуловимый архетип обретает осязаемую форму и воплощен в действительности [7].

Сказка формирует определенные аспекты индивидуального сознания настоящего и будущего. Она, являясь элементом народной культуры, оказывает воздействие на формирование социальных представлений. Как средство воспитания сказка реализуется в раннем детстве, что способствует формированию базисных представлений о действительности, моделях поведения и в том числе чертах, характеризующих «успешного человека».

Естественно, что влияние сказки, как и любого средства воспитания, осуществляется не напрямую. В случае народной сказки оно, по нашему мнению, во многом опосредовано степенью идентичности личности с данным сообществом и рядом других переменных, изучение которых может стать темой отдельных исследований.

Что же касается данного исследования, нами для проверки были выдвинуты два положения:

- 1) социальные представления об успешном человеке имеют этническую специфику;
- 2) существует взаимосвязь между социальными представлениями об успешном человеке у современной молодежи с образами, заложенными в народных сказках.

Для проверки первой гипотезы мы сравнили представления об успешном человеке представителей двух этнических групп: татар и чувашей. В ходе проверки второго предположения нами был проведен анализ частоты упоминания определенных характеристик успешности в народных сказках и характеристик, называемых респондентами.

В качестве методов эмпирического исследования выступили:

1. Тест «20 ответов» М. Куна и Т. Макпартленда. Данная методика позволяет установить степень

выраженности социальной идентичности личности. Респондентам задают вопрос «Кто Я?», на который нужно дать двадцать ответов. В классическом варианте обработки методики, описанном Г. М. Андреевой, все ответы разделяются на четыре группы: А – физическое Я (как объект во времени и пространстве: «Я – блондин», «Я живу в Москве»), Б – социальное Я (место в группе, социальная роль: «Я – студент», «Я – сын»), В – рефлексивное Я (индивидуальный стиль поведения, особенности характера: «Я – веселый», «Я люблю рок-музыку»), Г – трансцендальное Я (абстрактная рефлексия вне зависимости от конкретной социальной ситуации: «Я – живое существо», «Я – часть вселенной») [1]. В нашем исследовании методика «20 ответов» была направлена, во-первых, на выявление этнической идентичности и, во-вторых, использовалась для контроля переноса на уровень группы своих личностных характеристик. Поэтому для анализа берутся два блока: «Б» – социальное Я и «В» – рефлексивное Я. Блок «В» состоит из качеств 5 групп: внешние, волевые, социальные, интеллектуальные и личностные характеристики.

2. Метод незаконченных предложений. Метод незаконченных предложений обладает широким исследовательским потенциалом возможностей. Проблемное поле, на котором он работает, достаточно широко и включает изучение социальных представлений, социальных установок, социальных стереотипов, ценностных установок и т. д. Метод позволяет выделить структуру образа: ядро и периферию. Ядро включает доминирующие элементы, периферия – менее значимые характеристики. Для выявления группового образа формируется факторная структура на основе смысловых блоков [5].

Цель метода незаконченных предложений в нашем исследовании – выделить образ «успешного человека» в двух этнических группах. Для составления незаконченных предложений об успешном человеке за основу был взят материал исследований образа «культурного человека», проведенных Г. Г. Татаровой [5]. Были составлены 16 предложений, которые были уточнены в ходе пилотажного исследования. В итоговый опросник вошло 13 предложений:

- 1) успешным человеком я называю...;
- 2) от других людей успешный человек отличается...;
- 3) успешный человек должен быть...;
- 4) обычно успешные люди...;
- 5) всех успешных людей объединяет...;
- 6) чаще всего успешного человека можно встретить...;
- 7) ближе всего к понятию «успешный человек» понятие...;
- 8) успешный человек никогда...;
- 9) успешный человек всегда...;
- 10) успешный человек обладает...;
- 11) противоположность успешному человеку...;
- 12) я не могу назвать успешным человеком того кто...;
- 13) успешный человек добивается...

Все предложения образуют несколько смысловых блоков: качества, характерные для успешного человека (вопросы: 1, 2, 3, 4, 5, 7); качества, которые не характеризуют успешного человека (вопросы: 11, 12); характеристики недолжного поведения (8 вопрос); характеристики должного поведения (9 вопрос); места, где можно встретить успешного человека (6 вопрос); предметы обладания (10 вопрос); цели, которых добивается успешный человек (13 вопрос).

3. Третий метод, использованный в исследовании – контент-анализ. С помощью этого метода нами изучалось содержание народных сказок, посвященное характеристикам успешного человека. Рассматривались сказки, принадлежащие двум этническим группам – татарам и чувашам. Для анализа сказок была составлена кодировочная инструкция, включавшая следующие категории: внешние характеристики (здоровый, красивый и т. д.), волевые характеристики (исполнительный, ленивый, рискованный, самостоятельный и т. д.), социальные характеристики (уважаемый и т. д.), интеллектуальные характеристики (глупый, думающий, сообразительный, умный и т. д.), личностные характеристики (властный, мстительный, незлопамятный, совестливый, справедливый и т. д.), достижения (материальные блага, создание семьи и т. д.).

В качестве объекта анализа выступали характеристики главного героя. Объем категорий и подкатегорий подсчитывался в количестве печатных знаков. Отдельно подсчитывается процентное соотношение объема упоминаний ко всему объему сказки.

Для статистического анализа использовался U-критерий Манна–Уитни.

В исследовании приняли участие 60 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (на основании Международной классификации ВОЗ, люди в этом возрастном периоде относятся к молодежи): 30 человек являются представителями татарского этноса, проживающие в с. Серебряково Тисульского района, и 30 человек являются представителями чувашского этноса, проживающие в с. Симбирка Ижморского района. Исследование проходило в мае 2009 года.

Анализ результатов исследования

Как уже упоминалось, для проверки нами были выдвинуты два основных положения, соответственно и в исследовании условно можно выделить два блока. Для начала мы попытались установить наличие этнической специфики в представлениях об успешном человеке, зафиксированных в народных сказках.

В татарских сказках успешный человек представляется как трудолюбивый, творческий, думающий, сообразительный, уважаемый, терпеливый, настойчивый, ловкий, хитрый. Перечисленные качества обладают наибольшей частотой представленности и относятся к ядру образа. Наиболее выраженными являются качества, отнесенные нами к интеллектуальному (думающий, сообразительный, творческий и т. д.) и волевому (терпеливый, настойчивый) блокам (таблица 1). С точки зрения, интер-

нальности и экстернальности, в татарских сказках преобладают характеристики интернальные, исключение – «уважаемый». Таким образом, можно говорить о том, что в коллективном сознании успешность связана скорее с личными качествами человека, а не с внешними признаками и обстоятельствами.

В чувашских сказках успешный человек наделен сообразительностью, самостоятельностью, целеустремленностью, смелостью, обладает сильным характером и волей, талантливый, щедрый и гостеприимный (таблица 1). То есть наиболее выраженными яв-

ляются качества, отнесенные нами к волевым характеристикам. С точки зрения интернальности и экстернальности, в чувашских сказках в образе героя имеются как внешние (щедрый, гостеприимный), так и внутренние характеристики (сообразительный, талантливый и т. д.). Таким образом, успешность определяется как личностными качествами, так и внешними характеристиками. Подобные внешние характеристики могут выступать как показателями, так и факторами достижения успеха главным героем.

Таблица 1

Образ успешного человека в сказках

	<i>Татарские сказки</i>		<i>Чувашские сказки</i>	
	<i>характеристика</i>	<i>% от содержания</i>	<i>характеристика</i>	<i>% от содержания</i>
Ядро (базис образа)	Трудолюбивый	7, 67	Сообразительный	7,39
	Творческий	4,44	Самостоятельный	3,92
	Думающий	4,34	Целеустремленный	3,30
	Сообразительный	3,95	Смелый	3,26
	Уважаемый	2,56	Сильная воля	3,03
	Терпеливый	2, 55	Творческий	2,78
	Настойчивый	2,16	Щедрый	2,7
	Ловкий	2,15	Гостеприимный	2,51
	Хитрый	2,12		
Периферия	Глупый	0,01	Уверенный	0,26
	Образованный	0,06	Совестливый	0,12
	Исполнительный	0,06	Образованный	0,06
	Щедрый	0,04	Инициативный	0,05
	Жадный	0,02	Лживый	0,03

Статистический анализ различий по двум выборкам проводился при помощи критерия Манна-Уитни (для оценки различий между независимыми выборками с непараметрическим распределением признаков). Наиболее достоверные результаты получены по показателю этнической принадлежности героя и по степени значимости семьи как критерия успешности. В чувашских сказках относительно большее значение приписывается этничности героя ($p = 0,48$). В татарских сказках идентичность достигается на основе общего содержания сказки, то есть прямо в тексте внимание на этнической принадлежности героя акцентируется в меньшей степени. Возможно, это связано с относительно большим влиянием доминирующего русского этноса на чувашей, таким образом, народные сказки были призваны сохранить этническую идентичность. Именно поэтому дополнительное внимание акцентируется на этнической принадлежности главного героя, призванного совершать великие дела, побеждать зло и восстанавливать справедливость. Косвенно это предположение подтверждается более выраженной этнической идентичностью (по данным опросника Куна), свойственной татарским респондентам (83 %), у чувашей этот показатель равен 62 %.

Кроме того, в качестве главного критерия успешности в чувашских сказках выступает семья. В

татарских сказках первостепенной задачей является материальное благо, а затем создание семьи, вероятно, в силу национальных особенностей, первое вообще является условием второго, что и отразилось в народном творчестве.

Таким образом, традиционно успешный человек наделяется преимущественно сходными характеристиками в обеих этнических группах. Возможно, подобное сходство связано с длительным воздействием русской культуры или с особенностями перевода сказок на русский язык или с рядом параметров, не учтенных в данном исследовании. Дальнейшие исследования с привлечением материалов на национальных языках и более автономных культур позволили бы более точно ответить на поставленные вопросы.

Что касается современных представлений об успешном человеке, свойственных молодым представителям этноса, здесь результаты расходятся сильнее.

В ядро социальных представлений татарской молодежи об успешном человеке вошли такие характеристики личности, как целеустремленный, трудолюбивый, успешный, умный, карьерист, думающий, самостоятельный. В основном в образе представлены качества, отнесенные нами к интеллектуальному и волевому блокам. Примечательно,

что, по мнению большинства опрошенных, успешный человек никогда не совершает поступки, предвзятительно не обдумав, никогда не помогает другим людям и самостоятельно, без помощи других, добивается своей цели. Основными внешними признаками успешности являются материальные блага и специфическая «среда обитания» успешных людей – города, крупные компании и офисы. Хотя в целом в образе преобладают интернальные характеристики. Противоположным успешному человеку в представлении татар, является человек ленивый и маргинальный. Респонденты склонны наделять себя и успешного человека такими качествами, как красота, настойчивость, направленность на карьеру, ум, трудолюбие (по этим качествам самоописания (тест Куна) и описания успешного человека имеют достаточно высокую, статистически достоверную корреляцию).

В ядро образа успешного человека, с точки зрения чувашского этноса, входят такие характери-

ки, как умный, уважаемый, счастливый, самостоятельный, целеустремленный, трудолюбивый, творческий, богатый, успешный. В основном в образе представлены качества, отнесенные нами к социальному (уважаемый, богатый, успешный) и волевому блокам (самостоятельный, трудолюбивый, терпеливый). Примечательно, что те же качества (счастливый, уверенный, умный) достаточно часто приписываются испытуемыми самим себе. Вероятно, здесь имеет место проявление механизма проекции. В образе в основном представлены экстернальные характеристики (богатый, успешный, признанный). То есть, успешный человек, в представлении чувашей, в большей степени наделяется внешними характеристиками, своего рода параметрами, индикаторами успешности. Противоположностью успешному человеку, так же, как и у татар, является ленивый и маргинальный человек (таблица 2).

Таблица 2

**Социальные представления об успешном человеке в двух этнических группах
(количество упоминаний)**

<i>Татары</i>		<i>Чуваши</i>	
<i>Характеристика</i>	<i>Показатель</i>	<i>Характеристика</i>	<i>Показатель</i>
Целеустремленный	18	Умный	12
Трудолюбивый	17	Уважаемый	12
Успешный	12	Счастливый	10
Умный	11	Самостоятельный	9
Карьерист	9	Целеустремленный	9
Думающий	8	Трудолюбивый	8
Самостоятельный	7	Творческий	7
		Богатый	7
		Успешный	7

При помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни, были выявлены статистически значимые различия в социальных представлениях между татарским этносом и чувашским. Татары в большей степени склонны наделять успешного человека такими характеристиками, как уверенный, трудолюбивый, хитрый. В их представлении успешный че-

ловек более самостоятелен, сам достигает поставленной цели (таблица 3). Чуваши успешного человека, в отличие от татар, наделяют такими качествами, как уважаемый, счастливый. Целью для него выступают материальные блага, ценностью для него – семья.

Таблица 3

**Различия в социальных представлениях об успешном человеке в зависимости
от этнической принадлежности (средние значения)**

<i>Характеристика</i>	<i>Этническая принадлежность</i>		<i>Коэффициент значимости, р</i>
	<i>татары</i>	<i>чуваши</i>	
Уверенный	0,6	0,3	0,02
Уважаемый	0,1	0,4	0,006
Счастливый	0	0,33	0,003
Трудолюбивый	0,56	0,26	0,02
Хитрый	0,26	0,06	0,03
Обладает семьей	0,03	0,2	0,04
Достигает всего самостоятельно	0,46	0,2	0,028
Достигает материальных благ	0,03	0,26	0,01

В целом полученные данные подтвердили наше предположение, что социальные представления об успешном человеке, помимо прочего, имеют и этническую, культурную специфику.

Для установления взаимосвязи между содержанием социальных и коллективных представлений

мы проранжировали по частоте встречаемости полученные в ответах респондентов и выявленные в содержании сказок характеристики (1 – наиболее часто упоминаемая черта, 2 – менее и т. д.) и сопоставили полученные ранги (таблица 4).

Таблица 4

Сопоставление средних рангов характеристик успешного человека в сказках и опросах респондентов (татары)

<i>Характеристики успешного человека</i>	<i>Ранг</i>	
	<i>сказки</i>	<i>респонденты</i>
Целеустремленный	10	1
Умный	4	4
Думающий	3	6
Трудолюбивый	1	2
Волевой	14	5
Уважаемый	4	30
Самостоятельный	23	3

Из приведенной таблицы видно, что наибольшее совпадение наблюдается по интеллектуальным характеристикам (умный и думающий) и трудолюбию. Таким образом, можно говорить о сохранении значимости данных качеств для успешного человека на протяжении довольно длительного времени. В то же время из таблицы видно, что в представлении современной молодежи значительно повысилось значение волевых компонентов, таких, как: целеуст-

ремленность, самостоятельность, воля. Причем условно эти характеристики можно назвать индивидуалистическими, зависящими от самого человека, при этом рост их значимости сопровождается падением значения «уважения окружающих» как критерия успешности.

Несколько иная картина наблюдается у чувашей (таблица 5).

Таблица 5

Сопоставление средних рангов характеристик успешного человека в сказках и опросах респондентов (чувашки)

<i>Характеристики успешного человека</i>	<i>Средний ранг</i>	
	<i>сказки</i>	<i>респонденты</i>
Умный	1	1,5
Уважаемый	28	1,5
Счастливый	12	3
Самостоятельный	3	4,5
Целеустремленный	6	4,5
Трудолюбивый	21	6
Творческий	9	7,5
Богатый	5	7,5

Здесь мы можем отметить противоположную тенденцию, а именно – возрастание значения внешних «социальных» признаков, таких, как уважение окружающих для характеристики успешности. Кроме того, прослеживается тенденция сближения в сознании людей понятий «счастье» и «успех». Сохраняется значение материального благосостояния как одного из важнейших критериев успешности, так же как и роль интеллектуальных (умный) и волевых (целеустремленный, самостоятельный) качеств для достижения жизненного успеха. При этом современная молодежь чаще начинает упоминать трудолюбие как качество, характерное для успешного человека. Интересный факт: респонденты-татары при описании успешного человека упоминают «трудолюбие» в два раза чаще, чем чувашки. Кроме того, в татарских сказках «трудолюбие» как характери-

стика успешного героя стоит на первом месте, а в чувашских – на 21. Возможно, именно в этом одно из объяснений большого значения данного качества для татарской молодежи.

В целом проведенное нами исследование позволяет констатировать наличие этнической специфики как в коллективных, так и в социальных представлениях об успешности. Причем современные представления расходятся намного значительнее. Кроме того, наметились некоторые направления исторического изменения представлений о характеристиках успешного человека и критериях личной успешности.

На наш взгляд, дальнейшие исследования в этой области, как кросс-культурные, так и культурно-исторические, позволят получить новые интересные результаты, которые, помимо чисто научной ценно-

сти, могли бы быть использованы в учебно-воспитательном процессе, как на уровне индивидов и групп, так и на уровне общества в целом, что, в свою очередь, позволит оказывать влияние на содержание социальных представлений и массового сознания вообще.

Литература

1. Андреев, Г. М. Психология социального познания: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений [Текст] / Г. М. Андреева – М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер [пер. с англ.]. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

3. Почебут, Л. Г. Социальные общности. Психология толпы, социума, этноса [Текст] / Л. Г. Почебут. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 284 с.

4. Пропп, В. Исторические корни волшебной сказки [Текст] / В. Пропп. – М.: Лабиринт, 2004. – 336 с.

5. Татарова, Г. Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях [Текст] / Г. Г. Татарова. – М.: Дом, 2004. – 206 с.

6. Фрейд, З. Художник и фантазирование [Текст] / З. Фрейд – М.: Республика, 1995. – 400 с.

7. Юнг, К. Архетипы и символ [Текст] / К. Юнг. – СПб.: Ренессанс, 1991. – 235 с.

УДК 159.923

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ЛИЧНОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Н. Ю. Будич

RELIGIOUSNESS AS A CONDITION OF PERSONALITY SELF-DETERMINATION

N. Y. Budich

В статье рассмотрена проблема личностного самоопределения, описаны факторы и условия, его определяющие. Личностная религиозность представлена как одно из условий успешного личностного самоопределения.

In this article the problem of personality self-determination and its factors and conditions is analyzed. Personality religiousness as condition successful personality self-determination is introduced.

Ключевые слова: личностное самоопределение, религиозность, бытийный подход.

Keywords: self-determination, religiousness, existence approach.

С точки зрения психологического подхода, заложенного в работах отечественных психологов, самоопределение рассматривается как процесс, в котором формируется личность, способная к самостоятельному активному построению собственной жизнедеятельности. Способность к самоопределению выражается в умении человека самостоятельно выбирать как руководящие принципы и способы деятельности, так и жизненный путь.

На современном этапе развития нашей страны проблема личностного самоопределения стоит наиболее остро как в социальном плане, так и в личностном (духовном) плане. С одной стороны, резко изменяющиеся общественные и экономические условия предъявляют к личности новые требования, заставляя ее заново самоопределяться и искать новые пути для самовыражения и самореализации. С другой стороны, наблюдаемый прогресс в развитии человечества и рост уровня потребления не гарантируют человеку наполненности духовной жизни, а, наоборот, приводят к ощущению бессмысленности собственного существования. В этой связи наблюдается рост числа социальных проблем, таких как суициды, алкоголизм, наркомания, преступность, которые по сути дела свидетельствуют о духовном неблагополучии современного общества. Исходя из этого, можно заключить, что решать проблему личностного самоопределения в плане выявления условий и факторов, способствующих успешности дан-

ного процесса, необходимо как на социальном уровне, так и на личностном (духовном) уровне.

Согласно бытийному подходу, все проявления реальности можно разделить на объективную и субъективную реальности. Объективная реальность представляет собой все то, что существует помимо сознания личности, она предшествует индивидуальной психике и определяет содержание внутреннего мира, то есть субъективную реальность. При этом в объективной реальности выделяют три пространства: пространство организмических явлений, пространство предметов и событий среды и пространство поведенческих паттернов (сложившихся в культуре способов оперирования с предметами). Необходимость согласования между этими пространствами объективных явлений приводит к возникновению личности как органа, обеспечивающего эту согласованность [4]. Таким образом, «объективная реальность» выступает как «бытие, которое определяет сознание».

В процессе развития личность не просто овладевает предваряющими ее пространствами явлений, но и становится субъектом бытия, способным к порождению новых образований в пространстве психики и стремящимся «экстериоризировать» себя в среду, привнося в нее «свое», преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами [4]. В результате пространства объективной реальности по мере формирования личности преобразуются в простран-

ства ее бытия, и уже «субъективная реальность» выступает как «сознание, которое определяет бытие».

Аутентичность бытия (процесс переструктурирования среды в соответствии со структурой личностных смыслов) или неаутентичность бытия личности (воспроизводство и трансляция в среду формально освоенных личностью социальных предписаний) зависит от степени успешности протекания процесса личностного самоопределения.

Личностное самоопределение предполагает нахождение личностью своей «внутренней сути», формирование у нее осознания цели и смысла жизни, которое происходит относительно ценностей, существующих в обществе, а также выбор будущего пути.

В зависимости от своей принадлежности к тому или иному направлению, зарубежные авторы высказывали различные точки зрения относительно существования личностного самоопределения, предполагая различную степень свободы человека от внешних или внутренних условий. К теориям так называемого «крайнего детерминизма», согласно которым личностное самоопределение невозможно, относят психоанализ З. Фрейда и необихевиоризм Б. Скиннера. Согласно этим авторам человеческое поведение является полностью детерминированным в первом случае – бессознательным, во втором – подкреплениями актуального социального окружения.

Теория идентичности Э. Эриксона считается теорией умеренного детерминизма. Э. Эриксон, продолжая считать бессознательное фундаментом личности, не отрицает влияние окружающей среды, наиболее выраженное на первых четырех стадиях психосексуального развития и уменьшающееся с развитием сознания. Важным вкладом Э. Эриксона в изучение личностного самоопределения является его разработка проблемы идентичности. Последняя представляет собой твердо усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к окружающему миру с соответствующими формами поведения. Важнейшим механизмом формирования идентичности, по Э. Эриксону, являются последовательные идентификации ребенка со взрослым. Достижение идентичности обеспечивает чувство непрерывности опыта взрослой жизни. В ряде случаев идентичность рассматривалась как аналог личностного самоопределения в зарубежной литературе. Мы полагаем, что личностное самоопределение является более широким понятием, так как включает в себя не только поиск и обретение идентичности, но и постановку целей, нахождение смысла жизни, конструирование своего жизненного пути.

К авторам, которые признают наличие детерминизма и вместе с тем считают личность активной и способной к самоопределению, можно отнести экзистенциалистски ориентированных авторов, таких как Э. Фромм, В. Франкл, Р. Мей и представителей когнитивного и социально-когнитивного направле-

ний – Дж. Келли и А. Бандура соответственно. Личностное самоопределение выражается в решении вопроса о степени своей свободы, по Э. Фромму, в занятии определенной позиции по отношению к внутренним и внешним обстоятельствам, по В. Франклу, в осознании собственных возможностей в рамках судьбы, по Р. Мей, в способности выбирать из числа имеющихся личностных конструкторов и создавать новые, по Дж. Келли, в способности воздействовать на самих себя, конструируя собственную судьбу, по А. Бандуре.

Такие психологи, как А. Адлер, А. Маслоу и К. Роджерс отстаивали абсолютную свободу личности от внешних или внутренних условий. А. Адлер полагал, что существует творческая сила, сосредоточенная в самой личности, благодаря которой она является самоопределяющейся. Из работ А. Маслоу следует, что самоопределение представляет собой определение своих личностных особенностей, предпочтений и осуществление на их основе выбора. По К. Роджерсу, самоопределению личности способствует тенденция актуализации, благодаря которой личность раскрывает свой потенциал и избавляется от внешнего контроля.

Конкретно понятие «самоопределение» встречается в работах Ш. Бюлер. Она исходила из того, что самоопределение и стремление к самоосуществлению являются одновременно врожденными свойствами сознания и движущими силами развития личности. Полнота и степень самоосуществления, по Ш. Бюлер, зависят от самоопределения, под которым понимается как способность индивидуума ставить такие цели, которые наиболее адекватны его внутренней сути, так и в целом «целевые структуры личности». По ее мнению, именно наличие жизненных целей приводит к интеграции личности и является условием сохранения ее психического здоровья, а их отсутствие вызывает неврозы. Ш. Бюлер заключила, что целевые структуры или самоопределения лежат в основе развития фаз жизни и перехода от одной фазы к другой.

В отечественной психологической науке можно выделить классический и постклассический подходы к личностному самоопределению. Классический подход основан на принципе детерминизма С. Л. Рубинштейна, согласно которому внешние условия не прямо и непосредственно определяют конечный результат, а преломляясь через действие внутренних условий, собственную структуру данного тела или явления. По существу, это означает, что всякая детерминация необходима как детерминация другим, внешним, и как самоопределение, определение внутренних свойств объекта. Внешняя детерминация преломляется через комплекс внутренних условий, в результате возникает самодетерминация. Благодаря последней, становятся возможны отношение, позиция, активность и свобода личности, при изучении которых и были получены основные данные, раскрывающие суть понятия «личностное самоопределение».

Как показывает анализ литературы в настоящее время можно говорить о трех основных подходах в рамках классического направления к установлению сути личностного самоопределения.

В первом случае психологи, изучая личностное самоопределение, делают акцент на нахождении личностью своей «внутренней сути». В работах Н. С. Пряжникова личностное самоопределение описывается как нахождение самобытного «образа», постоянное развитие этого образа и утверждение его среди окружающих людей. Т. М. Буякас предлагает рассматривать личностное самоопределение как преобразование самих себя в новом личностном опыте. Данные авторы ставят на первое место в личностном самоопределении познание человеком самого себя, благодаря чему он определяет свое собственное отношение к жизни и свое место в ней.

Во втором случае психологи описывают процесс личностного самоопределения через осуществление выбора. Так, Л. И. Божович считает, что личностное самоопределение предполагает выбор будущего пути, М. М. Шibaева – выбор способов и форм реализации жизненной концепции, В. Ф. Сафин – выбор цели и способов ее достижения. Осуществление выбора с последующей его реализацией в деятельности, в свою очередь, непосредственно связано с процессом образования мотивов и целей, а также с решением задачи на смысл, которое сопровождается осознанием личностных ценностей.

В третьем случае личностное самоопределение рассматривается как процесс, который подразумевает поиск цели и смысла своего существования, формирование у индивида осознания цели и смысла жизни и который происходит относительно ценностей, существующих в обществе, с целью выделения и обоснования для себя ценностно-смысловых оснований собственной жизненной концепции.

Наиболее полным и объединяющим все эти точки зрения, на наш взгляд, является понятие личностного самоопределения, которое предложил М. Р. Гинзбург. По его мнению, определение человеком себя в обществе как личности есть определение себя (самоопределение, занятие активной позиции) относительно социокультурных ценностей, и тем самым определение смысла своего существования.

Таким образом, в классическом понимании проблема личностного самоопределения возникает на стыке взаимодействия личности и общества и становится возможной благодаря изначальной разделенности всего сущего на две реальности – «субъективную» и «объективную».

Согласно постклассическому системному подходу, все понятия, содержащие «само-» предполагают «нечто идущее из внутреннего, нечто самопричинное, изнутри побуждаемое и регулируемое». В. Е. Ключко и Э. В. Галажинский предлагают путь преодоления дихотомии внутренних и внешних причин поведения через рассмотрение их связи внутри системы, центром которой является человек.

По их мнению, во взаимодействии субъекта с объектом рождается новая реальность, в которой исчезает детерминизм «внешнего», так как оно тоже становится «внутренним» по отношению к образовавшейся системе. Человек является сложной самоорганизующейся психологической системой, производит новообразования сложной «совмещенной» природы, на которые опирается в своем самодвижении, саморазвитии.

На протяжении всей жизни человеку приходится определять свое отношение к окружающей действительности, осуществлять множество выборов в соответствии со своими ценностными предпочтениями, поэтому в ходе своего развития он постоянно приходит к новому личностному самоопределению.

Личностное самоопределение представляет собой одновременно явление и процесс. М. Р. Гинзбург выразил статический и динамический аспекты личностного самоопределения через аспекты его структурных компонентов. М. Р. Гинзбург предложил такие структурные компоненты, как психологическое настоящее, психологическое прошлое и психологическое будущее, каждое из которых обладает ценностно-смысловым и пространственно-временными аспектами. В данном случае личностное самоопределение предстает как обретение человеком своего ценностно-смыслового единства и его реализация.

Выделенные М. Р. Гинзбургом аспекты личностного самоопределения, на наш взгляд, согласуются с дифференцированием Г. В. Биренбаум и Б. В. Зейгарник пространства психических явлений на смысловое и действенное поле. Первое было определено как смысловой слой сознания, а второе – как бытийный слой психики, в котором представлены три пространства явлений, имеющие непосредственное продолжение в объективной реальности: пространства организмических состояний индивида, реалий среды и деятельности.

Согласно бытийному подходу, смысловое поле в структуре личности занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами ее бытийности. При этом развитие личности и обретение человеком личностной зрелости связывается с действием «способности к порождению новых образований внутри пространства смыслов и самоактуализацией, трактуемой как экспансия Я на внешние пространства» [3].

Мы полагаем, что личностное самоопределение является тем психологическим феноменом, который помогает понять и объяснить механизм формирования и действия данной способности. Личность принимает смыслы, которые ей внутренне необходимы в данный период жизни. В результате решения «задачи на смысл» осознаются наиболее общие смысловые образования – ценности. Смыслы и ценности создают эскиз будущего и тем самым направляют дальнейший ход жизни личности. На пути присвоения ценностей личность постоянно сталкивается с

проблемой выбора. Причем показателем личностного самоопределения является только тот выбор, в котором отдается предпочтение ценности более высокого порядка. Пространственно-временной аспект личностного самоопределения предполагает самореализацию и планирование, которое позволяет человеку представить свое будущее и упорядочить его, разбивая на последовательность ряда целей.

Низкая осмысленность жизни или отсутствие смысла жизни приводят к возникновению экзистенциального вакуума и экзистенциальной фрустрации. Экзистенциальный вакуум переживается как ощущение внутренней пустоты, бессмысленности и может привести к ноогенному неврозу, в основе которого лежат духовная проблема и моральный или этический конфликт, например, конфликт между Супер-эго и истинным сознанием. Экзистенциальная фрустрация является следствием фрустрированности стремления к смыслу и может переживаться в форме апатии и скуки.

Итогом распространения экзистенциального вакуума и экзистенциальной фрустрации выступает повсеместная невротизация человечества, описывая которую В. Франкл использует термин «массовая невротическая триада». Компонентами этой триады являются депрессия, наркомания (алкоголизм) и агрессия. Депрессия возникает в результате экзистенциальной фрустрации и может привести к самоубийству. К наркотикам (алкоголю) чаще всего обращаются люди, имеющие низкие жизненные цели, желая найти смысл жизни, или, страдающие от ощущения бессмысленности и окончательно отчаявшиеся в своих поисках смысла. Агрессия является следствием экзистенциального вакуума и вызывает повышение уровня преступности, в том числе рост количества убийств. Повсеместное распространение депрессии, наркомании (алкоголизма), агрессии свидетельствует о неуспешности протекания личностного самоопределения, связанного с обеднением духовного содержания человека. От осознания своей беспомощности, невозможности достижения в этих условиях нравственного идеала у человека нарастает психическая напряженность. Эта напряженность и растерянность служат предпосылкой для начала его продвижения к самоопределению, которое способствует разрядке этого напряжения и тем самым нормализует самочувствие.

Таким образом, личностное самоопределение представляет собой процесс, который позволяет осуществить содержательное конструирование человеком своего жизненного поля, под которым понимается совокупность индивидуальных ценностей, смыслов и пространство реального действия (актуального и потенциального), охватывающего прошлое, настоящее и будущее [3].

Среди условий и факторов личностного самоопределения называют такие, как сознание, самосознание, аутопсихологическая компетентность личности, активность личности и уверенность в себе. Сознание позволяет личности осуществлять выбор, вы-

рабатывать определенное отношение к действительности и производить целеполагание. С помощью сознания закрепляется различение субъекта и объекта, то есть того, что принадлежит «Я» человека и его «не-Я». Благодаря самосознанию, человек осознает себя как «индивидуальную реальность», как личность, осознает свои особенности, своеобразие и определенным образом относится к себе. В самоопределении субъекта самосознание выполняет такие функции, как целеполагание, самооценивание, саморегуляция и самореализация. Аутопсихологическая компетентность, основанная на определенном уровне самосознания и саморегуляции, обеспечивает человеку знания о самом себе и адекватную оценку своих возможностей, а также способность к оптимальному взаимодействию с окружающим миром в силу наличия «внутреннего локуса контроля» в оценке событий. Активность позволяет личности перейти от решения поставленных перед ней задач к самостоятельной формулировке качественно новых задач. Уверенность в себе, понимаемая как принятие своих действий, решений, навыков как правильных, уместных, или принятие себя, обеспечивает оптимальное чувство эго-идентичности, устойчивую активность и целеустремленность.

Что касается религиозности, то религия представляет собой систему мышления и действия, которая позволяет человеку вести осмысленное существование, дает ему объект для преданного служения. Высшая цель, освещающая цель человека, наперед окрашивает для него все ведущие к ней действия в цвет необходимости. Это придает его стремлениям неукротимую силу. Вера в ее достижение пролагает пути к действию, мобилизует волю, образуя основание уверенности в правоте избранного пути. Если человек не имеет значительных целей и стремлений, он теряет всякую возможность понять смысл жизни. Тайна земного бытия остается для него побочной проблемой, поэтому он не созревает как личность и проходит по жизни в полусмысленном состоянии, так и не испытав тех мощных положительных эмоций, которые способны перестроить всю иерархию его Модели Мира [1].

Религиозная вера является одним из центральных компонентов религиозности. Она представляет собой осознанное переживание отношений с Богом, подкрепленное свободным выбором. Вера характеризуется субъектностью, являясь крайне личностным переживанием, и значительной субъективностью [5].

Религиозность человека проявляется в деятельности и поведении, являясь одновременно и одной из направляющих развития личности. При рассмотрении религиозности выделяют ее различные аспекты [5]. Когнитивный аспект религиозности представлен религиозными знаниями и представлениями, также специфическими – не рациональными, а преимущественно символическими способами познания. Мотивационный аспект религиозности проявляется в религиозных потребностях, религиозных

ценностях, идеалах, убеждениях и мировоззрении. Мотивационный компонент религиозности характеризуется тем, что сама религиозность становится одной из ведущих ценностей и определяет иерархию ценностей в соответствии с религиозными взглядами. Религиозные компоненты мотивации у религиозно зрелого человека в значительной мере свободны от социальных влияний.

Эмоциональный аспект религиозности является и значимым, и специфичным. Религиозные переживания характеризуются сложностью и амбивалентностью, сочетанием противоположных переживаний с тенденцией их синтеза и поглощения значимыми положительными переживаниями. Особое значение в развитии христианской религиозности приобретает чувство любви, носящей характер жертвенной самоотдачи [5].

Деятельностный аспект религиозности характеризуется тем, что мотив религиозных действий совпадает с ее целью; если это не так, то деятельность не является религиозной. В силу этого данная деятельность не содержит автоматизированных операций. Религиозная деятельность является творческой и осмысленной, способствует личностной самореализации, даже если другие виды деятельности (трудовая, коммуникативная) не дают для этого возможностей [5].

Таким образом, религиозность способствует осмыслению жизни, противостоит отчуждению, является направляющей личностного развития. Религиозная деятельность является творческой и индивидуализированной по своей сути, поэтому ее присутствие в жизни человека дает возможность любому человеку проявить свои творческие способности и самореализоваться.

В Православной церкви путь развития осознанной и действенной религиозности называют воцерковлением, которое проявляется в расширении религиозности до границ жизни в целом: поступки, нравственный выбор органично следуют из религиозных чувств, знаний, убеждений и представлений. Жизненные цели и ценности глубоко религиозного человека определяются мировоззрением, в котором сочетаются как собственно религиозные, так и общечеловеческие компоненты. Эти компоненты сливаются в религиозное мировоззрение – оно существует, если все эти компоненты согласуются друг с другом, мировоззрение является целостным и непротиворечивым. Признаком сформированного мировоззрения является осознанная иерархия ценностей, осознание целей и жизненных смыслов, связанных с религиозностью.

Согласно большинству христианских авторитетов, необходимым условием развития личности в христианстве является психологическая свобода, отказ от зависимостей и психологических игр, преодоление психологических барьеров и нравственная свобода, при обретении которой личность действует по нравственным мотивам.

В этой связи религиозность предстает как одно из условий успешного личностного самоопределения. Воцерковленность же человека выступает гарантом того, что последний не будет склонен проявлять девиантные формы поведения или заниматься преступной деятельностью, будет более устойчив к переменам и катаклизмам в социально-экономической жизни страны, будет иметь четко определенные цели в жизни и будет стремиться к их осуществлению.

Исходя из этого, можно заключить, что религиозность на всем протяжении жизни человека определяет как ценностно-смысловой, так и пространственно-временной аспекты личностного самоопределения, тем самым способствуя его успешности.

В ходе жизни личность постоянно сталкивается с проблемой личностного самоопределения (переопределения), решение которой воплощается в создании новых или переформулировании старых жизненных целей, и в обретении новой структуры личностных смыслов, что способствует развитию личности, овладению личностью среды и привнесению в последнюю чего-то «своего», то есть обретая зрелость, личность не только освобождается от детерминации объективной реальности, но и как субъект трансформирует свою среду жизни и создает собственный жизненный путь.

Литература

1. Грановская, Р. М. Психология веры [Текст] / Р. М. Грановская. – СПб.: Речь, 2004. – 576 с.
2. Гинзбург, М. Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема [Текст] / М. Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1988. – № 2. – С. 19 – 26.
3. Гинзбург, М. Р. Психология личностного самоопределения [Текст] / М. Р. Гинзбург: автореф. дис... док. психол. наук. – М., 1996. – 60 с.
4. Психология личности [Текст]: учебное пособие / под ред. проф. П. Н. Ермакова, проф. В. А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007. – 653 с.
5. Черняева, С. А. Развитие личности и психологическая помощь в свете христианского мировоззрения [Текст]: монография / С. А. Черняева. – СПб: Речь: СПбАППО, 2007. – 192 с.

УДК (159.955:316.334.23)/316.37

**ОБРАЗ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ У ШКОЛЬНИКОВ, СТУДЕНТОВ,
РАБОТАЮЩИХ И ПЕНСИОНЕРОВ****Н. А. Воробьева****IMAGE OF THE BUSINESSMAN AT SCHOOLBOYS, STUDENTS, WORKMAN AND PENSIONERS****N. A. Vorobyeva**

В данной статье приводятся результаты исследования образа предпринимателя у различных социальных групп. Представлена характеристика теории социальных представлений как теории «нового типа» в психологии. Описаны основные содержательные характеристики образа предпринимателя у школьников, студентов, работающих и пенсионеров.

In given article results of research of the Image of the businessman at various social groups are resulted. The characteristic of theories of social representations as is presented the theory of «new type» to psychology. The basic substantial characteristics of an image of the businessman at schoolboys, students, workman and pensioners are described.

Ключевые слова: образ предпринимателя, социальные представления, конструирование образа социального мира.

Keywords: an image of the businessman, social representations, designing of an image of the social world.

Изучение образа предпринимателя является исследованием социальных процессов и социальных проблем, которые характерны для современного российского общества. Предпринимательство, как относительно новый феномен социальной жизни России, на наш взгляд, требует более высокого осмысления, изучения и конструирования в массовом сознании. В современной социальной психологии актуальными являются исследования, изучающие процесс конструирования образа различных социальных явлений (элементов социального мира): образ – Я, образ Другого, образ Группы, образ Времени, образ Среды и других. Анализ работы с социальной информацией дает представление о том, как личность строит свой социальный мир, как конструирует его образ.

Наряду с другими теориями, на наш взгляд, важнейшей теоретической основой, объясняющей процесс формирования образов социальных явлений, является теория социальных представлений. Продуктом социального представления является образ (в нашем случае образ предпринимателя). Понимание образа зависит от характера социальных процессов, устойчивость образа зависит от характера социальных изменений [1].

Теория социальных представлений является примером теорий нового типа, задача которых «генерировать новые формы поведения», так как описания и объяснения мира сами конструируют определенные формы социального действия [1]. Это новый уровень социально-психологических теорий, при помощи которых не только расширяется спектр тех социальных явлений, построение образа которых можно лучше понять, но и осуществляется переход от индивидуального к массовому сознанию. Теория социальных представлений преодолевает «асоциальность», так как социальное представление «не есть мнение отдельного человека, это мнение группы» (т. е. понимается как продукт совместной деятельности) [1]. Характер социальных представлений – элемент массовой культуры, так как соци-

альное представление включено в более широкую систему коммуникаций. Культура создается в общении и через его посредство, а принципы общения отражают общественные отношения. Поэтому социальные представления как создают массовую культуру, так и отражают ее. По мнению С. Московиси (автора теории социальных представлений), социальные представления группы порождаются на уровне всего общества как средство служения групповым целям в этом обществе. Существует система социальных представлений в каждом данном обществе и в определенный период его существования, это важнейшее условие формирования некоторого образа мира не только для одной группы, но также и для более крупных сообществ, а в определенных чертах – для общества в целом [2].

В настоящее время социальная структура российского общества претерпевает процесс трансформации, что заключается в перераспределении статусных позиций людей и групп. Предприниматель – одна из фигур новой рыночной экономики России, не без основания претендующая на роль новой элиты, так или иначе затрагивающая интересы всех без исключения социальных групп российского общества, вызывая тем самым социальные конфликты [3]. Выявление отношения широких масс населения к различным видам предпринимательской активности важны для оценки социально-психологической обстановки, сложившейся сегодня в России. Все перечисленные аспекты подчеркивают актуальность нашего исследования.

Существенный вклад в исследование проблемы социальных представлений внесен французской психологической школой (С. Московиси). Теоретические обобщения представлены в отечественной психологии такими авторами, как Г. М. Андреева, П. Н. Шихирев, А. И. Донцов, Т. Емельянова. Под социальным представлением в современной психологии понимается обыденное представление какой-либо группы о тех или иных социальных явлениях, т. е. способ интерпретации и осмысления повсе-

дневной реальности. Социальное представление – это общее видение реальности, присущее данной группе, которое может совпадать или противостоять взглядам, принятым в других группах [1, с. 264]. Это видение реальности ориентирует действия и взаимосвязи членов данной группы. Социальное представление и выступает как фактор, конструирующий реальность для индивида и для группы.

При помощи социальных представлений каждая группа строит определенный образ социального мира, его институтов, власти, законов, норм. Через анализ социальных представлений различных больших групп познается их психологический облик [2]. Механизм связи группы и выработанного ею социального представления выступает в следующем виде: группа фиксирует некоторые аспекты социальной действительности, влияет на их оценку, использует далее свое представление о социальном явлении в выработке отношения к нему. С другой стороны, уже созданное группой социальное представление способствует интеграции группы, как бы «воспитывая» сознание ее членов, доводя до них типичные, привычные интерпретации событий, т. е. способствуя формированию групповой идентичности. Социальные представления, порожденные группой, достаточно долговременны, они могут передаваться из поколения в поколение, хотя при определенных обстоятельствах могут, конечно, и меняться со временем. Существуют структура формирования социальных представлений, она складывается из трех компонентов: информация, поле представления, установка.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы социальных представлений о предпринимателе в теоретическом плане, а также необходимостью изучения процесса формирования массовой культуры относительно нового феномена – предпринимательства в современной России.

Современное понятие предпринимательства сложилось в середине XX века (в зарубежных странах), однако до настоящего времени происходят дискуссии относительно данного феномена. Так, Й. Шумпетер назвал предпринимателями людей, осуществляющих инновации. Предприниматель, по его мнению, это новатор, нарушающий равновесие экономической системы, а предпринимательство выступает такой функцией этой системы, которая обеспечивает ее динамику [4]. Й. Тюнен, Ф. Найт предложили свое понимание сущности предпринимательства как хозяйственной деятельности, основанной на риске. Так, Ф. Найт обращает внимание на то, что субъекты рынка действуют в условиях неопределенности будущего, неполной информации, поэтому их выбор при принятии решений сопряжен с риском [4]. Предприниматели берут на себя риск выявления, использования и распространения новых возможностей, ресурсов, технологий и их комбинаций. Существование неопределенности возможно только в неравновесной, динамичной модели рыночной системы, где все будущие события не могут быть в точности предсказаны. Условия современной

экономики России настолько неопределенны, что, согласно идеям Ф. Найта, любой человек, занимающийся бизнесом, может быть назван предпринимателем [4]. Ю. А. Чепуренко, основываясь на законодательном понимании феномена предпринимательства, считает, что независимые предприниматели представляют собой наиболее многочисленный слой частных собственников и в силу своей массовости играют значительную роль не только в социально-экономической, но и в политической жизни России. По своему экономическому положению и условиям жизни частные предприниматели близки к большей части населения и составляют основу среднего класса [3].

Так как законодательно установленное предпринимательство в России появилось не так давно, до сих пор, на наш взгляд, остаются открытыми вопросы: каков социальный портрет нового российского предпринимателя? Какое отношение у различных социальных групп к данной социальной страте? Какой смысл вкладывают люди в понятие предприниматель и предпринимательство? Некоторые социологические и социально-психологические исследования лишь частично отвечают на данные вопросы (в большей степени описывают социальный портрет предпринимателя).

Так, проблеме социального портрета предпринимателя посвящены социологические исследования А. Ю. Чепуренко и В. В. Радаева, в которых речь идет о людях активного среднего возраста – чаще всего от 36 до 45 лет. [5]. Новые российские предприниматели в большинстве своем мужчины (число женщин-предпринимателей варьируется от 10 до 15 %.) [5]. Средний образовательный уровень предпринимателей весьма высок. Около 80 % из них – люди с дипломами о высшем образовании. Около 10 % новых предпринимателей имеют также ученую степень [5].

В. В. Радаев выделил основные социальные группы, из которых происходят предприниматели: политическая номенклатура и члены их семей; директора государственных предприятий и их заместители; специалисты с высшим образованием; дельцы «теневой экономики» [6]. Свою классификацию мотивов выбора предпринимательской деятельности предлагает В. Г. Рябков [7]. По мнению автора, существуют предприниматели которые пришли к данной деятельности или под давлением обстоятельств, или прошли путь из специалистов в предприниматели, или вышли из «бизнес-инкубатора» («инкубаторные предприниматели»), или пришли в дело по наследству («предприниматели по традиции»), или являются «предпринимателями по природе» (имеют «дух предпринимательства») [7].

Таким образом, предпринимательство выступает как особый вид деятельности. Необходимым признаком предпринимательства являются экономическая свобода и административная самостоятельность принятия решений. Деятельность предпринимателя в современной России во многом сопряжена с риском.

Целью нашего исследования являлось изучение социальных представлений о предпринимателе у различных социальных групп (школьники, студенты, работающие, пенсионеры). Исследование проводило в городе Кемерово в 2008–2009 годах. В исследовании приняли участие 100 человек: школьники 10–11-х классов школ г. Кемерово (25 человек), студенты высших учебных заведений г. Кемерово, (КемГУ, КемГУПП, КузГУКИ) (25 человек), работающие в различных профессиональных сферах (руководители, служащие, специалисты, рабочие) (25 человек), пенсионеры (25 человек). Были использованы следующие методы исследования: мини-сочинение на тему: «Кто такой предприниматель?», метод незаконченных предложений, анкетирование, метод контент-анализа, проверка гипотезы с помощью критерия χ^2 (хи-квадрат).

Проанализируем основные полученные результаты. В социальных представлениях о предпринимателе преобладают представления о нем как о мужчине (у школьников – 64 %, студентов – 80 %, работающих – 68 %, пенсионеров – 84 %). Полученные данные практически совпадают с исследованиями о социальном портрете предпринимателя.

В социальных представлениях о возрасте предпринимателя доминирует возраст в интервале от 30 до 35 лет (таблица 1).

В представлениях об уровне образования предпринимателя также отмечается общая тенденция, это два и более высших образования (таблица 2).

Таблица 1

Представления о возрасте предпринимателя у различных социальных групп

<i>Категории контент-анализа</i>	<i>Школьники, (%)</i>	<i>Студенты, (%)</i>	<i>Работающие, (%)</i>	<i>Пенсионеры, (%)</i>
18-25	8	20	12	4
25-30	8	24	8	4
30-35	80	36	44	76
35-40	4	20	36	16

Таблица 2

Представления об уровне образования предпринимателя

<i>Категории контент-анализа</i>	<i>Школьники, (%)</i>	<i>Студенты, (%)</i>	<i>Работающие, (%)</i>	<i>Пенсионеры, (%)</i>
Одно высшее образование	36	32	36	20
Два высших образования и более	40	36	44	72
Средне-техническое образование	16	20	12	4
Средне-специальное образование	8	12	8	4

Это позволяет нам утверждать, что в целом образ предпринимателя характеризуется как высокообразованная личность (критерий χ^2 подтверждает полученные данные ($p \leq 0,05$)).

Семейное положение предпринимателя характеризуется всей выборкой как женат/замужем (у школьников – 80 %, студентов – 84 %, работающих – 76 %, пенсионеров – 76 %). В представлениях о количестве детей у предпринимателя также выделяется общая тенденция – это два ребенка (у школьников – 44 %, студентов – 80 %, работающих – 52 %, пенсионеров – 60 %).

В социальных представлениях о сфере занятости предпринимателя соотношение категорий контент-анализа распределилось следующим образом (таблица 3).

Таким образом, преобладает представление о торговой деятельности предпринимателя. Сравнение

частотных распределений дает нам статистически достоверные различия по данному критерию ($p \leq 0,05$).

В ходе контент-анализа нами были выделены категории, отражающие отношение различных групп к предпринимателю (таблица 4).

Отношение населения к образу предпринимателя во всех рассматриваемых социальных группах в большинстве случаев положительное. Однако, как показывают результаты, полученные методом χ^2 , у группы пенсионеров отношение к предпринимателям менее положительное, чем в остальных группах ($p \leq 0,05$).

Одним из показателей отношения к предпринимательству является желание испытуемых заняться данной деятельностью (таблица 5).

Таблица 3

Представления о сфере занятости предпринимателя

Категории контент-анализа	Школьники, (%)	Студенты, (%)	Работающие, (%)	Пенсионеры, (%)
Торговля	60	60	48	36
Производство	20	16	24	20
Услуги	12	8	8	12
Сельское хозяйство	8	16	20	32

Таблица 4

Отношение к предпринимателю в социальных представлениях

Категории контент-анализа	Школьники, (%)	Студенты, (%)	Работающие, (%)	Пенсионеры, (%)
Положительное	76	84	88	68
Отрицательное	16	12	12	32
Нейтральное	8	4	0	0

Таблица 5

Представления испытуемых о желании заняться предпринимательством

Вопрос анкеты: «Хотели бы Вы лично заняться предпринимательством?»				
Распределение ответов в %	Школьники	Студенты	Работающие	Пенсионеры
Хочу, и возможность сделать это в будущем есть	8	32	32	0
Хочу, но не позволяют возраст и здоровье	12	16	8	96
Хочу, но не могу из-за особенностей характера или недостатка знаний	8	12	8	0
Хочу, но не имею стартового капитала	72	32	48	0
Не хочу, так как это противоречит моим жизненным установкам	0	8	4	4

Математический анализ частотных распределений дает следующие статистически достоверные результаты ($p \leq 0,05$). В группе школьников и работающих преобладает ответ – «Хочу, но не имею стартового капитала». В группе студентов к данному ответу добавляется ответ – «Хочу, и возможность сделать это в будущем есть». В группе пенсионного возраста фактически единственный ответ на этот вопрос – «Хочу, но не позволяют возраст и здоровье».

В результате исследования были выявлены представления о личностных особенностях предпринимателя (представленные категории представлены в %) (таблица 6).

Анализ частотных распределений ответов о личностных особенностях предпринимателя на высоком уровне статистической значимости показал следующие наиболее часто упоминаемые характеристики: «трудолюбив», «предприимчив», «развито умение прогнозировать», «расчетлив». Школьники, студенты и работающие в группе коммуникативных характеристик чаще выделяют «общительность», а в

группе пенсионного возраста – «решительность» ($p \leq 0,05$).

В отношении к себе доминирует качество «уверенность в себе». Среди других личностных особенностей в образе предпринимателя доминирует «целеустремленность».

В ходе контент-анализа были выявлены категории в социальных представлениях, характеризующие отношение предпринимателя к людям.

В социальных представлениях о предпринимателе в контексте отношения к людям преобладает характеристика «умение контактировать с людьми». Однако у группы пенсионного возраста в образе предпринимателя более высоко представлено негативное отношение предпринимателя к людям ($p = 0,03$). Так же существуют представления о возможной незаконной деятельности предпринимателя, которые преобладают в группах школьников, студентов и пенсионеров (статистическое отличие по критерию хи-квадрат найдено с группой работающих ($p \leq 0,05$) (таблица 7).

В ходе исследования выявлялись представления о необходимых условиях для начала предпринимательской деятельности.

Таблица 6

Представления о личностных особенностях предпринимателя у различных социальных групп

<i>Категории контент-анализа</i>	<i>Школьники, (%)</i>	<i>Студенты, (%)</i>	<i>Работающие, (%)</i>	<i>Пенсионеры, (%)</i>
<i>1) деловые качества:</i>				
Предприимчивость	20	20	28	20
Трудолюбие	24	16	20	40
Расчетливость	8	12	16	12
Проявление творческого подхода к работе	12	8	12	12
Компетентность	16	20	0	4
Умение прогнозировать	20	24	24	12
<i>2) коммуникативные характеристики:</i>				
Общительность	52	60	72	20
Коммуникабельность	24	20	8	28
Чувство юмора	8	4	8	12
Решительность в общении	16	16	12	40
<i>3) отношение к себе:</i>				
Уверенность в себе	84	76	80	96
Самокритичность	8	4	16	4
Респектабельный вид	8	20	4	0
<i>4) другие личностные особенности:</i>				
Целеустремленный	40	44	28	36
Склонность к риску	8	8	16	4
Ответственный	8	16	24	20
Любознательный	4	8	4	8
Рассудительный	8	4	4	4
Наблюдательный	12	4	16	4
Интеллектуальное развитие	20	8	4	20
Упорный	0	8	4	4

Таблица 7

Представления об отношении предпринимателя к людям

<i>Категории контент-анализа</i>	<i>Школьники, (%)</i>	<i>Студенты, (%)</i>	<i>Работающие, (%)</i>	<i>Пенсионеры, (%)</i>
Предприимчивость в отношениях с людьми	20	20	20	16
Проявление уважения к людям	28	8	24	16
Умение слушать других	12	4	4	8
Способность убеждать других	20	8	36	20
Умение контактировать с людьми	32	56	16	20
Негативное отношение к людям	8	4	0	20

Таблица 8

Представление об участии предпринимателей в преступных махинациях и «нечестных» хозяйственных сделках

Вопрос анкеты: «Как Вы считаете, предприниматели замешаны в преступных махинациях и «нечестных» хозяйственных сделках?»				
<i>Варианты ответов (в %)</i>	<i>Школьники</i>	<i>Студенты</i>	<i>Работающие</i>	<i>Пенсионеры</i>
Уверенно да;	8	12	12	20
Больше да, чем нет;	48	40	28	44

Не уверен, не знаю;	16	20	20	20
Больше нет, чем да;	28	28	40	16

Таблица 9

Представления об условиях начала предпринимательской деятельности

Вопрос анкеты: «Подчеркните несколько вариантов, что, по Вашему мнению, необходимо для успешного начала предпринимательской деятельности?» (выберите три наиболее важных варианта ответа)				
<i>Варианты ответов</i>	<i>Школьники</i>	<i>Студенты</i>	<i>Работающие</i>	<i>Пенсионеры</i>
1. Особый предпринимательский склад характера	14	10	8	8
2. Стартовый капитал.	18	22	24	23
3. Личные связи в органах власти (муниципальной, городской, региональной).	14	10	15	12
4. Личные связи в правоохранительных органах.	0	2	1	2
5. Личные связи в контролирующих органах (пожарная инспекция, СЭС и т.п.)	0	0	0	1
6. Наличие четкого плана развития собственного бизнеса на перспективу	10	14	13	16
7. Наличие специальных знаний в следующих областях: управление предприятием, управление персоналом, маркетинг, финансовое планирование	7	6	3	4
8. Доступ к помещениям (производственным, офисным и др.)	2	1	2	1
9. Возможность взять необходимое оборудование в аренду, лизинг	2	1	1	1
10. Наличие команды специалистов и работников нужной квалификации	8	9	8	7

Среди необходимых условий для начала предпринимательской деятельности статистически достоверно были выделены следующие, наиболее часто выбираемые категории: стартовый капитал, личные связи в органах власти (муниципальной, городской, региональной), наличие четкого плана развития бизнеса и особый предпринимательский склад характера.

Таким образом, проанализировав результаты исследования можно утверждать:

1. Образ предпринимателя включает:

1) Социально-демографические характеристики (приводятся только достоверно выявленные):

- пол – мужской;
- возраст – 30 – 35 лет;
- семейное положение – женат, имеет двое детей;
- образование – высшее (два высших);
- основная деятельность предпринимателя – торговля.

2) Социально-психологические:

- имеет следующие деловые качества: трудолюбив, предприимчив, развито умение прогнозировать, расчетлив, целеустремленный;
- в отношении к людям: общительный, решительный;
- в отношении к себе: преобладает уверенность в себе.

3) социально-экономические: для начала предпринимательской деятельности предприниматель

использовал стартовый капитал, личные связи в органах власти, четкий план развития бизнеса.

2. Отношение к предпринимателю у различных социальных групп – положительное.

3. Существуют отличия (по результатам χ^2 $p \leq 0,05$) в содержании социальных представлений о предпринимателе у различных социальных групп по следующим параметрам:

- отношение пенсионеров к предпринимателям менее положительное, чем в остальных социальных группах; у данной группы также (по сравнению с другими) преобладает представление о более негативном отношении самого предпринимателя к людям;

- школьники, студенты и работающие в группе коммуникативных характеристик чаще выделяют «общительность», а пенсионеры – «решительность»;

- представления о возможной незаконной деятельности предпринимателя преобладают в группах школьников, студентов и пенсионеров.

Литература

1. Андреева, Г. М. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические подходы / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. – М., 2001. – 288 с.
2. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М., 2000. – 288 с.
3. Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее / под ред. Б. Г. Ясина, А. Ю. Чепуренко, В. В. Буева. – М., 2003. – 220 с.

4. Тишин, Е. В. Управление персоналом / Е. В. Тишин. – СПб.: Проспект, 2003. – 283 с.

5. Радаев, В. Российские предприниматели: кто они? / В. Радаев // Вестник статистики. – 1993. – № 9. – С. 28 – 35.

6. Радаев, В. О некоторых чертах нормативного поведения новых российских предпринимателей /

В. Радаев // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 4. – С. 39 – 47.

7. Рябков, В. Г. Российское предпринимательство: социально-философский аспект / В. Г. Рябков. – М., 1994.

УДК 159.92

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОГЕНЕЗЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ *Е. С. Гольдшмидт*

TO THE QUESTION ABOUT INDIVIDUAL DEVELOPMENTS PERSONS OF THE PERSON FROM THE POSITION OF THE THEORY OF FUNCTIONAL SYSTEMS *E. S. Goldschmidt*

В статье рассматривается процесс формирования личности как чередование периодов формирования потребностных циклов (ПЦ), являющихся психическими органами взаимодействия со средой. Каждый такой цикл описывается как психическая функциональная система (ПФС) с определенной последовательностью блоков. Каждая ПФС формирует определенную направленность и базируется на предыдущей. Онтогенез личности направлен в сторону трансценденции сознания, формирования ноосферного мировоззрения и постоянного расширения возможностей.

In article process of formation of the person as alternation of the periods of formation requirements cycles, being mental bodies of interaction with environment is considered. Each such cycle is described as mental functional system with certain sequence of blocks. Everyone mental functional system forms a certain orientation and is based on the previous. Individual development to the person it is directed aside transcendentals consciousnesses, formations noosphere's mind and constant expansion of possibilities.

Ключевые слова: функциональная система, психический орган, потребностный цикл, иерархичность, периодизация онтогенеза личности кризисы развития.

Keywords: functional system, mental body, requirements cycles, hierarchy, a periodization individual development persons development crises.

Список сокращений:

ФС – функциональная система,
ПФС – психическая функциональная система,
ПО – психический орган,
ПЦ – потребностный цикл.

Проблема развития личности, личностного роста в современном мире обретает все большую актуальность в связи с усилением действия двух групп факторов. В первую группу входят проблемы, связанные с обострением экологической обстановки – загрязнение среды, внедрение чужеродных (биохимически, генетически, информационно) агентов в среду обитания (экологический стресс); деформация экономической среды и рост социально-психологической напряженности (стресс социальный); разрушение идеологической системы, увеличение количества разнообразных угроз, т. е. фактор кризиса среды обитания.

Во вторую группу входят факторы, действующие изнутри личности и часто не осознаваемые, в первую очередь, – разрушение традиционного национального жизненного уклада, деградация нравственности. Деформируется (разрушается) основной канал передачи культурно-генетической, идеологической и даже профессиональной информации, формирующей направленность и целостность разви-

тия личности, преемственность поколений. Все это приводит к нарастанию количества вызовов, угроз, кризисов во всех сферах бытия и влечет резкий рост количества психологических стрессов и их последствий. При этом наблюдаются признаки массовых задержек развития личности и даже ее деградации. Такая ситуация провоцирует личностную дезадаптацию и психосоматические патологии, эпидемию депрессий и тотальную фармакозависимость населения.

В такой ситуации основной центр внимания психологии и родственных наук должен быть перенесен с изучения и управления процессами развития конкретных личностных, индивидуальных качеств человека, «адаптирующего» его к среде, на сам процесс развития, онтогенез личности, на процесс личностного роста, самоактуализации, самореализации, индивидуации, овладения жизнестворчеством. Важнейшими характеристиками хода онтогенеза личности являются:

- 1) структура системы формирующихся отношений,
- 2) направленность этих отношений,
- 3) этапы их развития.

1. Структура системы взаимоотношений человека со средой

Взаимоотношения человека со средой, с Миром, его функционирование может быть охарактеризовано с позиции целостности, предполагающей системность, а функционирующая система описывается, в первую очередь, своей структурой. Структуру функциональной системы (ФС) изучает теория ФС школы П. К. Анохина и его последователей [3; 18;

21; 30; 31]. Сходный подход реализуется представителями школы Б. Г. Ананьева [1]. Основой структуры ФС является последовательность функциональных актов (органов), реализующих деятельность, направленную на удовлетворение доминирующей потребности (рис. 1).

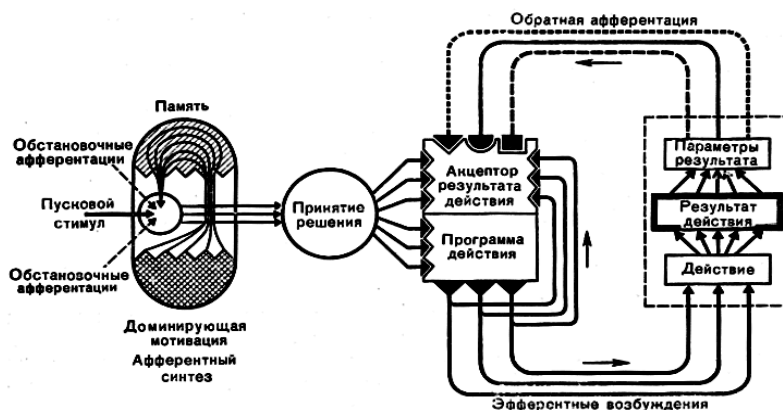

Рис. 1. Структура функциональной системы по П. К. Анохину [3]

На данной схеме представлены в основном блоки обработки информации и отсутствует очевидная связь между блоками результата действия и удовлетворением потребности. Более законченный, целостный вид схема приобретает в варианте, представленном на рисунке 2.

Можно утверждать, что любая деятельность, любое поведение, любые психические процессы и

состояния являются этапами, элементами какой-либо циклической ФС, ее квантами [30]. Переход от физиологического описания ФС к психологическому реализуется с помощью концепции доминанты и психического органа, т. е. психической функциональной системы – ПФС [31]. Один из вариантов описания ПФС, разработанный М. Вороновым, представлен на рисунке 3 [7].

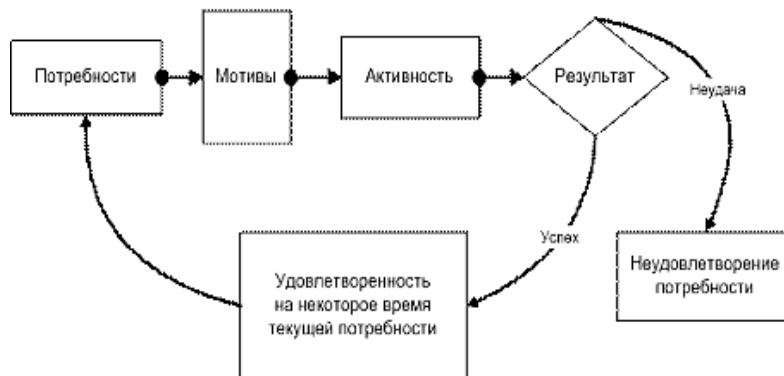

Рис. 2. Упрощенная модель цикла удовлетворения потребностей по С. Четвертакову, [35]

Рис. 3. Универсальная схема последовательности реакций на препятствие к удовлетворению потребностей по М. Воронову, [7]

На схеме, составленной с использованием метафор на основе китайской натурфилософской системы «у-син» (пять первоэлементов, отражающих архетипические формы взаимоотношений в природе), представлены основные этапы полного цикла реализации потребности в ее субъективном, эмоциональном аспекте. Цикл начинается с элемента Земля, который символизирует структуру, дефекты которой порождают чувство тревоги и активизируют потребности, формирующие мотивы. Элемент Земля активизирует (создает, см. рисунок 4) элемент Металл, который отражает активацию памяти, ориентировку в пространстве, ожидание. Далее активизи-

руется элемент Вода, символизирующий интеллект, эмоциональную оценку ситуации, страх принятия решения. Затем – Дерево, символизирующее деятельность, агрессию, актуализацию проблем. В ходе успешного разрешения проблемы и достижения цели активизируется стихия Огня, чему соответствует развитие, экспансия, продуктивная деятельность и радость победы. Каждый первоэлемент (стихия), согласно китайской натурфилософской традиции, проявляется в функциях определенной группы органов, в эмоциональных состояниях, в работе сенсорных систем и т. д. (таблица 1).

Таблица 1

Проекция первоэлементов (стихий) китайской натурфилософии на организм и психику человека

<i>Пять первоэлементов</i>	<i>Пять групп органов</i>	<i>Пять каналов восприятия</i>	<i>Пять эмоций</i>	<i>Пять фаз потребностного цикла</i>
Дерево	Печень	Зрение	Гнев	Преодоление
Огонь	Сердце, тонкий кишечник	Вкус	Радость	Достижение
Земля	Селезенка, поджелудочная железа, желудок	Ощущение	Сосредоточение	Мотивация
Металл	Легкие, толстый кишечник	Обоняние	Печаль	Ориентировка
Вода	Почки, мочевой пузырь	Слух	Страх	Планирование

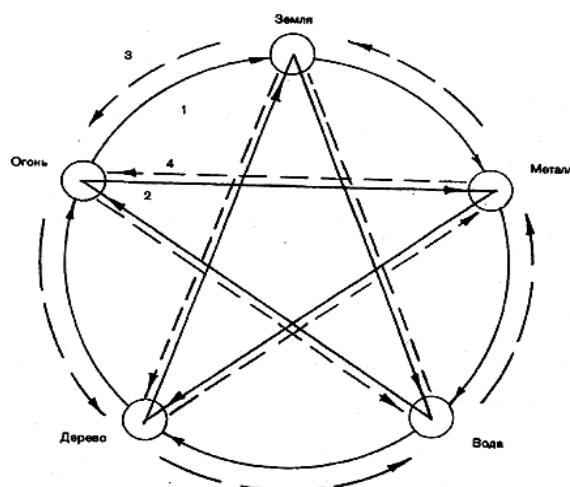

Рис. 4. Стандартная схема взаимосвязей пяти первоэлементов (стихий) китайской натурфилософии у-син: 1-созидающие связи, стимулирующие связи; 2 – тормозящие, угнетающие; 3 – антисозидающие; 4 – деструктивные, патогенные

Наличие большого количества прямых и обратных, положительных и отрицательных связей в схеме позволяет формализовать структуру ФС, эффективно проводить диагностику и управлять процессами, но этот вопрос выходит за пределы избранной темы.

Сравнение схем на рисунках 1 – 2 и 3 – 4, во-первых, выявляет их принципиальное сходство и, во-вторых, обнаруживает особенности подходов к проблеме. Так, например П. В. Анохин и его последователи, большое внимание уделяют нервно-психическому аппарату принятия решений (рис. 1),

что «усиливает» в схеме блоки, соответствующие в китайской традиции стихиям: Металлу, Воде и Дереву, тогда как блок, соответствующий Огню совершенно не представлен. В схеме С. Четвертакова (рис. 3), наоборот, не представлен блок, соответствующий Воде.

Дальнейшим развитием концепции ФС является подход Д. В. Колесова, применившего понятие «потребностный цикл» (ПЦ). В минимальной «комплектации» элементарный ПЦ состоит из генератора возбуждения (блок потребностей), исполнительная системы и рецептора (модели) потребного результа-

та. В ходе онтогенеза происходит «наращивание» дополнительных контуров, формирующих все более сложные ПЦ, отражающие различные стадии, этапы онтогенеза. Происходит разворачивание системы с большим числом циклов, колец обратной связи [14]. Каждый новый ПЦ включает как элемент старые ПЦ в виде подциклов (рис. 6).

Практически тождественна по структуре представленным выше системам концепция инстинкта, применительно к человеку. Среди психологов нет единого мнения, единой позиции в отношении инстинктов человека, но нам представляется весьма продуктивным подход, идущий от психоаналитической школы – концепция судьбоанализа Л. Сонди [6], концепция архетипов и коллективного бессознательного К.Юнга [24], а также работы этологов (В. Р. Дольник, [12]) и психологов (К. Обуховский, [20]; С. Л. Рубинштейн, [23]; М. Люшер, [17];

В. Гарбузов, [8] и др.) прямо или косвенно допускающих, а иногда и постулирующих инстинктивную природу влечений человека. Если предлагаемые различными авторами определения инстинкта слегка трансформировать, смещая акценты на процесс, то схему реализации инстинкта у человека можно описать следующим образом: «потребность – мотивация – ориентировка – деятельность – оценка результата – удовлетворение потребности».

Таким образом, вырисовывается общий план целостной деятельности любого вида, представляющей собой ФС, в интерпретации психологов – ПФС, психический орган (ПО). Конкретная структура ПО определяется ее системообразующим фактором – целью, а ее внутренние особенности – направленностью индивидуума и достигнутой стадией психического развития.

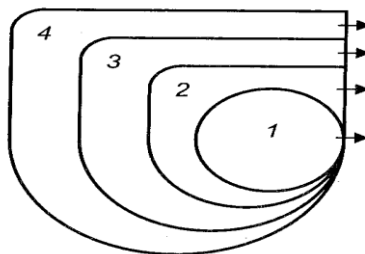

Рис. 5. Соотношение различных потребностных циклов (Д. В. Колесов, [14]):
1 – гедонистический цикл (ядро); 2 – эмоциональный; 3 – волевой; 4 – нравственный

2. Направленность индивидуума

Взаимоотношения личности со средой могут анализироваться как минимум с двух различных позиций – как форма интенциональности, реализующаяся через систему потребностей – мотивов – ценностей или как форма, система взаимоотношений с Миром, реализующаяся с помощью различных структур, циклов и подциклов ПЦ в ходе деятельности. В данной работе феномен интенциональности не рассматривается, а все внимание уделяется проблеме ФС – ПО – ПЦ. В концепции Д. В. Колесова рассматриваются четыре типа ПЦ: гедонистический, эмоциональный, волевой и нравственный, образующие иерархию уровней организации поведения [14] (рис. 5). Подобные же подходы представлены Р. К. Уилсоном [33], К. Уилбером [32], Н. А. Гусдаревым [11] и другими авторами (таблица 2).

Каждый ПЦ в ходе своего формирования – разворачивания проявляется как особый тип характера, особое мировоззрение, особая система ценностей. Одним из наиболее коротких, эволюционно и онтогенетически ранних является гедонистический цикл (рис. 5), реализующий упрощенную (неразвитую) ФС: «потребность – рефлекторная, автоматизированная деятельность – чувство удовлетворения – удовлетворение потребности». В традиции психо-

анализа такой тип поведения (характера) называется оральным, в концепции Р. Уилсона – биовыживательным, у Н. А. Гусдарева – это «потребностный» человек. На этом уровне человек склонен действовать согласно принципу удовольствия («после меня хоть потоп»). В концепции А. Н. Леонтьева этому уровню соответствует сенсорная психика [16], а у В. Гарбузова – инстинкт эгофилии (эгоизма) [8]. Нейробиологический субстрат – стволовые структуры, активность подкорковых и корковых структур недифференцирована [25]. Тип ролевого поведения – младенческий.

Более сложное поведение реализуется при формировании следующего по уровню сложности – эмоционального ПЦ (анальный, эмоционально-территориальный контур регуляции, эмоциональный человек, перцептивная психика, доминантный инстинкт). Активация данного ПЦ проявляется в силовом типе решения проблем – это бойцы, эгоисты (начинает формироваться Эго), они мстительны, демагогичны. Основой для принятия решений являются эмоции, основной нейробиологический субстрат – лимбическая система и правое полушарие коры мозга, преимущественно дорсальные отделы. Ролевое поведение – детское.

Таблица 2

**Сводная таблица иерархии контуров регуляции поведения
(по В. Ф. Сазонову, [25], модифицировано)**

№	По Р.Уилсону [33]	По Д. В. Колесову [14]	По З. Фрейду [25]	По К. Г. Юнгу [25]	Суть контура [25]	Нейрологический субстрат [25]
1	Оральный биовыживательный	Гедонистический	Оральный	Ощущение, восприятие	Существование, проживание, гомеостаз	Ствол мозга
2	Анальный эмоционально-территориальный	Эмоциональный	Анальный	Эмоции, чувства	Животная борьба, социальность, невербальность	Лимбическая система, правое полушарие
3	Времясвязывающий семантический	Волевой	Латентное Эго	Мышление	Речь, Сознание	Левое полушарие, вторая сигнальная система
4	Моральный социополовой	Нравственный	Генитальный, Супер-Эго	—	Воспроизводство, Любовь	Левое полушарие, взаимосвязь с правым
5	Холистический нейросоматический	—	—	Интуиция	Единство души и тела, Йога, Вера, Оптимизм	—
6	Коллективный	—	—	Архетипы	Мистический опыт	—
7	Метапрограммирование	—	—	Ноосфера, Высший Разум	Мудрость, отсутствие устойчивого Эго	Лобные доли коры, гамма-ритм, интеграция мозга
8	Нелокальный квантовый	—	—	Бог, Дао, Абсолют	Недеяние	Интеграция тела

Третий уровень регуляции поведения — волевой, интеллектуально ориентированный, «целевой» человек, реализующийся через времясвязывающий семантический контур. Интеллект такого человека позволяет ему формировать сложную картину Мира и преследовать далеко идущие цели. В концепции А. Н. Леонтьева это интеллектуальная психика. Базируется данный уровень на второй сигнальной системе с преобладанием активности левого полушария у правшей. На данном уровне уже достаточно развито высшее Эго, преобладает исследовательский инстинкт, стремление к поиску, творчеству.

На четвертом уровне регуляции поведения доминируют нравственные механизмы, генитально-социополовой контур, ориентированный на социальные нормы и ценности и использующий витальные потребности (точнее, — соответствующую энергию — либидо) для реализации социальных потребностей (сублимация). Если предыдущие ПЦ (контур) служат преимущественно для удовлетворения биологических потребностей, то данный ПЦ ориентирован в основном на удовлетворение социальных потребностей по классификации П. В. Симонова [27]. На данном уровне уже возможно формирование полноценной личности с выраженным альтруистическим инстинктом. Нейрологический субстрат (фокус активации) — фронтальные и центральные зоны коры мозга, доминирование левого полушария с установлением развитых связей с правым.

Следующий, пятый уровень оперирует целостными, холистическими картинками Мироздания, в которое естественным образом включен сам человек и его тело (холистический нейросоматический контур). В наибольшей степени он развит у представителей восточных или близких к ним традиций типа йоги, у-шу у шаманов и т. п. Этому уровню может соответствовать инстинкт свободы (В. Гарбузов, [8]). Ведущими в данном случае становятся идеальные ценности, ведущим механизмом организации деятельности — интуиция, а видимым результатом — здоровье (отсутствие признаков старения).

Шестой уровень представлен коллективным нейрогенетическим контуром, основным проявлением активности которого является феномен синхронистичности, возможность общения на невербальном уровне (и не только с людьми...). Людей с таким уровнем развития до последнего времени было сравнительно мало, но сейчас они обнаруживаются все чаще не только среди «обычных» экстрасенсов, но и среди детей — таких, как дети «индиго».

На седьмом уровне уже возможно полное управление сознанием, функциями и структурой организма и всей своей жизнью, что проявляется в форме бессмертия, космического сознания, святости при жизни и т. д. Это уровень королевской йоги (Раджа-йоги), Дао, уровень Христа. На сегодня, как и на протяжении всей истории, таких людей выявлялось не более, чем пальцев на руках, возможно, — на одной! Современная квантовая физика дает нам

для описания таких состояний хорошую метафору в виде квантового (запутанного) состояния мира или в виде квантового компьютера (Р. Фейнман, по [13]).

Таким образом, существует иерархия ПЦ, составляющих сложнейшую интегральную ПФС и определяющих жизненный путь индивидуума. В наиболее общем и теоретически проработанном виде эта иерархия описана в работе К. Уилбера [32], в которой выделяется значительно больше уровней и подуровней, но в задачи данной статьи подробная детализация не входит. В зависимости от особенностей, очередности и возраста формирования каждого из циклов развитие личности может очень сильно изменяться.

3. Этапы онтогенеза потребностных циклов

Проблема онтогенеза психики человека, его личности находится в центре внимания многих направлений антропологии в широком смысле этого термина. Большинство научных школ в психологии, имеющих отношение к онтогенезу психики, можно условно сгруппировать, выделив два основных направления [22]. Первое – целостное, «гештальтное» исследование развития, описывающее индивидуума в рамках типологического подхода, с помощью метафоры «подъема в гору» (Г. Олпорт, Дж. Кеттел, К. Роджерс и др.). В данной группе концепций развитие описывается как непрерывный процесс усиления, наращивания качеств. Второе направление представляет развитие как череду этапов, ступеней формирования психических новообразований (ПО). В данной области известны работы множества западных исследователей и школ, но наиболее авторитетной необходимо признать отечественную, ведущую свое начало от культурно-исторического подхода Л. С. Выготского, особенно – московское направление (Д. А. Эльконин, Д. И. Фельдштейн, В. И. Слободчиков и др.). Работы В. И. Слободчикова [28] в рамках данного направления дают наиболее полную картину развития человека, проявляющегося во все большей трансценденции за пределы исходного, телесного существования. В ходе развития формируются все новые ФС, позволяющие осваивать открывающиеся возможности, т. е. самореализовываться.

Онтогенез человека традиционно рассматривается с использованием нескольких базовых принципов: биогенетического закона Геккеля (принцип рекапитуляции [22]) – «онтогенез в свернутом виде повторяет филогенез», принципа цикличности и принципа критических периодов развития. Известный и широко подтвержденный на биологическом материале **принцип рекапитуляции** гласит, что более молодые, эволюционно поздние стадии развития содержат в себе и базируются на более ранних, старых формах и структурах, что находится в полном соответствии с культурно-исторической парадигмой Л. С. Выготского [5]. Необходимо отметить, что вышеозначенные принципы носят ярко выраженный диалектический характер, как и весь подход школы Л. С. Выготского.

Принцип цикличности так же имеет богатую историю применения и из него следует, что созревание

различных ФС происходит поэтапно, ритмически. Отсюда следует подчиненный принцип гетерохронии развития, так же проявляющий свое действие повсеместно [25]. Из принципа цикличности выводится и **принцип критических периодов**, базирующийся на синергетическом подходе к развитию неравновесных нелинейных систем [4]. Основным проявлением его является потеря «линейности», стабильности развития в критические, сензитивные периоды, что приводит к хаотизации поведения, разрушению и (или) преобразованию ФС, ПО и, как следствие, – к росту напряжения, дезадаптации в широком смысле слова – кризису развития. Причем эти кризисные явления – продукт именно предшествующей стадии развития, результат его «линейности», избыточности сформированной ФС.

Проблема возрастных кризисов интересна и важна сама по себе, т. к. затрагивает глубинные, интимные механизмы перестройки психики, включая в себя физиологические, психофизиологические (например функциональную асимметрию мозга [9]), социальные и иные аспекты, которые здесь не рассматриваются. Исходя из логики большинства моделей, можно утверждать, что продолжительность и качество жизни человека в существенной мере зависит от эффективного преодоления кризисов со своевременным формированием «очередных» ФС, ПО, ПЦ [10]. В противном случае, чаще всего наблюдается либо задержка развития, либо деградация. Рано или поздно это приводит к социальной, психологической или даже физической смерти. Соответственно, если не рассматривать биомедицинский подход к долголетию, то с психологической точки зрения основным механизмом продления полноценной жизни является успешное преодоление возрастных кризисов.

Кризис вынуждает сменить, а точнее, расширить (трансцендировать) систему взаимоотношений с Миром через формирование нового ПЦ с более сложной структурой, удаленными целями и большим количеством вариантов реализации. Формирование все более сложных ПО позволяет личности превзойти ограничения, связанные с недостаточной эффективностью «старых» ПО, исчерпавших свои возможности. Например, характерная для подросткового возраста конкурентная агрессивность, склонность к самоутверждению за счет других в юношеском возрасте может (должна) смениться альтруизмом, романтичностью и стремлением к сотрудничеству, выстраданными в результате богатого опыта столкновений на предыдущем этапе. Необходимо отметить, что отношение к проблеме кризисов в отечественной психологии существенно неоднозначно: от безусловного принятия (школа Л. С. Выготского) – до отрицания их необходимости (подход А. Н. Леонтьева) [22].

Переходя собственно к структуре этапов развития личности, отметим, что существует множество систем периодизации развития, основанных на различных принципах и охватывающих различные отрезки онтогенеза. Часть этих систем, особенно относящихся к раннему онтогенезу, достаточно жестко

привязана к морфо-анатомическим этапам развития, что связывается с существенной долей наследственных факторов в их формировании. Для более поздних стадий сроки разворачивания новых этапов все

более размываются. Данные этапы в эволюционном аспекте еще не освоены видом *Homo sapiens* и характеризуются большим разбросом своих показателей [4].

Таблица 3

Основные периоды онтогенеза человека

<i>Возраст</i>	<i>Вехи разви- тия (Уилбер) [32]</i>	<i>Психиче- ские про- цессы (Слободчи- ков) [28]</i>	<i>Контуры (Уилсон) [33]</i>	<i>Уровни соз- нания (Носов) [19]</i>	<i>Психологический возраст (Стивенс) [29]</i>	<i>Потребно- сти (Маслоу) [35]</i>
0–1,5 года	Физическая самость	Оживление	Орально- выживательный	Виртуальное тело	Младенец	Физиологиче- ские
1–3 года	Эмоциональ- ная самость	Одушевле- ние	Анально- эмоциональный	Удвоение тела	Ребенок	Эмоцио- нальные
3–6 (?) лет	Самость		Времясвязы- вающий- семантический	Виртуальное сознание		Конкретно- психологи- ческие
7–10 (11) лет	Ролевая са- мость	Персонали- зация	Морально- социополовой	Удвоение сознания	Подросток	Абстрактно- психологи- ческие
11–17 лет	Зрелое эго			Удвоение личности		
18–21 год	Кентавр	Индиви- дуация	Холистический нейро- соматический	Удвоение воли	Юноша	Конкретно- духовные
21–30 лет	Психическое			Удвоение человека		
30–40 лет				Удвоение внутреннего человека	Взрослый	
40–55 лет	Тонкое	Универса- лизация	Коллективный нейрогенетиче- ский			Старец (Мудрец)
55–70 лет					Метапрограм- мирования	
70–85 лет	Каузальное		Учитель			
85–100 лет						

В таблице 3 представлены этапы развития согласно периодизациям некоторых авторов, приведенные в целях более наглядного их сопоставления к единой временной шкале. В таблицу включены в основном системы, описывающие развитие, выходящее далеко за границы детского возраста, хотя большинство западных и отечественных школ описывают онтогенез психики до 15–20 лет (даже сам термин «онтогенез» применяется только до этого возраста [22]. В связи с этим в нашей стране мало распространена и неизвестна широкой публике перспектива «позднего» индивидуального развития. Причем слово «индивидуальное» на высших уровнях, контурах управления теряет свой прямой смысл, превращаясь в индивидуально-социальное, индивидуально-природное, индивидуально-ноосферное и т. д., вплоть до индивидуально-божественного. Такие отношения достаточно подробно описываются в религиозной и близкой к ней духовной литературе, например – в традиции русского космизма, ноосферизма и т. д. Примером могут служить известные произведения Т. де Шардена [36] и Д. Андреева [2], представляющие широкие перспективы (возможности) трансценденции психики личности в ходе ее онтогенеза.

На современном этапе развития перед страной, обществом, нацией, да и всем человечеством, лави-

нообразно разрастаются все новые угрозы, появление которых в значительной степени связано с психологическими проблемами самого человека, его незрелостью (индивидуально-психологической и социально-психологической). В то же время рост количества угроз на фоне недостаточной зрелости приводит к стрессам и неадекватным решениям проблем. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что каждый новый уровень, достигаемый человеком в ходе своего развития – это новый уровень сознания [1], новый уровень мировоззрения [32], новый уровень возможностей. Проблема онтогенеза сознания – одна из ключевых как в школе Вygотского [22], так и во многих других концепциях. Развитие сознания, его расширение, его трансценденция, его девиртуализация [19], формирование «поствзрослой», космической [32] личности – вот основной путь решения многих современных проблем.

В связи с этим необходимо информировать учащихся, особенно студентов, учителей, психологов, врачей, работников социальной сферы, о возможностях и перспективах, открывающихся для человека на протяжении его жизни. Необходимы соответствующие обучающие курсы, например, по учебному пособию В. И. Слободчикова [28].

Литература

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Б. Г. Ананьев. – М.: Изд-во Института практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. – 384 с.
2. Андреев, Д. Л. Роза Мира / Д. Л. Андреев. – М.: Прометей, 1991.
3. Анохин, П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1980. – 196 с.
4. Беляев, И. А. Онтогенетические механизмы становления человеческой целостности: опыт системно-синергетического анализа / И. А. Беляев // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 10. – Ч. 2. – С. 137 – 143.
5. Блинникова, И. В. Культурно-историческая психология: взгляд со стороны / И. В. Блинникова // Психол. журнал. – М., 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 127 – 130.
6. Вигдорчик, М. И. Метод портретных выборов Л. Сонди как инструмент теории психоанализа / М. И. Вигдорчик, М. Е. Жданова. – Кемерово, 1997. – 146 с.
7. Воронов, М. Психосоматика: практическое руководство / М. Воронов. – Киев: Ника-Центр, 2002. – 256 с.
8. Гарбузов, В. Инстинкты и судьба человека / В. Гарбузов. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. – 477 с.
9. Гольдшмидт, Е. С. Периодизация развития и динамика функциональной асимметрии / Е. С. Гольдшмидт // Матер. II Всеросс. научн. конф. по психологии РПО «Методы психологии». – Ростов-на-Дону, 25.06 – 27.06 1997. – С. 66 – 67.
10. Гольдшмидт, Е. С. Периодизация развития и ее применение в развивающем образовании / Е. С. Гольдшмидт // Вопросы теории и практики развивающего образования: сб. науч. тр. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – Вып. 2. – С. 47 – 52.
11. Государев, Н. А. Треугольный человек / Н. А. Государев. – М.: Мол. Гвардия, 1991. – 270 с.
12. Дольник, В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В. Р. Дольник. – СПб.: Паритет, 2007. – 352 с.
13. Доронин, С. И. Квантовая магия / С. И. Доронин. – СПб.: Весь, 2007.
14. Колесов, Д. В. Эволюция психики и природа наркотизма / Д. В. Колесов. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. – 400 с.
15. Купин, В. Н. Современные проблемы глобальной безопасности в контексте идей учения о ноосферизме В. И. Вернадского: [Электронный ресурс] / В. Н. Купин // Академия Тринитаризма. – М.: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030028.htm>
16. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М.: Из-во МГУ, 1972. – 576 с.
17. Люшер, М. Четырехцветный человек, или путь к внутреннему равновесию / М. Люшер. – М., 1994. – 130 с.
18. Медведев, В. И. Взаимодействие физиологических и психологических механизмов в процессе адаптации / В. И. Медведев // Физиология человека, 1998. – Т. 24. – № 4. – С. 7 – 13.
19. Носов, Н. А. Виртуальный человек: Очерки по виртуальной психологии детства / Н. А. Носов. – М.: Магистр, 1997. – 192 с.
20. Обуховский, К. Галактика потребностей. Психология влечений человека / К. Обуховский. – СПб.: Речь, 2003. – 296 с.
21. Основы физиологии функциональных систем / под ред. К. В. Судакова. – М.: Медицина, 1998. – 272 с.
22. Поливанова, К. В. Психология возрастных кризисов: учеб. пособие / К. В. Поливанова. – М.: Академия, 2000. – 184 с.
23. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб: Питер, 2000. – 712 с.
24. Рубинштейн, К. Г. «Либидо, его метаморфозы и символы». Ч. 2. О понятии и генетической теории libido / К. Юнг. – СПб: ВЕИП, 1994. – 416 с.
25. Сазонов, В. Ф. Нейропсихологические контуры / В. Ф. Сазонов. – Одесса, 2004. – 30 с.
26. Сандомирский, М. Е. Периодизация психического развития с точки зрения онтогенеза функциональной асимметрии полушарий / М. Е. Сандомирский, Л. С. Белгородский, Д. А. Еникеев // Современные проблемы физиологии и медицины. – Уфа: Башкирский гос. мед. университет, 1997. – 129 с. – С. 44 – 63.
27. Симонов, П. В. Теория отражения и психофизиология эмоций / П. В. Симонов. – М.: Наука, 1970. – 142 с.
28. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии: психология развития человека: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. – М.: Школьная Пресса, 2000. – 416 с.
29. Стивенс, Дж. Приручи своих драконов / Дж. Стивенс. – М.: Питер Пресс, 1995. – 244 с.
30. Судаков, К. В. Системная организация функций человека: теоретические аспекты / К. В. Судаков // Успехи физиологических наук. – 2000. – Т. 31. – № 1. – С. 81 – 96.
31. Теория функциональных систем в физиологии и психологии / под ред. В. И. Евсеевичева. – М.: Наука, 1978. – 384 с.
32. Уилбер, К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер. – М.: АСТ, 2004. – 412 с.
33. Уилсон, Р. А. Психология эволюции / Р. А. Уилсон. – Киев: ЯНУС, 1999. – 304 с.
34. Чайлахян, Л. М. Информационно-энергетическая концепция происхождения психики / Л. М. Чайлахян // Журн. высш. нервной деятельности. – 1996. – Т. 46. – Вып. 3. – С. 617 – 633.
35. Четвертаков, С. А. Иерархия потребностей по А. Маслоу – общая теория мотивации для социологии [Электронный ресурс] / С. А. Четвертаков. 2004 г. URL: <http://sergeychet.narod.ru/socio/motiv/MContent.html>. – Дата обращения: 01.04.2010.
36. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден [пер. с фр.]. – М., 1965.
37. Эйген, М. Самоорганизация материи и эволюция / М. Эйген. – М.: Мир, 1973. – 216 с.

УДК 159. 923.2

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗЛИЧНЫМИ ТИПАМИ МИНИМАЛЬНЫХ МОЗГОВЫХ ДИСФУНКЦИЙ К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Е. В. Григорьева****FEATURES OF ADAPTATION OF YOUNGER SCHOOLBOYS WITH VARIOUS TYPES OF THE MINIMUM BRAIN DYSFUNCTIONS TO EDUCATIONAL ACTIVITY****E. V. Grigoryeva**

Рассматриваются проблемы учащихся с минимальными мозговыми дисфункциями. Дается понимание минимальных мозговых дисфункций и их типов. Анализируются особенности адаптации младших школьников с различными типами минимальных мозговых дисфункций к учебной деятельности.

Problems of pupils with the minimum brain dysfunctions are considered. The understanding of the minimum brain dysfunctions and their types is given. Features of adaptation of younger schoolboys with various types of the minimum brain dysfunctions to educational activity are analyzed.

Ключевые слова: минимальные мозговые дисфункции, тип минимальной мозговой дисфункции, адаптация.

Keywords: The minimum brain dysfunctions, type of the minimum brain dysfunction, adaptation.

Исследования адаптации к учебной деятельности детей самых разнообразных категорий, в том числе и с проблемами здоровья, сохраняют свою актуальность на протяжении последних десятилетий. Особое место в этом ряду занимают исследования по проблемам школьной адаптации детей с минимальными мозговыми дисфункциями (ММД). Сложность изысканий по обозначенной проблеме связана с междисциплинарным характером ее исследования. Именно этим объясняется разброс в эпидемиологии ММД, который колеблется в пределах от 2 до 60 % в детской популяции, разногласия в использовании категориального аппарата и типологий ММД, а также разнообразие подходов по сопровождению процесса адаптации детей с ММД к социальной среде. Социальная значимость проблемы проявляется в том, что дети и подростки с ММД, имея сохраненный интеллект, отличаются высокими рисками социальной дезадаптации, особенно с началом школьного обучения [3]. В целом актуальность работы по заявленной теме обусловлена как высокой частотой ММД в детской популяции и большой социальной значимостью, так и явным противоречием между необходимостью психолого-педагогического сопровождения адаптационного процесса учащихся начальных классов к школьной среде и недостаточной изученностью психологических аспектов адаптации детей с ММД к учебной деятельности.

На наш взгляд, адаптацию к учебной деятельности следует рассматривать в рамках общей адаптационной модели разработанной Ю. А. Александровским, В. П. Казначеевым, Ф. З. Меерсоном, Ф. Б. Березиным. В рамках этой модели адаптация к учебной деятельности представляет собой сложный многоуровневый процесс, реализующийся единой функциональной системой, обеспечивающей достижение оптимальных результатов деятельности и поддержание состояния равновесия в системе человек-среда [2]. Исследование адаптации к учебной деятельности предполагает комплексный подход и одновременную оценку актуального психического

состояния, особенностей микросоциального взаимодействия и церебральной активности. В качестве критериев адаптации к учебной деятельности мы рассматриваем показатели успешности деятельности, т. е. успеваемость, приверженность нормам поведения в школе, положение в классной группе, эмоциональное благополучие, отношение к учебе (уровень мотивации), удовлетворенность процессом обучения и взаимоотношениями в классе [5; 4].

Адаптация детей с ММД к учебной деятельности осложнена тем, что с началом систематического обучения в школе начинают предъявляться повышенные требования именно к тем психическим функциям, которые у детей с ММД нарушены, ослаблены или еще не сформированы. Нарушения на психофизиологическом уровне адаптации детерминируют проблемы на психологическом, социально-психологическом и социальном уровне регуляции адаптационным процессом. Однако неблагоприятные прогнозы и реальное течение адаптационного процесса к школьному обучению у детей с ММД не всегда совпадают, что нашло подтверждение в экспериментальных исследованиях Л. А. Ясюковой, Л.О. Бадаляна [1; 6]. По мнению Л. А. Ясюковой, под ММД следует понимать «наиболее легкие формы церебральной патологии, возникающие вследствие самых разнообразных причин, но имеющие однотипную, невыраженную, стертую симптоматику и проявляющиеся в виде функциональных нарушений, обратимых и нормализуемых по мере роста и созревания мозга» [6; 10]. Вопрос о структуре дефекта при ММД является открытым в связи с разнообразием симптомов ММД и сложностями дифференциальной диагностики. В рамках своей модели Л. А. Ясюкова рассматривает ММД как основу первичного дефекта и включает в первичный дефект в качестве ведущих нарушений быструю умственную утомляемость и сниженную работоспособность, сложности в формировании произвольного внимания и резко сниженные возможности самоуправления и произвольности в любых видах деятельности [6].

В литературе, как правило, описываются два типа ММД, легко выделяемые по поведенческим признакам: астеничный и гиперактивный. Результаты исследований с использованием теста Тулуз-Пьерона позволили Л.А. Ясюковой описать еще три типа, которые обычно трудно отличимы от нормы по внешнему поведению, так как представляют собой более легкие формы нарушений. Автор выделяет астеничный, реактивный, ригидный, активный и субнормальный (в форме А и Б) типы ММД. Формирование типов ММД связано с сочетанием и выраженностью таких факторов как ослабленность мозговой деятельности, общая неуправляемость и рассогласованность деятельности отдельных подструктур мозга, дисбаланс нервных процессов. Субнормальный тип наиболее приближен к норме – внутренняя рассогласованность еще мало ощутима и проявляется только в легкой общей ослабленности мозга, которую необходимо преодолевать. Ригидный и активный типы характеризуется тем, что нарастающая внутренняя рассогласованность еще не нарушает полностью деятельность мозга, но уже значительно ее ослабляет. Астеничный и реактивный типы специфичны тем, что еще более возросшая рассогласованность перестает быть только внутренней и дезорганизует не только работу мозга, но и поведение ребенка. Нарушение баланса между процессами возбуждения и торможения, степень преобладания одного из них позволяет объединить реактивный, активный и субнормальный типы (форма Б) в группу со сдвигом баланса в сторону возбуждения, а ригидный, астеничный и субнормальный типы (форма А) в группу со сдвигом баланса в сторону торможения [6].

В контексте исследования адаптации младших школьников с ММД к учебной деятельности, перед нами стояла задача выявить особенности адаптации младших школьников с ММД к учебной деятельности с учетом типа дисфункции. В качестве организационного метода был применен сравнительный метод. Также нами применялся широкий спектр эмпирических методов сбора фактического материала. В ходе исследования использовался ряд конкретных диагностических методик: тест Тулуз-Пьерона, методика многофакторного исследования личности Р. Кеттелла (детский вариант), методика диагностики уровня школьной тревожности Филлипса, социометрический тест, методика диагностики уровня школьной мотивации, разработанная Н. Г. Лускановой, экспертная оценка успеваемости и поведения. Статистическим методом анализа и обработки данных выступил метод сравнительного анализа – t-критерий Стьюдента, позволяющий определить критерии значимости различий средних. Для обработки полученных данных применялся пакет статистических методов системы STATISTIKA 6.0.

Экспериментальная группа была сформирована на основании сопоставления результатов по методике Тулуз-Пьерона, данных школьных медицинских карт о наличии ММД и опроса родителей. В результате проделанной работы в состав экспериментальной группы вошли 50 детей – 30 мальчиков, 20 де-

вочек, средний возраст которых составил 9,6 лет. Тип дисфункций определялся путем сравнения профиля на бланке теста, отражающего изменения скорости его выполнения с типологическими профилями. На основании результатов теста Тулуз-Пьерона и выявленного типа ММД экспериментальная группа была разделена на две подгруппы – 26 детей составили подгруппу с преобладанием процесса возбуждения, 24 ребенка – с преобладанием процесса торможения. В группе детей с ММД с преобладанием возбуждения типы дисфункций распределились следующим образом: реактивный тип диагностирован у 12 детей, активный тип – у 4 детей, субнормальный тип – у 10 детей (форма Б). Среди детей с ММД с преобладанием процесса торможения, у 7 детей диагностирован астеничный тип, у 10 детей – ригидный тип и у 7 – субнормальный (форма А). Соответственно в экспериментальной группе 14 % составляет астеничный тип ММД, 20 % – ригидный тип, 24 % – реактивный, 8 % – активный и 34 % – субнормальный. В целом такое процентное распределение типов ММД в экспериментальной группе совпадает с данными Л. А. Ясюковой о распространенности типов в популяции детей с ММД [6].

Показатели психического уровня адаптации детей с ММД к учебной деятельности измерялись методикой диагностики школьной тревожности Филлипса и личностным опросником Р. Кеттелла. Исследование социально-психологического уровня проводилось с помощью теста социометрии и анкетного опроса, измеряющего уровень учебной мотивации. Также нами учитывались оценочные показатели поведения и успеваемости по основным предметам. Вторичная обработка результатов проводилась сравнительным анализом по t-критерию Стьюдента при стандартизации выборки по признаку типа ММД с помощью метода математического моделирования групп.

Сравнительный анализ результатов диагностики выявил достоверно значимые различия между группой детей с типами ММД с преобладанием процессов торможения и группой детей с типами ММД, в которых преобладает возбуждение по следующим показателям (при $p < 0,05$): по фактору А, по фактору В, по показателю страха не соответствовать ожиданиям окружающих, по показателю положительного индекса в сфере общественных дел и отрицательного индекса в сфере деловых отношений, по успеваемости. Таким образом, дети с типами ММД, в которых преобладают процессы возбуждения, по сравнению с детьми с типами ММД с преобладанием торможения, отличаются более высокой эмоциональностью, общительностью, лабильностью и более выразительной экспрессией. При этом показатели фактора А в обеих группах детей приближены к показателям возрастной нормы (4,12 и 5,9), а большая выраженность аффектотимии в группе детей с ММД с преобладанием возбуждения органично соотносится с типологией ММД, предложенной Л. А. Ясюковой. Дети с ММД с преобладанием возбуждения отличаются более высоким уровнем развития вербального интеллекта. Среднегрупповой

показатель фактора В (5,4) у детей этой группы приближены к показателям детей без ММД и соответствует показателям возрастной нормы. Тогда как среднегрупповой показатель фактора В в группе детей с ММД с преобладанием торможения приближается к нижней границе возрастной нормы ($B - 3,5$). Дети с типами ММД с преобладанием возбуждения пользуются сравнительно большим авторитетом в вопросах учебы, им чаще доверяют выполнение общественных поручений, нежели детям с ММД с преобладанием торможения. В целом результаты учебной деятельности у детей с ММД с преобладанием возбуждения довольно высоки, и они скорее характеризуются как успевающие ученики, но проблемные в поведении. Переживание своего органического дефекта у детей этой группы проявляется в виде страха не соответствовать ожиданиям окружающих, что возможно объясняется их про-

блемным поведением и в свою очередь стимулирует их успеваемость. Дети с ММД с преобладанием процессов торможения отличаются невысокими показателями интеллекта и слабой успеваемостью, они не пользуются авторитетом в учебных делах, им реже доверяют выполнение общественных поручений.

Сравнение показателей вышеуказанных методик у детей с различными типами выявил ряд статистически достоверных различий, которые приведены в таблице. Для оптимального представления результатов группе детей с астеничным типом ММД был присвоен номер 1, группе детей с реактивным типом ММД – 2, группе детей с ригидным типом ММД – 3, группе детей с активным типом – 4, детям с субнормальным типом ММД формы А присвоен номер – 5, а с формой Б – 6.

Таблица

Усредненные результаты по методике Кеттелла, теста Филиппа, социометрии, показателей успеваемости у младших школьников с различными типами ММД (при $p < 0,05$)

<i>Показатели методик</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>Различия в парах</i>
Фактор А	4,67	6,00	4,20	6,00	3,50	5,57	2-5; 3-6; 4-5; 5-6
Фактор В	2,00	6,83	3,60	5,00	5,00	4,42	1-4; 2-3;
Фактор С	5,67	4,50	4,20	9,25	5,25	3,43	1-3; 1-6; 3-4; 4-6
Фактор G	9,00	6,17	4,00	6,00	4,25	6,00	1-2; 1-5; 1-3
Фактор О	7,67	6,50	7,40	7,00	7,50	5,57	3-6; 5-6
Общий отрицательный индекс	0,02	0,34	0,08	0,08	0,08	0,07	1-2; 3-2; 2-5; 2-6
Отрицательный индекс в сфере учебных дел	0,01	0,28	0,12	0,08	0,05	0,03	1-2; 2-5; 2-6
Отрицательный индекс в сфере организационных дел	0,02	0,38	0,11	0,09	0,09	0,07	1-2; 1-5; 2-5; 2-6
Отрицательный индекс в сфере общественных дел	0,01	0,38	0,10	0,08	0,09	0,07	1-2; 1-5; 2-4; 3-2; 2-5; 2-6
Отрицательный индекс в сфере досуга	0,04	0,33	0,08	0,09	0,10	0,07	1-2; 3-2; 2-5; 2-6
Страх не соответствовать ожиданиям окружающих	45,5	75,25	48,8	73,55	48,2	74,1	1-2; 1-6; 2-3; 2-5
Успеваемость	3,80	4,34	3,80	4,30	4,26	3,90	1-4; 2-3

Как видно из таблицы, дети с реактивным, активным и субнормальным (форма Б) типом ММД более общительны, эмоциональны, открыты, нежели дети с астеничным, ригидным и субнормальным (форма А) типом ММД. Дети с астеничным и ригидным типом ММД отличаются низким уровнем сформированности интеллектуальных функций, медлительностью мышления, слабой обучаемостью и способностью решать абстрактные задачи. Дети с ригидным типом ММД и субнормальным типом (форма А) характеризуются как более напряженные, ориентированные на неудачу. Достоверные различия по фактору А, В и фактору О обнаружены меж-

ду группой детей с ММД с преобладанием процесса возбуждения и группой детей с ММД с преобладанием процесса торможения. Между детьми с типами ММД внутри обозначенных групп статистически значимых различий по данным факторам не выявлено.

Сила «Я» или уверенность, спокойствие наиболее присущи детям с астеничным и активным типом ММД. Наиболее высокий показатель фактора С обнаружен у активного типа. По данным Л. А. Ясюковой, высокие показатели фактора С стабильно присущи детям с реактивным типом ММД. Нами подобного факта не обнаружено, но активный тип, как

и реактивный, входит в группу ММД с преобладанием процесса возбуждения. Эмоциональная стабильность детей с активным типом ММД достоверно выше чем у детей с ригидным и субнормальным (форма Б) типом ММД. Дети с астеничным типом ММД имеют достоверно более высокие показатели по фактору С как внутри группы детей с ММД с преобладанием торможения, в частности, в сравнении с ригидным типом, так и по сравнению с детьми с ММД с преобладанием процесса возбуждения – с субнормальным типом ММД (форма Б). Наименее способны разряжать свои импульсы в конкретный момент ригидный и субнормальный типы с преобладанием возбуждения (форма Б).

Дети с астеничным типом ММД характеризуются как наиболее совестливые. Дети данного типа придерживаются нормативного поведения, редко конфликтуют, проявляют конформность. Несмотря на то, что статистически достоверных различий оценок поведения в школе между типами не обнаружено, среднестатистическая оценка детей с астеническим типом ММД по поведению самая высокая среди детей с ММД – 4,3 балла. На наш взгляд, эти особенности связаны с первичным дефектом детей с данным типом ММД. Дети с реактивным, ригидным и субнормальным типом (форма Б) более безответственны, пренебрегают требованиями взрослых, соответственно реже заслуживают их доверие.

Особенности социометрического статуса детей с разными типами ММД обнаружены только на основании различий в показателях отрицательных индексов, что объясняется низкими позитивными индексами детей с ММД независимо от типа. Наиболее неблагоприятный статус в различных сферах отношений в классной группе диагностирован нами у детей с реактивным типом ММД.

Детям с реактивным, активным и субнормальным (форма Б) типом ММД в большей степени присущ страх не соответствовать ожиданиям окружающих.

Успеваемость детей с активным типом ММД достоверно выше, чем у детей с астеничным типом, а успеваемость детей с реактивным типом – выше, чем с ригидным.

На основании вышеизложенного, можно выделить ряд особенностей адаптации младших школьников с ММД к учебной деятельности в связи с типом дисфункции. В качестве специфики адаптации детей с астеничным типом ММД следует выделить сочетание низких показателей успеваемости и обучаемости с социальной нормативностью, совестливостью и относительно невысокими показателями негативных социометрических индексов. Дети с реактивным типом ММД, несмотря на учебную успеваемость, открытость, сформированные интеллектуальные навыки, обладают самыми высокими негативными социометрическими индексами и боятся не соответствовать ожиданиям школьного окружения. Компенсация низкой успеваемости и обучаемости детей с астеничным типом ММД обусловлена рядом

их личностных характеристик. И наоборот, успеваемость и интеллектуальное развитие детей с реактивным типом ММД компенсируют их неблагоприятный статус и пренебрежение нормативностью. У младших школьников с ригидным типом ММД выявлено сочетание низкой успеваемости и обучаемости с неавторитетностью в различных сферах отношений в классной группе. Детей с активным типом ММД отличает эмоциональная устойчивость, успеваемость выше среднего. Дети с субнормальным типом ММД с преобладанием процесса возбуждения (форма Б), в отличие от детей с субнормальным типом с преобладанием процесса торможения (форма А), характеризуются недостаточно сформированными интеллектуальными функциями, слабой успеваемостью и напряженностью. В целом различия по выраженности аффектотимии, гипотимии, страха не соответствия норме по развитию интеллекта обусловлены дисбалансом процессов возбуждения и торможения и соответственно принадлежностью к группе с преобладанием одного из процессов. Если оценивать прогноз адаптации к учебной деятельности, то наиболее уязвимы младшие школьники с астеничным, реактивным и ригидным типом ММД, первые – за счет недостаточного уровня развития интеллектуальных функций и низкой успеваемости, вторые – в связи с напряженными отношениями в коллективе, а третьи – на основании сочетания проблем детей с дисфункциями двух предыдущих типов.

Литература

1. Бадалян, Л. О. Минимальная мозговая дисфункция у детей (неврологический аспект) [Текст] / Л. О. Бадалян, Л. Т. Журба, Е. М. Мастокова // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. – 1978. – Т. 78. – 10. – С. 144–1446.
2. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека [Текст] / Ф. Б. Березин. – Л.: Наука, 1988. – 270 с.
3. Заводенко, Н. Н. Школьная дезадаптация: психоневрологические и нейропсихологические исследование [Текст] / Н. Н. Заводенко, Н. Г. Петрухин, Н. Г. Манелис // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 21 – 28.
4. Каган, Е. С. Дифференцированный подход к построению интегрального показателя школьной адаптации [Текст] / Е. С. Каган, А. Г. Портнова // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. – Вып. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 410 с. – С. 119 – 124.
5. Яницкий, М. С. Адаптационный процесс: психологические механизмы и закономерности динамики [Текст] / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. – 84 с.
6. Ясюкова, Л. А. Оптимизация обучения и развития детей с ММД [Текст] / Л. А. Ясюкова. – СПб.: Иматон, 1997. – 80 с.

УДК 159.923(316.752)

**РАЗРАБОТКА МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ЗНАЧИМОСТИ
НЕКОТОРОГО СОБЫТИЯ****Д. В. Карась, Н. А. Миллер****WORKING OUT OF THE TECHNIQUE OF THE ESTIMATION
OF THE VALUE-SEMANTIC IMPORTANCE****D. V. Karas, N. A. Miller**

В статье представлена разработка психодиагностической методики оценки ценностно-смысловой значимости некоторого события. Методика разработана на основе представлений о временной организации субъективной смысловой реальности, а также с учетом систематичности ценностно-смысловой сферы личности. Предложена структура метода и процедура проведения исследования. Разработан подход к анализу результатов с помощью расчета показателей и коэффициентов, отражающих степень ценностно-смысловой значимости некоторого события и динамику взаимных приоритетов временных локусов субъективной реальности.

This article presents development of psychodiagnostic technique to evaluate meaning-valuable significance of certain event. This technique is based on conceptions of time organization of subjective meaning reality, taking into account the consistency of meaning-valuable sphere of identity. The structure and methodology of technique is suggested. The approach to results analysis was developed to calculate the exponents and coefficients, which reflect the power of meaning-valuable significance of certain event and dynamics of change of mutual priorities of temporal loci of subjective reality influenced by certain event experience.

Ключевые слова: психодиагностика, значимость, переживание, ценность, личностный смысл, интернализация, временная организация субъективной реальности.

Keywords: psychodiagnostic, significance, experience, value, personal meaning, internalization, time organization of subjective reality.

В процессе изучения психологических факторов интернализации личностного выбора [2] в контексте определенной жизненной ситуации мы пришли к выводу, что процессы интернализации подразумевают специфическую трансформацию систем личностных смыслов и ценностных ориентаций, поскольку сводятся к установлению системных связей между актуальными внутриличностными ценностно-смысловыми образованиями и интернализуемыми [3]. Также нами было показано, что пусковым фактором процессов интернализации является переживание некоторого события или ситуации как ценности, личностной значимости, поскольку это определяет формирование собственно личностного отношения к рассматриваемому событию [1]. Из этого следует, что сам процесс интернализации личностного выбора относительно определенного события или ситуации невозможно описать без рассмотрения ключевых аспектов личностной значимости их переживания, т. е. без рассмотрения способов и путей трансформации системы ценностно-смысловых ориентаций личности в контексте такого переживания. В связи с этим перед нами встала задача поиска информативного способа оценки личностной (ценностно-смысловой) значимости какого-либо события. Данная статья посвящена описанию психодиагностических возможностей предполагаемого решения.

Мы предположили, что при оценке ценностно-смысловой значимости для личности некоторого события следует прежде всего обратить внимание не столько на субъективное смысловое содержание изучаемого переживания (т. е. на феноменологию личностного значения), сколько на пути трансфор-

мации системы ценностных ориентаций как целого под влиянием переживания изучаемого события или ситуации. Следовательно, диагностическая задача сводилась к поиску способа отследить и охарактеризовать появившиеся под влиянием переживания некоторого (определенного заранее) события сдвиги в субъективных оценках респондента по кругу показателей, отражающих целостность и системность ценностно-смысловой сферы. Для этого необходимо определить перечень ценностно-смысловых координат, в которых должны определяться сдвиги, а также показатели системы ценностных ориентаций, отражающие её целостность.

За содержательную основу метода нами был взят перечень ценностей из адаптированной М. С. Яницким для изучения ценностной структуры массового сознания методики Р. Инглхарта [5]. В этой методике представлены девять ценностей, являющихся маркерами ориентации человека на три различных ценностных типа – ценностей адаптации (отсутствие нужды, материальный достаток; сохранение сил и здоровья; сохранение порядка и стабильности в обществе), социализации (хорошая работа; семейное благополучие; уважение окружающих, общественное признание) и индивидуализации (возможность интеллектуальной и творческой самореализации; возможность пользоваться демократическими правами и свободами; строительство более гуманного и терпимого общества) – по три маркера на каждый тип. Список таких ценностей-индикаторов был составлен на основе личностных характеристик, выделенных М. С. Яницким типов личности, полученных в ходе психологического исследования, а также результатов 45 фокус-групп,

проведенных на территории Западной Сибири и Урала [5]. Выбранный перечень ценностей является самым коротким из всех перечней, используемых в профессиональных методиках изучения ценностных ориентаций. При этом он четко соотносится с экспериментально выверенной типологией личности, сформированной по основанию фактора доминирования в функционировании личности одного из трех параллельно протекающих циклических процессов личностного развития – адаптации, социализации или индивидуализации [6].

Вторым методологическим основанием методики является представление о временной организации субъективной реальности. Учет временной организации, в частности ценностно-смысловой сферы личности, предполагает принятие во внимание динамической взаимообусловленности трех временных локусов смысловой реальности: прошлого, настоящего и будущего. По меткому выражению А. В. Серого, «адекватное осмысление реальности в настоящем возможно при критическом осмыслении прошлого опыта и относительно индивидуальной цели (т. е. будущего)» [4]. Так, применительно к ценностно-смысловым ориентациям личности оценка степени субъективной значимости ценности отражает оценку её потенциала как средства достижения одной или нескольких личностных целей, либо же отражает её личностную привлекательность как самостоятельной цели. В том и другом случае оценка значимости ценности характеризует силу мотивационной направленности личности на её реализацию в настоящем, а следовательно, является характеристикой желаемого образа себя в будущем. При этом оценка значимости ценности как характеристики будущего испытывает обуславливающие влияния со стороны субъективной оценки удовлетворенности реализацией этой ценности в прошлом, которая, в свою очередь, постоянно корректируется осуществляемым в настоящем личностным вкладом в её реализацию, который, как уже оговаривалось, зависит от силы мотивационной направленности на реализацию ценности, т. е. её значимости. Таким образом, при непрерывном субъективном соотношении значимости ценности (компонент будущего), оценки удовлетворенности её реализацией (компонент прошлого) и оценки личностного вклада в её реализацию (компонент настоящего) налицо циклический процесс взаимообуславливания временных локусов смысловой реальности, обеспечивающий непрерывную динамику её трансформации.

Итак, мы приняли решение использовать в качестве ценностно-смысловых координат конструируемого метода перечень из 9 ценностей методики Р. Инглхарта – М. С. Яницкого и выяснять относительно каждой из них, в какой мере респондент, в связи с пережитым событием или ситуацией, оценивает изменения степени субъективной значимости, личного вклада в реализацию и удовлетворенности реализацией.

Таким образом, процедура сбора информации по предлагаемому методу сводится к тому, что респон-

дент последовательно отвечает на шесть вопросов относительно каждой из девяти ценностей.

1. Насколько значимой, ценной для Вас являлась реализация каждой из предложенных ценностей (а) до события (обычно) и (б) после события (последнее время) (1 – не имеет значения; 5 – очень значима)?

2. Насколько каждая из перечисленных ценностей была реализована в Вашей жизни (а) до события (обычно) и (б) после него (последнее время) (1 – совсем не реализована; 5 – реализована полностью)?

3. Как много личных усилий Вы затрачивали на реализацию каждой из перечисленных ценностей (а) до события (обычно) и (б) стали затрачивать после события (последнее время) (1 – не делаю ничего; 5 – большинство моих поступков направлены на реализацию этой ценности)?

Ответы заносятся в таблицу, состоящую соответственно из 54 полей, расположенных в шести столбцах и девяти строках.

Учитывая, что предлагаемая методика не проходила процедуры стандартизации на различных категориях людей, мы вводим важное замечание о том, что для анализа её результатов мы будем оперировать исключительно относительными оценками – вычисленными разностями и отношениями между показателями, а не абсолютными их значениями.

Моделируя подход к анализу результатов, мы отталкивались от необходимости получить ответы на два вопроса: 1) насколько сильно событие, относительно которого рассматриваются сдвиги заложенных в методику показателей, повлияло на систему ценностно-смысловых ориентаций и 2) какова специфика этого влияния.

Ответ на первый вопрос предполагает расчет четырех общих показателей вовлеченности системы ценностных ориентаций в переживание некоторого события (S). 3 показателя для оценки сдвигов в значимости, удовлетворенности реализацией и личном вкладе в реализацию под влиянием переживания события и один – итоговый показатель, суммирующий эти сдвиги.

Общая формула для расчета имеет следующий вид:

$$S_{(0)} = \left(\frac{|S_{(V)}|}{9} + \frac{|S_{(S)}|}{9} + \frac{|S_{(I)}|}{9} \right) / 3.$$

То есть, вычисляется средняя арифметическая ($S_{(0)}$) средних (деленных на 9) модулей разностей оценок по значимости ценностей ($S_{(V)}$), удовлетворенности их реализацией ($S_{(S)}$) и оценок личного вклада в их реализацию ($S_{(I)}$) после изучаемого события и до него. Поскольку максимальная разность между оценками составляет 4, а минимальная – 0, общий показатель влияния переживания события на ценностно-смысловую систему изменяется в пределах от 0 до 4 ($S_{(0)} \in (0; 4)$). Получаемые показатели отражают количественную меру сдвигов в субъективных оценках по изучаемым параметрам вне зависимости от направлений этих сдвигов.

Для ответа на второй вопрос необходимо было не только зафиксировать направление сдвигов оценок, но и сохранить информацию о соотношениях и об изменениях в соотношениях между значимостью ценностей, удовлетворенностью реализацией и оценкой личного вклада. Данные об изменениях соотношений показателей системы ценностных ориентаций служат источником информации о том, как, под влиянием переживаемого события, изменяются взаимные приоритеты временных локусов субъективной реальности личности. Кроме того, необходимо учесть качественные различия заложенных в методику блоков ценностей – адаптации, социализации и индивидуализации, сдвиги в оценках которых могут быть противоположными. Решить эти задачи оказалось возможным с помощью расчета ус-

редненных (геометрическим средним) по каждому блоку ценностей коэффициентов (R) сдвигов соотношений показателей значимости ценностей к личному вкладу, значимости к удовлетворенности реализацией, личного вклада к удовлетворенности реализацией (см. таблицу). Коэффициенты изменяются в пределах от 1/25 до 25. При значении коэффициента меньше 1 следует констатировать уменьшение числового расстояния между числителем и знаменателем в оценках после события по сравнению с соотношением оценок перед событием, при значении коэффициента больше 1 следует констатировать увеличение этого расстояния. Итоговая матрица принимает следующий вид (таблица).

Таблица

Форма расчета коэффициентов сдвигов соотношений показателей системы ценностных ориентаций под влиянием переживаемого события

	Сдвиг		
	значимость (V) / личный вклад (I)	значимость (V) / удовлетворенность реализацией (S)	личный вклад (I) / удовлетворенность реализацией (S)
Ценности адаптации (а)	$Ra(V/I) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * I}{I' * V} \right)}$	$Ra(V/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * S}{S' * V} \right)}$	$Ra(I/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{I' * S}{S' * I} \right)}$
Ценности социализации (s)	$Rs(V/I) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * I}{I' * V} \right)}$	$Rs(V/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * S}{S' * V} \right)}$	$Rs(I/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{I' * S}{S' * I} \right)}$
Ценности индивидуализации (i)	$Ri(V/I) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * I}{I' * V} \right)}$	$Ri(V/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{V' * S}{S' * V} \right)}$	$Ri(I/S) = \sqrt[3]{\prod_1^3 \left(\frac{I' * S}{S' * I} \right)}$

Таким образом, для анализа результатов тестирования по методике оценки ценностно-смысловой значимости некоторого события или ситуации используется 13 показателей.

1. 4 общих показателя вовлеченности системы ценностных ориентаций в переживание некоторого события (S).

2. 3 коэффициента изменения соотношения значимости ценностей к оценке личного вклада в их реализацию для ценностей адаптации, социализации и индивидуализации соответственно.

3. 3 коэффициента изменения соотношения значимости ценностей к оценке удовлетворенности их реализацией для ценностей адаптации, социализации и индивидуализации соответственно.

4. 3 коэффициента изменения соотношения оценки личного вклада в реализацию ценностей к оценке удовлетворенности их реализацией для ценностей адаптации, социализации и индивидуализации соответственно.

Расчет этих показателей и коэффициентов позволяет составить представление о ценностно-смысловой значимости некоторого события и делать

выводы о сопутствующей динамике взаимных приоритетов временных локусов субъективной реальности. В дальнейшем планируется апробация предложенного метода на широкой выборке в составе комплекса психодиагностических методик, нацеленных на изучение психологических факторов интернализации личностного выбора. Анализ результатов такого исследования позволит наполнить показатели и коэффициенты, получаемые при обработке данной методики, конкретным психологическим содержанием.

Литература

1. Карась, Д. В. Гипотеза о роли пиковых переживаний в становлении самодетерминации личностного выбора // Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» [Электронный ресурс] / Д. В. Карась / отв. ред. И. А. Алешковский, П. Н. Костылев, А. И. Андреев. – М.: МАКС Пресс, 2009. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. // URL: [http:// www.lomonosov-msu.ru/2009/](http://www.lomonosov-msu.ru/2009/) 19.pdf.

2. Карась, Д. В. Категориальное пространство интернализации личностного выбора [Текст] / Д. В. Карась // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2010. – № 331. – С. 177 – 181.

3. Карась, Д. В. Теоретическая модель личностного выбора как объекта психологического исследования / Д. В. Карась: материалы XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: психология. – Новосибирск, 2009. – С. 50 – 51.

4. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.

5. Яницкий, М. С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания / М. С. Яницкий // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. – Кемерово, 2002. – 334 с.

6. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

УДК 159.9

СПЕЦИФИКА САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. В. Куенко, И. С. Морозова

THE CHARACTERISTICS OF LEVELS OF SELF-CONTROL OF THE PERSON

E. V. Kienko, I. S. Morusova

В статье поднимается вопрос об условиях эффективного осуществления профессиональной деятельности. Проведен теоретический анализ проблемы перехода личности к саморазвитию и самореализации, в отношении которой был адаптирован и уточнен соответствующий понятийный аппарат. Обсуждаются особенности самореализации в различных видах профессиональной деятельности, определяются факторы самореализации.

The article raises the question of the conditions of effective implementation of professional activities. The authors conduct theoretical analysis of the problem of one's self-development and one's self-realization and defines certain concepts more precisely. The features of self-realization in different occupations, the determinants of self-realization.

Ключевые слова: личность, самореализация, позитивные и негативные факторы самореализации, профессиональная деятельность.

Keywords: self-realization, factors self-realization, profession activity.

Проблема максимального использования человеком собственного потенциала актуальна во все времена. Ещё Аристотель указывал, что счастье как высшая цель жизни человека возможно лишь при условии совершенствования «функций и способностей, присущих человеку» [9, с. 14]. В современном мире тема самореализации только укрепила свои позиции. Потребность в саморазвитии – естественное и основополагающее свойство зрелой личности. Отметим, что самореализация – постоянный процесс раскрытия потенциальных возможностей личности, что означает применение способностей и разума и работу над тем, что действительно важно для индивида и к чему он стремится [21].

Собственный потенциал человек может реализовать исключительно в деятельности. В идеале включённый в сложную социальную систему индивид так или иначе стремится направить собственную активность во благо общества, других людей, что может обеспечить более полное удовлетворение от своих действий, осознание собственной значимости и так далее. Очевидно, что само общество приобретает большую стабильность при условии устойчивости его отдельных составляющих, что возможно при полноценном развитии, непрерывном самосовершенствовании и адекватном приложении сил (в том числе с учётом природных способностей и склонно-

стей) каждого человека. Следовательно, возможность самореализации человека в выбранной профессиональной деятельности как одной из основных сфер жизни – узловая проблема, требующая всестороннего анализа.

Необходимо упомянуть о том, что истоки идеи самореализации личности содержатся в концепции А. Адлера, который считал, что человек, постоянно сравнивая себя с неким идеалом, мотивируется чувством собственной неполноценности и стремится к компенсации и саморазвитию. При этом учёный не даёт какого-либо психологического определения самореализации, ограничиваясь лишь философским подходом. Однако Адлер всегда признавал, что человек обладает самосознанием и способен планировать свои действия, управлять ими, осознавая значение своих действий для собственной самореализации. По А. Адлеру, человек сам творит свою личность. Обладая креативным Я, он ставит перед собой цель и определяет пути её достижения. Однако цель субъективна, она существует «здесь и сейчас» и может быть недостижимой. Тем не менее цель является реальным стимулом [16, с. 23].

Исходные представления о самореализации в отечественной психологии можно найти в связи с введением самого понятия «личность» и изучения движущих сил её развития. Так, например,

В. М. Бехтерев в период становления психологии как науки обращался к исследованию личности, условий её развития и здоровья [4]. Он говорил о бессмертии человеческой личности, полагая, что в этом и состоит высшая степень самореализации [3].

Близким к определению самореализации является понятие «самоактуализация», которое, как правило, упоминается со ссылкой на теорию А. Г. Маслоу. Необходимо сказать, что сам термин «самоактуализация» сформулировал К. Гольдштейн для обозначения восстановления способностей личности после перенесенного ранения; позже ученый определяет её как универсальный принцип жизни, не относимый с органами и клетками. Отметим, что учёный был сторонником «организмической теории», постулаты которой заключаются в следующем.

Организм всегда ведёт себя как единое целое, а не как совокупность разнородных элементов.

Сознание и тело не отдельные сущности. Причём как сознание не состоит из отдельных способностей и элементов, так и тело не состоит из независимых органов и процессов. Происходящее в «части» всегда влияет на «целое». Любое событие, психологическое или физиологическое, происходит в контексте всего организма.

Организованность – естественное состояние организма. Здоровая личность едина, интегрирована. Дезорганизованность может быть связана с воздействием агрессивной среды или внутренней аномалией. В структуре организма нет специфического «организатора» (душа, дух) в силу того, что организованность введена в систему изначально.

Определяющее значение для развития в данной концепции придаётся раскрытию врожденных способностей и возможностей. Хотя организм не анализируется как закрытая система, — влияние внешних воздействий минимально, и среда рассматривается, как правило, в негативном аспекте. Предполагается, что в организме нет ничего врождённого «плохого»; он становится плохим из-за неадекватного окружения. Организм, если ему позволить развиваться оптимальным образом и в соответствующей обстановке, придёт к развитию здоровой личности, в то время как злокачественные воздействия среды могут негативно сказаться на личности.

Индивид мотивируется не многими, а одним, главным мотивом – самоактуализацией. То есть человек постоянно стремится реализовать свои врожденные потенции всеми доступными способами [8].

Гольдштейн указывает на наличие в организме постоянного запаса энергии, который имеет тенденцию к равномерному распределению. Воздействие внешней среды приводит к изменению данного распределения. Реакция организма на такое вмешательство (тенденция вернуться в исходное состояние равновесия) включает основной динамический процесс – процесс выравнивания. Уровень, на котором напряжение становится уравновешенным, представляет собой «центрирование» организма, которое, в свою очередь, позволяет организму действовать наиболее эффективно, справляясь с воздействием

внешней среды и актуализируясь в будущих видах активности, соответствующих его природе.

Итак, по Гольдштейну, самоактуализация личности – по существу единственный мотив. То, что может показаться при первом приближении действиями, вызванными иными мотивами, – лишь проявление главной силы жизни – самоактуализации личности [8].

Самоактуализация личности – творческая тенденция человеческой природы. Она является основой развития и совершенствования организма. Невежда, стремящийся к знанию, переживает ощущение собственной неполноты. Чтение и обучение удовлетворяют его потребность в знании, и пустота исчезает. Так «формируется» новый человек, в котором учение заняло место незнания, то есть желание стало реальностью. Таким образом, любую потребность можно определить как состояние дефицита, мотивирующее человека на его восполнение. Такое удовлетворение потребности и есть самоактуализация, или самореализация, личности [30].

Маслоу выделил базовые характеристики самоактуализирующихся (то есть стремящихся к самоактуализации) людей, в частности:

- Более эффективное восприятие реальности. Самоактуализирующиеся люди способны воспринимать окружающий мир и других людей более адекватно, правильно и объективно. Они видят действительность такой, какая она есть, а не такой, как им хотелось бы её видеть.

- Принятие себя, других и природы. Самоактуализирующиеся люди не отягощены чувством вины, стыда или тревоги, в отличие от большинства людей. Они не критичны к себе и не предъявляют сверхвысоких требований к окружающим, не стремятся поучать и воспитывать.

- Непосредственность, простота и естественность. Внутренней жизни самоактуализирующихся людей чужда условность; они естественны и непосредственны в своих проявлениях. Но эта «нетрадиционность» не связана с желанием произвести впечатление, они могут даже отказаться от определённых спонтанных поступков, чтобы не огорчать других.

- Центрированность на проблеме. Самоактуализирующиеся личности привержены определённой задаче, долгу, призванию или работе, которую они считают важной.

- Независимость: потребность в уединении. Самоактуализирующиеся люди очень нуждаются в неприкосновенности внутренней жизни и одиночестве. Так как они не стремятся устанавливать с другими отношения зависимости, то могут в полной мере наслаждаться полнотой дружбы и любви.

- Автономия: независимость от культуры и окружения. Самоактуализирующиеся люди свободны в своём поведении, независимо от окружения. Они полагаются на собственный потенциал и внутренние источники развития.

- Свежесть восприятия. Самоактуализирующиеся люди обладают способностью оценивать по дос-

тоинству самые обычные события в жизни, ощущая при этом удивление, удовольствие и даже экстаз.

– Вершинные (пиковые) переживания. Под вершинными переживаниями Маслоу понимал моменты сильного волнения или высокого напряжения, а также моменты расслабления, умиротворения, блаженства и спокойствия.

– Общественный интерес – выражается в чувстве сострадания, симпатии и любви ко всему человечеству.

– Глубокие межличностные отношения. Самоактуализирующиеся люди стремятся к более глубоким и тесным личным взаимоотношениям, чем «обычные» люди.

– Демократичный характер. У самоактуализирующихся людей нет предубеждений, и поэтому они уважают других людей, независимо от того, к какой расе, религии, полу те принадлежат, каков их возраст, профессия и прочие показатели статуса.

– Разграничение средств и целей. Для самоактуализирующихся личностей характерно обострённое чувство разграничения целей и средств их достижения. В то же время они могут наслаждаться средствами, которые не вызывают интереса у обычных людей. Нередко им больше нравится делать что-то ради самого процесса (например физические упражнения), а не потому, что это средство для достижения определённой цели (например хорошее состояние здоровья).

– Философское чувство юмора. Если обычный человек может получать удовольствие от шуток, высмеивающих чью-то неполноценность, унижающих кого-то или непристойных, то психологически здорового (самоактуализирующегося) человека больше привлекает юмор, высмеивающий глупость человечества в целом.

– Креативность. В данном случае речь идёт о такой способности к творчеству, которая присутствует в повседневной жизни как естественный способ активности наблюдательной, воспринимающей новое и вместе с тем совершенно простой личности.

– Сопротивление окультуриванию. Самоактуализирующиеся люди находятся в гармонии со своей культурой, сохраняя в то же время определённую внутреннюю независимость от неё [31].

Отметим, что пиковым переживаниям А. Маслоу уделил особое внимание. Если изначально он рассматривал их как ключевую характеристику самоактуализирующихся личностей, то позже он пришёл к выводу, что такого рода моменты могут встречаться у всех людей. Различие заключается лишь в том, что одни люди (самоактуализирующиеся) принимают данные переживания и ценят их, а другие – отвергают или рационализируют. По А. Маслоу, большое значение имеют пиковые переживания в жизни несамоактуализирующихся людей. По его мнению, такие моменты могут придавать жизни смысл, способны ликвидировать состояние «экзистенциальной бессмысленности» и выступать фактором, предотвращающим самоубийства [34]. Вместе с тем он твёрдо выступает против попыток мистического объяснения пиковых переживаний,

отстаивая их естественное происхождение и природу. В частности, учёный утверждает, что символический язык теологии возник как система метафор для описания экстатических переживаний, имеющих вполне земную природу [17].

В целом исследования Маслоу относительно самоактуализации личности были связаны с желанием учёного понять двух его наиболее вдохновляющих учителей – Р. Бенедикт и М. Вертхаймера. Хотя это были совершенно не похожие друг на друга люди и занимались они исследованиями в разных сферах, учёный чувствовал, что им присущ такой уровень самоосуществления в профессиональной и личной жизни, который он редко наблюдал у других. Маслоу видел в них не только выдающихся учёных, но и глубоко совершенных, творческих людей. Так, своё авторское исследование учёный организовал с целью выяснения того, что делает их столь особенными. Маслоу стал записывать все данные, которые мог собрать относительно их личной жизни, ценностей и так далее. Сравнение Бенедикт и Вертхаймера – первый шаг в продолжавшемся всю его жизнь исследовании самореализации личности [29].

Необходимо отметить, что А. Маслоу выбирал образцы для своего первого крупного исследования (выборка состояла из восемнадцати выдающихся людей: девяти современников и девяти исторических личностей) на основе позитивного и негативного критериев. В качестве негативного критерия была избрана такая характеристика, как отсутствие неврозов, психозов, психопатических черт характера, а также выраженных невротических или психопатических тенденций. В качестве позитивного критерия Маслоу обозначил наличие признаков самоактуализации личности, отмеченных выше.

Некоторые учёные рассматривают «самоактуализацию» и «самореализацию» как синонимы, отражающие стремление к раскрытию собственного потенциала (А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл), что в полной мере соответствует нашей исследовательской позиции.

Однако необходимо упомянуть и другой подход, концентрированный на дифференциации рассматриваемых терминов. Так, вслед за Е. Е. Вахромовым [7], можно обратиться к «Оксфордскому словарю современного английского языка для студентов». В нём приводятся следующие значения корней, из которых состоит слово «самоактуализация» («the self-actualization»): «the self» (то, как личность видит свой потенциал) и «actualization» (осуществление на практике). Самоактуализация, таким образом, предполагает наличие у человека «самости» (человеческого потенциала), которая нуждается в «актуализации» (раскрытии, осуществлении) путем определенного вида работы над собой в процессе общественно значимой деятельности. Вместе с тем реализация («realization») – это осуществление ранее составленного плана, имеет оттенок «овеществления».

Таким образом, Е. Е. Вахромов констатирует, что самореализация намекает на работу на внутреннем плане в большей степени, чем самоактуализация. Последняя же ассоциируется с деятельностью

во внешнем плане. Однако такова трактовка понятий в английском языке. В русском языке «актуальность», скорее, указывает на внутренний план (актуальная проблема, статья), а «реализация» (производственных планов, товаров) – на внешний план деятельности, имеющий вещественный результат [7].

Л. А. Коростылева [16], анализируя данные понятия, также указывает, что самоактуализация связана, скорее с субъективным, внутренним аспектом существования личности; в то время как самореализация в большей степени отражает процесс проявления личности во внешнем плане.

Термин «самореализация» также близок «самоосуществлению». Однако данные понятия дифференцировать значительно проще. Так, Коростылева на основе анализа статей в зарубежных философских и психологических словарях делает вывод, что самоосуществление в большей степени указывает на результат самореализации [16].

Если обратиться к философскому осмыслению понятия «самореализация», можно также обнаружить немалое количество подходов к его интерпретации. Однако согласимся с Л. А. Царевой, что основным пониманием в трактовке исследуемого феномена является представление о сущностных силах человека. Кроме того, имеет смысл вслед за Л. А. Коростылевой, обратиться к докторской диссертации по социальной психологии Г. К. Чернявской, согласно которой самореализация личности понимается с позиции нравственных принципов (как единство самоутверждения и отрицания) [16].

Неотъемлемой частью человеческой жизни является трудовая деятельность. Она выступает не только средством удовлетворения материальных потребностей человека, но и потребностей более высокого уровня, связанных, в частности, с самореализацией личности. Выбирая будущую профессию, человек, как правило, соизмеряет с её требованиями собственные интересы и возможности. Однако и при ошибочном выборе есть возможность максимального самоосуществления в профессиональной деятельности. Чтобы это стало возможным, необходимы определенные психологические условия. Таким образом, изучение возможности и условий самореализации в профессии необходимо, что поможет инициировать процесс раскрытия потенциала личности, актуализации собственного «Я» в трудовой деятельности и жизни вообще и, в свою очередь, будет способствовать минимизации текучести кадров, что имеет важное экономическое и социальное значение.

Рассмотрим результаты исследований, посвящённых изучению условий самореализации личности.

По Э. Фромму, самореализация имеет социально обусловленный характер. При этом неотъемлемым атрибутом продуктивной самореализации является способность «быть», а не «казаться» [32, с. 25].

Р. А. Зобов и В. Н. Келасев выявили две группы факторов, оказывающих влияние на самореализацию: зависящие (ценностные ориентиры, готовность к самостроительству, гибкость мышления, во-

ля) и не зависящие от человека (социальная ситуация, уровень жизни, материальная обеспеченность, влияние на человека средств массовой информации, состояние экологической среды) [15].

Л. А. Коростылева в качестве основных психологических детерминант самореализации выделяет следующие:

а) мотивационно-смысловые. Коростылева описывается на понимание мотива, сформулированное Е. П. Ильиным: «Границы мотива определяются, с одной стороны, потребностью, а с другой – побуждением к достижению реальной цели. Между ними располагаются психологические образования, обеспечивающие сознательный выбор человеком предмета и способа удовлетворения потребности» [11, с. 32].

В мотиве происходит сознательное отражение будущего с использованием опыта прошлого [6]. Мотив осуществляет побудительную, направляющую, смыслообразующую и стимулирующие функции.

С. Л. Рубинштейн рассматривал мотив как ядро субъекта в силу его тесной связи с направленностью личности, поведением и деятельностью: «Включение сознания в детерминацию человеческой деятельности порождает специфический тип детерминации. Детерминация через мотивацию – это детерминация через значимость явлений для человека» [26, с. 288]. На основании мотивов, которыми руководствуется человек, можно судить о социальной зрелости личности, степени её самореализации;

б) личностно-ситуационные детерминанты. Выделение человеком личностного знания неизбежно происходит сквозь призму жизненного опыта. «Таким образом, те или иные ситуации наделяются конкретной валентностью (значимостью, силой). Кумулятивный, интегральный характер последних определяет ход самореализации» [16, с. 84].

Отметим также, что Коростылева разделяет мнение Н. В. Гришиной о существовании трёх базовых подходов к изучению ситуационных факторов: объективного, субъективного и исследования в естественных ситуациях [10]. Однако отмечает, что объективный подход сталкивается с различными препятствиями непредвзятому описанию ситуаций в силу субъективности восприятия. Субъективный подход тоже далёк от совершенства: он вызывает возражение с точки зрения полноты и надёжности описания ситуации самим индивидом, который передаёт субъективный опыт «проживания» данной ситуации. Поэтому наиболее привлекательным, пожалуй, является третий подход, так как именно таким образом в большей мере удаётся приблизиться к адекватному моделированию психической жизни человека [16].

С. Л. Братченко и М. Р. Миронова говорят о том, что самореализация личности зависит от характера взаимоотношений с двумя силами: внешним и внутренним миром. Причём, в соответствии с исходной позицией веры в природу человека, актуализирующее, созидательное начало признаётся в первую очередь, за организмом, внутренним миром, в кото-

ром изначально заложен мощный потенциал, «главная движущая сила жизни» и развития человека – стремление к росту, раскрытию своих способностей и усилению возможностей, к большей эффективности, зрелости и конструктивности. Поэтому для личности исходные, определяющие отношения – с самим собой [5].

По предположению М. А. Петровской, в качестве условия самореализации может выступать творчески-преобразовательная деятельность субъекта, так как она является способом его структурной перестройки и повышения уровня его духовной организации [24].

Интересен подход Р. Р. Ишмухаметова, подошедшего к проблеме самоактуализации личности с позиции экологической психологии. Он пишет: «Окружающая среда (среда окружения) большинства исследователей понимается как полный, «исчерпывающий набор условий и обстоятельств, в которых живёт человек, как физических, так и социокультурных». Эти условия могут способствовать или препятствовать самореализации личности, будучи включёнными в многомерный мир человека или оставаясь за его пределами и составляя не просто «фон», но основу, на которой развёртывается процесс самореализации» [12, с. 45].

А. Маслоу подчёркивает важную роль в процессе самоактуализации личности наличие таких характеристик, как: позитивные эмоции, воля (необходима для того, чтобы развивать способности и достигать трудных, требующих длительной работы целей), холистическое мышление (предполагает концентрацию внимания на отношениях и целом более, чем на отдельных частях) [22].

По мысли А. К. Марковой, значимым фактором личностного саморазвития выступает профессионализация. Именно профессия – источник существования и средство личностной самореализации человека [27]. Данная мысль близка нашим исследовательским интересам. Выявление возможностей и психологических условий самореализации в профессии имеет важное значение как для конкретной личности, так и для общества в целом.

Необходимо указать и те условия, которые могут оказать негативное влияние на самореализацию, затруднять данный процесс. Так, по А. Маслоу, в качестве таких факторов могут выступать, прежде всего, следующие характеристики:

- негативное влияние прошлого опыта (сильные привычки мешают психологическому росту, так как уменьшают гибкость, необходимую для эффективного поведения в различных ситуациях);

- социальное влияние (общество нередко «отрывает» нас от собственных вкусов и мнений);

- психологические защиты (в частности, Маслоу подчёркивал отрицательное значение десакрализации как отказа относиться к чему-либо с высокой степенью вовлечённости, а также «комплекса Ионы» как отказа от осуществления собственных способностей).

А. Эллис в качестве препятствий на пути к самореализации личности указывал на иррациональ-

ные тенденции. Он отмечает, что некоторые иррациональные идеи могут нагнетать страх. К этому приводит драматизация определённых событий в жизни. Человек преувеличивает значение негативных последствий происходящего («Это ужасно!»), что может привести к появлению автоматизмов внутренней речи, смыслов, препятствующих реализации человеком своих возможностей («А что, если...»). Другая группа иррациональных идей носит обвиняющий или предъявляющий завышенные требования характер («Терпеть не могу!»). Индивиды, подверженные самообвинению, возводят свои промахи в ранг неполноценности, некоторые – предъявляющие завышенные требования – нетерпимы к поведению других. Иррациональные тенденции этой группы часто проявляются в автоматизмах смыслов, предписывающих долженствование («Я был вынужден...», «Я должен...»). Ещё одна группа иррациональных идей включает в себя отрицание важности происходящего, рационализацию, которая устраняет возникший когнитивный диссонанс [33]. Перечисленные иррациональные тенденции, безусловно, искажают ход самореализации личности, препятствуют развитию и нарушают психическое здоровье.

Гольдштейн предполагает, что препятствия для самореализации могут возникнуть потому, что в среде не находится тех объектов и условий, которые необходимы для самоактуализации личности. Нормальный, здоровый организм – это тот, в котором «тенденция к самоактуализации действует изнутри и который преодолевает сложности, возникающие из-за столкновений с внешним миром не на основе тревоги, но благодаря радости победы» [30, с. 238].

Отметим ещё одну важную мысль. Маслоу подчёркивал, что выбор в пользу роста, в направлении самоактуализации личности должен осуществляться в каждой ситуации выбора. Любой отказ от полной реализации потенциала чреват возникновениями патологии или даже метапатологии [7].

Чтобы создать условия для развития и самореализации личности, необходимо понять, что способности, органы и организм в целом жаждут функционирования; они требуют, чтобы их применяли по назначению. Использование приносит им удовлетворение, а бездействие раздражает. «Мускулистому человеку хочется использовать свои мускулы, более того, он должен использовать их, чтобы «чувствовать себя хорошо» и обрести субъективное чувство гармоничного, успешного, свободного функционирования (спонтанности), которое представляет собой важнейший аспект хорошего развития и психологического здоровья. То же самое можно сказать об умственных способностях, о матке, о глазах, о способности любить. Способности требуют, чтобы их использовали, и прекращают требовать только тогда, когда их используют достаточно хорошо. То есть способности являются также и потребностями. Использовать свои способности не только интересно, но и необходимо для развития. Простаивающая без дела способность и незадействованный орган могут стать источником болезни или атрофироваться, тем самым обедняя личность» [22].

Итак, приведённые выше исследования указывают на то, что учёные, как правило, склонны изучать феномен самореализации в целом, безотносительно конкретной сферы деятельности или взаимодействий человека. Однако такого рода обобщения могут уводить в сторону от практической значимости подобных исследований. Концентрация на профессиональной сфере позволяет более полно осмыслить феномен самореализации человека и использовать полученные результаты в практических целях.

По мнению А. К. Марковой, профессия – это «социально ценная и ограниченная вследствие разделения труда область приложения физических и духовных сил человека, дающая ему возможность получать взамен затраченного труда необходимые средства его существования и развития» [19, с. 15]. При этом отмечается, что для человека профессия – это «источник существования и средство личностной самореализации» [19, с. 15].

Как следствие, вопрос изучения самореализации в профессии важен ещё и тем, что таким образом возможно рассмотрение личности сквозь призму профессионального функционирования и развития. То есть профессия – это «калька» (или своего рода вспомогательный инструмент) для выяснения того, на что действительно способен человек. В свою очередь, данные изыскания могут способствовать выстраиванию целостной модели личности. Здесь необходимо вспомнить Б. Г. Ананьева, автора фундаментальной системы представлений о человеке как индивиде, личности и субъекте деятельности: «единичный человек может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, в структуре которых функционируют природные свойства человека как индивида» [2, с. 280].

В целом, оперируя концепцией Б. Г. Ананьева, мы приходим к пониманию личности как непрерывно развивающейся, целостной и проявляющей собственные способности в деятельности. Профессия как центральная область приложения сил человека, таким образом, может выступать как поле для самореализации. Б. Г. Ананьев подчёркивает: «Я понял, что нет более великой проблемы, чем проблема человеческих возможностей. Я понял: человек может всё» [18, с. 22–23].

Рассматривая специфику самореализации в профессии, мы считаем возможным говорить, прежде всего, о неизбежной обусловленности данного процесса ключевыми характеристиками деятельности.

Нередко самореализацию личности в труде подменяют понятиями эффективности и успешности. Тем не менее данные альтернативы далеко не тождественны исследуемому феномену, более того, можно предположить, что они являются возможными причинами полного раскрытия потенциала личности в деятельности, что согласуется с мыслью Маслоу о том, что человек способен к самореализации, выполняя наилучшим образом то, что он делает. В свою очередь, самоактуализирующейся человек способен достигать некоего «трансценденталь-

ного» уровня профессиональной успешности (качественно более высокого), в отличие от того работника, которого можно считать успешным по всем необходимым формальным признакам.

Вместе с тем, анализируя любую профессиональную деятельность, можно выделить ещё один немаловажный параметр, который способен оказать влияние на возможность самореализации человека в профессии, – удовлетворённость трудом, что вполне закономерно, так как данный компонент предполагает возможность удовлетворения в деятельности всех видов потребностей, в том числе и высших, связанных с раскрытием потенциала личности.

Необходимо отметить, что особенности самореализации человека в труде могут быть связаны и с содержанием, характером профессиональной деятельности. Например, профессии типа «человек–человек» (по Е.А. Климову) могут предъявлять более высокие требования к личности работника и актуализации им собственного «Я», чем профессии «человек–техника». В частности, «специфика профессиональной деятельности психолога определяется, прежде всего, особенностями её объекта, каким выступает человек, нуждающийся в психологической помощи. Необходимость анализа других предъявляет особые требования к уровню личностного здоровья самого психолога» [28]. Вполне вероятно, что сама деятельность может инициировать процесс самореализации работника.

При рассмотрении специфики самореализации в профессии необходимо обратиться к исследованиям данного феномена Л. А. Коростылевой. Выделяя на пути самоактуализации в профессиональной деятельности последовательные этапы профессионального самоопределения, становления в профессии, профессионального роста и профессиональной компетентности, ученый отмечает, что «генезис самореализации в профессиональной сфере может быть описан с учетом барьеров на выделенных уровнях самореализации. В зависимости от того, чем обусловлены данные барьеры, формируется их своеобразие и определяется их тип» [16, с. 145]. При этом отмечается, что «хотя нередко в психологической литературе имеет место смешение этапов профессионального самоопределения и профессионального становления, в ракурсе изучения проблемы самореализации личности в профессиональной сфере жизнедеятельности такое совмещение не представляется оправданным, поскольку вносит элемент недифференцированности» [16, с. 147]. Таким образом, проблема самореализации личности в профессии разрабатывалась автором преимущественно через исследование затруднений, в частности, через анализ таких вопросов, как безработица и трудоустройство. При этом отмечается, что «затруднения самореализации в профессиональной деятельности в значительной степени обусловлены профессионально-личностной позицией, приобретёнными навыками разрешения подобных ситуаций, личностной зрелостью человека» [16, с. 97].

Отдельные изыскания возможностей, условий, особенностей самореализации в профессии можно

обнаружить в ряде диссертаций. В частности, И. А. Акиндинова изучала специфику самоактуализации личности в профессиях разного уровня социального престижа. При этом выборку представителей престижных профессий составили юристы, экономисты и маркетологи; непрестижных – инженеры, сотрудники библиотек (библиотекари, редакторы и библиографы). В частности, было обнаружено, что стремление к самореализации в большей степени реализуется у представителей престижных профессий. В группе представителей непрестижных профессий на первый план выходят «низшие» мотивы, которые, в силу своей неудовлетворённости мешают переходу личности на более высокие уровни самореализации. Не менее интересным оказался результат, свидетельствующий о том, что представители престижных профессий используют более активные механизмы самореализации (например самопродвижение), чем работники непрестижных специальностей (стиль самоотдачи) [1].

Необходимо упомянуть и другие подходы к исследованию самореализации в профессии. В частности, Л. Н. Ожигова затрагивает гендерную интерпретацию данного феномена [23]. Выявленная в ходе данного исследования гендерная обусловленность самоактуализации личности женщины определяет наличие специфических стратегий профессионализации:

- подчинение профессиональных стремлений гендерной роли;
- ориентация на совмещение профессиональной и гендерной роли;
- выбор профессионального продвижения при поддержке семьи.

Автор отмечает, что стратегии профессионализации женщин в целом направлены на преодоление противоречия между гендерной и профессиональной ролью, где последняя носит второстепенный характер в ценностной картине мира женщин. Постоянное соотношение стратегий профессионализации с гендерной ролью способствует появлению напряжения, неудовлетворённости и ограничивает женщину в самореализации: профессиональные цели либо отсутствуют, либо постоянно отодвигаются, либо достижение их переживается как «проблемное». Вместе с тем позитивным моментом являются результаты, свидетельствующие о том, что в процессе профессионального становления происходит согласование гендерных и профессиональных представлений личности о себе за счёт интеграции профессиональных и гендерных представлений. Таким образом, в приведённом исследовании проблематизируется гендерная специфика профессиональной самореализации.

Кроме того, рассматривались вопросы самореализации в связи с конкретной профессиональной деятельностью [13; 14; 20; 25]. Так, например, в исследовании Е. А. Карповой [13], в частности, было обнаружено, что ценностные ориентации являются системообразующими элементами профессиональной самореализации руководителей социально-культурной сферы, которые (элементы) в зависимо-

сти от специфики организации могут носить различный характер.

Безусловно, важным в исследовании самореализации государственных служащих [14] является разработка рефлексивно-акмеологической модели самореализации специалистов, базирующаяся на идее сбалансированности самоидентификации и рефлексии как механизмов социального познания личности. При этом ключевыми компонентами модели являются:

- индивидуальная картина мира;
- рефлексивный критерий самореализации личности;
- идентификация и рефлексия как функциональные уровни процесса социального познания и саморазвития личности.

В работе Н. Н. Радула интересным является предположение о том, что профессиональная самореализация военного психолога, определяющая эффективность его деятельности, детерминирована гармоничным сочетанием личностно-значимых и общественно востребованных умений, видов и способов работы («профессионально-личностная гармония»). Иными словами, «профессионально-личностная гармония» как соответствие внешних и внутренних условий профессиональной деятельности выступает как ключевой фактор самореализации личности в профессии военного психолога [25].

В 2007 – 2009 годах нами было проведено исследование самореализации в профессии продавца. Ниже представлены основные выводы, которые раскрывают собственно профессиональные аспекты самореализации личности и могут служить серьёзным основанием для продолжения научно-исследовательской деятельности в данном направлении.

Отметим, что торговля является одной из самых востребованных и важных сфер трудовой деятельности в современном мире. В условиях жёсткой конкуренции от деятельности отдельного продавца может зависеть успех всего предприятия. На первый план выходит клиент-центрированный подход как стремление продавца оказать поддержку покупателям и умение принимать себя и их такими, какие они есть, что является одной из характеристик самоактуализирующихся людей. Однако по-прежнему в нашем обществе происходит отождествление понятий «продавец» и «торгаш» и, соответственно, принято считать, что данная профессия не может способствовать актуализации собственного личностного потенциала.

Для установления психологических условий самореализации в профессии продавца к участию в исследовании были привлечены представители торговых организаций (книготорговая сеть и магазины, специализирующиеся на товарах для ремонта) г. Новокузнецка в возрасте от 19 до 47 лет. Общее количество участников: 71 человек.

Мы предположили, что самореализация личности в профессии продавца возможна и определяется высоким уровнем развития следующих психологических компонентов:

- удовлетворённости трудом (положительного отношения к работе);
- коммуникативных (общительности), мыслительных и эмоционально-волевых (эмоциональной устойчивости и уверенности в себе) профессионально важных качеств;

- доминирования профессиональной направленности на клиента;

- профессиональной успешности.

Выбор возможных психологических условий самореализации не случаен. Прежде всего, ему предшествовал глубокий психологический анализ профессиональной деятельности продавца, который позволил понять её специфику и области приложения потенциала работников. Кроме того, можно определить теоретическую модель самореализации в профессии, которая неизбежно должна включать некие универсальные деятельностные характеристики (удовлетворённость трудом и профессиональная успешность, о чём говорилось выше), а также специфические (важные для данной профессии или конкретной трудовой деятельности).

В качестве методик исследования использовались:

- самоактуализационный тест (САТ) (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, М. В. Загика, М. В. Кроз);

- методика для оценки уровня социально-психологической адаптации продавца (опросник Р. У. Исмаилова (1981), адаптированный для профессии продавца Е. В. Дворцовой (2004));

- 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (форма С);

- методика профессиональной направленности продавца Е. В. Дворцовой («на товар», «на клиента», «на себя», «на продажу»);

- карта наблюдения для оценки профессиональной успешности продавца (экспертная оценка успешности взаимодействия с товаром и коллегами, а также общего уровня профессиональной успешности).

Итак, обозначим основные выводы, полученные в ходе исследования.

Прежде чем приступить к изучению самоактуализации личности продавцов, нами было проведено подобное исследование на выборке медицинских работников ФБЛПУ Больница № 2 ГУФСИН РФ (32 человека – 11 мужчин и 21 женщина в возрасте от 25 до 50 лет). Было обнаружено, что продавцы в большей степени, чем медицинские работники, склонны принимать ценности самоактуализации личности, уважать себя вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков, быстро и адекватно реагировать на изменения, а также принимать своё раздражение, гнев и агрессивность как естественное проявление человеческой природы. Кроме того, выявлен более высокий показатель общего уровня самоактуализации у продавцов в сравнении с медицинскими работниками, что может указывать на более благоприятные возможности для раскрытия личностного потенциала работников в сфере торговли, чем в медицине.

С целью выявления психологических условий самореализации в профессии продавца выборка бы-

ла разделена на две части. Так, в первую группу попали работники с более высоким, а во вторую – с более низким уровнями самоактуализации личности.

Последовательно нами были реализованы следующие основные процедуры:

- оценён общий уровень самореализации продавцов;

- выявлена взаимосвязь самоактуализации личности продавца и удовлетворённости трудом;

- изучена взаимосвязь самореализации продавца с коммуникативными, эмоционально-волевыми и мыслительными качествами;

- выяснена роль профессиональной направленности в достижении высокого уровня самоактуализации личности продавца;

- выявлена связь самореализации личности продавца и профессиональной успешности;

- осуществлён сравнительный анализ психологических условий самоактуализации личности в группах продавцов книг и товаров для ремонта.

Итак, определим ключевые результаты проведённого исследования: во-первых, были выявлены достаточно высокие уровни самореализации личности продавцов, что может свидетельствовать о возможности данного процесса в изучаемой профессии, а также стремлении работников к актуализации своего личностного потенциала в деятельности.

Во-вторых, обнаружено, что удовлетворённость трудом отчасти может выступать психологическим условием самореализации личности продавца: имеют место значимые взаимосвязи между отдельными компонентами самореализации и показателями удовлетворённости трудом работников. Общий уровень удовлетворённости трудом положительно связан с синергией (способностью работников к целостному восприятию мира, людей, объектов и отношений) и принятием ценностей самоактуализирующейся личности.

В-третьих, опросник Р. Б. Кеттелла позволил обнаружить, что важными психологическими условиями самореализации личности продавца являются:

- а) коммуникативные качества: общительность, социальная смелость, доминантность (как стремление к независимости и самостоятельности в принятии решений) и экспрессивность (как жизнерадостность и искренность);

- б) эмоционально-волевые качества: высокий уровень эмоциональной стабильности и низкие показатели напряжённости и тревожности. Действительно, по мысли А. Маслоу, самоактуализирующуюся личность отличает эмоциональная зрелость, психическое здоровье (отсутствие невроза). Кроме того, более высокий уровень самореализации личности может быть обусловлен более низкой нормативностью поведения. То есть продавец, с выраженным стремлением к спонтанности и независимости от строгих норм и правил, будет ориентирован на актуализацию собственного личностного потенциала.

В-четвёртых, к психологическим условиям самореализации личности продавца можно отнести

профессиональную направленность: важное значение для принятия ценностей самоактуализирующейся личности имеет ориентация на клиента (связь ценностей самореализации с направленностью на продажу обратная). Кроме того, установлено, что контактность отрицательно взаимосвязана с направленностью работника на себя. Действительно, высокая контактность предполагает переход от эгоцентризма к ориентации на позицию окружающих (в данном контексте – покупателей), в то время как выраженная направленность на себя инициирует склонность к соперничеству, желание быть в центре внимания, ожидание похвалы, то есть неспособность выйти за пределы эгоцентрической позиции.

В-пятых, выявлена положительная связь профессиональной успешности продавцов с самореализацией, что свидетельствует о важной роли данного условия в реализации потенциала личности в трудовой деятельности. Особую значимость приобретает грамотное взаимодействие с покупателями. Действительно, умение эффективно общаться с клиентами, стремление оказать помощь в выборе товара (на основе актуальных потребностей) – залог самосовершенствования в изучаемой трудовой деятельности. Вероятно, достигая высокого уровня профессиональной успешности, работники получают возможность актуализировать собственный потенциал, как в деятельности, так и за её пределами.

Наконец, при сравнении выборок продавцов книжных магазинов и товаров для ремонта были обнаружены отличия в психологических условиях самореализации личности, что может говорить о значимости специфики продаваемого товара для данного процесса. В то же время универсальными для актуализации собственного «Я» продавцов психологическими условиями могут выступать высокая направленность на клиента, успешность взаимодействия с покупателями и низкая тревожность.

Таким образом, на основе результатов проведённого исследования можно констатировать, что самореализация в профессии (в данном случае – в профессии продавца) возможна и определяется рядом психологических условий, воздействуя на которые, в свою очередь, можно способствовать повышению уровня самореализации личности работников.

Итак, нами были актуализированы теоретические подходы к осмыслению феномена реализации личностью своего «Я», проиллюстрированы варианты исследований в области самореализации личности в профессии. Безусловно, необходимо расширение представлений о данном феномене, а также разработка холистической модели профессиональной самореализации личности, что имеет ключевое значение для психологической теории и практики.

Литература

1. Акиндинова, И. А. Особенности самоактуализации личности в профессиях различного уровня социального престижа: дис. ... канд. психол. наук [Текст] / И. А. Акиндинова. – СПб., 2000.
2. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001.
3. Бехтерев, В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема [Текст] / В. М. Бехтерев. – СПб.: Алетейя, 1999.
4. Бехтерев, В. М. Личность и условия её развития и здоровья [Текст] / В. М. Бехтерев // Психология личности в трудах отечественных психологов – СПб.: Питер, 2000.
5. Братченко, С. Л. Личностный рост и его критерии [Текст] / С. Л. Братченко, М. Р. Миронова // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1997. – С. 38–46.
6. Брушлинский, А. В. Субъект: мышление, учение, воображение [Текст] / А. В. Брушлинский. – М., 1996.
7. Вахромов, Е. Е. Понятие «самоактуализация» в психологии [Текст] / Е. Е. Вахромов. – М.: Московский педагогический университет, 2000.
8. Вахромов, Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации личности [Текст] / Е. Е. Вахромов. – М., 2001.
9. Гиль, С. С. Педагогическая профилактика ПАВ-зависимости: технологии содействия самореализации подростков [Текст] / С. С. Гиль, Л. В. Гиль. – М.: РИТМ, 2004.
10. Гришина, Н. В. Психология социальных ситуаций [Текст] / Н. В. Гришина // Вопросы психологии. – 1997. – № 1. – С. 121–132.
11. Ильин, Е. П. Сущность и структура мотива [Текст] / Е. П. Ильин // Психологический журнал. – 1995. – № 2.
12. Ишмухаметов, Р. Р. Психология среды как контекст проблемы самореализации личности [Текст] / Р. Р. Ишмухаметов // Успехи современного естествознания. – 2006. – № 4.
13. Карпова, Е. А. Социально-психологические особенности профессиональной самореализации руководителей социально-культурной сферы [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / Е. А. Карпова. – Ярославль, 2007.
14. Ковшуро, О. Д. Рефлексивные и социально-психологические особенности самореализации государственных служащих [Текст] / О. Д. Ковшуро: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2002.
15. Коростылева, Л. А. Проблемы самореализации личности в системе наук о человеке [Текст] / Л. А. Коростылева // Психологические проблемы самореализации личности. – СПб., 1997. – С. 3–19.
16. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере [Текст] / Л. А. Коростылева. – СПб.: Речь, 2005.
17. Леонтьев, Д. А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ [Текст] / Д. А. Леонтьев // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002.
18. Логинова, Н. А. Б. Г. Ананьев – выдающийся учёный в истории отечественной психологии [Текст] / А. Н. Логинова. – Алма-Ата, 1999.
19. Маркова, А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М., 1996.

20. Маслова, Т. Ф. Условия профессиональной самореализации учителей [Текст] / Т. Ф. Маслова: дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь, 1996.
21. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность [Текст] / А. Г. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999.
22. Маслоу, А. Г. На подступах к психологии бытия [Текст] / А. Г. Маслоу // Психология развития и самоактуализации: основные допущения. – Киев, 2003.
23. Ожигова, Л. Н. Гендерная интерпретация самоактуализации личности в профессии (на материале педагогической профессии): дис. ... канд. психол. наук [Текст] / Л. Н. Ожигова. – Краснодар, 2000.
24. Петровская, М. А. Динамика потребностей самоактуализирующейся личности [Текст] / М. А. Петровская: автореф. канд. психол. наук. – Иркутск, 2007.
25. Радул, Н. Н. Особенности профессиональной самореализации военного психолога [Текст] / Н. Н. Радул: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2001.
26. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М., 1940.
27. Симакова, Т. А. Психолого-акмеологическая характеристика профессионализма личности [Текст] / Т. А. Симакова. – М., 2005.
28. Узденов, А. З. Самоактуализация психологов в процессе обучения в вузе [Текст] / А. З. Узденов: автореф. канд. психол. наук. – Ставрополь, 2006.
29. Фэйдимен, Дж. Абрахам Маслоу и психология самоактуализации [Текст] / Дж. Фэйдимен, Р. Фрейгер – М., 2001.
30. Холл, К. Теория личности [Текст] / К. Холл, Л. Гарднер. – М., 1997.
31. Хьелл, Л. Теории личности [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2006.
32. Fromm, E. The Cane Society [Text] / E. Fromm. – New York, 1955.
33. Ellis, A. The impossibility of achieving consistently good mental health [Text] / A. Ellis // American psychology. – 1987. – Vol. 42.
34. Maslow, A. Religions, values and peak-experiences [Text] / A. Maslow. – New York: Viking, 1970.

УДК 159.9:316.356.2(392.3)

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ
В СВЯЗИ С ДРАМАТИЧЕСКИМ ХАРАКТЕРОМ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ПЕРВОЙ ЛЮБВИ**
В. В. Колотилина

**INVESTIGATION OF FEATURES RELATIONSHIPS OF MEN AND WOMEN IN CONNECTION
WITH THE DRAMATIC NATURE OF THE EXPERIENCE FEELING OF FIRST LOVE**
V. V. Kolotilina

Исследовались особенности взаимоотношений мужчины и женщины в связи с драматическим характером переживания чувства первой любви. Описаны образ партнера, представления о лицах противоположного пола. Показано, что образ первого партнера коррелирует с образом реального партнера.

We studied the features of relationships between man and woman in connection with the dramatic nature of the experience feeling of first love. Describe the image partner, perceptions of persons of opposite sex. Shown that the pattern of the first partner correlates with the way a real partner.

Ключевые слова: переживание чувства первой любви, отношения, выбор партнера, представления о лицах противоположного пола.

Keywords: experience feeling of first love, relationships, choice of partner, perceptions of the people of the opposite sex.

Понятие «любовь» вызывает множество затруднений у исследователей, психологическая сущность данного феномена до настоящего времени не раскрыта. В отечественной академической психологии большинство исследователей занимают позицию агностицизма в отношении данного психологического явления. Имеющиеся данные о проблеме любви в психологии могут быть сведены к следующим положениям: любовь оказывает позитивное влияние на формирование и укрепление Я-концепции (Э. Берн, Э. Фромм, А. Адлер), позитивно влияет на процесс личностного самоопределения в ранней юности (М. Клей, И. С. Кон; С. В. Несына), является мотивом выбора брачного партнера в молодости (В. В. Бусаров). Отсутствие любви к партнеру может выступать мотивом расторжения брака или разрыва

интимных отношений как в юности, так и во взрослом возрасте (Э. Г. Эйдемиллер, С. В. Петрушин).

Исследований, направленных на изучение характера переживания чувства любви в первых отношениях и его влияния на дальнейшую личную жизнь человека, крайне мало как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Между тем реалии жизни, мировой опыт психологического консультирования говорят о влиянии характера переживания чувства первой любви на дальнейшую личную, семейную жизнь человека, на выбор партнера в последующих любовных отношениях. Это и определило актуальность нашего исследования.

Одним из первых, кто размышлял о причинах выбора партнера, был З. Фрейд, теория которого опирается на предположение о влечении, которое

дети испытывают к родителю противоположного пола. К.-Г. Юнг дополнил его положением о выборе в супруги человека, существенно напоминающего родителя противоположного пола, если к нему в детстве не было негативного отношения и противоположного по характеристикам, если таковое было. Дальнейшие поиски велись главным образом в зарубежной социальной психологии: это теория комплементарных потребностей Р. Уинча, теория «субъект–ценность–роль» Б. Мурстейна, инструментальная теория подбора супругов Р. Сентерса, теория «фильтров» А. Керкгоффа и К. Дэвиса, «круговая теория любви» А. Рейса [10].

В отечественной психологии отдельные аспекты проблемы выбора партнера освещались в работах Б. Ю. Шапиро, А. И. Волковой, В. И. Штильбанс, Л. Я. Гозмана, Л. П. Панковой, В. А. Сысенко, М. А. Абалакиной. Но они рассматривали проблему выбора партнера в соотношении с их социально-демографическими (возрастом, социальным статусом, местом проживания и др.) и личностными характеристиками.

Методологическим основанием исследования стал когнитивный подход, согласно которому первый опыт переживания, понимание происходящего, его смысл для себя, незавершенный гештальт являются моделью дальнейших отношений.

Под любовными отношениями мы понимаем отношения, основанные на чувстве любви как «высшей степени эмоционально положительного отношения человека к человеку» [5, с. 166], испытываемой к другому (партнеру), субъективную связь между двумя людьми, которая проявляется в эмоциональных реакциях, оценке себя и партнера, в определенном шаблоне действий.

Категорию переживания мы рассматриваем в понимании Ф. Е. Василюка: как «особую внутреннюю деятельность, внутреннюю работу, с помощью которой человеку удастся перенести те или иные (обычно тяжелые) жизненные события и положения, восстановить утраченное душевное равновесие» [3; 9].

Для исследования использовались методы:

1. Психобиографическая анкета (авторская). Методика представляет собой опросник, имеющий 2 варианта: мужской и женский. С помощью данной методики изучался характер переживания чувства первой любви.

2. Методика «Неоконченные предложения» Д. Сакса и Леви. Посредством изучения ассоциативных полей-стимулов методики изучалось содержание представлений исследуемых групп о лицах противоположного пола. Респондентам предлагалось в свободной форме продолжить фразы: «Большинство женщин...», «Большинство мужчин...», «Идеалом женщины для меня является...», «Идеалом мужчины для меня является...», «Больше всего люблю женщин, которые...», «Больше всего люблю мужчин, которые...», «Мне очень не нравится, когда женщины...», «Мне очень не нравится, когда мужчины...», «Моя жена...», «Мой муж...», «По сравнению с другими женщинами, моя жена...», «По

сравнению с другими мужчинами, мой муж...», «Мне очень не нравится, когда моя жена...», «Мне очень не нравится, когда мой муж...» и т. п. Методика имеет 3 варианта в соответствии с актуальным семейным положением респондентов: для респондентов, состоящих в браке, зарегистрированном в органах ЗАГС, для респондентов, состоящих в коабитационном союзе и для респондентов, не имеющих отношений.

3. Опросник диагностики межличностных отношений Т. Лири. Методика использовалась трижды, с целью получения данных об образе первого, идеального и реального партнеров.

4. Опросник удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко и его модифицированный для целей исследования вариант.

5. Методы математической обработки данных в электронном пакете Statistica.

Данные были получены на общей выборке из 32 человек (19 женщин (59,4 %) и 13 мужчин (40,6 %)), 30–40 лет (средний возраст 32 года). Средний возраст начала отношений 18 лет. В браке состоят 15 человек 46,9 % (из них 6 женщин (40 %) и 9 – мужчин (60 %)), не состоят в браке 17 человек (из них 13 женщин (75 %) и 4 мужчин (25 %)).

Исследование характера переживания чувства первой любви позволило разделить респондентов на 3 группы, условно названные: «Счастливо пережившие» (группа 1) (12,5 % респондентов общей выборки), первым любовным отношениям которых были присущи взаимность, признательность, продолжение отношений в браке. В настоящее время 100 % из них состоят в официальном браке, 75 % респондентов состоят в браке с партнерами, которых они указали первыми партнерами в любовных отношениях. 75 % респондентов в этой группе мужчины. Средний возраст начала отношений 22 года. Средний стаж отношений 8,6 лет.

«Нейтрально пережившие чувство первой любви» (группа 2) (в нее вошли 28,1 % респондентов общей выборки), первым любовным отношениям которых были присущи нейтральность чувств, скорее недолго переживаемое расставание. Характерно, что респондентам этой группы принадлежала инициатива прекращения отношений, их партнеры по первым любовным отношениям не были к этому готовы. В настоящее время 33 % из них состоят в официальном браке, 33 % – в коабитационном союзе (или гражданском браке) и 33 % совсем не имеют отношений, из них 55 % мужчины (40 % состоят в браке, 20 % в коабитационном союзе и 40 % не имеют отношений) и 44 % – женщины (25 % состоят в браке, 50 % в коабитационном союзе, 25 % не имеют отношений). Средний возраст начала первых отношений 18 лет. Средний стаж отношений, в которых находятся респонденты сегодня – 5 лет.

«Драматически, с разочарованиями, тяжело пережившие чувство первой любви» (группа 3) (в нее вошли 59,4 % респондентов общей выборки), первым любовным отношениям которых были присущи отсутствие взаимности чувств, неготовность к пре-

крашению отношений, тяжелое длительное переживание расставания (10,53 % из них переживают расставание «до сих пор»). Средний возраст начала первых отношений 19 лет. Средний стаж имеющихся отношений 4,6 лет. В настоящее время 42,1 % из них состоят в официальном браке, 26,3% – в когабитационном союзе и 31,6 % совсем не имеют отношений, из них 74 % женщины (28,6% состоят в официальном браке, 35,7 % – в когабитационном и 35,7 % не имеют отношений), 26 % – мужчины (75 % состоят в официальном браке, 25 % не имеют отношений).

С помощью методики «Неоконченные предложения» Д. Сакса и Леви изучались представления о лицах противоположного пола в группах «Счастливы переживших чувство первой любви», «Нейтрально переживших» и «Драматически, с разочарованиями, тяжело переживших чувство первой любви». Для представлений о лицах противоположного пола респондентов 3 группы в целом характерно:

1. Превалирование негативных характеристик над позитивными: 72,4 % и 27,6 % соответственно. При этом на первом месте по количеству негативных характеристик находятся респонденты женщины, не имеющие отношений (они атрибутировали мужчинам 41 % негативных характеристик), на втором респонденты женщины, состоящие в когабитационном союзе (37 % негативных характеристик) и 23 % негативных характеристик атрибутировали мужчинам респонденты женщины, состоящие в официальном браке.

2. Среди привлекательных качеств женщин респонденты мужчины, состоящие в браке, называли красоту, интересность женщины, простоту в обращении; мужчины, не имеющие на данный момент отношений, стиль в одежде, способность женщины поставить семейные ценности выше карьерного роста. Среди непринимаемых качеств респонденты мужчины, состоящие в браке, называли пьянство, табачную зависимость, навязчивость, обидчивость, глупость или излишние интеллектуальные способности, скандальный характер; мужчины, не имеющие на данный момент отношений, – вызывающее поведение, потребительское отношение, допустимость критиковать партнера в присутствии других людей. Идеалом женщины мужчины, состоящие в браке, считают жену (66 %), 33 % не имеют идеала. Мужчины, не имеющие отношений, выделяют конкретные качества идеальной женщины: ум, спокойствие, уверенность в себе.

3. Среди привлекательных качеств мужчин респонденты женщины, состоящие в браке, называли чувство юмора, верность, заботу, заступничество; женщины, состоящие в когабитационном союзе, уважение к женщине, обходительность, общительность, вежливость, понимание, ценность семьи, деловитость; женщины, не имеющие отношений, называли такие привлекательные качества, как власть, силу, надежность, мудрость, реализованность в жизни. Среди непринимаемых качеств мужчин респонденты женщины, состоящие в браке, называли ложь, пьянство, хвастливость, неуравновешен-

ность, наглость, нежелание воспитывать детей, отсутствие мужественности, иждивенчество, тенденцию к полигамии, патриархальность в отношениях. Женщины, состоящие в когабитационном союзе, называли следующие непринимаемые качества мужчин: эгоизм, пьянство и наркотическую зависимость, равнодушие, грубость, неопрятность, унижение женщины, слабость, хвастливость, неуравновешенность, обидчивость, инфантильность, непостоянство, недоверчивость, подозрительность, непонимание женщин, недостаточную мужественность; женщины, не имеющие отношений, называли среди непринимаемых качеств мужчин отсутствие чувства юмора, лень, нравоучительность, требовательность, скрупулезность, ложь, нежелание воспитывать детей, неуважение к родственникам, хвастливость, пьянство и табачную зависимость, тенденцию задерживаться на работе, бесхарактерность, рукоприкладство, нецензурную речь, измены, тенденцию к полигамии в отношениях, алкоголизм, эгоизм. Идеалом мужчины для респондентов женщин, состоящих в браке, является отец (50 %) и муж (50 %); для женщин, находящихся в когабитационном союзе, идеалом является муж (20 %), а также уверенный в себе человек, щедрый, умный, заботливый. 20% представителей этой подгруппы назвали идеалом мужчины киногероя. Женщины, не имеющие отношений, называли следующие качества идеального мужчины: умение зарабатывать, умение руководить семьей, лидерство, доброту, верность. 20 % из них не имеет идеала.

4. Среди привлекательных качеств партнеров, с которыми респонденты состоят сегодня в отношениях, женатые мужчины называли веселость, заботливость, нежность, а также продолжали предложение «Моя жена...» словами «самая лучшая», «мне нравится», «идеал». В то время как одинокие мужчины на предложение продолжить фразу «Я бы хотел, чтобы моя будущая жена...» указывали конкретные качества: «принимала меня, таким, как есть», «чувствовала себя счастливее в браке», «реализовала себя в качестве мудрой и заботливой мамы». Замужние женщины демонстрируют подобную женатым мужчинам тенденцию к идеализации партнеров. В завершении фразы «Мой муж...» имеются следующие ответы: «идеален», «мое счастье», «лучше всех», «самый классный», «самый замечательный», а также такие качества, как любимый, хозяйственный, щедрый, ласковый. Среди привлекательных качеств партнеров, женщины, состоящие в когабитационном союзе, называли ласку, внимательность, ум, заботливость, надежность, верность, способность принять свою неправоту, умение похвалить, участие в воспитании детей, чувство юмора. Женщины, не имеющие отношений, называли следующие ожидаемые привлекательные качества потенциальных партнеров: любовь, самостоятельность, верность, доброту, честность, феминизм, решительность, любовь к детям, щедрость, романтичность, отсутствие алкогольной зависимости.

Опросник диагностики межличностных отношений Т. Лири применялся для изучения представлений о первом, идеальном и реальном партнерах в любовных отношениях респондентов. С помощью t-критерия Стьюдента получены статистически значимые отличия образа первого и реального партнеров между 2 и 3 группами по октантам: Авторитарная личность ($m_2=2,89$ $m_3=4,95$, $t=2,14$ при $p=0,04$), Эгоцентрическая личность ($m_2=2,11$ $m_3=4,75$, $t=2,8$

при $p=0,009$) и фактором Доминирование ($m_2=0,49$ $m_3=5,84$, $t=2,73$ при $p=0,01$).

Любопытным является наличие прямой связи (при $p<0,05$) между октантами Авторитарная, Эгоцентрическая, Агрессивная, Недоверчивая, Гиперконформная, Гиперпротективная личность образа первого и реального партнера для группы драматически переживших чувство первой любви респондентов. Результаты представлены в таблице.

Таблица

Результаты исследования испытуемых по методике Т. Лири

Первый/реальный	Авторитарная	Агрессивная	Недоверчивая	Гиперпротективная
Эгоцентрическая	0,57	0,61	-	-
Недоверчивая	0,52	-	-	0,54
Гиперконформная	-	-	0,52	-

При этом средний показатель по октантам, между которыми выявлена связь в 3 группе, низкий (0,89 – 3,5) и на границе умеренного (4,95), что говорит об адаптивном поведении личности описываемых партнеров. Если пытаться составить обобщенный портрет по полученным октантам, то перед нами энергичный человек с компетентным поведением и авторитетом, основанным на способностях; проявляющий независимость и веру в свои силы, позволяющий себе приемлемые проявления жестокости, резкости, когда учитывается ситуация. Ему свойственен приемлемый критический подход к социальным отношениям, доверие и восхищение, адекватное ситуации, ответственное, деликатное поведение, выбирает дружеский способ общения, помогает другим, завязывает эмоциональные контакты. Это положительный социальный тип личности.

Возможно, это объясняется переработкой негативного опыта первых отношений и изменением взгляда на партнера в первых любовных отношениях.

С помощью опросника удовлетворенности браком В. В. Столина, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко изучался уровень удовлетворенности отношениями. Для уровня удовлетворенности отношениями респондентов 3 группы характерно: 54 % отношения оценивают как «абсолютно благополучные», 8 % как «благополучные», 8 % «скорее благополучные», 8 % как «переходные» (от благополучных к неблагоприятным) и 23 % как «неблагополучные».

Выводы

1. Опыт переживания чувства первой любви оказывает значимое влияние на дальнейший выбор партнера для личной, семейной жизни.
2. Драматический, тяжелый характер переживания первой любви отрицательно сказывается на успешности личной, семейной жизни человека.
3. Образ первого партнера в любовных отношениях влияет на выбор реального партнера в после-

дующих отношениях, особенно при драматическом характере переживания первой любви, где обнаруживаются сходные личностные характеристики между партнером по первым любовным отношениям и последовавшими за ними.

Литература

1. Адлер, А. Любовные отношения и их нарушения / А. Адлер // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2000. – № 4. С. 1 – 11.
2. Андреева, Т. В. Семейная психология: учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
3. Васильюк, Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Васильюк. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 200 с.
4. Кон, И. С. Психология юношеского возраста / И. С. Кон. – М.: Просвещение, 1979. – 176 с.
5. Обозов, Н. Н. Межличностные отношения / Н. Н. Обозов. – Л.: Изд-во Ленинградского университета. – 1979. – 150 с.
6. Петрушин, С. В. Любовь и другие человеческие отношения / С. В. Петрушин. – М.: Прогресс, 1991. – 144 с.
7. Сысенко, В. А. Устойчивый брак: Проблемы, факторы, условия / В. А. Сысенко. – М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.
8. Несына, С. В. Романтическая любовь в ранней юности как психологическое явление: дис... канд. психол. наук / С. В. Несына. – Тамбов, 2004.
9. Фромм, Э. Искусство любить: исследование природы любви / Э. Фромм. – Минск, 1990. – 240 с.
10. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология / Л. Б. Шнейдер. – М.: Академ. проект. – 2007. – 736 с.
11. Эйдемиллер, Э. Г. Семейная психотерапия / Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – Л.: Медицина. – 1990. – 192 с.

УДК 159.923:316.477

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЛИЧНОСТИ

М. А. Ляхова

PSYCHOLOGICAL COMPONENTS OF THE PERSONALITY LIFE STRATEGY

M. A. Lyahova

Представлен обзор подходов к изучению понятия «жизненная стратегия». Рассматриваются структурные составляющие и типологии жизненных стратегий.

The article presents the review of the approaches to studying the concept «life strategy». It focuses on the structural components and types of life strategies.

Ключевые слова: жизненный путь; жизненная стратегия; жизненные ценности.

Keywords: life way (path); life strategy; life values.

Современное общество характеризуется изменениями в экономической и социальной сферах. В данной ситуации существует необходимость понимания того, что без глубоко продуманного, ответственного отношения к будущему – не только ближайшему, но и достаточно отдаленному – человек не может рассчитывать на дальнейший прогресс во всех сферах общественной и индивидуальной жизнедеятельности [8], поскольку время социальных перемен, разрушая привычные способы жизни, изменяя систему индивидуальных приоритетов и ценностей человека, стиль его жизни, приводя к исчезновению одних и появлению других форм деятельности, создает возможности превращения человека из субъекта деятельности в субъекта жизни, творца своего жизненного пути и собственной судьбы [11].

Понятие «стратегия» глубоко вошло в современную психологическую науку и занимает все более прочную позицию, хотя его содержание и специфика остаются во многом неопределенными [22]. Теоретической базой для исследования проблемы жизненной стратегии являются работы, в которых рассматриваются такие категории, как «жизненный путь», «субъективная картина жизненного пути», «смысл жизни», «жизненный сценарий», «стиль жизни», «варианты жизни», «временная перспектива», «жизненная перспектива», «жизненная ориентация», «жизненная задача», «жизненные программы», «жизненная позиция» и др. (К. А. Абульханова-Славская, А. Адлер, Б. Г. Ананьев, Р. А. Ахмеров, Т. Н. Березина, Э. Берн, Ш. Бюлер, А. А. Грачев, Е. И. Головаха, Н. В. Гришина, В. Н. Дружинин, П. Жане, Ф. Зимбардо, Л. Н. Коган, Е. Ю. Коржова, А. А. Кроник, В. Ленс, Н. А. Логинова, Ж. Нюттен, Р. Орнштейн, Э. Поулз, Л. А. Редуш, С. Л. Рубинштейн, Дж. Ройс, С. Л. Рубинштейн, С. Ю. Степанов, Л. В. Сохань, Я. А. Сурикова, Й. Споарт, В. Э. Чудновский, К. Штайнер и др.).

Стратегией Х. Томэ называется сознательно запланированное, регулируемое намерением действие личности, составляющее небольшую часть ответов личности на тяготы жизни [23, с. 297]. Согласно концепции Х. Томэ, индивид находится в постоянном взаимодействии с окружающим его, прежде всего социальным, миром. Человек постоянно создает нечто в мире и в результате своего единства с миром одновременно преобразует нечто и в себе.

Подчеркивая роль психической детерминации действий, Х. Томэ утверждает, что поведением управляет, скорее, воспринимаемая (понимаемая, истолкованная), чем объективная ситуация. Разумеется, действительные свойства ситуации получают свое отражение в индивидуальном мире человека, но особенности их восприятия в сильной степени обусловлены доминирующими «темами» – его центральными устремлениями, господствующими значимостями [23].

К. А. Абульханова-Славская в своей известной монографии «Стратегия жизни» отмечает, что жизненная стратегия в самом общем виде – это постоянное приведение в соответствие своей личности (ее особенностей) и характера, и способа своей жизни, построение жизни, сначала исходя из своих индивидуальных возможностей и данных, а затем с теми, которые вырабатываются в жизни. Стратегия жизни состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности, в отстаивании главного ценой уступок в частном, в преодолении своей боязни потерь и в нахождении самого себя. Способ решения жизненных противоречий (конструктивный, смелый, пассивный) характеризует социально-психологическую и личностную зрелость человека. Стратегия жизни разных людей состоит в том, что одному удастся сразу определить свою основную жизненную линию, свою профессиональную перспективу, другой первоначально может видеть несколько перспектив, направлений своей самореализации и хочет сначала попробовать себя в разных сферах, а затем уже выбрать главное направление [1]. Как отмечают Ю. М. Резник и Е. А. Смирнов, стратегия жизни характеризует, с одной стороны, систему социокультурных представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующую и направляющую ее текущее (повседневное) поведение в течение длительного времени, а с другой – способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования ее будущего [28].

О. С. Васильева, Е. А. Демченко под стратегией жизни понимают такой способ бытия, систему ценностей и целей, реализация которых, согласно представлениям человека, позволяет сделать его жизнь наиболее эффективной. По мнению авторов, наиболее

лее важными характеристиками жизненной стратегии являются уровень ответственности, степень осмысленности жизни, система ценностей и отношений человека. Основными показателями эффективности стратегии жизни человека являются его удовлетворенность жизнью и психическое здоровье [6, с. 74]. Следует отметить, что понятие «жизненная стратегия» используют в тех случаях, когда характеризуют фундаментальную линию жизненного поведения личности. Человек в этом ракурсе предстает как субъект жизненных отношений, которые складываются в процессе его деятельности, общения и осваиваются посредством познания; реализуются в сферах общественной и личной жизни [20].

В последнее десятилетие в отечественной науке увеличивается число работ, посвященных изучению жизненной стратегии. При обращении к данной проблематике современные исследователи определяют жизненную стратегию как:

- некоторый (более или менее осознанный) способ конструирования человеком собственной жизни в соответствии с присущей ему системой ценностей, смыслов и целей, регулятор социального поведения. Жизненная стратегия организует целостность жизнедеятельности, определяет способ бытия человека, выступая важнейшим критерием зрелости и психологического благополучия (А. Е. Созонтов);
- структура жизненных целей, развернутая во временной перспективе психологического будущего (М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс);
- форма целенаправленной организации человеком собственной жизни, включающая его отношение к собственным возможностям и ресурсам, их актуализации и реализации (Е. П. Варламова, С. Ю. Степанов);
- способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного формирования будущего (В. А. Берковский, М. А. Белугина);
- сложное динамическое образование, в рамках которого реализуются жизненные притязания, формируется оценка и проектирование будущего состояния жизни, намечаются основные пути и способы достижения желаемого результата (В. Б. Большов);
- социально обусловленная система ориентирования человека (в личной и общественной сферах) на долговременную перспективу (Д. Ю. Чеботарева);
- сложившиеся (устойчивые, типичные) способы и формы жизнедеятельности человека, направленные на удовлетворение его потребностей, достижение целей и жизненных смыслов (О. В. Рудакова);
- индивидуальный способ конструирования и реализации человеком жизненных целей во временной перспективе и соответствии с собственными ценностными ориентациями, потребностями, личностными качествами, смыслами собственной жизни (О. А. Воронина);
- система представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующая и направляющая ее

повседневное поведение в течение достаточно длительного времени, способ сознательного планирования и конструирования личности собственной жизни. Жизненная стратегия личности характеризует способ жизни личности, направленность в плане «устремленности» в развитии, способы изменения, преобразования условий жизни в соответствии с ценностями, смыслами, целями (Л. Г. Бузунова, М. Р. Плотницкая, Н. Л. Шапошников).

Таким образом, большинство авторов под жизненной стратегией понимают форму или способ сознательного планирования и конструирования человеком собственной жизни в соответствии с присущей ему системой ценностей, смыслов и целей, путем поэтапного формирования будущего (т.е. намечаются основные пути и способы достижения желаемого результата), ориентацию человека на долговременную перспективу.

Отечественные исследователи [1; 4; 5; 7; 15; 29; 31; 32] отмечают, что в содержательном аспекте жизненная стратегия в первую очередь представляет ориентацию человека на определенные «базовые» ценности, характеризующиеся системообразующим качеством в структуре персональных ценностей, как осознанных и принятых человеком наиболее общих смыслов его жизни, некоторых идеальных, абстрактных целей жизнедеятельности. «Базовые» ценности выступают своеобразным стержнем, вокруг которого организуется структура персональных ценностей. Ядро жизненной стратегии – некоторый ценностный синдром, в основании которого лежат принятые и реализуемые человеком «базовые» ценности [21; 29].

Помимо ценностей как ядра жизненной стратегии, в ее структуре выделяется ряд периферических составляющих: способы разрешения жизненных противоречий, в которых раскрываются особенности совладания человека с неопределенными, стрессовыми ситуациями наиболее общего характера, оказывающими существенное влияние на ход его жизни; ситуациями, содержащими конфликт между социальными запросами, ожиданиями других людей и собственной индивидуальностью [29]. Каждая жизненная стратегия личности как комплексный мотив деятельности включает также в свою структуру следующие компоненты: образ будущего (мечту), смысл жизни, нормы и принципы поведения, и жизненные цели [17].

Т. Н. Березина приводит выделяемые разными авторами такие параметры «жизненных стратегий», как масштабность планирования, его длительность, стратегичность, прогнозируемость, и два способа планирования времени: оптимальный (у испытуемых с долговременной регуляцией) и неоптимальный [12].

Как отмечает М. А. Белугина, личность со сформированной стратегией жизни планирует свою жизнь далеко в будущее, жизненный путь разрабатывается подробно, каждый его этап насыщен предполагаемыми событиями, жизненная цель поставлена на каждом этапе в виде шагов по реализации. Жизненная стратегия является внутренним образо-

ванием личности, но опирается не только на внутреннее, но и на внешние условия жизнедеятельности человека. Автор рассматривает жизненную стратегию как систему, состоящую из следующих связанных друг с другом и взаимовлияющих элементов:

1. Содержание будущего жизненного пути, включающего в себя жизненную позицию (обобщение субъективных и объективных личностных достижений, открывающих ту или иную перспективу жизненного движения, совокупность жизненных ценностей индивида, позволяющих, так или иначе, строить образ идеального будущего) и жизненные цели личности (характеризующих доминирующую сферу жизни личности и определяющих идеальный образ будущей жизни).

2. Организационные характеристики жизненной стратегии личности, к которым относятся: протяженность временной перспективы, направление временной перспективы (прошлое – настоящее – будущее) и структурированность планируемого жизненного пути (т.е. насколько насыщены событиями различные планируемые периоды жизни человека, какие этапы жизненного пути более структурированы, какие менее) [3].

С точки зрения Н. Н. Федотовой, жизненные стратегии включают в себя социальные ориентации (направленности на достижение желаемого социального положения путем включения в те или иные социальные группы), культурные ориентации (принятие определенных культурных образцов) и личные ориентации (представления интимных моментов жизни). Следовательно, они определяют личное, социальное и культурное будущее личности [17; 30]. Автор, рассматривая поведенческие стратегии на рынке труда, выделяет два основных типа стратегий: пассивный и активный [30].

Основными признаками жизненных стратегий, по мнению В. Н. Кормаковой и Д. Ю. Чеботаревой, являются: временная протяженность, реалистичность, соотношение положительных и отрицательных ожиданий, связность жизненных событий, структурированность или дифференцированность будущего, выделением ближайшей и отдаленной перспективы своей жизни [15; 31]. Жизненная стратегия является концептом, который применим к жизни в целом: основываясь на собственном опыте (прошлое), человек проектирует «пессимистичный» или «оптимистичный» варианты жизненной перспективы (ближайшее или отдаленное будущее), определяя приоритеты и способы поведения в настоящем [15].

О. В. Рудакова выделяет следующие структурные компоненты и параметры жизненных стратегий: наличие представлений о прошлом, будущем, настоящем; целостность/разобщенность жизненного пути; наличие/отсутствие смысла жизни; наличие/отсутствие средств и способов достижения поставленных жизненных целей; необходимость внешней поддержки при постановке целей и преодолении трудностей; степень осознанности собственной жизни; способность к самопознанию и жи-

зненной рефлексии; степень реализации жизненных планов; жизненная удовлетворенность/ неудовлетворенность [26].

О. С. Васильева и Е. А. Демченко выделяют качественные и количественные характеристики жизненной стратегии. Жизненные цели, являясь чертами идеального образа будущей жизни человека, и система ценностей, на основе которой выстраиваются эти цели, можно отнести к качественным характеристикам, поскольку они отражают ее содержание – то, к чему стремится человек. К количественным характеристикам жизненной стратегии авторы относят уровень ответственности и осмысленности жизни, поскольку они могут оказывать влияние на удовлетворенность человека жизнью. Авторы выделяют стратегию творчества – это способ бытия, при котором человек сознательно или неосознанно занимает позицию активного творца своей жизни, опираясь на такие ценности, как любовь, красота, добро, развитие, т. д. [6].

Д. Ю. Чеботарева отмечает, что формирование жизненных стратегий включает следующие фазы: предварительное конструирование образа жизни (выбор целей, приоритетов, способа жизни); реализацию (способы поведения, направленные на достижения поставленных целей и задач); удовлетворенность жизнью (оценка результатов). Принципами формирования жизненных стратегий выступают характер жизненной активности личности и степень ее социальной активности [31]. Как отмечает Н. Ф. Наумова, элементом жизненной стратегии является тип рациональности, т. е. способ не только решения, но и постановки некоторой жизненной задачи, целеполагание, притязания, приоритеты, социальные средства и т. д. [28].

В исследовании, выполненном Н. В. Гришиной и М. В. Салитовой, основанном на применении биографического опросника, внимание уделялось «переходным моментам» в жизненном пути человека – ситуациям, требующим принятия решений, и обстоятельствам, определяющим эти решения, в частности самостоятельности в осуществляемом выборе. Анализ биографических данных позволил выявить свойственные человеку тенденции в выборе жизненных стратегий как устойчивых паттернов поведения в значимых ситуациях. Важнейшей характеристикой стратегий является именно самостоятельность при принятии значимых жизненных решений, которая оказалась сопряженной с рядом психологических особенностей человека. В частности, она значимо положительно связана с уровнем интернальности и отрицательно – с использованием неконструктивных стратегий преодоления трудностей; зафиксирован высокий, хотя и не достигающий уровня статистической значимости, показатель связи параметра самостоятельности с уровнем общей осмысленности жизни. В целом люди с выраженной самостоятельностью в принятии жизненно важных решений характеризуются адекватной и устойчивой самооценкой, эмоциональной устойчивостью, активностью и независимостью, выдержанностью и умением устанавливать коммуникативные связи.

При неоднократном использовании биографического опросника Н. В. Гришиной были подтверждены следующие данные: параметр самостоятельности в принятии решений в жизненно значимых ситуациях, способность действовать вопреки складывающимся обстоятельствам неизменно оказывается одной из характеристик успешного, зрелого, реализующего себя человека, являющегося субъектом собственной жизни [11].

С точки зрения Э. Фромма, рыночная экономика, основанная на отношениях конкуренции, неблагоприятно влияет на психическое здоровье и развитие личности: человек стоит перед выбором – «иметь» или «быть», т. е. или как можно больше иметь (в том числе материальных благ), или развивать в себе все заложенные природой способности и силы, «быть многим». И часто под давлением общественных норм люди предпочитают «иметь» в ущерб перспективе личностного развития [6; 29].

А. Менегетти, пишет о том, что характерные для человека временные ориентации формируют определенный тип отношений к жизни, выражаясь в своеобразных жизненных стратегиях. По этому основанию автор выделяет два типа людей. Первый относится к жизни как к «неосознаваемой», как таковой, с ее связями и отношениями в настоящем, с проявлением отношения к каждому конкретному жизненному случаю или отношению, но не к жизни в целом. Поэтому жизнь в целом он воспринимает как поток явлений, в который он включен и призван этому потоку подчиниться. Жизненная стратегия второго типа характеризуется осознанием, осмысливанием жизни в целом, в которое включен рефлексивный анализ произошедшего и происходящего. Человек осознает и анализирует свою жизнь как целое, как единство прошлого, настоящего и будущего, занимая активную позицию по сотворению своего будущего, думая о нем, закладывая его в настоящем [22; 25].

В рефлексивной психологии различают две противоположные жизненные стратегии – жизнеисчерпание и жизнепорождение. Жизнеисчерпание – жизненная стратегия, определяемая в первую очередь условиями окружающей среды. Она характеризуется потреблением имеющихся и поступающих из окружающего мира ресурсов и возможностей, но не имеет внутреннего источника развития и новых возможностей. Эта жизненная стратегия направлена на удовлетворение биологических и социальных потребностей человека, которые являются принципиально ограниченными. Жизнепорождение (жизнетворчество) – жизненная стратегия, определяемая в первую очередь самим человеком, способным культивировать в себе ресурсы и возможности, необходимые для его творческого бытия, реализации его планов и желаний, для творческого созидания. Жизнетворчество проявляется в форме саморазвития – культивирования собственной уникальности путем расширения собственных возможностей. В социальной сфере взаимодействия оно проявляется в форме сотворчества – общения, развивающего взаимную уникальность людей. В сфере отношений человека с

культурой жизнетворчество проявляется в форме творчества (созидания), когда человек становится субъектом культуры, создает ее материальные и духовные ценности [19].

Т. Е. Резник, Ю. М. Резник выделяют следующие основные типы жизненных стратегий: стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненного успеха и стратегия жизненной самореализации, в основе которых лежат три разные, хотя и взаимосвязанные позиции: «иметь» (рецептивная активность), «достигать» («достиженческая» активность) и «быть» (творческая или «экзистенциальная» активность) [28]. Н. Ф. Наумова и Н. М. Давыдова, акцентирующие внимание на неустойчивом характере развития вследствие социальных трансформаций, рассматривают жизненные стратегии как «стратегии адаптации» и «стратегии выживания» [цит. по: 31, с. 6].

Е. И. Головаха и Н. В. Панина [9], по способу преобразовательного отношения к жизни, освоения окружающего мира выделяют два основных типа людей: созерцатели и практики. Для людей с созерцательным типом активности преобладающей является внутренняя активность, однако, по мнению авторов, для того, чтобы претендовать на высшую форму активности, люди с созерцательным типом отношения к жизни должны найти способ выражения тех внутренних процессов, в которые они погружены. Для многих созерцателей характерна глубина чувств и мыслей, однако, активно живя внутренним миром, продумав, осмыслив и глубоко почувствовав, созерцатель часто ограничивается мечтами, фантазиями, не умея или не желая не только воплотить их в жизнь, но и даже поделиться ими с окружающими.

Практический тип отношения к жизни характерен для людей, предпочитающих реагировать на внешнее влияние непосредственным действием. Практик нередко начинает действовать, не тратя времени на обдумывание плана действий. Он корректирует свои поступки непосредственно в процессе деятельности, не анализируя причин и не задумываясь над последствиями. Действия его, как правило, решительны, и если он не «наломает дров», то может совершить много полезных дел, пока созерцатель будет обдумывать проблему со всех сторон и осмысливать ее в глобальном масштабе.

Е. Ю. Коржова выделяет два типа развития личности в жизненных ситуациях: «событийное» и «личностное». «Событийное» развитие – развитие преимущественно через внешние ситуации-события. Источник развития при этом находится вне личности. Личность склонна бессознательно (или полусознанно) помещать себя в такие ситуации (а со стороны кажется, что случайно попадает в них), в которых оказывается, вынуждена изменяться, развиваться уже внутренне. Так развивается «человек внешний». «Личностное» развитие – внутреннее развитие, внешне бессобытийное (или малособытийное). Для этого типа развития характерна сознательная работа над собой, например, с обращением к религии, либо к психотехническим приемам, либо

к той или иной разновидности психоанализа. Так развивается «человек внутренний» [23].

Обращаясь к проблеме жизненных стратегий личности, распространенным является подход, рассматривающий два типа мотивации (мотивационные стратегии): мотивация на успех и мотивация на неудачу. Мотивация на успех относится к позитивной мотивации. При такой мотивации человек, начиная дело, имеет в виду достижение чего-то конструктивного, положительного. Мотивация на неудачу относится к негативной мотивации. При данном типе мотивации активность человека является потребностью избежать срыва, порицания, наказания, неудачи. В основе этой мотивации лежит идея избегания и идея негативных переживаний [24]. Как отмечает А. Бандура те, кто считают себя «неспособным добиться успеха, более склонны к мысленному представлению неудачного сценария и сосредотачиваются на том, что все будет плохо» [10, с. 187].

Г. Г. Дилигенский, характеризуя современные личностные социотипы, считает, что человека отличает мотивационная стратегия (поиск единого принципа саморегулирования мотивов), ведущая к жизненной ориентации. Он выделяет:

1. Мотивационную стратегию стандартизации (жизнь под «властью стандарта») – здесь «потребности для себя» развиваются гипертрофированно, «потребности для других» подавляются, человек максимально приспосабливается к социальным ролям, его поведение становится подчеркнуто нормативным.

2. Ориентацию на ситуационные разрядки – здесь личность оказывается оторванной от моральных корней, подчиненных эмоциональным порывам и влечениям, ее характеризует отсутствие логики поведения и ответственности перед кем бы то ни было; синоним такой жизни – «жить, как вздумается».

3. Ориентацию на выживание или установки типа «прожить как-нибудь», «остаться на поверхности», «сохранить то, что есть». Вставшие на этот путь отдают предпочтение фатализму и пассивности, стремясь получить «сейчас» и «здесь» то, чего они лишатся с течением времени; у взрослых данный тип ориентации нередко совмещается с ориентацией на семью, семейным альтруизмом (служением семье), а также ориентацией «на карьеру», социальное продвижение [27].

Исследователи (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Анциферова, А. А. Баранов, Р. М. Грановская, А. Р. Кудашев, Л. В. Куликов, И. М. Никольская, С. Т. Посохова, А. А. Реан и др.) все чаще обращаются к изучению адаптационных стратегий, которые личность использует не только в повседневных типичных условиях, но и в сложных жизненных ситуациях [22; 24]. В ходе адаптации, по данным Н. С. Хрустальной, происходят личностные изменения людей. Мера позитивности или деструктивности этих изменений во многом определяется полнотой и точностью картины ожидаемого будущего [25]. Так, В. П. Казначеев разработал классификацию индивидов в зависимости от своеобразия про-

текания адаптационных процессов, состоящую из двух типов: спринтеров, для которых характерно быстро развивающиеся и интенсивно протекающие, но вместе с тем кратковременные адаптивные изменения, и стайеров – способен переносить длительные нагрузки, сохраняя высокую работоспособность и оптимальное состояние физиологических систем [22; 24].

С. Т. Посохова [22] объединяет стратегии адаптации в две группы: стратегии самораскрытия личности и стратегии самосохранения личности. Стратегия самораскрытия заключается в том, что при изменении привычных внешних или внутренних условий существования личность отказывается от устаревших, переставших быть эффективными стереотипов взаимодействия с обществом, культурой, предметами, природой и собой. Это стратегия преобразования себя, условий, прежнего образа жизни. Ее ядро составляют совершаемые самой личностью внутренние или внешние трансформации, преодоление трудностей, неудовлетворяющих отношений. При этом личность ориентирована исключительно на собственные резервы, собственный внутренний потенциал, готова отвечать за свои действия и решения, за свою судьбу и судьбу окружающих людей, общества в целом. Доминирующий мотив успеха обеспечивает высокую целенаправленность, организованность и структурированность жизненной деятельности личности.

Стратегия самосохранения заключается в использовании такого способа взаимодействия с изменяющейся окружающей реальностью, который обеспечивает личности прежде всего сохранение себя как биологической единицы. Эта стратегия предоставляет возможность сохранения в неизменном виде сложившегося образа жизни и ранее эффективных стереотипов отношений с общественными и хозяйственными институтами, с окружающими людьми и с собой. Человек отказывается от активных поисков выхода из проблемных ситуаций, боясь на себя взять ответственность за принятие рискованных решений. Собственные способности противостоять происходящим событиям оцениваются им как минимальные, помощь ожидается извне. В случае отсутствия внешней помощи особый смысл приобретают поиски виновников «утраченного рая», по отношению к которым демонстрируется явная или завуалированная агрессия. Агрессивные реакции в форме обесценивания личности могут найти выход и по отношению к себе [22].

А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов критерием типов адаптационного процесса считают вектор активности, его направленность. Первый тип адаптационного процесса – направленность вектора активности «наружу» (активное влияние личности на среду, ее освоение и приспособление к себе). Второй тип – направленность вектора активности «внутри», связан с активным изменением личностью себя, с коррекцией собственных социальных установок и привычных инструментальных, поведенческих стереотипов (тип активного самоизменения и активного самоприспособления к среде). В случае

неприемлемости для личности по каким-либо причинам двух рассмотренных вариантов адаптационный процесс протекает по типу активного поиска в социальном пространстве новой среды с высоким адаптивным потенциалом для данной личности. Наиболее эффективным типом адаптационного процесса, по мнению авторов, является вероятностно-комбинированный, основанный на использовании всех вариантов вышеприведенных «чистых» типов. Выбор того или иного варианта осуществляется в результате оценки личностью вероятности успешности адаптации при разных типах адаптационной стратегии (вектор «внутри» или «наружу»). При выборе стратегии личностью оцениваются: требования социальной среды – их сила, степень враждебности, степень ограничения потребностей личности, степень дестабилизирующего влияния и т. п.; потенциал личности в плане изменения, приспособления среды к себе; цена усилий (физические и психологические затраты) при выборе стратегии изменения среды или стратегии изменения себя [24].

П. Коста и Р. Маккрей делают акцент на влиянии личностных переменных, детерминирующих предпочтение индивидом тех или иных стратегий поведения в сложных обстоятельствах [24]. При выборе копинг-стратегии существенной является роль личностных ресурсов. Одним из свойств личности, обеспечивающим успешность совладания со стрессом, является ответственность, которая позволяет оценить ситуацию и собственные ресурсы, подготовить и принять решение об использовании адекватных стратегий поведения. Более сильным ресурсом, по мнению Д. Навон и Д. Гофера, являются такие свойства личности, как: оптимизм, чувство связи с миром, вера в жизненные ценности и понимание человеком своих способностей [2].

Жизненная стратегия личности связана с потребностью в самореализации, к данной проблематике обращались К. А. Абульханова-Славская, Л. А. Анцыферова, Л. А. Коростылева, В. Е. Ключко, Д. А. Леонтьев, Э. В. Галажинский и др. Под самореализацией Л. А. Коростылева, понимает «осуществление возможностей развития «Я» посредством собственных усилий, сотворчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом» [цит. по: 13, с. 12]. Самореализация как жизненная ориентация обращена к тем сторонам «Я», которые еще не выявились, но которые предполагаются в виде потенциальных возможностей [25]. Личность стремится жить собственной жизнью, не только отдавая себя обществу, она хочет реализовать себя в разнообразных формах жизни индивидуальным, именно ей присущим образом. Самореализация отвечает изначальному стремлению осуществить свои возможности, прожить достойную жизнь, достичь того, чего достоин по своим критериям. Самореализация – это прежде всего применение своих индивидуальных способностей творческим образом [1]. Естественным в этом случае является такая организация жизни, в которой регулятором выступают цели, формулируемые для себя самим человеком. Сличение результата с достиг-

нутой целью позволяет либо повышать уровень требований к себе и ставить более сложные цели, либо развивать те качества, которые необходимы для реализации поставленных, но пока еще не реализованных целей [25].

Самореализация в жизни – тип жизненной стратегии, характеризующийся осознанной и практической установкой личности на творческое изменение и преобразование собственной жизни, на ее личное самосовершенствование и саморазвитие в качестве субъекта жизнетворчества [28]. Так, Н. Ю. Хрящева считает способность к творчеству (как процессу, имеющему определенную специфику и приводящему к созданию нового) одним из наиболее важных условий для успешного самовыражения, всесторонней самореализации и адаптации личности в современном мире [цит. по: 13, с. 56].

Согласно Э. Локк и Г. Лэтэм, процесс развития личности естественным образом связан с постановкой и реализацией целей. Самореализация с этой точки зрения может быть представлена как процесс последовательной реализации жизненных целей. Цели вызывают расхождение между тем, где человек пребывает в данный момент, и тем, кем бы он хотел быть, напряжение, порождаемое таким расхождением, и приводит к действиям [17].

С. И. Кудинов среди видов проявления самореализации личности выделяет деятельностьную, социальную и личностную. Деятельностная самореализация субъекта характеризуется самовыражением в различных видах деятельности и обеспечивает высокий уровень профессиональной компетенции (деятельность не обязательно может быть связана с официальной профессией субъекта, это может быть любительский спорт, художественное творчество, учеба и т. д.). Социальная самореализация связана с выполнением гуманитарной миссии, общественно-хозяйственной, общественно-политической, общественно-педагогической либо любой иной общественно-полезной деятельностью. Личностная самореализация способствует духовному росту человека, обеспечивая на первых этапах развитие личностного потенциала: ответственности, любознательности, общительности, трудолюбия, настойчивости, инициативности, эрудиции, креативности, нравственности и т. д. [16].

М. Р. Плотницкая выделяет основные стратегии самореализации личности: прогрессивная и рецептивная, которые отличаются показателями самореализации (удовлетворенностью, продуктивностью), а также ценностно-смысловыми детерминантами, транслируемыми доминирующими жизненными ориентациями обладания-бытия. Прогрессивная стратегия самореализации – это внутренне детерминированная стратегия достижения и самоосуществления личности в социуме. Характерными особенностями являются целостное, гармоничное восприятие мира и себя в нем; процессуальность, непрерывность самореализации, широта диапазона сфер самореализации, высокая степень рефлексии, спонтанное, адекватное собственному потенциалу самовыражение.

Рецептивная стратегия самореализации – это внешне детерминированная стратегия «потребления» разного рода социальных успехов и благ личностью. Характеристиками рецептивной стратегии самореализации выступают: фрагментарность, отсутствие целостной концепции себя в мире, доминирование социальных смыслов самореализации, сужение диапазона жизненных сфер самореализации [21].

Таким образом, жизненная стратегия определяет личное, социальное и культурное будущее личности. На основе теоретического анализа можно сделать предположение о том, что жизненная стратегия строится на основе жизненной позиции и включает в себя: «базовые» ценности; образ будущего (наличие/отсутствие); совокупность представлений о прошлом, будущем, настоящем; смысл жизни (наличие/отсутствие); жизненные цели, средства и способы достижения целей (наличие/отсутствие); удовлетворенность жизнью. Также важными параметрами являются уровень ответственности, степень активности, инициативность, самостоятельность.

Как следует из приведенного обзора, основанием для построения типологии жизненных стратегий могут выступать: отношение к жизни (позитивное/негативное), способ разрешения конфликтов, внешние условия (окружающая среда, ситуации, события, которым вынужден подчиняться человек), внутренние условия (потенциал личности, рефлексия); творческая активность личности.

Предлагаемая нами типология может быть использована для изучения целостности представлений о будущем, а также способности самостоятельного построения и выбора жизненной стратегии у различных категорий молодежи.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст]: монография / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Арышева, А. П. Конституциональная репрезентация как психологический фактор оптимизации копинг-поведения личности [Текст] / А. П. Арышева: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Новосибирск, 2009. – 22 с.
3. Белугина, М. А. Жизненные стратегии у современных студентов: опыт психологического исследования [Текст] / М. А. Белугина // Психология в вузе. – 2008. – № 6. – № 93 – 103.
4. Большов, В. Б. Высшее образование в системе жизненных стратегий молодежи / В. Б. Большов: автореф. дис. ... канд. социол. наук – Краснодар, 2007. [Электронный ресурс]: URL: www.krdu-mvd.ru.
5. Бузунова, Л. Г. Жизненные стратегии женщин российской провинции [Текст] / Л. Г. Бузунова // Психологическая наука и образование. – № 3. – 2007. – С. 47 – 59.
6. Васильева, О. С., Демченко, Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека / О. С. Васильева, Е. А. Демченко // Вопросы психологии. – 2001. – Март-апрель. – С. 74 – 85.
7. Воронина, О. А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности [Текст] / О. А. Воронина: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Курск, 2008. – 22 с.
8. Головаха, Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи [Текст] / Е. И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1988. – 142 с.
9. Головаха, Е. И., Панина, Н. В. Отношение к жизни: самооценка и разумная организация / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. – [Электронный ресурс]: URL: <http://psyfactor.org/lib/panina.htm>.
10. Гордеева, Т. О. Психология мотивации достижения [Текст] / Т. О. Гордеева. – М.: Смысл; Академия, 2006. – 336 с.
11. Гришина, Н. В. Психология жизненного пути [Текст] / Н. В. Гришина // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 5. – С. 81 – 88.
12. Иванова, В. В. Общие вопросы самосознания личности / В. В. Иванова. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.i-u.ru>.
13. Ключко, В. Е., Галажинский, Э. В. Самореализация личности: системный взгляд [Текст] / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский; под ред. Г. В. Захарова. – Томск: издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
14. Коржова, Е. Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей [Текст] / Е. Ю. Коржова. – СПб.: Институт практической психологии, 2004. – 542 с.
15. Кормакова, В. Н. Проектирование жизненных стратегий как условие профессионально-личностного самоопределения старшеклассников / В. Н. Кормакова // Образование и общество. – 2009. – № 1. – [Электронный ресурс]: URL: <http://www.education.rekom.ru>.
16. Кудинов, С. И. Самореализация как системное психологическое образование / С. И. Кудинов. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.relga.ru>.
17. Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: колл. монография / под ред. И. С. Морозовой; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 464 с.
18. Мдивани, М. О. Методика исследования жизненных стратегий личности [Текст] / М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс // Вопросы психологии. – № 4. – 2006. – С. 146 – 150.
19. Мир словарей // URL: <http://slovari.yandex.ru>.
20. Осмачко, Н. В. Политеоретический подход в изучении жизненных стратегий студенчества / Н. В. Осмачко. [Электронный ресурс]: URL: <http://library.fentu.ru>.
21. Плотницкая, М. Р. Стратегии самореализации личности при различных типах гендерной идентичности [Текст] / М. Р. Плотницкая: автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Хабаровск, 2008. – 23 с.
22. Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы [Текст] / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 624 с.

23. Психология социальных ситуаций [Текст] / сост. и общ. ред. Н. В. Гришиной. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

24. Реан, А. А. Психология адаптации личности [Текст] / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. – 479 с.

25. Регуш, Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего [Текст] / Л. А. Регуш. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.

26. Рудакова, О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества [Текст] / О. В. Рудакова: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2004. – 178 с.

27. Руднева, Е. Л. Теоретические основы формирования жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студентов [Текст]: монография / под общ. ред. Б. П. Невзорова. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2002. – 302 с.

28. Смирнов, Е. А. Жизненные стратегии государственных служащих / Е. А. Смирнов. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rags.ru>.

29. Созонтов, А. Е. Жизненные стратегии современной студенческой молодежи большого города [Текст] / А. Е. Созонтов // Журнал практического психолога. – № 5. – 2007. – С. 129 – 146.

30. Федотова, Н. Н. Жизненные стратегии молодежи / Н. Н. Федотова. [Электронный ресурс]: URL: <http://muc.renet.ru>.

31. Чеботарева, Д. Ю. Жизненные стратегии студенческой молодежи юга России [Текст] / Д. Ю. Чеботарева: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 26 с.

32. Шапошников, Н. Л. Социальная конкуренция в жизненных стратегиях молодежи [Текст] / Н. Л. Шапошников: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов – на – Дону, 2008. – 22 с.

УДК 159.92

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАЩИТЫ И СТРАТЕГИИ СОВЛАДАНИЯ С КРИЗИСНЫМИ СИТУАЦИЯМИ СОТРУДНИКОВ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ВИДАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Г. Портнова, А. Е. Холодцева

PSYCHOLOGICAL DEFENSES AND COPING-STRATEGIES EMPLOYEES, WHOSE PROFESSIONAL ACTIVITIES RELATED TO CRISES AND EMERGENCIES

A. G. Portnova, A. E. Kholodtseva

В статье представлены результаты исследования особенностей психологических защит и стратегий совладания личности сотрудников МЧС. Описаны качественные и количественные характеристики механизмов адаптации профессионалов, чья профессиональная деятельность связана с кризисными и чрезвычайными ситуациями. Авторами осуществлена попытка соотнести исследуемые параметры со служебным статусом сотрудников.

Article presents the results of the study of psychological defenses and coping-strategies employees of the Ministry of emergency situations. Describes the qualitative and quantitative characteristics of adaptation of professionals whose professional activities related to crises and emergencies. The authors attempt to relate the researched options with Service staff status.

Ключевые слова: личность, механизмы адаптации, психологические защиты, стратегии совладающего поведения, экстремальная профессиональная деятельность.

Keywords: person, mechanisms of adaptation, psychological protection, coping-strategy, extreme professional activities.

На сегодняшний день обращение психологов к проблеме оценки психологических механизмов адаптации в практике психологической помощи обусловлено задачами учета приспособительных возможностей индивида, личности, дифференциации устойчивых нарушений адаптации и преходящих дезадаптивных состояний в профессиональной деятельности. По мнению А. М. Богомоллова, корректные представления о природе нарушений адаптации, границах и свойствах адаптационного потенциала определяются исследователями в качестве важных предпосылок эффективности коррекционно-реабилитационных мероприятий и реадaptации личности [4]. Помимо этого, на наш взгляд, подобное направление исследований может служить ос-

новой вероятностного прогноза развития адаптационного процесса профессионалов и динамики адаптационного статуса личности, чья профессиональная деятельность связана с кризисными и экстремальными ситуациями.

Профессия пожарного, безусловно, одна из самых опасных. Она подразумевает работу в экстремальных условиях, риск для жизни и огромную ответственность за других людей. В настоящее время служба в пожарной охране характеризуется резким возрастанием информационных и эмоциональных нагрузок, усложнением межличностных отношений, повышением требований к сотрудникам. Анализ решения служебных задач в экстремальных условиях специалистами различного профиля свиде тельс т-

вует о том, что им приходится выдерживать и преодолевать чрезмерные физические и эмоциональные нагрузки. Их деятельность имеет большую общественную значимость и связана с осознанной персональной ответственностью за результаты выполнения профессиональных задач (несопоставимой с ответственностью специалистов в обычных условиях), высокой степенью риска, опасностью для жизни и здоровья.

Особенности экстремальной деятельности специалистов проявляются в ходе выполнения поставленных задач, в зоне локальных конфликтов, где жизнь, здоровье, успех, благополучие сотрудников всецело зависят не только от личной и групповой профессиональной экстремально-психологической подготовленности, но прежде всего от профессионального мастерства и профессиональной экстремально-психологической подготовленности руководителей. В экстремальной ситуации сотруднику необходимо быстро оценить ситуацию, принять правильное решение и предпринять адекватные действия.

Актуальность психологического изучения сотрудников МЧС обусловлена, в первую очередь, необходимостью совершенствования системы профессионального отбора личного состава с опорой на их уровень адаптации к экстремальным условиям, профессионально важные качества. Степень подготовки претендентов, а также необходимость планирования и проведения мероприятий по поддержанию боевой готовности, рационализации режимов и условий их труда, обоснования перевода с одной должности на другую, проектирования новых видов труда в соответствии с тенденциями научно-технического прогресса.

Для решения исследовательских задач по выявлению психологических защит и стратегий совладания с кризисными и экстремальными ситуациями сотрудников МЧС была сформирована и обследована выборка испытуемых. В состав группы вошли пожарные, начальники караулов, водители. Выборка испытуемых, работающих в структуре МЧС, представлена взрослыми людьми в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст 34 года). Всего в исследовании принимали участие 84 человека, из них 61 человек пожарные и руководители подразделений и отрядов (44 и 17 соответственно), 23 человека – водители.

Имея в наличии базу данных с результатами обследования сотрудников МЧС, мы получили возможность максимально точно определить степень выраженности психологических защит, уровень адаптационного потенциала личности работающих, применяемые копинг-стратегии совладания с экстремальными и кризисными ситуациями.

Для изучения адаптационных возможностей индивида с помощью оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик личности, которые отражают интегративные особенности психического и социального развития, нами использовался многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) [6]. Он использу-

ется для решения задач профессионального психологического отбора и психологического сопровождения профессиональной деятельности в экстремальных условиях, а также для прогнозирования последствий воздействия, оказываемого психотравмирующими факторами экстремальных ситуаций на психическое и соматическое здоровье людей.

Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО) состоит из 165 вопросов и имеет 4 структурных уровня, что позволяет получить информацию различного объема и характера. Достоверность, поведенческая регуляция (ПР), коммуникативный потенциал (КП), моральная нормативность (МН).

Для изучения психологических защит нами был использован опросник Келлермана-Плутчика «Психологические защиты» [6]. Данная методика позволяет выявить степень выраженности психологических защит по шкалам: «реактивное образование», «отрицание», «замещение», «регрессия», «компенсация», «проекция», «вытеснение», «рационализация».

Изучение Стратегий преодоления стрессовых ситуаций решено было исследовать с помощью опросника SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (С. Хобфолл, 1994). Данный опросник разработан на основе многоосевой модели «поведения преодоления» (Hobfoll, 1994) и позволяет рассматривать преодолевающее поведение как стратегии, а не отдельные типы поведения [5].

Тест Акцентуаций свойств темперамента (ТАСТ) предназначен для диагностики акцентуаций свойств темперамента и типов акцентуаций свойств темперамента. Результаты тестирования можно использовать для оценки личностных факторов риска различных заболеваний, при профориентации, профотборе, рациональной расстановке кадров, при оценке индивидуальных эффектов действия на работников факторов условий труда, профилактике профессиональных заболеваний и т. д. [10].

В этой методике, согласно задачам исследования, нас интересовал биполярный фактор гипертимной активности – дистимной пассивности. На одном полюсе фактора размещались гипертимные личности с повышенным настроением, высоким жизненным тонусом, жаждой деятельности, оптимизмом, словоохотливостью, повышенной активностью, идеомоторной, моторной активацией. На противоположном полюсе – личности с дистимной пассивностью: они безрадостны, застенчивы, всегда серьезные, замкнуты, пассивны, сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни, социально малоактивны, с идеомоторной и моторной замедленностью.

Как показало исследование, по методике многоуровневого личностного опросника «Адаптивность» (МЛО), у испытуемых в количестве 84 человека, личностный адаптационный потенциал (ЛАП) в среднем составляет $(7,25 \pm 2,07)$ стенов, что соответствует высокому значению. Психологический адаптационный потенциал – важнейшая интегративная характеристика психического развития, высокие зна-

чения характеризуют успешность адаптации – это хорошо сбалансированное соотношение между эгоцентрическими потребностями человека и требованиями социальной среды. Абсолютно уравновешенная, гармоничная личность отличается полной сбалансированностью умеренно выраженной тенденции к самореализации с хорошим самоконтролем. Ю. А. Александровский утверждает, что система психической адаптации постоянно находится в состоянии готовности к выполнению присущих ей функций; адекватно отреагировав на воздействующий на нее фактор внешней среды, система возвращается к исходному состоянию оперативного покоя. Адаптированная психическая деятельность является важнейшим фактором, обеспечивающим человеку состояние здоровья. В том случае, когда эти «способности» соответствуют уровню, необходимому для активной жизнедеятельности, или превышают его, можно говорить об адаптированной, «нормальной» психической деятельности человека [1].

Основные элементы поведенческой регуляции находятся в границе средних значений ($5,84 \pm 2,01$). Поэтому, как система регуляции поведения индивида, она обеспечивает устойчивость процесса социализации и адаптации. Коммуникативный потенциал ($4,91 \pm 1,74$) соответствует среднему значению. Можно предположить, что данные значения показателя характеризуют умение сотрудников выстраивать отношения с другими людьми, иметь взаимопонимание с окружающими. Шкала «морально-нравственная нормативность» составляет $4,42 \pm 1,26$ стенов, что соответствует среднему значению. Как сторона процесса адаптации, данная шкала характеризует способность индивида адекватно воспринимать предлагаемую для него определенную социальную роль. Это компоненты социализации – восприятие морально-нравственных норм поведения и отношение к требованиям непосредственного социального окружения.

В настоящее время психологической защитой считаются любые реакции, которым человек научился и прибегает к их использованию неосознанно, для того чтобы защитить свои внутренние психические структуры, свое «Я» от чувств тревоги, стыда, вины, гнева, а также от конфликта, фрустрации и других ситуаций, переживаемых как опасные. Данные, полученные по опроснику Келлермана–Плутчика (психологические защиты) свидетельствуют, что наиболее ярко выражены и получили высокие значения такие защиты, как отрицание ($1,03 \pm 0,2$ баллов), рационализация ($1,03 \pm 0,10$ баллов), компенсация ($0,97 \pm 0,22$), вытеснение ($0,97 \pm 0,23$), реактивное образование ($0,97 \pm 0,22$), компенсация ($0,95 \pm 0,28$), замещение ($0,74 \pm 0,45$).

В границах средних значений находится психологическая защита по типу «регрессия» ($0,98 \pm 0,26$). Если представить психический процесс как движе-

ние или развитие, то регрессией называется возврат от уже достигнутой точки к одной из предыдущих. Регрессировать – это значит идти вспять, возвращаться назад, что можно представить себе как в логическом и пространственном, так и во временном смысле; обычно это означает возврат к предыдущим, более инфантильным формам отношений со значимыми объектами желаний и формам поведения (мышления, чувствования, действий). В целом регрессия – это переход к менее сложным, менее структурно упорядоченным и к менее расчлененным способам реагирования, которые были характерны в детстве. Регрессия – это более примитивный способ справляться с тревогой, поскольку, уменьшая напряжение, она не имеет дела с его источниками. Как утверждает К. Холл: «Даже здоровые, хорошо приспособленные люди позволяют себе время от времени регрессии. Чтобы уменьшить тревожность – они курят, напиваются, переедают, выходят из себя, кусают ногти, ковыряют в носу, читают рассказы о таинственном, ходят в кино, нарушают законы, лепечут по-детски, портят вещи, мастурбируют, занимаются необычным сексом, жуют резинку или табак; одеваются, как дети; ведут машину быстро и рискованно, верят в «злых и добрых духов», любят вздремнуть среди дня, дерутся и убивают друг друга, делают ставки на тотализаторе, грезят, ищут «козла отпущения», восстают против авторитета и подчиняются авторитету, играют в азартные игры, прихорашиваются перед зеркалом, действуют под внушением импульса и делают тысячи других «детских» вещей. Многие из этих регрессий настолько общеприняты, что принимаются за признаки зрелости. В действительности же все они – формы регрессии, используемые взрослыми» [8].

Между уровнем психологической защиты «регрессия» и адаптационным потенциалом личности работающих специалистов существуют достоверные корреляционные связи ($r = -0,31$ при $p \leq 0,05$), которые можно интерпретировать следующим образом: чем выше личностный адаптационный потенциал, поведенческое регулирование ($r = -0,28$ при $p \leq 0,05$), морально-нравственная нормативность ($r = -0,33$ при $p \leq 0,05$), социальная активность ($r = -0,22$ при $p \leq 0,05$), ориентация на профессиональную деятельность ($r = -0,32$ при $p \leq 0,05$), тем реже проявление психологической защиты по типу «регрессия».

По опроснику SACS «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (по методике С. Хобфолла, 1994), у испытуемых наиболее выражена просоциальная копинг-стратегия и модель поведения/действия – поиск социальной поддержки ($24,76 \pm 4,15$) баллов. Остальные копинг-стратегии проявляются в средних значениях. Результаты ранжирования по степени выраженности копинг-стратегий и моделей поведения/действий представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Результаты ранжирования по степени выраженности копинг-стратегий
и моделей поведения/действий сотрудников**

<i>Копинг-стратегии</i>	<i>Модели поведения/действия</i>	<i>Степень выраженности стратегии</i>	<i>Ранг</i>
Просоциальная	Поиск социальной поддержки	24,76	1
Просоциальная	Вступление в социальный контакт	24,66	2
Пассивная	Осторожные действия	22,82	3
Активная	Ассертивные действия	21,00	4
Непрямая	Манипулятивные действия	19,25	5
Прямая	Импульсивные действия	17,62	6
Пассивная	Избегание	16,69	7
Асоциальная	Асоциальные действия	16,48	8
Асоциальная	Агрессивные действия	16,48	9

Как видно из таблицы 1, наиболее приемлемые копинг-стратегии относятся к стратегиям одобряемым в обществе (просоциальные), иногда используются и модель поведения/действия: активная копинг-стратегия в виде ассертивных действий, непрямая – манипулятивные действия, прямая – импульсивные действия. Реже используются копинг-стратегии и модель поведения/действия: пассивная – избегание, асоциальная – агрессивные действия, асоциальная – асоциальные действия.

По методике «ТАСТ» использованы только интегральные шкалы, характеризующие социальную активность и предметную активность личности сотрудников МЧС. Значения по данным шкалам относятся к средним и соответствуют «социальная активность» ($5,1 \pm 2,34$) стенов. Такие значения по шкале характерны для спокойных, решительных, смелых, уверенных в себе, жизнерадостных людей, с адекватной самооценкой, склонных к риску, адекватно реагирующих на ситуацию общения, при необходимости вступающих в конфликтные ситуации и умеющих отстаивать свои интересы. Такие люди быстро принимают решения, незамедлительно их осуществляют, не умеют терпеливо ждать. В коллективе держатся свободно, независимо.

Значения по шкале «предметная активность» направленность на профессиональную деятельность составляет ($5,4 \pm 2,27$) стенов и находится в границах средних значений. Данная категория испытуемых иногда может ощущать слабость, недостаток энергии, пассивность. Сотрудники бывают безынициативны, инертны, вялы, несобранны, безвольны, не склонны к мобилизации усилий, предпочитают работать с прохладцей, без особого напряжения, не стараются брать на себя лишней ответственности. Умеренно уклоняются от выполнения дополнительных обязанностей. Потребность в планировании и программировании поведения у них недостаточно развита, цели деятельности подвержены смене и редко бывают достигнутыми, планирование мало-

реалистично. Из-за недостаточной сформированности процессов моделирования поведения они могут не всегда адекватно оценивать внутренние условия и внешние обстоятельства деятельности, не всегда замечают изменения ситуации, с трудом определяют цели и адекватные текущей ситуации программы действий. Такие люди иногда предпочитают действовать импульсивно, сотрудники могут сталкиваться с неадекватностью полученных результатов деятельности, действуют путем проб и ошибок.

Высокие значения по данной шкале могут соответствовать: повышенному фону настроения, оптимизму, жизнерадостности, силы, здоровья, выносливости, бодрости, хорошей работоспособности, склонности к интенсивной волевой мобилизации психофизиологических ресурсов, стремлению к умственному и физическому труду, тяге к напряженной ответственной деятельности [10].

Далее, используя процедуру корреляционного анализа с применением коэффициента корреляции Пирсона (r), нами произведена оценка уровня связей между исследуемыми переменными. В результате корреляционного анализа эмпирических показателей, полученных в исследовании, были выделены множественные корреляционные связи показателей личностного адаптационного потенциала с разными видами психологических защит и копинг-стратегиями поведения в экстремальных и кризисных ситуациях. Результаты представлены таблице 2.

Как видно из таблицы 2, между психологическими защитами и адаптационным потенциалом личности работающих специалистов существуют достоверные корреляционные связи при $p \leq 0,05$, которые можно интерпретировать следующим образом: чем выше уровень адаптационного потенциала личности сотрудников, тем реже проявляется механизм замещения и регрессии. Как было описано выше, данные механизмы относятся к неконструктивным и свидетельствуют о невротической реакции на экстремальные и кризисные ситуации.

Таблица 2

**Значимые корреляционные связи механизмов психологической защиты
с показателями адаптационного потенциала личности сотрудников
в экстремальных видах профессиональной деятельности**

Показатели	Коэффициент корреляции (r)				Уровень значимости (p)
Психологические защиты					
	ЛАП	ПР	КП	МН	
Замещение	-0,33	-0,32	-0,34	-0,36	p≤0,05
Регрессия	-0,31	-0,28	-0,29	-0,33	p≤0,05
Компенсация	-	-0,11	-	-	
Копинг-стратегии и модели поведения/действия					
	ЛАП	ПР	КП	МН	
Поиск социальной поддержки	0,29	0,22	0,31	-	p≤0,05
Вступление в социальный контакт	-	0,17	-	-	p≤0,05
Осторожные действия	-	0,23	-	-	p≤0,05
Манипулятивные действия	-	-	-0,24	-	p≤0,05
Импульсивные действия	-0,35	0,28	-0,31	-	p≤0,05
Избегание	-0,48	0,35	-	-0,46	p≤0,05
Асоциальные действия	-0,20	0,20	-	-0,26	p≤0,05
Агрессивные действия	-0,48	0,44	-0,38	-0,37	p≤0,05

Личностный адаптационный потенциал (ЛАП) определяет копинг-стратегию «поиск социальной поддержки» ($r = -0,29$ при $p \leq 0,05$), чем он выше, тем больше стремление сотрудников МЧС прибегнуть к данной стратегии. Как утверждает К. В. Бессчастный: «Широкий круг копинг-стратегий и преобладание их конструктивных вариантов (к которым можно отнести просоциальные стратегии) увеличивает адаптированность сотрудников и является залогом сохранения психического здоровья» [6]. Низкий уровень адаптационного потенциала личности (ЛАП), включающий поведенческие реакции – ПР, коммуникативный потенциал – КП, моральную нормативность – МН, проявляется в совладающих стратегиях по типу: «импульсивные действия» ($r = -0,35$ при $p \leq 0,05$), «избегание» ($r = -0,48$ при $p \leq 0,05$), «ассоциальные действия» ($r = -0,20$ при $p \leq 0,05$), «агрессивные действия» ($r = -0,48$ при $p \leq 0,05$).

Показатели поведенческого регулирования, которые проявляются в высоком уровне нервно-психической устойчивости, адекватной самооценке, адекватном восприятии действительности влияют на защитные механизмы: «замещение» ($r = -0,32$ при $p \leq 0,05$), «регресс» ($r = -0,28$ при $p \leq 0,05$), «компенсация» ($r = -0,11$ при $p \leq 0,05$). Чем поведенческая регуляция выше, тем данные защитные механизмы проявляются в меньшей степени.

Коммуникативный потенциал сотрудников (КП), выраженный в способностях легко устанавливать контакты с окружающими и их неконфликтность позволяют снизить проявление регрессивного, невротического механизма защит ($r = -0,29$ при $p \leq 0,05$).

Показатель «моральная нормативность» (МН) влияет на проявление «замещение» ($r = -0,32$), «регресс» ($r = -0,36$), при $p \leq 0,05$. Чем выше моральная

нормативность, тем в меньшей степени проявлены данные защитные механизмы. Моральная нормативность может купировать копинг-стратегии совладания с экстремальными и кризисными ситуациями: «избегание» ($r = -0,46$), «антисоциальные действия» ($r = -0,26$) и «агрессивные действия» ($r = -0,37$), при $p \leq 0,05$. Таким образом, высокий уровень социализации, адекватная оценка своей роли в обществе и коллективе, ориентация на соблюдение общепринятых норм поведения предотвращает неконструктивные стратегии совладания с кризисными ситуациями сотрудников в экстремальных видах профессиональной деятельности.

Как показывает теоретический анализ и подтверждает исследование, на проявление некоторых защитных механизмов сотрудников МЧС влияет показатель «возраст». Чем он меньше, тем более выражены защиты: «отрицание» ($r = -0,13$ при $p \leq 0,05$), «замещение» ($r = -0,23$ при $p \leq 0,05$), «регресс» ($r = -0,17$ при $p \leq 0,05$), «проекция» ($r = -0,16$ при $p \leq 0,05$), «вытеснение» ($r = -0,17$ при $p \leq 0,05$). Данный порядок проявления копинг-стратегий можно отнести к неконструктивным, интерпретируя данный факт, можно утверждать, что молодые сотрудники склонны демонстрировать незрелые стратегии совладания с кризисными и экстремальными ситуациями в деятельности. Уровень связи достаточно мал, поэтому можно говорить о неустойчивости, подвижности взаимовлияния признака «возраст» на данные психологические механизмы, однако влияние все-таки есть. Это подтверждает общепринятое мнение о том, что с увеличением возраста индивид становится устойчивым к влиянию среды благодаря жизненному и профессиональному опыту.

Стаж в профессии испытуемых также влияет на выраженность отдельных защитных механизмов: чем больше стаж, тем реже проявляются защиты

«отрицание» ($r=-0,14$ при $p \leq 0,05$), «замещение» ($r=-0,13$ при $p \leq 0,05$), «вытеснение» ($r=-0,29$ при $p \leq 0,05$). Как показывают исследования ряда авторов (А. М. Ксенофонтов, А. Н. Аминов, А. М. Жуков, К. В. Бесчастный (2008г.) и др.), «после служебной командировки увеличивается число адаптивных вариантов поведенческих копинг-стратегий».

Показатели социальной (СА) и предметной (ПА) (профессиональной) активности также определенным образом влияют на проявление психологических защит и копинг-стратегий совладения. Чем выше (СА), тем реже проявляется защита «реактивное образование» ($r=-0,10$), «отрицание» ($r=-0,13$), «регрессия» ($r=-0,22$), «вытеснение» ($r=-0,17$), при $p \leq 0,05$. Как утверждают В. М. Львов, С. А. Багрецов (2008 г.), «основной признак адаптивности – социальная активность». Соответственно, высокие показатели по признаку «социальная активность» (СА) характеризует сотрудников МЧС как адаптированных к кризисным и к экстремальным ситуациям. Чем выше уровень предметной активности, тем реже проявляется защита «замещение» ($r=-0,28$), проявляется защита «регресс» ($r=-0,32$), при $p \leq 0,05$. Таким образом, высокий уровень социальной и предметной активности может не только свидетельствовать о зрелости совладающих копинг-стратегий, но и высоком адаптационном потенциале личности сотрудников СА ($r=0,12$), ПА ($r=0,20$), при $p \leq 0,05$.

В этой части анализа полученных данных подтверждается наше предположение о том, что существуют взаимосвязи между особенностью механизмов адаптации к кризисным ситуациям и активностью личности (социальной и/или предметной) сотрудников с экстремальными видами профессиональной деятельности на примере сотрудников МЧС.

Как показывает анализ результатов исследования, сотрудники МЧС (пожарные, командиры отделений, водители) в целом проявляют адекватные профессиональным ситуациям психологические защиты, отмечена гибкость и зрелость защитных механизмов и используемых копинг-стратегий совладающего поведения. Психологические защиты и совладающие стратегии сотрудников МЧС обладают признаками гибкости и зрелости.

Кризисные и экстремальные ситуации у сотрудников вырабатывают состояние стабильной психологической безопасности, т. е. устойчивости лично-

сти к внутренним и внешним воздействиям, устойчивости к психотравме. Это прослеживается в высоком уровне социализации личности сотрудников (направленность на моральную нормативность и поведенческую регуляцию), выбор в первостепенных стратегиях просоциальной ориентации (выраженной в поиске социальной поддержки и вступления в социальный контакт).

Анализируя результаты исследования по группам сотрудников МЧС с разными служебными обязанностями, нами были получены следующие данные.

Проведенное исследование позволило выявить некоторые различия в показателях, характеризующих уровень личностного адаптационного потенциала, психологических защит, стратегий совладения с кризисными и экстремальными ситуациями сотрудников МЧС, выполняющих различные служебные функции. Результаты исследования по группам сотрудников МЧС представлены в таблицах 3, 4, 5, 6.

Для анализа группы были разделены по принципу принадлежности к деятельности. Выделены группы: руководители 17 человек (командиры отрядов, подразделений), пожарные 44 человека (пожарные, спасатели), водители 23 человека. Средний возраст испытуемых в группе руководителей составляет 32 года ($32,5 \pm 3$), пожарных 32 года ($32,18 \pm 5,94$), водителей 36 лет ($35,73 \pm 5,23$).

Современные представления о «нормальной», развитой системе психологической защиты предполагают оценку следующих характеристик:

- адекватность защиты: человек может восстановиться после той или иной бессознательной защитной реакции и после этого обсуждать ее;
- гибкость защиты: человек может использовать разные виды защитных реакций в какой-то определенной, типичной для него ситуации угрозы, т. е. «репертуар» его защитного поведения не задан слишком жестко;
- зрелость защиты: относительно более зрелыми считаются механизмы интеллектуализации, сублимации, подавления, рационализации, смещения без частого прибегания к более примитивным формам проекции, отрицания, интроекции [7].

Таблица 3

Анализ проявления психологических защит по группам

<i>Руководители</i>	<i>Пожарные</i>	<i>Водители</i>	<i>Ранг</i>
Регрессия	Отрицание	Рационализация	1
Рационализация Отрицание	Рационализация	Отрицание	2
Вытеснение	Регрессия	Компенсация	3
Реактивное образование	Компенсация	Вытеснение	4
Проекция	Вытеснение	Проекция	5
Компенсация	Реактивное образование	Реактивное образование	6
Замещение	Проекция	Регрессия	7
	Замещение	Замещение	8

Как видно из таблицы 3, наблюдаются различия в преобладании той или иной стратегии при совладании с экстремальными и кризисными ситуациями у представителей различных групп, однако уровень проявления признака находится в границах средних значений у всех групп испытуемых. Так, например, командиры отрядов чаще проявляют защиту по типу «регрессия» (упрощенные стратегии защит), что, возможно, связано с более высоким уровнем ответственности и большим напряжением по сравнению с членами команды.

Регрессия – это более примитивный способ справиться с тревогой, поскольку уменьшается напряжение. К. Холл допускает, что в некоторых ситуациях регрессивный способ поведения, даже для здоровых людей, это хороший способ уменьшить тревожность или, как говорится, «спустить пар».

Одновременно с руководителями, представители другой группы сотрудников, которые призваны по своим должностным обязанностям приступить к локализации экстремального фактора среды (пожара), проявляют психологическую защиту по типу «отрицание». Как утверждает А. Фрейд, «отрицание» это защита, которая реализуется посредством фантазирования, идеализации, идентификации с агрессором, она представляет простейший вид психологической защиты. Проективное (само) отождествление, отказ от психической реальности, по мнению М. Кляйн, демонстрирует претензию на всевластие над объектами [8].

Следующая группа – «водители», в первый момент борьбы с опасным фактором (пожар), проявляет защитную стратегию по типу «рационализация», данная стратегия является формой защиты, которая позволяет как-то реагировать на ситуацию. Рационализация – это защита, связанная с осознанием и использованием в мышлении только той части воспринимаемой информации, благодаря которой собственное поведение предстает как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам. Суть рационализации – в отыскании места для испытываемого побуждения или совершенного поступка в имеющейся у человека системе внутренних ориентиров, ценностей, без разрушения этой системы. Этот вид защиты чаще используется людьми с сильным самоконтролем. У них за счет рационализации происходит частичное снятие возникшего напряжения. При рационализации процесс моделирования мира создает хорошую имитацию внешней ситуации, но в ней слабо отражена собственная позиция.

На втором месте, по рангу проявления, – командиры демонстрируют психологические защиты по типу «рационализация» и «отрицание». Как было описано ранее, рационализация не требует избегать аффектов, но приписывает им, скорее, «вероятностные», нежели истинные побуждения. Отрицание – проективное (само) отождествление, претензия на всевластие над объектами. Можно отметить, что вторая группа проявленных психологических

защит практически полностью совпадает у всех участников групп, выполняющих различные профессиональные функции. Пожарные проявляют признаки рационализации ситуации, а водители используют психологическую защиту по типу «отрицание». Защиту по типу «отрицание», что, возможно, связано с отказом признавать травмирующую реальность, как прием самосохранения, выстраивающий психологический барьер на пути разрушительного проникновения трагедии во внутренний мир человека, в его ценностно-смысловую систему. Оно позволяет человеку перерабатывать трагические ситуации постепенно, поэтапно.

Как видно из таблицы 3, наблюдаются особенности проявлений психологических защит на всех уровнях совладания с экстремальной и кризисной ситуацией. В соответствии с должностными обязанностями, как показывает анализ, данные способы защит являются «адекватными» ситуации. Прослеживаются особенности проявления защитных механизмов сотрудников МЧС, обусловленные различными служебными функциями.

В целом по группам можно говорить о гибкости защитных механизмов. Например, человек может использовать разные виды защитных реакций в какой-то определенной, типичной для него ситуации угрозы, т. е. «репертуар» его защитного поведения не задан слишком жестко. Это подтверждает корреляционный анализ, где обнаружено большое количество связей признаков с психологическими защитами.

Стратегии совладания могут быть различны, но они всегда осознанны, рациональны и направлены на источник тревоги (например: студент, тревожащийся по поводу конкретного экзамена, может выбирать различные стратегии для подготовки к нему и успешного его прохождения). Защитные же стратегии предполагают бессознательное, нерациональное поведение в виде, например, забывания времени экзамена, потери конспектов или зачетки; возникновения психологической зависимости от какого-нибудь человека; импульсивного злоупотребления алкоголем, курением; переедания и даже серьезных соматических заболеваний [8].

Анализ стратегий совладающего поведения по группам испытуемых представлен в таблице 4.

Как показывает таблица 4, первые уровни проявления совладающего поведения у сотрудников МЧС (1–2 ранг) идентичны – это ориентация на просоциальные копинг-стратегии, поведение одобряемое обществом. Чаще оно выражено в высоком уровне социализации и демонстрации социальных стереотипов поведения, ориентированного на поиск социальной поддержки и вступления в социальный контакт.

Таблица 4

**Анализ копинг-стратегий и моделей поведения совладания
с экстремальными и кризисными ситуациями в группах**

<i>Руководители</i>	<i>Пожарные</i>	<i>Водители</i>	<i>Ранг</i>
Просоциальная/ поиск социальной поддержки	Просоциальная/ поиск социальной поддержки	Просоциальная/ поиск социальной поддержки	1
Просоциальная/ вступление в социальный контакт	Просоциальная/ вступление в социальный контакт	Просоциальная/ вступление в социальный контакт	2
Активная/ ассертивные действия; Пассивная/ осторожные действия	Пассивная/ осторожные действия	Пассивная/ осторожные действия	3
Прямая/ импульсивные действия	Активная/ ассертивные действия	Непрямая/ манипулятивные действия	4
Непрямая/ манипулятивные действия	Непрямая/ манипулятивные действия	Активная/ ассертивные действия	5
Асоциальная/ асоциальные действия	Прямая/ импульсивные действия	Прямая/ импульсивные действия	6
Асоциальная/ агрессивные действия	Пассивная/ избегание	Пассивная/ избегание	7
Пассивная/ избегание	Асоциальная/ асоциальные действия	Асоциальная/ асоциальные действия	8
	Асоциальная/ агрессивные действия	Асоциальная/ агрессивные действия	9

Далее, как видно из таблицы 4, командиры отделений чаще, чем остальные группы сотрудников, применяют стратегии прямого и активного характера. Даже асоциальные стратегии в виде агрессии и бунтарства можно интерпретировать, опираясь на мнение Л. Колберга, как положительное проявление. Оно может выражаться в стремлении отстаивать права и интересы членов руководимого коллектива или спасаемых людей, они могут выступать «за справедливость» наперекор социальным установкам или стереотипам. Тогда как пожарные и водители на следующем уровне (3 ранг) демонстрируют пассив-

ные копинги совладания с кризисными и экстремальными ситуациями в виде осторожных действий.

Менее приемлемыми и сформированными стратегиями совладания сотрудниками всех групп являются копинги асоциальных и агрессивных действий. Для командиров неприемлемы стратегии избегания, что подтверждает уровень их проявления (8 ранг).

Анализируя данные, полученные по методике «Адаптивность», мы имеем следующие результаты, представленные в таблице 5.

Таблица 5

Результаты проявления признака «адаптивность» в группах

<i>Руководители</i>		<i>Уровень проявления</i>	<i>Пожарные</i>		<i>Уровень проявления</i>	<i>Водители</i>		<i>Уровень проявления</i>	<i>Признак</i>
<i>среднее</i>	<i>стандартное отклонение</i>		<i>среднее</i>	<i>стандартное отклонение</i>		<i>среднее</i>	<i>стандартное отклонение</i>		
6,94	2,56	средний	7,20	2,07	высокий	7,60	1,94	высокий	ЛАП
5,70	2,61	средний	5,84	2,01	средний	6,34	1,77	высокий	ПР
4,47	1,41	средний	4,91	1,74	средний	5,21	1,80	средний	КР
4,35	1,86	средний	4,42	1,26	средний	4,82	1,23	средний	МН

В представленной таблице 5 описаны признаки адаптивности представителей групп сотрудников МЧС. Достоверные различия по группам обнаруже-

ны только в уровне проявления признака. У командиров (руководителей) он проявлен в границах средних значений, у водителей наблюдаются высо-

кие показатели, характеризующие высокий уровень адаптационного потенциала личности. Таким образом, психотравмирующий фактор кризисных и экстремальных ситуаций будет для «водителей» менее

опасен, чем для групп «командиров» и «пожарных». По роду профессиональных обязанностей водители меньше, чем пожарные и командиры отрядов, сталкиваются с данным фактором.

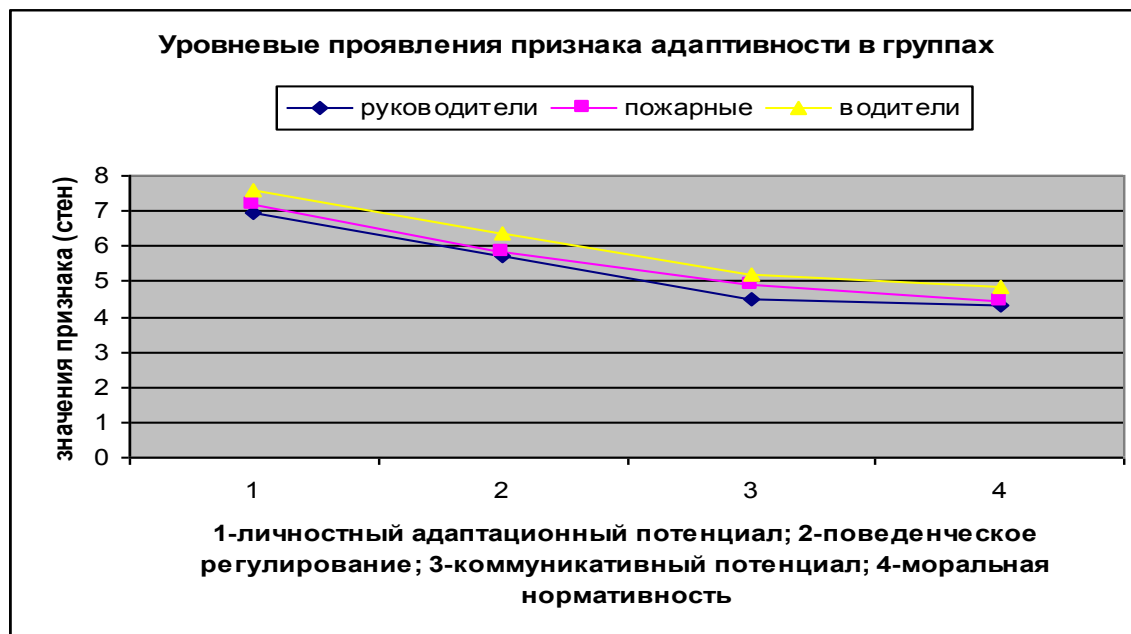

Рис. 1. Профили групп по признаку адаптивности

Таким образом, психологические защиты и стратегии совладания с кризисными и экстремальными ситуациями у специалистов МЧС характеризуются спецификой, обусловленной различными служебными функциями (или обязанностями).

Анализ результатов исследования по характеристикам социальной и предметной активности представлен в таблице 6. Описание социально пассивного типа, согласно методике. Для мужчин данного типа характерны низкая потребность в общении и ограничение социальных контактов, сдержанность в процессе социальных взаимодействий, необщительность, замедленность речедвигательных актов, трудность переключения в процессе общения от одного человека к другому, недоверчивость к окружающим, ограниченность коммуникативных программ, сниженный фон настроения, пессимистичность, предпочтение компаниям уединения, пассив-

ность, серьезность, ответственность, обидчивость, застревание на негативных переживаниях, замедленность ассоциативных процессов, снижение инициативы, двигательная замедленность. Им свойственна неспособность адекватно реагировать на изменения ситуации, быстро и своевременно изменять поведение, выделять значимые условия, оценивать рассогласование полученных результатов с целью деятельности и вносить коррекции, стремление планировать все свои поступки. От этого возникает сложность переключения с одних способов деятельности на другие. В новой обстановке возникает неуверенность, подозрительное отношение и трудность привыкания ко всему новому, а как следствие, – консерватизм, упрямство, аккуратность и педантичность, приверженность к порядкам и правилам, предпочтение устоявшихся способов деятельности.

Таблица 6

Анализ направленности активности в группах

Руководители		Пожарные		Водители		Признак
среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение	
5,70	2,66	5,10	2,34	4,60	2,33	Социальная активность (СА)
5,35	2,57	5,40	2,27	5,50	2,04	Предметная активность (ПА)

Как видно из таблицы 6, к социально пассивному типу направленности активности более склонны представители группы водителей, хотя у них наблюдаются более высокие значения предметной ак-

тивности (ПА), которая зависит от ряда признаков (семь корреляционных связей): «моральная нормативность» ($r=0,60$), «коммуникативный потенциал» ($r=0,50$), «личностный адаптационный потенциал»

($r=0,57$), коппинг-стратегия по типу «просоциальная ориентация/ поиск социальной поддержки» при $p \leq 0,05$. Чем выше уровень проявления данных признаков, тем более проявляется у водителей направленность на трудовую активность (ПА). Чем меньше проявление агрессивного поведения ($r=-0,51$), пси-

хологических защит по типу «регресс» ($r=-0,57$) при $p \leq 0,05$, тем выше у водителей направленность активности на предметную деятельность. На рисунке 2 видна представленность направлений активности в группах сотрудников МЧС.

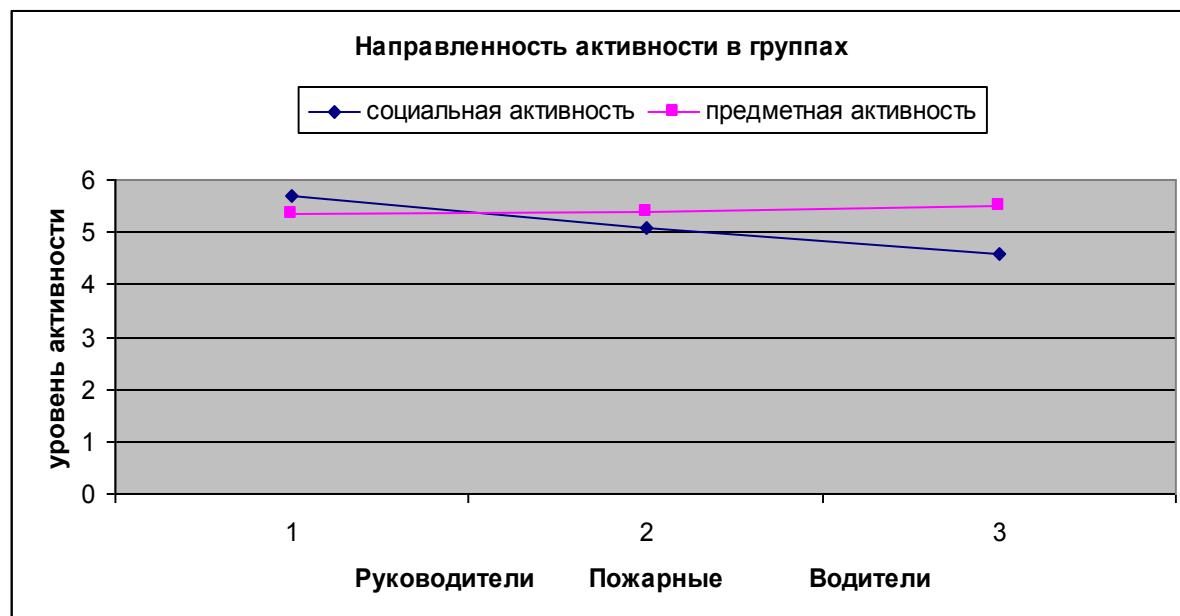

Рис. 2. Уровень активности сотрудников МЧС в группах

При этом представители групп «руководители» и «пожарные» проявляют большую предметную направленность в том случае, если у них достаточно развиты коммуникативные способности ($r=0,29$) и отсутствует защитный механизм «регресс» ($r=-0,28$) при $p \leq 0,05$.

Направленность на социальную активность (СА) в их группах связана с реализацией коппинга «социальная поддержка» ($r=0,27$) при $p \leq 0,05$. Тогда как у водителей она связана с моральной нормативностью (МН) ($r=0,42$) и активной коппинг-стратегией совладания с кризисными и экстремальными ситуациями при $p \leq 0,05$. Чем меньше проявляется защитный механизм «регресс» в группе водителей, тем большая направленность активности на социальные явления (СА).

Таким образом, эмпирически доказано существование взаимосвязи механизмов адаптации к кризисным, экстремальным ситуациям и направленности активности личности (социальной и предметной).

Резюмируя результаты исследования, следует заключить, что человек, пребывая в экстремальных условиях жизни и трудовой деятельности, может находиться в состоянии дезадаптации. Поэтому экстремальные условия – это условия, лежащие за пределами относительного оптимума, в котором человек комфортно себя чувствует и нормально может функционировать [9]. Адаптированная психическая деятельность обеспечивается гибкостью и зрелостью защитных механизмов, высоким уровнем ком-

муникативного потенциала, моральной нормативности.

Таким образом, взрослым индивидам с развитой системой психологических защит свойственна не только их адекватность, гибкость и зрелость, но и высокий уровень личностного адаптационного потенциала. Развитый личностный потенциал – это один из возможных вариантов личностной адаптации, отражающий самораскрытие личности через стремление к личностному росту. Зрелая, взрослая личность, преодолевая границы собственного Я, достигает соответствия общечеловеческим ценностям, ориентируясь на активность через саморегуляцию личности.

Данные характеристики относятся к критериям психического здоровья. Здесь можно выделить: степень интегрированности, гармоничности, консолидированности, уравновешенности личности; направленность на духовность, саморазвитие, приоритеты гуманистических ценностей (доброта, справедливость и др.) [7]. К зрелым механизмам психологических защит относят проявление: альтруизма, юмора, подавление импульсов, сублимацию или возвышенное замещение [3, с. 171].

В отечественной психологической науке общая теория психологической защиты представляет собой совокупность отдельных положений, гипотез, эмпирических исследований, не сформированных в системную концепцию бессознательной адаптационной активности. Ее построение и эмпирическая проверка остаются актуальными задачами как психологиче-

ской практики, так и теоретических разделов психологии.

Анализ механизмов адаптации личности в экстремальной профессиональной деятельности, соотношения внутренних и внешних ресурсов адаптации, возможно, является ключом к корректному и надежному прогнозированию адаптационного процесса, выделению кризисных этапов индивидуальной биографии, оказанию индивидуализированной психологической помощи сотрудникам МЧС. Понимание связей между текущим наличным состоянием регуляционно-приспособительных систем, статусом субъекта профессиональной деятельности и ресурсами (актуализированными и латентными) является фактором, повышающим эффективность программ психологического сопровождения процессов адаптации.

Анализ результатов исследования позволил более глубоко понять механизмы проявления стратегий совладания различных групп сотрудников МЧС. Нами обнаружены интересные закономерности, влияющие на направленность активности личности сотрудников МЧС и определяющие уровень адаптационного потенциала личности.

Полученные данные могут быть использованы в практике психологического сопровождения для разработки эффективных программ профилактической и психокоррекционной работы для повышения нервно-психологической устойчивости, для улучшения работоспособности в подразделениях.

Литература

- 1 Александровский, Ю. А. Пограничные психические расстройства [Текст]: руководство для врачей / Ю. А. Александровский. – М.: Медицина, 1993. – 41 с.
- 2 Лекции по общей психологии [Текст] / А. Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2007. – 320 с.

- 3 Львов, В. М. Проблема обеспечения безопасности личности в коллективе с негативными формами отношений [Текст] / В. И. Львов, С. А. Багрецов // Журнал практического психолога. – 2008. – № 4. – С. 138–154. – ISSN 1990-9349.

- 4 Портнова, А. Г. Психологическая защита в контексте социально-психологической адаптации и развития личности: монография [Текст] / А. Г. Портнова, А. М. Богомолов; ГОУ ВПО «Кемеровский госуниверситет». – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 188 с.

- 5 Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности [Текст] / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. – СПб.: Речь, 2001. – 380 с.

- 6 Прилепин, В. П. Применение психодиагностических методик в практической деятельности военного психолога: учебно-методическое пособие [Текст] / В. П. Прилепин, Ю. А. Фомин. – Минск: Харвест, 1994. – 312 с.

- 7 Психология: учебник [Текст] / под ред. А. А. Крылова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 752 с.

- 8 Реан, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика [Текст] / А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов. – СПб.: Прайм-ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 479 с.

- 9 Столяренко Л. Д. Психология: учебник для вузов [Текст] / Л. Д. Столяренко. – СПб.: Лидер, 2007. – 592 с.

- 10 Тонких, Ф. П. Как вы управляете? Психологические аспекты повседневной управленческой деятельности офицера [Текст] / Ф. П. Тонких, Ю. Г. Фокин. – М.: Воениздат, 1984. – 190 с.

УДК 159.923

УРОВНЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ

Т. О. Сафонова, И. С. Морозова

THE CHARACTERISTICS OF LEVELS OF SELF-CONTROL OF THE PERSON

T. O. Safonova, I. S. Morosova

В статье рассмотрена проблема саморегуляции личности, описаны уровневые характеристики регуляции. Саморегуляция рассматривается на уровне индивидуальной организации, личностной и на уровне субъекта деятельности.

In article the problem of self-control of the person is considered, levels and regulation characteristics are described. Self-control is considered at level of the individual, the person and at level of the subject of activity.

Ключевые слова: личность, саморегуляция.

Keywords: the person, self-control.

Проявления личностных особенностей человека при взаимодействии с окружающим миром крайне разнообразны. Они имеют свою специфику для различных видов активности человека и по-разному проявляются в зависимости от особенностей деятельности, в которой реализуются. В то же время,

наблюдая за человеком, сложной палитрой его поведения, особенностями общения, восприятия событий, эмоциональными реакциями в различных жизненных обстоятельствах, мы всегда видим в том, как человек действует, и нечто общее, целостное и ти-

пичное, характеризующее его уникальную целостную личность.

По мнению А. Н. Леонтьева, личность – это психологическое образование особого типа, порождаемое жизнью человека в обществе. «Независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые меняют жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остаётся и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым». Личность всегда выступает как член общества, как исполнитель определённых общественных функций [11].

Общий подход к пониманию проблемы личности, обозначенный А. Н. Леонтьевым, нашёл своё развитие в работах А. В. Петровского. Он даёт следующее определение личности: «Личностью в психологии обозначается системное социальное качество, приобретаемое индивидом в предметной деятельности и общении и характеризующее уровень и качество представленности общественных отношений в индивиде» [18].

Наряду с понятием «личность» употребляются термины «индивид», «субъект деятельности». Содержательно эти понятия переплетены между собой. Анализ каждого из этих понятий, их соотношение с понятием «личность» позволит более полно раскрыть понимание проблемы уровневых характеристик саморегуляции.

Однако, чтобы понять личность как неповторимую целостную индивидуальность, нужно представить человека как открытую и закрытую систему. Эта закрытость является результатом внутренней взаимосвязанности свойств человека как личности, индивида и субъекта. Согласно Б. Г. Ананьеву, личность трактуется, с одной стороны, как открытая система, взаимодействующая с миром и им детерминированная, а с другой стороны, – как закрытая, замкнутая система вследствие внутренней взаимосвязанности ее свойств, «встроенная в открытую систему взаимодействия с внешним миром, образующая самосознание и «я» как ядро человеческой личности» [3]. Благодаря этому противоречивому сочетанию, сознание человека является одновременно субъективным отражением объективной действительности и внутренним миром личности. Этот внутренний мир путем экстерниоризации проявляется в поведении и деятельности человека. Через сложные переходы из закрытой системы в открытую человек вносит свой индивидуальный вклад в материальную и духовную культуру своего общества и человечества. Так находит свое внешнее выражение его неповторимая индивидуальность. Сложные субординационные, иерархические связи, характерные для человека, могут быть, по мнению Ананьева, представлены следующим образом:

индивид → личность → индивидуальность.

«Единичный человек, – пишет Б. Г. Ананьев, – как индивидуальность может быть понят лишь как единство и взаимосвязь его свойств как личности и субъекта деятельности, к структуре которых функционируют природные свойства человека – индивид».

Благодаря противоречивому сочетанию в человеке свойств открытой и закрытой систем, его сознание является одновременно и субъективным отражением объективной реальности, и внутренним миром личности. Механизмом и одновременно результатом диалектической связи этой открытости и закрытости человеческой личности выступает обобщение и обособление.

Понятия «индивид», «личность» и «субъект деятельности» не тождественны по содержанию: каждое из них раскрывает специфический аспект индивидуального бытия человека. Индивид – это целостность и неделимость отдельной особи биологического вида, особенности конкретного представителя вида, отличающие его от других представителей этого вида. Личность может быть понята только в системе устойчивых межличностных связей, опосредствованных содержанием, ценностями каждого из участников. Межличностные связи, формирующие личность в коллективе, внешне выступают в форме общения, характерные для предметной деятельности. Это значит, что отношение индивида к другому индивиду опосредствуется объектом деятельности. Всё сказанное позволяет понять личность в качестве субъекта относительно устойчивой системы межиндивидуальных отношений, складывающихся в деятельности и общении [12].

Детерминация развития индивида имеет системный характер и отличается высокой динамичностью. Она необходимо включает как социальные, так и биологические детерминанты. Говоря о понятиях «индивид», «личность» и «субъект деятельности», мы говорим о соподчиненных понятиях, следовательно, уровни регуляции психических процессов также имеют соподчиненную, уровневую тенденцию. Становление личности есть процесс социализации человека, который состоит в освоении им своей родовой, общественной сущности. Становление личности связано с принятием индивидом выработанных в обществе социальных функций и ролей, социальных норм и правил поведения, с формированием умений строить отношения с другими людьми. Сформированная личность есть субъект свободного, самостоятельного и ответственного поведения в социуме.

Важнейшим шагом в раскрытии структуры деятельности является выяснение ее своеобразия как специфически человеческой формы активного отношения. Ключом к раскрытию своеобразия человеческой активности является тезис о ее биологической и социальной детерминации. Сущность биологической детерминации предполагает, по крайней мере, следующее: во-первых, инициацию взаимодействия на основе биологически обусловленных потребностей; во-вторых, организацию взаимодействия в соответствии с закономерностями внешней реальности как пространственно-временной целостности; в-третьих, осуществление взаимодействия на основе биологически обусловленных физиологических и нейрофизиологических механизмов. Социальная детерминация взаимодействия человека с внешним миром характеризуется соответственно

относительной независимостью от биологических потребностей; отражением в способах организации социальной реальности как особого типа реальности, имеющего свои закономерности; отсутствием жесткого закрепления социально-детерминированных форм отношения биологически обусловленными механизмами физиологических и нейрофизиологических процессов. Признание двойной детерминации человеческой деятельности имеет ряд следствий. Важнейшее в контексте настоящего изложения следствие касается представления о многоуровневой структуре деятельности. Система деятельности оказывается реализацией биологических законов, закрепленных физиологическими и нейрофизиологическими механизмами, ограниченной в определенной мере диапазоном их возможностей. Деятельность как бы ограничена «снизу» физиологической системой, через которую и оказывают на деятельность влияние биологические законы.

В то же время деятельность как социально-детерминированное отношение оказывается в определенном смысле свободной от биологической детерминации, ориентированной на ценности и закономерности социальной жизни. Одновременное сочетание в целостной системе требований двух различных сфер реальной жизни может быть достигнуто лишь при условии многоуровневости структуры. «Непрерывность» переходов от уровня к уровню, от биологической обусловленности и ее закрепления в физиологических механизмах к социально-детерминированным формам отношения и взаимодействия, свободным от биологической обусловленности, придает деятельности характер целостности, диалектически объединяющей компоненты, имеющие различную природу. Единство проявлений в деятельности биологической и социальной детерминации достигается за счет «вертикальных» субординационных связей ее структурных составляющих.

Следует четко определить качественные особенности каждого уровня, сформулировать критерии их выделения. Наиболее обоснованным, на наш взгляд, является критерий, базирующийся на различении содержания составляющих компонентов.

Если рассматривать саморегуляцию на индивидуальном уровне, то уместно говорить о простейшем неосознаваемом уровне регуляции психической деятельности.

Способность к регуляции психических процессов и состояний отмечалась еще в работах Аристотеля. Однако в большинстве проанализированных нами работ регуляция осуществляемого действия и различных психических процессов не ставится как особая проблема [4].

Идея регуляции деятельности психикой принадлежит И. М. Сеченову и связана с рефлексорной теорией психического. Развивая сеченовское понимание регуляции, С. Л. Рубинштейн разделяет ее на побудительную и исполнительную, намечая тем самым переход от общей идеи психической регуляции к изучению ее конкретных форм и механизмов. Наличие разных механизмов психической регуляции отчетливо выступает в традиционном различении

произвольных и произвольных психических процессов. В свою очередь, дифференциация этих механизмов приводит к постановке вопроса об организации психической активности человека в целом [13].

Огромная заслуга в постановке и раскрытии важных аспектов проблем психической саморегуляции принадлежит В. М. Бехтереву, а также его ученикам и последователям в лице Л. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева.

По мнению В. М. Бехтерева, психическая саморегуляция – это сознательное воздействие человека на собственную сферу психических явлений (психических процессов, состояний, свойств) с целью поддержания или изменения характера их функционирования. А. В. Запорожец (1986), основываясь на мысли Сеченова, выдвинул гипотезу о том, что произвольные движения человека превращаются в произвольные, благодаря тому, что они становятся ощущаемыми, т.е. осознаваемыми.

Б. Г. Ананьев был одним из первых отечественных психологов, увидевшим перспективу полезного применения концептуального аппарата кибернетики в психологических исследованиях. Он трактует работу головного мозга как «сложную организацию контуров регулирования с многочисленной цепью звеньев, включающих объекты регулирования, исполнительные и исполнительные устройства, механизмы обратной связи, обеспечивающие постоянство регулируемой величины. Можно думать, что в мозговой деятельности человека совмещены все типы обратных связей, свойственные живым управляющим системам» [2].

По мнению А. О. Прохорова, механизмы саморегуляции имеют место уже на клеточном уровне организации жизнедеятельности человека. В основе единства и целостности организма человека как биологической системы лежат химическая и нервная саморегуляции физиологических функций. Саморегуляция пронизывает все психические явления, присущие человеку, – саморегуляция отдельных психических процессов: ощущения, восприятие, мышление и др.; саморегуляция собственного состояния, или умение управлять собой, ставшее свойством человека, чертой его характера в результате воспитания и самовоспитания, включая саморегуляцию социального поведения субъекта [19].

Говоря о биологической регуляции прежде всего подразумевается нейрогуморальная регуляция психической деятельности. Биологическое регулирование психической деятельности возможно, поскольку сама психика является функцией центральной нервной системы. Таким образом, естественно, что при изменении состояния головного мозга, а также химического состава крови изменяется психическая деятельность человека.

К. А. Абульханова-Славская понимает под психической саморегуляцией человека его способность к организации собственной активности; ее мобилизации, регулирования, согласования с объективными требованиями и активностью других людей. В процессе саморегуляции субъектом деятельности

регулируется уровень психической активности, соответствующий данным условиям деятельности, длительность напряжения, производится точный расчет психических ресурсов и их рационального расходования. Все эти параметры системным образом регулируются самим человеком, являющимся субъектом деятельности [1].

По мнению К. А. Абульхановой-Славской, проблема психической регуляции деятельности должна ставиться с учетом как конкретных механизмов регуляции, так и общих методологических принципов, прежде всего принципа субъекта деятельности. Этот принцип позволяет понять, каким образом согласованы регуляция деятельности обществом, с одной стороны, и личностью – с другой [14].

В разработках обобщенной модели регуляции психической деятельности Ю. Я. Голикова и А. И. Костина в качестве методологического основания модели положено сочетание системного и межсистемного подходов, что отражает, по мнению авторов, как целостность, так и неустойчивость, неупорядоченность процессов регуляции. В модели психическая активность разделяется на три типа: текущая, ситуативная и долгосрочная. Текущая активность инициализируется необходимостью обеспечения непосредственного реагирования на события, ситуативная – поиском выхода из некоторой ситуации, долгосрочная – формированием общей стратегии поведения [19].

Исследуя развитие индивида, психология, конечно, не ограничивается анализом только отдельных психических функций и состояний. Её прежде всего интересует формирование и развитие личности человека. В этой связи проблема соотношений биологического и социального выступает преимущественно как проблема организм и личность. Одно из этих понятий сформировалось в контексте биологических, другое – социальных наук, но и то, и другое относится к индивиду как представителю вида «человек разумный» и как члену общества. Вместе с тем в каждом из этих понятий фиксируются разные системы свойств человека: в понятии «организм» – структура человеческого индивида как биологической системы, в понятии личность – его включённость в жизнь общества.

С. Л. Рубинштейн считал, что все психические процессы, с изучения которых начинается анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своём реальном протекании зависит от неё. Зависимость психических процессов от личности как индивидуальности выражается, во-первых, в индивидуально-дифференциальных различиях. Люди, в зависимости от общего склада их индивидуальности, различаются по типам восприятия и наблюдения, памяти, внимания. Зависимость психических процессов от личности выражается в том, что они, не имея самостоятельной линии, зависят от общего развития личности, а также в том, что у человека они превращаются в сознательно регулируемые действия или операции, которыми личность как бы овладевает и которые

она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач.

Подходы к исследованию личностной саморегуляции можно условно расположить в рамках континуума «личность–деятельность». На крайних полюсах будут находиться концепции, которые рассматривают личностную регуляцию в «чистом виде», вне деятельностного контекста, как работу с собой по изменению собственных ценностей, установок, мотивации и т. д., и концепции, которые представляют лишь операциональный подход к производным процессам, игнорирующие индивидуальную специфику в их реализации [16].

А. К. Осницкий также разделяет личностную и деятельностную саморегуляцию: «...саморегуляция деятельности обнаруживает себя в феноменологии предметных преобразований и в преобразовании прилагаемых усилий. Саморегуляция личностная связана преимущественно с определением и коррекцией своих позиций (в рамках культурно-исторической традиции, закрепленных в нормах социума)... Личность «окрашивает» деятельность гуманностью или негуманностью целей, точнее, – гуманностью или негуманностью смыслов» [17].

В контексте изучения личностной саморегуляции Ю. А. Миславский включает в состав структурно-функциональных компонентов системы саморегуляции личности следующие составляющие: ценности и цели, идеалы и образ «Я», а также уровень притязаний и самооценивание (самооценку) [19].

Л. П. Гримак считает, что личностный уровень регуляции должен исследоваться в широком контексте процессов жизнедеятельности, где в качестве основного механизма регуляции выступает жизненный выбор. «Личностные уровни регуляции жизнедеятельности мобилизуются в тех случаях, когда надо переделывать не обстоятельства, не жизнь, а самое себя, личностные свои ценности и психологические установки» [5].

Личностная саморегуляция изучались в рамках концепций волевого овладения личностью своим поведением (Л. П. Басов, В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков, Т. Куль и др.). Волевое поведение рассматривается различными авторами как процесс производства новых мотивационных образований, способствующих развертыванию поведения в выбранном направлении. В современных исследованиях волевое поведение рассматривается как процесс произвольного формирования побуждений.

При изучении подходов к волевой регуляции поведения человека необходимо отметить принадлежность ее к нескольким направлениям. С одной стороны, это преобразование произвольных психических процессов в произвольные, с другой – обретение человеком контроля над своим поведением, с третьей – выработка волевых качеств личности.

М. Я. Басов считал, что своеобразным психическим механизмом, через который личность регулирует свои психические функции, является воля. Она, прилаживая их друг к другу и перестраивая их в соответствии с решаемой задачей. М. Я. Басов пола-

гал, что восприятие, мышление, эмоции (чувствование), движения регулируются вниманием через смену содержания сознания, то есть через отвлечение внимания. Воля лишена способности порождать действия или мысли, она только регулирует их, считал он [8].

Б. В. Зейгарник рассматривает саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением. Ею выделяются два уровня саморегуляции: операционально-технический, связанный с сознательной организацией действия с помощью средств, направленных на его оптимизацию, и мотивационный, связанный с организацией общей направленности деятельности с помощью сознательного управления своей мотивационно-потребностной сферой [7].

В. И. Селиванов включал регуляцию эмоций и психических состояний, создание психической устойчивости, обеспечивающей успешность деятельности. В. И. Селиванов считал, что способностью человека сознательно регулировать свое поведение обладает воля. Он указывал, что воля есть регулирующая функция мозга, выраженная в способности человека сознательно управлять собой и своей деятельностью, руководствуясь определенными побуждениями и целями [21].

По мнению Е. П. Ильина, волевая регуляция реализуется через разновидность волевых действий, для которых существенным становится проявление волевых усилий и которые соотносятся с волевым поведением. По мнению Е. П. Ильина, именно воля как сознательная организация и саморегуляция позволяет человеку управлять своими чувствами, действиями, познавательными процессами. В рамках индивидуальных различий волевой сферы выделяемые параметры могут характеризовать как волевою сферу человека в целом, так и отдельные звенья волевого акта [9].

Как особую форму регуляции поведения понимает волю Л. М. Веккер. Он выделяет три формы регуляции: произвольную, произвольную и волевою. Волевая регуляция есть высшая форма произвольной регуляции поведения со стороны личности, когда регуляция осуществляется на основе критерия интеллектуальной, эмоционально-нравственной и общесоциальной ценности. Необходимость волевой регуляции Л. М. Веккер связывает с переводом регуляции на личностный уровень [8].

В концепции В. А. Иванникова роль личности в волевой регуляции проявляется в способности к смыслообразованию при недостатке мотивации для осуществления или прекращения действия (Иванников, 1991). При этом управление поведением в процессе преодоления трудностей в деятельности опосредуется волевыми качествами личности. В. А. Иванников выделяет четыре типа критериев волевой регуляции. Волевая регуляция проявляется:

- 1) в волевых действиях;
- 2) в выборе мотивов и целей;
- 3) в регуляции внутренних состояний человека, его действий и различных психических процессов;
- 4) в волевых качествах личности [8].

Проблемы саморегуляции рассматривались так же в русле деятельностного подхода. Неслучайно большинство ранних отечественных исследований проблем саморегуляции было связано с изучением регуляции какой-либо конкретной деятельности: профессиональной (изучение сенсомоторной деятельности человека–оператора), учебной, спортивной и т. д. Большинство подобных исследований были направлены на поиск путей оптимизации деятельности, например повышения продуктивности в условиях взаимодействия в системе «человек–машина», или повышения эффективности деятельности в экстремальных условиях. (О. А. Конопкин, 1980; Н. Д. Завалова, Б. Ф. Ломов с соавт., 1986; А. В. Махнач, 1993).

Согласно взглядам С. Л. Рубинштейна [20], специфическими способами реализации психической активности являются «сознание» и «действие». Можно сказать, что активность человека как индивида, личности и индивидуальности осуществляется в форме «действия», т. е. различных видов активности (практическая деятельность, общение, познание, поведение и т. д.) и регулируется «сознанием» в форме процессов саморегуляции различных видов активности (функциональные системы, кольцевой контур регуляции, система осознанной саморегуляции деятельности и т. д.). Такое выделение двух сторон единого процесса психической активности человека в форме двух специфических способов его существования послужило методологической предпосылкой и в какой-то мере предопределило развитие психологических представлений о возможности относительно независимого выделения процессов активности и процессов регуляции этой активностью на каждом из уровней организации психики человека [19].

«Психическая саморегуляция человеком своей деятельности, – пишет О. А. Конопкин, – является высшим уровнем регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований» [10]. Существенным в контексте данного исследования является вопрос, как соотносятся процессы саморегуляции и виды психической активности и деятельности. Развивая представления С. Л. Рубинштейна, который выделял две специфические формы существования человека – деятельность и сознание, в концепции осознанной саморегуляции проводится мысль о согласованности деятельности и ее саморегуляции в том смысле, что принятая субъектом цель определяет как направленность деятельности, так и ее регуляцию, т. е. какой операционально и содержательно будет саморегуляция, такой будет и деятельность. И в этом их единство, но и не тождество, не одно и то же и они могут не совпадать по своей направленности, структуре, смыслу и даже по времени, что было доказано как теоретически, так и экспериментально (О. А. Конопкин, 1980, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, В. И. Степанский, 1992) [16].

Саморегуляция понимается В. И. Моросановой как целостная система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности. Эта система реализуется процессом осознанной саморегуляции, имеющим универсальную структуру для разных видов активности и деятельности. Система реализуется соответствующими частными регуляторными процессами выдвижения целей, моделирования значимых условий, программирования действий, оценивания и коррекции результатов. Индивидуальные особенности саморегуляции характеризуются тем, как человек планирует и программирует достижение цели, учитывает значимые внешние и внутренние условия, оценивает результаты и корректирует свою активность для достижения субъективно-приемлемых результатов. В этой концепции не только констатируется, что когнитивные процессы переработки информации имеют определенную структуру, но и разработаны теоретические и методические подходы к исследованию индивидуальных различий и их личностных предпосылок [15].

Понятие индивидуального стиля саморегуляции предложено В. И. Моросановой как средство реализации субъектного подхода к исследованию индивидуально-типических форм произвольной активности человека. В. И. Моросановой было представлено как в теоретическом, так и в эмпирическом плане, что динамические, личностно-темпераментальные диспозиции (например экстраверсия и интроверсия) могут быть описаны специфическими профилями индивидуальных особенностей саморегуляции. А степень и своеобразие субъектной активности, проявляющиеся в таких субъектных качествах, как творчество, автономность, настойчивость и др., определяют способность преодолевать субъективные и объективные трудности достижения жизненных целей и, в свою очередь, способствуют через регуляторный опыт формированию личностных качеств [15].

В системно-деятельностной концепции психической саморегуляции состояния, развиваемой Л. Г. Дикой совместно с сотрудниками лаборатории, психическая саморегуляция рассматривается одновременно как психическая деятельность и как психологическая система, это позволяет в выборе детерминант реализовать принципы полисистемного подхода и межсистемного анализа, то есть выделить те детерминанты, которые представляют собой системные основания саморегуляции.

Принцип субъекта деятельности, по мнению Л. Г. Дикой, дает возможность реализовать в экспериментальных исследованиях саморегуляции в деятельности человека принципы активности, развития и показать, что именно они и составляют ядро саморегуляции [6].

Концепция субъекта деятельности дает комплексную характеристику психологической системы деятельности, предполагающей взаимную соотносительность состояний, способностей, отношений индивида и объективных условий его деятельности. Способность организации собственной активности – ее мобилизации, направления, согласования с объективными требованиями и активностью других людей – важнейшая характеристика личности как субъекта деятельности и одновременно отличительная черта личностного уровня регуляции деятельности [14].

Принцип субъекта деятельности позволяет понять, каким образом согласованы регуляция деятельности обществом, с одной стороны, и личностью – с другой. Таким образом, появляется возможность связать объективные общественные структуры деятельности (с их нормативными требованиями) с личностно-психологической структурой деятельности (отношение к деятельности, цели, мотивация, способности, активность личности и т. д.) [14].

Следующий тезис, вытекающий из признания социальной обусловленности деятельности касается особенностей ее регуляции. Для пояснения этих особенностей обратимся к аналогии с понятием «регуляция» в общей теории систем.

Принято различать два типа регулирования: пассивный и активный. Механизмы пассивного регулирования как бы встроены в систему, их регулирующее воздействие ограничивается прямыми связями элементов, входящих в систему. Механизмы активного регулирования основываются на появлении или выделении специфических образований, изменяющих характер прямых связей координации и субординации и преобразующих всю систему. Они требуют дополнительных затрат, в то время как пассивное регулирование осуществляется без специальной ресурсной поддержки по принципу экономии.

Управление деятельностью, ее регулирование осуществляется по активному типу посредством особого механизма. Природа этого механизма имеет свои истоки в области социальной детерминации деятельности, сам этот механизм делает возможным воздействие социальной среды на индивидуальную жизнь и деятельность.

Две стороны взаимоотношений человека и его социального окружения – отношения социально-культурного мира к индивидуальности и индивидуальности к этому миру – определяют характер процессов регулирования и выступают в виде значений и смыслов.

Значение может быть представлено как структурный элемент деятельности, выполняющий функции регулирования ее индивидуальных форм с учетом закономерностей социального бытия. Оно фиксирует устоявшиеся культурные нормы взаимоотношений человека с его внешним, в том числе социальным окружением. Именно регуляция деятельности посредством значений обеспечивает возможности усвоения социального опыта, развитие форм общения и потребления продуктов культуры, обеспечивает реализацию деятельности познания, производства материальных и культурных ценностей, общения, обучения, игры.

Логично предположить, что в значениях стабилизируются «нормы» регуляции деятельности, «нормы» связей содержания ее структурных составляющих, не требующих постоянного личностного отношения. Субъект, однажды усвоив то или иное значение, последующие акты деятельности реализует на его основе без специальной личностной оценки.

Смысл может быть представлен как структурный элемент деятельности, выполняющий функции ее регуляции как неповторимой, индивидуально-личностной деятельности в контексте актуального социального окружения и актуального мотива. Смысл характеризует изменчивость, вариативность индивидуальных проявлений деятельности при отнесительном постоянстве «норм» взаимоотношений

с внешним окружением, раскрывает личностную пристрастность деятельности. Возникнув в индивидуальной деятельности как отношение мотива к цели, смысл передается через продукты деятельности, через непосредственное и опосредованное общение другим людям, закрепляется в культуре в виде значения, а затем снова, уже в виде значения, становится достоянием сознания отдельного человека и регулятором деятельности.

Переход смысла в значение через систему социально-культурных отношений может рассматриваться как механизм развития деятельности, закрепления социально одобренных форм ее регуляции. Смысл выступает как регулятивный механизм для высших уровней организации деятельности, опосредует их координационные и субординационные связи.

Отношение между смыслом и значением в регуляции деятельности на разных ее уровнях находит выражение прежде всего в единстве сознания. И смысл, и значение обеспечивают целенаправленный осознанный характер деятельности. Этим объясняется, в частности, то, что личностный уровень рассматривается как центральный, ведущий не только в силу его местоположения в структуре, но и в силу сосредоточения в нем особенностей регуляции целостной деятельности.

В различных видах деятельности соотношения смысла и значения могут быть представлены по-разному. Смысл может совпадать со значением. В этом случае и содержание компонентов деятельности, и ее регуляция соответствуют сложившимся в культуре и социально одобренным способам взаимодействия, а деятельность в целом носит репродуктивный характер.

При несовпадении смысла и значения ведущая роль в регуляции принадлежит смыслу. Деятельность в этом случае может дать новые неожиданные результаты как для самого субъекта, так и для общества в целом. Это продуктивный тип деятельности, в котором наиболее ярко раскрываются творческие способности человека, его интеллектуальный и личностный потенциал. Ведущая роль смысла продемонстрирована во многих исследованиях интеллекта, творческих процессов, личности, закономерностей освоения знаний и формирования умений в процессе обучения и воспитания. Логика анализа характера регулирования деятельности по активному типу посредством смыслов и значений предполагает, что эти составляющие деятельности могут рассматриваться как системообразующие факторы, придающие деятельности специфически человеческие черты.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Деятельность и психология личности [Текст] / А. К. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1970. – 336 с.

2. Ананьев, Б. Г. Билатеральное регулирование как механизм поведения / Б. Г. Ананьев // Вопросы психологии. – 1963. – № 5. – С. 80 – 85.

3. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука 1977. – 380 с.

4. Аристотель. О душе. Собрание сочинений. В 4-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1975. – 427 с.

5. Гримак, Л. П. Общение с собой / Л. П. Гримак. – М.: Издательство политической литературы, 1991. – 205 с.

6. Дикая, Л. Г. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) / Л. Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.

7. Зейгарник, Б. В. Саморегуляция поведения в норме и патологии / Б. В. Зейгарник, А. Б. Холмогорова, Е. С. Мазур // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 2. – С. 122 – 132.

8. Иванников, В. А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М.: УРАО, 1998. – 144 с.

9. Ильин, Е. П. Психология воли / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2000. – 288 с.

10. Конопкин, О. Н. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения / О. Н. Конопкин // Психология личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1989. – С. 158.

11. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975.

12. МIRONENKO, В. В. Хрестоматия по психологии: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 528 с.

13. Морозова, И. С. Волевая регуляция деятельности: учеб. пособие [Текст] / Г. П. Горбунова, И. С. Морозова; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 95 с.

14. Морозова, И. С. Личность и саморегуляция деятельности: учеб. пособие [Текст] / И. С. Морозова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 110 с.

15. Моросанова, В. И. Силевые особенности саморегуляции личности [Текст] / В. И. Моросанова // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 121 – 127.

16. Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – 213 с.

17. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 5 – 19.

18. Петровский, А. В. Быть личностью / А. В. Петровский. – М.: Педагогика, 1990. – 112 с.

19. Прохоров, А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности / А. О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 352 с.

20. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – М., 1973. – 416 с.

21. Селиванова, В. И. Вопросы психологии воли / под ред. В. И. Селиванова. – Рязань, 1979. – 134 с.

УДК 159.923

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ
В СИТУАЦИИ ВЫНУЖДЕННОЙ ПОТЕРИ РАБОТЫ***А. В. Серый, М. Б. Семенова***TRANSFORMATION OF SYSTEM OF PERSONAL SENSES
IN THE SITUATION OF THE COMPELLED LOSS OF WORK***A. V. Seriy, M. B. Semenova*

Анализируются характер динамики системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы. Рассматривается длительность ситуации безработицы как сложная, кризисная жизненная ситуация, влияющая на динамику системы личностных смыслов.

The character of dynamics of system of personal senses in a situation of the compelled loss of work are analyzed. Duration of a situation of unemployment as the difficult, crisis reality situation influencing dynamics of system of personal senses is considered.

Ключевые слова: система личностных смыслов, сложная жизненная ситуация, актуальное смысловое состояние.

Keywords: system of personal senses, a difficult reality situation, an actual semantic condition.

Функционирование системы личностных смыслов как одного из важнейших факторов личностного развития невозможно рассматривать в отрыве от жизненной ситуации, в которой находится человек. Характеризуясь собственной внутренней динамикой, определяемой сложными иерархическими отношениями между ее составляющими, являясь производной от деятельности человека и его позиции, смысловая система выражает содержательные характеристики личности как целого и выступает единицей анализа отношения человека к фактам и явлениям объективной реальности. Рассматривая условия жизненной ситуации как фактор, опосредующий функционирование системы личностных смыслов, необходимо отталкиваться от понимания жизненной ситуации как системы отношений индивида и объективной действительности в определенный период времени, в целостном контексте его жизнедеятельности. Характер этих отношений зависит от степени взаимообусловленности факторов внешней социальной среды, личностных свойств и особенностей субъекта этих отношений и характером и направленностью производимой им деятельности или открытого поведения. Таким образом, жизненная ситуация всегда подразумевает определенный жизненный этап в жизнедеятельности человека во взаимодействии с социальной средой, поскольку сознательная деятельность всегда опосредована социальными критериями.

Выделяя понятие «жизненная ситуация», мы, вслед за Б. Ф. Ломовым, определяем ее как «систему воздействий, не отдельное событие, а систему событий», которая «должна рассматриваться соотносительно со свойствами и особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью» [1, с. 121]. Учитывая замечание Б. Ф. Ломова об отсутствии в психологии строгих способов и средств описания жизненных ситуаций, мы прежде всего, в понятии «жизненная ситуация» выделяем три важнейших, по нашему мнению, аспекта, обуславливающих ее контекст: личностные факторы, деятельность и условия социальной среды. Лично-

стные факторы, включающие в себя интернализированные личностные смыслы различных уровней смысловой системы личности, определяют ее социальную установку и задают направленность деятельности индивида, которая, в свою очередь, обуславливает проявление определенных личностных черт и характерологических особенностей, выражающихся в поведении, направленном на взаимодействие с окружающей средой.

Функционирование системы личностных смыслов не обуславливается исключительно субъективными факторами личностного развития. Так, изменение объективных условий внешней среды (прежде всего социальной) может повлечь за собой жизненную ситуацию, не отраженную в прошлом опыте человека, в силу ее непредсказуемости или неадекватности ожидания и, следовательно, неосмысленности (безработица, социально-экономические и политические катаклизмы, техногенные катастрофы и т. д.). В этом случае зафиксированная система личностных смыслов, выражающаяся в определенном актуальном смысловом состоянии, может повлечь обратное развитие личности. Человек, вынужденный принимать условия окружающей социальной среды исключительно ради адаптации к ней, в силу различных причин, не имея возможности ответить на смысловой вопрос «зачем?», деперсонализуется, по большей части демонстрируя респондентное поведение, частота положительного подкрепления которого в итоге делает его ригидным и стереотипным. В случае если подкрепление будет носить аверсивный характер, то личностный смысл интернализированных ранее ценностей может измениться до диаметрально противоположного, что повлечет за собой значительные изменения в статусе идентичности индивида. Кроме того, условия социальной ситуации могут оказаться катализатором антисоциального поведения (преступная деятельность) или опосредовать процесс полной деградации личности (как в случаях алкогольной зависимости или наркомании). Личностный смысл обладает рядом важных особенностей. Центральная из этих особенностей –

производность личностного смысла от места человека в системе общественных отношений и от его социальной позиции. Поскольку перемена социальной позиции человека влечет переосмысление его отношений к действительности, иногда это может привести к глубоким перестройкам всей совокупности системы личностных смыслов. Неосмысленный переход из одной жизненной ситуации в другую вынуждает человека отказаться от привычных условий прошлой жизни и предполагает определенный период для адаптации к новым условиям социальной действительности с полным принятием норм, ценностей и традиций социального окружения.

Одним из ярких примеров сложной, кризисной для человека жизненной ситуации является ситуация потери работы, вызывающая сильные эмоциональные переживания и сопровождающаяся стрессом. Привычные личностные ориентиры разрушаются или претерпевают изменения, стандартная система отношений с обществом разрушается.

С социально-психологической точки зрения наиболее негативными видами считается вынужденная, а так же длительная безработица, т.к. человек может быть как психологически, так и физически не готов к увольнению. Приобретенный статус безработного кардинально меняет не только прежние ориентиры и уровень материального положения, но и образ жизни в более широком проявлении. Переход в категорию безработных воспринимается людьми достаточно драматично, поскольку трудовая деятельность является той гранью, мерой социального престижа и самоуважения личности, за которой следует состояние напряженности, отчуждения от своей социальной среды, необходимости сложной адаптации к изменившимся условиям жизни [4]. Результаты проведенных исследований безработных, как отечественными, так и зарубежными авторами, описывают поведенческие реакции, которые являются типичными, что позволяет говорить о психологической зависимости состояния человека от момента безработицы. С точки зрения теории стресса, потеря работы рассматривается как угрожающее явление в личной жизни человека, сопровождающееся сильным чувством неуверенности, что в свою очередь, становится причиной эмоциональной неустойчивости, проявляющееся в депрессии, повышении тревожности. У потерявших работу людей снижается удовлетворенность жизнью, усиливается чувство одиночества и социальной изоляции. Также у человека, оказавшегося в трудной жизненной ситуации, разрушается прежняя система ценностей, и он начинает формировать новую, в зависимости от трудности своего положения, от эмоционального потрясения, переживания новых эмоциональных состояний [3].

С целью исследования изучения динамики ценностно-смысловой сферы личности людей, оказавшихся в ситуации вынужденной безработицы как особой социальной группы, а также определение особенностей исследуемой сферы в 2009 – 2010 гг. было проведено эмпирическое исследование. В качестве методик сбора данных использовались: фильтрующая анкета «Общие сведения безработно-

го», тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, модифицированный А. В. Серым, А. В. Юпитовым для диагностики актуальных смысловых состояний [2], методика «Автобиография будущего». Базами для проведения данного исследования были выбраны: государственное учреждение Центр занятости населения города Кемерово и Кадровое агентство «Перспектива кадров».

Выборку составили безработные, которые лишились работы вынужденным образом, т. е. инициатива увольнения исходила от руководства, либо была вынужденно принятым решением в силу ликвидации, банкротства предприятия, на котором работал индивид, либо отправка его в так называемый «бессрочный отпуск». Таким образом, в круг испытуемых попадали лишь те, у кого образ жизни изменился действительно вынужденно, а не являлся запланированным этапом. В исследовании приняли участие 40 человек, жителей города Кемерово. Все участники исследования были уволены по инициативе руководства организаций. При выборе испытуемых учитывались следующие критерии: возраст, пол, семейное положение, уровень образования, материальное положение, причина увольнения с последнего места работы, длительность безработицы испытуемого, с момента его увольнения. Таким образом, возрастной состав участников варьируется от 21 до 31 года. Количественно-процентный состав указанных групп характеризуется следующим соотношением: мужчины – 30 % от объема выборки и женщины – 70 %. Все испытуемые состоят в браке, гражданский брак учитывается. Уровень образования – высший у 65 % человек, средне-специальный – у 35 % человек от объема общей выборки. Уровень материального дохода участников исследования примерно одинаков.

Из общей выборки, в зависимости от длительности пребывания в ситуации безработицы, нами были выделены две исследуемые группы: 20 человек, из которых 35 % мужского пола и 65 % женского, находящиеся без работы менее трех месяцев, и вторая группа – 20 человек, из которых 25 % мужского пола и 75 % – женского, были уволены более шести месяцев назад. Респондентам предлагалось заполнить бланк ответов дважды. Респондентам предлагалось заполнить бланк ответов исходя из того состояния, когда у них была работа. Второй замер делался исходя из актуального состояния настоящего времени.

Полученные результаты позволяют проследить, каким образом происходит динамика смысловых ориентаций в зависимости от продолжительности переживания человеком трудной жизненной ситуации (таблица 1). Во-первых, наблюдаются изменения общего показателя осмысленности жизни. У респондентов обеих групп выявлен высокий общий показатель осмысленности жизни в первом замере. При этом он значительно снижается в результатах второго замера, причем если в первой группе этот показатель остается в границах средних результатов, то во второй группе эта разница снижается до границы низких показателей общей осмысленности жизни. Соответственно, можно определить динамику функционирования системы личностных смыслов

в период переживания состояния потери работы как регрессивную, а характер длительного переживания

данной жизненной ситуации, как аверсивный.

Таблица 1

Средние групповые показатели СЖО исследуемых групп

Субшкалы СЖО	Группа 1		Группа 2		Различия при $p < 0,05$ в парах
	до увольнения	после увольнения	до увольнения	после увольнения	
ОЖ	6,50	5,40	5,80	2,50	1-2; 3-4; 2-4;
Цели	4,50	3,55	3,90	2,20	1-2; 3-4; 2-4;
Процесс	5,70	2,70	5,70	2,50	1-2; 3-4;
Результат	6,05	4,60	7,15	3,55	1-2; 3-4;
ЛК-Я	6,15	4,90	6,10	3,90	3-4;
ЛК-Ж	6,00	3,85	5,70	2,85	1-2; 3-4;

Данное развитие системы личностных смыслов выражается в сужении границ субъективной реальности за счет снижения показателей осмысленности локусов прошлого опыта и блокирования смыслового локуса субъективного будущего, отражающих личностные смыслы более высокого уровня. Это подтверждается снижением показателей по 1-й и 2-й субшкалам (цели в жизни и процесс жизни), которые отражают низкий уровень осмысленности жизни после вынужденной потери работы и снижения показателя значимости «настоящего», которые определяют осмысленность жизни, направленность и временную перспективу, что подтверждает низкие показатели общей осмысленности жизни в период потери работы более шести месяцев. Причем показатель осмысленности локуса «будущего» в первом замере респондентов со стажем потери работы до трех месяцев можно отнести к среднему, то с увеличением стажа безработицы более шести месяцев он оценивается уже как низкий и значимо снижается во втором замере. Данный характер смысловой динамики может объясняться кризисом, обусловленным фрустрацией потребностей ранее привычного образа жизни и отдаленностью во времени желаемого результата.

Несомненно, что фрустрация цели у безработных со стажем более шести месяцев связывается с переживанием отрицательных эмоций, при этом цель приобретает характер инструментальной ценности, значимо сужая временную перспективу. Характерно, что респонденты второй группы оценивают данный показатель в период работы значимо ниже, чем респонденты первой группы. Такого же рода динамику, т. е. примерное равенство результатов в первом и втором замерах и значимое снижение показателей в период потери работы, можно проследить и по показателям субшкалы «Процесс жизни». Результаты первых замеров по ней колеблются в пределах выше средних значений, что подтверждает восприятие самого процесса жизни, когда респонденты имели работу, как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом. Однако результаты вторых замеров в обеих группах указывают на резкое снижение этого показателя и его зависимость от продолжительности ситуации безработицы. Данная динамика является закономерной, т. к., потеряв работу, человек, разлучается не только со своей профессиональной деятельностью, которая, возможно, занимала большую часть его

времени, приносила удовольствие и вносила разнообразие в жизнь человека, но и со своими коллегами по работе, которые могли быть близкими людьми. Кроме того, социально «неприветствуемый» статус безработного вынуждает человека к ограничению контактов с ближайшим социальным окружением, что заставляет человека считать свою жизнь менее интересной, менее эмоционально насыщенной и лишенной смысла.

Похожая динамика наблюдается при анализе субшкал «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-жизнь». Данные результаты вполне закономерны – на первом этапе ситуации человеку приходится ориентироваться на себя, решая сложные задачи вынужденного поиска работы. Однако длительность ситуации безработицы делает ее неопределенной и приводит к снижению способности человека принимать на себя ответственность за результаты ситуации и убеждению, что его жизнь не подвластна сознательному контролю и в большей степени зависит от ситуации. Возможно, это связано с тем фактом, что респонденты были уволены вынужденно, не по собственному желанию, т. е. они оказались в такой ситуации, в которой сам человек уже не мог что-либо изменить.

Неоднозначный, регрессивный характер динамики функционирования системы личностных смыслов в ситуации вынужденной потери работы можно наблюдать и при анализе соотношения типов актуального смыслового состояния на различных ее этапах (таблица 2). Неоднозначность процентного соотношения актуальных смысловых состояний в различные периоды обуславливается комплексом как внутренних, так и внешних факторов переживания жизненной ситуации. Кроме того, актуальное смысловое состояние отражает и стиль переживания кризисной для человека жизненной ситуации, в основе которого заложено отношение к себе, отражающее эмоциональное взаимодействие с окружающей социальной действительностью.

Как видно из таблицы 2, в первой группе респондентов при первом замере выделилось пять типов актуального смыслового состояния (АСС), три из которых относятся к продуктивному типу переживания (шестой, седьмой и восьмой). Большинство респондентов (35 %) считают, что переживали актуальное смысловое состояние по восьмому типу АСС, который характеризуется высокими показателями осмысленности прошлого, настоящего и будущего. Заме-

тим, что после увольнения представителей данного типа стало на 15 % меньше, чем до увольнения. Еще 30 % переживали этот вид состояния до увольнения продуктивно (седьмой и восьмой типы АСС), при синхронизации двух локусов смысла (настоящее – будущее и прошлое – будущее), т. е. блокируя в процессе осмысления либо саму ситуацию настоящего, либо смыслы прошлого. При втором замере представленность этих типов АСС в группе значимо снизилась до 5 %. Вместе с тем увеличились показатели представленности переживания АСС по первому типу. Актуальное смысловое состояние этого типа характеризуется низкой осмысленностью всех смысловых локусов и характеризует функционирование сис-

темы личностных смыслов как стагнационное. Длительность такого состояния влечет за собой негативные последствия для личности. Также, потеряв работу, в группе появились представители четвертого (ориентированного на осмысление настоящего и прошлого опыта) и пятого типов (ориентированного исключительно на смыслы будущего при блокировании временных локусов настоящего и прошлого), до увольнения представителей этих типов в группе не было выявлено. Следовательно, потеря работы влияет на переживание АСС, что выражается в более низкой осмысленности субъективного настоящего, прошлого и будущего.

Таблица 2

Процентное соотношение типов АСС в исследуемых группах

<i>Исследуемые группы</i>		<i>Типы АСС</i>							
		<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>
1.	До увольнения	20 %	-	15 %	-	-	20 %	10 %	35 %
	После увольнения	35 %	-	15 %	10 %	5 %	5 %	5 %	25 %
2.	До увольнения	-	-	-	-	45 %	-	5 %	50 %
	После увольнения	65 %	-	10 %	-	-	-	-	25 %

Таким образом, больше половины респондентов после вынужденного увольнения находятся в непродуктивных актуальных смысловых состояниях, характеризующихся либо низкой осмысленностью двух временных локусов смысла, а большая часть из них – низкой осмысленностью всех временных локусов одновременно.

Во второй группе после длительного пребывания в ситуации поиска работы большинство респондентов переживают актуальную жизненную ситуацию по непродуктивным типам АСС (первому – 65 %, третьему – 10 %), лишь четвертая часть респондентов (25 %) относится к восьмому типу. Первый и третий типы характеризуются достаточной ригидностью и реактивностью эмоциональной сферы, следовательно можно сказать, что, оказавшись в ситуации потери работы более шести месяцев, человек становится более эмоционально неустойчивым, рационализм переходит на второй план, а эмоции преобладают. Также у представителей первого и третьего типов АСС преобладает низкий уровень мотивации. В отличие от первой группы, процент представителей 8-го типа после увольнения снизился гораздо значительнее, в 2 раза. Значительно увеличилось количество испытуемых, относящихся к первому типу АСС. Следует отметить, что показатели первого замера во второй группе вызывают сомнения, поскольку актуальное смысловое состояние большинства респондентов на момент исследования было непродуктивным, т.е. лишенным критичности и временной перспективы в виду блокирования временных локусов смысла прошлого, настоящего и будущего. Так, до увольнения испытуемых с низкими показателями осмысленности прошлого и настоящего и высокой осмысленностью будущего было 45 % от всей группы, при этом 50 % характеризовались высокой осмысленностью и прошлого, и настоящего, и будущего, после увольнения представителей группы с высокой осмысленностью будущего, настоящего и прошлого

осталось только 25 %. Значительно снизилась осмысленность настоящего и прошлого и в большей степени будущего. Несомненно, это связано с влиянием кризисной ситуации на рынке труда в обществе и в связи с этим пониманием отсутствия перспектив желаемого трудоустройства.

Результаты методики «Автобиография будущего», которая использовалась в данной работе в качестве сбора данных относительно представленности будущего, показали, что в группе испытуемых, находящихся без работы более длительное время, представления о будущем расплывчаты и менее определены. Об этом говорят ответы испытуемых. Так, в группе, испытуемые которой находятся без работы более шести месяцев, данную методику отказались заполнить 11 человек из 20, а в группе, испытуемые которой потеряли работу менее трех месяцев назад – лишь 6 человек из 20. Полученные ответы можно объединить в следующие категории: 1) семья; 2) материальная обеспеченность; 3) интересная работа (любимое дело); 4) карьера (перспективная работа); 5) другие материальные ценности (недвижимость, машины и др.); 6) абстрактное (душевная гармония, счастье, положительные эмоции); 7) саморазвитие. Важно отметить, что, находясь без работы более длительное время, испытуемые чаще отмечали в своих мини-сочинениях именно перспективную работу, карьерный рост, высокооплачиваемую работу. А испытуемые, находящиеся без работы менее длительный срок, чаще указывали именно интересную работу, любимую работу. Также респонденты, уволенные более шести месяцев назад, писали в своих ответах о будущей материально-обеспеченной жизни. Полученные результаты при помощи данной методики только подтвердили результаты методики СЖО о том, что с увеличением срока безработицы снижается осмысленность жизни человека, его будущего, отмечается слабость целеполагания; помимо этого, находясь без работы более

длительный срок, испытуемые в большей степени ориентированы на профессиональные ценности, и ориентированы на них именно как на средства, которые обеспечат, в первую очередь, материально.

Подводя итог, можно констатировать, что смысловая сфера людей, оказавшихся в ситуации безработицы, имеет определенные особенности. Потеряв работу, у большинства испытуемых отмечается десинхронизация временных локусов смысла, притом, что психологический механизм синхронизации личностных смыслов является необходимым условием и одновременно показателем личностного развития человека. У безработных ниже общая осмысленность жизни, чем у работающего человека, а также, отмечается значимое снижение осмысленности настоящего, прошлого и будущего. Причем, с увеличением срока безработицы, уменьшается общая осмысленности жизни и осмысленность будущего. Полученные данные говорят о слабости целеполагания и снижении потенциала к развитию личности. Таким образом, оказавшись в ситуации безработицы, человек в большей степени ориентирован на то, чтобы адаптироваться в новой ситуации, возможно, исправить ее, ориентируясь на ценности-средства.

Литература

1. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б. Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 448 с.
2. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый; науч. ред. М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
3. Салихова, Н. Р. Реализуемость личностных ценностей в условиях жизненного кризиса [Текст] / Н. Р. Салихова // Психологический журнал, 2009. – № 1. – С. 44–51.
4. Сорочайкина, Е. В. Ценностные ориентации кыргызстанцев в условиях перехода к рыночной экономике. Вызовы современности и философия: материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО / Е. В. Сорочайкина, под общ. ред. И. И. Ивановой. – Кыргызско-Российский Славянский университет. – Бишкек, 2004. – С. 127 – 134 [Электронный ресурс]: URL: http://anthropology.ru/ru/texts/sorochaikina/modphil02_17.html.

УДК 159.9736316.624

РАННЯЯ ПСИХОКОРРЕКЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО НЕДОРАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ КАК ОСНОВНОЙ АСПЕКТ УСПЕШНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ М. Ф. Симкин, Е. М. Симкина

EARLY CORRECTIONAL PSYCHOLOGICAL WORK INTELLECTUAL UNDERDEVELOPMENT AT CHILDREN, AS THE BASIC ASPECT OF SUCCESSFUL PREVENTIVE MAINTENANCE OF A DEVIATING BEHAVIOUR M. F. Simkin, E. M. Simkina

Статья посвящена актуальной проблеме ранней диагностики нарушений интеллектуальной деятельности и возможности более ранней психокоррекционной работе как определяющего аспекта для успешной адаптации в обществе воспитанников специальных коррекционных образовательных учреждений.

Clause is devoted to an actual problem of early diagnostics of infringements of intellectual activity and an opportunity of earlier correctional psychological work, as defining aspect for successful adaptation in a society of pupils of special correctional educational establishments.

Ключевые слова: нарушения интеллекта, ранняя диагностика, психокоррекционная работа, адаптация, отклоняющееся поведение.

Keywords: infringements of intelligence, early diagnostics, correctional psychological work, the adaptation, a deviating behaviour.

Эффективность профилактики отклоняющегося (аномального, трудного) поведения, социальной дезадаптации детей в значительной мере зависит от своевременного выявления и уточнения характера нарушений интеллектуальной деятельности ребенка. Нарушения интеллектуальной сферы у детей отличаются широким полиморфизмом проявлений и представляют чрезвычайно сложную и разнородную группу как по степени тяжести, так и по структуре интеллектуального дефекта. В эту группу входят дети – олигофрены с различной степенью умственного недоразвития; дети с задержкой психического развития, недостаточность интеллектуальной деятельности которых характеризуется многообразием форм и парциальностью нарушений; дети с локаль-

ной патологией различных мозговых структур и систем [2].

Исследования данного контингента детей с целью ранней диагностики этих состояний имеет большое значение для своевременного и правильного решения вопросов психолого-медико-педагогической коррекции. Практика работы психологов подтверждает взаимосвязь между фактором времени и эффективностью психокоррекционных мероприятий: т. е. чем раньше начинается осуществление специального психолого-медико-педагогического воздействия, тем полноценнее компенсация имеющихся у детей дефектов [5].

Специальные коррекционные детские образовательные учреждения Кемеровской области, в которых дети, отстающие в развитии, наблюдаются ква-

лифицированными специалистами в течение длительного времени и даже подвергаются направленному коррекционному воздействию, к сожалению, имеются в очень незначительном количестве и в основном предназначены для детей с выраженными формами интеллектуальных нарушений. В настоящее время они не могут решить проблему ранней диагностики и отбора детей в больших масштабах.

Многолетний опыт работы психологов и дефектологов по воспитанию и обучению детей с интеллектуальной неполноценностью убедительно доказывает, что даже при выраженных интеллектуальных нарушениях (дебильность) своевременное направление детей в коррекционные образовательные учреждения VIII вида позволяет достичь определенного уровня социальной адаптации. В дальнейшем происходит их социализация и интеграция в обществе посредством доступных форм трудовой деятельности.

В Кемеровской области существует четко организованная система психолого-медико-педагогической помощи детям с различными видами интеллектуальных нарушений. Расширяют сферу деятельности и совершенствуют формы своей работы психолого-медико-педагогические консультации. Однако деятельность их в основном направлена на исследование детей школьного возраста, у которых обнаружена стойкая неуспеваемость в средней общеобразовательной школе и этим привлекая внимание специалистов. После соответствующего исследования, эти дети подлежат переводу в специальные коррекционные школы. Попытка перевода детей из массовой общеобразовательной школы в коррекционную школу VIII вида в большинстве случаев вызывает резко негативное отношение родителей, вследствие чего довольно значительное количество детей с выраженными нарушениями интеллектуальной деятельности продолжают обучаться в массовой общеобразовательной школе, пополняя контингент второгодников или учащихся, неоправданно «перетягиваемых» из класса в класс.

Значительную часть стойко неуспевающих составляют дети с более легкими нарушениями познавательной деятельности. Многочисленные исследования показывают, что они в дальнейшем попадают в категорию «трудных» детей или детей с асоциальным, делинквентным поведением.

Нами были изучены и проанализированы причины неуспеваемости, обусловленные различными факторами (органические изменения структур головного мозга, соматическая ослабленность организма, социальная депривация, педагогическая запущенность и т. д.), сделан вывод о том, что каждый случай требует специфических мер коррекции. Наиболее актуальной и общезначимой задачей, в особенности при наличии признаков органической недостаточности головного мозга, является, возможно, более ранняя дифференциальная диагностика нарушений интеллектуальной деятельности, правильное прогнозирование потенциальных возможностей ребенка и уровня компенсации поведения, что предопределяет выбор соответствующего типа школы.

Работами отечественных психологов показаны, что становление личности ребенка происходит в процессе деятельности. Ведущей для школьника деятельностью, формирующей у него иерархическую систему мотивов, потребностей, определяющих в итоге направленность личности, является учебная деятельность, структурирование которой происходит поэтапно [1]. Для детей, достигших 7-летнего возраста, характерно выраженное стремление «пойти в школу» – потребность, формируемая социальными условиями воспитания, а не биологическим созреванием. В преддверии школы ребенок постоянно находится в ситуации подготовки к учебной деятельности, привлекающей своей новизной и неизведанностью: родители покупают ему форму, школьные принадлежности, рассказывают о предстоящей учебе, вызывая у ребенка состояние радостно-тревожного ожидания. Такое стремление у детей к школе психологи называют позитивным, т. к. в нем отражена, главным образом, потребность в новом социальном статусе. По мере удовлетворения этой потребности и адаптации к новой обстановке у ребенка формируется иная, доминирующая над другими, потребность в одобрении своей деятельности и личности учителем, который, как известно, в этот период жизни является для ребенка одним из самых авторитетных лиц.

Таким образом, не только и не столько познавательный интерес, а потребность в положительной оценке своих качеств учителем стимулируют учебную деятельность на этом этапе. Позже, по мере приобретения навыков в новых видах интеллектуальной деятельности у ребенка появляется удовлетворение самой этой деятельностью, порождающей потребность в совершенствовании своих умственных действий, в положении все более усложняющейся информации, т.е. потребность в собственно учебной, социальной и трудовой деятельности. Именно в самом процессе учения происходит трансформация позиционной потребности в познавательную, на основе которой формируются духовные потребности человека, усваиваются социальные нормы и формируются мотивация и положительное отношение к трудовой деятельности. Следовательно, усвоение школьной программы вызывает у учащихся новые духовные запросы (интерес к искусству, литературе, общению и т. д.), а также потребность признания своего «Я».

Однако такой переход возможен лишь при условии удовлетворенности ребенка результатами собственной деятельности, т. е. если эта деятельность успешна, в противном случае, происходит лишь насыщение позиционной потребности без последующего появления собственно учебных интересов, что формирует отрицательное отношение ребенка к учебе, часто выражающееся в негативных поведенческих актах и поступках. Такие явления характерны для детей с интеллектуальными нарушениями и могут иногда использоваться в качестве первичного ориентировочного диагностического критерия.

Формирование учебной деятельности у детей с нарушениями интеллекта на ранних этапах проходит те же стадии, которые отмечаются у нормаль-

ных сверстников. Однако неуспешность в новом виде деятельности препятствует формированию учебных интересов и нарушает всю иерархическую систему потребностей. Вследствие этого, у детей с нарушениями интеллекта страдает процесс становления высших духовных потребностей и интересов, вместо которых формируются низменные, асоциальные склонности (жестокость, примитивные агрессивные действия, пустое времяпрепровождение, склонность к аддикциям и т. п.) [4]. Психологический анализ подобных случаев свидетельствует об оскудении познавательных склонностей и интересов, что нередко приводит к неправильному формированию направленности личности и, как следствие, к отклоняющемуся, асоциальному поведению. Проведенное нами исследование не подтверждает непосредственной зависимости интенсивности формирования отрицательной направленности личности от степени и характера органических изменений структур головного мозга. Незначительное поражение ЦНС само по себе не может служить причиной стойкой неуспеваемости. Главным фактором её формирования является отсутствие удовлетворения новой (ведущей для ребенка) деятельностью, обусловленное ситуацией постоянного неуспеха и способствующие формированию искаженной системы потребностей и степенью неуспеваемости.

Неуспеваемость в этом случае является производной многих факторов: патологии головного мозга, искаженной системой потребностей, педагогической запущенности, причем, чем старше школьник, тем с большей очевидностью проявляется эта зависимость. Поэтому работа с отстающими учениками является сложным и трудоемким процессом, требующим поисков адекватных коррекционных мероприятий для каждого из указанных факторов. Гораздо целесообразнее и эффективнее окажется работа по предупреждению первых школьных неудач, устранению или компенсации факторов, их вызывающих, чем изменение стойкой, уже сложившейся системы потребностей и направлений личности. Это возможно лишь при наличии адекватных методов ранней диагностики интеллектуальных нарушений в период преддошкольных диспансеризаций с тем, чтобы еще до начала обучения рекомендовать ребенку школу, соответствующей степени выявленной у него патологии.

Рядом исследователей (А. Н. Леонтьев; Л. И. Божович; А. В. Запорожец и др.) были выделены критерии психологической готовности ребенка к школьному обучению (произвольность психических процессов, определенный уровень развития работоспособности, словесно-логического мышления и запоминания и др.) Существующие методики патопсихологии дают возможность относительно адекватно моделировать эти психические процессы, что, в свою очередь, позволяют получить представление о структурном своеобразии имеющихся у ребенка нарушений интеллектуальной деятельности и сравнить по-

лученные данные со структурой мыслительной деятельности психически полноценного ребенка [3].

Анализ катamnестических сведений учащихся специальных коррекционных образовательных учреждений города Кемерово подтверждает первоначальные прогнозы о трудностях в усвоении этими детьми программы массовой общеобразовательной школы. Своевременное и адекватное распределение этих детей по школам, соответствующим их дефектам, может послужить профилактикой их неуспеваемости, уменьшая тем самым вероятность формирования искаженной системы потребностей и соответственно направленности личности, асоциальных установок, пагубных зависимостей.

Таким образом, существуют организационные формы (диспансеризация детей), теоретические и методические возможности для исследования интеллектуальных особенностей детей еще в преддверии школы и правильного определения коррекционных мероприятий, направленных на устранение или компенсацию выявленных нарушений. Поскольку своевременный перевод ребенка с интеллектуальной недостаточностью в специальную школу или специальный класс дает ему возможность почувствовать себя равным среди равных. В привычной ситуации его поведение вполне адекватно. Он аккуратен и послушен. С учебной программой, предусмотренной коррекционной школой, успешно справляется. Тетради и книги содержит в чистоте. Принимает участие в классных, а потом и в школьных мероприятиях. С увлечением работает в мастерской. Прогноз его развития и социальной адаптации благополучен. Он вполне приемлем для окружающих, у него формируется адекватное восприятие социальных норм, эмоционально положительное отношение к трудовой деятельности, что способствует успешной адаптации в обществе.

Литература

1. Выготский, Л. С. Психология / Л. С. Выготский. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. – 865 с.
2. Коробейников, И. А. О своеобразии эксперимента в патопсихологии / И. А. Коробейников, С. Я. Рубинштейн // Психология и медицина (материалы к симпозиуму). – М., 1978. – С. 40.
3. Кравцов, Г. Г. Шестилетний ребенок, психологическая готовность к школе / Г. Г. Кравцов, Е. Е. Кравцова. – М., 1987. – 118 с.
4. Морозова, Н. Г. Воспитание положительно-го отношения к учению у умственно отсталых детей / Н. Г. Морозова, Н. Г. Кравцова // Работа в подготовительных группах специальных дошкольных учреждений для детей с нарушениями интеллекта. – М., 1990. – 158 с.
5. Поперечная, Л. Н. Психологические и социальные проблемы ранней диагностики умственной отсталости / Л. Н. Поперечная, И. А. Коробейников // Экспериментальные исследования в патопсихологии. – М., 1976. – С. 56.

УДК 159.973:331.44

**ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦАМИ С НАРУШЕНИЕМ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ
С УЧЕТОМ ИХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ**

Е. М. Симкина

**ESTIMATION AND FORECASTING OPPORTUNITIES OF REALIZATION OF LABOUR ACTIVITY
BY PERSONS WITH INFRINGEMENT OF COGNITIVE SPHERE IN VIEW
OF THEM PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES**

Е. М. Simkina

В статье поднимается проблема возможности и доступности осуществления трудовой деятельности лицам с нарушением интеллектуального развития.

In article the problem of an opportunity and availability of realization of labour activity to persons with infringement of intellectual development rises.

Ключевые слова: нарушение познавательной сферы, трудовая деятельность, коррекционное обучение, психофизические возможности.

Keywords: infringement of cognitive sphere, labour activity, correctional training, psychophysical opportunities.

В свете реализации основной задачи специальных коррекционных образовательных учреждений VIII вида – подготовки учащихся к самостоятельной жизни и трудовой деятельности приобретает особую актуальность.

На протяжении всей истории организации коррекционной работы с детьми с нарушениями интеллектуального развития вопросы трудового воспитания и обучения этой категории учащихся привлекали внимание различных наук. Прежде всего рассматривалась роль труда как средства развития высших психических функций, личностных качеств и формирования навыков самообслуживания; особое внимание уделялось и уделяется разработке положений об использовании труда в обучении и воспитании интеллектуально неполноценных детей и подростков как средства коррекции их психического и физического развития [1; 2].

И наконец вопросы трудового обучения и воспитания учащихся коррекционных школ рассматриваются как социальная проблема, т. е. в плане задач социально-трудовой реабилитации, социализации и адаптации выпускников коррекционных образовательных учреждений VIII вида. Все эти направления представляют собой звенья единой цепи поиска наиболее эффективной подготовки аномального ребенка к жизни, формирования мотивации к доступным видам трудовой деятельности.

Сложность этой проблемы обуславливается множеством факторов, среди которых особо острым является усиливающийся разрыв, несоответствие между психологическим профилем профессий в современных общественно-экономических условиях и психологическим профилем личности выпускника специальной коррекционной школы VIII вида. Существенным осложнением следует считать и недостаточный уровень изучения профессиональных возможностей лиц с нарушением познавательной сферы в трудовой деятельности. Не решен также вопрос о содержании и методах формирования мотивации к трудовой деятельности и профессионального отбора в коррекционной школе VIII вида.

Акцентирование внимания в медицинских и психолого-педагогических науках на категории интеллектуально неполноценных детей было обусловлено первыми попытками коррекционного психологического воздействия на их развитие. Сравнительное изучение нормы и патологии позволило раскрыть закономерности психического развития нормального ребенка, познать природу и суть явления нарушения интеллектуального развития [4].

Практика работы с лицами, имеющими лёгкую интеллектуальную неполноценность, результат психофизиологического исследования их развития, данные анамнеза позволили теоретически обосновать оптимистическое и научно достоверное положение о включении интеллектуально неполноценных в жизнь общества через трудовую деятельность. В основе этого предположения заложены принципиально иные научно-теоретические и социальные аспекты, которые коренным образом влияют на определение содержания, целей и задач трудового обучения и воспитания учащихся специальных коррекционных школ VIII вида.

Задачи трудового обучения во вспомогательной школе четко определил Г. М. Дульнев:

1. «Общесоциальной задачей трудового обучения во вспомогательной школе является подготовка учащихся к участию в производительном труде в составе обычных коллективов трудящихся советского общества.

2. Специальная, коррекционно-развивающая задача трудового обучения во вспомогательной школе заключается в активном использовании процесса трудового обучения для исправления существенных недостатков познавательных процессов и воспитания положительных качеств личности ученика, облегчающих его включение в трудовые отношения людей в обычном коллективе трудящихся» [3].

Таким образом, трудовое обучение и воспитание детей с нарушением интеллекта в коррекционных школах должно обеспечить коррекционно-развивающее влияние на учащихся, способствующее формированию положительных личностных качеств и профессиональных умений. Результатив-

ность решения этих задач находится в зависимости от определения, в частности, содержания трудового обучения и профессиональной подготовки.

Под умственной отсталостью понимается такое психическое развитие ребенка, при котором наблюдается стойко выраженное нарушение познавательной деятельности в результате органического повреждения головного мозга [4].

Понимая это явление как необратимое, психологи и олигофренопедагоги, опираясь на учение Павлова о необычайной пластичности коры больших полушарий головного мозга, разработали теорию коррекционно-развивающего обучения и воспитания интеллектуально неполноценных детей, исследовали особенности их психического развития [1].

Указанные исследования несколько ограничены в возрастном отношении – лучше всего изучены дети с нарушением познавательной сферы младшего школьного возраста; в отношении силы выраженности дефекта более полно и разносторонне исследована психика лиц с легкой степенью интеллектуального нарушения (дебиллов); в исследованиях больше внимания уделяется изучению познавательной деятельности, чем особенностей личности. Кроме того, все исследования в основном направлены на выявление отклонений в развитии учащихся коррекционных школ VIII вида, на определение путей коррекции и преодоления отклонений в развитии через специально организованный процесс обучения и воспитания; при этом вопросы формирования мотивации к трудовой деятельности, раскрытия профессионально-трудовых возможностей интеллектуально неполноценных затрагиваются лишь косвенно.

На современном этапе развития специальной психологии экспериментально раскрыта и теоретически обоснована материальная основа своеобразия психики ребенка с отклонениями в интеллектуальном развитии.

При специально организованном изучении особенностей высшей нервной деятельности детей с нарушением интеллектуального развития было установлено, что органическое повреждение головного мозга при умственной отсталости (олигофрении) является материальной основой изменения свойств нервной системы этой категории детей. Результаты этих исследований, проведенных под руководством профессора А. Р. Лурия, раскрыли суть особенностей высшей нервной деятельности умственно отсталых детей, которые заключаются прежде всего в слабости замыкательной функции коры головного мозга. Поэтому у этих детей значительно медленнее, чем у нормальных, формируются условные связи; они непрочные, легко угасают, слабо видоизменяются, уточняются (имеет место затрудненность дифференцировки условных связей) [9].

Под влиянием различных повреждений головного мозга изменяется функциональное состояние коры головного мозга, что проявляется в ослаблении процессов возбуждения и активного внутреннего торможения, их инертности, а также в общем снижении работоспособности нервных клеток, в результате чего происходят резкие колебания умственной работоспособности, эмоциональных реак-

ций. Особенностью высшей нервной деятельности лиц с нарушением интеллекта является также нарушение взаимодействия первой и второй сигнальных систем, обусловленное недоразвитием второй сигнальной системы [5; 6].

На общем фоне нарушений высшей нервной деятельности лиц с нарушением интеллекта наиболее выражены недостаточная подвижность нервных процессов, их инертность, что в сочетании с другими, сопутствующими расстройствами обуславливает общее нарушение познавательных процессов в виде качественного понижения их уровня.

Однако результаты исследований неврологического, патофизиологического, психологического направлений указывают на возможность коррекционного воздействия на развитие интеллектуально неполноценного в процессе учебной и трудовой деятельности. Значительное количество научных работ посвящено изысканию путей, наиболее эффективных условий осуществления коррекционно-развивающего воздействия на личность учащегося специальной коррекционной школы VIII вида, определению типичных форм проявления дефекта личности [9].

Исходя из данных об особенностях высшей нервной деятельности, даны типологические классификации умственно отсталых детей. Так, М. С. Певзнер предложила типологию дефектных состояний у олигофренов, изучая эту категорию интеллектуально неполноценных в условиях психологического эксперимента [8]. В результате изучения трудовой деятельности лиц с нарушением познавательной сферы Д. Е. Мелеховым были выделены и предложены для практики социальной адаптации 4 типа дефектов при резидуальных состояниях олигофрении: с уравновешенной эмоционально-волевой сферой; с неуравновешенной эмоционально-волевой сферой; с церебрастеническим синдромом; тип дефекта с сопутствующими очаговыми нарушениями (параличами, афазиями, слепотой, глухотой и т. д.), которые наблюдаются в резидуальных стадиях перенесенных заболеваний и делают прогноз трудоспособности особенно тяжелым [7]. Делаются попытки установить определенные периоды наиболее выраженных сдвигов в развитии интеллектуально неполноценных школьников. Так, М. С. Певзнер и В. И. Лубовский считают, что овладение общепрактическими и трудовыми навыками подростками с нарушением интеллекта является наиболее характерной особенностью обучения и воспитания в коррекционных школах [6; 8].

Исходя из данных можно сделать вывод о том, что у детей с нарушением познавательной сферы вследствие патологических отклонений в развитии трудовая мотивация и, как следствие, трудовая дееспособность в значительно большей мере, чем у сверстников с нормальным интеллектом, предопределяется особенностями высшей нервной деятельности, данные о которых могут быть использованы в качестве существенных показателей при определении профессиональной пригодности учащихся коррекционных школ, осуществлении деятельности

по формированию мотивации к трудовой деятельности и осуществлению профессионального отбора.

Особое значение учета особенностей высшей нервной деятельности лиц с нарушением интеллекта, при прогнозировании трудовой дееспособности учащихся коррекционных школ должно совершенно игнорироваться влияние воспитания, учения и труда на формирование профессиональных способностей, необходимых личностных качеств.

Однако своеобразие умственного развития, а иногда и нарушение физического развития у учащихся коррекционных школ VIII вида «...не позволяют ставить вопрос о свободном выборе профессии самим учеником, как это делается в общеобразовательной школе. Коррекционные школы стоят всегда перед необходимостью тщательного отбора наиболее доступных для учащихся специальностей...» [3].

Многолетний опыт работы отечественных и зарубежных специальных коррекционных школ свидетельствует о том, что, в силу своих психофизиологических особенностей, дети с нарушением интеллекта могут овладеть и успешно, производительно трудиться только в определенном, значительно ограниченном круге профессий.

Литература

1. Гонеев, А. Д. Основы коррекционной педагогики / А. Д. Гонеев. – М.: Академия, 2004.

2. Гордеева, А. В. Реабилитационная педагогика / А. В. Гордеева. – М.: Академический проект, 2005.

3. Дульнев, Г. М. Система трудового обучения учащихся вспомогательных школ / Г. М. Дульнев. – М.: Просвещение, 1988.

4. Замский, Х. С. Умственно отсталые дети / Х. С. Замский. – М.: Образование, 1995. – 185 с.

5. Лебединский, В. В. Нарушение психического развития у детей / В. В. Лебединский. – М.: МГУ, 1985.

6. Лубовский, В. И. Психологические проблемы диагностики аномального развития детей / В. И. Лебединский. – М.: Педагогика, 1999.

7. Ляпидевский, С. С. Клиника олигофрении / С. С. Ляпидевский. – М.: Педагогика, 1998.

8. Мелехов, Д. Е. Вопросы систематизации олигофрении в свете задач социально-трудовой адаптации больных / Д. Е. Мелехов. – М., 1980.

9. Певзнер, М. С. О детях с отклонениями в развитии / М. С. Певзнер, Т. А. Власова. – 2-е изд. – М., 1983.

10. Петрова, В. Г. Практическая и умственная деятельность детей-олигофренов / В. Г. Петров. – М.: Просвещение, 1988. – 155 с.

УДК 159.923:316.472.4

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТОЯННЫХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ САЙТА

WWW.VKONTAKTE.RU

Е. Ю. Сирота

PERSONAL PECULIARITIES OF REGULAR VISITORS OF THE SITE WWW.VKONTAKTE.RU

E. J. Sirota

В статье рассмотрены особенности общения в социальных сетях и проблема Интернет-зависимости. А также изложены результаты исследования, посвященного изучению личностных черт постоянных посетителей сайта www.vkontakte.ru.

This article contains information about peculiarities of communication in the social internet recourses and the problem of internet addiction. Also there are results of study about personality traits of regular visitors www.vkontakne.ru

Ключевые слова: общение, социальная сеть, Интернет-зависимость, личностные особенности.

Keywords: communication, social networking, Internet addiction, personality traits.

Общение представляет сторону социального бытия человека, его способ жизни. Поэтому, когда мы изучаем образ жизни конкретного индивида, мы не можем ограничиться анализом только того, что и как он делает, мы должны исследовать также и то, с кем и как он общается, т. е. сферу, формы, способы общения.

Вне общения формирование личности невозможно. Именно в процессе общения с другими людьми ребенок усваивает общечеловеческий опыт, накапливает знания, овладевает умениями и навыками, формирует свое сознание и самосознание, вырабатывает убеждения, идеалы и т. п. Только в процессе общения у ребенка формируются духовные

потребности, нравственные и эстетические чувства, складывается его характер.

При психологическом подходе общение определяется как специфическая форма деятельности и как самостоятельный процесс взаимодействия, необходимый для реализации других видов деятельности личности. Психологический анализ общения раскрывает механизмы его осуществления. Общение выдвигается как важнейшая социальная потребность, без реализации которой замедляется, а иногда и прекращается формирование личности. Психологи относят потребность в общении к числу важнейших факторов, определяющих потребность в общении как следствие взаимодействия личности и социо-

культурной среды, причем последняя служит одновременно и источником формирования данной потребности.

На современном этапе развития общества общение между людьми перестало быть непосредственным и все чаще осуществляется посредством Internet ресурсов. Все больше и больше людей ежедневно пользуются услугами социальной сети. И опосредованная через экран монитора коммуникация уже не представляется чем-то необычным, а является совершенно нормальной формой общения.

Можно выделить некоторые особенности общения через Internet [1]:

1. Анонимность. Несмотря на то, что иногда возможно получить некоторые сведения анкетного характера и даже фотографию собеседника, они недостаточны для реального и адекватного восприятия личности. Кроме того, наблюдается укрывание или презентация ложных сведений.

Вследствие подобной анонимности и безнаказанности, в сети проявляется и другая особенность, связанная со снижением психологического и социального риска в процессе общения – аффективная раскрепощенность, ненормативность и некоторая безответственность участников общения.

Человек в сети может проявлять и проявляет большую свободу высказываний и поступков (вплоть до оскорблений, нецензурных выражений, сексуальных домогательств), так как риск разоблачения и личной отрицательной оценки окружающими минимален.

2. Своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации. Как правило, сильное влияние на представление о собеседнике имеют механизмы стереотипизации и идентификации, а также установка как ожидание желаемых качеств в партнере.

3. Добровольность и желательность контактов. Пользователь добровольно завязывает контакты или уходит от них, а также может прервать их в любой момент.

4. Затрудненность эмоционального компонента общения и в то же время стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами (в скобках после основного текста послания).

5. Стремление к нетипичному, ненормативному поведению. Зачастую пользователи презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы, проигрывают нереализуемые в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного поведения.

Причиной обращения к Internet как инструменту общения может быть:

1. Недостаточное насыщение общением в реальных контактах. В подобных случаях пользователи быстро теряют интерес к Internet-общению, если появляются возможности для удовлетворения соответствующих потребностей в реальной жизни.

2. Возможность реализации качеств личности, проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни. Подобная возможность обусловлена вышеперечисленными особенностями общения посредством сети – анонимностью, жесткой нормативностью, своеобразием процесса восприятия человека человеком.

В отличие от реальных партнеров по общению, обитатели социальных сетей практически полностью лишены вспомогательных (паралингвистических) средств: тембра речи, акцентирования части высказывания, эмоциональной окраски, тембра голоса, его силы, дикции, жестов и мимики. Отсюда надежность речевого общения становится крайне низкой, ведь, по мнению психологов, при обычной коммуникации в акте общения невербальная коммуникация определяет до 55 % результата.

Столь глобальная нехватка не могла не быть определенным образом компенсирована. В первую очередь, был определенным образом возмещен «эмоциональный дефицит» путем введения в виртуальный дискурс суррогатных, частично типизированных эмоциональных реакций – «смайликов» (от английского «smile» – «улыбка»:-), :*), %), 8 - (и так далее), которые получили чрезвычайно широкое распространение.

Несмотря на это, физическое отсутствие участников коммуникации в акте коммуникации приводит к тому, что чувства можно не только выражать, но и скрывать, равно как и можно выражать чувства, которые человек в данный момент не испытывает. Поэтому «в Internet легче вести серьезный разговор»; «в Internet люди реже обижаются, потому что там это бессмысленно – все равно не видно, как ты обижаешься»; «в Internet можно общаться с непривлекательными (внешне) людьми, и их уродливость не мешает общению»; «в Internet можно говорить на равных с человеком значительно старше тебя, и это не мешает общению, хотя ты знаешь, что он старше» (приведены цитаты из бесед с пользователями Internet – подростками). То есть, в Internet в результате физической непредставленности партнеров по коммуникации друг другу теряет свое значение целый ряд барьеров общения, обусловленных такими характеристиками партнеров по коммуникации, которые выражены в их внешнем облике: их полом, возрастом, социальным статусом, внешней привлекательностью или непривлекательностью [2], а также коммуникативной компетентностью человека, а точнее, невербальной частью коммуникативной компетентности.

Другое важное следствие физической непредставленности человека в текстовой коммуникации – возможность создавать о себе любое впечатление по своему выбору. «В виртуальной среде вы вообще можете быть кем хотите, выглядеть как угодно, быть существом любого пола по выбору, словом, у вас нет ограничений характерных для материального мира» [3]. Келли также приводит поговорку: «В Internete никто не знает, что вы – собака». Аноним-

ность общения в Internet обогащает возможности самопрезентации человека, предоставляя ему возможность не просто создавать о себе впечатление по своему выбору, но и быть тем, кем он захочет. То есть особенности коммуникации в Internet позволяют человеку конструировать свою идентичность по своему выбору.

Кроме того, от практикующих психиатров все чаще поступают данные об увеличении количества пациентов, основные жалобы которых связаны с влиянием Интернета. «Интернет-зависимость» – это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями. Основные пять типов, которые были выделены в процессе исследования, характеризуются следующим образом:

1. Киберсексуальная зависимость – непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом.

2. Пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в Сети.

3. Навязчивая потребность в Сети – игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах.

4. Информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг) – бесконечные путешествия по Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам.

5. Компьютерная зависимость – навязчивая игра в компьютерные игры (стрелялки – Doom, Quake, Unreal и др., стратегии типа Star Craft, квесты)

Качественный анализ показал, что главенствующим фактором, благодаря которому все эти явления получили широкое распространение, является анонимность личности в Сети. Особенно анонимность увязана с четырьмя главными расстройствами.

Виртуальный мир, в котором человек чувствует себя намного комфортней, чем в реальной жизни, создает угрозу для успешности реальной жизни. В подобных случаях используется персональная психотерапия, целью которой является уменьшение желания сбежать из реального мира.

Интерактивные компоненты сети облегчают создание кибер-зависимости, которая негативно влияет на внутрисемейные отношения и стабильность семьи как таковой, что, в первую очередь, ведет к отдалению людей в реальной жизни и к разводу. В этом случае применяется индивидуальная и семейная терапия, в процессе которой супруги работают вместе над примирением и воссозданием семьи после измен в сети.

Возможность создания альтернативных он-лайн персонажей, в зависимости от настроения и желания самого пользователя, что создает возможность уйти от реального мира с его эмоциональными проблемами (например стресс, депрессия, беспокойство), или же от простых жизненных сложностей (обилие работы, проблемы в учебе, внезапная безработица, расстройства в семье). Мгновенное бегство в фантастический мир Интернет служит поддержкой для привыкания, за которым следует ухудшение на-

строения и психологические разногласия, которые лечатся психотерапией и, в случае необходимости, фармакологическим вмешательством.

Модель ACE (Accessibility, Control, and Excitement) [4], разработанная доктором Кимберли Янг в 1999 году, объясняет как доступность, контроль и возбуждение играют главные роли в развитии интернет-зависимости. Согласно модели, влечение к Интернету развивается благодаря трем главным факторам:

– доступность информации, интерактивных зон и порнографических изображений;

– персональный контроль и анонимность передаваемой информации;

– внутренние чувства, которые на подсознательном уровне устанавливают больший уровень доверия к общению в он-лайн.

Постановка правильного диагноза зачастую осложняется тем, что пока не существует официально утвержденных критериев для определения степени привязанности к Интернету, тем не менее уже создана система критериев, представленная в четвертом издании книги Американской психиатрической ассоциации под названием «Диагностический и статистический справочник по психическим расстройствам». Из всех диагнозов, описанных в этой книге, как наиболее близкую модель можно использовать «патологическое влечение к азартным играм». Если следовать этой модели, то привыкание к Интернету можно определить как расстройство волевого контроля, не вызванное химическими веществами. Для наглядности доктор Янг в 1996 году разработала краткий тест, с помощью которого можно определить степень зависимости от Интернета.

Несмотря на то, что Интернет является идеальным исследовательским инструментом, у студентов появляются проблемы с учебой потому, что они посещают не относящиеся делу сайты, часами болтают в чатах, беседуют с знакомыми и играют в интерактивные игры вместо занятий. У них появляются проблемы с выполнением домашних заданий, подготовке к экзаменам. Очень часто они не могут сами контролировать время, проведенное в Сети, и поэтому не высыпаются после ночей, проведенных в Интернете.

Браки, отношения между родителями и детьми и близкая дружба также становятся жертвами Интернета. Время, проведенное с реальными людьми, зачастую становится меньше времени, проведенного в обществе компьютера. Вначале зависимость проявляется в том, что вместо занятий такими обычными делами, как стирка, подстригание газона или посещение магазинов, люди сидят перед компьютером. Эти повседневные заботы игнорируются точно так же, как и забота о детях. Например, одна мать забыла забрать ребенка из школы после окончания занятий, приготовить ему обед и уложить его спать из-за того, что все ее время было занято Интернетом.

Вследствие обозначенных выше фактов для нас стала интересна проблема изучения социально-

психологических особенностей людей, предпочитающих новый вид коммуникации (с помощью Internet) в наш век информационных технологий, когда ни одна сфера деятельности не может обойтись без сбора и анализа информации, в том числе и через глобальную сеть.

Особенно часто с помощью Internet ресурсов общаются подростки и студенты, именно поэтому в нашем исследовании приняли участие 30 человек, которые посещают сайт www.vkontakte.ru чаще, чем один раз в день: 18 девушек в возрасте от 20 до 25 лет и 12 юношей в возрасте от 21 до 25.

В исследовании были использованы следующие методы и методики:

1. Тест на акцентуации характера К. Леонгарда.
2. Тест на определение уровня Internet-зависимости К. Янг [4].
3. Цветовой тест Люшера.

По ходу исследования для нас стало очевидным, что посетители сайта В контакте действительно обладают схожими чертами.

Для всех опрошенных характерно позитивное отношение к окружающей действительности. Они способны восторгаться, восхищаться окружающей действительностью, для них характерны улыбчивость, ощущение счастья, радости, наслаждения. Эти чувства у них могут часто возникать по причине, которая у других не вызывает большого подъема, они легко приходят в восторг от радостных событий и в полное отчаяние – от печальных. Им свойственна высокая контактность, словоохотливость, влюбчивость.

Кроме того, большинство «Вконтактчиков» характеризует повышенная способность к демонстративности поведения, живости, подвижности, легкости в установлении контактов. Они склонны к фантазерству, лживости и притворству, направленным на приукрашивание своей персоны, к авантюризму, артистизму, позерству.

При этом маловыраженными их чертами являются педантичность, т. е. ригидность, инертность психических процессов, тяжесть на подъем, долгое переживанием травмирующих событий и тревожность, т. е. низкая контактность, минорное настроение, робость, пугливость, неуверенность в себе.

Методика Люшера выявила, что они легко преодолевают трудности и длительные стрессы.

Internet-аддикция у постоянных посетителей сайта www.vkontakte.ru практически не выражена.

Безусловно, проведенное нами исследование лишь может положить начало более глубокого изучения данной проблемы. Однако нами обозначены те места, в которых дальнейшее изучение постоянных посетителей социальных сетей возможно.

Литература

1. Войскунский, А. С. Общение, опосредованное компьютером / А. С. Воскуновский: дис.... канд. психол. наук. – М., 1990.
2. Kelly, P. Human Identity Part 1: Who are you? / Netropolitan life/E-lecture from the university course about the net. – 1997 // URL: <http://www-home.calumet.yorku.ca/pkelly/www/id1.htm>.
3. Reid, E. Cultural Formations in Text-Based Virtual Realities / A thesis submitted in fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Cultural Studies Program. Department of English. University of Melbourne. – January, 1994 // URL: <http://fun91.kivikko.hoas.fi/~donwulff/irc/cult-form.html>.
4. Young, Kimberly S. What makes the Internet Addictive: potential explanations for pathological Internet use / Paper presented at the 105th annual conference of the American Psychological Association. – Chicago. – 1997. – August. – IL // URL: <http://www.pscw.uva.nl/sociosite/psyberspace.html>.

СВЯЗЬ СВОЙСТВ ТЕМПЕРАМЕНТА С ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СТИЛЕМ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Е. В. Сухотина, Н. Р. Хакимова

RELATION OF PROPERTIES OF TEMPERAMENT WITH INDIVIDUAL STYLE EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS

E. V. Sukhotina, H. R. Khakimova

По результатам эмпирического исследования описаны индивидуальные стили учебной деятельности студентов в зависимости от сочетания свойств темперамента, особенностей саморегуляции и мотивов их обучения.

By results of empirical research individual styles of educational activity of students depending on a combination of properties of temperament, features of self-control and motives of their training are described.

Ключевые слова: учебная деятельность студентов, индивидуальный стиль деятельности, свойства темперамента, саморегуляция, мотивация обучения в вузе.

Keywords: educational activity of students, individual style of activity, property of temperament, self-control, motivation of training in high school.

Проблематика индивидуального стиля принадлежит к числу тех областей психологии, основной вклад в развитие которых был внесен отечественными исследованиями. Зародилась и наиболее интенсивно разрабатывалась пермской психологической школой, начиная с 1950 года. Сюда относятся исследования доктора психологических наук Е. А. Климова, его работа «Индивидуальный стиль деятельности», в которой он рассматривает зависимость стиля деятельности от типологических свойств нервной системы. А также работы В. С. Мерлина, в которых описывается структура, функции индивидуального стиля деятельности. До сих пор остается открытым вопрос о влиянии особенностей темперамента на индивидуальный стиль учебной деятельности студентов. Несмотря на то, что данная тема рассматривается многими авторами, ее нельзя назвать полностью изученной.

Актуальность нашего исследования обусловлена важностью выявления особенностей связи темпераментных свойств и индивидуального стиля учебной деятельности студентов с целью последующей оптимизации этой деятельности.

В отечественных исследованиях индивидуальный стиль деятельности описывают через совокупность приемов и способов деятельности, выделяя их ориентировочные контрольные и исполнительные составляющие [7].

В большинстве психологических исследований стиль деятельности изучается в связи с типологическими особенностями проявления свойств нервной системы. Во многих работах показано, что склонность к тому или иному стилю деятельности определяется отдельными типологическими особенностями и их сочетанием. Именно типологически обусловленная склонность к тому или иному способу осуществления деятельности является первым толчком к стихийному формированию стиля [3; 6].

Е. А. Климов дает два определения индивидуального стиля деятельности:

- в узком смысле слова это есть «обусловленная типологическими особенностями устойчивая

система способов, которая складывается у человека, стремящегося к наилучшему осуществлению данной деятельности»;

- в широком смысле – «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности» [3].

В. С. Мерлин и Е. А. Климов под индивидуальным стилем деятельности понимают не отдельные элементы деятельности, а их определенное сочетание (система приемов и способов деятельности); стиль обусловлен, индивидуальными особенностями субъекта.

Студенческий возраст – это период активного формирования индивидуального стиля деятельности. Индивидуальный стиль учения:

- это разновидность учебной деятельности, используемая в какой-либо типичной учебной ситуации и отличающаяся от других разновидностей своими чертами;
- индивидуальные особенности учебной деятельности.

Д. Б. Эльконин выделил компоненты учебной деятельности. К ним он отнес: мотивацию, учебную задачу, учебные операции, контроль, самоконтроль и саморегуляцию, оценку [5].

Стиль учебной деятельности студента зависит от уровня его регулярности, систематичности в учебной деятельности.

Индивидуальный стиль учебной деятельности студентов формируется посредством саморегуляции и самовоспитания. Саморегуляция осуществляется как единый процесс, обеспечивая мобилизацию и интеграцию психологических особенностей человека для достижения целей деятельности и поведения. Процесс саморегуляции способствует выработке гармоничного поведения, на его основе развивается способность управлять собой сообразно реализации поставленной цели, направлять свое поведение в со-

ответствии с требованиями жизни и профессиональными или учебными задачами [4; 5].

Большое значение на формирование индивидуального стиля учебной деятельности оказывают имеющиеся у студента мотивы. Высокая позитивная мотивация может играть роль компенсирующего фактора в случае недостаточно высоких способностей; однако в обратном направлении этот фактор не срабатывает – никакой высокий уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или низкую его выраженность, не может привести к значительным успехам в учебной деятельности [1]. На базе общей мотивации учебной деятельности (профессиональной, познавательной, прагматической, социально-общественной и лично-престижной) у студентов появляется определенное отношение к разным учебным предметам.

При формировании индивидуального стиля учебной деятельности необходимо учитывать свойства темперамента и сознательно и творчески относиться к выполняемой работе. Определенное сочетание свойств темперамента, проявляющихся в познавательных процессах, действиях и общении человека, определяют его индивидуальный стиль учебной деятельности. Он представляет собой систему зависящих от темперамента динамических особенностей деятельности, которая содержит приемы работы, типичные для данного человека. Человек выбирает такие приемы и способы выполнения действия, которые в наибольшей степени соответствуют его темпераменту. Наиболее соответствующие темпераменту приемы и способы действия зависят от обусловленных темпераментом часто совершенно произвольных и неподотчетных форм реагирования и особенностей движения. Индивидуальный стиль деятельности возникает только в том случае, если человек ищет наилучшие приемы и способы, помогающие ему достигнуть наиболее успешных результатов. Поэтому индивидуальный стиль наиболее отчетливо проявляется у лучших учеников, передовых рабочих, у спортсменов – мастеров [6].

Исходя из поставленных задач эмпирическое исследование было проведено с помощью опросников «Исследование психологической структуры темперамента» Б. Н. Смирнова [2] и «Изучение стиля саморегуляции» В. И. Моросановой, диагностирующего стилевые особенности саморегуляции в типичных учебных ситуациях; а также с помощью методики Т. И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе» и предложенной А. А. Реаном и В. А. Якуниным методики «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» (вариант № 2) [1].

Выборку составили 45 студентов 4 курса социально-психологического факультета, Кемеровского государственного университета.

Результаты исследования психологической структуры темперамента по опроснику Б. Н. Смирнова показали, что среди испытуемых значительно больше экстравертов (53,3 %), чем интровертов (17,8 %). Представленность таких свойств темперамента, как ригидность (31,1 %) и пластичность

(28,9 %), отличается незначимо. То же самое можно сказать про эмоциональное возбуждение (23,3 %) и эмоциональную устойчивость (26,8 %), они также различаются незначимо. Результаты по показателям медлительности (22,2 %) незначительно превышают результаты по показателям темпа реакции (17,8 %), но прослеживается явное преобладание пассивности (42,2 %) над активностью (8,9 %).

Результаты диагностики стилевых особенностей саморегуляции по методике В. И. Моросановой показали, что большей части студентов свойственно планирование своей деятельности: по шкале планирования высокий уровень у 46,6 % испытуемых, средний – у 15,6 % и низкий – у 35,5 % опрошенных. По шкале моделирования результаты не так однозначны: высокий уровень у 37,8 % испытуемых, средний у 26,7 % и низкий уровень по данной шкале – у 35,5 %. Для группы испытуемых в среднем характерны высокие показатели по шкалам «оценка результатов» (88,9 %), «самостоятельность» (86,7 %) и «гибкость» (66,7 %). Высокие показатели по шкале надежности у 42,2 % испытуемых, средние у 22,3 % и низкие у 35,5 % респондентов.

По результатам методики «Мотивация обучения в вузе», получилось, что наиболее значимым мотивом обучения для испытуемых является получение диплома (77,7 %), менее значимыми являются мотивы получения знаний (26,6 %) и овладения профессией (20 %).

По результатам методики «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» выявлено, что для большинства испытуемых наиболее значимыми мотивами обучения являются: стать высококвалифицированным специалистом (75,5 %); получить диплом (73,3 %); успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично» (71,1 %); приобрести глубокие и прочные знания (73,3 %); обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности (75,5 %); успешно продолжить обучение на последующих курсах (62,2 %); получить интеллектуальное удовлетворение (68,9 %). Менее значимыми мотивами обучения для большинства испытуемых являются: постоянно получать стипендию (44,4 %), избежать осуждения и наказания за плохую учебу (42,2 %), быть примером для сокурсников (35,5 %) и не отставать от сокурсников (24,5 %).

Таким образом, группа испытуемых в большей степени характеризуется как экстравертированная, с высоким уровнем сформированности оценки реакции, самостоятельности и гибкости. Наиболее значимым мотивом обучения для большинства испытуемых является получение диплома.

Следующим этапом нашего исследования является выявление связи между свойствами темперамента и показателями индивидуального стиля учебной деятельности студентов.

Для выявления связи между свойствами темперамента и показателями индивидуального стиля деятельности был проведен корреляционный анализ с помощью программы «Statistica», использовался критерий Пирсона.

По результатам корреляционного анализа обнаружено, что существуют как положительные, так и отрицательные связи между свойствами темперамента и показателями индивидуального стиля учебной деятельности студентов.

Положительные связи выявлены между экстравертированностью и гибкостью ($r=0,38$); между ригидностью, стремлением быть постоянно готовым к занятиям ($r=0,31$) и стремлением получить интеллектуальное удовлетворение от учебы ($r=0,32$); между эмоциональным возбуждением, успеваемостью за весь период обучения ($r=0,44$) и текущей успеваемостью ($r=0,45$); между темпом реакции, оценкой результатов ($r=0,30$), и самостоятельностью ($r=0,47$); между активностью, планированием ($r=0,49$) и надежностью ($r=0,42$).

Также существуют отрицательные связи между экстраверсией и моделированием ($r=-0,41$), программированием ($r=-0,39$), стремлением стать высококвалифицированным специалистом ($r=-0,42$), стремлением добиться одобрения родителей и окружающих ($r=-0,36$), стремлением избежать осуждения окружающих ($r=-0,38$), стремлением получить интеллектуальное удовлетворение ($r=-0,35$); между ригидностью и гибкостью ($r=-0,49$), надежностью ($r=-0,32$), стремлением успешно продолжить обучение на последующих курсах ($r=-0,31$), стремлением добиться одобрения родителей и окружающих ($r=-0,36$); между эмоциональным возбуждением и моделированием ($r=-0,47$), гибкостью ($r=-0,40$), надежностью ($r=-0,46$).

По результатам проведенного исследования можно описать следующие индивидуально-стилевые особенности учебной деятельности студентов-психологов в связи со свойствами темперамента.

У студентов с высокой экстраверсией преобладают способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий. У студентов с высокой интраверсией хорошо развиты представления о системе внешних и внутренних значимых условий. Ведущими мотивами обучения для них являются: получить одобрение от родителей и окружающих, получить интеллектуального удовлетворения, а также стать высококвалифицированными специалистами и избежать осуждения окружающих.

Студенты, характеризующиеся ригидностью, стремятся постоянно быть готовыми к очередным занятиям и получить интеллектуальное удовлетворение. Студенты, которым свойственна пластичность, отличается высокий уровень сформированности регуляторной гибкости, то есть способности перестраивать систему саморегуляции в связи с изменением внешних и внутренних условий, а также высокая устойчивости процессов моделирования значимых условий обучения, процессов определения и постановки учебных целей, функционирования программ учебных действий, критериев оценки, процессов контроля, оценки и коррекции результатов деятельности. Они стремятся продолжить ус-

пешное обучение на последующих курсах и получить одобрение родителей и окружающих.

Студентов с высокой эмоциональной устойчивостью отличает высокий уровень сформированности навыков, позволяющих адекватно оценить необходимое время, достаточное для подготовки учебных заданий, правильно определить учебную цель и конкретизировать ее согласно сложившимся значимым условиям обучения. Они быстро ориентируются в меняющейся ситуации и выбирают соответствующую условиям программу исполнительных действий. У таких студентов низкая психическая напряженность, а также высокие возможности учитывать значимые условия учебной деятельности и в зависимости от этого гибко определять тактику поведения. Также для данной группы студентов характерна устойчивость процессов моделирования значимых условий обучения, процессов определения и постановки учебных целей, функционирования программ учебных действий, критериев оценки, процессов контроля, оценки и коррекции результатов деятельности. Эти навыки определяют их успеваемость.

Сформированность индивидуальных критериев успешности деятельности, гибкости их изменения в условиях меняющихся требований к учебной подготовке, развитость процессов самоконтроля, самокоррекции и оценки своих знаний и своей деятельности, а также возможность самостоятельно выдвигать цели и программы учебных действий, самостоятельно осуществлять эти программы в процессе подготовки к занятиям, независимо от участия других, формировать индивидуальные критерии оценки результатов своих действий характерны для студентов с быстрым темпом реакции.

Развитость самостоятельности и инициативности при выборе и постановке учебных целей, гибкость изменения целей в соответствии с меняющимися обстоятельствами, их устойчивость в сложных условиях, а также устойчивость процессов моделирования значимых условий обучения, процессов определения и постановки учебных целей, функционирования программ учебных действий, критериев оценки, процессов контроля, оценки и коррекции результатов деятельности свойственны студентам с высокой активностью.

Итак, результаты исследования позволили описать индивидуальные стили учебной деятельности студентов в зависимости от сочетания свойств темперамента, особенностей саморегуляции и мотивов их обучения. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что существует связь свойств темперамента с такими показателями индивидуального стиля учебной деятельности студентов, как саморегуляция и мотивация.

Литература

1. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2003. – 369 с. – (Серия «Мастера психологии»).

2. Ильин, Е. П. Психология индивидуальных различий [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2004. – 701 с. – (Серия «Мастера психологии»).

3. Климов, Е. А. Индивидуальный стиль деятельности [Текст] / Е. А. Климов // Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: МГУ, 1982. – С. 74–77.

4. Конопкин, О. А. Психология саморегуляции произвольной активности человека [Текст] / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5 – 12.

5. Моросанова, В. И. Стилевые особенности саморегуляции личности [Текст] / В. И. Моросанова. // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 121 – 127.

6. Очерк теории темперамента [Текст] / под ред. В. С. Мерлина. – Пермь: ПГПИ, 1973. – 291 с.

7. Толочек, В. А. Исследования индивидуального стиля деятельности: [Текст] / В. А. Толочек // Вопросы психологии. – 1991. – № 3. – С. 53 – 60.

УДК 159.923.2(364):378

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

М. В. Теплинских

THE SPECIFICS OF PROFESSIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF STUDENTS – THE FUTURE SOCIAL WORKERS

M. V. Teplinskih

Статья посвящена изучению профессионального самосознания студентов-выпускников – будущих социальных работников. Представлены экспериментальные данные изучения особенностей формирования профессионального самосознания в период обучения в вузе и их влияния на профессиональную деятельность будущих социальных работников.

Article is devoted to studying of professional self-consciousness of students-graduates – the future social workers. The given empirical studying of specifics of formation of professional self-consciousness in the period of education and their influence on professional work of the future social workers are presented.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, профессиональная деятельность.

Keywords: professional consciousness, professional work.

Среди многообразных видов социальной активности личности особое место занимает профессиональная деятельность. В настоящее время, в связи с особенностями мировой социальной ситуации и возникшим экономическим кризисом, возросла востребованность в специалистах помогающих профессий, одной из которых является профессия социального работника. Социально-экономическая ситуация в России потребовала подготовки качественно новых специалистов с высоким уровнем профессиональной подготовки, с широким спектром профессиональных компетенций и с высоким общественным и профессиональным статусом. В этой связи, наряду с традиционным обучением, важнейшей задачей высшего профессионального образования является создание условий для личностного развития будущих специалистов. В свою очередь, потенциал личностного развития в процессе обучения, а также возможности профессионального становления субъектов деятельности во многом зависят от уровня сформированности профессионального самосознания в процессе обучения студентов – будущих специалистов.

Многие психологические исследования показывают, что профессия влияет не только на формирование вполне определенных личностных особенностей профессионала, но и на его восприятие и пони-

мание мира и самого себя. Так, А. А. Деркач подчеркивает, что «профессионалы воспринимают окружающий мир и себя в нем через призму мира своей профессии» [3]. А. А. Бодалев выдвинул предположение о «воздействии профессии человека на восприятие и понимание других людей, а также на формирование у него образа самого себя в профессии и понимание собственной личности» [1]. Концепция А. А. Бодалева нам представляется интересной в том отношении, что в ней показано влияние профессии на развитие профессионального самосознания. Исследование, проведенное А. А. Бодалевым, наглядно показывает актуальность самоотражения тех характеристик собственного Я, на которые в своей профессиональной деятельности профессионал обращает большее внимание. Поэтому формирование профессионального мышления и профессионального самосознания должно осуществляться еще в процессе обучения профессии, начиная с самых первых основ постижения студентами содержания профессиональной деятельности.

В рамках образовательного процесса положительная динамика профессионального самосознания может быть достигнута прежде всего в ходе целенаправленных воздействий на формирование самосознания студентов, осознания их профессиональной компетенции, воспитания гуманистической направ-

ленности, гуманистических ценностей и толерантности [12; 13; 14].

Формирование профессионального самосознания студентов – будущих социальных работников обусловлено действием индивидуально-психологических и социально-психологических факторов [5; 15]. В качестве *индивидуально-психологических* факторов выступают такие характеристики профессионального самосознания субъектов, как осознанность образов Я, близость «Я-реального» и «Я-идеального» образа социального работника – профессионала, самоотношение, самооценка, типы межличностных взаимодействий, ценностные ориентации; положительная самооценка и самопринятие себя как субъекта этой деятельности; коммуникативность, гуманистические ценности, профессиональная мотивация, а также мотивация к личностному росту. *Социально-психологическими* факторами формирования профессионального самосознания являются образ профессии, открытость новому опыту, самораскрытие, позволяющее субъекту экспериментировать с самим собой, удовлетворенность отношениями с одноклассниками и др. [8].

В нашем исследовании по выявлению особенностей профессионального самосознания студентов-выпускников приняли участие 35 студентов выпускных курсов Кемеровского государственного университета и Прокопьевского филиала КемГУ по специальности «Социальная работа». На выпускных курсах обучаются преимущественно девушки, средний возраст которых составляет $21,7 \pm 0,5$ года, из них 17 % замужем и соответственно 83 % – незамужние, 11 % студенток имеют детей.

Для исследования особенностей профессионального самосознания нами была сформирована батарея методик, полученные результаты по которым описаны ниже.

Ведущая роль в рамках исследования особенностей профессионального самосознания отводится одной из ее составляющих – самооценке: она характеризуется как стержень этого процесса, показатель индивидуального уровня его развития, его личностный аспект, органично включенный в процесс самопознания. С самооценкой связываются оценочные функции профессионального самопознания, вбирающие в себя эмоционально-ценностное отношение личности к себе, специфика понимания ею самой себя [4; 7, с. 220].

В аффективно-оценочном отношении к себе различают оценку своих сегодняшних возможностей (актуальная, реальная самооценка) и будущих достижений (потенциальная или идеальная самооценка), а также оценку того, что думают о нем другие (рефлексивная самооценка). По мнению А. К. Марковой, если идеальная («Я-идеальное») самооценка выше актуальной («Я-реальное») самооценки, то это говорит о росте профессионального самосознания [7].

В нашем исследовании оценочное соотношение «Я-реальный профессионал»/«Я-идеальный профессионал» было выявлено по методике Личностный дифференциал (ЛД) (таблица 1).

Таблица 1
Сравнительные результаты идеальных и реальных средних значений студентов по тесту ЛД

№	Параметры	Реальные значения	Идеальные значения
1.	Оценка	16,4	18,9
2.	Сила	10,7	12,1
3.	Активность	9,5	9,9

Показатели по тесту ЛД «Я-реальный профессионал» у будущих специалистов представлены средними показателями по фактору *Сила* ($10,7 \pm 3,7$), тяготеющему к более низкому значению фактору *Активность* ($9,5 \pm 4,7$) и более высокими показателями по фактору *Оценка* ($16,4 \pm 3,9$), что дает основание характеризовать этих людей как независимых, достаточно удовлетворенных своим поведением и уровнем достижения, со значимой самооценкой и самоуважением, принимающими самих себя такими, как они есть. Испытуемые считают себя несколько зависимыми от внешних обстоятельств и оценок, из-за чего они иногда не способны держаться принятой линии поведения, зачастую пассивных в поведении, но обладающих спокойными эмоциональными реакциями.

Самооценка об «Я-идеальном профессионале» испытуемыми студентами описывается средними показателями по фактору *Сила* ($12,1 \pm 3,7$), тяготеющему к более низкому значению фактору *Активность* ($9,9 \pm 3,7$) и повышенными показателями по фактору *Оценка* ($18,9 \pm 2,5$). Эти параметры характеризуют эту группу как людей с высокой самооценкой и высоким уровнем самоуважения, удовлетворенных собой и осознающих себя как носителей социально желательных характеристик, специалистов, преуспевающих в делах, менее тревожных, оптимально проявляющих волевые качества личности и склонных более рассчитывать на собственные силы в трудных ситуациях.

При сравнительном анализе результатов соотношения «Я-реальный профессионал» / «Я-идеальный профессионал» в целом наблюдается тенденция к повышению идеальных показателей по всем трем факторам теста ЛД, причем эта тенденция в большей степени относится к факторам Оценка и Сила, что говорит о развитом профессиональном самосознании студентов-выпускников – будущих социальных работников.

Самоотношение – наиболее позднее образование в профессиональном самосознании, формирующееся как отношение человека к самому себе [1].

Профессиональная самооценка рассматривается как основа *самоотношения* служащего результатом сопоставления «Я-реального профессионала» и «Я-идеального профессионала», формирующегося в результате процесса самооценивания (в контексте профессиональной деятельности, в сравнении с другими и с самим собой).

По результатам Тест-опросника самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантелеева выделяется показатель по интегральной *Шкале S* ($19,1 \pm 4,0$) составляющий 88 % от общих значений в данной выборке. Это говорит о том, что в данной группе испытуемых присуще высокоразвитое интегральное чувство «за» собственное «Я». *Шкала I* ($8,5 \pm 2,5$) – 71,33% состоит из шкал самоуверенности ($5,8 \pm 1,4$ – 81,33 %), самопоследовательности и саморукводства ($3,9 \pm 1,2$ – 60,33%), самообвинения ($3,3 \pm 1,8$ – 27,67 %) и шкалы самопонимания ($2,1 \pm 1,4$ – 43,33 %). Результаты по данному блоку показывают высокую эмоциональную и содержательную веру в свои силы, способности, энергию, самостоятельность и высокую оценку своих возможностей, понимание самого себя. В *Шкалу II*, которая имеет следующие результаты ($10,8 \pm 3,3$ – 86 %) входят следующие шкалы: шкала самопринятия ($5,4 \pm 1,7$ – 70,67 %) и шкала самообвинения ($3,3 \pm 1,8$ – 27,67 %). Данные результаты показывают, что в данной группе испытуемых довольно высокое одобрение себя в целом и в существенных частностях, доверие к себе и позитивную самооценку. В блок *Шкалы III* ($10,8 \pm 1,4$ – 72,33 %) входит данная шкала как таковая и Шкалы отношения других ($6,5 \pm 1,0$ – 80 %). Это означает, что в данной группе студентов высокое ожидание позитивного отношения к себе окружающих. Блок *Шкалы IV* ($6,6 \pm 0,9$ – 92,33 %) включена еще Шкала самоинтереса ($6,2 \pm 0,9$ – 80 %).

В целом результаты студентов-выпускников по данной методике характеризуют высокую меру близости респондентов к самим себе, в частности высокий интерес к собственным мыслям и чувствам, готовность общаться с собой «на равных», уверенность своей интересности для других.

Результаты Самоактуализационного теста (САТ) по основным шкалам *компетентности во времени* ($7,7 \pm 2,5$) и шкале *поддержки* ($45,7 \pm 9,7$) находятся в границах средних значений. Это означает, что студенты – будущие социальные работники достаточно сориентированы во времени, имеют адекватное представление жизни в целом и о значении профессиональной деятельности в ней, воспринимают свою жизнь целостно, склонны ощущать неразрывность прошлого, настоящего и будущего, однако наблюдается излишняя подверженность внешнему влиянию, которая сбалансирована внешним же локусом контроля. По шкале *ценностных ориентаций* ($12,1 \pm 6,3$) – студенты разделяют ценности, присущие самоактуализирующейся личности. В данной шкале наблюдается очень широкий разброс результатов, что говорит о неоднородности и большом спектре разнообразных ценностей, отражающих ценностные ориентации студентов. По шкале *гибкости поведения* ($13,4 \pm 3,6$) обнаруживается тенденция к гибкости в реализации своих ценностей в поведении, во взаимодействии с окружающими людьми. В целом блок *ценностей* представлен средними с тенденцией к повышенным показателям студенческой выборки, а также широким спектром представленности ценностей. Результаты по шкалам *сензитив-*

ности к себе ($6,9 \pm 2,2$) и *спонтанности* ($7,2 \pm 2,1$) также тяготеют к верхней границе нормы, что свидетельствует о том, что испытуемые осознают собственные чувства и естественно проявляют их в поведении. Следующий блок – блок *самовосприятия* представлен шкалами *самоуважения* ($9,0 \pm 3,0$) и *самопринятия* ($10,9 \pm 3,3$), по которым показатели студентов-испытуемых повышены, что характеризует их как высоко уважающих и принимающих себя личностей. В блок *межличностной чувствительности* входят шкалы *принятия агрессии* ($8,5 \pm 2,1$) и *контактности* ($9,2 \pm 2,9$), показатели по которым у студентов характеризуются средними значениями. Блок *отношения к познанию* (шкалы *познавательных потребностей* ($5,7 \pm 2,2$) и *креативности* ($6,2 \pm 2,1$)). Результаты испытуемых этой группы свидетельствуют о выраженности у них творческой направленности личности и стремлению к приобретению знаний об окружающем мире. Таким образом, анализ результатов по данной методике показал, что студенты-выпускники являются носителями ценностей самоактуализирующейся личности и склонны реализовывать их в поведении и взаимодействии с другими людьми.

Психологический словарь определяет профессиональное самосознание, как осознанное отношение человека к своим потребностям и способностям, влечениям и мотивам поведения, переживаниям и мыслям, выражающимся также в эмоционально-смысловой и ценностной оценке своих субъективных возможностей, выступающих в качестве основания целесообразных действий и поступков в профессиональной деятельности [9].

По методике Смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева. Результаты по субшкале *Локус контроля-Я* ($25,3 \pm 3,9$) показывают повышенную тенденцию о представлении о себе как о сильной личности. Они считают, что обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле. Однако по субшкале *Локус контроля-жизнь* ($25,9 \pm 5,8$) наблюдается несколько пониженный показатель, который свидетельствует о недостаточной свободе принимать решения и воплощать их в жизнь, и что эта свобода выбора иллюзорна. Общий показатель *Осмысленности жизни* ($98,7 \pm 18,0$) в целом характеризует достаточно высокие смысловые ориентации.

Анализ результатов по методике определения Уровня притязания В. Гербачевского показал, что мотивационное ядро личности испытуемых характеризуется в основном средними показателями и находится в пределах нормы личностного развития на данном возрастном этапе. Отметим, что более высокий показатель по отношению к другим мотивационным компонентам фактор *Познавательного мотива* ($15,8 \pm 4,6$) и достаточно низкий показатель фактора *Сложность задания* ($5,7 \pm 3,0$) обусловлены видом деятельности в настоящий период – учебной деятельностью, характеризуют субъектов как проявляющих интерес к результатам своей деятельности и

не страшась сложности и трудности предлагаемых заданий.

По методике Ценностных ориентаций М. Рокича среди терминальных ценностей данной группой выделена среди предпочитаемых ценность здоровья ($3,6 \pm 3,6$), среди условно предпочитаемых в данной выборке – ценность любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) ($5,4 \pm 4,2$) и ценность наличия хороших и верных людей ($5,8 \pm 2,5$). Среди отвергаемой ценности испытуемыми обозначена ценность красоты природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве) ($14,5 \pm 4,5$).

То есть студенты-испытуемые на первое место ставят здоровье, затем любовь и наличие хороших и верных друзей как жизненные ценности и не принимают переживание прекрасного в природе и искусстве в качестве ценности, которые стоят того, чтобы к ним стремиться. Данные ценности отражают возрастные особенности испытуемых, для которых ощущение и переживание прекрасного в данном возрасте не является настолько значимым.

Среди инструментальных ценностей данной группы нет явно предпочитаемой ценности, однако выделяется группа условно предпочитаемых ценностей: ценность аккуратности ($6,6 \pm 5,3$), воспитанности ($5,8 \pm 5,0$), ответственности ($6,6 \pm 4,5$). К от-

вергаемым ценностям студенты отнесли непримиримость к недостаткам в себе и других ($14,6 \pm 4,2$), высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания) ($11,9 \pm 5,9$), эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе) ($11,6 \pm 4,1$). Данный выбор отражает их установки, что именно аккуратность, воспитанность и ответственность являются теми образами действий и свойствами личности, которые будут предпочтительными в любой ситуации. Выбор этих ценностей обусловлен теми социальными условиями, в которых проходит их профессионализация и которые требуют от них социальная среда.

В основе профессионального самосознания, так же, как и самосознания в целом, лежит отношение к своему бытию, опосредованное совместной (т. е. осуществляемой во взаимодействии) деятельностью, что способствует формированию определённых типов межличностных отношений, форм поведения и общественно значимых поступков и действий [11]. Соотношение результатов «Я-реальное» / «Я-идеальное» межличностное отношение определялось по методике Тест межличностных отношений Т. Лири (таблица 2).

Таблица 2

Сравнительные результаты идеальных и реальных средних значений студентов по тесту Лири

№	Типы межличностных отношений	Реальные значения	Идеальные значения
1.	Властный-лидирующий	9,0	8,9
2.	Независимый-доминирующий	6,9	6,1
3.	Прямолинейный-агрессивный	7,4	4,8
4.	Недоверчивый-скептический	6,6	2,9
5.	Покорный-застенчивый	6,3	4,7
6.	Зависимый-послушный	6,1	6,0
7.	Сотрудничающий-конвенциональный	8,8	9,2
8.	Ответственный-великодушный	8,2	9,4

Исследование межличностных взаимодействий осуществлялось по тесту Лири в оценивании своих идеальных личностных характеристик испытуемые студенты описывают идеального себя средними показателями по факторам *Независимый - доминирующий* ($6,1 \pm 1,5$), *Прямолинейный - агрессивный* ($4,8 \pm 2,1$), *Покорный - застенчивый* ($4,7 \pm 1,9$) и *Зависимый - послушный* ($6,0 \pm 2,3$), повышенными показателями по факторам *Властный - лидирующий* ($8,9 \pm 2,1$), *Сотрудничающий - конвенциональный* ($9,2 \pm 2,0$) и *Ответственный - великодушный* ($9,4 \pm 1,9$) и низкими по фактору *Недоверчивый - скептический* ($2,9 \pm 3,2$), что дает основание характеризовать идеальный образ себя у студентов как достаточно энергичных, успешных в делах (деятельности) людей, несколько нетерпимых к критике по отношению к себе и критичных по отношению к окружающим, требующих к себе уважения, т. е. с не-

сколько завышенной самооценкой. Они ориентированы на принятие и социальное одобрение, более ориентированы на цели микрогруппы, т. е., в первую очередь, стремятся удовлетворять требования группы, а не собственные. Их идеальное поведение представлено эмоционально лабильным типом личности (истероидным типом характера).

По тесту Лири в оценивании своих реальных личностных характеристик испытуемые студенты описывают «реального себя» средними показателями по факторам *Независимый-доминирующий* ($6,9 \pm 2,6$), *Недоверчивый - скептический* ($6,6 \pm 2,4$), *Покорный-застенчивый* ($6,3 \pm 2,9$) и *Зависимый - послушный* ($6,1 \pm 2,3$), повышенными показателями по факторам *Властный-лидирующий* ($9,0 \pm 3,2$), *Прямолинейный - агрессивный* ($7,4 \pm 2,0$), *Сотрудничающий - конвенциональный* ($8,8 \pm 2,1$) и *Ответственный - великодушный* ($8,2 \pm 2,5$), низких результатов по факто-

рам не наблюдается. Эти параметры характеризуют респондентов группы также как и в идеальном образе энергичных, деятельных, склонных к соперничеству людей, которые все же в случае проблемных ситуаций проявляют гибкость и направленных на сотрудничество, достаточно склонных компромиссам при решении проблем и конфликтных ситуациях. По реальным показателям наблюдается более высокая критичность по отношению к окружающим и нетерпимость к критике по отношению к себе, требовательность в отношении уважения к себе, т. е. это люди с несколько завышенной самооценкой, но с наблюдаемым стремлением быть в согласии с мнением окружающих (подчиняемый тип). Они ориентированы на принятие и социальное одобрение, еще в большей степени ориентированы на цели микрогруппы, т. е., в первую очередь, стремятся удовлетворять требования группы, а не собственные.

Обращает на себя внимание, существенное различие идеальных и реальных результатов по факторам Прямолинейный-агрессивный ($4,8 \pm 1,9 / 7,4 \pm 2,0$) и Недоверчивый-скептический ($2,9 \pm 3,2 / 6,6 \pm 2,4$) – студенты оценили себя как более требовательных, прямолинейных, строгих и резких в оценке других людей, реально более раздражительных, чем им хотелось бы быть в идеальном представлении. Они желают быть более реалистичными в суждениях и поступках, им хотелось бы быть более настойчивыми, упорными и энергичными в достижении цели. Также наблюдается некоторое различие между идеальными пожеланиями и реальным состоянием по факторам *Сотрудничающий – конвенциональный* ($9,2 \pm 2,0 / 8,8 \pm 2,1$) и *Ответственный – великодушный* ($9,4 \pm 1,9 / 8,2 \pm 2,5$).

В целом сравнение результатов идеальных и реальных представлений о межличностных взаимодействиях свидетельствует, что в идеале испытуемые желают быть более дружелюбными и активными по отношению к окружающим, стремятся помогать и сострадать другим людям, в большей степени принимать ответственность на себя за других.

Личностные особенности респондентов данной группы были исследованы по методике Личностного опросника Р. Б. Кеттелла. Исследуемая выборка студентов-выпускников характеризуется следующими показателями по данной методике: по фактору *A «открытость-замкнутость»* показала результат $4,8 \pm 2,6$, что свидетельствует на начальном этапе профессионализации – выпускники несколько малообщительны и замкнуты, в отношениях с людьми, наблюдается негибкость и прямолинейность в общении и поведении. Кроме того, выявлены низкие баллы по фактору *Q₁ «радикализм-консерватизм»* ($3,3 \pm 2,6$), свидетельствующие, что выпускники проявляют недоверие и сомнения к нововведениям, новым идеям и переменам. В своем поведении выпускники предпочитают ориентироваться на внешние правила и нормы, стремятся постоянно поддерживать установленные понятия, рамки, правила. Результаты фактора *Q₂ «самостоятельность - зависимость от группы»* ($4,2 \pm 2,4$) и фактор *Q₄ «внут-*

ренняя напряженность-расслабленность» ($4,7 \pm 1,8$) отражают низкий самоконтроль и спонтанность в поведении. Для них характерен внешний локус-контроль, т. е. ориентация на социальное одобрение и личностную зависимость респондентов данной группы от чужого мнения. На данном этапе студенты-выпускники из-за неуверенности в своих силах и внутренней конфликтности предпочитают перекладывать принятия решений на других людей. По факторам *L «подозрительность - доверчивость»* ($5,7 \pm 2,2$), *O «склонность к чувству вины - спокойная самоуверенность»* ($6,6 \pm 1,8$), *Q₃ «самоконтроль - недостаток самоконтроля»* ($6,3 \pm 1,9$), *MD (адекватность)* ($6,8 \pm 1,9$) наблюдаются результаты несколько выше среднего, что характеризует данную группу как людей с завышенным самомнением, несколько эгоцентричных, интересы которых обращены в большей степени на самих себя и которым свойственна тревожность. Кроме того, в целом им свойственно завышать свои возможности и переоценивать себя, но в то же время с достаточным уровнем внутреннего контроля поведения. В целом личностные особенности студентов-выпускников обусловлены в большей степени формальными нормами, установленными законами их социальной и профессиональной среды, где поведение носит скорее подчиняемый, характер. На данном этапе им присуща высокая самооценка и самоуверенность, иногда вплоть до эгоцентризма, что дает представление о студентах как о людях пока достаточно уверенных в своих силах и своих знаниях. Повышенная тревожность и эмоциональная ранимость связана с социальной фрустрацией и неадекватным восприятием окружающей реальности и неуверенностью в своем будущем, что объясняется не сформированным представлением о своей будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, профессиональное самосознание есть сложное психосоциальное явление, имеющее свой путь развития, свой процесс становления и свои особенности в процессе обучения в вузе, обусловленное гармоничным развитием ведущих индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик. Кроме того, формирование гармонично развитого профессионального самосознания несет в себе импульс к профессиональному саморазвитию выпускников в будущей профессиональной деятельности что, в свою очередь, влияет на успешную профессионализацию будущих специалистов – социальных работников.

Литература

1. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека-человеком [Текст] / А. А. Бодалев. – М.: МГУ, 1982. – С. 25.
2. Гулянова, Н. А. О связи самопрития и осознания Я-образа в ситуации неуспеха [Текст] / Н. А. Гулянова // Вестник моск. ун-та. Сер. 14. Психология. – 2001. – № 3. – С. 68 – 75.
3. Деркач, А. А. Акмеологические основы развития профессионала [Текст] / А. А. Деркач. – М.: Издательство Московского психолого-социального

института; Воронеж: МОДЭК, 2004. – 752 с. (Серия «Психологи Отечества»).

4. Зимбардо Ф. Формирование самооценки [Текст] / Ф. Зимбардо // Самосознание и защитные механизмы личности. – Самара: Изд. Дом «Бахрах», 2003.

5. Климов, Е. А. Индивидуальный стиль деятельности [Текст] / Е. А. Климов // Психология индивидуальных различий. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 74 – 77.

6. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология [Текст] / И. Ю. Кулагина, В. Н. Коллоцкий. – М.: ТЦ Сфера: Юрайт, 2001. – 464 с.

7. Маркова А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М., 1996. – 308 с.

8. Митина, Л. М. Формирование профессионального самосознания учителя [Текст] / Л. М. Митина // Сов. педагогика. – 1989. – С. 52 – 56.

9. Психологический словарь [Текст] / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – М.: Педагогика-Пресс, 2001. – 440 с.

10. Рубинштейн, С. Л. Самосознание личности и ее жизненный путь [Текст] / С. Л. Рубинштейн // Психология личности. В 2 т. – Т. 2. – Самара, 2000. – 543 с.

11. Самоукина, Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности [Текст] / Н. В. Самоукина. – М.: Экмос, 1999. – 352 с.

12. Технология социальной работы: учеб. пособие / под ред. И. Г. Зайнышева. – М.: ВЛАДОС, 2002. – 240 с.

13. Фирсов, М. В. Теория социальной работы [Текст]: учеб. пособие / М. В. Фирсов, Е. Г. Студенова. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 432 с.

14. Холостова, Е. И. Профессионализм в социальной работе [Текст]: учеб. пос. / Е. И. Холостова. – 2-е изд. – М.: Дашков и К, 2008. – 236 с.: ил. – (Серия «Золотой фонд учебной литературы»).

15. Чеснокова, И. И. Проблемы самосознания в психологии [Текст] / И. И. Чеснокова – М., 1977. – 392 с.

УДК 159.9

АКТИВНОСТЬ В СИСТЕМЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Е. Л. Холодцева

THE PERSONAL ACTIVITIES OF UNIVERSITY GRADUATE IN THE COMPETENCE SYSTEM

E. L. Kholodtseva

В статье рассматривается проблема активности личности выпускника высшего профессионального заведения. Описаны виды компетентностей: социальная, профессиональная, личностная. Установлена взаимосвязь между активностью личности и системой компетентностей. Профессиональная успешность выпускника может возрастать в связи с развитием потенциальной активности, готовности и стремления личности к продуктивной деятельности.

This article deals with the problem of personal activities of university graduates. Different kinds of competence are described: social, professional, personal. There is an established correlation between the personal activities and competence system. The graduates professional successfulness can increase in connection with development of potential activity, readiness an individual's striving to productiveness.

Ключевые слова: активность, компетентность, продуктивная деятельность, успешность, высшее учебное заведение, выпускник.

Keywords: activity, competence, productiveness, successfulness, universities, graduates.

Переход современного российского общества на инновационный путь развития предопределяет высокий уровень требований к активности личности, к её способности организовывать себя и свою деятельность, проявлять инициативу и брать ответственность за реализацию проектов, своевременно и адекватно условиям решать практические и теоретические задачи в различных сферах жизни. Такой набор показателей готовности человека полноценно включаться в происходящие изменения предполагает коренной пересмотр условий профессионального развития личности и становления специалиста, начиная со школьного этапа профессионального самоопределения и на всех последующих этапах – учебно-профессиональной, собственно профессио-

нальной и профессионально-личностной самореализации.

На наш взгляд, достижение данного уровня профессиональной компетентности будущего специалиста возможно уже в период его вузовской подготовки, если учебно-профессиональное взаимодействие выстраивается на принципах организации оптимальной образовательной среды, целенаправленно формирующей субъектную позицию обучающегося и иницирующей его осознанно регулирующую активность [9].

Активность является неотъемлемым свойством и состоянием любого живого организма, в том числе и человека. Не обладая активностью, человек не может существовать ни как биологическое существ-

во, ни как член общества. Категория активности является основой научного знания о психике, психическом развитии, познавательных и творческих возможностях личности. По сути, любое психологическое образование личности, любые физиологические, психологические и социальные проявления человека связаны с феноменом активности [3]. Профессиональная компетентность – это потенциальная активность, готовность и стремление личности к продуктивной профессиональной с полным осознанием ответственности за её результаты.

Термин активности широко используется в различных сферах науки как самостоятельно, так и в качестве дополнительного в различных сочетаниях. Причём в некоторых случаях это стало настолько привычным, что сформировались самостоятельные понятия, например: активный человек, активная жизненная позиция, активное обучение, активист, активный элемент системы. Понятие активности приобрело такой широкий смысл, что при более внимательном отношении его использование требует уточнений. Словарь русского языка даёт общепотребительное определение «активного» как деятельного, энергичного, развивающегося. В литературе и бытовой речи понятие «активность» часто употребляется как синоним понятия «деятельность». В физиологическом смысле понятие «активность» традиционно рассматривается как всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика. Как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром. Как свойство живых организмов реагировать на внешние раздражения. Активность при этом соотносится с деятельностью, обнаруживаясь как её динамическое условие, как свойство её собственного движения.

У живых существ активность изменяется в соответствии с эволюционными процессами развития. Активность человека приобретает особое значение как важнейшее качество личности, как способность изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями [9].

Большое значение придаётся «принципу активности». Н. А. Бернштейн (1966). Вводя в психологию этот принцип, он представлял его суть в постулировании определяющей роли внутренней программы в актах жизни организма. В действиях человека существуют безусловные рефлексы, когда движение непосредственно вызывается внешним стимулом, но это как бы вырожденный случай активности. Во всех же других случаях внешний стимул только запускает программу принятия решения, а собственно движение в той или иной степени связано с внутренней программой человека. В случае полной зависимости от неё мы имеем дело с так называемыми «произвольными» актами, когда инициатива начала и содержание движения задаются изнутри организма.

В социологии используется понятие «социальная активность». Социальная активность рассматривается как явление, как состояние и как отношение.

В психологическом плане существенным представляется характеристика активности как состояния – как качество, которое базируется на потребностях и интересах личности и существует как внутренняя готовность к действию. А также как отношения – как более или менее энергичная самостоятельность, направленная на преобразование различных областей и самих субъектов [11].

В психологии в рамках деятельностного подхода также наблюдается некоторое непринципиальное расхождение в трактовке активности. Психологическая теория рассматривает макроструктуру в виде сложного иерархического строения. В её состав включают несколько уровней, в числе которых называют: особые виды, действия, операции, психофизиологические функции. Особые виды в этом случае выступают как совокупность действий, вызываемых одним мотивом. К ним обычно относят игровую, учебную и трудовую деятельность. Их же называют формами активности человека. Б. Г. Ананьев, помимо указанных, к множеству «активно-деятельностных форм отношения человека к миру» причисляет также боевую и спортивную деятельность, познание, общение, управление людьми, самостоятельность [3]. Активность, в данном случае, соответствует особой форме или особенной деятельности.

По мнению К. А. Абульхановой-Славской (1991) посредством активности человек решает вопрос о согласовании, соизмерении объективных и субъективных факторов. Мобилизуя активность в необходимых, а не в любых формах, в нужное, а не в любое удобное время, действуя по собственному побуждению, используя свои способности, ставя свои цели. Тем самым, оценивая активность как часть, как её динамическую составляющую, реализуемую человеком ситуативно, в нужный момент времени [1].

Ещё одна трактовка понятия «активность» предложена В. А. Петровским (1996), предлагающим рассматривать личность как подлинный субъект активности. Прослеживая историю форм субъекта, он выделяет три последовательных этапа в истории становления:

1. Функционирование или жизнедеятельность особи как предпосылка. Функционирование – первое и простейшее проявление жизни – может быть описано в плане взаимодействия субъекта с объектом, в ходе которого обеспечивается целостность присущих субъекту телесных структур. Функционирование опирается на возможности непосредственного взаимодействия субъекта с его окружением. Отлучение живых тел от источников их существования оказывается губительным, так как способности к функционированию ещё недостаточно для преодоления возникших барьеров.

2. Деятельность, как условие выживания субъекта. Деятельность снимает присущие предыдущей ступени развития ограничения. Посредством деятельности субъект получает возможность достичь предмет, прежде удалённый от него, но необходимый для функционирования.

3. Активность, как высшую форму развития. В процессе развития человека возникают новые, вспомогательные формы взаимодействия с миром, нацеленные на обеспечение и поддержание самой возможности субъекта.

Эти формы движения складываются внутри предшествующих деятельностей и, перерастая в деятельность, носящую самоподчиненный характер, они становятся тем, что может быть названо активностью субъекта [10].

Изучение природы, механизмов зарождения, развития и проявления активности человека имеет исключительно важное значение для того, чтобы найти эффективные средства и пути, способствующие формированию активности личности, направленной на улучшение собственного благосостояния и благополучия общества. Современное представление о природе, источниках, формах и видах, содержании и механизмах, формировании и проявлениях активности человека складывается на основе анализа результатов теоретических и экспериментальных исследований проблем поведения, общения, познания, действий и их мотивации.

Развитие представлений об активности происходило в течение многих веков, начиная со времен Древней Греции и до наших дней. Непосредственное отношение к проблеме активности имеют положения философского учения об иерархии способностей в виде чувственно-двигательных и разумных функций души (Аристотель, 384 – 322 до н. э.); представления о реакции организма на внешний стимул (Р. Декарт, 1596 – 1650), побудительных силах поведения, активности человека в виде его чувств, аффектов (Б. Спиноза, 1632 – 1677); понятие о бессознательном, которое впоследствии во фрейдизме стало рассматриваться как основной источник активности человека (Г. Лейбниц, 1646 – 1716), об ассоциации как источнике активности человека (Т. Гоббс, 1588–1679); признание источником активности ощущений (Э. Кондильяк, 1715 – 1780); объяснение активности машинообразными движениями организма человека без участия души (Ж. Ламетри, 1709 – 1751); позиция наделяния «человека-машины» психикой и рассмотрения его активности как следствия внешних воздействий и зависящей от исторического опыта человечества (К. Гельвеции, 1715 – 1771; П. Гольбах, 1723 – 1789; Д. Дидро, 1713 – 1784). Исследования в области психофизики естествоиспытателями Э. Вебером (1795 – 1878), Г. Фехнером (1801 – 1887), Ф. Дондерсом (1818 – 1889), Г. Гельмгольцем (1821 – 1894) заложили основу для изучения психофизиологии активности человека.

Психологических проблем активности человека касались работы многих отечественных психологов разных времен. Однако основы современного понимания природы активности человека заложены в работах М. Я. Басова, Л. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Д. Н. Узнадзе. У М. Я. Басова человек выступает как активный деятель в среде. Л. С. Выготский (1960), развивая идею активности индивида, рассматривает влияние исторического опыта чело-

вечества, сконцентрированного в знаках, на формирование активности человека. С. Л. Рубинштейн (1934) сформулировал принцип единства сознания и деятельности. Он рассматривал деятельность как специфическую для человека форму активности. В теории установки, разработанной Д. Н. Узнадзе (1961), на основе рассмотрения развития установки субъекта анализируются закономерности психической активности.

Проблеме психофизиологической природы активности посвящены работы Н. А. Бернштейна, П. К. Анохина, А. Р. Лурии и ряда других ученых. Социальной природе активности наибольшее внимание уделяется в работах Б. Ф. Ломова, К. А. Абульхановой-Славской, Е. В. Шороховой.

Проблема активности в течение многих лет не теряет своей актуальности и практической значимости. Еще А. Н. Леонтьев в одной из своих последних публикаций писал: «Наряду с проблемой установки в психологическом анализе открылась и еще одна, пожалуй, самая сложная проблема. Это проблема явлений активности, которые образуют трудно улавливаемые в эксперименте, но, тем не менее, реальные моменты человеческой жизни, возвышающие ее над функцией прямой или косвенной адаптации к наличным или предполагаемым требованиям ситуации. Моменты эти составляют как бы внутреннюю предпосылку самодвижения и ее самовыражение. Но эта проблема, на которую мы постоянно наталкиваемся в живой человеческой жизни, остается сейчас едва затронутой экспериментальным исследованием, и ее разработка в огромной степени остается делом будущего».

Активность изучается на физиологическом, психофизиологическом, психическом и социальном уровнях. Такой многоаспектный подход к изучению активности объясняется ее многосторонностью, многоуровневостью, сложностью. По сути, любое психологическое образование личности, любые физиологические, психологические и социальные проявления человека связаны с феноменом активности. Отечественные и зарубежные психологи продолжают интенсивно разрабатывать различные аспекты проблемы активности. Принцип активности человека в отечественной психологии основывается на деятельностном подходе к изучению психики.

В последние годы многие психологи обратились к проблеме субъектности и субъектной психической активности (А. В. Брушлинский, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков, В. О. Татенко, В. Э. Чудновский и др.). Значительный вклад в изучение проблемы активности личности внес В. А. Петровский. Он разработал концепцию неадаптивной (надситуативной) активности и связанную с ней концепцию персонализации. Особенно много теоретических и экспериментальных исследований проводится по психофизиологии саморегуляции поведения, в целом, активности (М. В. Бодунов, Э. А. Голубева, А. И. Крупное, В. М. Русалов и др.).

Несмотря на многочисленные теоретические и экспериментальные исследования различных направлений и различного уровня, проблема активно-

сти в психологии все еще требует дальнейшего изучения, так как в известных в психологии концепциях нет однозначного ответа на вопросы о природе, закономерностях и механизмах проявления активности на разных уровнях, нет единства взглядов на источники, формы и виды активности. Системный анализ научного знания об активности необходим для выявления современного состояния знаний об активности, что важно для разработки достоверных практических рекомендаций по повышению эффективности, продуктивности человека. Следовательно, важно обобщить положения основных концепций активности и определить наиболее актуальные направления и тенденции исследования активности человека. Отсюда вытекает актуальность теоретического анализа концепций активности человека и дальнейшего экспериментального исследования проявлений активности на разных уровнях и в различных ситуациях действия внутренних и внешних факторов, побуждающих активность.

На современном этапе развития психологической науки происходит интенсивное изучение различных форм и видов активности, однако единый взгляд на классификацию её видов и форм пока отсутствует.

Как в отечественной, так и в зарубежной психологии выделяют произвольную и непроизвольную активность. К произвольным формам активности относят все ее проявления, в формировании и регуляции которых принимает участие сознание. Произвольная активность проявляется ровно настолько, насколько необходимо для достижения определённого результата. Непроизвольные формы активности происходят без участия сознания. Формы и виды активности можно разделить по родовым и видовым признакам. Деление по этому принципу позволяет рассматривать столько видов активности, сколько существует сфер субъекта. При таком подходе выделяются множество видов активности: трудовая, интеллектуальная, познавательная, учебная, коммуникативная, религиозная и т. д.

В последние годы усиливается интерес исследователей к такому аспекту проблемы активности, как взаимосвязь и взаимодействие различных форм активности, их совместное влияние на жизнедеятельность человека. В этой связи необходимо отметить, что проблема заключается в том, что, выделяя одни формы активности, нельзя отрицать другие, и в том, чтобы определить роли и место, вклады и сферу влияния каждой из них в жизнедеятельность человека, как некое интегральное, вобравшее в себя все формы активности, целое.

Изучая условия становления и развития индивидуальности, исследователи приходят к выводу о том, что проявления активности весьма разнообразны. Она может быть моторной, сенсорной, интеллектуальной, эмоциональной, волевой, социальной. Очевидно, что не все они в один и тот же возрастной период, в одной и той же активности (учебной, трудовой, игровой, спортивной, художественно-творческой и т. д.) являются равнозначными для развития индивидуальности. Вероятно, в каждом

возрастном периоде какой-то один или одновременно несколько видов активности в силу большей значимости для развития индивидуальности выступают как ведущая активность, обладающая при этом системообразующей (гармонизирующей) функцией в структуре индивидуальности. Так, например, ведущей активностью в младшем школьном возрасте является учебная, в подростковом – коммуникативная, в старшем – социальная.

Разнообразие видов активности, к которым прибегает человек в процессе жизни, зависит от многих факторов. Важную роль для выбора вида активности в той или иной ситуации играют индивидуальные особенности личности. В связи с этим успешному изучению проявлений активности личности способствует установление типологий активности личности [4]. Следует отметить, что в этом направлении в психологии сделано достаточно много. Существует множество отдельных концепций, в рамках которых решается данная проблема.

В отечественной психологии существуют разнообразные подходы к типологии активности. Классификация, предложенная К. А. Абульхановой-Славской, построена на основе взаимосвязи инициативы и ответственности. В результате экспериментальных исследований автором выделены следующие типы активности личности:

1. Гармонический тип обладает идентификацией субъекта инициативы с ответственным исполнением, его инициативы являются проблемными.

2. Продуктивный тип выдвигает замысел, не подразумевает себя исполнителем, однако берет на себя ответственность в силу увлечённости проблемностью замысла и ему удается сохранить единство инициативы и ответственности.

3. Рефлексивный тип обладает гиперответственностью, которая определяет и гасит его инициативы; проявляет несамостоятельность, не прибегая, однако, ни к подражанию, ни к инструкциям.

4. Исполнительный тип обладает ответственностью и считает себя ответственным исполнителем, однако проявляет несамостоятельность на стадии ответственного исполнения, прибегает к подражанию и инструкциям.

5. Функциональный тип проявляет отказ от самостоятельности, но демонстрирует активность при реализации готового решения, обнаруживая продуктивность.

6. Созерцательный тип не идентифицирует себя с ответственным исполнителем и не проявляет самостоятельности, прибегает к сравнению с другими.

Данная типология активности интересна тем, что в ней находят отражение все параметры активности: инициатива и исполнение, ответственность с ее атрибутами. Вместе с тем данная типология сложна для практического использования, а использование в качестве основания связи инициативы и ответственности ставит исполнительность в подчинительное положение, она теряет при этом свою самостоятельность [2].

Типология активности может строиться исходя из предпосылки о том, что единицами анализа ак-

тивности личности являются инициатива и исполнительность. Их преобладание или гармоническое сочетание даёт возможность выделить следующие типы людей:

1. Люди с оптимальным сочетанием инициативы и исполнительности.
2. Люди с преобладанием инициативных форм поведения.
3. Люди с преобладанием исполнительных форм поведения.
4. Социально импульсивные люди.
5. Социально пассивные люди.

Первые три типа характеризуют социальную активность, последние два – социальную реактивность, хотя в различных видах люди могут проявлять различные типы активности и реактивности субъекта [3].

Функции субъекта обусловлены необходимостью индивидуализации и автономизации человеческой активности, а также необходимостью постоянно приводить активность в соответствие с жизненными отношениями личности. Как было отмечено ранее, профессиональная компетентность – это потенциальная активность, готовность и стремление личности к продуктивной профессиональной деятельности с полным осознанием ответственности за её результаты. Можно говорить о том, что личностная активность является начальным звеном в формировании профессиональной компетентности и не менее важным качеством в дальнейшем ее профессиональном и личностном развитии.

Можно говорить о том, что личностная активность является начальным звеном в формировании профессиональной компетентности и не менее важным качеством в дальнейшем ее развитии.

Компетентность следует отличать от компетенции – определенной сферы, круга вопросов, которые человек уполномочен решать. Компетентность противостоит некомпетентности и сверхкомпетентности – знанию способа выполнять работу лучше, чем принято. В некоторых организациях сверхкомпетентность принимается так же, как некомпетентность.

Компетентность конкретного человека уже, чем его профессионализм. Следует различать следующие виды профессиональной компетентности:

- специальная компетентность – владение профессиональной деятельностью на достаточно высоком уровне, способность проектировать свое дальнейшее профессиональное развитие;
- социальная компетентность – владение совместной профессиональной деятельностью, сотрудничеством, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения; социальная ответственность за результаты своего профессионального труда;
- личностная, индивидуальная компетентность – владение приемами личностного самовыражения и саморазвития, средствами противостояния профессиональным деформациям личности, умение организовать рационально свой труд без перегрузок времени и сил, осуществлять труд ненапряженно,

без усталости и даже с освежающим эффектом. Эти виды компетентности характеризуют зрелость человека в в профессиональном общении, в становлении личности профессионала, его индивидуальности. Названные виды компетентности могут не совпадать в одном человеке.

Выделяют некоторые общие виды компетентности, необходимые для человека вне зависимости от профессии. Это некоторые ядерные профессиональные качества и типы профессионального поведения, которые являются основой широкого круга профессий и не теряющие своего значения при изменениях в производстве, в социальной практике.

Заслуживает внимания определение компетентности, предложенное А. В. Хуторским: «Компетентность – владение, обладание человеком совокупностью взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых для качественной продуктивной по отношению к ним, включающий личное отношение человека к компетентности и к предмету». Согласно данному определению, компетентность – это личностно-субъектное качество человека, свойство его внутреннего мира, определяющее успешное выполнение человеком той или иной деятельности. Субъектное качество рассматривается здесь как качество субъекта, обретенное им на жизненном пути. Таким образом, понятие «компетентность» выступает как сочетание социально-личностного и личностно-субъектного качеств человека.

Э. Ф. Зеер, определяя профессионально компетентного работника – представляет его как, «обладающего необходимыми для качественного и производительного выполнения труда знаниями, умениями, качествами, опытом и индивидуальным стилем» [6].

Компетентность – система знаний и интересов личности, дающая новое качество (в отличие от обычной информированности), профессионализм в какой-либо области, позволяющий специалисту находить и быстро реализовать оптимальные нестандартные решения, на основе широких профессиональных знаний, активности и предприимчивости [7].

При оценке уровня сформированности профессиональной компетентности конструктивным является применение обобщенной модели профессионального обучения. Данная модель связывает уровень осознания (или неосознания) человеком наличия (или отсутствия) у него необходимых для данной профессии знаний, умений и навыков с уровнем его профессиональной компетентности.

Важным фактором и одновременно результатом развития компетенций выступают профессионально и личностно значимые качества, представляющие индивидуально-психологическую основу профессиональной компетенции. Профессионально и личностно значимые качества – это свойства субъекта, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и которые значимо и положительно коррелируют хотя бы с одним

(или несколькими) не основным результативным параметром – качеством, производительностью, надежностью. Профессионально и личностно значимые качества в числе других элементов профессиональной компетентности обеспечивают успешность (производительность, качество, результативность и др.) её выполнения. Они многофункциональны, и вместе с тем каждая профессия имеет свой ансамбль этих качеств. Но основным, задающим уровень и направление развития в профессиональной компетентности, является активность личности, стремление целенаправленно обогащать свои знания, формировать, дополнять свои умения и навыки [5].

Исследование, проведенное нами (Е. Л. Холодцева, Е. Дубиненко, 2010), подтверждает влияние активности личности на развитие профессиональной компетентности. Нами изучались группы студентов-выпускников с разными типами профессиональной направленности (спортсмены, психологи, химики). Имеются значимые различия в проявлении признака «социальная и предметная активность» во взаимосвязи с социальными, познавательными, операциональными и специальными компетентностями.

Ранжирование компетентностей выпускниками показало, что в их сознании наиболее значимыми являются: «социальные компетентности» (конфликтная компетентность – 1 ранг, соответственно толерантность – 2, способность к сотрудничеству – 3, ответственность – 4, конформизм – 5); «познавательные компетентности» (целеполагание в работе – 1, умение извлекать пользу из опыта – 2, быть готовым к продолжению обучения – 3, самообучаться – 4, устанавливать межпредметные связи – 5); важными «операциональными компетентностями» выступают (умение выявить проблему – 1 ранг, сделать заключительный вывод – 2, поставить цель – 3, принять решение – 4, выявить ошибки в решении проблемы – 5). Показатель «социальной активности» положительно связан у студентов-выпускников психологов и спортсменов с выбором самостоятельности в познавательной деятельности ($r=+0,36$, при $p \leq 0,05$), желанием определять цели ($r=+0,26$, при $p \leq 0,05$). Чем более проявляется признак «социальная активность» выпускника, тем чаще они обнаруживают у себя данную компетентность. Среди всех компетенций выделенные качества определяются как главные – способствующие успешной профессиональной деятельности. В отличие от психологов и спортсменов, выпускники-химики ориентированы на выбор самостоятельных способов обработки и структурирования информации ($r=+0,36$, при $p \leq 0,05$) при высоком уровне проявления признака «социальная активность». Таким образом, выпускники пытаются демонстрировать субъектность в будущей деятельности (свойство осознавать себя субъектом, целенаправленно влиять на события жизни в результате осознания своей свободы выбора).

Рассматривая взаимосвязи признака «предметная активность» и компетенции мы обнаружили, что есть различия в его проявлениях среди психологов, спортсменов и химиков. Чем выше «предметная ак-

тивность» психологов и спортсменов, тем меньшее значение выпускники придают изучению методологических аспектов профессиональной деятельности. Психологи в меньшей степени желают совместно разделять ответственность за результаты труда, спортсмены – проявлять конформизм. Тогда как высокая предметная активность и направленность на деятельность у химиков не связана с конформизмом, наличием ответственности за результаты своей деятельности, установлением межпредметных связей. Таким образом, в структуре компетентности студентов-выпускников обнаруживается большое количество связей с малыми значениями, что свидетельствует о неустойчивости данного образования на стадии профессионального обучения.

Исследование показало, что выпускники в большей степени ориентированы на проявление и наличие компетентностей, которые имеют непосредственное отношение к практике профессиональной деятельности и в меньшей степени придают значение теоретическим основаниям этой деятельности. Данные ориентации демонстрируют незрелость профессиональной и личностной позиции выпускников, выступающую условием развития личности профессионального самосознания. Вследствие этого система высшего профессионального образования придает большое значение продолжению профессионализации и социализации выпускников, предоставляя им возможность продолжать обучение, повышать квалификацию на уровне магистратур.

Разработка рекомендаций по формированию внутренних условий, влияющих на высокую конкурентоспособность выпускников, должна включать направления деятельности службы психологического сопровождения, которые способствуют процессам осмысления жизни, формированию системы ценностей, соответствующих гуманистической направленности личности выпускников. Приобретенные в ходе активного социально-психологического обучения (тренинги, дискуссии, игры и др.) компетентности, позволяющие активизировать мыслительную деятельность и творческую активность, направленную на развитие профессионализма и собственной конкурентоспособности.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. О путях построения типологии личности / К. А. Абульханова-Славская // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – № 1.
2. Абульханова-Славская, К. А. Типология активности личности / К. А. Абульханова-Славская // Психологический журнал. – 1985. – Т. 6. – № 5. – С. 3 – 18.
3. Ануфриев, Е. А. Социальный статус и активность личности (личность как объект и субъект социальных отношений) / Е. А. Ануфриев. – М.: МГУ, 1984. – 280 с.
4. Брушлинский, А. В. Психология субъекта / А. В. Брушлинский; отв. ред. проф. В. В. Знаков. –

М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003. – 272 с.

5. Вербицкий, А. А. Формирование познавательной и профессиональной мотивации / А. А. Вербицкий, Т. А. Платонова. – М., 1996.

6. Зеер, Э. Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов / Э. Ф. Зеер. – 2-е изд., перераб., доп. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 336 с.

7. Кедрова, Е. М. Психолого-педагогические основы воспитания интеллектуально зрелой личности студента высшей школы в учебно-воспитательном процессе / Е. М. Кедрова: монография. – М.: Компания Спутник+, 2005. – 140 с.

8. Курунов, В. В. Регуляторно-деятельностный подход в профессиональном и личностном саморазвитии студента-психолога / В. В. Курунов // Электронное научное издание «Труды МЭЛИ: электронный журнал».

9. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – М., 1996.

10. Петровский, В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.

11. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Волковой. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 368 с.

УДК 316.64

УСЛОВИЯ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Т. В. Шамовская

CONDITIONS AND MECHANISMS OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIAL PERSONAL IDENTITY

T. V. Shamovskaya

В статье в качестве условий формирования и развития социальной идентичности личности рассматриваются особенности процесса социализации в современном обществе. Производится анализ становления социальной идентичности личности с точки зрения разных авторов. Описываются механизмы развития и компоненты социальной идентичности личности.

The article covers peculiarities of the process of socialization in modern society as the conditions of formation and development of the social personal identity. The establishing the social personal identity from the viewpoint of different authors is analyzed. Mechanisms of development and the components of social personal identity are described.

Ключевые слова: социальная идентичность, социализация, адаптация, ресоциализация, идентификация, интернализация, рефлексия, познавательный, оценочный и поведенческий компоненты социальной идентичности.

Keywords: social identity, socialization, adaptation, re-socialization, identification, internalization, reflection, cognitive, evaluative and behavioral components of social identity.

Социальная идентичность возникает в результате осознания своего членства в социальной группе вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству. Социальная идентичность является динамической структурой, образующейся за счет механизмов идентификации, интернализации и рефлексии. Эта структура развивается на протяжении всей жизни человека в соответствии с изменениями социального контекста и проявляется в различных формах. Социальная идентичность опосредует влияние группы на социальное поведение индивидов. Поэтому картина тенденций развития социальной идентичности является основой для прогнозов массового социального поведения различных групп населения. К общесоциологическим основаниям становления социальной идентичности относятся общественное разделение труда, отношения собственности и власти, различия статусов и ролей, различия культур, исторических судеб народов и этносов, борьба за ресурсы и формирование многообразных общностей на основе общности ус-

ловий их жизнедеятельности, то есть интересов, отличных от интересов других общностей.

Рассмотрим социально-психологические условия и процессы становления социальной идентичности. Как отмечалось выше, для обретения идентичности необходим социальный опыт, который приобретается в процессе социализации. Человек на любом отрезке своего жизненного цикла интериоризирует ценности социального мира. Каждый в ходе социализации стремится быть таким, каким его хотят видеть те, с кем он вступает во взаимодействие. Быть личностью, значит быть обладателем совокупности идентичностей – гендерной, семейной, этнической, профессиональной, имущественной. При этом важно не только иметь идентичность, но и считаться ее имеющим. В современной науке под социализацией понимается процесс усвоения и воспроизведения индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, в систему социальных связей [3]. В процессе социализации идентичность может поддерживаться, видоизменяться или перестраиваться под воздействием социаль-

ных процессов. Э. Эриксон подчеркивал роль среды, культуры и социального окружения с присущими ему ожиданиями, надеждами, которые индивид может оправдать или не оправдать [16].

В настоящее время наблюдается значительное изменение условий первичной социализации, которое связано с уменьшением воздействия на становление личности семейных отношений и возрастанием влияния более подвижных социальных структур, прежде всего СМИ и неформальных сообществ, организаций, групп по интересам, добровольных ассоциаций, временных объединений, созданных для достижения конкретных целей. Происходит расширение масштабов и увеличение роли вторичной социализации. Например, еще в середине 20 века человек мог рассчитывать на то, что полученное в молодости образование определит его профессиональную карьеру в течение всей жизни, а сегодня, чтобы соответствовать высокому динамизму общественной жизни, необходимо постоянное переобучение и переквалификация.

Традиционные социально-психологические и социологические теории акцентируют внимание на таком механизме социализации, как адаптация личности к формам социального бытия. Без прохождения стадии адаптации невозможно представить себе развитие социального субъекта как деятельного агента, формирующего новые социальные структуры и отношения. Сам процесс социализации предполагает конформное поведение: либо в сторону конформного консерватизма, либо столь же конформного новаторства. Однако высказанное выше суждение, будучи применимым к обществу с более или менее устойчивой системой ценностей, сложившейся формой социального неравенства, легитимными политическими институтами, совершенно не годится для понимания социальных процессов в обществе, переживающем изменения во всех социальных институтах, в системе ценностных структур и обыденных повседневных взаимоотношений между людьми, между индивидами и социальными институтами. Одним из основных механизмов реализации процесса социализации в современном обществе выступает механизм ресоциализации. Элементами данного механизма выступают социальное дистанцирование субъекта от первичной социальной группы, выбор в качестве референтной группы социальной общности универсального типа, плюрализация стандартов социального действия при одновременном усвоении определенного минимума социальных норм. В этом случае можно говорить о включении процесса интернализации, так как индивид выбирает для себя те группы, на которые он будет ориентироваться при построении своей идентичности.

П. Бергер, Т. Лукман выделяют «успешную» и «неуспешную» социализацию. Под «успешной социализацией» понимается установление высокого уровня симметрии между социумом и субъективной реальностью. То есть в процессе развития идентичности не возникает противоречий между сложившимися образами Я и тем, что предлагает общество.

«Неуспешную» социализацию следует понимать в терминах асимметрии между объективной и субъективной реальностями. Максимального успеха социализация достигнет в обществах с очень простым разделением труда и минимальным распределением знания. В настоящее время происходит все большее расслоение общества, что подразумевает необходимость выбора собственной позиции, а следовательно, затрудняет успешную социализацию. Осуществление выбора собственной позиции предполагает включение механизма интернализации, в результате которого индивид принимает значимое для себя. Неуспешная социализация может быть результатом гетерогенности социализирующего окружения. Такие противоречия часто возникают между процессами социализации в семье и в группе сверстников. Общество, в котором возможны разные пути социализации, содержит в себе особые сочетания объективной реальности и идентичности. В результате рефлексии растет общее понимание релятивности всех социальных процессов, включая и собственное положение в обществе, которое теперь оценивается, скорее, как одно из возможных. Вследствие этого, собственное институциональное поведение понимается как «роль», от которой можно отдалиться в своем сознании и которую можно «разыгрывать» под социальным контролем. П. Бергер, Т. Лукман связывают социальную идентичность с большой эмоциональной нагрузкой, отмечают роль предубеждений, чувств, то есть первичное место в формировании идентичности отводят эмоциональному компоненту [6].

В психоанализе социализация понимается как приобретение контроля над импульсами. По З. Фрейду, ребенок изначально асоциален, и усвоение социальных норм и требований осуществляется через подавление инстинктивного начала [13]. Для А. Адлера определяющим в социализации является чувство общности, «социальное чувство», вызывающее социальные контакты ребенка с другими людьми [2].

В ходе социализации расширяется кругозор и разнообразие форм активности человека: совершенствуются эмоции, появляются новые потребности, расширяется информативность, множатся социальные контакты. В современном обществе ответственность за направление и эффективность процесса социализации «несет» уже не столько первичная или вторичная группа социализации и не столько окружающая социальная среда, сколько сам человек, выбирающий предоставленные ему социальной ситуацией альтернативы. Таким образом, можно сказать, что социализация выступает условием формирования социального опыта и базой для развития социальной идентичности.

Базовым механизмом формирования социальной идентичности является идентификация. Идентификация – это осознанное или неосознанное отождествление себя с кем-либо. В одном случае идентификация по З. Фрейду представляет собой «процесс, посредством которого ребенок присваивает характеристики другого лица, обычно родителя, чтобы

освободиться от собственной тревоги и ослабить внутренние конфликты» [13, с. 165]. В другом – это силовое принуждение или эмоциональные привязанности членов социальных групп. Психоналитическая теория акцентирует внимание на глубинных механизмах формирования социальной идентичности, коренящихся в беспокойстве и страхе утраты своего Я, ущемления потребностей. Отсюда проявления агрессивности в отношении других групп, представляющих реальную или мнимую опасность для данной группы или общности.

Если же стремление к идентичности не достигается индивидуальными творческими усилиями, человек, согласно теории Э. Фромма, может обрести некоторый отличительный признак, идентифицируясь с другим человеком или группой: «Раб идентифицируется с хозяином, гражданин – с государством, рабочий – с компанией. В этом случае чувство идентичности вырастает не из бытия кем-либо, а из принадлежности кому-либо» [14, с. 168]. Способ или форма интеграции с кем-либо происходит на основе характеристики, которая становится социальной ролью, достоянием личности и признается группой для утверждения состоявшегося акта идентификации.

Если идентификацию понимать как совокупность добровольного выбора групп и коалиций для отождествления себя с ними и для вхождения в их состав полноправным членом, то идентичность в этом случае будет представлять собой такое же количество способов интеграции человека с группами разного уровня и ранга (семья, трудовой коллектив, профессиональный союз, народ, граждане страны и т. п.).

В символическом интеракционизме подчеркивается принцип осознания своей социальной позиции сквозь призму восприятия ее другими, то есть путем противопоставления позициям других групп и общностей. Таким образом, люди упрощают, схематизируют правила социального взаимодействия. В концепции Дж. Г. Мида большое внимание уделяется речи, языку, игре, которые способствуют овладению социальными нормами через принятие ребенком на себя роли другого. При рождении человек не обладает идентичностью, она возникает как результат его социального опыта, взаимодействия с другими людьми. Таким образом, акцент делается на социальной обусловленности идентичности: она возникает только при условии включенности индивида в социальную группу, в общении с членами этой группы. При этом исключительное значение придается символической коммуникации – вербальной и невербальной. Развитие идентичности идет от неосознаваемой к осознаваемой. Неосознанно человек отождествляется с окружающими. Осознаваемая идентичность предполагает наличие способности к рефлексии. С одной стороны, общество определяет идентичность индивида, задавая нормы и законы ее существования, с другой стороны, индивид задает собственное окружение в смысле выбора целей, ценностей, потребностей. Возможны ситуации, когда человек стоит перед проблемой: каким образом

достичь переживания себя как взаимосвязанного целого. Такие ситуации возникают, когда человек находится между разными социальными группами, имеющими разные нормы и ценностные ориентации. В таких случаях могут возникнуть две различные идентичности. В концепции Дж. Мида отмечен очень важный момент в развитии социальной идентичности. Она может быть принята как данность, механически и остаться неосознанной, а может подвергнуться рефлексии, быть соотнесенной с личностными характеристиками и стать структурным элементом личности. Дж. Мид рассматривает два процесса становления идентичности: идентификацию и рефлексии [8].

В настоящее время каждый человек сталкивается с проблемой выбора собственной социальной идентичности. Ситуация, когда он принимает единственную социальную позицию, почти нереальна. С одной стороны, такое положение можно считать «неуспешной социализацией», с другой – у каждого есть возможность для проявления своей индивидуальности. Процесс становления и развития социальной идентичности способствует сохранению целостности и индивидуальности опыта человека, «... дает ему возможность предвидеть как внутреннее, так и внешние опасности и соразмерить свои способности с социальными возможностями, предоставляемыми обществом» [15, с. 258].

В работах А. Ватермана акцентируется ценностно-волевой аспект социальной идентичности. Он считает, что социальная идентичность связана у человека с наличием четкого самоопределения, включающего систему целей, ценностей, убеждений, которым человек следует в жизни. Цели, ценности, убеждения автор называет элементами идентичности. Они формируются в результате интернализации, выбора среди различных альтернативных вариантов в период кризиса идентичности и являются основанием для определенного жизненного направления, смысла жизни. Процесс формирования идентичности охватывает средства, с помощью которых человек идентифицирует, оценивает и отбирает ценности, цели и убеждения, которые станут элементами его идентичности. Идентичность невозможно рассматривать без учета содержательной специфики целей, ценностей, убеждений, которые выбирает человек. Каждый ее элемент относится к какой-либо сфере человеческой жизни. А. Ватерман выделил 4 сферы жизни наиболее важные для формирования идентичности:

1. Выбор профессии.
2. Принятие и оценка религиозных и моральных убеждений.
3. Выработка политических взглядов.
4. Принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства.

Необходимо исследовать процессуальную и содержательную стороны социальной идентичности в их единстве и взаимосвязи, что даст возможность проследить пути формирования идентичности и понять значение для личности выборов, сделанных в

какой-либо сфере жизни. Формирование идентичности – не единичный акт, а серия взаимосвязанных выборов, посредством которых человек принимает свои личные цели, ценности, убеждения. Развитие идентичности не является линейным процессом, оно может идти вспять, т. е. возвращаться на более низкий уровень. Даже имея достигнутую идентичность, субъект может вновь испытать кризис и ввергнуться в диффузное состояние. Чувство решенности, достижения идентичности разрушается по мере того, как цели, ценности, убеждения теряют свою жизненность, перестают соответствовать требованиям изменившейся жизни. Если при этом запускается процесс разрешения кризиса, у субъекта есть шанс вновь достичь зрелой идентичности. Но если субъект не хочет замечать происходящих изменений и затрачивать усилия на личностные поиски, возникает опасность погрузиться в диффузное состояние. Существуют приписанные направления социальной идентичности, в рамках которых должен самоопределиваться субъект. Данные направления заданы извне, каждый неизбежно сталкивается с ними. В таких рамках есть немного возможностей для проявления собственной индивидуальности, индивид лишь принимает или отвергает те или иные ценности. Совсем иная ситуация возникает тогда, когда личность сама создает социальную группу или является значимым фактором ее развития или изменения [4].

В современной феноменологической социологии и социологии П. Бурдьё, как и в теориях интеракционизма, четко обозначилось стремление совместить макросоциальную и социально-психологическую парадигмы становления личности как активного социального деятеля – агента социума и субъекта собственной жизнедеятельности. В этих подходах подчеркивается, что индивиды конструируют социальную реальность в контексте данной культуры, продуцируют модели социальных взаимоотношений, опираясь на собственные индивидуальные и личностные свойства и свойства других социальных субъектов, которые взаимодействуют с ними. Таким способом люди формируют схемы социальных взаимосвязей в обществе и действуют в согласии с этими схемами [5].

Идентичность оказывается в центре меняющейся социокультурной реальности. Вместе с тем, рассматривая становление идентичности как определенный вектор социокультурной динамики, следует говорить о непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого индивид узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, приспособляя их к внешнему миру. Проблема идентичности есть проблема выбора и умения вовремя сделать другой выбор, если прежняя идентичность потеряла ценность.

Исследователи понимают идентичность не как релятивистское приписывание подобно кодировке себе и другим определенных черт той или иной идентичности (этнической или гражданской, профессиональной или профессиональной), а как интериоризацию, как усвоение и достояние. И в этом

случае идентичность предстает не как постоянно и произвольно меняющаяся категория, а как набор интериоризованных представлений, идей, черт, норм и форм поведения, изменяющихся в результате осознанной активности личности или под влиянием среды, этнических лидеров и творческих личностей в русле заданной культуры.

Как отмечалось ранее, в процессе становления социальной идентичности задействованы познавательный, оценочный и поведенческий компоненты. Ряд исследователей отмечают, что социальная идентичность формируется по мере роста социальной осведомленности, знаний о своей социальной группе. Таким образом, многие ученые в структуре идентичности в качестве ведущего выделяют когнитивный компонент.

Интересны специальные исследования Г. Тэджфела и его школы, в которых социальная идентификация акцентирует свое внимание на процессах трансформации социально-групповых категорий в категории самосознания личности. Представители теории социальной идентичности считают, что:

1. Социальная идентичность складывается из тех аспектов образа – Я, которые вытекают из восприятия индивидом себя как члена определенных социальных групп.

2. Индивид стремится к сохранению или повышению своей самооценки, позитивному образу себя.

3. Социальные группы и членство в них связаны с сопутствующей положительной или отрицательной оценкой, существующей в обществе, следовательно, социальная идентичность может быть положительной и отрицательной.

4. Оценка индивидом собственной группы определяется взаимоотношениями с некоторыми другими группами через социальное сравнение ценностно-значимых характеристик. Сравнение, результатом которого становится положительное отличие своей группы от чужой, порождает высокий престиж, отрицательное – низкий.

Следствиями изложенных положений теории социальной идентичности является следующее:

1. Индивиды стремятся к достижению и сохранению положительной социальной идентичности.

2. Позитивная социальная идентичность основана на благоприятных сравнениях интруппы с несколькими релевантными аутгруппами.

3. Так как положительная оценка своей группы возможна как результат сравнения, то члены группы стремятся дифференцировать, отделить свою группу от других. Особенно важна такая дифференциация для тех групп, которые не определены формально.

4. Существует ряд переменных, которые оказывают влияние на межгрупповую дифференциацию:

– индивиды должны осознавать принадлежность к группе как один из аспектов своей личности, субъективно идентифицировать себя с группой,

– социальная ситуация должна быть такой, чтобы имели место межгрупповые сравнения,

– ингруппы не сравнивают себя с каждой мысленно доступной аутгруппой. Она должна восприниматься как релевантная для сравнения,

– цель дифференциации сохранить или достигнуть превосходства над аутгруппой,

– когда социальная идентичность не удовлетворяет членов группы, они стремятся либо покинуть группу и присоединиться к другой, либо сделать так, чтобы их настоящая группа стала позитивно отличаться от других.

Развитие идентичности, по Дж. Тернеру, осуществляется с помощью двух основных процессов:

1) ассимиляции и аккомодации (происходит отбор новых компонентов в структуру идентичности, а затем приспособление структуры к этим компонентам (переструктурирование),

2) оценки (определение значения и ценности содержания идентичности, как новых, так и старых).

Эти процессы взаимосвязаны: процесс оценивания может влиять на отбор содержания для ассимиляции и на форму аккомодации. С другой стороны, ассимилируются также ценности, которые задают критерии оценки. Взаимодействие этих процессов во времени приводит к формированию содержательного и ценностного измерений идентичности. Так как социальные изменения постоянны, индивид сталкивается с постоянным изменением информации для ассимиляции. Для поддержания своей идентичности он может какое-то время не воспринимать эти изменения, используя для этого личные стратегии защиты идентичности [12].

С точки зрения теории самокатегоризации, процесс становления социальной идентичности содержит три когнитивных процесса:

1. Индивид самоопределяется как член социальной категории (пол, национальность, социальный статус).

2. Человек не только включает в свой образ – Я общие характеристики групп членства, но и усваивает нормы и стереотипы поведения свойственные им.

3. Усвоенные нормы и стереотипы становятся внутренними регуляторами социального поведения человека.

Основной процесс актуализации и развития социальной идентичности, с точки зрения данной теории, есть процесс межличностного и межгруппового социального сравнения. Человек активно оценивает свою группу и сравнивает ее с другими. В процессе сравнения задействован эмоциональный процесс. Когда индивид включен в низкостатусную группу, это приводит к реализации различных стратегий направленных на сохранение или достижение положительной идентичности. Например, таких:

1. Индивидуальная мобильность – попытки покинуть группу.

2. Социальная креативность – переоценка критериев, по которым происходит сравнение.

3. Социальная конкуренция – приписывание желательных характеристик своей группе и противопоставление группе сравнения.

В данной теории человек также рассматривается как познающий и оценивающий, но не влияющий на социальную группу. Он не изменяет характеристик группы, а лишь принимает их, отвергает или переоценивает [1; 9].

Л. Краппман систематизировал идеи Дж. Мида об осознаваемой идентичности. Он рассматривал условия социальной ситуации, при которых идентичность остается сохранной, и назвал ряд способностей, необходимых человеку для сохранения своей идентичности в ситуации взаимодействия. Представления принимающих участие во взаимодействии партнеров о значении одних и тех же символов различны, часто противоречивы. Постоянно поступающая в процессе взаимодействия новая информация должна перерабатываться индивидом так, чтобы привести ее в соответствие с прежним накопленным опытом. При этом особенно нужна самопрезентация во взаимодействии. Успех поддержания идентичности зависит от наличия у человека следующих способностей: способности к ролевому дистанцированию, к эмпатии, толерантности к противоречиям, успешной презентации своей идентичности [4].

Наиболее интенсивно социальная идентичность развивается в периоды кризисов, когда происходит конфликт сложившихся в результате деятельности образов Я, либо несоответствие представлений о себе требованиям социума. Д. Маттесон ввел понятие «многофазового кризиса». Он обнаружил, что в разных областях, или сферах жизни, идентичность развивается по-разному. Кроме того, исследования показали, что различные проблемы возникают в характерные для них периоды жизни (например, проблема независимости – в подростковом возрасте). Аналогичные выводы сделал Дж. Колеман. Он обнаружил, что разные области достигают пика проблематичности в разном возрасте. Человеческая жизнь предстает как путь преодоления различных по содержанию кризисов идентичности [9].

В концепции А. Б. Орлова для обозначения социальных идентичностей человека используется понятие «персонализация». Эта структура представляет собой динамическую подструктуру личности, которая характеризуется относительно независимым существованием. Самые типичные субличности человека – те, что связаны с социальными (семейными или профессиональными) ролями, которые он принимает на себя в жизни. В случае персонализации ответ на вопрос «кто я?» представляет собой перечень социальных по своей сути ролей, позиций, функций. Генерализация персоны, поглощение одной субперсоной других, приводит, как правило, к возникновению суперперсоны. В генерализированной персоне преодолевается множественность самоотождествлений человека, однако ложность этих самоотождествлений усиливается. Тем не менее именно эта идентификация является первичным элементом самосознания, ощущения собственного Я [11].

В работах В. С. Мухиной акцент делается на онтогенезе и филогенезе идентификации личности, и

ценностной стороне феномена самосознания. Выделяется два основных этапа в развитии самосознания. Первый – присвоение структуры самосознания через механизм межличностной идентификации. Структура характеризуется основными феноменами: именем, притязанием на признание, полом, видением себя во времени. Второй этап – формирование мировоззрения и системы личностных смыслов. Здесь механизмы идентификации и обособления действуют на эмоциональном и когнитивном уровнях. Развитая личность прогнозирует себя в будущем, формирует образ своей жизненной позиции, «сохраняет свое лицо» при взаимодействии с другими. Однако предполагается, что в крайних случаях естественная обособленность может привести к отчуждению. В. С. Мухиной соответственно предполагается три возможности развития: гиперболизированной идентификации с другими индивидами, обособления от них и гармонического взаимодействия [10].

В. А. Ядов описывает формирование социальной идентичности как процесс социальной идентификации личности. Социальная природа человека предполагает, что он стремится к включению в социум и вместе с тем – к выделению из социума в качестве индивидуальности. Социальная идентичность есть осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным общностям: таким как малая группа, класс, семья и тому подобное. Чувство принадлежности к социальной общности призвано выполнять важные социальные и социально-психологические функции: обеспечивает подчинение индивида социальной группе, но вместе с тем – групповую защиту и критерии оценки и самооценки. Изучение доминирующих тенденций формирования новой социальной идентичности – важная информация о процессах становления реальных социальных субъектов в условиях социально-экономических преобразований [17].

Рассмотрев анализ социальной идентичности с точки зрения различных авторов, можно утверждать, что социальная идентичность является результатом взаимодействия с социальной средой, в процессе которого индивид усваивает социальный опыт и, реализуя процессы идентификации, интернализации и рефлексии, формирует образы собственного Я, находящиеся на разных уровнях самокатегоризации. При обретении идентичности задействованы процессы самопознания, самооценивания и самопрезентации, а также накопление знаний, оценок и способов поведения, составляющие содержание идентичности.

Реальность российского общества обусловила трансформацию модели социализации личности. Во-первых, отсутствуют четкие нормы социализированности в российском обществе. Во-вторых, нормативы социализации существенно трансформировались в связи с переориентацией общества на новые эталоны. В этой связи социализационные процессы в российском обществе протекают специфически: с одной стороны, есть сформировавшаяся за долгое время система включения личности в общественные отношения, с другой стороны, эта сис-

тема во многом не устраивает и противоречит сознанию молодого поколения, активно включенного в информационные процессы. Изменяющаяся социальная реальность («исчезновение» старых и появление «новых» социальных категорий) привела как к изменениям в системе социальных самоидентификаций личности, так и к изменениям самих процессов идентификации. Анализ результатов исследований в современном российском обществе выявил основные векторы изменения процессов самоидентификации: от стабильности к неустойчивости, диффузности, неопределенности; от унифицированности к разнообразию; от глобальности к детализации; от потребности в самоуважении к потребности в смысле; от оценочной полярности к антиномичному единству [7]. Данные изменения отражают глубинные изменения в обществе и человеческом сознании в направлении большего разнообразия, богатства, полнокровности и способствуют более адекватной адаптации в изменившихся условиях.

Литература

1. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы [Текст] / В. С. Агеев. – М.: МГУ, 1990. – 240 с.
2. Адлер, А. Наука жить [Текст] / А. Адлер. – Киев: Port Royal, 1997. – 288 с.
3. Андреева, Г. М. Психология социального познания [Текст] / Г. М. Андреева – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 288 с.
4. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентификации в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии [Текст] / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–143.
5. Баранова, Т. С. Теоретические модели социальной идентификации личности [Текст] / Т. С. Баранова // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – С. 35–46.
6. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Московский философский фонд, 1995. – 322 с.
7. Данилова, Е. Н. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ [Текст] / Е. Н. Данилова, В. А. Ядов // СОЦИС. – 2004. – № 10. – С. 27 – 30
8. Кон, И. С. Открытие «Я» [Текст] / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1978. – 138 с.
9. Лукс, Г. А. Неформальные объединения молодежи на рубеже тысячелетий: научно-аналитический обзор [Текст] / Г. А. Лукс, А. А. Кутьина, А. А. Матвеева; под ред. Г. А. Лукс, О. Б. Фурсова. – Самара: Самарский университет, 2002. – 104 с.
10. Мухина, В. С. Возрастная психология: детство, отрочество, юность [Текст] / В. С. Мухина. – М.: Академия, 2005. – 624 с.
11. Орлов, А. Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека [Текст] / А. Б. Орлов // Вопросы психологии. – 1995. – № 2. – С. 5 – 12

12. Тернер, Дж. Структура социологической теории [Текст] / Дж. Тернер. – М.: Прогресс, 1985. – 476 с.

13. Фрейд, З. Основные принципы психоанализа [Текст] / З. Фрейд; пер. с англ. – М.: Реф. бук., 1998. – 288 с.

14. Фромм, Э. Иметь или быть [Текст] / Э. Фромм. – М.: АСТ, 1990. – 238 с.

15. Шибутани, Т. Социальная психология [Текст] / Т. Шибутани; пер. с англ. В. Б. Ольшанского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 544 с.

16. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 342 с.

17. Ядов, В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности [Текст] / В. А. Ядов // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара: БАХРАХ-М, 2000. – С. 589 – 601.

УДК 159.9.072:340.692

ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА

М. С. Яницкий

THE SUBJECT AND THE METHODOLOGICAL BASES OF JUDICIAL-PSYCHOLOGICAL EXAMINATION OF THE TEXT

M. S. Janitsky

Анализируются содержание и предмет судебно-психологической экспертизы текста. Рассматривается методология исследования коммуникативного намерения, негативной пропаганды, психологического давления и манипулятивного воздействия.

The maintenance and subject of judicial-psychological examination of the text are analyzed. The methodology of research of communicative intention, negative propagation, psychological pressure and manipulation are considered.

Ключевые слова: текст, судебно-психологическая экспертиза, коммуникативное намерение, пропаганда, психологическое давление, побуждение к действию.

Keywords: the text, judicial-psychological examination, communicative intention, propagation, psychological pressure, prompting to action.

Одним из новых направлений экспертной деятельности психолога становится судебно-психологическая экспертиза текстов – книг, статей, листовок, страниц интернет, аудио- и видеозаписей публичных выступлений и других коммуникативных актов. Несмотря на возрастающую востребованность такого рода исследований, в существующих руководствах по судебной и юридической психологии данный вид экспертной деятельности психолога практически не описан. Так, В. Л. Васильев сводит экспертизу письменных и других текстовых материалов до анализа речи, направленного лишь на диагностику психических нарушений, эмоционального состояния и личностных особенностей коммуниканта [3].

В нашей практике судом и следственными органами в рамках исследования печатных текстов и аудио- видеоматериалов перед экспертом-психологом наиболее часто ставились следующие вопросы:

- реализуется ли в тексте осознаваемое коммуникативное намерение автора? Если да, то какое именно намерение?

- является ли материал, представленный на экспертизу, пропагандистским?

- может ли текстовый материал, представленный на экспертизу, оказать побудительное воздействие на сознание, волю и поведение человека?

- содержит ли представленный материал признаки, указывающие на психологическое давление, психологическое воздействие, манипулирование в процессе взаимодействия?

- в каком психологическом состоянии находятся участники коммуникации?

- находится ли участники коммуникации в состоянии стресса или ином состоянии, которое могло бы снизить уровень сознательного контроля за своими действиями и ограничить свободу волеизъявления?

Объектом экспертного исследования в этих случаях могут выступать самые различные текстовые материалы. Как известно, под текстом понимается объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность. При этом понятие «текст» включает в себя не только собственно тексты письменной или устной речи, но и связанный с ними контекст – иллюстрации, музыку, видеоряд и т. п., то есть всякий «связный знаковый комплекс» [2, с. 281].

Текст обладает коммуникативной направленностью (т. е. создается с определенной целью и имеет потенциального адресата), а также смысловой целостностью, тематической однородностью. Модель анализа коммуникации включает в себя анализ коммуникативного намерения (или интенции), формы

его реализации, а также результата коммуникации (реального или потенциального воздействия на адресата) [15]. Таким образом, экспертом психологом при проведении исследования должны быть решены вопросы осознанности и характера коммуникативного намерения (интенции), а также возможности и способов побудительного воздействия на сознание, волю и поведение человека. Основным методом психологического исследования в последнем случае является психологический анализ представленных на экспертизу печатных или же аудио- и видеоматериалов, направленный на обнаружение признаков использования приемов психологического давления и манипулирующего воздействия в вербальных и невербальных составляющих процесса коммуникации между ее участниками, а также на обнаружение у кого-либо из них признаков измененного состояния сознания либо юридически значимого измененного эмоционального состояния.

Таким образом, предметом исследования при проведении судебно-психологической экспертизы текста являются: коммуникативное намерение автора или участников взаимодействия; наличие признаков, указывающих на пропагандистский характер материалов; наличие признаков психологического давления и манипулятивного воздействия; наличие признаков измененного состояния сознания и других юридически значимых состояний; возможность побудительного воздействия на сознание, волю и поведение человека.

Понятие «коммуникативное намерение». Исходя из теории коммуникации, можно констатировать, что в основе появления текста лежит определенная коммуникативная стратегия [13]. Использование понятия «коммуникативная стратегия» подразумевает обращение и к другим понятиям – коммуникативная цель, коммуникативное намерение (интенция), коммуникативная тактика, коммуникативная перспектива, коммуникативный опыт и коммуникативная компетенция.

Под коммуникативной стратегией понимается совокупность запланированных заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели. Представление о способе объединения этих теоретических ходов в единое целое (коммуникативную стратегию) называется коммуникативной интенцией, которая и есть движущая сила коммуникативной стратегии. Коммуникативная цель – стратегический результат, на который направлен коммуникативный акт. Коммуникативный акт имеет коммуникативную перспективу, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в реальности. Коммуникативное намерение трактуется в качестве тактического хода, являющегося практическим средством движения к соответствующей коммуникативной цели. Вся совокупность таких практических средств в реальном процессе взаимодействия создает коммуникативную тактику.

Е. В. Клюев предлагает следующую схему, позволяющую понять соотношение элементов стратегии и тактики в коммуникативном процессе: «Ис-

пользуя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу, то есть, возможность вызвать желаемые последствия в реальности) и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется в коммуникативную тактику (или не преобразуется, или преобразуется неуспешно) как совокупность коммуникативных намерений» [7, с. 10–11]. При этом коммуникативные намерения функционально могут быть разделены на информативные, эмотивные (эмоционально-экспрессивные) и прагматические (реализующие функцию воздействия).

В существующих определениях коммуникативного намерения (интенции) акцентируются его различные аспекты. В психологии речи интенция понимается как первый этап порождения высказывания (А. А. Леонтьев). За нею следуют внутреннее проговаривание и реализация. Интенция может также отождествляться с целью высказывания. Если следовать классификации высказываний по их общей цели, каждую из таких целей можно соотнести с обобщенной интенцией: сообщить, осведомиться о чем-либо, или побудить к чему-либо.

По определению Г. П. Грайса, интенция представляет собой намерение сообщить нечто, передать в высказывании определенное субъективное значение. Это субъективное значение сводится к понятию, выражаемому глаголом «подразумевать». В его модели сообщающий (говорящий) *S*, вкладывая свой смысл (то, что он имеет в виду) в высказывание *x*, реализует свои интенции: (*i1*) – он намерен произнесением *x* вызвать определённую реакцию *r* в аудитории *A*; (*i2*) – он хочет, чтобы *A* распознала его намерение *i1*, а также (*i3*) – чтобы распознавание намерения *i1* со стороны *A* явилось основанием для реакции *r* (рис. 1). Для успеха коммуникации необходимы все три типа интенций [5].

В рамках исследования коммуникативной интенции целого текста (интенционального анализа текста) ее функция рассматривается как текстообразующая, что дает возможность классификации текстов по преобладающей интенции, по определенности/неопределенности, выраженности/сокрытости интенции в тексте и т. д.

В нашей практике анализируемые тексты, как правило, имели логически увязанные и последовательно реализуемые частные интенции, что подтверждало целостность общего коммуникативного намерения и направленности воздействия, а также его осознанность. Так, например, в одном из текстов нами были выявлены следующие частные интенции: сообщение фактической информации; формирование негативного эмоционального фона; возбуждение национальной и расовой розни; побуждение к действию. Очевидно, что в данном случае ведущими коммуникативными намерениями являются возбуждение расовой и национальной розни, и побуждение к действию – к применению насилия в отношении граждан в связи с их национальной и расовой принадлежностью. Сообщение фактической информа-

ции и формирование негативных эмоций здесь носят инструментальный характер, способствуя созданию

соответствующего эмоционального фона для повышения эффективности побудительного воздействия.

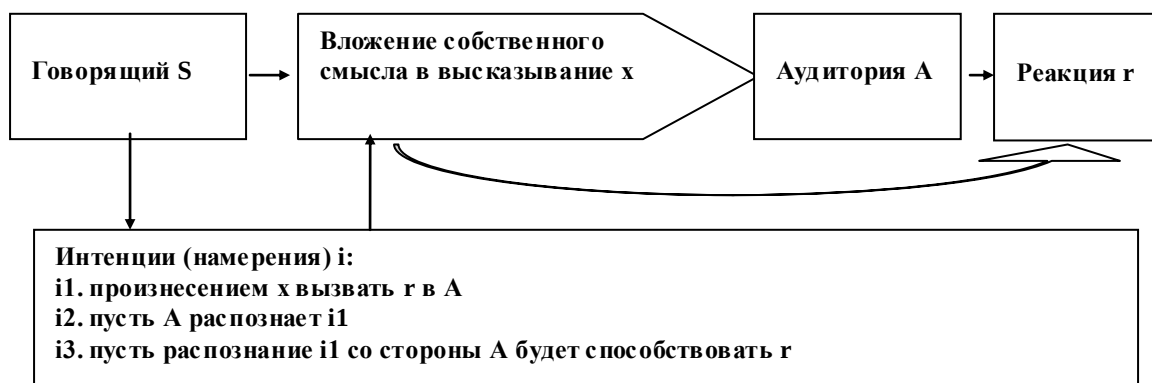

Рис. 1. Модель коммуникации, по Г. П. Грайсу

Понятие «пропаганда». В социальной психологии под пропагандой понимается система деятельности, направленная на распространение знаний, художественных ценностей и др. информации с целью формирования определённых взглядов, представлений, эмоциональных состояний, оказания влияния на социальное поведение людей [19, с. 271]. Таким образом, целью пропаганды является побудительное воздействие на сознание и поведение человека.

Пропаганда воздействует на эмоционально-волевую сферу массового сознания. Следовательно, психологическому воздействию пропаганды подвергаются, в первую очередь, эмоции. По тому, какие эмоции у людей пробуждает пропаганда, А. Цуладзе различает позитивную и негативную пропаганду.

Цель позитивной пропаганды – способствовать социальной гармонии, согласию, воспитанию людей в соответствии с общепринятыми ценностями. Позитивная пропаганда выполняет воспитательную, информационную, разъяснительную функции в обществе. Она осуществляется в интересах тех, кому адресована, а не ограниченного круга заинтересованных лиц. Позитивная пропаганда не преследует манипулятивных целей, не допускает ложь и сокрытие фактов.

Цель негативной пропаганды – разжигание социальной вражды, эскалация социальных конфликтов, обострение противоречий в обществе. Это позволяет разобщить людей, сделать их послушными воле пропагандиста. Технология создания «образа врага» позволяет сплотить толпу вокруг пропагандиста, навязать ей выгодные ему убеждения и стереотипы. Основная функция негативной пропаганды – создание иллюзорной, параллельной реальности, выгодной пропагандисту, с перевернутой системой ценностей, убеждений, взглядов. Негативная пропаганда активно пользуется низкой критичностью и внушаемостью масс с целью манипулирования ими [21, с. 100 – 101].

В ходе психологического анализа представленных на экспертизу текстов нами в ряде случаев было сделано заключение, что они являются пропагандистскими, содержат негативную пропаганду, например –

пропаганду ненависти и вражды по национальному и религиозному признаку, пропаганду превосходства того или иного народа и неполноценности представителей иных расовых и этнических групп и т. п.

Понятия «психологическое давление» и «манипулятивное воздействие». Психологическое давление рассматривается в контексте психологического воздействия, в частности, – манипуляции, определяемой как «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [6, с. 137]. Манипулятивное психологическое воздействие на личность, на ее представления и эмоционально-волевую сферу, а также на групповое и массовое сознание принято определять как «инструмент психологического давления с целью явного или скрытого побуждения индивидуальных и социальных субъектов к действиям в ущерб собственным интересам в интересах отдельных лиц, групп или организаций, осуществляющих эти воздействия» [16]. Е. Н. Волков предлагает следующую классификацию наиболее распространенных приемов манипулятивного воздействия:

1. Техники влияния и уговаривания (использование ошибок восприятия, желаний, предрассудков; создание доверия к источнику; создание и донесение послания; управление эмоциями и др.).
2. Когнитивные приемы логического типа (ложные аналогии; подмена логических доказательств метафорами; софизмы; ложный довод (обман); подтасовка или сокрытие информации; неполные сравнения; использование неясных и неточных понятий; использование отвлекающих или запутанных высказываний; стремление взять последнее слово и др.).
3. Эвристики (эвристика наглядности, доступности, яркости; эвристика моделирования; эвристика репрезентативности).
4. Поведенческие ловушки (ловушки отсрочки; ловушки неведения; ловушки вклада; ловушки ухудшающейся ситуации; коллективные ловушки и др.).
5. Когнитивно-эмоциональные ловушки (неспособность увидеть очевидное противоречие; чрез-

мерная уверенность; склонность принимать желаемое за действительное; ловушка рационализации; зависимость от эмоционального состояния; эффект субъективного подтверждения и др.).

6. Феномены группового влияния и групповой динамики (эксплуатация сдвига к риску; групповое давление; использование группового подкрепления; использование снижения индивидуальной ответственности в группе; использование группового нормативного влияния; использование группового информационного влияния) [4].

Д. В. Ольшанский выделяет следующие приемы психологического давления: многократное повторение одного и того же ложного тезиса, ссылки на авторитеты в сочетании с различными спекуляциями (начиная от искажения цитат и кончая ссылками на несуществующие источники); манипуляция («игра») цифрами и фактами для создания видимости объективности и точности; тенденциозный подбор иллюстративного материала с упором на эффект «драматизирующего воздействия»; устрашающие «наглядные иллюстрации» пропагандистских взглядов и позиций, и другие аналогичные приемы, рассчитанные на создание эмоционального дискомфорта и нейтрализацию способности человека рационально оценивать предоставляемую информацию [14].

В социальной психологии информацию, передаваемую от человека к человеку, классифицируют с точки зрения меры активности позиции коммуникатора, различая в ней сообщение, убеждение и внушение.

Внушение (суггестия) представляет собой целенаправленное, неаргументированное воздействие одного человека на другого или на группу. При внушении осуществляется процесс передачи информации, основанный на ее некритическом восприятии. Предполагается, что человек, принимающий информацию, в случае внушения не способен на ее критическую оценку [1, с. 178].

Соответственно, внушение в психологии определяется как «процесс воздействия на психическую сферу человека, связанный со снижением критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, с отсутствием целенаправленного активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соотношении с прошлым опытом и данным состоянием субъекта» [17, с. 57]. Тем самым условием внушения выступает снижение способности субъекта к сознательному волевому контролю своих действий и осознанию их последствий, которое может наблюдаться в измененном состоянии сознания (досугнутом, например, посредством гипноза).

Под убеждением понимают «метод воздействия на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению». Основу метода убеждения составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче [17, с. 413].

Г. М. Андреева, обобщая имеющиеся психологические подходы, четко разводит понятия внушения и убеждения. Внушение отличается от убеждения тем, что непосредственно вызывает определенное психическое состояние, не нуждаясь в доказа-

тельствах и логике. Убеждение, напротив, построено на том, чтобы с помощью логического обоснования добиться согласия от человека, принимающего информацию. При внушении же достигается не согласие, а просто принятие информации, основанное на готовом выводе, в то время как в случае убеждения вывод быть сделан принимающим информацию самостоятельно. Поэтому убеждение представляет собой преимущественно интеллектуальное, а внушение – преимущественно эмоционально-волевое воздействие [1, с. 179].

В рамках судебно-психологических экспертиз манипулирующего воздействия и психологического давления могут обнаруживаться признаки использования специальных приемов классического и эриксоновского гипноза, различных техник наведения транса, нейролингвистического программирования, поведенческой психотерапии и др. В качестве основополагающего доказательства реальности использования приемов манипулирующего воздействия на сознание личности В. Д. Менделевич предлагает рассматривать достижение у объекта воздействия измененного состояния сознания (транса) [11].

В нашей экспертной практике наличие признаков манипулирующего воздействия было установлено, в частности, в деятельности ряда организаций, действующих по принципу финансовой пирамиды [22]. Проведенное нами исследование продемонстрировало реальность существования детально проработанного и эффективного алгоритма психологического воздействия на потенциальных участников финансовых пирамид. Важное место в алгоритме такого психологического воздействия занимали приемы и техники, направленные на целенаправленное введение потенциальных жертв в измененное состояние сознания, находясь в котором они не могли в полной мере осознавать последствия своих действий и руководить ими.

Измененные эмоциональные состояния. Ряд эмоциональных состояний специфически воздействует на характер познавательных процессов и на структуру сознания субъекта. Это воздействие приводит к феномену сужения сознания, что, в свою очередь, ограничивает меру осознания своих действий и свободу волеизъявления. К таким юридически значимым состояниям относятся: *состояние физиологического аффекта* (сильного душевного волнения), *стресс* (психическая напряженность) и *фрустрация* [3, с. 547].

Аффект, в классическом определении С. Л. Рубинштейна, это «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии» [цит. по 18]. Длительность подобного состояния может колебаться от нескольких секунд до нескольких минут, после чего наступает резкий и стремительный спад эмоционального возбуждения, нарастает состояние опустошения, крайней усталости. Возникновение физиологического аффекта связано, как правило, с чрезмерной значимостью ситуации – угрозой жизни, тяжким оскорблением, унижением и т. д.

Состояние аффекта характеризуется ярко выраженными вегетативными (резкая бледность или покраснение лица; бегающие, суженные или расширенные зрачки; изменение тембра голоса и темпа речи, прерывистость голоса, учащение дыхания) и двигательными (тремор рук или других частей тела, дрожание губ; стереотипные действия, двигательные автоматизмы) проявлениями.

Стресс понимается как состояние психического напряжения, возникающее у человека в процессе деятельности в наиболее сложных, трудных условиях, как в повседневной жизни, так и при особых экстремальных состояниях.

Объективными признаками, по которым можно судить о стрессе, являются его физиологические (повышение артериального давления, изменение сердечно-сосудистой деятельности, мускульное напряжение, учащенное дыхание и др.) и психологические (переживание тревоги, раздражительность, ощущение беспокойства, усталость и др.) проявления.

Фрустрация – это психическое состояние дезорганизации сознания и деятельности человека, вызванное объективно непреодолимыми препятствиями. Состояние фрустрации характеризуется двумя обязательными условиями: это наличие актуально значимой потребности и наличие препятствий для осуществления этой потребности. Необходимым признаком фрустрации является сильная мотивированность личности к достижению цели, удовлетворению значимой потребности и наличие преграды, препятствующей достижению этой цели.

Для фрустрационного поведения характерно нарушение его мотивированности и целесообразности. Внешне поведение человека в период фрустрации выражается в двигательном беспокойстве, в апатии, в агрессии и деструкции, в регрессии (обращении к моделям поведения более раннего периода жизни) [3, с. 546 – 556].

В нашей практике имелись случаи диагностики измененного эмоционального состояния участников коммуникации, в частности – состояния физиологического аффекта. Так, один из участников коммуникации находился в состоянии выраженного эмоционального напряжения, сопровождавшимся чувством страха за свою жизнь. Данное состояние проявлялось внешними физиологическими изменениями с расстройствами вегетативной регуляции, сужением сознания, импульсивными действиями с утратой сдерживающего волевого контроля, затем – физическим истощением с последующей астенией, частичной амнезией своих действий, дереализацией и отчуждением содеянного.

Возможность побудительного воздействия на сознание, волю и поведение человека. Помимо диагностики факта психологического воздействия в процессе коммуникации, которое может подтверждаться достижением измененного состояния сознания или измененного эмоционального состояния, в ряде случаев задачей эксперта-психолога является также установление потенциальной возможности такого воздействия. При этом в представленных на экспертизу текстах могут не обнаруживаться какие-либо специальные профессиональные средства ма-

нипулятивного воздействия, характерные для классического и эриксоновского гипноза, различных техник наведения транса, нейролингвистического программирования, поведенческой психотерапии и других направлений практической психологии. В данном случае в ходе экспертизы устанавливается наличие элементов, потенциально способных оказать психологическое давление на слушателя – эмоциональных образов, высокой эмоциональной экспрессии текста и музыки.

Как показано в классической работе В. Л. Леви, музыка является одним из наиболее эффективных способов воздействия на эмоции и чувства, представляя собой «сильнейший психологический побудитель, проникающий в подсудные глубины сознания» [9]. Акцентированный ритм и чувственный характер мелодии позволяют рассматривать ее в качестве побудителя активности. В ряде случаев можно предположить достаточно высокую эффективность побудительного воздействия вследствие синергизма – взаимоусиления воздействия текста, музыки и видеоряда.

Таким образом, наличие в материалах, представленных на исследование, эмоциональных образов, высокой эмоциональной экспрессии текста или музыки, является внешним воздействием на эмоциональную сферу личности и, соответственно, может рассматриваться в качестве стимула.

Аналогичную роль могут выполнять содержащиеся в тексте прямые и косвенные призывы и обращения, констатация наличия или отсутствия которых относится к компетенции специалиста в области лингвистики. С психологической точки зрения, призывы, содержащиеся в тексте, представляют собой внешнее побуждение к действию, заставляющие или вынуждающие человека активизировать действия определенным образом, и, соответственно, также являются стимулами.

Как известно, в психологии массовых коммуникаций люди воспринимают одно и то же сообщение по-разному и реагируют на него различным образом [20, с. 41–42]. По данным классика отечественной социальной психологии В.Н. Кунисыной, усваивается лишь та информация, что соответствует мнению индивидуума. Всего лишь около 4 % людей (из тех, кто имел до этого противоположный взгляд), под влиянием пропаганды могут изменить свое мировоззрение, и около 14 % из тех, кто занимал нейтральную позицию [8].

Однако тот факт, что эффекты от стимулирующего воздействия текста могут оказаться неединообразными, не снижает их принципиального значения. При соответствии со взглядами, чувствами, настроениями, интересами, стремлениями человека данные стимулы могут становиться внутренними побудительными мотивами и тем самым могут оказать побудительное воздействие на сознание, волю и поведение читателя.

В заключение следует подчеркнуть, что во многих случаях при экспертизе текстовых материалов для того, чтобы дать обоснованный и категоричный ответ на вопрос, поставленный перед экспертом, специальных познаний в области одной лишь психоло-

гии оказывается недостаточно. Как справедливо указывает Б. Ф. Ломов, «большинство задач, относящихся к сфере практической психологии, являются в принципе комплексными, требующими учета сложного системного строения личности, целостного подхода к оценке психической деятельности. Успешное их решение невозможно без ясного представления о пределах компетенции практических психологов и разработки принципов их взаимодействия с представителями смежных научных специальностей. Особую важность соблюдение этого требования имеет в такой области приложения психологической науки, как судебная экспертиза» [10]. Очевидно, что это в полной мере касается и психологического анализа текста – по словам Э. И. Мещеряковой, «в настоящее время все больше осознается необходимость интердисциплинарного подхода к тексту как инструменту познавательно-коммуникативной деятельности» [12, с. 4]. Сказанное определяет значимость рассмотрения текстов с привлечением не только эксперта-психолога, но и специалиста в области лингвистики и, соответственно, целесообразность назначения не собственно психологической, а комплексной психолого-лингвистической экспертизы.

Литература

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений [Текст] / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 179.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Васильев, В. Л. Юридическая психология [Текст]: учебник для вузов / В. Л. Васильев – СПб.: Питер, 2004. – 655 с.
4. Волков, Е. Н. Преступная эксплуатация когнитивной, поведенческой и эмоциональной незащищенности – базовые механизмы, основные признаки и проблемы экспертного выявления [Текст] / Е. Н. Волков // Профилактика психологического насилия, манипулирования сознанием и развитие критического мышления в молодежной среде. – Киев: Союз защиты семьи и личности, 2004. – С. 125 – 133.
5. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение [Текст] / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217 – 237.
6. Доценко, Е. Л. Манипуляция: психологическое определение понятия [Текст] / Е. Л. Доценко // Психологический журнал. 1993. – № 4. – С. 132 – 138.
7. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и вузов [Текст] / Е. В. Клюев – М.: ПРИОР, 1998. – 224 с.
8. Куницына, В. Н. Человек в мире информации [Текст] / В. Н. Куницына // Социальная психология личности. – Л.: 1974. – 180 с.
9. Леви, В. Л. Вопросы психобиологии музыки [Текст] / В. Л. Леви // Советская музыка. – 1966 – № 8. – С. 37 – 43.
10. Ломов, Б. Ф. Предисловие к книге: Кудрявцев, И. А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза [Текст] / Б. Ф. Ломов – М.: Юрид. лит., 1988. – С. 3 – 4.
11. Менделевич, В. Д. Экспертная оценка суггестивного воздействия (по материалам психолого-психиатрических заключений о деятельности бизнес-клубов) [Текст] / В. Д. Менделевич // Независимый психиатрический журнал. – 2004. – № 2. – С. 23 – 38.
12. Мещерякова, Э. И. Текст в психодиагностике и консультировании [Текст] / Э. И. Мещерякова – Томск: ТГУ, 2001. – 142 с.
13. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики [Текст] / Н. Н. Миронова – М.: НВИ: Те-заурус, 1997. – 158 с.
14. Ольшанский, Д. В. Основы политической психологии [Текст] / Д. В. Ольшанский – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
15. Остин, Дж. Слово как действие [Текст] / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: 1986. – С. 22 – 129.
16. Проблемы информационно-психологической безопасности [Текст] / под ред. А. В. Брушлинского и В. Е. Лепского. – М.: Институт психологии РАН, 1996. – 100 с.
17. Психология. Словарь [Текст] / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
18. Ситковская, О. Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта [Текст] / О. Д. Ситковская – М.: 1983. – 71 с.
19. Социологический энциклопедический словарь [Текст] / редактор-составитель академик РАН Г. В. Осипов. – М.: НОРМА : ИНФРА М, 2000. – 488 с.
20. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций [Текст] / Р. Харрис – СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. – 448 с.
21. Цуладзе, А. Большая манипулятивная игра [Текст] / А. Цуладзе – М.: Алгоритм, 2000. – 336 с.
22. Яницкий, М. С. Приемы и методы психологического воздействия на потенциальных участников финансовых пирамид [Текст] / М. С. Яницкий // Сибирский психологический журнал (г. Томск). – 2007. – № 25. – С. 151 – 155.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

УДК 331.5:374.32

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ***М. Н. Антропова***STUDY CHALLENGES STUDENT EMPLOYMENT YOUNG PEOPLE
IN SOCIAL AND LABOR RELATIONS***M. N. Antropova*

В статье рассматриваются особенности занятости современной молодежи на рынке труда и обозначена специфика проблем, возникающих в данной сфере. Анализируется существующая практика оказания помощи студентам и выпускникам в решении проблем трудоустройства. В частности, раскрывается сущность государственной молодежной политики в сфере занятости молодежи, дается характеристика программы содействия трудоустройству студентов и выпускников, а также перечислены основные способы решения проблем трудоустройства студенческой молодежи.

The article discusses the features of today's youth employment on the labor market and marked specificity of the problems in this area. We analyze the current practice to assist students and graduates in solving problems of employment, in particular, reveals the essence of the state youth policy in the sphere of youth employment, a characteristic of a program to promote employability of students and alumni, as well as lists the main ways of solving problems of employment of students.

Ключевые слова: молодежь, молодежная занятость, государственная молодежная политика.

Keywords: youth, youth employment, the state youth policy.

В современных условиях России вопросы экономического положения и материального обеспечения студентов, приобрели острый характер. Снижение уровня жизни большей части населения, безработица, развитие форм платного образования, мизерные стипендии заставляют студентов обращаться к поискам дополнительных заработков.

Выпускникам вузов предстоит решать возникающие в обществе проблемы, и от того, каких принципов, норм и ценностей придерживается современная студенческая молодежь, во многом зависит либо успех, либо неудача предпринимаемых попыток модернизации общества.

В условиях рыночного реформирования российской экономики, наряду с сокращением численности и доли занятого в экономике трудоспособного населения, быстро увеличивается контингент студентов очной формы обучения, сочетающих обучение с работой в различных сферах деятельности. Сегодня трудовой деятельностью охвачено уже несколько миллионов студентов, еще больше студентов ищут работу. Таким образом, трудовая деятельность студентов приобрела в современном российском обществе массовый характер. В процессе трудовой деятельности у студенческой молодежи формируются новые представления о роли профессии и профессиональных достижений в жизни, целях профессиональной деятельности и о способах их достижения, меняются ценностные ориентиры, критерии социальной дифференциации. Отмена системы распределения выпускников, коммерциализация образования, инфляция – все это превращает выживание современного студента в одну из острейших социаль-

ных проблем, и трудовая деятельность выступает одним из элементов защищенности студентов.

Проблема молодежной занятости привлекает все большее внимание ученых и специалистов. В связи с этим резко возрастает актуальность исследования трудовой деятельности студентов. Особый интерес представляет исследование влияния вторичной занятости студентов на их ценностные ориентации, социально-профессиональную адаптацию, социализацию и интеграцию в социальную структуру общества. Многие ученые и специалисты сходятся во мнении, что на сегодняшний момент трудоустройство молодежи становится объективной проблемой современного общества.

Молодежи всегда была свойственна более высокая текучесть кадров, обусловленная утверждением себя в профессиональной жизни. При переходе к рыночной экономике, когда стали возникать новые сферы деятельности и увеличиваться дифференциация в оплате труда, складываются объективные предпосылки для усиления движения рабочей силы из числа молодежи. В то же время ориентация многих организаций на сиюминутные интересы, особенно в кризисных отраслях экономики, приводит к частичной невостребованности молодежи, получившей профессиональное образование и не имеющей практического опыта работы. Одновременно стали меняться профессиональные предпочтения молодежи при выборе сферы приложения труда [3, с. 65]. Молодежь устремилась в те виды деятельности, которые раньше были для нее не очень привлекательными (например, финансы и кредитование, торгово-посредническая деятельность) и потеряла

интерес к тем, которые еще недавно представляли интерес (некоторые отрасли машиностроения, наука и научное обслуживание).

Среди работающей молодежи большую долю, чем среди всех занятых, составляют занятые в отраслях нематериального производства, прежде всего за счет повышенной доли народного образования, управления, финансирования, кредитования и страхования, где происходит не столько смена поколений в рамках стабильной численности, сколько расширение этих сфер деятельности, позволившее привлечь дополнительный контингент из числа молодежи.

В группе отраслей материального производства молодежь, по сравнению с общим контингентом занятых, отдает предпочтение только одной отрасли – торговле и общественному питанию. Кроме того, среди 15 – 19-летних более высокую долю составляет сельскохозяйственная занятость, в основном за счет мужской молодежи [3, с. 50].

Следует отметить, что в условиях ожидаемого нарастания общей безработицы улучшение трудоустройства молодежи может привести к дополнительным проблемам занятости других возрастных групп экономически активного населения, прежде всего лиц старших возрастов.

Входя в трудовую деятельность в новых социально-экономических условиях, выпускник вуза вынужден адаптироваться к социальным институтам, регулирующим занятость. Если раньше каждому выпускнику учреждения профессионального образования было гарантировано трудоустройство по специальности, то в настоящее время молодые специалисты предоставлены сами себе и, как правило, должны сами заботиться о трудоустройстве. Это порождает возникновение определенных трудностей, связанных с процессом освоения соответствующих «правил поведения» на рынке труда и занятости.

Молодым специалистам не всегда удается работать по полученной специальности, нередко приходится осваивать новую квалификацию «на ходу», включаясь в практическую деятельность, часто не соответствующую профилю основной профессиональной подготовки.

Ситуация усугубляется тем, что с появлением рынка труда значительная часть выпускников высшей школы, оказалась недостаточно подготовленной к новым условиям профессионального самоопределения и самоутверждения. Это создает у них психологический дискомфорт, ведет к дестабилизации личности, к возникновению и нарастанию таких негативных психических состояний, как беспокойство, эмоциональная напряженность, тревожность, что оказывает существенное влияние на психическое и физическое здоровье молодых специалистов [5, с. 32 – 38].

В процессе обучения большинство студентов вузов рассчитывают на предоставляемые высшим образованием долгосрочные выгоды. Раньше диплом высшего учебного заведения давал выпускнику уважение, престижную работу, высокую занимаемую должность. Но в последнее время диплом

перестал быть простым пропуском в мир больших возможностей. Для того, чтобы реализовать себя в послевузовской жизни, нынешним студентам уже на первых курсах необходимо строить свою карьеру, и это касается не только полученных знаний.

На современном этапе развития существует серьезная проблема рассогласованности интересов бизнеса, вузов и выпускников по поводу проблем трудоустройства и развития карьеры. С одной стороны, существует разрыв между потребностями бизнеса в соответствующих компетенциях выпускников и предложением компетенций, которые формирует вуз в соответствии с Государственным образовательным стандартом [3, с. 153]. С другой стороны, как уже было сказано выше, у многих студентов отсутствуют целевые установки по поводу своего будущего профессионального развития, либо цели достаточно абстрактны, либо цели знают, но не связывают их со своей специальностью. То есть, бизнес нуждается в одних компетенциях, вуз предлагает другие, а студент вообще не знает, что ему нужно. Кроме того, существует не только качественное рассогласование, но и количественное.

Основная причина этой проблемы заключается в слабом взаимодействии трех основных сторон по вопросам формирования конкурентных компетенций у выпускников вузов и в слабом эксплуатировании инфраструктуры этого взаимодействия. То есть, чаще всего компании приходят в вузы и ограничиваются просто запросом на студентов той или иной специальности. Инфраструктура такого взаимодействия может выглядеть следующим образом: вузовские центры развития карьеры, коммерческие посредники, государственные центры занятости, СМИ, Интернет-ресурсы, возможно, какие-то специальные институты, созданные по совместному решению трех сторон.

Кроме того, проблема рассогласования интересов вузов, компаний и студентов подтверждаются следующими фактами, а точнее, группой проблем рынка труда выпускников.

Во-первых, интерес у компаний к выпускникам есть, но этот вопрос реализуется не в полной мере, способы и пути обращения к студентам у большинства компаний не отвечают современным тенденциям практики управления человеческими ресурсами.

На современном этапе развития рынком труда предложены механизмы, инструменты, инфраструктура для успешного взаимодействия заинтересованных сторон, проблема только в том, что очень немногие компании используют в полной мере все это. Существуют специализированные Интернет-ресурсы, целевые разделы на порталах о работе, есть технологии, есть инструменты, есть кадровые центры вузов, кадровые агентства, предлагающие услуги по работе с молодыми специалистами. Наиболее популярными инструментами привлечения студентов и выпускников в компании являются следующие: использование Интернет-ресурсов; расклейка объявлений о вакансиях компаний в вузах; предоставление мест прохождения производственной практики. Наименее популярными инструментами

привлечения молодых специалистов являются: реализация специальных программ по привлечению выпускников; программы стажировок в течение года для студентов; проведение презентаций в вузах. В то же время перечисленные выше наименее популярные инструменты привлечения молодых специалистов являются системными и эффективными формами работы с этим сегментом рынка труда.

Анализ научных публикации позволил выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются современные студенты на рынке труда: несоответствие спроса и предложения, а именно – сроков подготовки специалистов с меняющимися условиями рынка труда; неспособность студентов применять полученные теоретические знания на практике; неподготовленность студентов и выпускников к серьезному профессиональному отбору; нежелание работодателей брать молодых специалистов на работу из-за отсутствия у них опыта, неумения принимать самостоятельные решения [1; 5, с. 70]. Как правило, в условиях кризиса социальные проблемы студентов и выпускников все больше актуализируются.

Проблема перехода от учебы к профессиональному обучению и к труду является ключевой, определяющей для молодежи как социальной группы. Получение профессиональной квалификации и рабочего места наряду с созданием своей семьи являются важнейшими социальными функциями, реализуемыми в молодом возрасте; с решением этих задач человек может действительно считаться взрослым и зрелым членом общества.

В молодежной среде ярко выражено понимание своей значимости в делах общества. Стремление большинства молодых людей самостоятельно решать свои вопросы и строить жизненную перспективу отразилось на ее возросшей тяге к образованию, освоению престижных профессий. Ценность образования, во многом утерявшая свое значение для молодежи в начале 90-х годов, вновь заняла место среди приоритетных жизненных ценностей молодежи [3, с. 37].

Кризис наиболее остро отразился на молодом поколении: численность молодежи России сокращается, общество стареет, возрастает социально-экономическая нагрузка на рабочее место в целях обеспечения жизни всех поколений; каждое новое поколение детей и молодежи менее здорово, чем предыдущее; под угрозой генофонд нации; снижается интеллектуальный потенциал молодежи, а вместе с тем и инновационные возможности общества; резко обострилась проблема занятости молодежи; материально-бытовое положение, доступ к образованию ухудшаются; самосознание молодежи, ее самоидентификация, организованность, роль в общественной жизни, политике, защите своих интересов, субъектная позиция проявления значительно снизились; происходит разрушение духовных и нравственных ценностей значительной части молодежи, молодежь все более криминализируется, нарастают пьянство, алкоголизм, наркомания, проституция.

Затруднения с получением образования, профессии, трудоустройства, социального самоопреде-

ления, создании семьи, устройством быта, рождением и воспитанием детей, организации оздоровления, досуга провоцирует рост миграционных настроений в молодежной сфере, угрожая устойчивому социально-экономическому развитию российского общества.

В основной массе молодежи преобладают настроения и действия, свидетельствующие о ее нацеленности на жизнь и работу в условиях общества с рыночной экономикой. В целом молодое поколение лучше адаптируется к нынешним условиям и глубже входит в современную экономическую систему, чем старшее поколение. Несмотря на все трудности и проблемы, часть молодежи смотрит в будущее уверенно [3, с. 142].

Следует отметить, что перечисленные выше проблемы, затрагивающие непосредственным образом студентов, не во всех случаях могут быть контролируемы и регулируемы самими студентами и выпускниками. К числу таких проблем следует отнести несоответствие сроков подготовки специалистов с меняющимися условиями рынка труда. Во многом эта проблема возникает не от нежелания или неумения студентов и выпускников, а от рассогласование интересов бизнеса, вузов и выпускников. В свою очередь, еще выпускники школ в большинстве случаев выбирают более престижные, на их взгляд, профессии, что не всегда соответствует истинному спросу рынка труда. Эта проблема во многом обуславливает положение студентов в сфере занятости и затрудняет их более успешное вхождение в социум.

Вместе с тем большинство социальных проблем, встающих перед студенческой молодежью, все-таки зависят не только от государственной политики и внедряемых программ по содействию в трудоустройстве, но и от их стремлений, мотивации, профессиональных и личностных качеств самих студентов. В частности, проблема отсутствия опыта, неподготовленность к серьезным и длительным испытаниям при приеме на работу, в большинстве случаев могут быть искоренены именно серьезной работой студентов над самими собой в плане совершенствования своих профессиональных и личностных качеств, навыков и умений, способствующих более успешному трудоустройству студентов.

В этих условиях требуется целенаправленная социально-экономическая политика, последовательное реформирование экономики, социальной сферы, составной частью которой является сильная государственная молодежная политика.

При определении основных направлений и приоритетов государственной молодежной политики следует исходить из общей концепции государственной политики, учитывая отраслевые концепции и отраслевые программы, общее и устойчивое в региональных программах.

Социальная политика, включающая в себя социальное развитие, социальную поддержку и социальную помощь, семейную и демографическую политику, основывается на партнерстве государства и личности, создание условий для социального ста-

новления и развития, обеспечение равных стартовых возможностей, социальную поддержку в получении общего и профессионального образования, в занятиях художественным, научным и техническим творчеством, адресную социальную помощь тем, у кого ограничены собственные возможности, и тем, кто попал в трудные жизненные обстоятельства.

Естественный процесс жизнедеятельности гражданина предполагает решение вопросов здоровья (в том числе рождение, здравоохранение, роль семьи), образование (общее и профессиональное) и воспитание (связь школы, семьи и общественности), профессиональную ориентацию и профессиональную подготовку, трудоустройство и занятость, образование семьи.

Эти проблемы осуществляются в деятельности органов здравоохранения, образования, культуры, физкультуры и спорта, СМИ, труда и социальной защиты. Реализацией прав молодого человека как гражданина занимаются государственные органы исполнительной власти, органы милиции, прокуратуры, суда, сам гражданин. В решении этих проблем участвуют и органы по делам молодежи, но только с точки зрения государственной молодежной политики.

Практически все федеральные министерства и ведомства в той или иной степени занимаются решением проблем молодежи. Главным механизмом участия в решении проблем молодежи является реализация ими социальных программ, по которым они выступают государственными заказчиками, включение в свои социальные программы подпрограмм, разделов по работе с молодежью.

С момента своего официального возникновения в 1992 году государственная молодежная политика в нашей стране неизменно называла обеспечение занятости и гарантий профессиональной подготовки и трудоустройства в качестве одного из приоритетных направлений. Обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи включает в себя обеспечение условий для достижения экономической самостоятельности и реализации права молодых людей на труд.

В «Основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», утвержденных Постановлением Верховного Совета РФ № 5090-1 от 03.06.1993 года, которые официально действуют по сей день, обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи описано более подробно. Оно включает в себя обеспечение условий для достижения экономической самостоятельности и реализации права молодых людей на труд. В качестве мер и средств при этом указаны:

- учет специфики молодежной рабочей силы при осуществлении государственной молодежной политики, в том числе интересов наименее защищенных групп молодежи при определении мер социальной поддержки в период временной незанятости;

- использование экономических стимулов, в том числе налоговых льгот, повышающих заинтересованность предприятий в предоставлении услуг по

трудоустройству и приеме на работу молодежи, профессиональном обучении, повышении квалификации и переподготовке молодых работников;

- установлении квот для приема на работу молодежи из числа социально незащищенных категорий и закрепление ответственности работодателей при невыполнении обязательств по квотированию;

- осуществление мер, облегчающих переход от учебы к труду, в том числе путем создания специализированных служб занятости, профессиональной ориентации, подготовки и переподготовки, организации общественных работ [2].

Следует отметить позитивные сдвиги в решении вопросов молодежи по ряду направлений. Активизировались действия по решению проблем занятости молодежи. Расширены задачи и определены более четкие ориентиры на уровне федеральных и региональных программ. Разработка программ и проектов на основе полученных данных способствует и нацелена на разрешения проблем студентов. В этой связи в Кемеровской области разработана целевая региональная программа «Содействие профессиональному становлению выпускников учреждений профессионального образования Кемеровской области на 2005 – 2010 годы». Достигнутые результаты способствуют построению и устойчивому функционированию системы содействия профессиональному становлению обучающихся и выпускников учреждений профессионального образования; разработке и осуществлению комплекса организационных, образовательных, социальных мероприятий, направленных на профессиональное становление выпускников учреждений профессионального образования; модернизацию региональной системы профессионального образования на основе маркетингового подхода; создание разветвленной сети специализированных структур содействия профессиональному становлению учащихся, студентов и выпускников в учреждениях профессионального образования и обеспечение их эффективного функционирования при кадровой, учебно-методической и информационной ресурсной поддержке региональными центрами содействия трудоустройства выпускников. Таким образом, тщательно разработанная региональная целевая программа «Содействие профессиональному становлению выпускников учреждений профессионального образования Кемеровской области на 2005 – 2010 годы» призвана эффективно решать проблемы занятости молодежи на региональном уровне [2].

Развитие государственной молодежной политики и разработка различных программ оказывает существенное влияние на положение студентов и выпускников на рынке труда. Однако успех молодого человека зависит не только от реализации внедряемых программ, эффективности государственной политики, но и от действий предпринимаемых самим студентом с целью решения проблем трудоустройства. В связи с этим существует несколько способов, применяемых студентами в решении проблем своего трудоустройства.

Прежде всего, это составление грамотного резюме, в котором подробно освещаются все вопросы, связанные с трудовой деятельностью. Это может быть и участие в краткосрочных проектах (например, в переписи населения или проведении выставки). Рассказывая о своей трудовой деятельности, необходимо не просто указать период работы, а подробно описать характер работы, уровень принятия управленческих решений. Также можно рассказать об итогах работы (например, описывая участие в организации выставки, указать количество новых клиентов, привлеченных лично студентом). Подготовленное резюме самостоятельно направляется во все компании, у которых имеется или может иметься потребность в специалистах данного направления.

Вторым способом, которым могут воспользоваться студенты, – это обращение в службу занятости вуза или агентства, которые занимаются специальными программами по трудоустройству студентов и выпускников. В настоящее время можно выделить несколько основных методов работы со студенческой молодежью, которые используют крупные российские и западные компании:

- 1) Graduate Program;
- 2) программа стажировок;
- 3) проведение презентации в вузе;
- 4) участие в днях карьеры;
- 5) подбор молодых специалистов на отдельные позиции в компании.

Специализированные программы (Graduate Program) – ориентированы на разработку и реализацию совместных проектов в области содействия занятости студентов и трудоустройства выпускников вузов. Специализированные программы в университете чаще всего разрабатываются совместно с лучшими кадровыми агентствами, издательствами, электронными биржами труда. Цель таких программ – дать возможность лучшим студентам университета получать объективную, своевременную и актуальную экономическую информацию, способствовать нахождению выпускникам перспективной работы по призванию в лучших компаниях.

Стажировка – это программа (от 4 недель до 3 месяцев), в рамках которой студенты работают в компании полный/неполный рабочий день на оплачиваемых или неоплачиваемых позициях. Стажировки являются неотъемлемой частью стратегии многих компаний в области подбора персонала. Для работодателей стажировки – возможность пополнить свою команду людьми с высокой мотивацией и далеко идущими карьерными планами, жаждущими практических навыков, легко обучаемыми. Людями, из которых можно вырастить отличных специалистов для компании.

Организация и проведение Дней компаний в университетах – это возможность, которая предоставляется студентам, заинтересованным в своей успешной карьере. Благодаря таким встречам с работодателями, у молодых специалистов есть возможность правильно оценить экономическую ситуацию в регионе и России, адаптироваться к развитию бизнес-технологий, познакомиться с современными

системами кадрового менеджмента ведущих компаний.

Чем прочнее положение компании на рынке, тем больше внимание в ней уделяется работе со студенчеством. На сегодняшний день многие компании заинтересованы разрабатывать и осуществлять долгосрочные проекты с вузами. Компании, с которыми в университете действуют такие программы, активно участвуют в мероприятиях, делают рекламу себе как работодателю, формируют свой имидж в среде молодых специалистов, а также имеют возможность пополнять кадровый резерв своей организации лучшими выпускниками вузов.

В рамках сотрудничества проводятся информационные акции. Встречи с работодателями, Презентации компаний, на которых студенты, выпускники и молодые специалисты могут напрямую пообщаться с менеджерами компаний, а также узнать:

- о возможностях, предоставляемых студентам и молодым специалистам;
- о программах стажировок и набора;
- о правилах конкурсного отбора;
- о карьере в подразделениях компании;
- о возможности трудоустройства и прохождения практики в компании;
- о требованиях, предъявляемых к кандидатам;
- о ситуации на рынке труда и полезных для поиска работы источниках информации.

Организация и проведение Дней карьеры в вузах. Это специализированное мероприятие, организованное на территории вуза, в рамках которого компания-работодатель предлагает соискателям вакансии, проводят самопрезентации, информационные и обучающие семинары.

Компаниям-участникам предоставляется возможность быстрого и эффективного набора персонала, пополнения своих баз молодыми, энергичными и перспективными специалистами. Представители компаний получают возможность: оценить перспективы реализации своей кадровой политики в студенческой среде; увидеть уровень образования современного студента; представить свою компанию и провести презентацию для студентов, преподавателей и представителей других компаний; показать себя как социально-ответственных представителей предпринимательской среды; провести кадровый отбор соискателей.

Ярмарка вакансий в вузе – одна из форм содействия трудоустройства студентов и выпускников. Цель мероприятия – помочь студентам найти работу или место для прохождения практики (стажировки), а также получить информацию о рынке труда и знания по эффективным технологиям трудоустройства.

Предприятия и организации получают возможность решить кадровые вопросы, подобрать сотрудников с высоким уровнем современных знаний, желанием работать, нестандартным подходом решения проблем, свежими идеями. Для компаний-работодателей участие в вузовских ярмарках вакансий – это возможность собрать банк-резюме претендентов, сформировать свой кадровый резерв.

В рамках ярмарок вакансий компании работодатели могут:

- рассказать студентам о своей компании;
- ответить на вопросы аудитории;
- собрать резюме и анкеты студентов;
- провести собеседование с наиболее интересными кандидатами;
- провести информационные семинары;
- провести деловую игру или тренинг.

Содействие трудоустройству выпускников и временной занятости студентов является также одним из значимых направлений деятельности высших учебных заведений и осуществляется специальным подразделением вузов – отделом маркетинга и содействия трудоустройству выпускников в тесном взаимодействии с деканатами, выпускающими кафедрами, отделом по работе со студентами.

Кроме того, в вузах осуществляются анализ результатов трудоустройства выпускников института, анализ профессионального роста выпускников дневного отделения, исследования работодателей и студентов, анализ отзывов руководителей предприятий – баз практики.

Следует отметить, что существующие государственная и региональные политики содействия студентам и выпускникам в трудоустройстве являются

необходимым звеном социальной работы и способствуют решению проблем, встающих перед данной категорией.

Литература

1. Адаптация студентов к условиям современного рынка труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// www.profkomanda.edinros.ru/article /13418](http://www.profkomanda.edinros.ru/article/13418), свободный.
2. Луков, В. А. Государственная молодежная политика в законодательстве Российской Федерации [Текст] // Сборник документов / под общ. ред. проф. В. А. Лукова. – Ч. 1. – М.: Госкомитет РФ по молодежной политике: Институт молодежи, 2000.
3. Макаров, В. А. Трудовая мотивация современной российской молодежи: аксиологический подход [Текст] / В. А. Макаров. – Ростов-на-Дону: Антей, 2008. – 200 с.
4. Марцева, Л. М. Труд как социальная ценность и как философская категория [Текст] / Л. М. Марцева // Теория и История. – 2006. – Вып. 1. – 150 с.
5. Харченко, К. В. Диагностика удовлетворенности трудом при регулировании социально-трудовых отношений [Текст] / К. В. Харченко // Социологические исследования. – 2009. – № 7. – 50 с.

УДК 159.9:179.2

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА: ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

А. С. Бирюкова

DOMESTIC VIOLENCE AS A SOCIAL PROBLEM: ORGANIZATIONAL-LEGAL ASPECTS

A. S. Biryukova

В статье рассмотрено насилие в семье как социальная проблема. Определен организационно-правовой аспект данного явления: проанализирована нормативно-правовая база, выявлены основные направления работы по данной проблематике. На примере Беловского района рассмотрен опыт работы органа опеки и попечительства, а также других организаций.

The article deals with domestic violence as a social problem. Detected the legal aspect of this phenomenon: to analyze the regulatory framework, identify key areas of work on this issue. For example Belovo area considered experienced guardianship bodies, as well as other organizations.

Ключевые слова: насилие в семье, нормативно-правовые акты, опека и попечительство, патронат, профилактика.

Keywords: domestic violence, regulations, custody and guardianship, patronage, prevention.

Как показывает статистика, 30 – 40 % всех тяжких насильственных преступлений совершается в семье, женщины и дети составляют 70 % всех жертв тяжких насильственных посягательств [4].

Сильная, здоровая семья всегда была колыбелью нации и является залогом того, что у государства есть будущее. Поэтому решение такой проблемы, как насилие в семье, является одной из основных задач семейной политики.

Проблема насилия – многогранное социальное явление. Оно означает дискриминацию личности и семьи, ущемление или ограничение их прав и сво-

бод. Семейное (домашнее) насилие – это система поведения одного человека для установления и сохранения власти и контроля над другим человеком, это умышленная попытка нанести вред другому человеку. Насилие в семье включает в себя насилие над женщинами, над престарелыми, над детьми. По данным официальной статистики, около 2 млн детей ежегодно подвергаются жестокому обращению. Каждый десятый ребенок гибнет, 2 тысячи кончают жизнь самоубийством, более 50 тысяч уходят из дома. Сегодня в России каждый четвертый ребенок становится жертвой изнасилования, каждый третий

ребёнок – втянутый в занятия проституцией. В последние годы более чем в 14 раз выросло число мальчиков, пострадавших от насильственных и насильственных действий гомосексуального характера [1].

Идеал семейной жизни – это любовь, теплота отношений и взаимное уважение. Однако в реальности в семьях наблюдаются многообразные формы агрессии. Выделяется четыре основных типа насилия:

- физическое насилие – это любое неслучайное нанесение повреждения ребенку в возрасте до 18 лет;

- сексуальное насилие – это использование ребенка или подростка другим лицом для получения сексуального удовлетворения;

- пренебрежение – это хроническая неспособность родителя или лица, осуществляющего уход, обеспечить основные потребности ребенка, не достигшего 18-летнего возраста, в пище, одежде, жилье, медицинском уходе, образовании, защите и присмотре;

- психологическое насилие – хронические паттерны поведения: унижение, оскорбление, издевательство и высмеивание ребенка.

Помимо перечисленных выше типов насилия и их характеристик, многие авторы выделяют экономическое или финансовое насилие, квалифицируемое в случае попытки одного взрослого члена семьи лишить другого возможности распоряжаться семейным бюджетом, иметь средства и право распоряжаться ими по своему усмотрению, а также в случае экономического давления в отношении несовершеннолетних детей [1].

Актуальность профилактики жестокого обращения с детьми связана с тем, что насилие в отношении детей или пренебрежение их основными потребностями оказывают негативное влияние на психическое развитие ребенка, нарушают его социализацию, порождают безнадзорность и правонарушения несовершеннолетних. Многие дети – жертвы насилия, уходят из дома или детских учреждений, втягиваются в асоциальное поведение, начинают употреблять алкоголь или наркотики. Около 30 % женщин, переживших в детстве сексуальное насилие и не получивших поддержки и профессиональной помощи, вступают в беспорядочные половые связи или занимаются проституцией. У мальчиков, подвергшихся жестокому обращению в подростковом возрасте, возникают такие формы девиантного поведения, как жестокость, насилие (в том числе сексуальное), воровство [4].

Как показал анализ опыта социальных учреждений, наиболее эффективным направлением защиты детей от жестокого обращения являются меры ранней профилактики. В тех же случаях, когда ребенок пострадал от той или иной формы насилия, он нуждается в психологической помощи, поскольку результаты исследований психологов и психиатров убедительно свидетельствуют о том, что насилие, перенесенное в детском возрасте, неизбежно сопровождается эмоциональными и поведенческими на-

рушениями. Такая помощь выступает в качестве вторичной профилактики жестокого обращения с детьми. Вторичная профилактика снижает риск повторного совершения насильственных действий в отношении пострадавшего ребенка и предупреждает возможность возникновения насилия со стороны ставшей взрослым человеком жертвы жестокого обращения над собственными детьми.

Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральные законы от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» и от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» создают правовую базу для работы по профилактике жестокого обращения с детьми, а также с детьми, ставшими жертвами жестокого обращения.

Важную роль в предупреждении жестокого обращения с детьми играют органы опеки и попечительства. Согласно статье 56 Семейного кодекса Российской Федерации, при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при жестоком обращении с ним, ребенок вправе самостоятельно обращаться за защитой в орган опеки и попечительства. Таким образом, органы опеки и попечительства являются наиболее доступным для детей любого возраста, а также для лиц, заинтересованных в их судьбе, государственным институтом, призванным предупреждать насилие над детьми в семье.

Профилактическая направленность деятельности органов опеки и попечительства подчеркивается:

- в статье 121 Семейного кодекса Российской Федерации, которая возлагает на органы опеки и попечительства обязанность по защите прав и интересов детей в случаях, когда действиями или бездействием родителей создаются условия, представляющие угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующие их нормальному воспитанию и развитию;

- в статье 16 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», согласно которой должностные лица органов опеки и попечительства должны использовать предоставленные им законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации полномочия в целях предупреждения безнадзорности, беспризорности и правонарушений, а также антиобщественных действий несовершеннолетних. Насилие в семье, уклонение родителей от исполнения обязанностей по воспитанию своих детей являются одной из наиболее значимых причин детской безнадзорности и беспризорности, совершения несовершеннолетними преступлений и правонарушений.

Анализ норм семейного и гражданского законодательства позволяет выделить следующие направления работы органов опеки и попечительства по предупреждению жестокого обращения с детьми:

- внесудебное разрешение конфликтов, связанных с воспитанием детей, а также с отношениями между членами семьи;

- обращение с иском в суд при грубом нарушении родителями прав и законных интересов ребенка;
- участие в судебном рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, включая подготовку заключения по существу спора;
- принятие органами опеки и попечительства правовых актов, направленных на защиту прав и законных интересов детей, решений по вопросам, отнесенным к их компетенции.

По мнению ряда авторов, внесудебное разрешение конфликтов, связанных с воспитанием детей, а также с отношениями между членами семьи, должно заключаться в выявлении и оперативной организации учета детей, оказавшихся в ситуации, когда действиями или бездействием родителей создаются условия, представляющие угрозу их жизни или здоровью либо препятствующие их нормальному воспитанию и развитию, проведении индивидуальной профилактической работы с такими детьми и их семьями [4].

Чем раньше будут выявлены неблагополучные семьи и дети, находящиеся в них, чем эффективнее будет организована профилактическая работа, тем выше будет вероятность предупреждения жестокого обращения с детьми в кровной семье.

Именно на органах опеки и попечительства лежит обязанность урегулирования конфликтов, связанных с воспитанием детей, а также конфликтных отношений между членами семьи путем поиска компромисса, разъяснения сторонам конфликта требований закона и необходимости строгого соблюдения принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Внесудебное разрешение семейных конфликтов можно считать важнейшим направлением профилактики жестокого обращения с детьми, поскольку эта деятельность позволяет на ранних сроках развития семейного кризиса выявить семьи из группы риска по насилию над ребенком, указать родителям на ошибки в воспитании детей, принять меры по устранению причин возникновения трудной жизненной ситуации, в которой оказалась семья, повысить компетентность родителей как воспитателей. Указанное обстоятельство имеет особое значение в случаях жестокого обращения с детьми. Оказание психологической, медицинской и иной помощи только ребенку без изменения поведения родителей, отказа от использования антипедагогических приемов воспитания не позволит в полном объеме защитить права ребенка, создать надлежащие условия для его развития и в конечном итоге приведет к изъятию ребенка из семьи.

Как показал анализ литературы по данной проблеме, ряд авторов выделяют особую форму индивидуальной профилактической работы, которая должна, как правило, проводиться до решения вопроса об ограничении или лишении родителей родительских прав – социальный патронаж семьи и детей [4].

Необходимо отметить, что в Федеральном законодательстве пока нет понятия «социальный патронаж». Вместе с тем в трети субъектов Российской

Федерации в региональных законах предусмотрен социальный патронаж как форма профилактической работы с ребенком, проживающим в семье, в которой действиями или бездействием родителей создаются условия, представляющие угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующие их нормальному развитию и воспитанию.

В случае выявления грубых нарушений прав и законных интересов ребенка, когда семейное неблагополучие существует длительное время, родители не понимают недопустимости жестокого обращения с ребенком, систематически не исполняют своих обязанностей по воспитанию ребенка, а индивидуальная профилактическая работа с семьей не приносит желаемых результатов, органы опеки и попечительства вправе самостоятельно обратиться в суд с иском о лишении родительских прав или ограничении родителей в их правах. Такой иск направлен на предупреждение повторных случаев опасных для жизни, здоровья и развития детей, случаев насилия над ними в семье или уклонения родителей от исполнения своих обязанностей, а также для предупреждения негативных последствий, связанных с жестоким обращением с детьми.

Инициирование вопроса о лишении родительских прав должно рассматриваться в качестве крайней меры воздействия на родителей, применяемой только в тех случаях, когда иные меры не дали результата.

Для профилактики насилия над детьми важно не только право органов опеки и попечительства самостоятельно обращаться с исками в суд, но и их право и одновременно обязанность участвовать в рассмотрении судом всех споров, связанных с воспитанием детей, независимо от того, кем предъявлен иск в защиту ребенка (статья 78 Семейного кодекса Российской Федерации).

К такой категории относятся дела:

- об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации);
- о лишении родительских прав и о восстановлении в родительских правах (статьи 69 и 72 Семейного кодекса Российской Федерации);
- об ограничении родительских прав, отмене ограничения родительских прав (статьи 73 и 76 Семейного кодекса Российской Федерации).

Органы опеки и попечительства участвуют в деле в качестве третьей стороны, что наделяет их широким кругом прав по сбору и исследованию доказательств, использование которых в полном объеме обеспечивает принятие судом решения, соответствующего интересам ребенка. Тем самым минимизируется риск жестокого обращения с ребенком.

Законодательство наделяет органы опеки и попечительства рядом полномочий, использование которых имеет принципиальное значение для защиты детей от насилия в семье. К таким полномочиям прежде всего относится право этих органов немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, при непосредственной угрозе жизни ребенка

или его здоровью. Согласно статье 64 Семейного кодекса Российской Федерации, родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В таких случаях орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей. Данная норма может играть важную роль в профилактике насилия над детьми в семье, однако на практике она в настоящее время применяется редко.

Чрезвычайно важную роль в предупреждении насилия над детьми в семье имеет право ребенка выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства (ст. 57 Семейного кодекса Российской Федерации). Содействовать реализации этого права ребенка призваны органы опеки и попечительства. Так, в случае возникновения споров о воспитании ребенка эти органы опрашивают детей, не достигших десяти лет, и информируют об их мнении суд.

Как показывает практика, широкий круг прав и обязанностей органов опеки и попечительства по предупреждению жестокого обращения с детьми, многообразие средств, с помощью которых они могут выполнять эти функции, требуют от указанных органов привлечения к профилактической деятельности других субъектов системы защиты прав и законных интересов детей.

В соответствии со статьей 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» установлена возможность осуществления полномочий по выявлению лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства уполномоченными организациями (образовательными, медицинскими организациями, организациями, оказывающими социальные услуги, и иными организациями, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей). Таким образом, подчеркивается роль уполномоченных организаций в проведении профилактической работы по предупреждению жестокого обращения с детьми.

Глава II Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусматривает обязанность органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних осуществлять работу по выявлению и социальной реабилитации несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, организации индивидуальной профилактической работы не только в отношении несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, но и в отношении родителей или иных законных представителей, жестоко обращающихся с детьми.

Как показал анализ работы органов в данной области, в настоящее время профилактическую, реабилитационную и коррекционную работу в случаях жестокого обращения с детьми могут и долж-

ны осуществлять органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие управление в сфере образования, образовательные учреждения, органы управления социальной защитой населения, учреждения социальной обслуживания населения (центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи и т. д.), специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, органов управления социальной защитой населения (социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты для детей, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей), иные организации, создаваемые органами управления социальной защитой населения, органами управления образованием или органами опеки и попечительства [3].

Анализ опыта работы с проблемой предотвращения насилия в семье был рассмотрен на примере Беловского района. Было выявлено, что работа в районе строится на основе межведомственного взаимодействия. На сегодняшний день на данной территории разработана нормативная база, создан координационный Совет по вопросам семьи, сформирован и ведется единый банк данных о несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и их семьях, реализуются областные и ведомственные программы, создан отдел опеки и попечительства при управлении образования, осуществляется социальное партнерство с общественными и негосударственными организациями и объединениями.

В районе активно развивается сеть учреждений социального обслуживания. Наиболее распространенными являются центры социального обслуживания населения, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних.

На каждой сельской территории созданы общественные наблюдательные советы по профилактике насилия в детской среде и разрабатываются планы на 2010 год.

Телефонное консультирование является одной из базовых технологий помощи людям, пережившим домашнее насилие. На территории г. Белово и Беловского района работает «телефон доверия».

В районной целевой программе «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2008-2010 годы» запланированы дополнительные средства на решение данных вопросов.

В основе деятельности учреждений социального обслуживания по профилактике насилия лежит программно-целевой метод.

В рамках мероприятий по противодействию злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту осуществляется взаимодействие с федеральной службой по контролю за наркотиками в разработке и реализации программ по пропаганде здорового образа жизни и профилактике вредных привычек среди несовершеннолетних и их семей.

В программу «Профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетних в Беловском районе на 2010 год» включены предложения по профилактике детского насилия, сокращению численности беспризорных и безнадзорных несо-

вершеннолетних, актуальности межведомственного взаимодействия в рамках единого банка данных о несовершеннолетних и их семьях (таблица 1).

Таблица 1

Количество детей и семей, состоящих на учете в едином банке данных о несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и их семьях

	2008		2009	
	<i>детей (чел.)</i>	<i>семей</i>	<i>детей (чел.)</i>	<i>семей</i>
Единый банк данных несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, и их семей	363	179	171	109
Учреждения социального обслуживания	348		343	

В результате совместной деятельности на 39 % сократилось количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, по сравнению с 2008 годом, не увеличилось число больных с диагнозом наркомании и лиц, употребляющих наркотические вещества.

Межведомственная группа, включающая органы социальной защиты населения, управлений образования, здравоохранения, внутренних дел, занятости, культуры, физкультуры, спорта и молодежной политики, призвана координировать свои усилия на основе обмена информацией, реализуя совместно с учреждениями социального обслуживания индивидуальные программы реабилитации.

Межведомственное взаимодействие позволяет поднять работу социозащитных учреждений на более высокий уровень. В районе функционирует 7 учреждений, занимающихся проблемой профилактики насилия по отношению к женщинам, детям и пожилым людям.

В работе с женщинами, пострадавшими от насилия, применяется метод социального посредничества, включающий несколько этапов:

- идентификация случая;
- диагностика случая;
- планирование действий и контактирование;
- прямое вмешательство в ситуацию женщины;
- контроль и оценка действий;
- завершение процесса социального посредничества.

В Беловском районе одной из форм реабилитации женщин является клубная работа.

Функционирует клуб для женщин «Дорога к счастью», где проводятся встречи, специальные тренинги: «Тренинг личностного роста», «Тренинг уверенности и позитивного самовосприятия», проходят занятия в «Школе женского имиджа». Данная форма работы направлена на повышение самооценки, снятие психоэмоционального напряжения, фор-

мирование навыков эффективной коммуникации, саморазвитие и укрепление веры в свои силы.

Огромное количество случаев домашнего насилия совершается в состоянии алкогольного опьянения.

Основными задачами отделений помощи женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, являются оказание им социально-психологической поддержки в решении проблем алкогольной зависимости, нежелательной беременности, безработицы, межличностных отношений в семье, материального обеспечения.

Данная работа предполагает комплексный подход к решению проблем, связанных с насилием:

- социально-психологическая диагностика (наблюдение, экспресс-опрос, анкетирование, тестирование);
- коррекционно-развивающая работа (тренинги, элементы психотерапии, индивидуальные и групповые занятия);
- психопрофилактика (беседы, видеофильмы, СМИ). Для оказания консультативно-правовых, социально-психологических, медико-социальных услуг населению из отдаленных территорий осуществляется такая форма работы, как социальные рейсы в сельские населенные пункты или агитпробеги милосердия. В состав бригад социальных рейсов включаются работники учреждений социального обслуживания: юрист, психолог, социальный педагог, медицинский работник.

На территории Беловского района проводится большая работа по предупреждению преступлений насильственного характера в отношении несовершеннолетних.

Сотрудниками ОПДН с учащимися организованы и систематически проводятся лекции и беседы о предупреждении и методах защиты от преступных посягательств в отношении несовершеннолетних, о правилах поведения детей в экстремальных ситуациях, при общении с незнакомыми людьми. Рас-

смотрены конкретные примеры и ситуации, при которых возможно стать жертвой преступления:

- как себя вести с незнакомыми людьми;
- если ты остался дома один;
- как себя вести на дискотеках и при случайных знакомствах.

Выработаны некоторые правила поведения, размножены и размещены на стендах в учебных заведениях. Созданы и обновлены в образовательных учреждениях стенды, уголки правовой направленности с указанием имеющихся на территориях служб помощи детям.

В средства массовой информации периодически направляются заметки о предупреждении и методах защиты от преступных посягательств в отношении несовершеннолетних. В 2009 году в газете «Сельские зори» открыта рубрика «Шпаргалка для родителей», в которую семейным инспектором-психологом направляются рекомендации по воспитанию детей, а также об ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей.

Для решения данного вопроса в Беловском районе есть потенциальные возможности: нормативная база, профессиональная подготовленность кадров, достаточно развитая материально-техническая база учреждений. Работа ведется целенаправленно и систематически. Определены направления в работе.

Хочется еще раз подчеркнуть, что предотвращение насилия – проблема государственного значения, и решение ее требует межведомственного подхода.

Для реализации этого подхода необходимо:

- принимать системные долгосрочные меры по оказанию помощи семье в выполнении ее обязанностей по воспитанию ребенка, развитию системы социального обслуживания;
- направлять деятельность органов, учреждений социальной защиты населения на укрепление системы социальной защиты семьи, обеспечивающей сохранение ребенка в семье;
- расширять профилактическую работу с семьями на ранних стадиях неблагополучия;
- внедрять новые формы и технологии по предотвращению социального сиротства, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- повышать уровень обеспеченности мерами социальной поддержки семей, в которых воспитываются дети-инвалиды.

Учитывая международный опыт в этой области, муниципальным органам опеки и попечительства следует:

- установить процедуры регистрации и эффективного расследования полученных от детей жалоб о случаях физического и психического насилия;
- обеспечить всем жертвам насилия доступ к консультативным услугам и помощи в целях восстановления и реинтеграции;
- обеспечить адекватной защитой детей – жертв, злоупотреблений в кругу своей семьи.

Вот основной перечень задач, выполнение которых позволит реализовать главную цель – улучшение положения семей с детьми, создание благоприятных условий для комплексного развития и жизнедеятельности детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, тем самым способствовать предотвращению насилия в семье.

Недостатки борьбы с насилием в семье определяются не несовершенством действующего законодательства, а серьезными упущениями в практике его применения. Поэтому конкретные усилия должны быть направлены на установление истинных масштабов распространения этого явления и на улучшение деятельности правоохранительных органов.

На мой взгляд, необходим глубокий анализ всего законодательства. Уголовный кодекс выполняет карательную функцию, он ориентирован на наказание, а не на воспитание. Но, чтобы преодолеть насилие в семье, одних карательных мер не хватает, нужна серьезная работа в сфере профилактики и воспитания.

Литература

1. Кукушкина, Л. Е. Детство без насилия / Л. Е. Кукушкина // Социальная работа. – 2010. – № 1. – С. 10 – 14.
2. Осипова, И. И. Патронат – межведомственная система профилактики неблагополучия, социального сиротства и правонарушений несовершеннолетних: методическое пособие / И. И. Осипова. – 2008. – 172 с.
3. Ремезова, В. В. Организация программной деятельности по профилактике семейного неблагополучия в центре социальной помощи семье и детям / В. В. Ремезова // Работник социальной службы. – 2010. – № 1. – С. 13 – 28.
4. Сазонтова, А. В. Социальная технология реабилитационной работы с семьей, находящейся в социально опасном положении / А. В. Сазонтова // Работник социальной службы. – 2010. – № 1. – С. 44 – 49.

УДК 316.61

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ АКТИВИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ**А. В. Волкова****SOCIAL FACTORS ENHANCE THE RESEARCH SOCIAL WORK STUDENTS FOCUS OF STUDY****A. V. Volkova**

В статье представлен анализ факторов активизации научно-исследовательской деятельности студентов, снижения престижа научной деятельности. Объективно возрастает роль вуза в организации и развитии научно-исследовательской деятельности студентов (НИДС). Анализ литературы по данной проблеме позволяет констатировать, что проблема активизации НИДС вузов в настоящее время актуальна. В статье обозначены факторы развития и повышения эффективности НИДС, которые систематизированы и объединены в несколько групп в зависимости от их характера, статуса субъекта организации и управления научно-исследовательской работой и возможностей целенаправленной деятельности по активизации НИДС.

In terms of socio-economic crisis in the country, reducing the prestige scientific activities objectively increasing the role of university in the organization and development of research students (RS). Analysis literature on this issue allows us to conclude that the problem activation RS universities understood in generally. The paper identified the factors development and improve the RS, which are systematized and grouped into several groups depending on their nature, status subject of organization and management of scientific research and opportunities for purposeful activity to enhance the RS.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность студентов, формирование готовности к научно-исследовательской деятельности, организация и развитие научно-исследовательской деятельности студентов.

Keywords: research activities of students, the formation of preparedness for scientific - research activities, organization and development of research activities of students.

В современной системе высшего образования одной из важнейших целей является готовность студентов не только к профессиональной деятельности, но и к проектной. Практика показывает, что специалист овладевает только знаниями и умениями, но не развивает потребности в творческой и профессиональной деятельности. В связи с этим условием качественной подготовки специалиста является формирование готовности к научно-исследовательской деятельности (НИД).

В условиях социально-экономического кризиса в стране, снижения престижа научной деятельности объективно возрастает роль вуза в организации и развитии научно-исследовательской деятельности студентов (НИДС). Эффективная организация научно-исследовательской работы (НИР) на уровне конкретного вуза может компенсировать негативное влияние внешних факторов, таких, как недостаточное внимание к НИР структур государственной власти.

НИРС – одно из важнейших средств повышения уровня подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием через освоение студентами в процессе обучения (по учебным планам и сверх них) основ профессионально-творческой деятельности, методов, приемов и навыков индивидуального и коллективного выполнения НИР, развитие способностей к научному творчеству, самостоятельности. Участие во всех видах НИР, конференциях, симпозиумах, представление работ для публикации, бесплатное пользование услугами научных подразделений, свободное развитие личности есть неотъемлемое право каждого студента [1; 3].

НИРС является неотъемлемой составной частью обучения и подготовки квалифицированных специалистов, способных самостоятельно решать профессиональные, научные и технические задачи. НИР содействует формированию готовности будущих специалистов к творческой реализации полученных в вузе знаний, умений и навыков, помогает овладеть методологией научного поиска, обрести исследовательский опыт. Привлечение к НИРС позволяет использовать их потенциал для решения актуальных проблем в различных отраслях науки и техники. НИДС является обязательной, органически неотъемлемой частью подготовки специалистов в университете и входит в число основных задач университета, решаемых на базе единства учебного и научного процессов.

НИРС служит формированию их как творческих личностей, способных обоснованно и эффективно решать возникающие теоретические и прикладные проблемы. Учебный процесс в вузе должен представлять собой синтез обучения, воспитания, производственной практики и научно-исследовательской работы. При этом преобразования в системе НИДС должны осуществляться в соответствии с новыми условиями деятельности вузов, базироваться на использовании многолетнего отечественного, а также зарубежного опыта интеграции науки и образования, обучения специалистов, отвечающих требованиям мировых стандартов.

Основной целью организации и развития НИДС является повышение уровня научной подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием и выявление талантливой молодежи для по-

следующего обучения в магистратуре и аспирантуре и пополнения научных и педагогических кадров [3].

НИРС является продолжением и углублением учебного процесса и организуется непосредственно на кафедрах, в научных учреждениях вуза.

Организационные формы НИРС реализуемые в вузе:

1. НИРС, включаемая в учебный процесс. Выполняется в соответствии с учебными планами и программами, обеспечивается методическими пособиями и предусматривает:

- выполнение заданий, лабораторных работ, курсовых и дипломных проектов (работ), содержащих элементы научных исследований;
- выполнение конкретных нетиповых заданий научно-исследовательского характера в период производственной или учебной практики;
- изучение теоретических основ методики, постановки, организации и выполнения научных исследований, планирования и организации научного эксперимента, обработки научных данных и т. д. по курсу «Основы научных исследований». Названная дисциплина может включаться в учебный план за счет часов, находящихся в распоряжении совета вуза.

2. НИРС, дополняющая учебный процесс. Предполагает самостоятельную работу вне рамок непосредственной программы обучения и организуется в форме:

- работы в студенческих научных кружках;
- выполнения индивидуальных научных исследований под руководством конкретного научного руководителя;
- участие в студенческих научных организационно-массовых и состязательных мероприятиях различного уровня: научных семинарах, конференциях, конкурсах работ, олимпиадах по дисциплинам и направлениям;
- организация специальных курсов, программ, проведение занятий с группами студентов, имеющих выраженную мотивацию к научной деятельности.

3. НИРС, параллельная учебному процессу. Способствует наиболее полному освоению методов и специфики НИР и предусматривает – участие студентов группами или в индивидуальном порядке в выполнении бюджетных или хоздоговорных научных исследованиях, выполняемых преподавателями на кафедрах либо в научных учреждениях вуза.

Основными задачами организации и развития системы НИРС являются:

- обеспечение интеграции учебных занятий и НИРС;
- создание условий для раскрытия и реализации личностных творческих способностей студенческой молодежи;
- отбор талантливой молодежи, проявившей способности и стремление к научной и педагогической деятельности;

– формирование и развитие у студентов качеств научно-педагогических и научных работников;

– формирование и развитие у будущих специалистов: умения вести научно-обоснованную профессиональную работу на предприятиях и в учреждениях любых организационно-правовых форм;

– подготовка руководителей высокой квалификации – специалистов, имеющих навыки проектной работы, умеющих грамотно разработать и реализовать конкретные научно-практические мероприятия на производстве, обладающих навыками самоуправления;

– развитие научных межвузовских связей как внутри страны, так и со странами ближнего и дальнего зарубежья.

В качестве основных направлений организации НИДС можно сформулировать следующее:

- повышение качества учебного процесса за счет совместного участия студентов и преподавателей в выполнении различных НИР;
- участие студентов в проведении прикладных, методических, поисковых и фундаментальных научных исследований;
- развитие у студентов способностей к самостоятельным обоснованным суждениям и выводам;
- предоставление студентам возможности в процессе учебы испытать свои силы на различных направлениях современной науки;
- привлечение студентов к рационализаторской работе и изобретательскому творчеству;
- расширение участия студентов в НИР, осуществляемой сверх учебных планов;
- повышение результативности научно-технических мероприятий НИРС;
- содействие образованию и деятельности предпринимательских научно-творческих объединений студентов различных организационно-правовых форм;
- активизация участия преподавательского состава и научных работников вузов в организации и руководстве НИДС.

Исследователь В. В. Балашов выделяет следующие формы и методы организации НИДС:

- индивидуальные НИРС;
- НИРС под руководством научного руководителя из числа профессорско-преподавательского состава;
- дипломные и курсовые работы с научно-исследовательскими разделами;
- выполнение НИР на практиках;
- подготовка научного реферата на заданную тему;
- студенческие научные кружки и клубы;
- получение студентами патентов и авторских свидетельств;

- привлечение студентов к выполнению научно-исследовательских проектов, финансируемых из различных источников (госбюджет, договоры, гранты и т. д.);

- участие студентов в студенческих научных мероприятиях различного уровня (кафедральные, факультетские, региональные, всероссийские, международные), стимулирующие развитие как системы НИДС, так и творчество каждого студента. К ним относятся: научные семинары, конференции, симпозиумы, смотры/конкурсы научных и учебно-исследовательских работ студентов, олимпиады по дисциплинам и специальностям;

- привлечение студентов к различным видам участия в научно-инновационной деятельности.

Комплексная система НИДС должна обеспечивать непрерывное участие студентов в научной работе в течение всего периода обучения. Важным принципом комплексной системы НИДС является преемственность ее методов и форм от курса к курсу, от кафедры к кафедре, от одной учебной дисциплины к другой, от одних видов учебных занятий и заданий к другим.

Студенты могут вести НИРС в составе научных, технических, экономических и иных студенческих кружков, клубов и других объединений, которые организуются в университете с целью приобретения их членами навыков коллективной творческой и организационной работы.

Анализ литературы по данной проблеме позволяет констатировать, что проблема активизации НИДС вузов в целом изучена, но необходимо отметить обзорный характер научных работ, посвященных данной проблеме; исследования имеют, в основном прикладной характер; невелико количество современных исследований в области организации НИРС, отражающих изменение социально-экономической ситуации в стране.

Теоретический анализ проблемы развития НИРС вузов позволяет выявить многочисленные факторы развития и повышения эффективности НИДС, которые систематизированы и объединены в несколько групп в зависимости от их характера, статуса субъекта организации и управления научно-исследовательской работой и возможностей целенаправленной деятельности по активизации НИДС [4].

Исследователем В. В. Балашовым выделены социальные факторы, связанные с поддерживающей политикой государства в отношении системы высшего образования и науки. К комплексу государственных мер, направленных на развитие системы высшего образования, относятся:

- развитие системы школьного образования;
- поддержка фундаментальной науки;
- формирование спроса на интеллектуальную продукцию;
- совершенствование нормативно-правовой базы научно-исследовательской деятельности (НИД);
- повышение качества и престижа высшего образования;

- формирование общественного признания роли ученых и повышение престижа науки, поддержка РАН, укрепление научных связей, пропаганда студенческой науки.

Важнейшими факторами, влияющими на функционирование системы НИДС, являются: достаточность, полноценность и стабильность финансирования научной деятельности высшей школы.

По Э. К. Арынхановой, факторы, оказывающие влияние на НИДС, – социальные, социально-психологические и личностные:

- социально-экономический статус семьи студента;
- социальное происхождение;
- особенности семейной социализации;
- характер социального самочувствия;
- система ценностных ориентаций студента;
- уровень интеллектуального развития личности студента;
- мотивация выбора трудовой и научной деятельности.

Совокупность всех компонентов содержания, формирования и руководства НИДС в вузах представляет собой сложную открытую динамичную систему, поэтому организация и развитие НИДС должны базироваться на использовании методов системного подхода.

Важнейшими элементами системного подхода к организации и развитию НИДС выступают:

- определение современных целей и задач НИДС;
- комплексный охват всех видов НИДС;
- определение состава всех компонентов организации и ведения НИДС в вузе;
- оптимальное сочетание самостоятельности научной деятельности студентов, форм и регламентации ее организации;
- единые требования и критерии оценки организации и результатов, исходя из государственных образовательных стандартов.

Особую роль играет такой фактор, как информационное обеспечение вузовских научных исследований. Оно предполагает наличие современных информационных технологий, свободный доступ ко всей необходимой научной информации, как отечественной, так и зарубежной, через ресурсы Интернет и традиционные источники; доступ к современным производственным технологиям как полю для реализации научных и технологических разработок.

Важное значение имеет инфраструктурная поддержка НИРС, наличие сети организационных структур в вузе для реализации НИД. Перспективной формой организации НИР является межотраслевая интеграция вузов, производственных организаций и научных учреждений, которая позволяет эффективно использовать потенциал многих вузов, предприятий и организаций региона.

Одним из факторов развития НИРС является повышение уровня профессионализма и квалификации преподавателей, что создает основу эффективной организации учебного процесса и использования новых образовательных технологий [4].

Многие исследователи сходятся во мнении, что важным фактором активизации и развития НИРС считается эффективная организация индивидуальной НИРС.

Осуществление индивидуального подхода предполагает реализацию положений:

- привлечение студентов к НИР еще с 1-го курса и непрерывное наблюдение за их профессиональным и научным ростом на протяжении всего периода их обучения в вузе;
- наличие постоянной темы в течение 2 – 2,5 последних лет обучения;
- соответствие тематики НИРС профилю подготовки специалистов;
- практическая направленность научно-исследовательской работы, возможность реализации научных разработок на практике;
- слияние тематики студенческих работ с комплексными темами, разрабатываемыми кафедрами, возможность публикации студенческих научных работ;
- наличие в качестве научного руководителя компетентного специалиста;
- введение «исследовательского обучения», когда способный студент с самого начала обучения работает не над дипломным, а над диссертационным исследованием;
- программа индивидуального обучения, направленная на то, чтобы выявлять талантливых студентов и стимулировать их НИД.

Огромное значение для активизации НИРС имеет проведение в рамках вуза состязательных организационно-массовых мероприятий, конкурсов на лучшую группу, кафедру, факультет по организации научно-исследовательской работы студентов.

Актуальность проблемы активизации НИРС, а также анализ научной литературы по проблеме во многом предопределили необходимость проведения исследования, целями которого являлись изучение степени вовлеченности студентов в НИР и выявление направленности личности.

Данное исследование предполагало решение целого комплекса задач:

- определение ценностных ориентаций студентов;
- выявление проблем, с которыми сопряжена научная деятельность студентов;
- анализ условий, созданных в вузе для проведения студенческих научных исследований;
- изучение представлений студентов о мерах, необходимых для активизации и развития научной работы;

– исследование социально-психологических факторов, оказывающих влияние на НИРС;

– выявление зависимости действия указанных факторов на группы студентов, проявляющих разную степень активности в научных исследованиях.

Объектом исследования были студенты (специалисты и бакалавры) 4 курса социально-психологического факультета КемГУ, обучающиеся по направлению «социальная работа». Общий объем выборочной совокупности составил 55 человек.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что фактор социального происхождения играет определенную роль в формировании мотивации к получению высшего образования и занятию НИД.

Были выявлены представления о научной деятельности. Студенты подчеркивают продуктивный, творческий характер научной деятельности. Научная деятельность, по мнению респондентов, дает возможность самореализации, интеллектуального общения, способствует интеллектуальному развитию и повышению уровня эрудиции, развитию творческих способностей, позволяет человеку повысить свою квалификацию, найти перспективную работу, сделать более удачную и быструю карьеру и повысить свой социальный статус, свой престиж в глазах окружающих.

НИР в вузе занимается только треть студентов. Наиболее значимыми для студентов проблемами НИРС в вузе являются: недостаточность финансирования научных исследований, материального стимулирования субъектов научной деятельности; проблема послевузовского трудоустройства; отсутствие необходимой материально-технической базы в вузе; отсутствие социальных льгот как поощрения за научную деятельность; отсутствие необходимого информационного обеспечения; отсутствие регулярных научных контактов с российскими и зарубежными вузами, стажировок в российских и зарубежных вузах; отсутствие возможности публикаций студенческих научных работ; отсутствие возможности внедрения студенческих научных разработок в производство; незаинтересованность преподавателей.

Меры, которые необходимо принять для решения существующих в вузе проблем НИРС, для активизации НИРС, заключаются в следующем: материальное стимулирование студентов, занимающихся НИД (именные стипендии и гранты на научные разработки); привлечение возможно большего числа студентов к НИР; информирование студентов о мероприятиях НИР; совершенствование материально-технической базы вуза; предоставление льгот в учебном процессе, при поступлении в аспирантуру, при трудоустройстве студентам, занимающимся НИР; увеличение практической значимости студенческих работ; организация студенческих научных конференций, семинаров, деловых игр, круглых столов, дискуссий; предоставление возможности публикаций результатов исследований, в особенности в центральных российских научных журналах; установление регулярных контактов со студентами

и профессорами российских и зарубежных вузов; ранняя специализация студентов; отбор наиболее способных студентов для научной деятельности; моральное стимулирование студентов.

С целью выявления ценностных ориентаций студентов респондентам был предложен вопрос «В какой степени являются для Вас важными ниже перечисленные ценности?», ответы на который распределены следующим образом. В иерархии ценностных ориентаций студентов наиболее значимыми являются следующие: первое место по частоте упоминаний занимает здоровье (83,7 %), второе место – семейное благополучие (78,3 %), третье место делят между собой такие ценности, как наличие друзей (70,9 %). Необходимо отметить, что в иерархии наиболее важных ценностных ориентаций достижения в научной деятельности занимают последнее место со значительным отрывом в процентном отношении от других. В группе ценностей, являющихся важными, но в меньшей степени в сравнении с первой группой, по частоте упоминаний представлены удовольствия и развлечения (66,1 %), общественное признание (64,5 %), успехи в учебе (60,7 %). В этой группе ценностных ориентаций достижения в научной деятельности занимают примерно среднее положение (48,2 %). Среди ценностей, которые студенты оценивают как совершенно незначимые, выделились достижения в научной деятельности (41,2 %), общественное признание (17,3 %), удовольствия и развлечения (14,1 %).

Рассматривая иерархию ценностных ориентаций студентов, в разной степени задействованных в НИД, получили следующие результаты. Студенты, постоянно занимающиеся НИД, относят к категории наиболее важных ценностей семейное благополучие (80,6 %), в равной степени здоровье, друзей и реализацию своих способностей (по 77,4 % упоминаний), а также интересную работу (70 %). В числе важных ценностей респонденты выделили общественное признание и достижения в научной деятельности (по 69 % упоминаний), высокий уровень благосостояния (56,7 %). Следует отметить, что у студентов, постоянно занимающихся НИР, в ряду совершенно не важных для них ценностей первое место по числу упоминаний также получили достижения в научной деятельности (24,1 %), наряду с такими, как общественное признание, удовольствия и развлечения (по 10,3 % упоминаний), любовь и успехи в работе (по 9,7 % упоминаний).

Для студентов, иногда занимающихся НИД, характерна следующая система ценностей. К числу наиболее важных ценностей студенты относят здоровье (86 %), семейное благополучие (79,1 %), друзей (69,8 %). В группе менее актуальных, но, все же значимых ценностных ориентаций наибольшее число упоминаний принадлежит общественному признанию (67,4 %), удовольствиям и развлечениям (66,3 %), высокому уровню благосостояния (59,3 %). Что касается достижений в научной деятельности, то в иерархии ценностей, не представляющих интерес для студентов, сохраняется та же тенденция, что и у студентов, постоянно занимающихся научной

деятельностью, – по числу упоминаний в этом ряду она занимает первое место (33,7 %).

Студенты, вообще не принимающие участия в НИД, весьма важным считают здоровье (88,6 %), семейное благополучие (75,6 %), а также дружбу (70,8 %). Наибольшее количество ответов в группе ценностей, представляющих важность для студентов, принадлежит позициям: удовольствия и развлечения (65,1 %), общественное признание (63,4 %), успехи в учебе (62,5 %). Для студентов, не вовлеченных в НИР, не являются важными достижения научной деятельности (49,5 %), общественное признание (19,9 %), удовольствия и развлечения (14,1 %).

В целом следует отметить, что достижения в научной деятельности занимают одно из последних мест в иерархии ценностных ориентаций всех групп студентов. Результаты исследования отражают тенденцию, имеющую под собой вполне объективные причины становления нового общественного строя в России: научная работа рассматривается студентами как низкооплачиваемая и неперспективная с точки зрения карьеры в рыночной экономике. Несмотря на то, что научная деятельность занимает низкий статус в иерархической системе ценностей, именно у респондентов, регулярно участвующих в НИР, наиболее высок процент тех, кто считает ее важной и очень важной (75,9 % респондентов в отличие от 66,3 % студентов, иногда занимающихся научной работой, и 50,5 % молодых людей, не занимающихся научной деятельностью). Кроме того, данная категория, в отличие от других студентов, отмечает особую важность самореализации, а научная деятельность представляет собой одно из важнейших средств самореализации. Для студентов, иногда занимающихся наукой, успехи в учебе являются более важными по сравнению с другими категориями студентов, и научная деятельность в данном случае скорее служит для них средством достижения подобных успехов.

Одной из основных задач исследования являлся анализ условий, созданных в вузе для НИР. По мнению большинства студентов (63,3 %), условия, созданные для НИРС в вузе, являются удовлетворительными; 26,8 % респондентов оценили их как не удовлетворительные; 8,6 % – как благоприятные; не ответили на данный вопрос 1,3 % опрошенных. Таким образом, условия, созданные в вузе для осуществления научной деятельности, можно охарактеризовать как недостаточно удовлетворительные, так как лишь менее 1/10 респондентов отметили их как благоприятные.

Проведенное исследование затронуло многие аспекты организации научной работы студентов, что обусловлено разнообразием и многогранностью социальных детерминант НИДС в вузах.

Данная работа и ее результаты предполагают дальнейшее расширение исследований этой проблемы. Необходимо расширение выборки социологических исследований (включение студентов других вузов других регионов), проведение анкетирования среди преподавателей, экспертных интервью с раз-

личными категориями участников НИДС, а также привлечение обширного сравнительного материала: данных государственной и региональной статистики, нормативно-правовых документов других регионов страны (Москва, Новосибирск, Екатеринбург, Ярославль, Смоленск и т. д.).

Перспективным представляется осуществление социологического эксперимента на базе КемГУ, целью которого станет выявление степени эффективности практической реализации комплекса мероприятий по активизации НИДС, выявленных в результате проведенного исследования.

Полученные результаты могут быть применены для разработки методик изучения социальных факторов активизации НИРС; в качестве рекомендаций по совершенствованию организации НИР студентов вузов; разработки рекомендаций по стимулированию

и повышению эффективности НИД различных категорий студентов.

Литература

1. Алексеева, О. И. Организация управления научными исследованиями в вузах [Текст] / О. И. Алексеева. – Воронеж, 2005.
2. Амбаева, Л. И. Высшее образование в регионе [Текст] / Л. И. Амбаева // Социология образования. 2000. – № 2.
3. Балашов, В. В. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в вузах России [Текст]: монография / В. В. Балашов, Г. В. Лагунов, И. В. Малюгина; ГУУ: в 3 ч. – М., 2002.
4. Зиятдинова, Ф. Г. Социальные проблемы образования [Текст] / Ф. Г. Зиятдинова. – М.: РГГУ, 1999.

УДК 316.477

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

К. М. Грабчук

SOCIAL PARTNERSHIP: PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF PROFESSIONAL TRAINING OF THE FUTURE SPECIALISTS ON SOCIAL WORK

К. М. Grabchuk

Организация социального партнерства является необходимым условием подготовки будущих специалистов по социальной работе. В статье выделены ключевые проблемы подготовки специалистов и даны рекомендации по развитию сотрудничества между образовательным учреждением и предприятиями. Раскрываются направления и возможные формы социального партнерства между вузом и учреждениями системы социальной защиты населения.

The organization of social partnership is a necessary condition of professional training of the future specialists on social work. In the article the key problems of professional training of the future specialists on social work are allocated and recommendations on development of cooperation between educational establishments and the enterprises are given. Directions and possible forms of social partnership between the higher educational establishments and the establishments of the system of social protection of the population are revealed.

Ключевые слова: социальное партнерство, профессиональная подготовка, практико-ориентированная деятельность.

Keywords: social partnership, directions and forms of social partnership, professional training, practical oriented activity.

Следствием социально-экономических изменений, происходящих в настоящее время, стало обострение социальных проблем, появление категорий населения, оказавшихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в оказании квалифицированной социальной помощи, а также реформирование системы социальной защиты населения способствовало открытию большого количества новых учреждений. Очевидно, что эффективность их деятельности во многом зависит от кадрового обеспечения и профессиональной компетентности специалистов по социальной работе.

Складывающиеся производственно экономические отношения выдвигают новые требования к подготовке кадров. Сформулирована новая парадигма образования, провозглашающая переход от

подготовки узких специалистов к подготовке широко образованных личностей. В настоящее время проблема организации профессиональной подготовки приобретает все большую актуальность, так как именно от успешности данного процесса зависит во многом качество специалиста и уровень сформированности его профессиональной компетентности.

В широком смысле под профессиональной подготовкой следует понимать организацию обучения профессиональных кадров, различные формы получения профессионального образования; в узком смысле – ускоренную форму приобретения профессиональных навыков [4].

Профессиональная подготовка должна быть сориентирована на модель будущего специалиста, отражающую структуру его деятельности, а сам про-

цесс подготовки должен отражать специфику будущей профессиональной деятельности. Так, подготовка будущих специалистов по социальной работе, по нашему мнению, включает аксиологические и технологические требования профессии, стандарты профессии и высшего профессионального образования в области социальной работы, а в ее структуре можно выделить четыре основных компонента:

- теоретико-технологический, отражающий систему психолого-педагогических знаний о развитии личности и профессиональных знаний, которые обеспечивают формирование высокого уровня компетентности;

- практико-развивающий, формирующий аналитические, проектировочные, стратегические, конструктивные, комбинаторные умения и навыки у будущих специалистов по социальной работе для решения практических задач;

- личностно-креативный, характеризующий овладение креативными способами деятельности, перенос полученных знаний в нетипичные (внеаудиторные, профессиональные ситуации для решения новых задач);

- эмоционально-рефлексивный, позволяющий сформировать у студентов эмпатическое отношение к клиентам, ориентировать обучаемых на самопознание, осмысление своих действий и состояний, развить стремление к самосовершенствованию в профессиональной деятельности [3].

Реализация данных компонентов наиболее эффективна во внеаудиторной практической деятельности студентов. По мнению Н. Б. Шмелевой, включение студентов в практико-ориентированную среду дает им возможность непосредственно участвовать в производственно-технологических процессах социальной работы в период обучения, обеспечивает перевод теоретико-методологической профессиональной основы, знаний в практическую деятельность, способствует переходу от обезличенных требований образовательного стандарта специалиста по социальной работе в основы профессиональной компетентности [7].

В основу развития системы образования в области социальной работы положены следующие организационные принципы:

1. Дифференцированный подход к организации и подготовке в зависимости от конкретных условий и потребностей общества и региона.

2. Учет особенностей социальной работы как профессиональной деятельности.

3. Практико-ориентированный подход в подготовке специалистов и необходимость вовлечения в систему образования не только профессорско-преподавательского состава, но и практических специалистов.

4. Соединение фундаментальности обучения с деятельностью-практической подготовкой, с тем, чтобы выпускник был и профессионально компетентным, и способным адаптироваться к окружающей среде [3].

Погружение студентов в практико-ориентированную деятельность и формирование устойчивой

мотивации к изучению учебных дисциплин осуществляется через связь всего процесса обучения с условиями и содержанием будущей профессиональной деятельности специалиста. Весь процесс обучения максимально приближается к реальной профессиональной деятельности специалиста.

В настоящее время эффективность формирования личности молодого специалиста не может измеряться только объемом знаний и умений, как это определено в государственном образовательном стандарте в области социальной работы. Именно поэтому необходимо создавать условия, способствующие самореализации, саморазвитию и формированию профессиональной компетентности будущего специалиста. Кроме того, в настоящее время становится наиболее актуальным, чтобы обучение вообще и профессиональное обучение в особенности отвечало интересам и потребностям не только обучающихся, но и работодателей, что будет способствовать улучшению качества высшего образования за счет повышения уровня мотивации студентов и привлечения специалистов-практиков к подготовке будущих специалистов.

Проанализировав опыт современной подготовки студентов – будущих специалистов по социальной работе, потребностей развития педагогической теории и практики, результаты нашего исследования и результаты опроса работодателей, представленных в приложении 11 к ежегодному экономическому докладу 2008 года Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов», мы выделили ключевые проблемы в подготовке специалистов.

1. Для молодых специалистов характерен дисбаланс: очень высокий уровень теоретических знаний при явной недостаточности практической составляющей. Знания выпускников профессиональных учебных заведений не являются собственно профессиональными, они носят, скорее, общий характер. В то время как работодатель хотел бы, чтобы специалист прежде всего владел глубокими, но узкоспециализированными знаниями.

2. Отсутствие практического опыта у будущих специалистов по социальной работе и поверхностные знания о будущей профессиональной деятельности. После окончания обучения необходимо, чтобы студенты были психологически готовы к работе в учреждениях системы социальной защиты населения с различными категориями. Для этого им необходимо знать особенности будущей профессиональной деятельности, требования, которые предъявляет профессия к личности специалиста, какими он должен обладать личностными качествами для успешного выполнения профессиональных функций. Возникает необходимость создания дополнительных требований к организации учебного процесса, в процессе которого студенты знакомятся с целями, задачами, условиями деятельности специалиста по социальной работе начиная с первого курса обучения.

3. Низкий уровень мотивации обучающихся, как фактор, понижающий эффективность образовательного процесса.

4. Негибкость учебных программ современного профессионального образования.

5. Недостаточное организационно-методическое обеспечение процесса профессиональной подготовки будущего специалиста по социальной работе в условиях вуза и методическая обеспеченность производственных практик.

6. Наличие ключевых проблем организации практики студентов:

- особенности взаимодействия между учебным заведением и работодателями во время организации студенческой практики. Несмотря на существующий «кадровый голод», работодатели испытывают сложности при заключении договоров с факультетом, обусловленный не только новыми социально-экономическими условиями, но и отсутствием заинтересованности участвовать в подготовке будущих специалистов;

- недостаточная разработанность индивидуальных заданий и четко обозначенных критериев оценки студента, что не позволяет ему продемонстрировать свои умения и навыки в практической деятельности во время прохождения практики, а руководителю оценить успешность практиканта;

- отсутствие института наставничества, что является основой организации практики в социальных службах. Педагог-наставник является центральной фигурой в процессе подготовки будущих социальных работников, от профессиональной компетентности которого зависит успешность формирования у студентов необходимых знаний, умений и ценностных ориентаций.

Решением обозначенных проблем является развитие сотрудничества работодателей и образовательных учреждений. Реальных изменений в системе профессионального образования можно достичь лишь в том случае, если работодатели будут не только заказчиками, формирующими те или иные запросы, но и активными участниками процессов развития сферы образования.

В научной литературе и на практике социальное партнерство характеризуется неоднозначно. Одни понимают его как конкретный тип социально-трудовых отношений между органами государственной власти, работодателем и трудовым коллективом. Другие – в более широком смысле: как специфический вид общественных отношений между профессиональными, социальными группами, слоями, классами, их общественными объединениями, органами власти и бизнесом. Третьи – как мировоззренческую основу согласования и защиты интересов различных социальных групп, слоев, классов, их общественных объединений, бизнеса и органов власти. Наряду с ним (социальным партнерством) получили широкое распространение политическое, корпоративное, агентское партнерство, социальный диалог. Кроме того, входит в практику так называемое некоммерческое партнерство, реализуемое некоммерческими организациями по достижению со-

циальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей в удовлетворении нематериальных потребностей граждан, их законных интересов, а также в сферах защиты прав, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи [5; 6].

В приложении 11 к ежегодному экономическому докладу 2008 года Общероссийской общественной организации «Деловая Россия» «Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов» даны рекомендации реализации разнообразных форм сотрудничества работодателей и образовательных учреждений.

1. Подача предприятиями заявки в учебные заведения на специалистов определенного профиля, прохождение практики на предприятии, в том числе и преддипломной стажировки.

2. Выступление в учебных заведениях с лекциями и мастер-классами.

3. Знакомство представителей образовательного учреждения (студентов, преподавателей) с производственной деятельностью учреждения с целью дальнейшей корректировки существующих учебных курсов.

4. Участие работодателей в профессиональных конкурсах мастерства, студенческих конференциях и др.

5. Проведение занятий для студентов представителями предприятий.

6. Участие работодателей в разработке учебной документации, методик организации учебного процесса, в анализе и оценке качества подготовки специалиста.

7. Привлечение студентов в исследовательской деятельности [1].

Успехом реализации социального партнерства является четкая координация деятельности между образовательным учреждением и предприятиями. При подготовке будущих специалистов по социальной работе речь идет об отношениях между учебным заведением и учреждениями системы социальной защиты населения.

Организация социального партнерства между вузом и учреждениями системы социальной защиты населения обеспечивает решение ряда задач:

- вовлечение в систему образования практических специалистов способствует удовлетворению требований практико-ориентированного подхода;

- соединение фундаментальности обучения с деятельностью-практической подготовкой содействует формированию профессиональной компетентности студентов и успешной адаптации к будущей профессиональной деятельности;

- содействие занятости студентов и последующего трудоустройства выпускников;

- организация производственного обучения (предоставления мест для проведения исследования и прохождения студенческой практики);

- реализация совместных проектов для изучения (исследования) социальных проблем;

- разработка учебных планов, программ практики (методических рекомендаций для прохождения

практики) с учетом особенностей деятельности учреждений системы социальной защиты населения;

- привлечение студентов в качестве волонтеров, что способствует формированию профессионально-личностных качеств, мотивации трудоустройства по специальности;

- подготовка наставников от учреждения для прохождения практики.

На социально-психологическом факультете Кемеровского государственного университета реализуются следующие формы социального партнерства.

1. Учреждения выступают в качестве баз практики.

В период прохождения практики студентам должна быть представлена возможность участия в мероприятиях организации. Эти и другие условия согласовываются представителями вуза (руководителями практики в вузе) и учреждения заблаговременно. Со всеми учреждениями, которые являются базами прохождения студенческой практики, социально-психологический факультет заключает договор, согласно которому учреждение обязуется предоставить место для прохождения студентами практики.

Семья, дети, малообеспеченные, пожилые и люди с ограниченными возможностями – приоритетная сфера социальной работы. Исходя из этого, остро стоит проблема подготовки профессионалов, способных удовлетворить потребности этих групп, опираясь на профессиональные знания, умения и навыки. Достоинством организации студенческой практики по специальности «Социальная работа» является взаимодействие с разнообразными учреждениями не только системы социальной защиты населения, но и учреждениями системы образования, здравоохранения, Министерства внутренних дел, что, несомненно, способствует изучению особенностей клиентов учреждений, их потребностей, форм и методов социальной работы в различных сферах.

Преподаватели вуза (руководители практики в вузе) совместно с работниками тех учреждений, где проходит практика, разрабатывают план прохождения практики. В зависимости от вида практики формулируются цели и задачи практики. Так, ознакомительная практика начинается у студентов с первого курса и составляет две недели, целью которой является знакомство с деятельностью учреждений социального обслуживания, спецификой клиентов, услугами, предоставляемые этими учреждениями. Во время прохождения учебной практики, на втором и третьем курсах, студенты выбирают базы практики в зависимости от своих интересов, в отличие от студентов, обучающихся на первом курсе. Целями учебной практики являются познакомиться с клиентами учреждений и освоить формы и методы социальной работы с различными категориями населения. На четвертом и пятом курсах студенты проходят производственную и преддипломную практику в роли ассистента и стажера.

К преимуществам взаимного сотрудничества между вузом и учреждениями относится не только приобретение студентами соответствующих знаний,

умений и навыков, личностных качеств, но и привлечение самих работодателей к процессу профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе. Следует отметить, что в организации практики студентов заинтересованы и сами работодатели. По мнению работодателей, будущие специалисты по социальной работе, проходя практику на рабочем месте, должны овладеть более глубокими, но в тоже время и узкоспециализированными знаниями и умениями. Именно поэтому мы при составлении заданий на практику учитывали, прежде всего, мнение самих специалистов по социальной работе, особенности учреждения и специфику клиентов данного учреждения, что также решает проблему несоответствия знаний, приобретенных в учебных заведениях, требованиям, предъявляемых на конкретном рабочем месте.

И еще одним, на наш взгляд, важным достоинством взаимодействия между вузом (факультетом) и учреждениями системы социальной защиты населения является формирование заинтересованности будущих специалистов по социальной работе к дальнейшей профессиональной деятельности, мотивации к успешному обучению и дальнейшему трудоустройству по полученной специальности. После прохождения практики наиболее отличившимся студентам предоставляется возможность трудоустройства. Если они знают, что будут работать по специальности и успешно, то тогда у них будет стимул стать хорошими специалистами.

2. Формированию профессионально значимых целей и мотивов учения способствуют встречи студентов с опытными социальными работниками или специалистами по социальной работе, знакомство с учреждениями и их клиентами. Опора на практический опыт при изучении социальной работы способствует более эффективному формированию научных понятий по предмету, активизации мышления, развитию сознательного усвоения профессиональных знаний и умений. Решению поставленных задач способствует проведение экскурсий и практических занятий в учреждениях системы социальной защиты населения.

Так, например, при изучении темы «Социальная работа в системе социального обслуживания населения» из курса «Теория социальной работы» студенты знакомятся с деятельностью учреждений системы социальной защиты населения на примере Комплексного центра социального обслуживания населения. Специалист по социальной работе рассказывает о структуре Центра, направлениях деятельности каждого отделения, о различных категориях населения, нуждающихся в социальной помощи. Студенты имеют возможность наблюдать за профессиональной деятельностью специалистов, работающих в Центре.

3. Учреждения системы социальной защиты выступают как исследовательские площадки для проведения исследований к курсовым и дипломным проектам, так и являются заказчиками для изучения тех или иных социальных проблем, их деятельности и разработки программ и рекомендаций.

В качестве примера можно привести дипломную работу «Изучение мотивации добровольческой деятельности волонтеров в социальной работе с пожилыми людьми». Исследование было направлено на изучение доминирующих мотивов волонтеров, осуществляющих добровольческую деятельность в отношении лиц пожилого возраста, и проводилось среди учеников общеобразовательных школ и среднеспециальных учебных заведений, работающих волонтерами на базе актива добровольческого отряда «Руки добра» г. Кемерово. По результатам проведенного исследования были разработаны рекомендации для активизации работы руководителей организаций с добровольцами, совершенствования процедур привлечения учащейся молодежи в добровольческие отряды и внедрения индивидуального подхода работы с добровольцами с учетом типа доминирующей мотивации.

Одним из новых направлений деятельности учреждений системы социальной защиты населения является разработка и внедрение технологии фандрайзинга. Профессиональное планирование и проведение фандрайзинговой кампании – залог стабильности комплексного центра социального обслуживания населения и успешной реализации общественно значимых проектов. В ходе написания дипломной работы на тему «Организационные аспекты фандрайзинга» студенткой было проведено исследование по изучению удовлетворенности клиентов Центра качеством проведенных мероприятий, предоставления услуг и разработаны рекомендации, позволяющие повысить результативность проводимых фандрайзинговых мероприятий.

По заказу общественной организации Центра «СПИД» студентами специальности «Социальная работа» были проведены исследования на тему «Организация социальной работы по предупреждению распространения ВИЧ/СПИДа среди молодежи», «Организация межведомственного взаимодействия по профилактике наркотизма среди молодежи».

Целями исследованиями данных работ было изучение степени информированности молодежи о причинах и факторах распространения эпидемии, организации социальной работы по предупреждению распространения ВИЧ/СПИДа среди молодежи и взаимодействия субъектов в процессе профилактики наркотизма среди молодежи. По результатам исследования предложены направления межведомственного взаимодействия по профилактике наркотизма, разработаны рекомендации к работе специалистов Центра по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями.

Совместно с Управлением социальной защиты населения г. Кемерово было проведено исследование, которое называлось «Конкурентоспособность услуг государственных учреждений социальной защиты населения», направленная на изучение качества предоставляемых социальных услуг учреждениями системы социальной защиты населения. База проведения исследования – Комплексный центр социального обслуживания населения г. Кемерово. С учетом полученных результатов определены пути

реализации рекомендаций по улучшению качества предоставления социальных услуг.

У студентов наблюдается вовлеченность в процесс проведения исследования и разработки проектов или рекомендаций. Это объясняется тем, что выбранная тема работы соответствует их научным и практическим интересам, благодаря чему формируется положительная мотивация к обучению по специальности, дальнейшей работе по выбранному направлению в учреждениях системы социальной защиты населения, образования, здравоохранения или общественных организациях.

4. Привлечение специалистов из учреждений системы социальной защиты при проведении конференций, круглых столов.

Участие студентов в научно-практических конференциях не только способствует формированию профессиональной компетентности будущего специалиста, но и позволяют оценить значение и перспективы будущей профессии, свои реальные возможности. Например, проведение ежегодной апрельской Международной научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. Студенты, принимающие участие в конференции, представляют доклад о своем видении социальной работы в различных сферах и с категориями населения, нуждающихся в оказании социальной помощи, презентации современных технологий социальной работы, результаты научно-исследовательской деятельности. Отличительной особенностью проведения конференции по секции «Социальная работа» является взаимодействие между исследователями и практиками, позволяющее выделить проблемы и позитивные стороны в развитии технологии социальной работы. Присутствующие специалисты по социальной работе, работники учреждений здравоохранения и другие специалисты принимают активное участие в дискуссии по решению наиболее важных и актуальных социальных проблем, приводят примеры практического применения представленных форм и методов социальной работы, деятельности учреждений системы социальной защиты населения, реализуемых ими программ по предоставлению социальных услуг. Такие конференции имеют особое значение для формирования профессиональной компетентности.

5. Следующей формой работы вуза с учреждениями системы социальной защиты населения является организация подготовки педагогов-наставников, специалистов-руководителей от базы практики.

Плодотворность прохождения практики, ее успешность зависят от обеспечения ряда важных условий. И одно из них – студенты должны иметь возможность под руководством выполнять задания, включающие работу с документами, применять на практике формы и методы социальной работы с различными категориями, разрабатывать технологические этапы оказания помощи и др. Если они только наблюдают за работой других, не получая возможности действовать самостоятельно, то обучение не будет полноценным. В приобретении профессио-

нальных умений и навыков, практической составляющей профессиональной компетентности, имеют место и наблюдение и подражание, но этого совсем недостаточно для того, чтобы научиться самому выполнять соответствующий вид профессиональной деятельности, – нужна реальная практика. У будущего специалиста необходимо сформировать навыки организационной работы, обучить ориентироваться в различной документации, выработать собственные алгоритмы регистрации входящей и исходящей информации, в том числе информации от клиента.

Для решения этих и других вопросов мы пришли к выводу о необходимости введения педагога-наставника (супервизора) в учреждениях системы социальной защиты населения.

Педагоги-наставники помогают, во-первых, «оттачивать» студентам знания, полученные в вузе, во-вторых, учат студентов при работе с клиентом учитывать его индивидуальные особенности и потребности, организовывать работу, опираясь на профессионально-этические нормы специалиста по социальной работе; в-третьих, педагоги-наставники могут помочь выработать важные профессиональные умения и навыки, профессионально-личностные качества.

Как мы можем заметить, педагог-наставник является центральной фигурой в процессе подготовки будущих специалистов по социальной работе. От его профессиональной компетентности зависит успех практики в целом, и степень удовлетворенности студентов от прохождения практики. Поэтому подбор и обучение квалифицированных педагогов-наставников – важная задача для всех школ социальной работы (вуза), стремящихся к обеспечению высокого качества профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе. Обучение педагогов-наставников, на наш взгляд, должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить овладение конкретными приемами решения конкретных проблем, возникающих в работе со студентами. Наша задача в связи с этим – подготовка специалистов, в обязанности которых входит руководство прохождением практики студентов. Цель разработанной нами программы обучения педагогов-наставников состоит в том, чтобы подготовить грамотных наставников, которые могут впоследствии использовать свои знания в деятельности по руководству практикой студентов.

Основные вопросы, на которые следует обратить внимание при подготовке педагогов-наставников.

1. Методическое обеспечение педагогов-наставников, т. е. предоставление программы практики, разработанные задания для студентов в зависимости от курса.

2. Форма работы со студентами (обучения).

3. Выработка критериев оценивания практики студентов.

С учетом выделенных функций педагога-наставника, форм работы со студентами, нами разработана Рабочая тетрадь по практике студента спе-

циальности «Социальная работа» (обучающее пособие по практике). Работа с данным пособием помогает сделать практику более управляемой, облегчить процесс оценивания студента, педагогически грамотно построить процесс прохождения практики студентов, наладить отношения между наставником и студентом.

6. Привлечение студентов в качестве волонтеров в учреждения системы социальной защиты населения и общественные организации – следующая форма социального партнерства между факультетом (вузом) и учреждениями системы социальной защиты населения.

Привлечение студентов к волонтерской деятельности уже на начальном этапе погружения в профессию имеет глубокий педагогический смысл. У студентов формируется мотивация на профессию, они учатся состраданию, милосердию и сочувствию, а, значит, закладываются ценностные нормы профессиональной деятельности. Формируются умения устанавливать контакт с различными группами населения, развиваются навыки делового общения, организаторские способности, приобретают опыт сотрудничества с различными организациями, работы в команде [2].

Обобщив подходы к определению социального партнерства, мы можем говорить о том, что это особый тип отношений между профессиональными группами, основанные на принципе равноправного сотрудничества партнеров, что обеспечивает оптимальный баланс и реализацию их основных интересов в области решения значимых социальных проблем.

Преимуществами организации социального партнерства между социально-психологическим факультетом и учреждениями системы социальной защиты населения являются:

– развитие навыков практической и научно-исследовательской деятельности у студентов специальности «социальная работа»;

– предварительное знакомство с будущим местом работы;

– формирование мотивации у студентов на дальнейшее трудоустройство по выбранной специальности.

Развитие партнерских отношений между вузом и учреждениями системы социальной защиты населения, образования, здравоохранения, общественными организациями способствует увеличению практической составляющей в программах профессиональной подготовки будущих специалистов по социальной работе, включению студентов в практико-ориентированную среду.

Литература

1. Брусникин, Н. Ю. Современное состояние системы образования и предложения «Деловой России» по ее совершенствованию [Текст] / Н. Ю. Брусникин // Приложение 11 к ежегодному экономическому докладу 2008 года Общероссийской общественной организации «Деловая Россия»

«Стратегия 2020»: от экономики «директив» к экономике «стимулов»

2. Грабчук, К. М. Организация социального партнерства как условие формирования профессиональной компетентности специалистов по социальной работе [Текст] / К. М. Грабчук, Е. В. Филатова; науч. ред. проф. Н. Э. Касаткина. – Кемерово: Юнити, 2008. – 33 с.

3. Касаткина, Н. Э. Профессиональная подготовка социальных работников в условиях непрерывного образования [Текст] / Н. Э. Касаткина, Е. В. Филатова. – Кемерово: Юнити, 2008. – 116 с.

4. Лейбович, А. Н. Применение ЭВМ для календарного планирования учебного процесса в ПТУ, школах, техникумов: метод, пособие для преподавателей ПТУ [Текст] / А. Н. Лейбович. – М.: Высш. шк., 1991. – 160 с.

5. Михеев, В. А. Социальное партнерство как механизм устойчивого социально-экономического развития [Текст] / В. А. Михеев, А. В. Михеев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 5. – С. 194–206.

6. Шишкарев, С. Социальное партнерство в России [Текст] / С. Шишкарев // Российский журнал. – 2003. – Режим доступа: <http://www.russ.ru/politics/20030403-shishkarev.html>.

7. Шмелева, Н. Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала: учебное пособие [Текст] / Н. Б. Шмелева. – М.: Дашков и К°, 2006. – 196 с.

УДК 316.752(061.213)

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГОТОВНОСТИ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. С. Игнатьева

VALUE-SEMANTIC DETERMINANTS OF WILLINGNESS TO VOLUNTEER ACTIVITIES OF STUDENTS OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

A. S. Ignatieva

В статье рассматриваются вопросы готовности к волонтерской деятельности. На примере исследования, в Кемеровском государственном университете выделены критерии готовности к волонтерской деятельности и ценностно-смысловые детерминанты готовности к ней. Проанализированы составляющие ценностной сферы студентов, готовых к волонтерской деятельности и не готовых к ней.

The article examines the readiness to volunteer activities. For example, studies in the Kemerovo State University identified the criteria for commitment to volunteer activities and value-semantic determinants of preparedness for it. Analyzed the components of the value spheres of students willing to volunteer activities and not ready for it.

Ключевые слова: волонтерство, готовность к волонтерской деятельности, ценностные детерминанты готовности.

Keywords: volunteerism, willingness to volunteer activities, value determinants of readiness.

Историю волонтерского движения довольно трудно проследить, поскольку ранее точно никто не фиксировал действия такого рода. Но сама история человечества указывает на то, что ни одному обществу были не чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. «Волонтерство» – понятие столь же древнее, как и понятие «социум». В обществе всегда находились люди, для которых способом самореализации, самосовершенствования, связи и общения с другими людьми был труд на благо других, на благо того сообщества, в котором этому человеку довелось родиться и жить. В настоящей работе мы принимаем понятия «волонтерская деятельность» и «добровольческая деятельность» как синонимичные [1].

Слово «волонтер» происходит от французского *volontaire* – доброволец, желающий. Официально началом волонтерского движения считается 1920 год, когда добровольцы из Германии и Франции организовано занялись восстановлением ферм,

разрушенных во время Первой мировой войны. С тех пор волонтерство стало движением мирового масштаба. За рубежом институт волонтерства очень развит, волонтеры пользуются уважением общества и поддержкой государства. Они бесплатно и добровольно помогают в реставрации археологических памятников, помогают людям с ограниченными возможностями, обучают детей, осуществляют экологические программы и даже выезжают за границу [3].

В международном понимании волонтерство, или добровольчество, – это неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность, направленная на благо других. Добровольцем может быть любой человек, желающий посвятить свое свободное время добровольному труду. Обратимся к статистике. На 1987 г. в мире насчитывалось 80 миллионов волонтеров, в 1995 – более 93 миллионов, 1998 г. – более 109 миллионов людей участвовали в волонтерском

движении. На сегодняшний день число волонтеров превышает 200 миллионов человек [2].

В переводе с французского, «волонтер» – человек, добровольно выполняющий обязанности в форме безвозмездного труда в интересах благополучателей. Основной мотив волонтерской деятельности – быть социально полезным. Толковый словарь С. И. Ожегова дает следующие определения: «Подготовить – сделать что-нибудь для организации, обучить, дать необходимые знания», «Готовность – состояние, при котором все сделано, все готово» [4, с. 156].

На основании этого определена смысловая конструкция, связывающая в нашей работе понятия «подготовка» и «готовность». Подготовку к чему-либо мы рассматриваем как формирование готовности. Готовность выступает как ожидаемый результат подготовки. Понимание готовности в инженерной психологии имеет несколько смысловых оттенков: «1) вооруженность знаниями, умениями и навыками; 2) готовность к экстренной реализации имеющихся программ действий; 3) согласие, решимость совершать какое-либо действие». Ученые по-разному рассматривают категорию «готовность». Понимают ее как интегральное образование, включающее в себя определенные способности, направленные на достижение положительного результата (Е. П. Белозерцев); как определенный уровень развития личности, предполагающий сформированность ценностной системы и операционально-поведенческих качеств (Я. Л. Коломинский); как качество личности (А. И. Мищенко, М. Н. Ахметова).

Готовность лидеров общественных объединений, работающих на волонтерской основе, – это ожидаемая результативность подготовки и целостное состояние личности, выражающееся в ее мотивах, знаниях, умениях, опыте осуществляемой деятельности [5].

Целью нашего исследования являлось изучить ценностно-смысловые детерминанты готовности к волонтерской деятельности.

Для изучения индивидуально-психологических особенностей готовых к волонтерской деятельности, в сравнении с теми людьми, которые не готовы к волонтерской деятельности, нами было проведено исследование на базе Кемеровского государственного университета. В исследовании приняли участие студенты специальности «Социальная работа» 2 – 4 курсов. Выборка составила 100 человек. Средний возраст участников составил 19,8 лет. Половая структура исследования представлена таким образом: 81 % девушек и 19 % юношей. Это связано со спецификой факультета и профессии, так как основной контингент обучающихся на данном факультете составляют девушки. Во-вторых, волонтерской деятельностью, как правило, занимаются девушки.

На первом этапе исследования была использована разработанная нами анкета, которая включала в себя 12 вопросов, из которых больше половины были закрытыми. Вопросы были составлены в соответствии с выделенными критериями готовности. В анкетировании нами преследовались следующие цели:

разделение участников исследования на три группы (готовые к волонтерской деятельности, не полностью готовые к волонтерской деятельности и неготовые к волонтерской деятельности) на основе модели, представленной Н. Попович в исследовании «Подготовка подростков-лидеров, работающих на волонтерской основе»; выявление уровня информированности о волонтерской деятельности; определение субъективного отношения к волонтерской деятельности и мотивов, способных побудить к выполнению данной деятельности; определение важных с точки зрения опрашиваемых, личностных качеств для выполнения данной деятельности. Готовыми мы считали тех респондентов, которые положительно ответили на все вопросы анкеты. Неготовыми мы считали тех респондентов, которые отрицательно ответили на большинство вопросов. Остальные испытуемые вошли в группу не полностью готовых. Кроме того, нас интересует соотношение ответов испытуемых с результатами использованных методик.

В исследовании нами были использованы следующие методики: тест ценностных ориентаций М. Рокича, методика исследования уровня субъективного контроля (УСК), тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева (СЖО), самоактуализационный тест Э. Шостром (САТ).

Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, основу мировоззрения и ядро мотивации жизнедеятельности, основу жизненной концепции и «философии жизни».

Наиболее распространенной в настоящее время является методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списка ценностей.

М. Рокич различает два класса ценностей:

- терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Это деление соответствует традиционному делению на ценности-цели и ценности-средства.

Респонденту предъявлены два списка ценностей (по 18 в каждом) либо на листах бумаги в алфавитном порядке, либо на карточках. В списках испытуемый присваивает каждой ценности ранговый номер, а карточки раскладывает по порядку значимости. Вначале предъявляется набор терминальных, а затем набор инструментальных ценностей.

Анализируя иерархию ценностей, следует обратить внимание на их группировку испытуемым в содержательные блоки по разным основаниям. Так, например, выделяются «конкретные» и «абстрактные» ценности, ценности профессиональной самореализации и личной жизни и т. д. Инструментальные ценности могут группироваться в этические ценности, ценности общения, ценности дела; инди-

видуалистические и конформистские ценности, альтруистические ценности; ценности самоутверждения и ценности принятия других и т. д. Это далеко не все возможности субъективного структурирования системы ценностных ориентации. Если не удается выявить ни одной закономерности, можно предположить несформированность у респондента системы ценностей или даже неискренность ответов.

Оценить сформированный у испытуемых уровень субъективного контроля над разнообразными жизненными ситуациями позволяет экспериментально-психологическая методика «Уровень субъективного контроля» (УСК). Она способствует выявлению направленности личности на внешние (экстерналы) или внутренние (интерналы) стимулы. Экстерналы убеждены, что их неудачи являются результатом невезения, случайностей, отрицательного влияния других людей. Они нуждаются во внешней поддержке и одобрении. Интерналы же убеждены, что их успехи или неудачи не случайны и зависят от собственной компетентности, способностей, целеустремленности, то есть от них самих. Они больше склонны к осмысливанию своего поведения и, в отличие от экстерналов, менее склонны подчиняться давлению других людей, сильнее реагируют на утрату личной свободы, активнее ищут информацию, необходимую для принятия решения, более уверены в себе.

Изучение актуальных смысловых состояний представляется возможным при использовании многомерного теста «Смысложизненных ориентаций» (СЖО), разработанным Д. А. Леонтьевым. Данная методика представляет собой 20 симметричных шкал-вопросов, состоящих из пары целостных альтернативных предложений с одинаковым началом. Описывая возможности теста СЖО, А. В. Серый считает, что данный тест выступает, с одной стороны, как источник представлений об актуальных смысловых состояниях, с другой – как инструмент, средство их выявления и оценки.

В предложенных парах противоположных утверждений испытуемый должен был выбрать одно из них, которое, по его мнению, больше соответствует действительности и обвести кружком одну из цифр (1, 2, 3) в зависимости от того, насколько он уверен в выборе («0», если оба утверждения, на взгляд респондента, одинаково верны).

Показатели теста «Смысложизненных ориентаций» включают в себя общий показатель осмысленности жизни и пять субшкал, отражающих три конкретные смысловые ориентации и два аспекта локуса контроля.

Шкала «Цели в жизни» характеризует наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу.

Шкала «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» говорит о том, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Содержание этой шкалы сов-

падает с представлением о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить.

Шкала «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» отражает оценку пройденного отрезка жизни испытуемого, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть.

Шкала «Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» дает информацию о том, какое представление имеет испытуемый о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле.

Шкала «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни» характеризует убежденность респондента либо в сознательном контроле своей жизни, либо в иллюзии свободы выбора, бессмысленности такого контроля.

Интенсивное переживание человеком наличия смысла жизни, связанное с осознанием им ответственности за результаты своей деятельности, ориентация на собственную, «автономную» систему ценностей в наибольшей степени характерны для самоактуализирующейся личности. Для измерения уровня самоактуализации у добровольцев мы обратились к «Самоактуализационному тесту» (САТ), который был адаптирован в России Л. Я. Гозманом и М. В. Крозом. САТ измеряет самоактуализацию как многомерную величину, по двум базовым (шкала Компетентности во времени и шкала Поддержки) и 12 дополнительным шкалам:

- 1) ценностные ориентации,
- 2) гибкость поведения,
- 3) сензитивность к себе,
- 4) спонтанность,
- 5) самоуважение,
- 6) самопринятие,
- 7) представления о природе человека,
- 8) синергия,
- 9) принятие агрессии,
- 10) контактность,
- 11) познавательные потребности,
- 12) креативность.

Шкалы 1 и 2, дополняя друг друга, образуют блок ценностей: первая шкала характеризует сами ценности, вторая – особенности их реализации в поведении. Шкалы 3 и 4 составляют блок чувств. Первая определяет то, насколько человек осознает собственные чувства, вторая, – в какой степени они проявляются в поведении. Шкалы 9 и 10 составляют блок межличностной чувствительности, а две последние – блок отношения к познанию.

Для обработки полученных данных подсчитывались процентная выраженность, среднеарифметические значения. Основные процедуры математического анализа реализовывались с помощью программы MS Excel. Проводился качественный анализ полученных данных.

По результатам анализа анкеты полностью готовы к волонтерской деятельности 30 % (30 чел.): из них 19 % (19 человек) уже состоят в каких-либо добровольческих организациях и 11 % (11 чел.)

полностью готовы к подобной деятельности, частично готовы – 51 % (51 чел) и совсем не готовы – 19 % (19 чел). Среди респондентов оказались волонтеры студенческого волонтерского отряда (9 %), Красного Креста (4 %), студенческого совета и студенческого клуба (4 %) и т. д. Представленность различных организаций оказалась довольно широкой.

На вопрос об источниках получения информации о волонтерстве самым популярным ответом был «от знакомых» (28 %), вторым по популярности был ответ «от преподавателей» (19 %), третьим – «СМИ» (18 %). Лишь 3 % ответили, что вообще ничего не слышали о таком понятии.

Также нас интересовало то, как респонденты определяют для себя понятие «волонтерство». В группах готовых и неготовых ответы отличались наполненностью этого понятия. Неготовые, как правило, давали краткое определение или не давали вовсе. Чаще всего присутствовали такие ответы: «волонтер – помощник», «волонтер – человек, работающий бесплатно» и т. д. Ответы готовых к волонтерской деятельности отличались наполненностью и глубиной понимания. Например: «волонтер – это доброволец, деятельность которого направлена на посильную помощь в разрешении социально обусловленных проблем», «волонтер – человек, предлагающий свои услуги на основе свободного выбора и отсутствия материальной выгоды». Таким образом, мы видим, что у готовых к волонтерской деятельности сформировалось вполне стойкое и глубокое понимание термина «волонтер».

В ходе исследования представлений о качествах, которыми должен обладать волонтер, выявились различия в исследуемых группах. Готовые к волонтерской деятельности описали большой набор качеств, в то время как неготовые к волонтерской деятельности указывают не полный перечень качеств и не могут охарактеризовать личность волонтера. В описании качеств волонтера ведущие позиции занимают такие качества, как доброта, коммуникабельность, толерантность и человеколюбие.

Ответы на вопрос «Чем Вам может быть полезна волонтерская деятельность?» также оказались не одинаковыми в трех исследуемых группах. Для готовых в волонтерской деятельности является возможность получения опыта и самореализации. Неготовые в большинстве своем считают, что волонтерская деятельность для них ничем не может быть полезна (11 человек из 19). Не полностью готовые, кроме возможности получения нового опыта выделяют также такой спектр полезности, как новые знакомства.

Все испытуемые, входящие в группу готовых к волонтерской деятельности отметили, что волонтерская деятельность помогает в самореализации. В группе не полностью готовых больше 2/3 также отметили, что волонтерская деятельность помогает в самореализации. В группе неготовых также больше половины испытуемых отметили, что волонтерская деятельность помогает в самореализации.

Изучение мотивации к волонтерской деятельности показало, что ведущими для всех трех групп являются одни и те же мотивы. Основными ведущими мотивами для всех трех групп являются: «желание быть социально полезным», «самореализация» и «возможность интересно проводить досуг». Что интересно, для неготовых на первом месте стоит мотив самореализации, в то время как для готовых к волонтерской деятельности главным мотивом является «желание быть социально полезным». Таким образом, мотивы формируются раньше готовности и напрямую с ней не связаны. Можно сказать, что на основе мотивов деятельности формируется готовность именно к волонтерской деятельности.

Изучение предпочитаемой формы деятельности не выявило особых различий для всех трех групп. Основными являются «участие и проведение профилактических тренингов», «подготовка и участие в массовых социальных мероприятиях», «проведение дискуссий и семинаров для сверстников и участие в тренингах личностного роста». Мы можем сказать, что отсутствие различий в предпочитаемых формах волонтерской работы говорит о схожести интересов испытуемых.

Заключительный вопрос анкеты был направлен на изучение представлений испытуемых о востребованности волонтерской деятельности. Результаты разделились примерно поровну. Только 5 % опрошенных считают, что волонтерское движение совсем не востребовано, тогда как остальные опрошенные определили волонтерское движение как очень востребованное (48 %) или же затруднились ответить (47 %). Можно утверждать, что практически половина опрошенных имеют представление об общих тенденциях развития волонтерского движения и о его востребованности.

В ходе психодиагностического исследования ценностно-ориентационной сферы нами получены следующие результаты.

По методике СЖО испытуемые группы готовых и не полностью готовых к волонтерской деятельности характеризуются достаточно высокими (выше среднего) показателями общей осмысленности жизни (ОЖ), что нельзя сказать о группе неготовых. У них по субшкале «Цели в жизни» были получены показатели ниже среднего. Это говорит об отсутствии в жизни испытуемых целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Достаточно высокий показатель по субшкале «Процесс жизни» в группе готовых к волонтерской деятельности позволяет говорить об эмоциональной насыщенности и наполненности смыслом нынешней жизни. В группе неготовых отмечается низкие показатели по данной шкале. Можно утверждать, что испытуемые оценивают свою жизнь как неудовлетворительную, неинтересную и эмоционально ненаполненную. По субшкале «Результативность жизни», т. е. удовлетворенность самореализацией, зафиксированы показатели выше среднего в группе готовых. В группе неготовых зафиксированы показатели ниже среднего, что говорит о неудовлетворенности испытуемых прожитой

жизнью. По субшкале «Локус контроля Я» показатели ниже среднего во всех группах, что говорит о неполной сформированности Я-концепции. По субшкале «Локус контроля жизнь» в группе готовых были отмечены показатели выше среднего, что отражает убежденность в том, что испытуемым дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, убежденность в том, что жизнь подвластна сознательному контролю. В группе неготовых по этой шкале отмечены показатели ниже среднего, что свидетельствует об обратном (жизнь не подвластна сознательному контролю).

По шкале общей интернальности («Ио») показатель группы готовых свидетельствует о достаточно высоком уровне субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Испытуемые группы готовых считают, что большинство важных событий в их жизни было результатом их собственных действий, они чувствуют свою собственную ответственность за эти события и за то, как складывается их жизнь в целом. В группе неготовых показатель по данной шкале на 1,12 ниже и составляет только 2,95. Это приводит нас к мысли о том, что испытуемые группы неготовых практически не видят связи между своими действиями и значимыми для них событиями их жизни, не считают себя способными контролировать их развитие и полагают, что большинство их является результатом случая или действий других людей.

По шкале интернальности в области достижений («Ид») показатели и в группе готовых, и в группе неготовых являются самыми высокими по сравнению с другими шкалами. Данный результат свидетельствует о том, что самый высокий уровень субъективного контроля присутствует у обеих групп в области достижений.

По шкале интернальности в области неудач («Ин») чувство субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям у испытуемых группы готовых развито сильнее. Поэтому в разнообразных неприятных ситуациях они склонны обвинять прежде всего самих себя. В то время как испытуемые группы неготовых ищут объяснения во внешних обстоятельствах и в других людях.

По шкале интернальности в области семейных отношений («Ис») испытуемые группы готовых готовы брать на себя ответственность за события, которые будут происходить в их семейной жизни. Испытуемые группы неготовых причиной значимых ситуаций в своей будущей семье видят не себя, а своих партнеров.

По шкале интернальности в области производственных отношений («Ип») показатель группы готовых свидетельствует о том, что важным фактором организации собственной производственной деятельности, установления эффективных деловых отношений выступают их собственные действия. Показатель данной шкалы в группе неготовых ниже, поэтому в этой области испытуемые приписывают важное значение внешним обстоятельствам.

По шкале интернальности в области межличностных взаимодействий («Им») можно отметить, что в предыдущих шкалах показатели группы частично готовых являлись средними между показателями группы готовых и группой неготовых, то результаты по данной шкале немного отличаются. Испытуемые группы частично готовых готовы брать на себя ответственность за установление межличностных отношений в большей степени, чем испытуемые группы неготовых.

По шкале интернальности в отношении здоровья и болезни («Из») как и в предыдущих шкалах, испытуемые группы готовых ответственность приписывают лично себе. Они полагают, что их здоровье и выздоровление во многом зависит от их действий. Для испытуемых группы неготовых сохранение здоровья является делом случая, они надеются на действия других людей.

Таким образом, мы можем сделать вывод: испытуемые группы готовых считают себя активными субъектами собственной деятельности, а испытуемые группы неготовых – пассивными объектами действий других людей и внешних обстоятельств.

Полученные значения по Самоактуализационному тесту (САТ), выраженные в процентах, находятся в пределах психической и статистической нормы.

По шкале поддержки испытуемые группы готовых имеют более высокую степень независимости собственных ценностей и поведения от воздействия извне. Они стремятся руководствоваться в жизни собственными целями, убеждениями, установками и принципами. В контрольной группе степень зависимости и несамостоятельности несколько выше.

По шкале ценностных ориентаций более высокий показатель по данной шкале в группе готовых по сравнению с группой не полностью готовых свидетельствует о том, что испытуемые разделяют ценности, которые присущи самоактуализирующейся личности и сами являются таковыми.

По шкале сензитивности к себе различия позволяют говорить о том, что испытуемые группы готовых, в отличие от группы не готовых, более осознанно ориентируются в своих потребностях и чувствах, хорошо ощущают и рефлексировать их.

По шкале спонтанности показатели свидетельствуют о том, что испытуемые группы готовых способны к спонтанному и непосредственному выражению своих чувств. Однако это вовсе не означает, что данное поведение неконтролируемо. Данный факт говорит об отсутствии боязни оказаться в нестандартной ситуации и менять привычные способы поведения. Показатели группы не полностью готовых ниже, что характеризует поведение ее испытуемых как менее естественное и раскованное. Они стараются не демонстрировать окружающим свои эмоции.

По шкале познавательных потребностей Стремление к приобретению знаний об окружающем мире доминирует в группе готовых, в отличие от группы неготовых.

По шкале креативности в группе готовых у испытуемых потребность в творчестве выражена больше, чем в группе частично готовых. Они открыты новым идеям, что характеризует их творческую направленность.

Таким образом, мы можем сказать, что показатели компетентности во времени, контактности и самовосприятия не показали существенной разницы.

Исследование по методике М. Рокича также не выявило существенных различий в показателях. Как для группы готовых, так и для группы неготовых предпочитаемыми ценностями являются ценности личной жизни (здоровье, активная деятельная жизнь, любовь, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь), в то время как ценности профессиональной самореализации являются незначимыми (творчество, интересная работа и прочее). Отвергаемыми ценностями являются ценности блока индивидуальных ценностей (творчество, свобода, развлечения). Готовые к волонтерской деятельности готовы пожертвовать этими ценностями ради своей деятельности.

Распределение инструментальных ценностей по значимости выглядит так: среди предпочитаемых оказались ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность), среди отвергаемых – такие ценности, как терпимость, рационализм, непримиримость к недостаткам в себе и других.

Таким образом, мы видим, что у готовых к волонтерской деятельности наблюдается более высокий уровень осмысленности жизни. Практически по всем показателям наблюдается более высокий уровень по сравнению с показателями группы неготовых к волонтерской деятельности.

Итак, наша гипотеза полностью подтвердилась – у студентов, готовых к волонтерской деятельности, наблюдается более высокий уровень осмысленности жизни и интернальности.

Волонтерство, являясь довольно распространенным видом деятельности, корни которой уходят далеко в древность, в настоящее время остается актуальным. Существует множество различных видов волонтерства. Оно помогает в создании стабильного и сплоченного общества, дополняет услуги, предоставляемые правительством и бизнесом. Силами волонтеров решаются многие социальные проблемы, что говорит о несомненной полезности их деятельности.

В Кузбассе абсолютное большинство волонтеров работают в рамках определенных организаций (Союз молодежи Кузбасса, Российский Красный Крест и др.). Проблема развития волонтерского движения уделяется много внимания как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях. Внимание выражается как в привлечении сил волонтеров в различных мероприятиях, так и в разработке методической основы деятельности. При этом существует ряд проблем, связанных со слабой разработанностью законодательной и методической базы.

Мотивом участия в волонтерской деятельности является не только желание помочь нуждающимся людям, но и желание научиться новому, приобрести

круг общения и т. д. Волонтерская работа помогает в удовлетворении таких потребностей, как контакты с новыми людьми, продвижение каких-то ценностей. Волонтеры могут являться помощниками и катализаторами общественного мнения. Таким образом, понятие волонтерства гораздо шире, чем просто «благотворительность» или «неоплачиваемый труд», оно имеет серьезную социальную природу и значимость.

Ценности и ценностные ориентации описываются в научной литературе с различных сторон и, как понятия, имеют несколько трактовок; для нас интересно понимание ценностей как общепринятых представлений людей относительно целей и путей их достижения, которые предписывают им определенные социально-принятые способы поведения. Это позволяет описывать внутренние причины волонтерства и ценностные детерминанты, которые обуславливают его осуществление. Понятие же личностного смысла является ключевым в описании мотивации к добровольческой деятельности, т. к. позволяет описать причины и способы целеполагания волонтеров, их мировоззренческие характеристики и частично личностные установки.

Подводя итог экспериментальному исследованию ценностно-смысловых детерминант готовности к волонтерской деятельности, важно отметить, что разделение респондентов на полностью готовых к волонтерской деятельности, частично готовых и неготовых во многом условно. Основными мотивами для участия в волонтерской деятельности для всех трех групп являются: желание быть социально полезным, способствовать изменениям в обществе, самореализация, возможность интересно проводить досуг. В описании качеств волонтера ведущие позиции занимают такие качества, как доброта, коммуникабельность, толерантность и человеколюбие. Для всех групп одним из предпочтительных видов деятельности является участие и проведение профилактических тренингов. При этом, однако, у готовых к волонтерской деятельности наблюдается более высокий уровень осознания жизни. Практически по всем показателям наблюдается более высокий уровень по сравнению с показателями группы неготовых к волонтерской деятельности. Кроме того, испытуемые группы готовых считают себя активными субъектами собственной деятельности, а испытуемые группы неготовых – пассивными объектами действий других людей и внешних обстоятельств.

Таким образом, можно заключить, что у студентов, готовых к волонтерской деятельности, наблюдается более высокий уровень осмысленности жизни и интернальности. И, соответственно, высокий уровень развития ценностно-смысловой сферы личности является фактором, детерминирующим готовность к добровольческой деятельности.

Литература

1. Волонтерство – что это? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.openfond.ru/all-main-news/109-what-is-it-volunteer/>.

2. Крохина, Е. А. Роль общественной организации в формировании социальной активности учащейся молодежи. [Электронный ресурс] / Е. А. Крохина. URL: www.regioncentre.ru/generation/publications/publications21.

3. Микушин, Ф. В. Добровольчество – ресурс для развития программ НКО / Ф. В. Микушин. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecologic.aaanet.ru/news/2006/6/02-06-2006411.html>.

4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: АЗБ, 1995. – 928 с.

5. Попович, Н. В. Подготовка подростков-лидеров, работающих на волонтерской основе / Н. В. Попович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/popovich_38_82_p136_140.pdf.

УДК 378.032-057.75:316.647.5

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ С ЦЕННОСТНЫМ САМООПРЕДЕЛЕНИЕМ

Е. В. Кривцова

INTERRELATION OF TOLERANCE OF THE PERSON WITH VALUABLE SELF-IDENTIFICATION

E. V. Krivtsova

В статье рассматривается взаимосвязь толерантности личности и ценностного самоопределения студенческой молодежи. Раскрываются такие понятия, как «толерантность», «ценностное самоопределение».

The article deals with the tolerance as an aspect of value self-identification in Universiti youth. Such concepts as «tolerance», «value self-identification».

Ключевые слова: ценностное самоопределение, ценности, ценностные ориентации, толерантность, толерантная установка, коммуникативная толерантность, эмпатия.

Keywords: tolerance, value self-identification, values, valuable orientations, tolerant installation, communicative tolerance, empathy.

Для современного общества характерны глобальные перемены, которые охватили все сферы человеческого бытия – экономику, политику, право, образование и т. п. В процессе этих перемен прежние ценностные ориентиры подверглись изменению, а новые еще недостаточно сформировались, четко не определились и не стали осознанными настолько, чтобы личность почувствовала себя свободной и уверенной. Отсюда возрос интерес к личности, к ее особенностям, возникла потребность исследовать процесс самоопределения личности в новых условиях. В связи с этим особое место занимает ценностное самоопределение личности, поскольку современному обществу необходим человек с четкими личными и профессиональными целями, способный в меняющихся условиях совершенствоваться и выстраивать гармоничные отношения с окружающими.

В отечественной психологии методологические основы проблемы самоопределения разрабатывались Б. Г. Ананьевым, Л. И. Анцыферовой, К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Божович, М. Р. Гинзбургом, А. Н. Леонтьевым, А. В. Петровским, С. Л. Рубинштейном и др. С. Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев подчеркивали, что самоопределение – активная позиция личности и свободное избрание человеком своей судьбы.

В своих исследованиях В. Д. Повзун и Е. А. Латуха предложили выделить ценностное самоопределение как самостоятельный тип.

Анализ отечественных работ по ценностному самоопределению позволяет говорить о том, что проблема ценностного самоопределения привлекает внимание широкого круга исследователей и проявляется в разных аспектах: выявление возрастных закономерностей данного явления (Л. И. Божович, И. С. Кон, И. А. Шавир); рассмотрение самоопределения в связи с поиском смысла жизни (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн); исследование самоопределения с точки зрения взаимодействия индивида и общества (М. Р. Гинзбург, А. В. Петровский, В. Ф. Сафин).

Говоря о сущности ценностного самоопределения, большинство авторов (Е. А. Латуха, В. Д. Повзун, А. В. Кирьякова, Е. В. Кострюкова, Т. А. Носова, А. А. Преснов) делают акцент на том, что это прежде всего процесс, акт и результат выбора человеком собственной позиции, целей и средств самореализации и саморазвития в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком внутренней свободы, осуществляемой на основе ценностных ориентации как результат сложного динамического образования.

Рассматривая ценностное самоопределение, Е. А. Латуха определяет его как процесс формирования внутренней позиции личности по отношению к людям и ценностям, соотнесения своих жизненных планов, самооценки, стратегий и установок с этой позицией [2].

Как отмечают В. Д. Повзун, А. В. Сальков, ценностное самоопределение личности выступает как условие взаимодействия «человек-мир» [3, 5]. На разных уровнях этого взаимодействия самоопределение проявляется в нахождении личностью своего места в мире, в отношении к общечеловеческим ценностям и проблемам человечества, в определении своего места в обществе, системе общественных отношений, в функционально-ролевой интерпретации своего социального статуса и формировании ценностно-смыслового ядра личности.

Ценностное самоопределение помогает понять суть отношений между «образом Я» и ценностями, изменения в ценностном сознании человека являются закономерным результатом человеческой жизни и составляют основное содержание процесса переопределения личности. Незавершенность процесса ценностного самоопределения подтверждается постоянной переоценкой ценностей, которая происходит на протяжении всей жизни человека.

Структурными элементами ценностного самоопределения являются жизненные ценности и ценностные ориентации, из которых складывается ценностная направленность и тип ценностных ориентаций.

На наш взгляд, наблюдается тенденция возрастания роли толерантности личности в процессе ценностного самоопределения. Толерантность на современном этапе развития общества необходима в отношениях как между отдельными людьми, так и на уровне семьи и общества. Толерантности позволяет личности выработать в процессе взаимодействия положительное, эмоциональное, устойчивое отношение к самому взаимодействию, к объекту и субъекту совместных отношений.

Современная проблематика исследования толерантности многообразна, и анализ научных публикаций позволил выделить ряд точек зрения на сущность понятия «толерантность»:

- философская и психологическая категория (В. А. Лекторский, А. П. Садохин, Ю. Хабермас, Е. Ю. Клепцова, В. А. Ситаров и др.);
- характеристика личности (А. Г. Асмолов, В. В. Бойко, И. Б. Гриншпун, Г. У. Солдатова и др.);
- личностное качество, способность личности (Г. Оллпорт, В. И. Кабрин, С. К. Бондырева, И. Б. Гриншпун, Д. В. Колесов, Е. А. Ашимхина, В. М. Золотухин и др.);
- профессионально значимое качество личности (К. Роджерс, Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская, Г. В. Старшенбаум и др.);
- готовность к принятию других и взаимодействию с ними, признание права на существование иного стиля поведения (Г. У. Солдатова, З. А. Кочергина, Э. С. Гершгорин, И. Н. Филинберг, Г. М. Заболотная и др.);
- устойчивая позиция личности, связанная с личностными установками, ценностями, которые определяют положительное отношение личности к объектам, процессам и явлениям окружающего мира (Л. И. Рюмина, С. Л. Братченко, П. Ф. Комогоров, Л. М. Дробизева, Б. С. Гершунский, В. Н. Гуров, А. Г. Козлова и др.).

В данном исследовании, с опорой на научные работы других авторов, мы конкретизировали сущность понятия «толерантность». С нашей точки зрения, толерантность – это сложная система взаимосвязанных индивидуально-личностных характеристик, определяющих деятельность человека в различных сферах жизнедеятельности и обеспечивающих зрелость личности.

К тому, что подразумевается чаще всего под «толерантной личностью», очень близки некоторые характеристики «самоактуализирующейся личности», по А. Маслоу, представления К. Роджерса о полноценно функционирующем человеке – эмпатичном и ориентированном на актуализацию, идеи смыслоориентированного экзистенциального анализа В. Франкла, рассуждения Р. Ассаджоли об «отождествлении–разотождествлении» как о механизме психосинтетического развития.

По мнению психологов Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой, О. Д. Шаровой, толерантная личность – это «человек, хорошо знающий себя и признающий других. Проявления сочувствия, сострадания – важнейшая ценность толерантного общества и черта толерантного человека» [6].

Многие ученые занимались исследованием того, что входит в образ толерантной личности, сочетающей важнейшие характеристики, отражающие психолого-этические линии человеческих отношений (Э. Фромм, У. Оллпорт, А. Г. Асмолов, Н. А. Асташова, Д. Бродский, Ф. В. Микушина и др.). На основе теоретического анализа работ выделяются следующие черты толерантной-интолерантной личности: знание самого себя, защищенность, ответственность, потребность в определенности, ориентация на себя – ориентация на других, приверженность к порядку, способность к эмпатии, чувство юмора, авторитаризм, отношение к себе, гибкость, коммуникативная толерантность. Для завершения образа толерантной-интолерантной личности добавлена толерантная установка, как свойство личности, влияющее на восприятие человеком окружающей действительности и себя в том числе.

Мы полагаем, что толерантность личности взаимосвязана с ценностным самоопределением. Для подтверждения данной гипотезы проводилось эмпирическое исследование на базе Кемеровского государственного университета. Объем выборки испытуемых составил 540 человек. В исследовании принимали участие студенты младших и старших курсов обучения (основная выборка). Помимо основной выборки, к исследованию привлекались специалисты помогающих профессий (психологи, социальные работники – 74 человека).

Для изучения процесса ценностного самоопределения нами использовались методы психодиагностики.

Ценностное самоопределение исследовалось нами при помощи стандартизированных методик: «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина) [7]; тест на выявление уровня толерантной установки (П. Ф. Комогоров) [1]; методика для изучения ценностной структу-

ры личности Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого [9]; «Исследование уровня эмпатийных тенденций» (И. М. Юсупов) [8] и «Диагностика коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко) [4].

Обработка результатов исследования проводилась с помощью корреляционного анализа (линейная корреляция Пирсона, многомерный регрессионный анализ).

С помощью регрессионного анализа была построена модель зависимости уровня ценностного самоопределения испытуемого от составляющих толерантности личности.

I. Ценностное самоопределение личности оценивалось по следующему алгоритму: были выявлены элементы ценностного самоопределения личности – жизненные ценности, ценностные ориентации, которые лежат в основе ценностной направленности и типа ценностных ориентаций.

Ценностная направленность личности выявлялась нами при помощи методики «Морфологический тест жизненных ценностей» (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина). Определялся тип направленности: гуманистическая, прагматическая и неопределенная; затем типы направленности перекодировали по их значимости – 1 лучше всего, 0 – хуже всего:

- 1 – гуманистическая направленность личности;
- 0,5 – неопределенная;
- 0 – прагматическая.

Таким образом, значение оценки направленности личности (X1) будет заключаться в пределах от 0 до 1.

Оценка ценностного типа личности изучалась при помощи методики Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого: определялся тип личности (индивидуализирующий, социализирующий, адаптирующий и промежуточный тип) и перекодировали по их значимости – 1 лучше всего, 0 – хуже всего:

- 1 – индивидуализирующий;
- 0,66 – социализирующий;
- 0,33 – промежуточный;
- 0 – адаптирующий.

Оценка ценностного типа личности (X2) будет заключаться в пределах от 0 до 1.

Для определения оценки ценностного самоопределения личности мы воспользовались следующей формулой:

$$X=(X1+X2)/2.$$

II. Следующий этап многомерного регрессионного анализа был направлен на выявление взаимосвязи составляющих толерантности личности и уровня ценностного самоопределения посредством статистической проверки гипотез.

С помощью регрессионного анализа была построена модель зависимости уровня ценностного самоопределения испытуемого от составляющих толерантности личности. Основные результаты регрессионного анализа представлены в таблице 1.

$$R=0,6546 \quad RI=0,4285$$

$$F(3,475)=10,699 \quad p<0,00000 \quad \text{Std.Error of estimate: } 0,20495.$$

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа

Показатель	Коэффициент, β	Стандартная ошибка, β	Коэффициент B	Стандартная ошибка B	Статистика Стьюдента	Уровень значимости
Свободный член			0,459	0,083771	3,44350	0,000625
Коммуникативная толерантность (X1)	-0,158529	0,048145	-0,002	0,000566	-2,66962	0,007855
Эмпатия (X2)	0,323838	0,045486	0,006	0,000874	4,92108	0,000001
Толерантная установка (X3)	-0,012910	0,048892	-0,0005	0,001912	-0,26406	0,791848

Данная модель является адекватной (уровень значимости $p<0,000001$), поскольку отражает заданные свойства с приемлемой точностью. Точность определяется как степень совпадения значений выходных параметров модели и объекта. Анализ коэффициентов (стандартная ошибка β , таблица 1) позволяет сделать вывод о том, что наибольшее влияние на уровень ценностного самоопределения оказывает эмпатия, наименьшее – толерантная установка. Положительное значение коэффициента регрессии свидетельствует о том, что большие значения фактора будут увеличивать значение результативного признака.

Таким образом, по данным, представленным в таблице 1, может быть построена регрессионная модель зависимости уровня ценностного самоопределения от составляющих толерантности личности:

$$y=B0+B1*X1+B2*X2+B3*X3$$

$$\text{«уровень ценностного самоопределения»}=0,459-0,002*X1+0,006*X2-0,0005*X3$$

Работоспособность модели проверена путем расчета прогнозного уровня показателя ценностного самоопределения на примере испытуемых, информация о которых представлена в таблице 2.

Таблица 2

Статистический анализ адекватности модели

<i>Показатель</i>	<i>Испытуемый № 1</i>	<i>Испытуемый № 2</i>	<i>Испытуемый № 3</i>
Коммуникативная толерантность (X1)	8	100	50
Эмпатия (X2)	82	18	40
Толерантная установка (x3)	15	50	25
Прогнозное значение уровня ценностного самоопределения	0,9275	0,342	0,5865

Для первого испытуемого характерны высокие показатели по коммуникативной толерантности, эмпатии и толерантной установки. Соответственно уровень ценностного самоопределения тоже высокий: «уровень ценностного самоопределения испытуемого № 1» = $0,296 - 0,0016 \cdot 8 + 0,0043 \cdot 82 - 0,00065 \cdot 15 = 0,9275$.

Второму испытуемому свойственны низкие показатели по обозначенным критериям: «уровень ценностного самоопределения испытуемого № 2» = $0,296 - 0,0016 \cdot 100 + 0,0043 \cdot 18 - 0,00065 \cdot 50 = 0,342$.

Соответственно третий испытуемый имеет средние показатели по отмеченным критериям:

«уровень ценностного самоопределения испытуемого № 3» = $0,296 - 0,0016 \cdot 50 + 0,0043 \cdot 40 - 0,00065 \cdot 25 = 0,5865$.

Данные наблюдения не противоречат высказанной гипотезе, а потому ее можно принять в качестве одного из естественных и допустимых решений.

Таким образом, построенная нами модель зависимости уровня ценностного самоопределения испытуемого от составляющих толерантности личности позволяет по составляющим толерантности личности прогнозировать оценку уровня ценностного самоопределения.

Кроме того, корреляционный анализ результатов исследования позволил выявить взаимосвязь между элементами ценностного самоопределения и составляющими толерантности личности.

Полученные корреляционные зависимости отражают наличие положительных связей и вполне логично объясняют, что при повышении уровня толерантности личности появляется тенденция к положительной динамике ценностного самоопределения.

Отрицательные корреляционные связи были выявлены между показателями коммуникативной толерантности и жизненными ценностями: престиж ($r = -0,11$, при $p < 0,05$) и достижения ($r = -0,1$, при $p < 0,05$). Данный факт говорит о том, что, чем выше у человека потребность в завоевании своего признания в обществе и достижения, тем ниже уровень коммуникативной толерантности. Значимость семейных ценностей сопряжена с понижением уровня коммуникативной толерантности у испытуемых ($r = -0,12$, при $p < 0,05$).

В исследовании обнаруживается положительная корреляция между эмпатией и жизненными ценностями – чем выше уровень эмпатии, тем более значимыми для человека становятся ценности.

Следует отметить, что в результате корреляционного анализа наибольшее количество положительно значимых связей уровня толерантной установки было выявлено с ценностями и сферами: развитие себя ($r = 0,13$, при $p < 0,05$), духовное удовлетворение ($r = 0,13$, при $p < 0,05$), активные социальные контакты ($r = 0,14$, при $p < 0,05$), высокое материальное положение ($r = 0,11$, при $p < 0,05$), сохранение собственной индивидуальности ($r = 0,15$, при $p < 0,05$); сфера профессиональной деятельности ($r = 0,15$, при $p < 0,05$), сфера образования ($r = 0,2$, при $p < 0,05$), сфера семейной жизни ($r = 0,1$, при $p < 0,05$), сфера общественной активности ($r = 0,14$, при $p < 0,05$), сфера увлечений ($r = 0,12$, при $p < 0,05$).

Дисперсионный анализ (F критерий) позволил установить, что ценностная направленность личности меняется под воздействием эмпатии ($F(3,487) = 4,743089$; $p < 0,0029$), толерантной установки ($F(3,485) = 6,76$; $p < 0,0002$). На повышение уровня ценностного самоопределения оказывает влияние эмпатия ($F(3,493) = 15,09$; $p < 0,0000$), коммуникативная толерантность ($F(2,495) = 17,14$; $p < 0,0000$) и толерантная установка ($F(3,491) = 27,52$; $p < 0,0000$).

Таким образом, результаты корреляционного и дисперсионного анализа указывают на то, что толерантность личности взаимосвязана с уровнем ценностного самоопределения. Следовательно, это предполагает необходимость проведения целенаправленной работы по повышению уровня толерантности личности, поскольку толерантность имеет важное значение в индивидуально-личностном развитии, социализации, обучении, социальных отношениях и профессиональной деятельности. Социально-психологический тренинг способствует решению проблем не только профессионального, но и личного плана через развитие качеств, составляющих портрет толерантной личности.

Литература

1. Комогоров, П. Ф. Формирование толерантности в межличностных отношениях студентов вуза

[Текст] / П. Ф. Комогоров: автореф... канд. пед. наук. – Курган. 2000. – 24 с.

2. Латуха, Е. А. Формы, механизмы и социальные пространства самоопределения личности [Текст] / Е. А. Латуха: автореф. дис. канд. филос. наук. – Новосибирск, 1999. – 18 с.

3. Повзун, В. Д. Ценностное самоопределение студентов в педагогическом образовании в условиях университета [Текст] / В. Д. Повзун: автореф. дис...канд., 1996.

4. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара, 2004. – 672 с.

5. Сальков, А. В. Взаимосвязь ценностного самоопределения и мотивации достижения у студентов университета [Текст] / А. В. Сальков // Вестник ОГУ. – 2002. – № 2. – С. 111 – 119.

6. Солдатова, Г. У. Тренинг «Учимся толерантности» [Текст] / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайге-

рова, О. Д. Шарова // На пути к толерантному сознанию. – М., 2000. – С. 181.

7. Сопов, В. Ф. Морфологический тест жизненных ценностей (МТЖЦ) [Текст] / В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина. – Самара, 2002. – 56 с.

8. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М., 2002. – 490 с.

9. Яницкий, М. С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания [Текст] / М. С. Яницкий // Сибирская психология сегодня: сборник научных трудов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – 334 с. – С. 189 – 195.

УДК 002.6:021

**ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**
В. В. Лычагина

**APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE ACTIVITIES
SOCIAL WORKERS: THEORETICAL ASPECTS**
V. V. Lychagina

В статье рассматриваются понятия «информационные технологии», «информатизация». Описаны средства применения информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе, возможности компьютерных программ, которые способны усовершенствовать качество предоставления услуг клиенту.

This article discusses the concept of «information technology», «informatization». We describe a means of applying information technology in the specialist social work, the possibility of computer programs that can improve the quality of service to the client.

Ключевые слова: информационные технологии, информатизация, деятельность специалиста по социальной работе, электронно-сетевая социальная работа.

Keywords: information technology, information, activities specialist in social work, electronic community social work.

Информатизация социальной сферы современного российского общества является естественно-историческим, стремительно развивающимся социальным процессом, атрибутом нового информационного образа жизни. Информационные технологии в последние годы радикально изменяют производство, образование, быт, досуг, удовлетворение социальных потребностей и способы социальной адаптации и социализации индивидов и групп.

Информационные технологии занимают уникальное положение в современном обществе. В отличие от других научно-технических достижений, средства вычислительной техники и информатики применяются практически во всех сферах интеллектуальной деятельности человека, способствуя прогрессу в технике и технологии [1].

Развитие науки и техники – толчок и средство реализации процессов информатизации. Сейчас в

России процесс информатизации завершил 3-ю фазу развития. 1-я фаза – начало 70-х годов – появление вычислительных средств, позволяющих вести автоматизированную обработку символьной информации («Минск-32», далее ЕС-ЭВМ). На этом этапе создавались автоматизированные системы управления воздушным и железнодорожным транспортом, энергосистемами, оборонным комплексом [3]. 2-я фаза – 1983 год, когда была разработана общегосударственная программа по развитию средств вычислительной техники и АСУ до 2000 года (ответ на «вызов» Японии, заявившей о создании машин пятого поколения). В 1989 году уточнялась программа информатизации до 2005 года в связи с необходимостью отражения в ней средств персональной информатики. 1993 год – начало 3 этапа. Необходимость создания после распада СССР концепции информатизации РФ. Техническая база информатизации су-

щественно ослабла из-за принадлежности ныне ряда оборонных предприятий-производителей вычислительной техники Украине и другим странам СНГ [8].

Рассматривая технический аспект условий информатизации в России, отметим, что в стране накоплен достаточно мощный потенциал, который при разумной конверсии позволяет решить технический аспект проблемы информатизации. В качестве обнадеживающих тенденций можно отметить: приближение качества так называемых «красной» и «желтой» сборок компьютеров, тот факт, что в 1993 году уже каждый третий проданный в России персональный компьютер был собран на ее территории, а также начало работ по мелкосерийному производству супер-ЭВМ «Эльбрус» [3].

В обществе создается и динамично наращивает свои возможности развитая коммуникационная сеть (КС), представленная узлами переработки данных и линиями связи. По состоянию КС можно оценить на каком этапе информатизации (начальном, среднем, завершающем) находится то или иное общество. Этап наступает при наличии комплекса предпосылок, рассмотрение которых позволяет раскрыть многоаспектность проблемы информатизации. А. П. Ершовым предложены следующие фазы [2]:

- ранняя фаза информатизации общества наступает при достижении действующей в нем коммуникационная сеть совокупной вычислительной мощности порядка 10 оп/сек/чел. (развертывание достаточно надежной междугородней телефонной сети);

- завершающая фаза информатизации общества соответствует достижению упомянутой коммуникационная сеть вычислительной мощности 10 млн. оп/сек/чел. (надежный и оперативный информационный контакт между членами общества по принципу «каждый с каждым»).

Средние темпы прироста вычислительной мощности КС в условиях «нормального» развития процесса информатизации – в 10 раз за десятилетие. Весь этап информатизации общества в целом занимает около 7 десятилетий.

Сегодня в России процесс информатизации достиг такого уровня, когда под его влиянием трансформируется социальная система и социальная структура. Постепенно формируются условия для активного, целенаправленного использования информационных технологий в социальной сфере. Реализуется целый ряд мероприятий по информатизации социальной инфраструктуры в рамках федеральных и региональных целевых программ, приоритетных национальных проектов, информационного законодательства. Вместе с тем этот процесс в России пока носит во многом неконтролируемый, стихийный характер, в результате чего государством упускается уникальная возможность его использования в целях снижения уровня информационного неравенства, повышения гражданской активности индивидов, культурного и духовного возрождения общества, достижения социальной стабильности.

Специалистами отмечается, что, к сожалению, социальная информатизация часто понимается как

развитие информационно-коммуникативных процессов в обществе на базе новейшей компьютерной и телекоммуникационной техники. Информатизацию общества в принципе надо трактовать как развитие, качественное совершенствование, радикальное усиление с помощью современных информационно-технологических средств когнитивных социальных структур и процессов. Информатизация должна быть «слита» с процессами социальной интеллектуализации, существенно повышающей творческий потенциал личности и ее информационной среды [3].

Под «информатизацией» понимается совокупность процессов и явлений, связанных с целенаправленной обработкой информации, с применением средств вычислительной техники и связи, информационных технологий, а так же соответствующего программного обеспечения [5].

Согласно определению, принятому ЮНЕСКО, информационные технологии – это комплекс взаимосвязанных научных, технологических, инженерных дисциплин, изучающих методы эффективной организации труда людей, занятых обработкой и хранением информации; вычислительную технику и методы организации и взаимодействия с людьми и производственным оборудованием, их практические приложения, а также связанные со всем этим социальные, экономические и культурные проблемы. Сами информационные технологии требуют сложной подготовки, больших первоначальных затрат и наукоемкой техники. Их ведение должно начинаться с создания математического обеспечения, формирования информационных потоков в системах подготовки специалистов.

В сложном мире компьютерных информационных систем современным специалистам по социальной работе требуется прежде всего эффективно использовать возможности серверных операционных систем, обеспечивающих высокую производительность, простой запуск многих серверных приложений, телекоммуникационные функции, осуществляя тем самым деятельность направленную как на клиента, так и на работу организации в целом [2].

Государственная политика в области информатизации России, получившая новый импульс на рубеже 1993–1994 гг., включает следующие основные направления:

- создание и развитие федеральных и региональных систем и сетей информатизации с обеспечением их совместимости и взаимодействия в едином информационном пространстве России;

- формирование и защиту информационных ресурсов государства как национального достояния;

- обеспечение интересов национальной безопасности в сфере информатизации и ряд других направлений.

В Концепции формирования и развития единого информационного пространства России определяются приоритеты пользователей государственными информационными ресурсами в следующем порядке: граждане, предприятия, органы государственного управления.

Активно дорабатывается Концепция информационной безопасности, являющаяся составной частью Концепции национальной безопасности РФ и представляющая собой официально принятую систему взглядов на проблему информационной безопасности, методы и средства защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере [9].

В одних странах электронные сети применяются более интенсивно и масштабно, в других менее. По утверждению таких авторов, как В. А. Фокин, И. В. Фокин и В. В. Соломатова, наше специальное изучение использования электронных сетей в отечественной социальной работе, особенно в «продвинутых» социальных службах и учреждениях, а также за рубежом, что говорит о том, что в электронно-сетевую социальную работу заложены большие возможности, которые еще предстоит широко реализовать нашим социальным работникам, а многие из которых трудно даже сейчас представить, так они кажутся нереальными и малозначительными [10].

Развитие компьютерных сетей может коренным образом изменить систему информатизации в социальной работе, облегчить обмен научными знаниями, поиск информации, усовершенствовать распространение печатных материалов. Дидактические возможности компьютеров после создания электронно-сетевой социальной работы существенно возрастают.

С точки зрения использования информационных технологий, представляют интерес возможности электронно-сетевой социальной работы в части обмена информацией в виде текста, статической и анимированной графики, речи. Специалист по социальной работе и клиент могут обмениваться в интерактивном режиме информацией на расстоянии от нескольких метров до нескольких тысяч километров, причем это может происходить в реальном масштабе времени или асинхронно. Восприятие учебного материала в этом случае происходит визуально с экрана монитора или с твердой копии (распечатки на бумаге). Работа в электронно-сетевой социальной работе представляет возможность так называемого массового индивидуализированного общения, где клиент может находиться в удобном для него месте, в удобное время, в удобном темпе. Кроме этого, он может при этом обращаться за справками в базу данных, проводить общение с другими специалистами и клиентами, а также получать консультационные услуги. Дидактические возможности электронно-сетевой социальной работы представляют большой простор для разработки различных вариантов организации информационного процесса.

Электронно-сетевая социальная работа имеет такие аспекты, как: содержательный и технический. Оформленные иначе, чем в традиционной социальной работе, действия социального работника в электронно-сетевой социальной работе заставляют по-иному относиться к самому процессу их потребления. Во-первых, очень важным является то, что система интерактивности сама по себе позволяет осу-

ществлять процесс управления познавательной деятельностью, причем режим реального времени оказывает стимулирующее влияние на клиента в целом. Во-вторых, весьма положительным моментом в электронно-сетевой социальной работе является широкая диалогизация коммуникативного процесса. В-третьих, клиент, благодаря включению в сферу сетевого взаимодействия, становится соучастником деятельности, порожденной виртуальной реальностью. Это позволяет стимулировать процессуально-самообразовательные качества клиента (процессы самопознания, самообучения, самокоммуникации и т. д.), что, в свою очередь, повышает степень индивидуализации коммуникационного взаимодействия.

Таким образом, можно представить электронно-сетевую социальную работу как изобретательство, поскольку признается неоднородность, подвижность, изменчивость сети, наблюдается постоянное ее развитие. С другой стороны, электронно-сетевую социальную работу можно рассматривать как интеллектуально выраженную форму социальной деятельности, поскольку она не может существовать вне сетевого сообщества и напрямую связана с ним. Обладая высокой степенью индивидуальности, сетевая деятельность каждого конкретного социального работника меняется и дополняется за счет активного соучастия других участников Интернет-коммуникации.

Современные сетевые операционные системы (например Microsoft Windows NT Server) – надежная платформа для управления информационной системой любого масштаба: от простейшей сети из нескольких персональных компьютеров до сложной гетерогенной системы на сотни тысяч пользователей [10].

Система безопасности современных операционных систем обеспечивает сертифицированную защиту информации и системных служб от несанкционированного доступа и от неквалифицированных действий пользователей.

Одни из основных преимуществ сетевых операционных систем – возможность многоцелевого использования серверов (сервер файлов и сервер приложений) и организация эффективного обмена сообщениями при управлении большими базами данных. Информационную систему для специалиста по социальной работе, используя сетевые операционные системы, можно построить на единой платформе, что в итоге позволит существенно снизить затраты на функционирование системы и обучение персонала.

Современные сетевые операционные системы работают на разных аппаратных платформах, на компьютерах с несколькими процессорами. При этом общая производительность сетевых операционных систем повышается при увеличении мощности компьютерных средств. Для пользователей представляются версии сетевых операционных систем, поддерживающие русский язык.

Разработчики информационных систем должны использовать возможности сетевых операционных систем для объединения различных рабочих стан-

ций с персональными компьютерами для интенсивной обработки данных с помощью методов вытесняющей многозадачности, что дает пользователям возможность выполнять одновременно несколько приложений без потери производительности. Например, пользователи могут работать с приложениями в то время, когда в фоновом режиме идет загрузка данных из сети Интернет, печать документов и копирование данных с сервера сети на локальный диск компьютера рабочей станции для доступа к сети Интернет. Сетевые операционные системы групповой работы менеджеров поддерживают программы просмотра Web-страниц, сетевые протоколы для работы с Интернет. Пользователи могут также создавать свои собственные Web-страницы и совместно использовать их информацию внутри рабочей группы, что обеспечивается наличием в сетевых операционных системах встроенного персонального Web-сервера [4].

Рассмотренные возможности операционных средств управления в рабочих группах важны для работы любой организации социальной работы, поскольку именно в таких службах вопросы о помощи клиенту стоят на первом месте.

Новые версии семейства офисных программных проектов должны включать ориентированные на специалиста по социальной работе приложения, обеспечивающие возможность личной продуктивной работы, групповой обработки информации, поддерживают технологии Интернет и представляют пользователям готовые инструменты для создания гибких корпоративных Internet-решений.

Специалист по социальной работе должен эффективно использовать самые популярные офис-приложения, объединенные в единую среду для работы текстовых процессоров (Microsoft Word), электронных таблиц (Microsoft Excel), средств подготовки и демонстрации презентаций (Microsoft PowerPoint) и приложений для организации работы в организации (например Microsoft Outlook), в Интернет (Microsoft Outlook Express) и средств СУБД (например Microsoft Access).

Таким образом, данные информационные системы используются как интерфейс для эффективной организации повседневной работы команды Социальной Защиты Населения. Встроенная электронная почта позволяет хранить список контактов, расписание встреч и событий, календарь, список задач и т. д. Все инструменты, необходимые для организации системной и персональной деятельности специалистов, собраны в едином комплексе для коллективной работы с документами анализа информации, для удобного и быстрого осуществления оригинальных эффективных организационных решений, ориентированных на потребности конкретного специалиста, что дает возможность создавать разветвленные Интернет-сети, как внутренние (локальные), так и с выходом в Интернет.

Все это обеспечивает согласованность, высокую производительность в оказании услуг и быстрое получение результатов.

При этом активно используются:

1. Развитая система помощи на русском языке, обеспечивающая консалтинг в решении самых трудных информационных задач специалиста по социальной работе, используя для развития Многоцелевого Исползования Серверов систему мастеров-агентов и инструментарий экспертных систем.

2. Помощники (например Office Assistant), которые обеспечивают необходимую информацию, дают советы, как лучше выполнить то или иное действие, они также предложат подсказку, найдут нужный программный инструмент в приложениях. Внимательно следя за действиями пользователя, программный офис-помощник при необходимости предлагает наиболее простой и эффективный путь решения организационной и управленческой задачи, а также обеспечивает возможность быстрого освоения новых инструментов в процессе работы и развития Многоцелевого Исползования Серверов.

3. Мастера писем (Letter Wizard), которые экономят время, автоматизируя процесс создания стандартных элементов писем (например, форматирование и указание адреса), включая элементы содержания письма.

4. Инструментальные средства под общим названием «Мастера» обеспечивают специалисту информационный комфорт при специальных работах.

5. Мастера для анализа таблиц (Table Analyzer Wizard) автоматически превращают плоскую таблицу с данными в мощную реляционную базу данных, автоматически создав несколько таблиц взаимосвязи.

6. Встроенные в офис-пакеты языки программирования быстро создают приложения, ориентированные на выполнение специфических задач информационного менеджмента.

7. Средства публикации на Web-сервере данных специалиста по социальной работе публикуют любую информацию из баз данных (таблицы, выборки, формы, отчеты) на корпоративном Web-сервере или на других серверах сети Интернет, организуя живые интерактивные страницы, динамически отражающие самую свежую информацию о процессах работы. Эти страницы позволяют запрашивать нужные данные, редактировать отдельные строки таблиц или добавлять информацию в существующую базу с помощью средства просмотра ресурсов Интернет.

8. Средства презентации офисных систем (например PowerPoint Animation Player for ActiveX) дают возможность публиковать на страницах Web мультимедийные презентации, содержащие анимацию, звуковые эффекты, гипертекстовые ссылки и специальные эффекты [1].

В ряде программ используются функциональные комплексы, агенты-программы, гарантирующие выполнение сложной алгоритмически связанной операции информационной технологии.

Последние годы озаменовались бурным развитием систем телекоммуникаций, одним из ключевых элементов которых стала глобальная компьютерная сеть Internet и ее главный сервис WWW (World Wide Web) или Всемирная Паутина. Internet представляет

собой первую реализацию опосредованной компьютерами гипермедийной среды, которая обладает уникальными маркетинговыми характеристиками и выступает в качестве двух основополагающих элементов: во-первых, как новое средство коммуникации, представляемое коммуникационной моделью «многие-многим», в основе которой лежит «pull» модель получения информации потребителями, гипермедийным способом представления информации и значительно отличающееся от традиционных средств массовой информации интерактивной природой, высокой гибкостью и масштабируемостью и, во-вторых, глобальный виртуальный электронный рынок, не имеющий каких-либо территориальных или временных ограничений, позволяющий производить интерактивную покупку товаров и значительно изменяющий возможности фирм в продвижении товара и место дистрибутивных фирм в этом процессе. Использование Интернет в системе Управления Социальной Защиты Населения, благодаря его уникальным характеристикам, может значительно повысить эффективность их деятельности [5].

В качестве общего критерия эффективности любых видов технологий можно использовать экономию социального времени, которая достигается в результате их практического использования. Эффективность этого критерия особенно хорошо проявляется на примере информационных технологий.

Необходимость, экономии социального времени ориентирует наше внимание, в первую очередь, на технологии, связанные с наиболее массовыми информационными процессами, оптимизация которых, как представляется, и должна дать наибольшую экономию социального времени именно благодаря их широкому и многократному использованию.

Анализируя роль и значение информационных технологий для современного этапа развития общества, можно сделать вполне обоснованные выводы о том, что эта роль является стратегически важной, а значение этих технологий в ближайшем будущем будет быстро возрастать. Именно этим технологиям принадлежит сегодня определяющая роль в области технологического развития государства.

Аргументами для этих выводов является ряд уникальных свойств информационных технологий, которые и выдвигают их на приоритетное место по отношению к производственным и социальным технологиям.

В числе отличительных свойств информационных технологий, имеющих стратегическое значение для развития общества, представляется целесообразным выделить следующие наиболее важные.

1. Информационные технологии позволяют активизировать и эффективно использовать информационные ресурсы общества, которые сегодня являются наиболее важным стратегическим фактором его развития. Опыт показывает, что активизация, распространение и эффективное использование информационных ресурсов (научных знаний, открытий, изобретений, технологий, передового опыта) позволяют получить существенную экономию дру-

гих видов ресурсов: сырья, энергии, полезных ископаемых, материалов и оборудования, людских ресурсов, социального времени.

2. Информационные технологии позволяют оптимизировать и во многих случаях автоматизировать информационные процессы, которые в последние годы занимают все большее место в жизнедеятельности человеческого общества. Общеизвестно, что развитие цивилизации происходит в направлении становления информационного общества, в котором объектами и результатами труда большинства занятого населения становятся уже не материальные ценности, а главным образом, информация и научные знания. В настоящее время в большинстве развитых стран большая часть занятого населения в своей деятельности в той или иной мере связана с процессами подготовки, хранения, обработки и передачи информации и поэтому вынуждена осваивать и практически использовать соответствующие этим процессам информационные технологии.

3. Информационные процессы являются важными элементами других более сложных производственных или же социальных процессов. Поэтому очень часто и информационные технологии выступают в качестве компонентов соответствующих производственных или социальных технологий.

Информационные технологии сегодня играют исключительно важную роль в обеспечении информационного взаимодействия между людьми, а также в системах подготовки и распространения массовой информации. Эти средства быстро ассимилируются культурой нашего общества, так как они не только создают большие удобства, но снимают многие производственные, социальные и бытовые проблемы, вызываемые процессами глобализации и интеграции мирового сообщества, расширением внутренних и международных экономических и культурных связей, миграцией населения и его все более динамичным перемещением по планете. В дополнение к уже традиционным средствам связи (телефон, телеграф радио и телевидение) в социальной сфере все более широко используются системы электронных телекоммуникаций, электронная почта, факсимильная передача информации и другие виды связи [6].

В условиях развертывания информатизации каждое из диалектически взаимосвязанных начал человека: физическое, психическое и социальное требует специального учета, т.к. только в этом случае новые возможности информационного общества могут быть в полной мере использованы для всестороннего развития человека. Неучет специфики этих начал человека, стихийная информатизация чревата трудно прогнозируемыми в полной мере отрицательными общественными последствиями информатизации.

Люди с ограниченными физическими возможностями требуют особого подхода к разработке прежде всего устройств ввода-вывода информации в ЭВМ. Например: во многих странах мира для слепых и слабовидящих людей широко применяются специальные синтезаторы, позволяющие осуществ-

лять голосовой ввод информации; практически полностью потерявшие подвижность могут осуществлять работу на компьютере, ввод информации движением глаз при помощи специальных шлемов.

В России создана специальная программа по компьютерной технике, адаптированной для лиц, имеющих различные физические отклонения (например, в Москве разработана и успешно применяется компьютерная методика для лечения косоглазия у детей, что очень важно, так как в каждой тридцатой семье ребенок страдает этим заболеванием); существуют специальные компьютерные залы, а также центры подготовки специалистов из числа людей с ограниченными возможностями [7].

Необходима разработка программ занятости с использованием компьютеров на дому для людей, не имеющих возможности перемещаться на работу. Реализация таких программ позволит обществу не потерять деятельностный, образовательный и интеллектуальный потенциал людей, а также снизит социальную напряженность.

Появление информации в качестве потребительских благ ведет к качественным сдвигам в потреблении, образе жизни, рождает новую модель жизнедеятельности индивидов. В условиях информационного общества особо важную роль начинают играть не просто материальные и духовные блага, а организационно-информационные факторы – «порядки» [9]. Уровень и образ жизни начинают зависеть не столько от количества полученного хлеба, мяса, одежды, книг, сколько от уровня услуг, культуры, образования и т. д.

Однако стремительное нарастание уровня услуг может привести к тому, что значительное количество людей «потеряется» в этом море изобилия, включится в гонку за качеством услуг ради них самих, а не ради развития человека. Может минимизироваться деятельностная и максимизироваться потребительская сторона образа жизни людей, что, в конечном итоге приведет к деградации общества.

Информатизация в социальной сфере – это решение проблем разработки и внедрения типовых информационно-вычислительных систем по следующим направлениям:

- социальная защита населения;
- трудоустройство и занятость населения;
- охрана здоровья;
- народное образование;
- охрана окружающей среды;
- мониторинг общественного мнения.

Внедрение современных информационных средств и технологий повысит эффективность работы территориальных органов управления и их служб, предприятий и организаций, занятых в социальной сфере, за счет автоматизации операций по сбору, учету, поиску, обработке и выдаче достоверных данных, необходимых для принятия решений [7].

Таким образом, современные информационно-коммуникационные средства – это программное обеспечение, созданное с учетом особенностей применения на различных объектах управления для эф-

фективного использования ресурсов компьютеров за счет общих элементов для всех приложений. Команды меню, панели инструментов, средства проверки орфографии и грамматики русского и английского языков, средства рисования представлены единым набором инструментов. Это позволяет экономить дисковое пространство и организовать эффективное использование серверной архитектуры корпоративной сети. Расходы, которые приходится на обучение специалистов по социальной работе навыкам работы с информационной системой, по данным Microsoft, могут составлять около 45 % от общих затрат на функционирование информационных систем [4].

Разнообразие социальных проблем, ожидающих своего решения, требует координации деятельности, усиления взаимодействия государственных структур и различных неправительственных, общественных организаций. Внедрение межотраслевой системы информации позволит обеспечить оперативность и эффективность управленческих решений, устойчивость развития системы социальной защиты населения, информационную безопасность личности, расширит возможности решения проблем развития социальной сферы на основе политики социального партнерства.

Исходя из этого, углубленная самоподготовка специалистов по социальной работе возможна с использованием обучающего окружения прикладных программ офисных технологий. Освоение специалистом по социальной работе современных средств Многоцелевого Использования Серверов повышает его конкурентоспособность, позволяет достичь высокой системной производительности работы, интеграции информационной и управленческой деятельности за счет национального выбора и освоения информационных средств и информационных технологий.

Литература

1. Бекишев, А. Т. Система информационного обеспечения Интернет-рынка инноваций / А. Т. Бекишев, В. М. Комаров, К. В. Семин, О. А. Сперанский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.novtex.ru/IT>, свободный.
2. Википедия – свободная энциклопедия. Информационные технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/IT>, свободный.
3. Вовканыч, С. И. Социальный интеллект: метафора или научное понятие? / С. И. Вовканыч, Н. А. Парфенцева [Текст] // СОЦИС. – 1993. – № 8. – С. 153.
4. Информационные технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssti.ru/kpi/informatika/Content/biblio/b1/inform_man/gl_3_1.htm.
5. Концепция системной интеграции информационных технологий в высшей школе [Текст]. – М.: РосНИИСИ, 1993. – С. 20 – 21.
6. Пименов, Ю. С. Использование Internet в системе маркетинга [Текст] / Ю. С. Пименов // Мар-

кетинг в России и за рубежом. – 1999. – № 1. – С. 36 – 45.

7. Предложения по разработке программы информатизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www-sbras.nsc.ru/win/fedotov/inter/Lab/2/fourth.htm>, свободный.

8. Урсул, А. Д. Информатизация общества и переход к устойчивому развитию цивилизации / А. Д. Урсул // Вестник РОИВТ. – 1993. – № 1 – 3. – С. 35 – 45.

9. Федеральный закон от 20.02.1995 N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»: принят ГД ФС РФ 25.01.1995.

10. Фокин, В. А. Электронно-сетевая социальная работа: реальности, возможности и перспективы [Текст] / В. А. Фокин, И. В. Фокин, В. В. Соломатова // Социальные технологии, исследования. – 2008. – № 1. – С. 69 – 84.

УДК 159.9:316.6→331.101

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ**
Т. Н. Мартынова

**SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL ASPECTS THE PROFESSIONAL
FORMATION OF EXPERTS IN SOCIAL WORK**
T. N. Martynova

Статья посвящена изучению профессионального становления специалистов по социальной работе. Представлены экспериментальные данные о влиянии ряда социальных и психологических факторов на процесс профессионального становления специалистов по социальной работе.

Article is devoted studying of professional formation of experts in social work. Experimental data about influence of some social and psychological factors on about-tsess professional formation of experts in social work are presented.

Ключевые слова: профессиональное становление, профессионализм, специалист по социальной работе.

Keywords: professional formation, professionalism, expert in social work.

В современных условиях социально-экономических преобразований все большую значимость приобретает проблема профессионального становления личности. Результаты прогнозирования потребностей рынка труда отражают острую потребность социальной сферы в высококвалифицированных, компетентных специалистах, от деятельности которых существенно зависит социальная стабильность в обществе.

Профессиональная компетентность таких специалистов определяется успешностью их профессионального становления и уровнем личностно-профессионального развития.

Социальная значимость профессии, повышение влияния социального образования на развитие самосознания конкретной личности и общества, вызывает необходимость анализа имеющегося изучения теоретических и прикладных основ, практического опыта профессионального становления специалистов социальной сферы, а также выявления социально-психологических факторов и условий их становления как профессионалов.

Анализ литературы по проблеме профессионального становления показывает, что проблема выступает общим предметным полем ряда наук: педагогики, психологии, философии, социологии и социальной работы.

Для теоретического анализа проблем профессионального становления личности наибольший интерес представляют работы зарубежных ученых А. Маслоу, Дж. Сьюпера, Дж. Холланда.

Теоретической основой концепции профессионального становления личности в отечественной науке стали исследования личности и деятельности К. С. Абульхановой-Славской, Б. Г. Ананьева, А. Г. Асмолова, Б. Ф. Ломова, Н. Н. Нечаева, Г. В. Суходольского, В. Д. Шадрикова.

Большое влияние на проектирование теории профессионального становления оказали работы А. А. Бодалева, Л. И. Божович, А. А. Деркача, Ю. М. Забродина, Э. Ф. Зеер, Е. А. Климова, И. С. Кон, Т. В. Кудрявцева, С. П. Кряже, А. К. Марковой, Л. М. Митиной, Ю. П. Поваренкова, Н. С. Пряжниковой, С. Н. Чистяковой и т. д. Все эти ученые отмечают, что процесс профессионального становления личности – это многоаспектное, многоплановое и чрезвычайно сложное явление. Суть этой концепции заключается в том, что, выбирая профессии, осваивая их, профессионально совершенствуясь, личность изменяется: обогащается направленность, формируется опыт и компетентность, развиваются профессионально важные качества. Другими словами, концептуальным положением является то, что профессиональное становление – это продуктивный процесс развития и саморазвития личности, освоения профессиональной деятельности, определение своего места в мире профессий, реализация себя в профессии и самоактуализация своего потенциала для достижения вершин профессионализма.

Педагогические аспекты личностно-профессионального становления студента отражены в исследовании

дованиях: А. И. Артюхина, И. Ф. Бережная, А. В. Белошицкий, Т. П. Браун, И. В. Бухалова, Л. К. Иванова, Н. Ю. Калашникова, М. В. Кашина, Н. В. Козлова, Л. А. Колосова, И. В. Костерина, Э. Р. Мамонтова, А. В. Межуева, В. И. Панов, О. Н. Пушкина, О. А. Чуднова, А. И. Щербаков, Л. И. Шумская и т. д.

Процесс становления, по мнению Э. Ф. Зеер, определяется как процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, профессиональной деятельности и собственной активности, направленной на самосовершенствование и самоосуществление. Профессиональное становление, с точки зрения автора, охватывает период с начала формирования профессиональных намерений до завершения профессиональной жизни. Движение личности в пространстве и времени профессионального труда получило название профессионального становления субъекта деятельности [5, с. 153]. Э. Ф. Зеер сформулировала следующие положения:

- профессиональное становление личности имеет историческую и социокультурную обусловленность;
- ядром профессионального становления является развитие личности в процессе профессионального обучения, освоения профессии и выполнения профессиональной деятельности;
- процесс профессионального становления личности индивидуально своеобразен, неповторим, однако в нем можно выделить качественные особенности и закономерности;
- профессиональная жизнь позволяет человеку реализовать себя, предоставляет личности возможности для самоактуализации;
- индивидуальная траектория профессиональной жизни человека определяется нормативными и ненормативными событиями, случайными обстоятельствами, а также иррациональными влечениями человека;
- знание психологических особенностей профессионального развития позволяет человеку осознанно проектировать свою профессиональную биографию.

Л. И. Белозерова трактует профессиональное становление как процесс развития от стремления реализовать свои творческие, потенциальные возможности к пониманию своего призвания, к формированию профессионализма. Она утверждает, что профессиональное становление осуществляется через развитие самосознания личности. Профессиональное самосознание находит выражение в самосовершенствовании, самообразовании личности. Профессиональное становление происходит по мере обучения, воспитания, самообразования студента, являясь по отношению к нему интегрирующим процессом. Движущей силой профессионального становления будущего специалиста, по мнению автора, является не просто изучение психологического опыта человечества, а его проблематизация [2, с. 89].

Многие авторы отождествляют понятия «профессиональное становление», «профессионализа-

ция» и «профессиональное развитие». В связи с этим необходимо отметить, что профессионализм деятельности – это качественная характеристика субъекта деятельности, представителя данной профессии, которая определяется мерой владения им современным содержанием и современными средствами решения профессиональных задач, продуктивными способами ее осуществления.

Под профессионализмом С. А. Дружилов понимает особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях.

Ю. П. Поваренков отмечает, что для конкретного человека профессионализация – это форма включения в социально-экономические процессы общества, способ развития, самореализации и самоактуализации, а также «источник средств к существованию» [10, с. 43].

Существуют различные точки зрения по вопросу о стадиях профессионального становления. По мнению Э. Ф. Зеер, профессиональное становление охватывает длительный период жизни человека (35–40 лет), и этот процесс можно разделить на периоды и стадии. При этом автор отмечает, что решающее значение в становлении личности принадлежит ведущей деятельности. На «начальной стадии» ведущей деятельностью становится учебно-профессиональная, на стадии профессиональной подготовки – профессионально-познавательная [5, с. 143 – 157].

Обсуждая проблемы профессионального становления личности специалиста А. С. Нелюбов [7] выделяет следующие этапы профессионального становления:

1. Этап зарождения профессионализма. Характеризуется преобладанием процессов профессиональной дифференциации и низким уровнем профессионального становления.
2. Этап накопления потенциала развития. Характеризуется средним уровнем профессионального становления, сочетанием процессов профессиональной дифференциации и интеграции в определении взаимодействий с коллективом при решающей роли последнего, прогрессивной направленностью накоплений профессиональных характеристик.
3. Этап устойчивого профессионального функционирования. Характеризуется целенаправленным и успешным профессиональным развитием, определяется переходом на высокий уровень профессионального становления, доминированием процессов профессиональной интеграции.
4. Этап профессионального расцвета. Характеризуется высоким уровнем качественных изменений профессиональных характеристик, творческим характером профессиональной деятельности, стабильным качеством результатов деятельности, высоким уровнем профессионального становления. Данного этапа может достигать не каждый, но в любом случае руководитель должен понимать, что для специалиста необходим этап обновления.
5. Этап профессионального обновления. Необходим в определенной «точке» этапа расцвета или

устойчивого оптимального профессионального функционирования или по завершении этапа накопления потенциала развития, а также на этапе вывода из кризиса. Необходимость данного этапа определяется тем, что постепенно накапливаются неразрешенные противоречия, может измениться внешняя обстановка, поэтому возникает потребность в профессиональных обновлениях различного масштаба (локальных, модульных или системных). На этом этапе идет перестройка в деятельности, связях и отношениях коллектива, вызываемая усилением дезинтегрирующих явлений и ведущая к «кризису» системы. Если не вносить обновление в систему, то следующим этапом может стать этап профессионального кризиса.

6. Этап профессионального кризиса. Характеризуется переходом на низкий уровень профессионального становления, преобладанием процессов дифференциации (отчуждения, изоляции) во взаимодействиях с другими, профессиональным застоем, изменением настроений, развитием регрессивных явлений.

7. Этап профессиональной перестройки и выхода из кризиса. Характеризуется процессами изменения в профессиональной жизни, активным внедрением антикризисных программ, обеспечивающих обновление системы посредством внедрения инновационных технологий, изменения стратегии развития учреждения, пересмотра и корректировки целей, и, как следствие, повышаются результаты профессиональной деятельности, происходит переход на более высокий уровень профессионального становления.

Для нашего исследования представляет интерес точка зрения А. С. Нордзельской и О. Ю. Ильиной о стадиях процесса профессионального становления, их содержании и критериях успешности их прохождения:

- 1) зарождение и формирование профессиональных намерений;
- 2) период профессионального обучения и воспитания;
- 3) активное вхождение в профессиональную среду;
- 4) реализация профессиональных устремлений и возможностей [9].

Следует отметить, что к стадиям профессионального становления студентов вуза относятся «начальная стадия» и стадия профессиональной подготовки.

А. Е. Росляков выделяет стадии начального этапа профессионального становления молодого специалиста:

- 1) стадия начальной адаптации к профессиональным обязанностям, вхождения в рабочий коллектив;
- 2) активное вхождение в профессиональную среду, активное овладение профессией в условиях реального трудового процесса, в системе рабочего коллектива;
- 3) стадия самоидентификации с профессией;

4) накопление потенциала развития (накопление профессиональных характеристик);

5) частичная реализация профессиональных устремлений и возможностей личности в самостоятельной работе. Все это и является началом самостоятельной профессиональной деятельности молодого специалиста (со стажем работы до 3-х лет) [12].

Этапы, в свою очередь подразумевают наличие задач, которые необходимо решить, и проблем, с которыми сталкиваются специалисты в процессе профессионального становления. От удачного их решения зависит, насколько успешно будет дальнейшее их развитие как профессионалов.

Исследователи выделяют различные составляющие процесса профессионального становления специалиста.

В качестве компонентов профессионального становления Э. Ф. Зеер выделяет социально-экономические условия, социально-профессиональные группы и активность самой личности (субъективная активность человека определяется системой устойчиво доминирующих потребностей, мотивов, интересов, ориентаций) [5, с. 213].

В своих исследованиях, посвященных процессу профессионального становления, А. А. Бодалев, В. И. Жуков, Л. Г. Лаптев и В. А. Сластенин выделяют в качестве важной составляющей данного процесса профессиональное самосознания как сформировавшееся отношение к профессии, выражающееся в наличии сложившейся, постоянно развивающейся и связанной системы мотивов, личностных смыслов и целей.

Н. Н. Зотова и О. Н. Родина предположили, что важными составляющими процесса профессионального становления являются эмоционально-личностные особенности, в которые входят: мотивация; уровень субъективного контроля; качества, определяющие взаимодействие с другими людьми; эмоциональная устойчивость. Помимо этих составляющих, авторы выделяют как отдельный компонент профессионального становления – интеллект и умение организовывать свою деятельность [6, с. 178].

Теоретический обзор и анализ научной литературы позволил сделать вывод о том, что осуществление процесса профессионального становления следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, как организацию целенаправленного и непрерывного обучения, подготовки; во-вторых, как саморазвитие самоорганизующейся системы – личности, выступающей источником активности в процессе выполнения профессиональной деятельности.

Изучением проблемы профессионального становления специалистов социальной сферы в разное время занимались С. К. Бережная, С. Г. Вершловский, Т. А. Киселева, Л. В. Коновалова, Н. В. Кузьмина, Л. Н. Лесохина, Т. С. Полякова, Л. В. Топчий, М. В. Фирсов, Ю. П. Юрченко.

Профессиональное становление представляет собой длительный процесс, который начинается с выбора профессии и завершается полной самореализацией личности в профессии. Один из важнейших

этапов подготовки специалиста – этап профессиональной подготовки в вузе.

К настоящему времени достаточно разработаны теоретические аспекты профессионального становления начинающих специалистов [10, с. 56].

Различные авторы (Ю. П. Поваренкова, Е. И. Холостова, Л. В. Топчий, М. В. Фирсов, В. Д. Шадрикова и др.) трактуют понятие «становление» как приобретение новых признаков и форм в процессе развития, приближение к определенному состоянию.

Профессиональное становление социального работника раскрывается как целенаправленный процесс достижения личностной зрелости и ее профессиональной компетентности, как личности, субъекта социальной работы и индивидуальности на основе развития и использования своих способностей и возможностей.

В результате анализа научных источников нами была выделена совокупность составляющих процесса профессионального становления молодого специалиста по социальной работе (со стажем работы до 3-х лет).

Во-первых, социально-психологическое вхождение в новую профессиональную среду, профессиональная социализация (усвоению норм), которая включает социально-психологический климат внутри рабочего коллектива. В своей работе Е. Ф. Щукина установила, что между состоянием социально-психологического климата развитого коллектива и эффективностью совместной деятельности его членов существует четкая взаимосвязь [14, с. 31]. Если в коллективе будет благоприятный социально-психологический климат, это будет способствовать быстрому вхождению в коллектив, что сделает процесс профессионального становления более успешным.

Во-вторых, приобретение личностью профессиональной компетентности. Профессиональная компетентность рассматривается как высокий уровень общих и профессиональных знаний и овладения разных сфер профессиональной деятельности, глубокое понимание профессиональных проблем, деловая надежность в решении профессиональных задач. Профессиональная компетентность – характеристика специалиста по социальной работе, степени его соответствия требованиям профессии. Следует отметить, что уровень профессиональной компетентности во многом зависит от личностных качеств специалиста – способностей, познавательной потребности, мотивации [8].

Третьей составляющей процесса профессионального становления является сопоставление «идеальной» модели профессионала с реальной. Модель специалиста – это эталон специалиста. В процессе профессионального становления личности молодого специалиста интенсивно изменяются критерии отношения к себе. Это выражается в динамике субъективной эталонной модели профессионала. Необходимо отметить, что эталонная модель профессионала не является эквивалентом представлений личности о профессии, так как, создавая ее, личность в ка-

кой-то степени выражает в ней себя, и в этом смысле эталонная модель является своеобразной проекцией ее направленности [3, с. 9]. Необходимо, чтобы эта «идеальная» модель профессионала сопоставлялась с моделью специалиста социальной работы с точки зрения профессионала-практика, работающего в реальном практическом поле (реальная модель профессионала).

Четвертая составляющая – структурированное понимание профессиональной деятельности (соотнесение ее со своими качествами и способностями).

Далее – освоение ролевого поведения в профессиональной деятельности. Профессиональная роль – социальная роль, обусловленная местом индивида в системе объективных социальных отношений, а также совокупностью осуществляемых им функций.

Следующий компонент – формирование профессионального самосознания. Б. Г. Парыгин выделяет профессиональное самосознание как разновидность самосознания. Оно рассматривается как осознание своей принадлежности к профессиональной группе. З. Иванова и К. Косев понимают профессиональное самосознание, как познание и самооценку профессиональных качеств и отношение к ним. В. Н. Казиев считает, что профессиональное самосознание является инстанцией, в которой происходит оценка имеющихся достижений, планирования направления саморазвития, его осуществление.

Другим составным компонентом профессионального становления молодого специалиста по социальной работе является мотивационный компонент, то есть мотивационная готовность к работе. Мотивация – система внутренних побудителей, которые в той или иной мере заставляют человека участвовать в процессе деятельности [1].

Мотивационный компонент служит важнейшей характеристикой мотивационной стороны профессиональной деятельности специалиста по социальной работе. Данное понятие определено готовностью специалиста к самостоятельному осуществлению профессиональной деятельности.

В структуру профессионального становления специалиста по социальной работе входит также самообразование и самовоспитание в профессиональной деятельности. Непрерывное самовоспитание профессионала заключается в формировании необходимых для его профессиональной деятельности, социально ценных качеств. Уровень их сформированности и определяет необходимость в самовоспитании и самообразовании. Самовоспитание – сознательная, целенаправленная деятельность человека по совершенствованию своей личности. Содержанием профессионального самовоспитания являются все профессионально значимые качества его личности, его мировоззрение, физическое здоровье. Самообразование является средством сохранения профессиональной компетентности, важнейшим условием функционирования человека как деятельной личности. Оно должно длиться столько, сколько длится профессиональная деятельность [11].

Последний компонент – профессиональная самоидентификация, которая достигается при соблю-

дении этических правил, принятых в конкретном профессиональном поле, как выражение ответственности: во-первых, профессии перед обществом; во-вторых, представителями профессии перед потребителями услуг; в-третьих, специалистами перед своей профессией. Идентификация специалиста происходит путем соотнесения «идеальной» модели профессии и профессиональной деятельности с профессиональной Я-концепцией, включающей представление о себе как члене профессионального сообщества, носителя профессиональной культуры [3, с. 9].

Однако вопросы изучения влияния социально-психологических факторов на профессиональное становление специалистов социальной сферы требуют дополнительного исследования. В этой связи необходимым становится переосмысление как теоретических, так и практических подходов к организации целостного процесса профессионального становления специалиста социальной сферы на различных этапах – в период профессионального обучения и воспитания, активного вхождения в профессиональную среду и период реализации профессиональных устремлений и возможностей.

В 2008–2009 гг. нами было проведено исследование, целью которого являлось теоретическое обоснование и экспериментальная проверка влияния социально-психологических факторов на профессиональное становление специалистов по социальной работе.

Экспериментальной базой исследования являлись Кемеровский государственный университет, Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района города г. Кемерово, Комплексный центр социального обслуживания населения Кировского района г. Кемерово.

В исследовании приняли участие 60 испытуемых. Выборка формировалась с учетом этапа профессионального становления, стажа работы испытуемых в учреждениях социальной защиты. Исследование строилось на сопоставлении данных, полученных в трех группах:

1 группа – выпускники Кемеровского Государственного университета специальности «Социальная работа» (ориентационно-адаптационный этап профессионального становления);

2 группа – молодые специалисты по социальной работе со стажем до трех лет (идентификационно-позиционный этап профессионального становления);

3 группа – специалисты по социальной работе со стажем свыше трех лет (системно-прогностический этап профессионального становления).

Выборка практически однородна по признаку половой принадлежности. Среди испытуемых 90 % составляют женщины и 10 % – мужчины. Средний возраст испытуемых 1 группы составил 22 года, 2 группы – 27 лет, 3 группы – 40 лет. Стаж работы испытуемых 2-ой группы в среднем составил 3 года, из них средний стаж работы в социальных учреждениях – 1,5 года. Стаж работы у испытуемых 3 груп-

пы – в среднем 10 лет, из них стаж работы в социальных учреждениях – 7 лет.

Гипотеза исследования: профессиональное становление специалистов социальной сферы будет осуществляться эффективнее, если будут определены социально-психологические факторы данного процесса и будет учитываться их влияние на разных этапах профессионализации специалистов.

Для проверки гипотезы и решения поставленных задач использовался комплекс методов исследования:

– *теоретические методы*: анализ философской, социологической, психолого-педагогической литературы; системный анализ проблемы; обобщение, моделирование;

– *эмпирические методы*: анкетный опрос, тестирование, ранжирование;

– *статистические методы*: анализ данных, полученных в результате исследования, математические методы обработки результатов эксперимента. Обработка экспериментальных данных осуществлялась с использованием математических методов статистики (t-критерий Стьюдента), с помощью компьютерного пакета программ STATISTIKA (версия 5).

Для диагностики мотивации профессиональной деятельности применялась методика «Исследование деятельностной мотивационной структуры» К. Замфира [13, с. 104]. С помощью методики «Оценка мотивации организационного поведения» [13, с. 90] в модификации автора исследования, определялась у испытуемых степень влияния гигиенических или мотивационных факторов на отношение к профессиональной деятельности. Влияние на профессиональное становление специалистов социально-психологического климата в коллективе исследовалось с помощью опросника О. С. Михалюка, А. Ю. Шалыто «Экспресс-методика по изучению социально-психологического климата в коллективе» [4, с. 394].

Учитывая исследовательские позиции А. А. Бодалева, В. А. Сластенина, Н. Б. Шмелевой и дополняя их, считаем, что *профессиональное становление специалиста по социальной работе* рассматривается нами как сложный целенаправленный процесс прогрессивного изменения личности, имеющий поэтапную структуру развертывания под влиянием социально-психологических факторов, профессиональной деятельности и собственной активности личности, направленный на формирование социально-значимых качеств, профессиональной компетентности и готовности к постоянному профессиональному росту, поиску оптимальных приемов качественного и творческого выполнения деятельности в соответствии с особенностями развития современного человека и современного общества, с учетом их проблем.

Данные, полученные с помощью методики «Исследование деятельностной мотивационной структуры» К. Замфир, позволили выявить соотношения между внутренней и внешней мотивацией в трех сопоставляемых группах (таблица 1).

Таблица 1
Среднегрупповые показатели выраженности
деятельностной мотивационной структуры (в %)

Группа	Внутренняя мотивация (ВМ)	Внешняя мотивация	
		положительная (ВПМ)	отрицательная (ВОМ)
1	10	70	20
2	20	50	30
3	50	30	20

Представленные в таблице результаты показывают следующее:

1 группа – ВМ < ВПМ > ВОМ;

2 группа – ВМ < ВПМ > ВОМ;

3 группа – ВМ > ВПМ > ВОМ.

Как видно из приведенных данных, в 1 группе испытуемых доминирует внешняя положительная мотивация. Преобладание внешней мотивации над внутренней можно объяснить отсутствием у испытуемых этой группы профессионального опыта. У начинающего профессионала до выполнения профессиональной деятельности, как правило, преобладают в большей степени внешние представления об ее особенностях, требованиях, предъявляемым к способностям и качествам личности специалиста в современных условиях. В связи с этим большее значение могут иметь мотивы материальной обеспеченности (заработная плата) и стремление к быстрому продвижению.

Преобладание у испытуемых 2 группы внешней положительной мотивации можно объяснить тем, что начало вступления в должность связано с проявлением у специалистов пока не структурированного понимания профессиональной деятельности. Увеличение числа испытуемых с преобладанием внутренней мотивации профессиональной деятельности во 2 группе, по сравнению с 1 группой, доказывает, что в процессе профессионального становления происходит смена приоритетов и значимость внутренних мотивов возрастает.

Вместе с тем во 2 группе отмечается увеличение числа испытуемых с внешней отрицательной мотивацией. Это может быть вызвано тем, что начиная профессиональную деятельность, молодой специалист сталкивается с рядом трудностей в связи с отсутствием достаточного опыта, недостаточным количеством знаний, умений, навыков и компетенций, стремлением избежать критики со стороны руководства и коллег.

Важно отметить, что у специалистов 3 группы, со стажем работы свыше трех лет, соотношение «ВМ > ВПМ > ВОМ», является оптимальным, т. е. выявлено преобладание внутренней мотивации над внешней положительной мотивацией. Это свидетельствует в том, что специалист включен в профессиональное сообщество, у него есть определенный опыт, он старается синтезировать требования, предъявляемые профессией к личности, и собственные индивидуальные особенности. Следует отме-

тить, что испытуемые данной группы в большей степени ориентированы на престиж и уважение окружающих, на удовлетворенность от хорошо выполненной работы и общественную значимость труда. Побудительная сила мотивационного комплекса данной группы высока, что говорит о хорошем отношении к выполняемой трудовой деятельности.

Степень актуализации у испытуемых гигиенических и мотивационных факторов в структуре профессиональной деятельности определялась нами с помощью методики Харцберга «Оценка мотивации организационного поведения» (рис. 1, 2, 3).

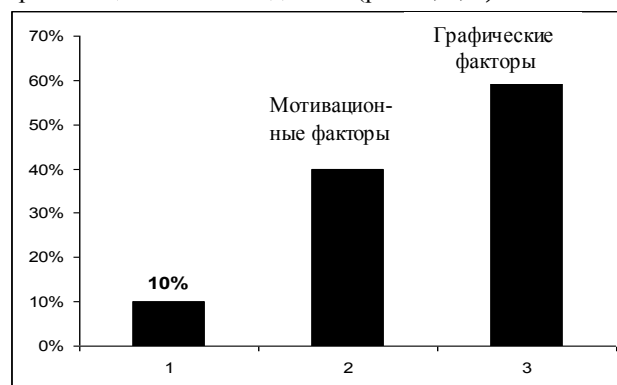

Рис. 1. Соотношение мотивационных и гигиенических факторов в мотивационной структуре испытуемых 1 группы

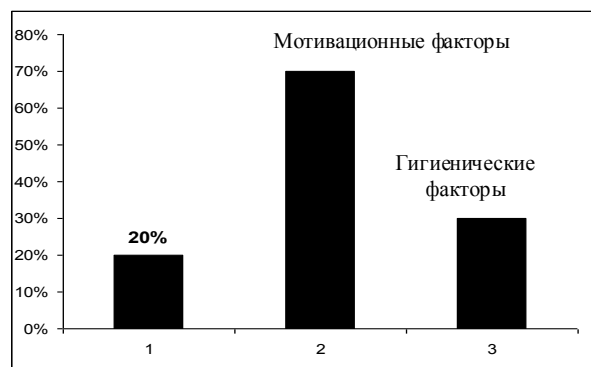

Рис. 2. Соотношение мотивационных и гигиенических факторов в мотивационной структуре испытуемых 2 группы

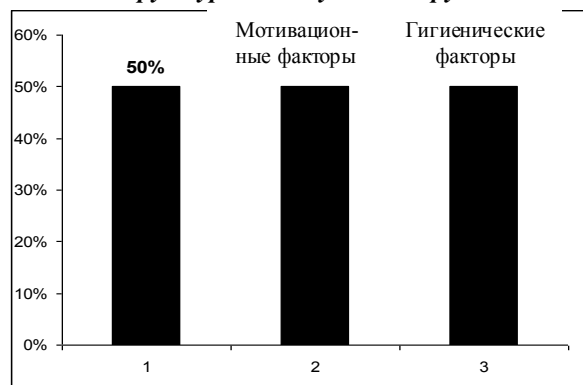

Рис. 3. Соотношение мотивационных и гигиенических факторов в мотивационной структуре респондентов 3 группы

Как видно из представленных данных (рис. 1), в структуре профессиональной деятельности незначительная часть испытуемых 1 группы (10 %) имеют внутреннюю мотивацию. На данном этапе профессионального становления для студентов значимость гигиенических факторов (чувство безопасности, связанное с работой, хорошие условия для работы, уровень доходов) преобладает над мотивационными. Среди наиболее значимых мотивационных факторов испытуемые 1 группы отмечают наличие системы наставничества, условий для профессионального роста (повышение квалификации и профессиональная переподготовка). На данном этапе профессионального становления наиболее значима поддержка со стороны более опытных специалистов, а также стремление к достижению профессионализма.

Во 2 группе испытуемых выявлено преобладание мотивационных факторов над гигиеническими (рис. 2). Число лиц с внутренней мотивацией профессиональной деятельности составило 20 %, что вдвое больше по сравнению с 1 группой. Наиболее значимыми для профессиональной деятельности по мнению испытуемых 2 группы (молодые специалисты) являются следующие мотивационные факторы: возможность продвижения по службе, карьерного роста, возможность самосовершенствования, повышения профессиональной компетентности, хорошие взаимоотношения с коллективом, хорошая обстановка внутри коллектива и наличие системы наставничества. Полученные данные подтверждают, что на данном этапе профессионального становления молодым специалистам по социальной работе важно развиваться как профессионалам, повышать свой уровень профессиональной компетентности.

У значительной части (50 %) испытуемых 3 группы (специалисты по социальной работе со стажем свыше трех лет) в структуре профессиональной деятельности отмечено преобладание внутренней мотивации. Незначительные межфакторные различия в данной группе позволяют говорить о сбалансированности мотивационных и гигиенических факторов. Среди мотивационных факторов испытуемые 3 группы выделили следующие по степени их значимости: хорошие взаимоотношения в коллективе, хорошая обстановка внутри коллектива, наличие системы наставничества, возможность продвижения по службе и карьерного роста, наличие условий для профессионального роста (повышение квалификации и профессиональная переподготовка), возмож-

ность самосовершенствования, повышения профессиональной компетентности.

Для специалистов 3 группы большую значимость, по сравнению с двумя другими группами испытуемых, приобретают гигиенические факторы. При переходе от одной к следующей стадии профессионального становления возрастает значимость гигиенических факторов, среди которых специалистами по социальной работе выделены: чувство безопасности, связанное с работой (гарантия занятости, наличие социального пакета), компетентность руководителя, удовлетворенность профессиональной деятельностью, уровень доходов (зарботная плата), предоставляемые льготы, доплаты, льготные ссуды работнику, хорошие условия для работы (гибкий график работы, хорошо организованное место работы, близость места работы к дому), разумные правила и процедуры, существующие в данной организации.

При анализе оценки испытуемыми мотивационных факторов были выявлены достоверные различия в сопоставляемых группах (таблица 2, 3).

Содержание работы, качество выполняемой работы, поощрение личной инициативы, самостоятельность в решении профессиональных вопросов наиболее высоко оценивают как студенты, так и специалисты со стажем работы свыше 3-х лет. Значимость таких мотивационных факторов как возможность продвижения по службе, карьерного роста, возможность самосовершенствования, повышения профессиональной компетентности в оценке испытуемых 2 группы выше, чем в оценке 1 группы. Это можно объяснить тем, что специалисты, входящие во 2-ю группу, уже включены в профессиональную среду и у них начинают преобладать мотивационные факторы выполняющей профессиональную деятельность. Испытуемые 1 группы (выпускники университета, будущие специалисты по социальной работе) большее значение придают гигиеническим факторам.

Для специалистов со стажем работы менее 3-х лет (3 группа) наиболее значимы факторы, которые связаны с качеством и успехом в профессиональной деятельности.

Мнения испытуемых о значимости критериев успешности профессионального становления специалистов по социальной работе в сопоставляемых группах распределились следующим образом (таблица 4).

Таблица 2

Различия средних величин в оценке мотивационных факторов в сопоставляемых группах с учетом этапа профессионального становления испытуемых ($p>0,05$)

<i>Мотивационные факторы</i>	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>Группа 3</i>
Интересное содержание работы	1,4	2,3*	1,4***
Возможность продвижения по службе, карьерного роста	2,1	2,6*	2,3
Возможность самосовершенствования, повышения профессиональной компетентности	2,1	2,8*	2,2***
Работа, которую вы можете хорошо делать и преуспеваете в этом	1,4	1,6	1,7
Хорошие взаимоотношения с коллективом	2,7	2,7	2,7
Наличие условий для профессионального роста (повышение квалификации и профессиональная переподготовка)	2,9	2,9	2,1** ***
Поощрение личной инициативы, самостоятельность в решении профессиональных вопросов	1,4	2,4*	1,5***
Наличие системы наставничества	2,7	2,7	2,7

* – значимость различий средних величин в группах 1 и 2

** – значимость различий средних величин в группах 1 и 3

*** – значимость различий средних величин в группах 2 и 3

Таблица 3

Различия средних величин в оценке гигиенических факторов в сопоставляемых группах с учетом этапа профессионального становления испытуемых ($p>0,05$)

<i>Гигиенические факторы</i>	<i>Группа 1</i>	<i>Группа 2</i>	<i>Группа 3</i>
Чувство безопасности, связанное с работой (гарантия занятости, наличие социального пакета)	2,7	2,5	2,6
Хороший (знающий, компетентный) руководитель	1,4	1,5	2,4** ***
Престижность работы	2,8	1,8*	1,2** ***
Хорошие условия для работы (гибкий график работы, хорошо организованное место работы, близость места работы к дому)	2,6	1,6*	2,3
Разумные правила и процедуры, существующие в данной организации	1,5	1,9	2,0**
Уровень доходов (зарботная плата)	2,9	2,0*	2,1**
Предоставляемые льготы, доплаты, льготные ссуды работнику	2,4	1,8*	2,2
Удовлетворенность профессиональной деятельностью	1,6	2,6*	1,9

* – значимость различий средних величин в группах 1 и 2

** – значимость различий средних величин в группах 1 и 3

*** – значимость различий средних величин в группах 2 и 3

Таблица 4

Оценка испытуемыми значимости критериев успешности профессионального становления специалистов по социальной работе

<i>Критерии</i>	<i>Ранг значимости критериев успешности в группах испытуемых</i>		
	<i>1 группа</i>	<i>2 группа</i>	<i>3 группа</i>
Общая и профессиональная компетентность (развивающийся потенциал высокопродуктивного специалиста)	6	3	1
Профессиональная направленность	7	8	8
Активность в выполнении профессиональной деятельности, основанная на высоком уровне мотивации	2	2	2
Умственная самостоятельность	3	7	3
Новаторство в работе (новый подход к работе)	9	9	9
Способность к самоуправлению (стремление рационально организовывать свою работу, умение контролировать свое поведение в различных жизненных ситуациях)	4	4	5

Продолжение таблицы 4

<i>Критерии</i>	<i>Ранг значимости критериев успешности в группах испытуемых</i>		
	<i>1 группа</i>	<i>2 группа</i>	<i>3 группа</i>
Адаптация (к профессиональным обязанностям, к рабочему коллективу, к условиям работы учреждения)	1	1	4
Целенаправленность, стремление к достижению поставленных целей	8	5	6
Темпы роста профессионального мастерства и связанное с ним должностное продвижение	5	6	7

В ходе опытно-экспериментальной работы были определены значимости мероприятий, способствующих профессиональному становлению специалистов по социальной работе и проблемы в реализации проектов и программ подготовки и деятельно-

сти специалистов по социальной работе (научно-методические, организационные, технологические). Распределение ответов испытуемых представлено в таблице 5.

Таблица 5

Оценка испытуемыми значимости мероприятий, способствующих профессиональному становлению специалистов по социальной работе

<i>Мероприятия</i>	<i>Группы испытуемых</i>		
	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Информированность по обязанностям работы, правилам социального учреждения, формальным вопросам через собрания, объявления	-	-	-
Организация системы наставничества	1	2	1
Мероприятия, направленные на сплочение коллектива (совместное проведение досуга)	3	1	2
Проведение тренингов, направленных на выработку профессиональных навыков, умений, повышение профессионального мастерства	2	3	5
Проведение мастер-классов специалистами, которые имеют большие достижения и большой опыт в области социальной работы	4	-	-
Организация командировок с целью получения нового опыта, повышения квалификации	-	-	-
Проведение конференций с целью решения организационных вопросов, вынесения на обсуждение насущных проблем, обмена опытом	5	---	---
Участие в семинарах с целью повышения уровня знаний	-	5	4
Обращение за психологической помощью для разрешения проблем	-	-	-
Предоставление возможности изучения специальной литературы, касающейся профессии, для улучшения качества знаний	-	4	3

Таким образом, данные, полученные в ходе исследования, позволили сделать следующие выводы.

В процессе профессионального становления происходит трансформация системы отношений к профессии в личностные качества, необходимые для успешной профессиональной работы.

В качестве мотивационных факторов профессионального становления могут выступать общее эмоционально-позитивное отношение к профессии и к своему ближайшему профессиональному окружению, личностная заинтересованность в приобретении знаний, сформированные критерии жизненного и профессионального успеха, эталон личности успешного профессионала.

Значимость мотивационных факторов меняется в зависимости от этапа профессионального становления специалиста.

Профессиональное становление специалистов будет происходить более успешно, если оно будет пониматься как приоритетная цель профессионализации, включающее в себя самооценку деятельности, самоорганизацию и самоуправление, и рассматривается как компонент профессиональной деятельности специалиста по социальной работе.

Проведенное нами исследование и полученные результаты создают предпосылки для разработки научно обоснованных программ модернизации образовательного процесса в вузе, прежде всего системы подготовки кадров для социальной сферы. Экспериментально проверенная модель профессионального становления специалистов по социальной работе может быть применена при соответствующей адаптации в учебно-производственных комплексах. Полученные результаты исследования используются

нами на курсах повышения и переподготовки преподавателей высшей школы и специалистов социальной сферы.

Литература

1. Албегова, И. Ф. Исследование мотивации социальных работников [Текст] / И. Ф. Албегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.vsavm.com.
2. Белозерова, Л. И. Интегративный подход к профессиональному становлению психолога на этапе вузовской подготовки: сборник статей Международного конгресса «Социальная психология XXI века» [Текст] / Л. И. Белозерова. – Ярославль. – 2002. – 250 с.
3. Волкова, О. А. Социальная работа в сфере профессиональной идентификации: социологическая модель [Текст] / О. А. Волкова // Отечественный журнал социальной работы. – № 3. – 2007. – С. 9 – 25.
4. Гребень, Н. Ф. Психологические тесты для профессионалов / Н. Ф. Гребень. – Минск: Современная школа, 2007. – 496 с.
5. Зеер, Э. Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов [Текст] / Э. Ф. Зеер. – М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 347 с.
6. Зотова, Н. Н. Исследование профессионального становления студентов-психологов [Текст] / Н. Н. Зотова, О. Н. Родина // Вестник Московского университета. Сер. Психология. – 2003. – № 3.
7. Нелюбов, С. А. Динамика профессионального становления руководителя образовательного учреждения [Текст] / С. А. Нелюбов. – Режим доступа: URL: www.nios.ru.
8. Новак, Е. С. Профессиональная компетентность специалиста по социальной работе как совокупность профессиональных и личностных компонентов [Текст] / Е. С. Новак, Ю. В. Фалалеева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.volsu.ru.
9. Нордзельская, А. С. Проблемы профессионального становления личности специалиста [Текст] / А. С. Нордзельская, О. Ю. Ильина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.rapdoh.ru.
10. Поваренков, Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека [Текст] / Ю. П. Поваренков. – М.: Изд-во УРАО, 2002. – 357 с.
11. Поддубная, А. В. Структура и механизмы становления профессионального самосознания [Текст] / А. В. Поддубная. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.psi.lib.ru.
12. Пряжников, Н. С. Психология труда и человеческого достоинства [Текст] / Н. С. Пряжников, Е. Ю. Пряжникова. – М.: Академия, 2001. – 480 с.
13. Фетискин, Н. П. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов. – М. – Издательство Института психотерапии. – 2002. – 488 с.
14. Щукина, Е. Ф. Социально-психологический климат коллектива и его влияние на повышение эффективности деятельности учреждения [Текст] / Е. Ф. Щукина // Социальная работа. – № 6. – 2007. – С. 31 – 34.

УДК 352:364

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ГАРАНТ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ Э. В. Нилов

LOCAL GOVERNMENT AS THE GUARANTOR IN SPHERE OF SOCIAL PROTECTION OF THE POPULATION E. V. Nilov

В статье описываются результаты исследований института местного самоуправления, критерии его эффективности в сфере социальной защиты населения. Приводится структура муниципальной власти Российской Федерации, ее роль в сфере социального обслуживания населения.

In article results of researches of institute of local government, criteria of its efficiency in sphere of social protection of the population are described. The structure of municipal authority of the Russian Federation, its role in sphere of social service of the population is resulted.

Ключевые слова: муниципальная власть, органы местного самоуправления, вопросы местного значения, эффективность местного самоуправления.

Keywords: municipal authority, local governments, questions of local value, efficiency of local government.

Муниципальное самоуправление – один из важнейших институтов демократического общества. С деятельностью органов власти, их организационными основами сталкивается каждый гражданин Российской Федерации.

В различные исторические периоды самоуправления в российском обществе проявлялось в различных формах, среди которых наиболее устойчивыми являлись: Вечевая демократия Древней Руси, крестьянское общинное самоуправление, земское и городское самоуправление и др. [4, с. 179]. Все эти пе-

риоды объединяет одна характерная черта политической истории России – гиперцентрализация власти, в связи с чем преобразования общественной жизни, в том числе и местного самоуправления, проводились центральной властью, которая не всегда объективно учитывала положение общества.

В наше время местное самоуправление является одной из основ демократического общества. Это такой способ децентрализации власти, при котором ее нижний уровень, наиболее приближенный к населению, обладает значительной автономией и самостоятельностью в решении вопросов местной жизни [2; 6]. В сборнике законодательных актов Кемеровской области по вопросам местного самоуправления органы местного самоуправления трактуются как выборные и иные органы, наделенные полномочиями по решению вопросов местного значения и не входящие в систему органов государственной власти [6, с. 12]. Исходя из вышеперечисленного, можно определить организационные основы местного самоуправления г. Кемерово, состоящие из представительного органа местного самоуправления; главы муниципального образования; местной администрации; контрольного органа муниципального образования.

Представительным органом Кемеровской области является Совет народных депутатов, который избирается населением. Представительный орган выражает волю и интересы всего населения муниципального образования, осуществляет от его имени муниципальную власть. Представительному органу подконтрольна деятельность всех других органов и должностных лиц местного самоуправления. Срок полномочий органа местного самоуправления в Кемеровской области составляет пять лет.

Термин «глава муниципального образования» был введен в научный оборот Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 23 августа 1995 года. Глава муниципального образования является выборным должностным лицом, возглавляющим деятельность по осуществлению местного самоуправления. Полномочия главы муниципального образования начинаются со дня вступления его в должность и прекращаются в день вступления в должность вновь избранного лица. Данные полномочия можно разделить на несколько блоков: представительские; руководство исполнительными органами местного самоуправления; взаимодействие с представительным органом местного самоуправления; управление муниципальным хозяйством. Следует отметить, что в настоящее время практически все ограничения для занятия данной должности, в том числе ценз оседлости, отменены, за исключением ценза возраста (21 год) и гражданства (РФ). В связи с этим нередки случаи, когда главой муниципального образования становились лица, проживающие не на территории муниципального образования. Однако, по мнению ряда государствоведов, представляется целесообразным введение ценза оседлости и образовательного ценза, т. е. наличие высшего образования.

Местная администрация (исполнительно-распорядительный орган муниципального образования) наделяется полномочиями по решению вопросов местного значения и полномочиями по осуществлению отдельных государственных полномочий, переданных местному самоуправлению федеральными законами и законов субъектами РФ. По законодательству Кемеровской области, местная администрация состоит из главы муниципального образования и органов местной администрации (структурных подразделений). Глава местной администрации руководит деятельностью администрации на принципах единоначалия и несет ответственность за надлежащее осуществление ими своих полномочий [5, с. 232].

Контроль над законностью и эффективностью муниципального образования осуществляют граждане, общественные объединения, депутаты, органы и должностные лица муниципального образования, государственные инспекции и надзоры, прокуратуры, суды. Также сюда относятся такие контролирующие органы, как Уполномоченный по правам человека РФ и контроль полномочного представителя Президента РФ. Таким образом, контроль может и должен осуществляться «сверху», «снизу» и по «горизонтали» [7, с. 37].

В организации местного самоуправления наиболее ярко выражается идея приближения власти к народу. Принципиальное отличие органов местного самоуправления от государственных – в их природе и значении: они более тяготеют к гражданскому обществу, общественному управлению. Государство устанавливает лишь правовые нормы функционирования местного самоуправления, а полем реализации управленческих функций предстает преимущественно гражданское общество. Формирование органов местного самоуправления, их структура и принципы взаимоотношений с институтами государственной власти находятся в зависимости от формы национально-государственного устройства и исторических традиций. По мере развития демократических начал в строительстве правового государства и становления экономически состоятельного гражданского общества, центр тяжести в управлении будет смещаться в сторону местного самоуправления.

Местное самоуправление призвано уравнивать власть государства, ограничивать ее, не допускать произвола с ее стороны. Передача властных полномочий на места позволяет также избежать перегрузки центрального правительства частными проблемами, существенными для определенных локальных сообществ. Органы местного самоуправления выполняют роль посредника между личностью и государством. И в городах, и в селах работа местных советов затрагивает буквально каждого – зачастую она представляется гражданам более понятной и конкретной, чем деятельность центральных властей.

Хорошо зная положение дел на своих территориях, органы местного самоуправления способны более эффективно и рационально, чем чиновники

центрального аппарата, реагировать на непредвиденные ситуации и конфликты. И возможности для нововведений у местных властей значительно шире – ведь центральные власти внедряют новации, как правило, в общенациональном масштабе, что повышает издержки вероятных неудач. Наконец, муниципальные выборы проводятся чаще, чем общенациональные, а это дает населению дополнительную возможность пользоваться своими гражданскими правами и выразить отношение к деятельности административно-управленческих органов.

Муниципальная власть выступает главным гарантом в сфере социальной защиты населения, т. к. именно местными властями, на местах выбирается определяющая стратегия в данной сфере, от данной стратегии зависит степень защищенности местного сообщества в том или ином муниципальном образовании. Об этом говорит реальная практика: в крупных городах, таких как Москва, социальная политика проводится несравненно лучше, глобальней, чем в более мелких городах и тем более в деревнях.

К основным целям муниципальной деятельности относится улучшение условий жизни граждан, создание благоприятной среды жизнедеятельности населения муниципального образования. Важную роль в достижении этой цели играет деятельность органов местного самоуправления по удовлетворению основных жизненных потребностей граждан, что предполагает развитие местной инфраструктуры, организацию обслуживания населения.

Обеспечивая удовлетворение потребностей населения в жизненно важных услугах, органы местного самоуправления, во-первых, организуют, содержат, развивают соответствующие муниципальные предприятия, учреждения, организации и службы. Право органов местного самоуправления на создание предприятий, учреждений и организаций закрепляет ст. 30 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. Ст. данного Закона обязывает органы местного самоуправления заниматься вопросами организации, содержания и развития муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования; муниципальных энерго-, газо-, тепло- водоснабжения и канализации и др.

Закон также возлагает на органы местного самоуправления вопросы организации снабжения населения топливом; утилизации и переработки бытовых отходов; транспортного обслуживания населения и т. п.

Во-вторых, муниципальные органы обязаны создавать условия для жилищного и социально-культурного строительства; для обеспечения населения услугами торговли, общественного питания и бытового обслуживания, для деятельности учреждений культуры, средств массовой информации, организации зрелищных мероприятий и т. д. Кроме того, органы местного самоуправления обеспечивают санитарное благополучие населения; социальную поддержку и содействие занятости населения; противо-

пожарную безопасность в муниципальном образовании.

В-третьих, органы местного самоуправления регулируют вопросы, относящиеся к данной области муниципальной деятельности. Представительные органы местного самоуправления принимают общеобязательные правила по этим вопросам местной жизни.

В-четвертых, органы местного самоуправления осуществляют в этой сфере контрольную деятельность, что служит созданию необходимых предпосылок для наиболее полной и эффективной реализации прав и свобод граждан, обеспечению стабильного правового режима муниципального образования.

Органы местного самоуправления, в соответствии со ст. 37 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г., обязаны обеспечивать удовлетворение основных жизненных потребностей населения в сферах, отнесенных к ведению муниципальных образований, на уровне не ниже минимальных государственных социальных стандартов, выполнение которых гарантируется государством путем закрепления в доходы местных бюджетов федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации отчислений от федеральных налогов и налогов субъектов Российской Федерации.

Прошло уже практически шесть лет со дня принятия Федерального закона №131-ФЗ от 6 октября 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». За это время был реализован ряд переходных моментов, были внесены в него и изменения для разрешения возникших проблем. Вместе с тем следует констатировать, что продолжает сохраняться круг проблемных вопросов, которые должны отразиться в принимаемых поправках к федеральному закону.

Конституция Российской Федерации закрепила местное самоуправление как важнейший элемент основ конституционного строя, как самостоятельную форму осуществления народом принадлежащей ему власти. В этом отношении она полностью отвечает стандартам, одобренным Советом Европы, закрепленным в ее Европейской хартии местного самоуправления.

Однако все эти принципы, даже получив закрепление в действующей Конституции и в ряде федеральных законов Российской Федерации, пока не образуют целостной прочной основы для становления и развития системы местного самоуправления. Основные причины этого во многом кроются в отсутствии сбалансированной теоретической концепции развития страны, устойчивых демократических традиций, низкой политической и правовой культуре, в состоянии массового сознания в России, характеризующегося нарастанием апатичности людей, их пассивностью, отчужденностью от проблем общества, а также в низких темпах нормотворческой деятельности по проблемам местного самоуправле-

ния и формально-бюрократическом отношении к его осуществлению на практике.

В процессе нормативно-правового регулирования местного самоуправления следует опираться на теоретические разработки, практику стран с развитой системой местного самоуправления, накопленный в различных регионах России опыт организации и деятельности органов местного самоуправления, достижения земского движения в дореволюционный период.

Важность теоретического исследования конституционно-правового статуса местного самоуправления в России обуславливается тем, что исходя из нее определяется: во-первых, место муниципальных образований на современном этапе развития в системе управления государством и обществом; во-вторых, правовые условия для реализации конституционных принципов формирования и деятельности местного самоуправления, юридическая сила принимаемых ими решений; в-третьих, полномочия и гарантии эффективности деятельности органов местного самоуправления в России, роль органов местного самоуправления в охране и защите общественного порядка на территории муниципального образования.

Правовая основа местного самоуправления была заложена главой 8 Конституции Российской Федерации. В ней конкретизированы положения статьи 12 главы 1 об основах конституционного строя [3]. Закрепленная здесь модель местного самоуправления приближается к общепринятому во многих странах типу местного самоуправления как демократического института. Она достаточно определенно указывает цель, к которой надо стремиться в реформировании местной власти.

Определяя основные параметры местного самоуправления, Конституция завершает поиски его правовых форм, которые велись на протяжении последних нескольких лет. Еще в 1990 г. был принят Закон СССР об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства, положивший начало этим поискам. При всем его несовершенстве Закон сыграл свою роль если не в реальной перестройке, то, по крайней мере, в осмыслении возможных путей преобразования структур местной власти – он как бы открыл путь децентрализации государства.

Местное самоуправление – это местная (или публичная) муниципальная власть, которая формируется и осуществляется на правовых основах местного самоуправления. Реализация муниципальной власти основывается на законах и иных нормативных правовых актах, принимаемых в самом муниципальном образовании. В сфере местного самоуправления можно обнаружить множество административно-правовых отношений [1].

В современной России важнейшими источниками правовых норм являются нормативные правовые акты и нормативные договоры. Что же такое нормативный правовой акт? Это документ, исходящий от субъекта, наделенного властью (органа публичной власти или, если речь идет о референдуме, – всего народа), содержащий общеобязательные правила поведения и устанавливающий определенные юри-

дические права, обязанности или ответственность участников общественных отношений. Именно нормативные правовые акты определяют цели и задачи местного самоуправления, пределы его компетенции, а также гарантируют гражданам реализацию данного права.

Как и во многих других странах, в России документы такого рода подлежат обязательному обнародованию в средствах массовой информации. Заметим, что в вопросах местного самоуправления гласность особенно важна – реализуя свои возможности, гражданин должен иметь представление о правах органов местного самоуправления и собственной роли в их осуществлении.

Правовые основы местного самоуправления могут закрепляться и в нормативном договоре – документе, который содержит общеобязательные правила, являющиеся результатом согласования интересов и волеизъявления двух или нескольких субъектов, обладающих властью. Такие соглашения заключаются в тех случаях, когда органы местного самоуправления о чем-то договариваются с органами государственной власти. Несколько муниципальных образований также могут заключить между собой подобный договор. Кроме того, нормативные договоры могут носить и международный характер; в данном случае они бывают двусторонними или многосторонними. В области местного самоуправления наибольшее значение для России имеют являющиеся, по сути, международными договорами конвенции и хартии Совета Европы. Причина в том, что в случае противоречия между федеральным законом и международным договором применяются нормы последнего.

Согласно Конституции Российской Федерации в государстве признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет местное самоуправление как признаваемую и гарантируемую Конституцией РФ самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения.

Вопросы местного значения – вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, отнесенные к такому уставом муниципального образования в соответствии с законодательством Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 6) определяет 30 вопросов местного значения, которые можно сгруппировать по основным сферам деятельности.

В экономической – комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования; местные финансы; муниципальная собственность; земля, месторождения, недра.

В социальной – общественное признание; социальная помощь; общее и профессиональное образование; социально-культурные мероприятия; общественный отдых; муниципальное здравоохранение; санитарный надзор; охрана памятников и местных достопримечательностей.

В хозяйственной – эксплуатация технических систем жизнеобеспечения (водопровод, канализация, утилизация отходов, энергетика и электрические сети и т. д.); транспортное обслуживание; услуги связи и информации; торговля, общественное питание; бытовое обслуживание; пожарное дело; муниципальное жилищное строительство; экология.

Главенствующее положение в системе юридических норм, регулирующих местное самоуправление, о чем говорилось ранее, занимают конституционные нормы. Причина этого очевидна: право граждан страны заниматься самоуправлением обязательно должно быть зафиксировано в Основном законе. По этой причине именно Конституция определяет правовую природу и статус местного самоуправления, закрепляет основные права граждан в области местного самоуправления, регулирует взаимоотношения местного самоуправления с государством.

Стоит отметить, что на формирование правовых основ местного самоуправления серьезное влияние оказывают не только те статьи Конституции, в которых непосредственно упоминается термин «местное самоуправление», но и иные конституционные положения, весь Основной закон в целом. Иначе говоря, можно выделить конституционные нормы общего характера и конституционные нормы, непосредственно посвященные местному самоуправлению.

Конституционные положения общего характера. Наибольшее влияние на практику местного самоуправления оказывают следующие внесенные в Конституцию нормы.

Во-первых, единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Это означает, что именно народ в конечном счете определяет полномочия государственных и самоуправленческих органов, которые он создает для осуществления власти. Более того, никто не может присваивать власть в Российской Федерации – незаконная узурпация властных полномочий является преступлением, наказание за которое предусмотрено Уголовным кодексом. В то же время в Конституции России говорится о существовании единых конституционных принципов, на основе которых организуется и система органов местного самоуправления, и система органов государственной власти. Это положение еще раз подчеркивает, что у государственной и муниципальной власти общий источник.

Во-вторых, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Последние не могут быть ограничены иначе, как Федеральным законом, и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В-третьих, Россия является правовым государством. Ее граждане и их объединения, все органы власти и должностные лица обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации, а также законы. При этом правовые акты, принимаемые в стране, не должны противоречить Конституции. Любые законы, затрагивающие права, свободы и обязанности граждан, не применяются, если они не были опубликованы официально для всеобщего сведения. Как и в любом правовом государстве, видную роль в России должна играть судебная власть, независимая от других ветвей власти и подчиняющаяся только Конституции Российской Федерации.

В-четвертых, согласно российской Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации. Отсюда следует, что международные пакты, конвенции, иные правовые документы, к которым присоединилась наша страна, теперь напрямую могут применяться российскими судами. Важное значение в этом смысле имеет и Европейская хартия местного самоуправления – не случайно одним из условий присоединения России к Совету Европы стала ратификация Хартии и приведение российского законодательства о местном самоуправлении в соответствие с ее положениями. (Более подробно этот документ рассматривается в разделе, посвященном зарубежному опыту местного самоуправления.)

Современная политико-правовая доктрина рассматривает местное самоуправление как фундамент гражданского общества, без укрепления которого грозит рухнуть вся пирамида государственной власти правового государства. Местное самоуправление выступает основой народовластия, на которой соединяются высшие интересы государства с повседневными чаяниями, тревогами и устремлениями людей. Гражданин – это сначала житель и лишь затем – участник политических отношений. Структура государственной власти будет неустойчивой без крепкой жизнеспособной системы местного самоуправления, так как почти все государственные решения, касающиеся интересов граждан, так или иначе проходят через местные органы. Поэтому местное самоуправление – это самоорганизация населения не на низшем, а на базовом уровне – там, где оно может организоваться и осуществлять свои полномочия, не обращаясь к государству.

Литература

1. Агапов, А. Б. Учебник административного права / А. Б. Агапов. – М., 1999. – С. 181 – 201.
2. Бабун, Р. В. Организация местного самоуправления [Текст] / Р. В. Бабун. – М., 2001.
3. Конституция РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://revolution.allbest.ru>.
4. Моисеенко, В. И. Муниципальное право Российской Федерации [Текст] / В. И. Моисеенко. – Кемерово. – 2004. – С. 179.
5. Муниципальное право России [Текст]. – М., 2005. – С. 232.

6. Сборник законодательных актов Кемеровской области по вопросам местного самоуправления (по состоянию на 1 сентября 2001 года) [Текст]. – Новокузнецк. – 2001. – С. 12.

7. Муниципальное право. Конспект лекций [Текст]. – 2-е издание. – М., 2007. – С. 37.

УДК 37.013

**ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ ВУЗА К НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ**

Н. Н. Решетникова

**PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION STUDENT – FUTURE SPECIALIST
OF THE SOCIAL SPHERE BY MEANS OF SHAPING OF READINESS TO RESEARCH ACTIVITY**

N. N. Reshetnikova

В статье рассмотрены вопросы значения готовности к научно-исследовательской деятельности студентов вуза для их профессионального самоопределения, выявлены исходные предпосылки формирования готовности студентов вуза к данному виду деятельности. Анализируются различные точки зрения на понятия «готовность к научно-исследовательской деятельности», конкретизируются определения научно-исследовательской и исследовательской деятельности, а также их соотношения с понятием «исследовательская работа» в контексте профессионального самоопределения.

The article discusses the values of commitment to research activities of high school students for their professional self-determination, as well as identification of the premises forming the students readiness to this type of activity. Different points of view on the concept of «willingness to research activities», concretized definition of research and research activities, and their relationship with the concept of «research work» in the context of professional self-determination.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, готовность к научно-исследовательской деятельности, профессиональное самоопределение студентов.

Keywords: professional self-determination, research activity, readiness to research activity.

Изменения в обществе, связанные с переходом страны на рыночные отношения, кардинально меняют характер и цели трудовой деятельности. Профессия в таких условиях рассматривается человеком как источник материального благополучия и обретения желаемого социального статуса. Профессиональное самоопределение происходит слишком поздно или осознается как вынужденное, поэтому отсутствие возможности реализовать свои профессиональные предпочтения отрицательно сказывается на личности и на обществе в целом. И как результат, в последние десятилетия отмечается значительный рост требований современного работодателя к профессиональной подготовке выпускника учебного заведения. Молодой специалист должен совершенствоваться в профессии, быть готовым к изменению профессиональной деятельности, т. е. быть социально и профессионально мобильным.

В таких условиях важнейшей характеристикой процесса профессионального самоопределения становится готовность личности к исследованию – себя, социума, профессии, деятельности.

На первый план выходит не уровень знаний, а способность проявлять себя в непредвиденных обстоятельствах, уметь использовать элементы научного творчества. Безусловным требованием подготовки квалифицированного специалиста является не только наличие знаний по учебным дисциплинам и профессиональных качеств, но и сформированность навыков углубленной самостоятельной работы, науч-

ного мышления, творческих способностей, готовность к непрерывному образованию. Приоритеты в подготовке молодых специалистов к научно-исследовательской деятельности отдаются высшим учебным заведениям. При этом вуз призван не только решать данные задачи, но и формировать мотивацию студентов к исследовательской деятельности. Следовательно, образовательный процесс в вузе должен быть направлен не только на приобретение специальности, но и предоставление студентам оптимальных возможностей для самоопределения, в том числе посредством исследовательской деятельности.

Научно-исследовательская деятельность студентов в вузе оказывает в большей степени опосредованное влияние на их профессиональное самоопределение. У человека, занимающегося исследованиями, повышается уровень самоорганизации, вследствие чего он подходит к профессиональному выбору осознаннее. Следовательно, в профессиональное самоопределение в качестве составляющей интегрируется исследовательская деятельность студентов и одновременно результаты данной деятельности. «В процессе реализации различных видов профессионально ориентированной исследовательской деятельности студентов одним из результатов выступает комплекс компонентов, составляющих профессиональное самоопределение: уровень профессиональной мотивации, ценностные ориентации профессии, наличие и выраженность личной позиции,

уровень сформированности Я-концепции, самооценки студента» [3, с. 16 – 17].

Изучение практики организации научно-исследовательской деятельности и оценка ее эффективности в контексте решения задач профессионального самоопределения показывает, что во многих вузах существует научно обоснованная система исследовательской деятельности студентов.

Анализ социально-профессиональной успешности студентов, принимающих активное участие в научно-исследовательской деятельности, проведенный Э. А. Курмановой, показал наличие тесной корреляционной связи между научно-исследовательской деятельностью студентов и уровнем профессионального самоопределения будущих специалистов [3]. «Чем больше внимания уделяется системе исследовательской деятельности студентов вуза, тем выше уровень самооценки студентов, способности делать выбор, принимать решение, планировать и организовать свою работу» [3, с. 23].

Однако, несмотря на значимость данного вида деятельности для профессионального самоопределения, у большинства студентов представления о НИД достаточно общие и неполные. Кроме того, умения, соответствующие научно-исследовательской деятельности студентов, практически отсутствуют или присутствуют фрагментарно. По данным Е. Ю. Никитиной, большинство студентов не осознают социальной и личностной значимости научно-исследовательской деятельности: почти две трети студентов имеют низкий уровень сформированности готовности к научно-исследовательской деятельности, остальные – средний уровень [5]. В данном случае можно согласиться с мнением Ф. Л. Ратнер о том что «...уровень обучения и воспитания, формирования навыков исследовательской деятельности в нашей высшей школе не в полной мере отвечает задачам ускорения социально-экономического развития страны» [6, с. 3].

Научно-исследовательская деятельность в современных исследованиях рассматривается, как правило, в контексте проблем совершенствования содержания и структуры профессионального образования (В. И. Загвязинский, В. В. Краевский). Значение научно-исследовательской работы в стимулировании личностно-профессионального становления специалистов, обеспечении высокого уровня профессиональной компетентности отмечают В. А. Сластенин, В. И. Слободчиков, и Е. И. Исаев. В работах, посвященных вопросам профессионального самоопределения, освещаются лишь отдельные аспекты научно-исследовательской деятельности студентов (И. А. Зимняя, А. М. Новиков).

Обсуждая проблему готовности студентов к научно-исследовательской деятельности, вышеназванные авторы, как правило, анализируют ее значение для успешности профессиональной деятельности. Однако активное приобщение учащихся вузов к научной деятельности позволяет не только усилить эффективность усвоения специальных знаний и навыков студентами, но и стимулировать их положительное отношение к изучаемой профессии, разви-

вать стремление реализовывать деятельность по выбранной профессии в последующие годы после окончания вуза. Следовательно, успешное решение проблемы формирования готовности к научно-исследовательской деятельности будущего специалиста позволит успешно решать вопрос принятия ценностей будущей профессии, ее значимости, профессиональных планов и профессионального самоопределения в целом.

Для осмысления проблемы влияния научно-исследовательской деятельности студентов на их профессиональное самоопределение прежде всего необходимо выявить исходные предпосылки формирования готовности студентов вуза к данному виду деятельности.

Для раскрытия содержания понятия «готовность к научно-исследовательской деятельности» необходимо обратиться к рассмотрению и конкретизации понятия «научно-исследовательская деятельность», а также его соотношения с понятием «исследовательская деятельность» и «исследовательская работа» («научно-исследовательская работа»), посредством анализа психолого-педагогической литературы.

Термин «научно-исследовательская деятельность» в педагогике употребляется как универсальный способ освоения действительности, т. е. вид деятельности, основной целью которого является развитие личностных качеств обучающегося, а также приобретение навыков исследования. В образовании главной целью научно-исследовательской деятельности является не столько производство новых знаний, сколько приобретение личностью функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности, развитие способности к исследовательскому типу мышления.

В свою очередь, сущность исследовательской деятельности характеризуется именно фактом открытия нового знания. Под исследовательской деятельностью мы понимаем такую форму организации работы, которая связана с решением творческой, исследовательской задачи с заранее неизвестным результатом. При этом результатом исследовательской деятельности является сам творческий подход к решению вопроса, а не развитие тех или иных навыков или получение определенных специальных знаний.

Таким образом, понятие «исследовательская деятельность» трактуется преимущественно как процесс получения субъективно новых знаний, тогда как научно-исследовательская деятельность в большей степени направлена на приобретение навыков приобретения этих знаний. Часто данные термины используют как равнозначные. Возможно, это связано с тем, что в системе общего образования в исследовательскую деятельность наравне с учебно-исследовательской включают в систему НИД.

При соотношении понятий «исследовательская деятельность» и «исследовательская работа» можно отметить, что последняя определяется как инструмент исследовательской деятельности. Если рассмотреть исследовательскую работу в широком смысле, то она выступает как «действия, ведущие от

постановки вопроса к получению ответа» [2, с. 181]. А учитывая универсальность данного научного метода, необходимо уточнять данный термин, а именно – как «научно-исследовательскую работу».

Научно-исследовательская деятельность студентов как фактор профессионального самоопределения имеет интегративный характер и представляет собой систему профессионально ориентированных взаимосвязанных видов исследований (учебных, научных и рефлексивных), адекватных фазам обучения и стадиям профессионального самоопределения личности. По мнению Э. А. Курмановой, исследовательская деятельность студентов успешно реализует задачи профессионального самоопределения при определенных условиях:

- организационно-педагогических (условия научно-теоретической разработки проблемы);
- нормативно-организационных (регламентация содержания и процесса профессионально ориентированной научно-исследовательской деятельности);
- организационно-процессуальных (оптимизация видов и форм научно-исследовательской работы студентов в соответствии с этапами обучения и в контексте стадий профессионального самоопределения);
- коммуникативных (обеспечение успешного опыта научного и профессионального взаимодействия) [3].

Между тем деятельность личности по профессиональному самоопределению и научно-исследовательская деятельность, как любая целостная деятельность, имеют одни и те же организационно-психологические признаки и методологические основания, а именно: предвосхищение результата; осознание возможности его достижения, наличие соответствующих средств и ориентировка в межличностных отношениях; оценка процесса и результатов деятельности; решение общих организационных задач [4].

При таком подходе готовность к научно-исследовательской деятельности выступает как качество личности, способствующее решению данных задач. Особенностью такой готовности является ее противоречивость: с одной стороны, такая готовность – неотъемлемое свойство обучающейся личности, с другой стороны, – она требует целенаправленного формирования. Результатом формирования готовности к научно-исследовательской деятельности становится также мотивация к продолжению работы исследовательского характера и после окончания профессионального обучения.

Анализ зарубежного опыта формирования готовности студентов к научно-исследовательской деятельности показывает, что научное образование студентов высшей школы рассматривается в единстве с учебно-воспитательным процессом, а овладение методами научной работы – в качестве одной из целей высшей школы. При этом особо выделяется обучение студентов навыкам владения общими и специфическими научными методами, а также применения их в самостоятельной исследовательской

деятельности в качестве одной из проблем данной интеграции.

Ряд зарубежных авторов рассматривают научно-исследовательскую деятельность студентов посредством методологического образования, как средство и условие активной самостоятельной научной работы в учебном процессе, как цель и результат этой деятельности для предстоящей профессиональной работы, а решающим условием для научной работы являются установка и отношение студентов к будущей профессии, поэтому формировать готовность к научной деятельности необходимо с начала процесса профессионального обучения, одновременно с формированием мотивов и установок к учебе [8].

Анализируя влияние организации учебной деятельности в вузе на становление личности студента, подчеркивается необходимость приобщения студентов уже на этапе обучения в вузе к практической профессиональной деятельности. При этом возможность применить полученные навыки на практике должна осуществляться не только за счет участия студентов собственно в работе по выбранной специальности, но и за счет привлечения их к научно-исследовательской деятельности.

Таким образом, подготовка к исследовательской деятельности в вузе – двусторонний педагогический процесс, объективная сторона которого представлена особенностями организации образовательного процесса в вузе, а субъективная, внутренняя, отражается в мотивации и степени готовности студентов к научно-исследовательской деятельности.

Необходимым условием формирования готовности к научно-исследовательской деятельности для каждой личности, по мнению К. А. Рамуля, является наличие у студента определенных качеств, присущих исследователю, а именно: любознательности; способности длительное время заниматься решением одной проблемы; сравнительно высокой степени научной одаренности (состояние памяти, творческое мышление, наблюдательность); отдельных черт личности (энтузиазм по отношению к своей работе и ее задачам, способность и склонность к продолжительному и усидчивому труду, дисциплинированность) [цит. по 7, с. 8].

Закономерно возникает вопрос о том, должен ли обладать студент-исследователь некоторыми отдельными специальностями особыми качествами. На этот вопрос можно ответить утвердительно по отношению к специфическому характеру деятельности будущих специалистов социальной сферы.

Творческая исследовательская деятельность, реализуемая посредством участия каждого специалиста социальной службы в опытно-экспериментальной работе, сегодня рассматривается не просто как право, но как его профессиональная обязанность. Данная позиция отражена в ряде официальных документов (Кодекс этики социального работника, Этический кодекс психолога, Квалификационные требования к социальному работнику, специалисту по социальной работе).

Как отмечает Т. П. Тячек, научно-исследовательская деятельность специалистов так называе-

мых «помогающих профессий» есть базирующаяся на общепринятой научной методологии деятельность по получению научно обоснованного знания, предназначенного для целенаправленного изменения (гармонизации) социальной реальности, которая осуществляется в логически систематизированной последовательности с применением методов и средств научного познания [7].

Учитывая свойственное обществу постоянное развитие и видоизменение социальных проблем, многообразие субъектности личности социального клиента, к уровню подготовленности специалистов социальной сферы предъявляются особые требования. В стратегическом плане процесс развития профессии могут обеспечить лишь образованные, инициативные, обладающие потребностью в самообразовании и сориентированные на изменяющиеся социальные запросы общества выпускники вуза, у которых в процессе обучения сформирована готовность к научно-исследовательской деятельности.

Однако следует отметить, что в настоящее время отсутствуют научные исследования, посвященные изучению формирования готовности к научно-исследовательской деятельности будущих социальных работников в процессе их профессионального самоопределения. А следовательно, нет целостной концепции данного процесса, что негативно сказывается качестве результатов профессиональной подготовки выпускников вузов, не имеющих возможности максимально использовать свой потенциал и ресурсы вузовской среды.

Сложившаяся ситуация привела к возникновению противоречия между потребностью практики в интеллектуально развитых, инициативных специалистах, способных конструктивно работать в проблемных и постоянно меняющихся социально-экономических условиях, и недостаточностью теоретических и методологических основ формирования готовности к научно-исследовательской деятельности будущих сотрудников социальной сферы в процессе их профессионального самоопределения.

Основными отличительными признаками научно-исследовательской деятельности в социальной работе и психологии является наличие таких элементов, как практическая методика исследования выбранного социального явления, собственный материал (сведения из первоисточников, нормативно-правовой базы), анализ собственных данных, полученных в ходе экспериментальной работы и вытекающие из него выводы.

В процессе учебной деятельности и практики студентов – будущих специалистов по социальной работе, исследовательская деятельность, по сути, сводится лишь к анализу форм социальной деятельности, интересов, потребностей клиентов социального учреждения. Это связано как с объективными факторами, затрудняющими участие студентов в научно-исследовательской деятельности (размытость исследовательского пространства, постоянное развитие законодательно-нормативной базы, изменяющей правовые границы социальной работы, обострение и мо-

дификация социальных проблем), так и с недостаточной сформированностью готовности к данному виду деятельности. В такой ситуации процессы самостоятельной творческой деятельности ригидны, что не способствует профессиональному становлению и самоопределению личности студента.

Результаты теоретического изучения проблемы формирования готовности к научно-исследовательской деятельности студентов вуза в процессе их профессионального самоопределения, анализ ее современного состояния, были положены в основу организации, содержания и методики эмпирического исследования.

Основной эмпирической гипотезой является предположение, что готовность к научно-исследовательской деятельности студентов вуза, находящихся на разных этапах профессионального самоопределения, отличаются по основным параметрам: уровню творческого потенциала, мотивации к творческой самореализации и познавательной деятельности.

Для изучения качественной стороны готовности к научно-исследовательской деятельности студентов было проведено исследование, в котором приняли участие студенты – будущие специалисты помогающих профессий «Психология» и «Социальная работа» филиала ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет» в г. Прокопьевске. Общее количество человек, участвующих в исследовании – 165.

Для анализа мотивационной составляющей готовности к НИД была использована методика «Диагностика учебной мотивации студентов» (А. А. Реан, В. А. Якунин, в модификации Н. Ц. Бадмаевой).

Утверждения, характеризующие учебные мотивы, объединены на более высоком уровне обобщенности в семь шкал: коммуникативные, профессиональные, учебно-познавательные, широкие социальные мотивы, а также мотивы творческой самореализации, избегания неудачи и престижа. Для нашего исследования наиболее значимыми являются учебно-познавательные мотивы и мотивы творческой самореализации.

В результате анализа полученных данных нами было выявлено следующее: наравне с профессиональными учебно-познавательными мотивами и мотивами творческой самореализации являются одними из наиболее значимых для студентов. Большое значение творческой самореализации и учебно-познавательным возможностям обучения придает почти половина студентов, принимавших участие в исследовании, а именно – 40,7 % и 44,5 % соответственно. Средний уровень мотивации отмечен также у значительной части опрошенных студентов – 43,2 % (мотивы творческой самореализации) и 20,5 % случаев (учебно-познавательные мотивы). Следовательно, выражена высокая потребность в творческой самореализации студентов, что объясняется стремлением к самостоятельности в любом виде деятельности. Данные мотивы наиболее продуктивны и могут проявиться через участие студента в научно-исследовательской деятельности.

При анализе динамики мотивации с учетом курса обучения были отмечены следующие особенности: студенты первого курса характеризуются высокими уровнями показателей учебно-познавательных мотивов (49,7%) и мотива творческой самореализации (45,4 %).

Для студентов 2 – 3 курсов характерно общее снижение интенсивности данных мотивационных компонентов: мотивы творческой самореализации перестают быть значимыми, и высокие показатели имеют лишь 30,2 % студентов 2 курса и 30,6 % студентов 3 курса. Снижается также учебно-познавательная мотивация студентов – высокие показатели отмечены лишь у третьей части студентов 2 и 3 курсов (соответственно 36,2 % и 42 %).

Для студентов старших курсов характерен небольшой рост изучаемых мотивов: высокий уровень мотивации творческой самореализации отмечен у 42,2 % студентов 4 курса и 49,1 % – 5 курса. Это может быть связано с приобретением личностного смысла будущей профессиональной деятельности, ее принятия, а также попытки реализации собственных творческих возможностей в рамках преддипломной практики.

Незначительный рост учебно-познавательных мотивов отмечен также у студентов старших курсов: почти половина студентов 4 и 5 курсов имеют высокие показатели – соответственно 46,6 % и 48,2 %.

Для человека в данный возрастной период наиболее значимой должна являться ориентация на будущее, а ведущим мотивом – учение ради будущей жизненной перспективы. Несформированность познавательной мотивации на начальном этапе обучения может привести к тому, что обучение в вузе и все, что с ним связано, будет восприниматься студентами как неприятная обязанность, порождая отрицательные эмоции и устойчивую тревожность. Следовательно, наиболее значимой в формировании готовности студентов к различным видам деятельности, в том числе научно-исследовательской, является высокая степень познавательной мотивации и мотивации творческой самореализации.

В свою очередь, активность в исследовательской деятельности стимулирует саморазвитие личности студента как субъекта познавательной и творческой деятельности. Это объясняется тем, что у студентов, занимающихся научно-исследовательской работой, развивается ряд специальных умений и мыслительных операций, характерных для творческой личности.

Как отмечают многие исследователи, в процессе творческой деятельности происходит не только преобразование внешнего мира, но и развитие самого человека [1]. Поэтому развитие творческого потенциала студента – это необходимое условие формирования его готовности к научно-исследовательской деятельности. Кроме того, проявление творчества в последующей профессиональной деятельности в значительной мере связано с особой подготовкой, позволяющей студенту актуализировать свои творческие возможности.

Для возможности оценки творческого ресурса готовности к НИД студентов вуза в исследовании была использована методика «Уровень творческого потенциала личности» (Н. П. Фетискин, В. В. Козлов, Г. М. Мануйлов).

Результаты проведенной диагностики показывают, что основная часть студентов имеют высокий и средний уровни творческого потенциала – соответственно 46 % и 40,4 % опрошенных студентов. Высокие показатели могут быть связаны с тем, что развитие творческого потенциала студентов происходит на основе современной парадигмы обучения в высшей школе, согласно которой выпускник должен не только владеть определенным набором знаний, но и быть способным активно и творчески мыслить и действовать, саморазвиваться интеллектуально и нравственно.

При распределении студентов, имеющих высокий творческий потенциал, в соответствии с курсом обучения, были получены следующие данные: наибольшее число студентов, имеющих высокий творческий ресурс, обучается на 4 и 5 курсах (соответственно 23 % и 25,8 %). Из общего числа студентов с высоким потенциалом студенты 1 курса занимают 14,8 %, 2 курса – 17,1 %, 3 курса – 19,3 %. Проследив динамику, мы можем отметить, что число студентов, имеющих высокий творческий потенциал, увеличивается в процессе профессионального обучения. Это можно объяснить тем, что сама образовательная среда вуза создает условия для развития творческого потенциала студентов.

Для студентов-психологов и социальных работников в силу специфики профессий учебный процесс выстроен таким образом, чтобы стимулировать развитие творческого потенциала в рамках лекционной, самостоятельной работы и на практике. Для развития творческого потенциала необходимо поощрять нешаблонные подходы студента к учебному материалу, побуждать его задавать вопросы, актуализировать личностные особенности, повышающие активность в отношении всего, что касается научно-исследовательской деятельности.

Учитывая, что составным компонентом готовности к исследовательской деятельности является именно творческая составляющая, почти все студенты имеют определенный внутренний ресурс для реализации собственных возможностей в научно-исследовательской деятельности. Данный вид деятельности, в свою очередь, стимулирует развитие творческих способностей. Следовательно, чем выше активность в научно-исследовательской деятельности студентов, тем выше их собственный творческий ресурс.

Несмотря на высокие показатели учебно-познавательных мотивов и мотивов творческой самореализации, а также уровень творческого потенциала студентов, число студентов, активно занимающихся исследовательской работой, незначительно. Численность студентов, регулярно участвующих в научно-практических конференциях, семинарах, предметных олимпиадах, составляет не

более одной десятой от всего студенчества Прокопьевского филиала КемГУ.

Основная часть студентов не занимаются научно-исследовательской работой вне учебного предмета и не испытывает к ней интереса. Студенты, относящиеся к данной группе, различаются по уровню способностей, по характеру мотиваций учебной деятельности, возможности вовлечения в научно-исследовательскую деятельность. В отношении данных студентов необходимо использовать применять меры стимулирования к участию в научно-исследовательской работе.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что процесс формирования готовности к научной деятельности студентов вуза должен подкрепляться интенсивным внешним воздействием на всех этапах обучения; студентам с низкой степенью учебно-познавательной мотивации должно уделяться повышенное внимание.

В целом результаты анализа подтверждают предположение о том, что основные компоненты готовности к научно-исследовательской деятельности меняются с переходом на старшие курсы. Готовность к научно-исследовательской деятельности студентов вуза, находящихся на разных этапах профессионального самоопределения, отличается по ряду параметров, основным из которых являются учебно-познавательная мотивация и мотивы творческой самореализации. При этом, чем позитивнее и богаче опыт участия в научно-исследовательской деятельности студентов в процессе самоопределения, тем успешнее он будет транслироваться выпускником в последующей профессиональной деятельности.

Следовательно, необходимо говорить о целенаправленной работе по формированию готовности к научно-исследовательской деятельности, поскольку она имеет важное значение для будущей профессиональной деятельности. Как было отмечено, особенного подхода требует формирование готовности к данному виду деятельности студентов – будущих сотрудников социальной сферы. Для этого возможно использование практико-ориентированных исследовательских заданий, включаемых во все виды учебной и внеучебной деятельности образовательного процесса вуза.

Можно выделить несколько форм занятий, способствующих формированию готовности студентов – будущих специалистов социальной сферы к научно-исследовательской деятельности.

Прежде всего, это индивидуальная научно-исследовательская работа под контролем научного руководителя, которая включает информационно-ознакомительные задания; проблемные, выполняя которые студент самостоятельно ищет решение теоретической или практической задачи социальной работы или психологии; объективно-ориентированные, в которых решение задачи в значительной степени связано с анализом социального объекта. Кроме того, возможна групповая работа в коллективах для проведения совместных исследований (особенно эффективны исследования при поддержке гранто-

вых фондов). Активизация работы по формированию готовности студентов к научно-исследовательской деятельности в процессе курсового и дипломного проектирования предполагает: лекции по организации НИД студентов; открытую защиту курсового проекта (выступление на студенческой научной конференции); защиту дипломного проекта на месте будущей работы.

Названные формы будут способствовать формированию готовности будущих специалистов социальных служб к научно-исследовательской деятельности, выступая при этом средством профессионального самоопределения.

Таким образом, научно-исследовательская деятельность студентов является необходимым условием их профессионального самоопределения, выступает как часть целостного, длительного, динамического процесса вхождения в профессию и как результат выбора и проектирования ими предстоящей профессиональной деятельности. Включенность студентов в исследовательскую деятельность во многом определяет эффективность их социального и профессионального становления.

Следовательно, научно-исследовательская деятельность студентов вуза является также эффективным средством формирования знаний, умений и навыков, необходимых для личностного и профессионального самоопределения. Она не только стимулирует и мотивирует личностное и интеллектуальное развитие, содействует продолжению образования, но и выступает в качестве одного из гарантов успешности прохождения процесса профессионального самоопределения в целом.

Литература

1. Загребина, А. Н. Необходимость формирования творческой готовности обучаемых (к постановке проблемы) / А. Н. Загребина // Тез. докл. V Российской университетско-академической науч.-практич. конф. – Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2001. – Ч. 3. – С. 127 – 128.
2. Карпов, А. О. Опыт философского осмысления современной научно-образовательной практики / А. О. Карпов // Вестник МГУ. – 2005. – № 1. – С. 181 – 195.
3. Курманова, Э. А. Исследовательская деятельность как фактор профессионального самоопределения студентов колледжа / Э. А. Курманова: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 2008. – 27 с.
4. Курманова, Э. А. Концептуальные положения моделирования процесса профессионального самоопределения студентов колледжа в системе исследовательской работы / Э. А. Курманова // Целостный педагогический процесс: сборник научных статей / отв. ред. И. В. Павлов. – Чебоксары: ЧКПИ им. И. Я. Яковлева, 2007. – С. 146 – 150.
5. Никитина, Е. Ю. Формирование готовности студентов педагогического вуза к научно-исследовательской деятельности средствами проблемного обучения / Е. Ю. Никитина: дис. ... канд. пед. наук. – Новокузнецк, 2007. – 198 с.

6. Ратнер, Ф. Л. Основы самостоятельной работы студентов / Ф. Л. Ратнер. – М.: Флинта, 2008. – 44 с.

7. Тьячек, Т. П. Дидактическая система формирования готовности к исследовательской деятельности будущих социальных работников / Т. П. Тьячек: дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов., 2002. – 202 с.

8. Schone, R. Anleitung der Studenten zum effektiven Selbststudium: Studienmaterial für die hochschulpädagogische Qualifizierung von Lehrkräften / R. Schone. – Leipzig, 1997. – 55 s.

УДК 316.6/.47+331.44:331.104.22

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

А. А. Романчук

SOCIAL RELATIONS IN THE WORKPLACE

A. A. Romanchuk

В статье рассмотрены некоторые аспекты социальных отношений в трудовом коллективе и даны результаты исследования, имевшего целью изучение предрасположенности работников к конфликтному поведению, социально-психологического климата и эмоционального давления на сотрудников в трудовом коллективе в рамках конкретной организационной структуры.

The article discusses some aspects of social relations in the workplace and provides the results of the study, which was designed to study predisposition of employees to conflict behavior, socio-psychological climate and emotional pressure on the employees in the workplace within a particular organizational structure.

Ключевые слова: социальные отношения, социально-психологический климат коллектива, конфликтное поведение, эмоциональное давление.

Keywords: social relations, psychosocial work environment, conflict behavior, emotional pressure.

Организация является основным элементом в социальной структуре современного общества. Социальная жизнь людей протекает в составе тех или иных организаций (коммерческих, образовательных, научных, финансовых, общественных и т. д.). Коллектив организации имеет определённую социальную структуру, представляющую собой систему социальных групп, выполняющих специфические производственные функции и взаимодействующих для достижения определённой цели. Организация регулирует свой состав и взаимоотношения между группами и отдельными членами трудового коллектива с помощью иерархической структуры власти.

Социальная структура трудового коллектива – это совокупность его социальных элементов и отношений между этими элементами. Основным элементом структуры трудового коллектива является социальная группа, то есть совокупность людей, обладающих каким-либо общим социальным признаком (например, общей профессией, стажем работы и т. д.) и различающихся по производственным и социальным функциям [4].

В процессе взаимодействия между социальными элементами в трудовых коллективах развиваются личные взаимоотношения. Взаимоотношения – это система взаимосвязей людей между собой в различных группах. Взаимоотношения могут быть официальными и неофициальными, деловыми и личными. Межличностные взаимоотношения людей связаны с общественными отношениями и определяются ими. Особенности поведения человека в коллективе, результаты его работы вызывают определённые реакции со стороны других членов группы, формируют

у каждого из них отношение к этому человеку и, таким образом, в группе возникает система взаимоотношений. Взаимоотношения членов трудового коллектива можно структурировать по нескольким направлениям. Производственно-функциональные отношения вытекают из разделения и кооперации труда и имеют две разновидности: отношения по горизонтали между работниками, имеющими одинаковое социальное положение; отношения по вертикали (организационно-управленческие), т. е. отношения между руководителями и подчинёнными. В сложной системе взаимоотношений, взаимодействий в трудовом коллективе люди занимают определённые позиции, основанные на их неофициальном личном авторитете в данной группе людей. Таким образом, трудовой коллектив – это система связанных между собой официальных позиций, занимая которые работники обладают определёнными правами и обязанностями, и систему неофициальных позиций, основанных на реальном авторитете членов коллектива и степени их влияния на группу. Взаимоотношения в трудовом коллективе в совокупности с другими факторами формируют социально-психологический климат рабочей среды, состояние которого во многом определяет результативность деятельности предприятия.

Социально-психологический климат – это целостное социально-психологическое состояние коллектива, относительно устойчивый и типичный для него настрой, отражающий реальную ситуацию трудовой деятельности (характер, условия, организация труда) и характер ценностных ориентаций, межличностных отношений и взаимных ожиданий в нём [3].

Социально-психологический климат зависит от многих факторов и прежде всего от стиля и методов руководства. Поэтому руководитель, владея основами социально-психологических знаний должен эффективно воздействовать на социально-психологические, а через них – на организационные и экономические процессы, протекающие в коллективе.

Социально-психологический климат в коллективе может быть благоприятным, неблагоприятным и неустойчивым [3]. Благоприятный социально-психологический климат характеризуется взаимным доверием, уважением, информированностью по значимым вопросам, взаимовыручкой и взаимной ответственностью. При благоприятном климате у человека достаточно развита потребность в труде на общее благо. Неблагоприятный социально-психологический климат характеризуется неуважительным отношением коллег друг к другу, чёрствостью взаимоотношений, повышенным уровнем конфликтности в коллективе. Для неустойчивого социально-психологического климата характерна периодичность возникновения конфликтов.

Удовлетворенность взаимоотношениями по горизонтали (с товарищами) и по вертикали (с руководителями) рассматривается как важный показатель социально-психологического климата в трудовом коллективе. Показатели удовлетворенности взаимоотношениями по горизонтали тесно связаны с частотой обсуждения в коллективе вопросов, непосредственно связанных с работой, а также с частотой контактов членов коллектива в свободное от работы время.

Сложная система отношений в организации таит в себе возможность возникновения самых различных конфликтов, которые специфичны как по содержанию и динамике, так и по способам разрешения.

Конфликт в организации – это осознанное противоречие между общающимися членами этого коллектива, который сопровождается попытками его решить на фоне эмоциональных отношений в рамках организации [1].

Руководитель организации обычно находится в центре любого конфликта и призван разрешать его всеми доступными ему средствами. Каждому управленцу необходимо знать о природе конфликтов, способах поведения при их возникновении, средствах и методах предотвращения и разрешения, т. е. управления ими [2].

Управление конфликтами – это целенаправленное воздействие по устранению (минимизации) причин, породивших конфликт, или на коррекцию поведения участников конфликта и обеспечивающее решение социально значимых задач. Управление конфликтом – сознательная деятельность по отношению к нему участников конфликта или третьей стороны, осуществляемая на всех этапах его возникновения, развития и завершения. Регулирование конфликтной ситуации осуществляется посредством влияния на объект, субъект, участников и другие элементы, так или иначе связанные с данной конфликтной ситуацией. Управление конфликтом явля-

ется одной из важнейших функций руководителя. В среднем руководители тратят 20 % рабочего времени на разрешение различного рода конфликтов, хотя очевидно, что конфликты легче предупредить, чем разрешить без ущерба для деятельности организации. Однако не все конфликты можно предупредить, поэтому очень важно уметь конструктивно выходить из них. Результаты исследований производственных конфликтов показывают, что из-за их ошибочных, конфликтогенных решений руководства, возникает 52 % конфликтных ситуаций, по причине психологической несовместимости – 33 %, из-за неправильного набора кадров – 15 %. Эти данные показывают, что организационно – управленческие факторы могут выступать причиной 67 % конфликтов в трудовых коллективах.

Разработано немало рекомендаций, касающихся различных аспектов поведения людей в конфликтных ситуациях (избегание, приспособление, конкуренция, компромисс, сотрудничество), выбора соответствующих стратегий поведения и средств разрешения конфликта, а также управления им. Предупреждению конфликта способствует грамотная организация управленческой деятельности, взаимодействия и общения с подчинёнными, а разрешению конфликта способствует учёт интересов друг друга, разницы в должностных статусах, индивидуально-психологических особенностей и эмоционального состояния при разрешении противоречий [6].

В зарубежной литературе всё большее внимание в последние годы уделяется также теме взаимосвязи конфликтов в трудовом коллективе, социально-психологического климата производственной среды и эмоционального давления на сотрудников в этой среде. Данное направление исследований в этой сравнительно новой области характеризуется отсутствием общепринятой чёткой формулировки понятия эмоционального угнетения [9; 12; 13; 15; 16; 18; 20]. Для целей настоящего исследования будем определять его как совокупность негативных действий, совершаемых с определённой частотой в течение более или менее продолжительного времени, направленных на какое-либо лицо или группу лиц. В этом типе социального взаимодействия источник эмоционального давления использует элементы словесного и/или невербального общения, характеризующиеся издевательскими и агрессивными элементами, направленными на личность жертвы или его производственную деятельность и унижающими его достоинство и профессиональную компетентность. Отношения между субъектом и объектом эмоционального давления характеризуются реальными или мнимыми различиями в служебном положении, статусе или силе и, как правило, неспособностью жертвы защитить себя [9; 13; 17]. Кроме того, многие учёные, занимающиеся этой проблемой, считают, что эмоциональное давление должно характеризоваться умышленностью действий [14].

Исследователи согласны с тем, что конфликты в трудовом коллективе, неблагоприятный социально-психологический климат и связанное с ними эмоциональное давление на сотрудников могут привес-

ти к ряду негативных последствий для членов коллектива, проявляющихся в хроническом стрессе, ухудшении психического здоровья и различных психосоматических симптомах [11; 15; 19]. Для организации негативные последствия выражаются в увеличении количества отпусков по болезни и снижении показателей эффективности деятельности и производительности труда.

В каждом трудовом коллективе всегда есть место трениям, недовольству, противоречивым мнениям и интересам, а значит, в межличностных отношениях конфликты и эмоциональное давление почти неизбежны. Практически в любой организации имеются объективные рассогласования интересов между разными людьми и подразделениями, что определённым образом сказывается на состоянии социально-психологического климата в коллективе.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современном мире при быстром темпе развития социальных отношений, своевременность и правильность принятия управленческого решения во многом зависит от того, насколько эффективно организована работа персонала. Поэтому для обеспечения эффективной работы организации необходимо создать благоприятный социально-психологический климат в трудовом коллективе, свести к минимуму количество конфликтных ситуаций и уровень негативного эмоционального давления на сотрудников.

Целью настоящего исследования явилось изучение predispositions работников к конфликтному поведению, социально-психологического климата и эмоционального давления на сотрудников в трудовом коллективе в рамках конкретной организационной структуры.

Исследование проводилось в трудовом коллективе одной из организаций г. Кемерово. В нём приняло участие 19 человек, из них 14 (73,8 %) женщин и 5 (26,3 %) мужчин (рисунок 1). Возрастной состав членов рассматриваемого коллектива следующий: 21,1% (четверо) – моложе 30 лет, 36,8 % (семеро) – от 30 до 39 лет, 26,3 % (пятеро) – от 40 до 49 лет и 15,8 % (трое) – старше 50 лет (рисунок 2). Образование у всех среднее специальное или высшее.

Рис. 1. Распределение членов исследуемого коллектива по полу

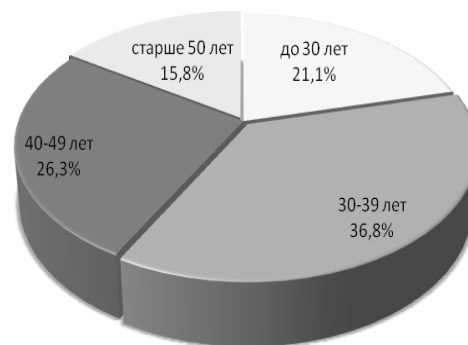

Рис. 2. Распределение членов исследуемого коллектива по возрасту

При выявлении напряжённости социально-психологического климата использовалось лонгитудное наблюдение. Для определения predispositions личности к конфликтному поведению была применена методика К. Томаса [7], а для диагностики самооценки мотивации одобрения – тест Д. Марлоу и Д. Крауна [7]. В целях оценки восприятия сотрудниками социально-психологического климата использовался «Вопросник исследования психосоциальных условий рабочей среды и уровня стресса» (PWSQ). Эта анкета содержит ряд вопросов, направленных на измерение оценки психосоциальных факторов условий труда, а также стрессовых реакций [8]. Для измерения воздействия эмоционального давления использовался контрольный список, основанный на «Вопроснике негативных действий» (NAQ) [10]. Статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием коэффициента корреляции Спирмена и t-критерия Стьюдента [5].

В результате проведенного наблюдения выяснилось, что социально-психологический климат в исследуемом трудовом коллективе имеет некоторую напряжённость. Многие сотрудники считают, что делают некоторые виды работ, которые не входят в их функциональные обязанности, и не получают должного вознаграждения за свой труд, но недовольство этим проявляют только в своем кругу. Отсюда зреет недовольство, которое накапливается и периодически выплескивается друг на друга.

По результатам изучения стратегий поведения, которые используют члены данного трудового коллектива, было установлено, что респонденты используют в своей деятельности практически все стратегии поведения. Но наибольшее количество баллов у большинства респондентов (14 из 19) приходится на тактику избегания, а наименьшее количество баллов набрала тактика соперничества (таблица 1).

Результаты теста «Диагностика самооценки мотивации одобрения» выявили у 12 из 19 человек высокие показатели (от 13 баллов), что говорит о довольно высокой потребности в одобрении у большинства респондентов (таблица 2).

Анализ ранговой корреляции по Спирмену показателя стратегии избегания и стремления к одобрению показал, что между выбором индивидами стратегии избегания и их стремлением к одобрению имеется корреляционная зависимость (при $p \leq 0,01$). Следовательно, можно сказать, что высокая потребность в одобрении у членов данного коллектива ведёт к формированию у них избежательной тактики поведения в конфликтной ситуации, способствующей накоплению негативных эмоций и взаимных обид. Всё это негативно отражается на социально-психологическом климате коллектива.

По результатам оценки восприятия сотрудниками социально-психологического климата и уровня эмоционального давления, 2 человека из 19 участников исследования (10,5 %) указали, что они под-

вергались эмоциональному давлению хотя бы 2 – 3 раза в месяц (эмоционально угнетаемые работники). Кроме того, большинство сотрудников отметили, что были свидетелями эмоционального давления на кого-либо из своих коллег (таблица 3). Не выявлено достоверных различий в уровне эмоционального давления в зависимости от пола ($p=0,567$) или возраста ($p=0,897$).

Результаты исследования также показали, что лица, испытывавшие высокий уровень эмоционального давления, проявили значительно больше психологических признаков стресса ($p < 0,001$) и хронической усталости ($p < 0,001$), а также психосоматических симптомов ($p < 0,001$) (таблица 4).

Таблица 1

Результаты диагностики членов исследуемого коллектива по методике Томаса

№ испытуемого	Соперничество	Сотрудничество	Компромисс	Избегание	Приспособление
1.	6	7	8	6	3
2.	0	5	8	9	8
3.	1	7	8	9	5
4.	5	1	7	11	6
5.	4	6	5	12	3
6.	4	6	6	10	4
7.	1	7	4	10	8
8.	2	6	9	9	4
9.	1	7	8	9	5
10.	5	7	5	8	5
11.	5	1	9	10	5
12.	1	6	6	10	7
13.	0	5	8	8	9
14.	2	4	8	11	5
15.	4	6	5	12	3
16.	3	10	4	8	5
17.	5	1	9	10	5
18.	6	7	8	6	3
19.	4	6	4	6	10

Таблица 2

Результаты диагностики членов исследуемого коллектива по методике Марлоу и Крауна

№ испытуемого	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19
Мотивация одобрения (баллы)	10	14	13	11	14	16	18	17	9	14	13	7	15	19	9	14	9	8	15

Таблица 3

Доля членов исследуемого коллектива, подтвердивших наличие эмоционального давления, %

	<i>Никогда/ редко</i>	<i>2 – 3 раза в месяц</i>	<i>2 – 3 раза в неделю</i>	<i>Почти каждый день</i>	<i>Всего</i>
Подвергались ли Вы эмоциональному давлению на Вашем рабочем месте в течение предыдущих шести месяцев?	89,5	10,5	0,0	0,0	100
Были ли Вы свидетелем издевательств над кем-либо в Вашем трудовом коллективе в течение предыдущих шести месяцев?	31,6	63,2	5,2	0,0	100

Что касается факторов производственной среды, существенные различия между сотрудниками, испытывавшими эмоциональное давление, и их коллегами были обнаружены в оценке производственного контроля ($p=0,008$). Эмоционально угнетаемые работники также отметили большую неясность и противоречивость производственных задач ($p<0,001$) и оценили стиль управления как более авторитарный и менее демократичный ($p<0,001$) (таблица 5). Со-

трудники, на которых оказывалось эмоциональное давление, отмечали также недостаточное получение необходимой в работе информации от своих непосредственных начальников. Кроме того, эти работники сообщали, что у них был серьезный конфликт с начальником, который не был разрешен конструктивно.

Таблица 4

Связь между воздействием эмоционального давления и проявлением хронической усталости, психологических и психосоматических симптомов стресса

	<i>Не угнетаемые эмоционально люди (ср. знач.)</i>	<i>Эмоционально угнетаемые люди (ср. знач.)</i>
Хроническая усталость	1,3±1,35	2,5±1,34***
Психологический стресс	1,8±0,69	3,0±1,12***
Психосоматические симптомы	1,9±0,58	2,7±1,19***

*** $p<0,001$ в сравнении с не угнетаемыми эмоционально людьми. Все показатели оценивались по шкале 0–5.

Таблица 5

Оценка психосоциальных факторов рабочей среды угнетаемыми и не угнетаемыми эмоционально сотрудниками

<i>Социально-психологические факторы</i>	<i>Не угнетаемые эмоционально люди (ср. знач.)</i>	<i>Эмоционально угнетаемые люди (ср. знач.)</i>
Производственные требования	2,1±1,45	2,5±1,55
Рабочая нагрузка	2,0±1,40	2,0±1,57
Производственный контроль	1,9±1,63	2,9±1,51**
Влияние на производство	3,9±1,39	4,2±1,30
Стиль управления	2,2±1,50	3,9±1,19***
Чёткость функций	1,4±1,54	2,9±1,56***
Социальные контакты	0,9±1,11	2,0±1,77***
Социальный климат	1,2±1,60	2,6±1,78***
Развитие личности	2,9±1,94	3,6±1,90
Значимость работы	2,0±1,63	3,8±1,46***

** $p<0,01$, *** $p<0,001$ в сравнении с не угнетаемыми эмоционально людьми. Все показатели оценивались по шкале 0–5.

Эмоционально угнетаемые сотрудники, в сравнении со своими коллегами, определили свою работу как менее значимую ($p<0,001$) и не способ-

ствующую развитию личности ($p=0,06$). Они также хуже оценивали социальные контакты ($p<0,001$) и отзывались о климате в коллективе гораздо более

негативно ($p < 0,001$), чем не испытывающие эмоционального давления работники (таблица 5).

Таким образом, полученные результаты в целом подтверждают выводы некоторых других исследователей, которые показали, что стратегия поведения индивидов влияет на социально-психологический климат трудового коллектива. Кроме того, можно говорить о том, что эмоционально угнетаемые сотрудники проявляют больше психологических признаков стресса и хронической усталости, а также психосоматических симптомов, чем работники, на которых не оказывается эмоциональное давление. Полученные результаты согласуются также с предыдущими исследованиями в том плане, что эмоционально угнетаемые сотрудники, оценивают психосоциальные условия работы более негативно, чем их коллеги. Особенно это касается стиля управления, чёткости функций, социального климата и значимости работы. Все эти факторы, по мнению большинства исследователей, сказываются на показателях эффективности деятельности организации и производительности труда работников.

Полученные результаты показывают, что стиль управления может прямо или косвенно внести свой вклад в высокий уровень эмоционального давления, т. е. руководитель отдела несёт определённую ответственность за неблагоприятный социально-психологический климат и возникновение конфликтных ситуаций в организации. Однако наши результаты пока не позволяют утверждать это однозначно. Можно предположить, что плохая оценка управления вызвана большим уровнем межличностной агрессии или напряжённости между сотрудниками в трудовом коллективе.

Нельзя также однозначно говорить о том, почему эмоционально угнетаемые сотрудники оценивают условия своей работы более негативно, чем их коллеги. Одним из возможных объяснений является то, что сотрудники, которые считают, что к ним плохо относятся коллеги или руководство, более негативно воспринимают и другие факторы рабочей среды, поскольку постоянно испытывают высокий уровень негативного эмоционального воздействия. Кроме того, эмоционально угнетённым работникам может оказаться более трудным воспользоваться возможностями, предоставляемыми рабочей ситуацией, например для налаживания социальных контактов, профессионального роста и личного развития.

Эмоциональное давление может быть связано с высокими требованиями к работе и авторитарными и неконструктивными стилями управления. Неэффективность управления в отношении решения конфликтных вопросов, вполне вероятно, может приводить к формированию негативного социально-психологического климата и высокого уровня эмоционального давления в трудовом коллективе.

Практика показывает, что бесконфликтному взаимодействию руководителей с подчинёнными, формированию благоприятного социально-психологического климата способствуют следующие условия: психологический отбор специалистов

в организацию; стимулирование мотивации к добросовестному труду; справедливость и гласность в деятельности организации; учёт интересов всех лиц, которых затрагивает управленческое решение; своевременное информирование людей по важным для них проблемам; снятие социально-психологической напряжённости путём проведения совместного отдыха, в том числе с участием членов семей; организация трудового взаимодействия по типу «сотрудничество»; оптимизация рабочего времени управленцев и исполнителей; уменьшение зависимости работника от руководителя; поощрение инициативы, обеспечение перспектив роста; справедливое распределение нагрузки между подчинёнными [6] и т. д.

Литература

1. Гришина, Н. В. Психология конфликта: учебник / Н. В. Гришина. – М.: Наука, 2006.
2. Дмитриев, А. В. Конфликтология / А. В. Дмитриев. – М.: Дело, 2005.
3. Кричевский, Р. Л. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. – 152 с.
4. Кураков, Л. П. Экономико-юридический словарь / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков. – Чебоксары: ЧГУ, 2000. – 722 с.
5. Математические методы: учебно-методическое пособие / сост. В. И. Иванов; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Кемерово, 2006. – 80 с.
6. Самоукина, Н. В. Психология профессиональной деятельности / Н. В. Самоукина. – СПб.: СПбГУ, 2003.
7. Чуреев, В. Д. Практикум по конфликтологии / В. Д. Чуреев. – СПб: Питер, 2003. – 400 с.
8. Agervold, M. Sporgeskema til psykosocialt arbejdsmiljø-kortlægning og cendring. (The Psychosocial Work Environment and Stress Questionnaire (PWSQ)) / M. Agervold. – Copenhagen: The Danish Work Environment Fund, 1998.
9. Einarsen, S. Harassment and bullying at work: A review of the Scandinavian approach / S. Einarsen // Aggression and Violent Behavior: A Review Journal. – 2000. – 5. – P. 371 – 401.
10. Einarsen, S. Harassment in the workplace and the victimization of men / S. Einarsen & B.I. Raknes // Violence and Victims. – 1997. – № 12. – P. 247 – 263.
11. Einarsen, S. Individual effects of exposure to bullying at work / S. Einarsen & E.G. Mikkelsen // In S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf, & C. L. Cooper (Eds.), Bullying and Emotional Abuse in the Workplace, International Perspectives in Research and Practice – London: Taylor & Francis, 2003. – P. 3 – 30.
12. Hoel, H. The experience of bullying in Great Britain: The impact of organizational status / H. Hoel, C. L. Cooper & B. Faragher // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2001. – № 10. – P. 443 – 465.
13. Hoel, H. Workplace bullying / H. Hoel, C. Rayner & C. L. Cooper // International Review of

Industrial and Organizational Psychology. – 1999. – № 14. – P. 195 – 230.

14. Keashly, L. By any other name: American perspectives on workplace bullying / L. Keashly & K. Jagatik // In S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf, & C. L. Cooper (Eds.), *Bullying and Emotional Abuse in the Workplace. International Perspectives in Research and Practice*. – London: Taylor & Francis, 2003. – P. 31 – 61.

15. Leymann, H. The content and development of mobbing at work / H. Leymann // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 1996. – № 5. – P. 165 – 184.

16. Mikkelsen, E. G. Bullying in Danish work-life: Prevalence and health correlates / E. G. Mikkelsen & S. Einarsen // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2001. – № 10. – P. 393 – 413.

17. Niedl, K. Mobbing and well-being: Economic and personal development implications / K. Niedl // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 1996. – № 5 (2). – P. 239 – 249.

18. Rayner, C. Workplace Bullying / C. Rayner, H. Hoel & C. L. Cooper. – London: Taylor & Francis, 2002.

19. Vartia, M. Consequences of workplace bullying with respect to the well-being of its targets and the observers of bullying / M. Vartia // *Scandinavian Journal of Work Environment and Health*. – № 27(1). – P. 63 – 69.

20. Zapf, D. Bullying in the workplace: Recent trends in research and practice—an introduction / D. Zapf & S. Einarsen // *European Journal of Work and Organizational Psychology*. – 2001. – № 10. – P. 369 – 373.

УДК 316.42:35

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ И ПРОБЛЕМЫ, СОПРОВОЖДАЮЩИЕ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЮ

Е. В. Филатова

PERSONNEL POLICY OF SOCIAL SERVICES AND THE PROBLEMS ACCOMPANYING ITS REALIZATION

H. V. Filatova

В статье рассматриваются актуальные направления кадровой политики муниципальных учреждений социальной защиты населения. Представлены результаты исследования ведущих принципов и методов реализации кадровой политики социальных служб.

In the article actual directions of personnel policy of municipal establishments of social protection of the population are considered. The results of research of leading principles and methods of realization of personnel policy of social services are presented.

Ключевые слова: учреждения социальной защиты населения, актуальные направления кадровой политики, принципы и методы кадровой политики.

Keywords: social partnership, directions and forms of social partnership, professional training, practical oriented activity.

Кадровая политика определяет философию и принципы, реализуемые руководством в отношении человеческих ресурсов. Нередко при широком понимании кадровой политики необходимо обращать внимание на особенности реализации властных полномочий и стиля руководства. Назначение кадровой политики – своевременно формулировать цели в соответствии со стратегией развития организации, ставить проблемы и задачи, находить способы и организовывать достижение целей. Поэтому в учреждениях социальной защиты важное значение придается выработке и реализации принципов и методов реализации кадровой политики [2; 4].

В нашем исследовании принципов и методов кадровой политики учреждений социальной защиты населения мы использовали методику, разработанную В. И. Башмаковым [3], что позволило оценить динамику изменений направлений, принципов и методов кадровой политики. В исследовании приняли участие директора (12 человек) муниципальных учреждений социальной защиты населения города.

В первой части анкеты испытуемым предлагалось оценить актуальность направлений кадровой политики (в баллах) и степень реализации этих направлений в их учреждении (в процентах). В результате анкетирования мы выделили:

– группу направлений с наиболее высоким баллом (от 8 баллов и выше);

– группу направлений со средним баллом (от 5,5 до 7,9),

– группу направлений со сравнительно низким баллом (до 5,4).

В 1990 г. в первый десяток наиболее актуальных направлений вошли следующие: стимулирование труда, профессиональный отбор и расстановка кадров, социальные аспекты экономических и организационных нововведений, профессиональное обучение кадров, формирование коллектива, социальные проблемы выхода на пенсию, условия труда. В 2009 половина из этих проблем сместилась на более низкие ранговые позиции, но зато актуализировались другие проблемы, которые описаны ниже.

В 2009 году наиболее высокие баллы выявились у следующих направлений:

- стимулирование труда (9,25 балла);
- профессиональный отбор и расстановка кадров (9,25 балла);
- профессиональное обучение кадров (8,38 балла).

В группу со средними баллами (74 % от всех направлений) нами отнесены следующие направления:

- социально-психологический климат коллектива;
- социальные аспекты труда молодежи;
- информированность коллектива;
- трудовая мораль и профессиональная этика;
- наставничество;
- взаимодействие с внешними организациями;
- социальная защита работников;
- профессионально-должностное продвижение работников;
- воспитательная работа на предприятии;
- условия труда;
- формирование трудового коллектива;
- социальные проблемы труда женщин;
- организация досуга работников.

В группу с низкими баллами (15 % от всех направлений) мы включили следующие направления:

- высвобождение и трудоустройство работников (5 балла);
- текучесть кадров (4,75 балла);
- бригадная организация труда работников (4,38 балла);
- трудовые конфликты (3,75 балла).

Первое место во всех исследованиях занимает стимулирование труда (9,25 баллов – 2009 год, 9,33 баллов – 2003 год, 9,29 баллов – 1990 год), под которой респонденты прежде всего понимают оплату труда и другие формы материального вознаграждения. Необходимость и ограниченные возможности повышения оплаты труда в учреждениях, финансируемых из бюджета, была и остается острой проблемой. Также на первом месте в 2009 году находится профессиональный отбор и расстановка кадров (9,25). Как и в исследованиях В. И. Башмакова, данное направление входит в пятерку наиболее значимых. «Хотя полученные оценки отражают в известной мере профессиональный интерес респондентов, они тем не менее имеют и объективное основание – кадры, как и раньше, «решают все», интерес к ним не ослабевает» [3].

Логичным представляется, что за профессиональной расстановкой кадров в 2009 году актуальной выдвигается профессиональное обучение кадров (8,38 баллов – 2 ранговое место). На наш взгляд, это особенность учреждений социальной защиты обоснована молодостью профессиональной деятельности, с одной стороны, и уходом профессионалов в другие сферы из-за низкой оплаты труда – с другой.

Ранговое место формирования социально психологического климата коллектива в 2009 году

(7,88 балла) значительно выше, чем в 2003 (7 место – 8,17 балла) и 1990 (9 место – 8,14 балла) годах, при этом формирование коллектива в 2009 году занимает 15 место (6,13 балла), а в 1990 – пятое (8,57 балла) и 8 – в 2003 году. Разница между этими близкими понятиями в 2009 составила 1,25 балла, а в 2003 году – всего 0,25 балла. Башмаков В. И. объясняет актуальность этого направления тем, что к администрированию приходит все большее количество прагматически ориентированных, «жестких» молодых специалистов, не имеющих необходимых социальных знаний, навыков и опыта социального взаимодействия. Нацеленные прежде всего на задачу они всякую «психологию» рассматривают, скорее, как помеху. Известная коммерциализация отношений и рост конкуренции за право занятия более выгодного статуса в организации, неизбежные в условиях перехода к рынку. Коммерциализация отношений и конкуренция приводят к дополнительной психологической напряженности в коллективах [3].

На пятом месте (7,5 балла) в 2009 году находится решение социальных проблем труда молодежи. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что уже в настоящее время в учреждениях социальной защиты существует дефицит не просто квалифицированных кадров, а кадров как таковых. Средний возраст сотрудников учреждений колеблется от 40 до 46 лет. Исходя из этого, респонденты предполагают, что если в ближайшие несколько лет молодых специалистов будет также мало, то через десять лет в учреждении просто будет некому работать, так как основной состав выйдет на пенсию. Актуально же это направление потому, что заработная плата молодого специалиста не намного превышает прожиточный минимум, что также снижает востребованность данной профессии.

Продолжает оставаться достаточно актуальным (7 место – 7,25 балла) направление информированности трудового коллектива, более того, по сравнению с 2003 годом оно стало более острым, так как в 2003 году это направление оценивалось в 7,67 балла и занимало 9 место. Управленческий корпус продолжает оставаться закрытой группой, не склонной делиться с коллективом не только стратегическими планами, но и текущей информацией о функционировании организации. Оправдывается это обычно отсутствием времени или даже необходимости это делать. Вполне очевидно, что не информированный работник не может полностью включиться в дела своей организации и работать в коллективе, в результате чего оказывается неиспользованным потенциал социальной активности человека.

На восьмом месте в 2009 году – два направления: наставничество и соблюдение трудовой морали и профессиональной этики (7,13 балла). На наш взгляд, то, что эти два направления занимают одинаковые ранговые позиции, может служить доказательством тому, что соблюдение профессиональной этики прослеживается не только на официальном уровне, но и на уровне нерегламентированных норм, передающихся от «поколения к поколению».

На девятом месте в 2009 году - такое направление, как взаимодействие с внешними организациями и социальная защита работников (7 баллов). При этом, по сравнению с предыдущими годами, актуальность взаимодействия с внешними организациями значительно возросла: в 1990 году – 15 место (6,43 балла) и в 2003 году – 23 место (8,08 балла). Данное направление актуально, потому что работники учреждений социальной защиты по роду своей деятельности взаимодействуют не только друг с другом, но и с учреждениями здравоохранения, образования, культуры и т.д. Что же касается социальной защиты работников, то актуальность также возросла: 1990 год – 10 место (7,56 балла), 2000 – 10 место (7,67), но при этом также снизился средний балл. Это может быть объяснено тем, что в настоящее время государство выплачивает работникам различные пособия, а также сейчас активно развиваются другие направления социальной защиты.

На десятом месте такое направление, как профессионально должностное продвижение работников (6,88 балла). По сравнению с 2003 годом, ранговое место данного направления не изменилось, но при этом снизился средний балл оценки актуальности данного направления: в 1990 году он был 8,29 балла, в 2003 – 7,5 балла, а в 2009 – 6,88.

Воспитательная работа на предприятии занимает двенадцатое место (6,5 балла), в то время как в 2003 году она занимала 22 место (5,33 балла). На наш взгляд, это может быть связано со спецификой деятельности учреждений социальной защиты, с одной стороны, а с другой – данное направление могло быть воспринято респондентами не как направление кадровой политики, а как один из методов её реализации.

На тринадцатой позиции находится два направления: условия труда и решение социальных проблем труда женщин (6,25 балла). На наш взгляд, равное оценивание этих двух направлений связано с тем, что в учреждениях социальной защиты в основном работают женщины, что объясняет прямую зависимость между этими двумя направлениями. Также отметим, что актуальность условий труда снизилась по сравнению с 2003 годом (4 ранговое место и 8,75 балла), возможно, это связано с тем, что в городе активно развиваются новые технологии работы с населением, что значительно улучшило условия труда. При этом социальные проблемы труда женщин сегодня более актуальны, чем были в 1990 и 2003 годах – тогда это направление занимало 12 ранговое место (7,14 балла) и 20 ранговое место (5,75 балла) соответственно.

На четырнадцатом ранговом месте в 2009 по результатам анкетирования находятся следующие направления: формирование трудового коллектива и организация досуга работников (6,13 балла). В 1990 году формирование коллектива занимало пятое ранговое место (8,57 балла), в 2003 – восьмое (7,92 балла), заметно снижение актуальности данного направления, это можно объяснить тем, что в настоящее время уже не так привлекателен коммерческий сектор, потому что занятость в государственном

секторе, в отличие от коммерческого, гарантированно защищает своих работников в случае нетрудоспособности, хотя и не дает такие высокие заработки.

Формирование коллектива, а точнее, то, каким будет коллектив, зависит от того, какой в коллективе социально-психологический климат, в связи с этим предполагается, что эти два направления должны если не иметь одинаковые ранговые позиции, то хотя бы находиться рядом. По результатам нашего исследования эти направления разделяют 10 ранговых позиций. Мы можем объяснить это тем, что в настоящее время в учреждениях социальной защиты населения коллектив уже в достаточной мере сформирован, это подтверждают цифры из колонки «степень реализации направления» – 69,5 %. Можно предположить, что на сегодняшний момент важно, чтобы в коллективе учреждения был благоприятный психологический климат, чтобы обеспечить сохранность и стабилизацию коллектива. Но данное предположение опровергает тот факт, что стабилизация коллектива занимает одиннадцатое ранговое место. Как было отмечено выше, это может служить доказательством разбросанности по данным направлениям, что может негативно сказываться не только на результатах деятельности по оказанию социальных услуг населению, но и на престиже профессии и сферы деятельности. Отметим, что и в 1990 и в 2003 годах организация досуга работников также находилось на последних ранговых местах: пятнадцатое (6,43 балла) и девятнадцатое (5,83 балла).

Также низко оценивается актуальность такого направления, как высвобождение и трудоустройство работников: 2009 год – пятнадцатое место (5 баллов), 2003 – семнадцатое (6,25 балла) и 1990 – одиннадцатое (7,42 балла), при этом стабильно снижается балл, которым оценивается данное направление.

Заметно снизилась, по сравнению с 2003 г. актуальность направления «уменьшение текучести кадров» – шестнадцатое место (4,75 балла), в 2003 году это направление занимало третье место (8,83 балла). Результаты исследования 2009 года ближе к результатам 1990 года, когда это направление занимало восемнадцатое место (3,71 балла).

На предпоследнем месте в настоящее время, как и в 2003 году (5,08 балла), находится бригадная организация труда рабочих (4,38 балла), при этом в 1990 году данное направление также занимало одно из последних ранговых мест (3,29 балла).

На последнем месте по результатам исследования находится профилактика трудовых конфликтов (3,75 балла). По сравнению с 2003 годом, актуальность данного направления значительно снизилась, тогда оно занимало девятое ранговое место (7,67 балла), а в 1990 году это направление занимало пятнадцатое место, но при этом имело более высокий балл – 6,14 балла.

В таблице 1 представлены наиболее и наименее актуальные направления кадровой политики за 1990, 2003 и 2009 годы. Из таблицы 1 видно, что такие направления, как стимулирование труда, профес-

сиональный отбор и расстановка кадров, профессиональное обучение кадров остаются актуальными уже более 15 лет, при этом у них стабильно высокие

баллы, которые остаются сравнительно одинаковыми.

Таблица 1

Сравнение наиболее и наименее актуальных направлений кадровой политики (по годам)

2009		2003		1990	
Наиболее актуальные направления кадровой политики (по годам)					
направление	балл	направление	балл	направление	балл
Стимулирование труда, профессиональный отбор и расстановка кадров	9,25	Стимулирование труда	9,33	Стимулирование труда	9,29
Профессиональное обучение кадров	8,38	Мотивация труда	9,08	Профессиональный отбор и расстановка кадров	9,28
Социально-психологический климат коллектива	7,88	Профессиональный отбор и расстановка кадров, уменьшение текучести кадров	8,83	Социальные аспекты экономических и организационных нововведений	9,14
Социальные аспекты внедрения новых технологий	7,88	Условия труда	8,75	Профессиональное обучение кадров	8,86
Наименее актуальные направления кадровой политики (по годам)					
направление	балл	направление	балл	направление	балл
Профилактика трудовых конфликтов	3,75	Бригадная организация труда. Взаимодействие с внешними организациями.	5,08	Бригадная организация труда	3,29
Бригадная организация труда	4,38	Воспитательная работа на предприятии	5,33	Уменьшение текучести кадров	3,71
Уменьшение текучести кадров	4,75	Наставничество	5,67	Наставничество	4,29
Высвобождение и трудоустройство работников	7,42	Социальные проблемы труда женщин	5,75	Отношение к труду	5,14

Исходя из таблицы 1, можно отметить, что те направления, которые занимали последние ранговые места в 2003 году, также низко оцениваются и в настоящее время. Именно эти направления отвечают за такие механизмы, как повышение значимости работы, также низко оценивается такое направление как профессионально-должностное продвижение работников, которое также является одним из механизмов мотивации, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Вторая часть нашего исследования была посвящена принципам и методам кадровой политики. Так как цели деятельности у учреждений социальной защиты разные, респондентам было предложено отметить актуальные принципы, общие для всех учреждений социальной защиты и для своего учреждения в частности. Результаты представлены в таблице 2.

Как видно из таблицы 2, все респонденты считают актуальным принцип профессионализма и компетенции. Также из данных, представленных в таблице 2, видно, что 50 % респондентов отметили важность принципа «принцип эффективности рабо-

ты персонала» и «принцип подбора кадров». При этом для своего учреждения более актуальным респонденты отмечают принцип эффективности персонала и меньшее количество респондентов отметили принцип подбора персонала в соответствии с занимаемой должностью. На наш взгляд, это связано с тем, что принцип эффективности подразумевает увеличение усилий самого персонала учреждения, а принцип подбора кадров требует профессионализма уже от руководителя.

На одном из последних мест по актуальности для всех учреждений социальной защиты находится «принцип адаптации» к новым условиям деятельности (33,3 %). При этом актуальность данного принципа для своего учреждения отметили половина опрошенных (50 %).

Двадцать пять процентов респондентов считают актуальным для всех учреждений социальной защиты принцип ротации кадров, позволяющий обеспечить преемственность в деятельности, при этом актуальность этого принципа для своего учреждения отметили 33,3 % респондентов.

Таблица 2

**Принципы кадровой политики,
актуальные для муниципальных учреждений социальной защиты населения (%)**

<i>Принцип</i>	<i>Актуален для всех учрежде- ний</i>	<i>Актуален для «своего учрежде- ния»</i>
Принцип разделения труда	0	8,33
Принцип соблюдения дисциплины	41,7	16,7
Принцип профессионализма и компетентности персонала	100	91,7
Принцип согласования личных и общественных интересов	16,7	8,33
Принцип устойчивости состава персонала	16,7	33,3
Принцип адаптации к новым условиям деятельности	33,3	50
Принцип эффективности работы персонала	50	58,3
Принцип подбора кадров в соответствии с предназначенной должностью	5	33,3
Принцип планирования в использовании кадровых ресурсов	41,7	25
Принцип ротации кадров, позволяющий обеспечить преемственность в деятельности	25,	33,3
Принцип состязательности и конкурентности	0	16,7
Принцип стимулирования высококачественной деятельности	41,7	66,7
Принцип воспитания, связанный с ответственностью за выполнение служебного долга и уважением к законам государства	41,7	50

16,7 % респондентов отметили актуальность принципа согласования личных и общественных интересов и принципа устойчивости состава персонала. Следует отметить, что для своего учреждения только лишь 8,33 % респондентов посчитали актуальным принцип согласования личных и общественных интересов. Следует отметить, что, по исследованиям И. Ф. Албеговой, ведущими мотивами выбора специальностей «социальная работа» респонденты-учащиеся назвали «желание помочь людям», а также «стремление общаться с людьми» [1, с. 80], то есть молодые специалисты, приходя на работу в социальные учреждения, и не стремятся к огромным заработкам, но этот факт не учитывается руководителями учреждений, и они фактически не только не заботятся о том, чтобы в своей профессиональной деятельности работники реализовывали свои интересы, но даже не стремятся использовать эти стремления работников для целей учреждения.

Если же говорить о принципе состава персонала, то для своего учреждения 33,3 % респондентов считают этот принцип актуальным, при этом (как уже было отмечено выше) только 16,7 % респондентов считают этот принцип актуальным для всех учреждений социальной защиты. Реальная практика «увода» специалистов из других учреждений доказывает, что для своего учреждения постоянный состав важен. А для другого, равнозначного, – нет.

Не считают актуальными для учреждений социальной защиты принцип разделения труда и принцип состязательности и конкурентности. Но актуальность данных принципов для своего учреждения отмечают 8,33 % и 16,7 % респондентов соответственно. Причиной последнего является то, что в некоторых учреждениях существует система подсчета трудозатрат сотрудников и отделений, которая фак-

тически реализует эти принципы. Так, выше оцениваются трудозатраты, которые направлены на разделение труда социальных работников отделения надомного обслуживания и диспетчерской службы, также в учреждениях существует негласное соревнование между отделениями за наиболее высокий балл [8].

Следует отметить, что для своих учреждений респонденты самым актуальным считают принцип стимулирования качественной деятельности (66,7 %), который для всех учреждений социальной защиты является только третьим. На втором месте находится принцип эффективности работы персонала (66,7 %), на третьем – принцип адаптации к новым условиям деятельности и принцип воспитания ответственности за выполнение служебного долга.

Результаты изучения методов реализации кадровой политики представлены в таблице 3. Так как количество выборов не было ограничено, при представлении количества выборов в процентах, за сто процентов бралась сумма ответов. В данном вопросе она составила 24.

Таблица 3

**Наиболее действенные методы реализации
кадровой политики муниципальных учреждений
социальной защиты населения**

<i>Методы</i>	<i>Ранговое место</i>	<i>Кол-во выбо- ров (в %)</i>
Административные методы	1	37,5
Экономические	2	29,2
Социально-психологические	3	20,8
Морально-этические	4	12,5
Правовые		0

Как видно из таблицы 3, наиболее действенными респонденты считают административные методы (37,5%), которые реализуются в установлении норм принятия решений и контроле за их осуществлением. На втором месте – экономические методы (29,2 %). На третьем месте находятся социально-психологические методы (20,8 %) – способы воздействия на сознание и поведение персонала, нацеленное на создание деловой обстановки, творческое отношение к делу. На последнем месте находятся морально-этические методы (12,5 %). Любопытно, что ни один из респондентов не отметил правовые методы, что показывает ограниченность и неполное использование всего арсенала методов воздействия на персонал. Это в значительной степени снижает эффективность управления. Также на первых местах находятся те группы методов, которые являются традиционными. Это дает и положительный, и отрицательный эффекты: положительный заключается в том, что результат применения этих методов известен и гарантирован, а отрицательный – в том, что руководители не ищут новых путей воздействия на персонал, которые могут быть более эффективными и менее затратными с материальной точки зрения.

Отвечая на вопрос о методах набора персонала, большинство респондентов 41,2 % (таблица 4) ответили, что при подборе персонала ориентируются на привлечение высококвалифицированных специалистов с предложением им более выгодных условий.

Таблица 4

Способы набора персонала в муниципальных учреждениях социальной защиты населения

<i>Способ</i>	<i>Кол-во выборов (в %)</i>
Привлечение выпускников профессиональных учебных заведений различных уровней	35,2
Ориентация на высококвалифицированных специалистов	41,2
Привлечение безработных и выпускников общеобразовательных школ	11,8
Другие способы: «ярмарки вакансий КГЦЗН», «через ГЦЗН»	11,8

Из таблицы 4 видно, что на втором месте ориентация на выпускников учебных заведений соответствующего профиля (35,2 %). При этом следует отметить, что средний возраст работников данной сферы в городе Кемерово 40–45 лет [8].

Привлечение безработных и выпускников общеобразовательных школ занимает третье место (11,8 %). При этом следует отметить, что данный способ набора персонала относится к такой технологии работы, как волонтерство, которая имеет достаточно широкое распространение в тех комплексных центрах социального обслуживания, которые работают с клиентами, проживающими в частном секторе.

Также 11,8 % ответов на данный вопрос респонденты сформулировали сами (таблица 4), при этом

эти ответы фактически не отличаются от предложенных нами ответов, но при этом не позволяют судить о том на специалистов какого уровня ориентирован отбор персонала, так как на молодежную биржу труда обращаются и молодые специалисты, и выпускники школ, то же самое касается и биржи труда г. Кемерово: там на учете может стоять и выпускник профессионального училища, и опытный специалист.

Изучая формы обучения в учреждениях социальной защиты населения, мы получили следующие данные (табл. 5).

Таблица 5

Формы обучения персонала в муниципальных учреждениях социальной защиты населения

<i>Форма обучения</i>	<i>Кол-во выборов (в %)</i>
На рабочих местах	40
Участие в различных семинарах	26,7
В специализированных учебных центрах вне учреждения	20
Иные формы: «семинарские занятия на базе центра», «обучение в школе социального работника»	13,3
В учебном центре учреждения	0

Чаще всего (40 %) обучение происходит прямо на рабочем месте, это оправданно, так как при найме персонала руководители в большинстве случаев ориентируются на профессионалов. В большинстве случаев мы говорим об обучении новым технологиям работе с клиентами, которые на сегодняшний день внедряются в деятельность учреждений социальной защиты населения. На втором месте такая форма обучения, как участие в семинарах (26,7 %); в данном случае мы говорим о семинарах, посвященных обмену опытом между учреждениями социальной защиты города и области. На третьем месте (20 %) – обучение в специализированных учебных центрах вне учреждения. Данная форма занимает третью позицию, потому что, если мы говорим о получении дополнительного образования, в преобладающем большинстве случаев это происходит за счет работника и не компенсируется ему. Далее респонденты отметили такие формы, как обучение в школе социального работника, семинарские занятия на базе Центра. Следует отметить, что обе формы являются частным случаем предложенного нами ответа «в учебном центре предприятия».

Таким образом, анализ анкет позволяет сделать вывод, что руководство учреждений социальной защиты населения предпринимает попытки проанализировать причины негативного состояния в работе с персоналом и устранить их. С точки зрения механизмов, которые используются руководством, кадровая политика муниципальных учреждений социальной защиты вряд ли может быть отнесена к рациональному типу.

Анализ данных свидетельствует также, что руководство муниципальных учреждений социальной защиты населения делает ставку на проверенные

методы инструментов, скорее, принуждения, чем побуждения людей к труду, широкое применение различного рода санкций, чем на использование мотивационных механизмов акцентирования значимости профессиональной деятельности, профессиональный и квалификационный рост, одобрение за успехи и удовлетворение социальных запросов работников.

Также анализ анкет позволяет следующим образом описать кадровую политику муниципальных учреждений социальной защиты: цель кадровой политики муниципальных учреждений социальной защиты – создание стабильного, профессионального коллектива сотрудников, создание им условий для дальнейшего профессионального совершенствования и карьерного роста.

Литература

1. Албекова, И. Ф. Исследование мотивации социальных работников [Текст] / И. Ф. Албекова // СОЦИС. – 2005. – № 1. – С. 78 – 81.
2. Анисимов, В. М. Кадровая служба и управление персоналом: практическое пособие кадровика [Текст] / В. М. Анисимов // Центр кадрологии и эффективного персонал-менеджмента. – М.: Экономика, 2003. – 704 с.
3. Башмаков, В. И. Оценка актуальности направлений кадровой политики муниципальных учреждений [Текст] / В. И. Башмаков. – Режим доступа: URL: www.isras.ru.
4. Граждан, В. Д. Теория управления: учеб. пособие [Текст] / В. Д. Граждан. – М.: Гардарики, 2005. – 416 с.
5. Петров В. Н. Кадровая политика. Обучение. Повышение. Перемещение. Подготовка персонала [Текст] / В. Н. Петров. – М.: КАДРЫ, 2000. – 134 с.
6. Поварич, И. П. Теоретические и прикладные аспекты стимулирования труда / И. П. Поварич, М. В. Колмагоров: монография [Текст]. – Кемерово: ЮНИТИ ЛТД, 2002. – 221 с.
7. Шуваева, В. В. Непрерывное образование государственных (муниципальных) служащих [Текст] / В. В. Шуваева // Управление персоналом. – 2005. – № 8. – С. 32 – 36.
8. Хомякова, И. И. Мотивация и стимулирование труда социальных работников в КЦСОН [Текст] / И. И. Хомякова, Е. В. Филатова // Сборник трудов студентов и молодых ученых Кемеровского государственного университета, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Вып. 6. – Кемерово: Полиграф, 2005. – С. 359 – 360.
9. Ярская-Смирнова, Е. Р. Профессионализация социальной работы в России [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова // СОЦИС. – 2001. – № 5. – С. 86 – 95.

УДК 613.9(571.17)

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ТРАВМАТИЗМА НА ШАХТАХ КУЗБАССА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

А. В. Хорошилов, А. В. Тараканов

PRINCIPAL CAUSES OF TRAUMATISM AT KUZBASS MINES IN THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURIES

A. V. Khoroshilov, A. V. Tarakanov

Статья посвящена проблеме травматизации и гибели людей на шахтах Кузбасса. В ней рассматриваются основные причины травмирования и гибели шахтеров, дается характеристика крупнейших аварий, произошедших на шахтах Кузнецкого бассейна в конце XX – начале XXI вв., анализируются меры, применяемые руководством Кемеровской области для снижения количества чрезвычайных ситуаций в угольной промышленности и уменьшения числа пострадавших и погибших шахтеров, приводится опыт зарубежных стран.

The article is devoted to problem of traumatism of people at Kuzbass mines. Principal causes of traumatism and destructions of miners are considered, the characteristic of the largest breakdowns which occurred Kuznetsk basin in the end of XX – the beginning of the XXI centuries is given, the measures applied by the management of the Kemerovo region for decreasing of the quantity of emergency situations in the coal industry and reduction of number of victims and perished miners are analyzed, some experience of foreign countries is displayed.

Ключевые слова: Кузбасс, угольная промышленность, авария, чрезвычайная ситуация, травматизм.

Keywords: Kuzbass, the coal industry, breakdown, an emergency situation, traumatism.

Кузнецкий угольный бассейн является крупнейшим угольным месторождением в мире. На его долю приходится 56 % от общего объема российской добычи угля, в том числе 81 % особо ценных коксующихся марок, а балансовые запасы угля, подсчитанные до глубины 600 метров, составляют 60 млрд

тонн, из них 42,8 млрд тонн – коксующиеся [1, с. 3]. Площадь угленосных отложений составляет 26,7 тыс. кв.км. Кондиционные запасы каменного угля Кузбасса превышают все мировые запасы нефти и природного газа в пересчете на условное топливо в 7 раз и составляют около 695 млрд тонн [2,

с. 20], причем угли Кузнецкого бассейна представлены всеми технологическими группами и марками, от бурых углей до антрацитов. Основной же ценностью угольных запасов Кузбасса являются запасы малосернистого угольного коксового сырья абсолютно всех технологических групп и марок, используемых в коксохимической, металлургической и электродной промышленности.

В то же время угольная промышленность практически во всех развитых угледобывающих странах стоит в ряду самых неблагополучных по уровню производственного травматизма, смертности и профессиональных заболеваний. Согласно проведенному А. А. Цитко и Е. Б. Брусиной анализу удельного веса чрезвычайных ситуаций, приводящих к травматизации и гибели людей, на территории Кемеровской области в 1992 – 1996 гг. 53,07 % приходилось на аварии на угольных шахтах и разрезах, 35,58 % – на дорожно-транспортные происшествия и только 6,09% – на третьи по распространенности вспышки острых кишечных заболеваний, гепатита, псевдотуберкулеза и дифтерии. По их данным, удельный вес шахтовых травм в многолетней динамике достаточно стабилен и составляет от 51,4 % до 60,1 %, причем в среднем каждая 80-я травма сопровождается летальным исходом [3, с. 27]. И хотя число смертельных случаев в шахтах Кузбасса существенно уменьшилось, в 1994 году оно составляло 1,5 на 1 млн тонн угля, то в 2003 – 0,97 [1, с. 6], ряд крупных аварий на шахтах Кузнецкого бассейна, сопровождавшихся большим количеством погибших, составляет вопросы безопасности шахтерского труда одними из самых актуальных в Кузбассе.

Одной из основных проблем безопасности угольной промышленности в Кузбассе является высокая взрывоопасность, связанная с внезапными выбросами угля и газа, вспышками и взрывами метановоздушных смесей. Взрывы метана привели к трагедиям на шахтах «Первомайская», «Комсомолец», «Распадская», «Тайжина», «Есаульская», «Листвяжная» и др. Именно со взрывом метаноугольной пыли была связана одна из крупнейших чрезвычайных ситуаций на шахтах Кузбасса конца XX – начала XXI вв. Это произошедшая 1 декабря 1997 года авария на шахте «Зыряновская» (гор. Новокузнецк), унесшая жизни 67 шахтеров. Взрыв был такой огромной силы, что при взрыве на глубине 400 – 500 метров и температуре воздуха на поверхности в этот момент 8 – 13 градусов ниже нуля, в эпицентре она моментально поднялась до +20 градусов Цельсия [4, с. 174]. В работе по ликвидации чрезвычайной ситуации на шахте приняли участие губернатор Кемеровской области, Правительственная комиссия, заместитель министра здравоохранения Российской Федерации, министры здравоохранения, топлива и энергетики и МЧС, вице-премьер и премьер-министр Российской Федерации. А произошедшая 19 марта 2007 года авария на шахте «Ульяновская» привела к гибели 110 шахтеров. Протяженность горных выработок, подвергшаяся воздействию взрыва при этой катастрофе, составила около 5 километров [5, с. 26].

Высокая взрывоопасность Кузбасских шахт вызывается различными факторами. Во-первых, угольные пласты Кузнецкого бассейна содержат большее количество метана, чем аналогичные пласты в США, Австралии, Донбассе. Во-вторых, большинство угольных месторождений Кузбасса разрабатывается достаточно давно, а с увеличением глубины разработки угольных пластов резко увеличивается горное давление в очистных и подготовительных выработках, а следовательно, и газообильность. Так, на шахте «Распадская» на каждые 100 м увеличения глубины отработки метаноносность пластов в среднем возрастает на $3,5 \text{ м}^3/\text{т}$ и в 2005 году составляла около $15 \text{ м}^3/\text{т}$. [6, с. 27]. В-третьих, владельцы многих шахт стремятся проводить выработку угля как можно более ускоренными темпами, а при быстрой добыче угля количество выделяемого в подземную выработку газа возрастает. Вероятность вспышек метана или угольной пыли возможно уменьшить путем проветривания горных выработок, но в большинстве шахт оно продолжает осуществляться путем увеличения количества вентиляционных устройств, а не улучшения их качества, что приводит к снижению его надежности.

По мнению губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева, негативное воздействие на содержание метана в шахтах Кузбасса оказала неграмотно проведенная в 90-е годы реструктуризация угольной отрасли, при которой многие шахты «закрывали впопыхах, без нужного технического сопровождения – да попросту затапливали. Выходящие же из них воды и газы, растекаясь на километры окрест, просачивались на соседние действующие шахты, увеличивая тем самым риск аварий на них» [7, с. 3]. Добавим, что процесс затапливания шахт Кузбасса вызывал также неоднократные прорывы метана из-под земли, в том числе и в погреба жилых домов.

Очень важной причиной высокого травматизма в угольной промышленности Кузбасса, да и всей России, является высокий износ горно-шахтного оборудования, который к началу XX века составлял 60 – 70 %, а в ряде случаев и 90 % [2, с. 101]. На большинстве шахт отсутствуют передовые технические средства, связанные с обеспечением безопасности угольного производства: переносные приборы непрерывного действия для контроля содержания метана, углекислого и других газов и т. д., а также средства индивидуальной защиты: самоспасатели, более совершенные головные светильники, в том числе и с сигнализаторами метана, респираторы и другие средства. По данным начальника управления горного надзора Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору Российской Федерации В. Артемьева, в реконструкции нуждается 80 шахт Кузбасса. А для поддержания в работоспособном состоянии подъемных машин и главных вентиляторных установок требуется их ежегодная замена в количестве соответственно 40 и 20 штук, в то время как за первые 5 лет XXI века в среднем на угольных предприятиях замена этих главных стационарных машин производилась на уровне 1 – 2 штуки в год. На угольных предприяти-

ях Кузбасса практически прекратилось приобретение необходимых для дегазации буровых станков, штанг, вакуумных насосов, контрольно-измерительной аппаратуры, и в течение продолжительного периода времени не было введено в эксплуатацию ни одной стационарной дегазационной установки [6, с. 25].

С другой стороны, необходимо учитывать, что внедрение новейшей техники в шахтах, разработка угольных пластов, на которых идут десятилетия, приводит к резкому увеличению производительности труда, а следовательно, – темпов нагрузки на забой. Учитывая старую систему вентиляции на тех же шахтах, не справляющуюся с новыми мощностями, в ряде случаев именно новейшее оборудование может привести к резкому увеличению риска травматизма шахтеров.

Существенной причиной возникновения аварийных ситуаций на шахтах является безответственное отношение к своим должностным обязанностям как ИТР шахт, так и должностных лиц, осуществляющих надзор за безопасным ведением горных работ; сокрытие случаев обнаружения начальных признаков, указывающих на возникновение предаварийной ситуации и непринятие соответствующих профилактических мероприятий по предотвращению и локализации возможной аварии. Так, зачастую на развитие и масштаб возможной аварии, кроме технологических просчетов и ошибок, существенное влияние оказывает игнорирование проявившихся специфических начальных признаков, которые, как правило, предшествуют аварии. При нормально функционирующей службе безопасности на шахтах, в случае обнаружения начальных признаков аварии (самовозгорания угля, внезапного выброса или горного удара), обычно оперативно предпринимаются специальные профилактические мероприятия, в результате которых удается предотвратить аварию, либо существенно понизить тяжесть ее последствий, а главное – исключить травматизм и гибель людей. В качестве примера игнорирования начальных признаков, предшествующих возникновению аварий, рассмотрим причины и условия, которые предопределили взрыв метана в шахте «Алардинская», который произошел 27 декабря 2006 г., и эндогенного пожара, возникшего в 1989 г. в шахте «Инская». По мнению ведущего научного сотрудника ИГД сибирского отделения РАН, кандидата технических наук В. А. Скрицкого, обе эти аварии имели общие причины, о которых руководство шахт и курирующие их инспектора Ростехнадзора не могли не знать [8, с. 18].

Основной же причиной аварийности и травматизма на угольных предприятиях являлись (и являются до сих пор) психофизиологические факторы, в частности, нарушения требований правил и норм безопасности руководителями работ, специалистами и персоналом, отступления от установленных регламентов и технологий, принятие неверных решений в конкретных ситуациях, резкое ослабление трудовой и производственной дисциплины, применение опасных приемов работы с эле-

ментами лихачества, выполнение работ в опасных зонах, недостаточный опыт в условиях интенсивной работы, управление машинами и механизмами в состоянии алкогольного опьянения и т. п. Правомочность этого заявления подтверждает исследование, проведенное ГУЗ «Кемеровский областной клинический наркологический диспансер» совместно с Управлением Госнарконтроля по Кемеровской области и подразделениями наркологической службы Кузбасса. Оно показало, что у шахтеров с наличием психоактивных веществ в биологических жидкостях организма в 39,5 % случаев был обнаружен алкоголь, в 44,2 % – каннабиноиды (действующие вещества гашиша и марихуаны, встречающиеся в растениях семейства коноплевых), в 16,3 % – опиаты (наркотические алкалоиды опиума [9, с. 31]. В 2005 году администрацией Кемеровской области, по инициативе губернатора А. Г. Тулеева, в Кузбассе было организовано проведение операции «Забой», в ходе которой было проверено 69 227 человек, работающих на 64 предприятиях. На 16 угольных предприятиях компаний «Южкузбассуголь», «Сибирский Деловой Союз», «СУЭК» предсменному обследованию на предмет потребления наркотических веществ были подвергнуты 21 771 человек, 261 из которых находился в состоянии наркотического опьянения. Ранее, в 2004 году, на шахтах Кузбасса было зарегистрировано 16 случаев нахождения под землей лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, отмечались факты курения под землей [10, с. 10 – 11].

В то же время в Кузбассе активно ведутся работы по снижению травматизма на предприятиях угольной промышленности. Так, в марте 2010 года в Прокопьевске было открыто первое предприятие по промышленной добыче метана из угольных пластов, что, помимо экономической выгоды позволит существенно снизить уровень взрывоопасности. Большое значение для обеспечения безопасности на угольных предприятиях Кузбасса оказало создание в декабре 2004 года Координационного совета по развитию угольной промышленности, охране труда, промышленной и экологической безопасности в Кемеровской области, объединяющего основных акционеров ведущих угольных компаний и предприятий Кузбасса и возглавляемого губернатором Кемеровской области. В 2005 году Координационным советом было принято знаковое решение о разработке «Комплексной целевой программы обеспечения безопасности и противоаварийной устойчивости на угледобывающих предприятиях (организациях) Кузбасса на 2005 – 2010 гг.», для реализации которой Управлением Ростехнадзора по Кемеровской области совместно с НЦ ВостНИИ, РосНИИГД, НГЦ НИИОГР Минпромэнерго РФ все шахты Кузбасса были классифицированы по группам опасности и была проведена огромная работа по аудиту состояния промышленной безопасности на предприятиях угольных компаний.

Авария на шахте «Зыряновская» послужила стимулом к началу научного изучения вопроса: «Оста-

ются ли после взрыва метана и угольной пыли в живых хотя бы часть пораженных, и как долго они могут прожить, находясь под землей в ожидании помощи?» Тщательно изучив протоколы судебно-медицинского исследования погибших шахтеров и руководствуясь абсолютно новыми, разработанными в Кемеровском областном центре медицины катастроф, методами, специалисты центра установили, что от 50 до 27 % пораженных при взрыве погибают не сразу, и в течение ближайших 3 – 4 часов вероятность найти под землей живых людей достаточно велика, но с каждым часом количество живых сокращается [11, с. 15]. Данный результат исследования был особенно важен в связи с тем, что ранее было широко распространено мнение, что при взрыве метана и угольной пыли в шахте среди пораженных, находящихся на близком расстоянии от взрыва, смерть у всех наступает мгновенно. Те же, кто находился далеко от эпицентра взрыва и получили легкие травмы, способны сами выбраться из шахты и не особо нуждаются в помощи спасателей. На наш взгляд, с такой позицией соглашаться нельзя. Во-первых, в связи с тем, что в течение первых часов после взрыва есть надежда спасти большинство пострадавших. Во-вторых, нет оснований считать, что вышедшие самостоятельно из зоны аварии не нуждаются в помощи. Здесь следует также учесть и зарубежный опыт. Так, во многих странах (например в Германии) шахтеры ввиду повышенного риска не добывают уголь в агрессивной среде, используя в данных случаях только управляемые извне автоматические механизмы. В Австралии на протяжении всей выработки вывешиваются ленточки из светоотражающего материала, которые с одной стороны окрашены в красный цвет, а с другой – в зеленый. Зеленый цвет указывает на направление движения к выходу из шахты, красный – в обратную сторону. В случае аварии данная мера сильно облегчает ориентирование шахтеров в забое и, напротив, указывает на направление движения горноспасателям. На шахтах же Южной Африки в обувь горняков вмонтированы электронные датчики, дающие сигнал о месте пребывания шахтера, что значительно облегчает поиск пораженных в условиях завала. Подобные меры на Кузбасских шахтах практически не применяются ввиду их дороговизны, но тем не менее исследования специалистов Кемеровского областного центра медицины катастроф изменили основные подходы к оказанию помощи пострадавшим шахтерам, что, в свою очередь, увеличило количество спасенных шахтеров.

Литература

1. Мазикин, В. П. Угольная отрасль России и Кузбасса: состояние и перспективы / В. П. Мазикин

// Безопасность жизнедеятельности предприятий в угольных регионах: материалы VI Международной научно-практической конференции. Кемерово, ГУ КузГТУ, 15 – 16 ноября 2005 г. / отв. ред. Ю. А. Антонов. – Кемерово, 2005.

2. Бикметов, Р. С. Книга памяти шахтеров Кузбасса. 1991 – 2000 / Р. С. Бикметов, Ю. П. Киселев, Ю. Н. Малышев и др. – Кемерово: Летопись, 2001. – Т. 5.

3. Брусин, Е. Б. Угрозомерическая и эпидемиологическая характеристика риска возникновения чрезвычайных ситуаций в Кемеровской области / Е. Б. Брусин, А. А. Цитко // Медицина катастроф. Сборник опубликованных научно-практических работ ученых и специалистов медицины катастроф Кузбасса с 1992 по 1997 гг. / под ред. И. К. Галеева, А. Л. Кричевского, А. А. Цитко. – Кемерово, 1998.

4. Галеев, И. К. Анализ причин и уроки катастрофы на шахте «Зыряновская» / И. К. Галеев // Медицина катастроф: учебное пособие для студентов высших медицинских учебных заведений и врачей постдипломного образования. – Кемерово, 1999.

5. Головин, В. Организация и проведение судебно-медицинских экспертиз смертельно травмированных шахтеров на шахте «Ульяновская» 19.03.2006г. в гор. Новокузнецке / В. Головин, Б. Каширин // КузбассМедКатИнформ (информационный сборник). – 2007. – № 1.

6. Безопасность – дело каждого [Текст] // Деловой Кузбасс. – 2005. – Май-июнь. – № 5 – 6.

7. Тулеев, А. Г. Аварии на шахтах – что делать? / А. Г. Тулеев // Рос. газ. – 2004. – 29 января.

8. Скрицкий, В. А. Аварии на шахтах Кузбасса: некоторые причины их возникновения / В. А. Скрицкий // Горная промышленность. – 2007. – № 5.

9. Лопатин, А. А. Работники угледобывающих предприятий и употребление психоактивных веществ / А. А. Лопатин // КузбассМедКатИнформ (информационный сборник). – 2007. – № 1.

10. Дюпин, А. Ю. Современные проблемы промышленной безопасности на предприятиях угольной отрасли Кузбасса и пути их решения / А. Ю. Дюпин // Безопасность жизнедеятельности предприятий в угольных регионах: материалы VI Международной научно-практической конференции. Кемерово, ГУ КузГТУ, 15 – 16 ноября 2005 г. / отв. ред. Ю. А. Антонов. – Кемерово, 2005.

11. Галеев, А. А. Проблема спасения шахтеров при катастрофах в угольных шахтах Кузбасса и перспективы ее решения / А. А. Галеев, А. Л. Кричевский, А. А. Цитко и др. // КузбассМедКатИнформ (информационный сборник). – 2002. – № 4.

УДК 316.27

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Кемеровской области)**
В. Ю. Чигаева

**THE CURRENT STATE OF SOCIAL SAFETY AT REGIONAL LEVEL
(for example in the Kemerovo region)**
V. Y. Chigaeva

В статье представлен анализ современного состояния социальной безопасности в регионах Российской Федерации (в том числе в Кемеровской области), рассмотрен эволюционный аспект развития политики государства в отношении регионов, затрагиваются проблемы обеспечения социальной безопасности на региональном уровне и, в частности, вопросы качества её обеспечения в регионах (на примере Кемеровской области), представлены рекомендации о путях решения проблем.

In article the analysis of a current state of social safety in regions of the Russian Federation is presented (including, in the Kemerovo region), is considered evolutionary aspect of development of a policy of the state concerning regions, are mentioned problems of maintenance of social safety at regional level, and in particular, questions of quality of its maintenance in regions (for example of the Kemerovo region), are presented the recommendations about the ways of the decision of problems.

Ключевые слова: государственная политика регионального развития, социальные проблемы, социальная безопасность, модернизация обеспечения социальной безопасности в регионах.

Keywords: state policy of regional development, social problems, social safety, modernization of maintenance of social safety in regions.

Происходящая в последние годы в России радикальная смена государственной и социальной политики в основных сферах её жизнедеятельности – экономической, социальной, идеологической, военной, федеративных и межгосударственных отношений – привела к фактическому разрушению важных элементов системы национальной безопасности. Эти процессы сопровождаются нарастанием социальной напряжённости, которая приводит к конфликтам, в том числе и массовым, что вплотную подводит к проблеме социальной безопасности России. Обеспечение социальной безопасности является важнейшей функцией любого государства, начиная с момента его возникновения. Более того, необходимость государственной защиты выступает одной из побудительных причин его создания. Россия не является исключением в этом плане.

Изначально федеральная политика России в отношении регионов строилась на платформе выравнивания социально-экономического развития регионов. В советский период регионы рассматривались как совокупность географически сопряжённых производственно-технологических площадок, совместно обеспечивающих сбалансированность и самодостаточность экономики, её динамичный рост. В силу этого, региональное развитие страны осуществлялось как плановое размещение на территории производительных сил. Исходя из этого, по территории распределялось население, устанавливались инвестиционные приоритеты и сроки проектного освоения отдельных территорий, а также определялся правовой статус последних (1920 – 30-е годы – подъём отсталых окраин, в 1930-е и начале 1940-х годов – создание второй металлургической базы и заводов-дублёров на Урале и в Сибири, в 1950 – 70-е годы – ускоренное развитие восточных районов, в

1960 – 80-е годы – формирование крупных территориально-производственных комплексов). В конце 1990-х – начале 2000-х годов государственная политика регионального развития, основанная на целях и принципах предыдущего этапа развития страны, себя фактически исчерпала, а унаследованная Россией от Советского Союза региональная организация вступила в период масштабной перестройки.

Основными процессами, трансформировавшими экономические и пространственные системы регионов Российской Федерации на протяжении последних 15 – 20 лет были: формирование нового геополитического и экономического пространства после распада СССР; демонтаж административно-плановой экономики и переход к рыночной экономике; открытие национальной экономики для внешнего рынка; изменения государственного устройства, в том числе административных и бюджетных отношений центра и регионов; новая регионализация России, в ходе которой появляются новые регионы как культурные и социально-экономические образования, выстраиваемые на основе общей социальной и хозяйственной жизни поверх старых административных границ; следующий этап урбанизации, когда городской образ жизни, развитие инфраструктур и пространственной организации городов определяются не столько промышленно-технологическими требованиями, сколько требованиями современной и дружественной человеку среды жизни [2].

Данные процессы привели к возникновению целого комплекса новых экономических, социальных и политико-правовых проблем, отразившихся на устойчивости социально-экономической ситуации в отдельных российских территориях и в целом всей региональной организации страны. В настоящее время в Российской Федерации достаточно сильны

дезинтеграционные процессы, сохраняются изоляционистские и сепаратистские тенденции. Часть субъектов Российской Федерации оказались не в состоянии обеспечить конкурентоспособность собственного хозяйства даже в масштабах страны (монопрофильные поселения, военные городки, закрытые административно-территориальные образования и т. д.). К 2004 году 10 – 12 субъектов Федерации обеспечили более 50 % ВВП страны. В них сосредоточились основные инвестиции и ресурсы страны, а этот разрыв в социально-экономической ситуации стал основным социальным противоречием, порождающим политические конфликты. Массовые социальные конфликты и коллективные трудовые споры постепенно начинают проявляться во многих сферах общественной жизни. Особенно эти проблемы актуальны сегодня, в условиях кризиса. В свою очередь, это повышает роль и ответственность региональных властей за решение вопросов национальной безопасности, в том числе такого важного элемента её структуры, как социальная безопасность. Это вызвало необходимость формирования специальной государственной политики регионального развития и принятия Концепции «Стратегия социально-экономического развития регионов Российской Федерации», подготовленной в соответствии с приоритетами деятельности Правительства Российской Федерации, а также стратегий социальной безопасности регионального масштаба (в частности, такого документа, как «Стратегия социальной безопасности Кемеровской области».

Масштабная актуализация проблем социальной безопасности в России рубежа XX–XXI веков со всей остротой потребовала решения целого ряда вопросов методологического, теоретического обеспечения исследований защищённости человека и социума в новых социально-исторических условиях. Кроме того, данная проблематика оказалась в центре внимания специалистов-практиков и теоретиков в силу радикального изменения общего контекста рассмотрения и решения проблем безопасности, теоретико-методологических оснований их изучения и решения.

Социальная безопасность населения региона – это ещё весьма слабо изученное направление разработки проблемы национальной безопасности. Тем не менее отдельные региональные аспекты социальной безопасности уже проанализированы в работах С. Кирдиной, Л. Хахулиной, Е. Холостовой и ряда других исследователей XX – XXI века. Анализ проблем собственно социальной безопасности в современной отечественной социологии дифференцируется в основном в двух направлениях, обусловленных доминирующими трактовками содержания понятия «социальное»: 1) как общественного, 2) как сферы социально-бытового в общественной жизни.

Соответственно, понятие «социальная безопасность» трактуется чаще именно в русле этих двух трактовок категории «социальное», определяя адекватные им стратегии анализа и содержание изучаемой тематики. При этом в узкоспециальном, профильном плане категория «социальное» в последние

два-три десятилетия оказалась насыщенной значительным разнообразием интерпретаций.

Исследователями также были выявлены существенные характеристики обеспечения социальной безопасности как социального феномена (в том числе в Сибирском регионе):

во-первых, результаты оценки уровня безопасности и наличных угроз ей носят элемент субъективности;

во-вторых, определение безопасности и угроз ей не бывает безотносительным, оно вытекает из социальных, социально-экономических и иных основ государства, его политической системы, расстановки социальных, политических сил и т. п.;

в-третьих, безопасность граждан, общества, государства должна обеспечиваться на огромном количестве направлений, в связи с чем неизбежно встает проблема определения приоритетов;

в-четвертых, исторически сложившийся подход к обеспечению безопасности государства во многом опирается на сакральность последнего, на наличие образа врага [1; 4].

Среди многочисленных аспектов изучения социальной безопасности на передний план постепенно выступает изучение процесса модернизации обеспечения безопасности населения региона. В связи с этим поднимаются вопросы исследования специфики основных направлений и основных путей обновления системы обеспечения социальной безопасности населения региона; вопросы о факторах и условиях, детерминирующих необходимость модернизации региональной системы социальной безопасности в конкретно взятом регионе; вопросы структуры социальной безопасности региона и эффективности функционирования её элементов; вопросы динамики изменения системы социальной безопасности региона и др.

Все чаще исследователями и очевидцами поднимаются проблемы рисков обеспечения социальной безопасности, содержания массового сознания и информированности населения региона о проблемах социальной безопасности в регионе и её влияния на обеспеченность безопасности. На передний план как всегда выдвигаются угрозы в социально-бытовой сфере.

Механизм регулирования деятельности регионов и контроля за соблюдением их интересов на федеральном уровне осуществляется через институт «обращений и жалоб населения». На их основании высшие органы управления судят об эффективности региональных руководителей разного уровня: выборных и назначаемых. Чем более развит этот механизм, чем шире возможности населения выражать свои жалобы, чем лучше отлажены их учёт и контроль за их рассмотрением, тем эффективнее могут быть осуществляемые в обществе преобразования. Органами, осуществляющими обратную связь в виде лоббирования интересов соответствующих регионов в органах центрального управления, являются землячества.

Социальная безопасность населения региона зависит не только от дееспособности учреждений Главного управления МЧС России (в том числе по

Кемеровской области), но функционирования и развития учреждений социальной сферы и управления, общественных институтов, от информированности, культуры социального мышления и действий широких слоёв населения, а также региональной элиты. Защита безопасности личности, населения региона, устойчивого его развития в соответствии с общесоциальными закономерностями комплексного воспроизводства его жизни органично связана с защищённостью учреждений социальной сферы, общественных институтов, ответственных за национально-региональное и общественно-государственное развитие региона. В этой связи осуществляется достаточно активное взаимодействие государственных органов, общественности, «третьего сектора» и деловых кругов регионов [1].

Подходя к практическому аспекту проблемы обеспечения социальной безопасности на региональном уровне, постараемся рассмотреть специфику её обеспечения в Сибирском регионе, и в частности в Кемеровской области.

Прежде всего необходимо отметить, что основы социальной безопасности заложены в самом уставе Кемеровской области, главе 2 «Защита и реализация прав и свобод человека и гражданина в Кемеровской области», статьях 13 – 30 [5]. В частности, ст. 13 гарантирует равенство прав и свобод граждан области вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, должностного и социального положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и др., а ст. 14 свидетельствует о наличии должностного лица, отвечающего за соблюдение прав и свобод человека в Кемеровской области – уполномоченного по правам человека в Кемеровской области. Помимо основных социальных прав и свобод: на судебную защиту, на труд и отдых, избирательных прав, на свободу вероисповедания и т. д., в уставе подчёркивается и собственно социальная направленность. Она выражается в гарантированности права на социальную защиту (ст. 19), на образование (ст. 20), на охрану здоровья (ст. 21), гарантия прав в сфере семейных отношений (ст. 22). Каковы же проблемы обеспечения социальной безопасности в регионе и что делается для её реализации на практике?

Во-первых, в бюджете Кемеровской области ещё в 2009 году создан специальный финансовый резерв, так называемая «подушка безопасности», который обеспечивает безусловное исполнение социально-значимых обязательств в случае ухудшения ситуации в экономике региона и страны в целом. На 2009 г. он составил 16,5 млрд рублей.

Также, учитывая специфику региона, развитие в нём угольной отрасли и необходимость её реструктуризации, ряд мероприятий был проведён в этом направлении. В частности, ещё в конце 90-х годов XX века, когда была проведена первая реструктуризация, тогда она не была подкреплена адекватными механизмами социальной защиты и создания новых рабочих мест, что негативно отразилось на уровне жизни высвобождаемых работников, на социально-

экономическом положении шахтёрских городов и посёлков. Поэтому дальнейший процесс реструктуризации необходимо было в социальном плане скорректировать и сбалансировать. С этой целью, во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 20 ноября 1997 г. «О совершенствовании управления угольной промышленностью» приказами министра топлива и энергетики были созданы государственные учреждения – по координации программ местного развития и решению социальных проблем, вызванных реструктуризацией предприятий угольной промышленности (ГУ «Соцуголь») и по вопросам реорганизации и ликвидации нерентабельных шахт и разрезов («ГУРШ»). Государственному учреждению «Соцуголь» были определены следующие основные уставные задачи по организации и координации работ, связанных с финансированием за счет средств государственной поддержки угольной промышленности:

- формирования и реализации программ местного развития и обеспечения занятости для шахтёрских городов и поселков;

- выплат выходных пособий и компенсаций высвобождаемым работникам ликвидируемых шахт и разрезов, подразделений ВГСЧ, угледобывающих компаний, шахтостроительных и вспомогательных организаций, а также работникам действующих (не ликвидируемых) шахт и разрезов, действующих вспомогательных организаций, уволенным в связи с сокращением численности и штата;

- обеспечения бесплатным (пайковым) углем для бытовых нужд пенсионеров, не работающих на шахтах, разрезах и в подразделениях ВГСЧ, пенсии которым назначены в связи с работой на шахтах, разрезах и подразделениях ВГСЧ; инвалидов труда, инвалидов по общему заболеванию, не работающих на шахтах, разрезах и в подразделениях ВГСЧ, если они пользовались правом получения пайкового угля до наступления инвалидности; семей погибших (умерших) работников шахт, разрезов и подразделений ВГСЧ, если жена (муж), родители, дети и другие нетрудоспособные члены семей этих работников получают пенсию по случаю потери кормильца; вдов (вдовцов) бывших работников шахт, разрезов и подразделений ВГСЧ;

- погашения задолженности по заработной плате (включая компенсацию за неиспользованный отпуск) с соответствующими начислениями во внебюджетные фонды работникам, высвобождаемым в связи с ликвидацией шахт и разрезов, подразделений ВГСЧ, угледобывающих компаний, шахтостроительных и вспомогательных организаций, а также работникам этих организаций в связи с выходом на пенсию по возрасту и инвалидности;

- возмещения вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей (выплаты сумм в возмещение вреда в соответствии с законодательством Российской Федерации или отраслевыми тарифными соглашениями, организационно-технические расходы): на ликвидируемых и ликвидированных

шахтах и разрезах угольной (сланцевой) промышленности; по решению Межведомственной комиссии по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов – работникам ликвидируемых и ликвидированных подразделений ВГСЧ и угледобывающих компаний, шахтостроительных, а также ликвидируемых вспомогательных организаций;

- реализации отраслевого тарифного соглашения на предприятиях и в организациях угольной промышленности, шахтного строительства и в подразделениях ВГСЧ (по перечню расходов, определяемому Министерством энергетики Российской Федерации совместно с Министерством финансов Российской Федерации и с участием отраслевого профсоюза), а также дополнительное пенсионное обеспечение работников, имеющих право выхода на пенсию и стаж работы не менее 10 лет на шахтах и разрезах, в угледобывающих компаниях, подразделениях ВГСЧ, шахтостроительных организациях и увольняемых на пенсию в период ликвидации указанных организаций.

Период реструктуризации угольной промышленности России после создания ГУ «Соцуголь» по характеру решения крупных социально-экономических задач можно обозначить как социально ориентированный этап. На этом этапе реструктуризации, в целях решения уставных задач ГУ «Соцуголь», был разработан комплекс организационно-экономических механизмов социальной защиты и обеспечения занятости работников угольной промышленности. Реализация этих механизмов осуществлялась в следующих основных направлениях:

- обеспечение социальных гарантий работникам действующих и ликвидируемых угольных предприятий;

- перевод высвобожденных работников ликвидируемых организаций на перспективные действующие предприятия отрасли и объекты социальной инфраструктуры в связи с их муниципализацией;

- внедрение стимулирующих факторов с целью ротации кадров – назначение негосударственных пенсий бывшим работникам отрасли; взаимодействие отраслевых управленческих структур с региональными и муниципальными органами Минтруда России по вопросам занятости населения;

- совершенствование форм и методов профессиональной переподготовки работников угольной промышленности в соответствии с требованиями рынка труда;

- формирование и реализация «Программ местного развития и обеспечения занятости для шахтерских городов и поселков»;

- развитие социального партнерства в обеспечении социальной защиты работников угольной промышленности и др.

В качестве мер социальной поддержки были реализованы выплаты выходных пособий и других компенсаций, обеспечение бесплатным (пайковым) углем пенсионеров и других лиц, имеющих право на его получение и др. Большое значение для социальной защиты высвобождаемых работников угольной отрасли имело введение негосударственного пенси-

онного обеспечения (ещё с 1994 г.). В настоящее время дополнительную пенсию получают более 100 тыс. человек. Объёмы средств государственной поддержки на социальную защиту за период 1998 – 2002 гг. по основным направлениям изменялись в зависимости от значимости социальных проблем. В период 1998 – 2000 гг. основная доля средств государственной поддержки приходилась на погашение задолженности по заработной плате. Начиная с 2001 г., основная доля расходов по социальной защите была переориентирована на обеспечение бесплатным (пайковым) углем, удельный вес которого возрос в связи с увеличением численности лиц, получающих его, а также ростом цены бытового топлива. В настоящее время получают бесплатный (пайковый) уголь свыше 115 тыс. человек. Для решения проблемы занятости высвобожденных работников в шахтерских городах в период 1998 – 2002 гг. осуществлялся мониторинг рынков труда в углепромышленных регионах, его результаты являются исходной базой при принятии решений о трудоустройстве работников ликвидируемых организаций. Также для её решения создавались новые рабочие места на созданных углепромышленных муниципальных образованиях, созданных с долевым участием средств государственной поддержки. За счёт этого в Кемеровской области к 2002 году было создано 7,8 тыс. рабочих мест. Помимо указанных мероприятий, была организована государственная поддержка, связанная с предоставлением адресных субсидий на организацию предпринимательской деятельности. Для повышения эффективности проведения мероприятий по развитию региона в качестве основного метода было принято стратегическое планирование, которое позволило создать условия для перспективного развития, принимать текущие решения с учётом стратегических целей [3].

Все вышеуказанные мероприятия можно смело перенести в нашу сегодняшнюю действительность. Вновь в условиях мирового кризиса были мобилизованы все возможные ресурсы, чтобы не допустить удручающего темпа роста безработицы, в частности, в угольной промышленности вновь проводятся мероприятия по переквалификации, переобучению лиц, потерявших место работы. В этом проекте задействован Кемеровский государственный университет и различные кадровые агентства Кемеровской области. Ведётся активная поддержка частного предпринимательства в плане предоставления субсидий на открытие своего дела. Проводятся и многие другие мероприятия по поддержке и защите жителей области.

Наряду с остальными регионами Российской Федерации, в Кемеровской области активно реализуются национальные проекты: «Здоровье», «Образование», «Жильё», «АПК» и др. Ведётся строительство новых медицинских учреждений, завозится новое оборудование, повышена заработная плата медицинских работников. Активно проводится интернетилизация школ и различных образовательных учреждений, повышена заработная плата работников образования и т. д. Введены сотни тысяч квадратных метров жилья в эксплуатацию, обеспечено

льготным жильём большое количество молодых семей, семей работников сфер образования, здравоохранения, угольной промышленности и т. д. [7]. Активно стимулируется демографическая ситуация в регионе (выплаты материнского капитала, предоставления субсидий, льготных кредитов). Даются льготные кредиты на поддержку фермерских хозяйств. Однако имеется и обратная сторона всех этих мероприятий [7]. В частности, строительство новых медицинских учреждений не всегда оправдано и рентабельно, всё чаще поднимаются вопросы по отмыванию средств и об откатах. Новое оборудование долго простаивает без использования в связи с нехваткой обученных специалистов для работы на нём. Незначительное повышение заработных плат съела инфляция. А жильё не всегда бывает достойного качества. Часто не соблюдаются правила введения в эксплуатацию, используются некачественные материалы. В связи с этим, встают вопросы доверия к власти, пересмотра организационных основ [6]. Среди приоритетных вопросов социального развития Кемеровской области, требующих решения в среднесрочной перспективе, на передний план выступают:

- высокая смертность населения, в первую очередь, вследствие значительного накопленного экологического ущерба;
- прогнозируемое снижение доли трудоспособного населения;
- проблема дисбаланса подготовки специалистов в образовательных учреждениях и потребностей работодателей;
- нехватка мощностей дошкольных образовательных учреждений [8].

Таким образом, отдельные социально-экономические достижения страны не являются достаточными для обеспечения социальной безопасности населения региона без соответствующего влияния факторов функционально-организационного, информационного, коммуникационного и общественно-гражданского уровней организации жизни социума, в связи с чем для поддержания социальной безопасности в регионе необходимо, чтобы её составляющие элементы, её подсистемы всех уровней находились в динамическом равновесии и оптимальном взаимодействии.

В качестве повышения эффективности развития регионов предлагаются следующие направления модернизации региональной системы социальной безопасности:

- совершенствование организационно-институциональных основ обеспечения социальной безопасности населения;
- оптимизация подготовки жителей к решению проблем социальной безопасности, повышению уровня их информированности и активности участия в формировании системы гражданского обеспечения безопасности социального развития региона;

- учет специфики обеспечения социальной безопасности сельских и городских районов региона различных типов поселений;

- необходимо создание модернизированной государственной системы обеспечения социальной безопасности населения в регионе на основе Главного управления МЧС России. Приоритетом в ее деятельности должна быть защита безопасности первичного социального субъекта – человека, его жизни, здоровья, имущества, прав и свобод как важнейшего условия полноценной жизнедеятельности личности и безопасного развития государства и общества.

Стратегическую роль в усилении безопасности населения региона играет система мер по сохранению и совершенствованию социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство условий его полноценного жизнеосуществления. Принципиальное значение имеет организация гражданской системы обеспечения социальной безопасности населения региона, активизация самозащитных действий жителей, повышения уровня их информированности о проблемах социальной безопасности региона.

Литература

1. Белоусов, В. Н. Основные направления модернизации региональной системы обеспечения социальной безопасности населения в России рубежа XX – XXI веков: по материалам социологических исследований в Алтайском крае 1997 – 2004 гг. / В. Н. Белоусов: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Барнаул, 2005. – 239 с. – РГБ ОД, 61:05-22/504 // URL: www.vipdisser.com.
2. Решение социальных проблем реструктуризации угольной отрасли России и задачи ГУ «СОЦУГОЛЬ» на современном этапе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.sotsugol.ru.
3. Социальный атлас российских регионов. Режим доступа: URL: http://oficery.ru/nacionalnaya_bezopasnost/sotsialnaya_bezopasnost.
4. Устав Кемеровской области // Официальный сайт Совета народных депутатов Кемеровской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.sndko.ru.
5. Официальный сайт Совета при Президенте России по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.rost.ru.
6. Кузбасс занимает второе место в Сибири по объему введенного за полгода жилья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ako.ru/press/mess/text/doktrina/prog_rus.do с.
7. Программа социально-экономического развития Кемеровской области до 2012 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.ako.ru/press/mess/text/doktrina/prog_rus.do с.

УДК 36.364

**ЦЕННОСТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗДОРОВЬЕ И ЗДОРОВОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ****М. А. Шулаева****VALUE NOTION OF HEALTH AND HEALTHY LIFESTYLES OF STUDENT YOUTH****M. A. Shulaeva**

В статье представлен теоретический обзор социально-психологических подходов, теорий и моделей к проблеме здоровья. Представлен результат исследования отношения студентов вуза к здоровью и здоровому образу жизни. Представляется наиболее эффективный и реалистичный вариант сохранения и укрепления здоровья молодежи – формирование у них навыков самосохранительного поведения и привитие им опыта данного поведения как средства успешной профессиональной и иной социализации как витальной ценности.

The article presents a theoretical overview of the socio-psychological approaches, theories and models to the problem of health. The results of the study of high school students' attitudes to health and healthy lifestyles are presented. It is the most effective and realistic option to preserve and strengthen young people's health – to train them on self-preservation behavior and give them experience of this behavior as of means to a successful professional and other socialization as a vital value.

Ключевые слова: молодежь, здоровье, самосохранительное поведение.

Keywords: youth, health, self-preservation behavior.

Проблематика самосохранительного поведения, поддержания здорового образа жизни в последние годы все чаще признается одной из приоритетных областей научного познания и оказывается в фокусе комплексного изучения. Поведение индивида в сфере здоровья называется самосохранительным (синонимы: витальное, здоровьесохранительное) и определяется как система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни индивида [3].

Достаточно активный интерес исследователей различных сфер к проблеме ценностного отношения к здоровью и здорового образа жизни, сформировавшийся в науке за последние десятилетия, связан с негативными тенденциями показателей здоровья среди населения.

Здоровье молодого поколения – важная задача современности, в комплексном решении которой невозможно обойтись без специалистов различных сфер. Существуют различные подходы к предмету изучения – с позиции медицины, психологии, физиологии, валеологии, социальной работы, а также различные определения и классификации, сложившиеся в тех или иных научных школах. Сегодня социально-психологические проблемы здоровья являются актуальными и разрабатываются рядом отечественных исследователей [2]. В результате процессов, происходящих в современном обществе, возникает противоречие между социально-психологическими представлениями студенческой молодежи о здоровье и его месте в системе жизненных ценностей и сформированностью у молодежи ценностного отношения к самосохранению и поддержанию своего здоровья.

Утрата стабильных социально-психологических ориентиров, изменение системы ценностей, обладающих надежной защитой и механизмом формирования устойчивых представлений об идеалах, ценностях, нормах, повысило личную ответственность молодежи за самосохранение и поддержание своего

здоровья и резко обозначило неготовность большинства включиться в ценностно-ориентированную политику в отношении своего здоровья и здорового образа жизни. Это определило научный интерес и актуальность выбранной нами темы исследования.

Проблемы здоровья привлекали внимание представителей ряда социальных наук еще в 50–60-х годах XX века, но систематическое изучение относится лишь к 70-м годам XX века. За эти годы было выполнено большое количество социально-психологических работ по проблемам здоровья и болезни (Аронсон, Уилсон, Эйкерт, 2002; Нисбетт, Росс, 1995; Тейлор, Пипло, Сирс, и др.) [1].

Длительное время здоровье трактовалось как проблема индивидуально-личностного бытия, имеющая значение главным образом для выживания и развития отдельного индивида. В настоящее время здоровье во все возрастающей степени осмысливается как значимый феномен собственно социального бытия, как «структурообразующий фактор социальности» [5, с. 3].

Здоровье приобретает значение сложного и глобального социокультурного явления. Поэтому допустимо говорить не только об отдельных технологиях оздоровления, но и о единой «политике здоровья».

Теоретический анализ зарубежных и отечественных теорий и моделей, подходов, опирающихся на различные объяснительные схемы, показал, что проблеме здоровья можно рассматривать с выделением ряда факторов, влияющих на предпринимаемое поведение, акцент и анализ убеждений в отношении здоровья.

Обобщая наиболее распространенные в наши дни научные взгляды на проблему здоровья, мы можем выделить несколько альтернативных подходов к исследованию этого феномена.

Нормоцентрический подход рассматривает здоровье как совокупность среднестатистических норм восприятия, мышления, эмоционального реагирова-

ния и поведения, в сочетании с нормальными показателями соматического состояния индивида. Это некий оптимальный уровень функционирования организма и психики.

В феноменологическом подходе проблемы здоровья и болезни трактуются как фундаментальные аспекты или вариации индивидуального, неповторимого «способа бытия-в-мире», они включены в субъективную картину мира и могут быть постигнуты лишь в ее контексте (К. Т. Ясперс, Л. Бинсвангер, Р. Д. Лэнг). На смену формализованным процедурам исследования в данном случае приходит феноменологическое описание, основанное на глубинном понимании и эмпатии.

Холистический подход понимает здоровье как обретаемую индивидом в процессе его становления целостность, предполагающую личностную зрелость (Г. Олпорт), интеграцию жизненного опыта (К. Роджерс) и примирение, синтез фундаментальных противоречий человеческого существования или интрапсихических полярностей (К. Г. Юнг). Естественно-научные принципы анализа дополняются гуманитарными, что обеспечивает целостное видение проблемы.

В кросс-культурном подходе здоровье это социокультурная переменная; его характеристики относительноны и детерминированы специфическими социальными условиями, культурным контекстом, своеобразием национального образа жизни и образа мира.

С позиции дискурсивного подхода любое представление о здоровье может быть исследовано как продукт определенного дискурса, имеющего собственную внутреннюю логику конструирования или концептуализации социальной и психической реальности. Для точного понимания структуры конкретного представления требуется углубленный дискурс-анализ.

Аксиологический подход рассматривает здоровье как универсальную человеческую ценность, которая соотносится с основными ценностными ориентациями личности и занимает определенное положение в ценностной иерархии. Доминирование тех или иных ценностей, так же, как и их переоценка, кризис рассматриваются в качестве факторов, определяющих здоровье индивида или негативно влияющих на него. Аксиологический подход был предложен еще Платоном, который в своем диалоге «Законы» поместил «здоровое состояние души» (наряду с разумением, справедливостью и мужеством) в иерархию человеческих и божественных благ [4, с. 78]. Наиболее крупным ученым нашего столетия, исследовавшим психическое здоровье и его нарушения в их ценностном аспекте, т. е. во взаимосвязи с высшими ценностями человека, следует признать А. Маслоу. В своей теории самоактуализации Маслоу рассматривал высшие ценности как своего рода детерминанты здорового и полноценного развития индивидуума [3].

В интегративном подходе любые объяснительные принципы, модели и концептуальные схемы признаются адекватными способами изучения здоровья на разных уровнях человеческого бытия.

Предпринимается попытка интегрировать эти модели и схемы с учетом их ограничений на единой концептуальной основе, согласно базовым принципам теории систем.

И. Б. Бобовина выделяет общие и специфические теории и модели [1].

Теории аттитудов не были разработаны для изучения здоровья и болезни, но они оказались применимы для этой сферы. Основными допущениями теории причинного действия, предложенной Л. Айзенем и М. Фишбайном, являются следующие: человек – рационален, он систематически использует доступную ему информацию, в нашем случае, она касается здоровья и болезни. Индивид взвешивает последствия поведения перед тем, как предпринять какое-либо действие или отказаться от него. Поведение непосредственно связано с интенцией, или готовностью к выполнению некоторого действия. Интенция к действию находится в линейной зависимости от аттитюда в отношении данного действия и субъективных норм (воспринимаемое социальное давление) по отношению к выполнению или невыполнению этого действия. Л. Айзен и М. Фишбайн подчеркивают, что аттитюд в этой модели – оценка некоторого поведения с помощью континуума: нравится – не нравится, хороший – плохой, благоприятный – неблагоприятный, полезный – бесполезный. Субъективные нормы определяются убеждениями о том, как значимые другие оценивают это действие, а также мотивацией к согласию с ними. Те индивиды, у которых возникла интенция к действию, например к выполнению превентивного поведения, с большей вероятностью будут его выполнять, чем те, у кого она отсутствует. Чем выше интенция к действию, тем больше вероятность, что человек будет выполнять это действие.

Другой схемой, используемой при объяснении проблем психологии здоровья и болезни, являются атрибутивные теории. В современном варианте атрибутивные теории могут быть представлены в виде набора правил, используемых людьми для того, чтобы сделать выводы о самих себе и об окружающем их социальном мире. Индивид здесь активно конструирует реальность, которая и определяет его действия.

В области здоровья и болезни интерес атрибутивных теорий представлен преимущественно двумя направлениями: 1) атрибутивные процессы в отношении здоровья и болезней, серьезных заболеваний и травм; 2) роль атрибуции в связи с превентивными программами в области здоровья. В русле первого направления представляется возможным говорить о тех ситуациях, когда люди, серьезно заболев, пытаются «понять» или, что было бы вернее, приписать причины их болезней и, «установив» контроль над ними, разработать соответствующую стратегию поведения. Эта стратегия заключается в приписывании ответственности за случившееся либо себе самому, либо другим.

Теория социального сравнения изначально была предложена Л. Фестингером для понимания того, как люди получают информацию о самих себе, основываясь на наблюдении других. Потребность

сравнивать себя с другими филогенетически очень старая, она имеет важное биологическое значение, связанное с адаптацией и выживанием. В работах М. Шерифа по выработке групповых норм, где в основе выработки единой оценки лежат механизмы сравнения, а также работам Г. Хаймана по референтной группе, где также идет речь о процессах сравнения. Однако именно в теории социального сравнения эта идея получила теоретическую и эмпирическую реализацию.

С точки зрения Л. Фестингера, человеку необходимо иметь информацию о своих способностях и своем поведении, причем эта информация должна быть стабильной, предсказуемой и точной. Предпочтение отдается объективным стандартам за счет обращения к физическому миру. Однако, если такого рода информация не является доступной, а это случается, как отмечает Фестингер, вероятно, в большинстве ситуаций, то человек использует похожих других как источник информации, он сравнивает себя с другими и делает выводы в отношении своих способностей и своего поведения. Сходство является важной составляющей процесса социального влияния.

А. Бандура в социально-когнитивной теории сделал акцент на когнитивную активность индивида, которая занимает особую роль в данной теории. Она связана со способностью индивида кодировать информацию, использовать символы, конструировать реальность, а также научиться посредством наблюдения, саморегуляции и саморефлексии. Социальная система оказывает влияние на человека посредством психологических механизмов, связанных с саморегуляцией.

Данная теория направлена на предсказание поведения индивида, а также на определение способов модификации поведения, ибо оно не изменяется под действием только одного желания. Одним из ключевых понятий теории является реципрокный детерминизм, т. е. функционирование человека определяется действием трех типов взаимозависимых факторов: 1) когнитивных, аффективных, биологических, 2) поведенческих; 3) связанных с окружением.

Вклад каждого из этих факторов различен.

Различные варианты поведения человека развиваются посредством моделирования. По мнению А. Бандуры, наблюдая других, человек понимает, как реализуется новое поведение, позднее эта символическая конструкция будет направлять его собственное действие.

К важным умениям человека относится использование символа, посредством которого индивид осмысливает опыт, придает ему форму, приближает к себе. Использование символов позволяет человеку анализировать последствия поведения без его непосредственного выполнения. Поведение человека в значительной степени регулируется его умением обдумывать действие заранее. Отсюда в теории предлагается различать ряд ожиданий, на которые люди ориентируются, предпринимая (или не предпринимая) те или иные действия. Важным положением этой теории является утверждение о том, что различного рода психологические процедуры явля-

ются средством создания и усиления ожиданий об эффективности индивида.

К специфическим теориям и моделям относится: модель убеждений о здоровье. Цель данной модели, разработки которой велись группой американских исследователей (С. Кегел, Г. Хочбаум, И. Розенсток) еще в 1950-е годы, заключалась в создании способа объяснения и предсказания превентивного поведения, в особенности связанного с использованием медицинских услуг. Восприятие угрозы здоровью побуждает людей предпринимать те или иные действия, а убеждения о возможном поведении определяют план этих действий. Вероятность того, что индивид предпримет превентивное действие, зависит от ряда факторов. Так, человек будет предпринимать здоровое поведение, если:

1) он понимает, что негативного условия можно избежать;

2) у него есть позитивные ожидания от выполнения определенного поведения;

3) он уверен, что сможет выполнить требуемые действия.

Теория защитной мотивации К. Роджерса по своей сути является модифицированной моделью И. Розенстока. В теории защитной мотивации важным фактором, связанным со здоровым поведением или с прекращением небезопасных действий, является страх. Появление этого конструкта явилось достаточно важным дополнением теории, так как трудно представить, что, сталкиваясь с различными болезнями и заболеваниями, индивид не испытывает страха, а всего лишь анализирует информацию об этих реалиях жизни. Основная идея теории сводится к тому, что люди стремятся предпринять превентивные действия, чтобы защитить свое здоровье от угрожающих факторов в том случае, если:

1) они верят в то, что некоторое явление представляет опасность для них;

2) они оказываются от него не защищены;

3) угрозы можно избежать за счет определенных действий, здорового поведения;

4) люди уверены в том, что им под силу выполнить требуемое поведение (самоэффективность).

Речь идет о двух процессах оценки, происходящих параллельно. С одной стороны, это процесс оценки угрозы, включающий серьезность болезни и уязвимость по отношению в ней. Оценка угрозы соотносится с преимуществами проблемного (неадаптивного) поведения, которое индивид практикует в настоящее время. Человек перестает действовать таким образом если угроза перевешивает воспринимаемые преимущества неадаптивного поведения. С другой стороны, это процесс оценки совладания, состоящий из воспринимаемой эффективности действия (или эффективности ответа) и способности действовать (или самоэффективности).

Результаты этих параллельных процессов определяют степень защитной мотивации, выражающейся в готовности к выполнению рекомендуемого поведения. Чувство страха связывается с восприятием угрозы какого-то заболевания и собственной уязвимостью по отношению к нему. Сильное чувство страха окажется эффективным только в том случае,

если человек считает, что у него достаточно высокая самоэффективность. Другими словами, если рекомендуемое поведение воспринимается как осуществимое. Страх в сочетании с низким чувством действия обратным образом на готовность к выполнению здорового поведения. Информация, имеющаяся у индивида из прошлого опыта, а также полученная путем убеждения или научения, приводит в действие или адаптивный (улучшение поведения), или неадаптивный (избегание, отрицание проблемы) стиль поведения.

Ментальные представления о болезни и здоровье. Оценивая ощущения, симптомы и опыт болезни, индивид апеллирует к схемам, хранящимся в долгосрочной памяти. Эта информация включает знания и убеждения индивида в отношении физиологических аспектов здоровья и болезни. Будучи активизированными, эти системы знаний направляют селективное внимание, эффекты якорения в суждениях и запускают подтверждающие стратегии поиска информации. Х. Левенталь предложил модель, в которой речь идет о специфическом знании, связанном со здоровьем и болезнью. Согласно модели ментальных представлений о здоровье и болезни, люди не только отвечают на присутствующие симптомы, но пытаются понять их природу, интуитивно объединяют их, вырабатывая, таким образом, ментальные представления или имплицитные теории болезней. Выработанные представления направляют последующие действия человека, имеющие своей целью совладание с болезнью. Представления о болезни, действия, направленные на совладание с болезнью, и их оценка – все это результат конструктивной активности, посредством которой индивид пытается понять и управлять специфической областью психологической реальности – соматическими ощущениями. Эти составляющие находятся в постоянном взаимодействии друг с другом.

Люди используют следующие категории для организации представления об угрозе здоровью: название болезни (т. е. ярлык, некоторая категория, обозначающая болезнь, а также соответствующие симптомы); причины (каковы факторы ее возникновения, например стресс, слабость, контакт с инфекцией); продолжительность (до излечения или смерти) и последствия (физические, социальные, экономические, это убеждения в отношении влияния болезни на качество жизни и функциональные способности человека). Эти понятия задают некую схему интерпретации информации о болезни. Представления придают смысл соматическому опыту, а также облегчают коммуникацию людей о нем. Эта схема направляет выбор и исполнение действий, направленных на преодоление болезни. В данной модели предлагается изучать то, как индивид представляет себе здоровье и болезнь в обыденной жизни. Достаточно важным преимуществом данной модели является включение в нее элемента «продолжительность», который предполагает некоторое изменение, развитие во времени представлений о болезни.

Выбор адекватного подхода к исследованию феноменологии здоровья представляет серьезную теоретико-методологическую проблему.

Все перечисленные подходы представляются нам приемлемыми и взаимодополняющими.

Как показал анализ различных теорий и моделей, проблемы здоровья представляют собой специфическую область, требующую особого анализа.

В последние несколько лет проблема здорового образа жизни является одной из актуальных в различных сферах жизнедеятельности человека и в системе научного изучения данной проблемы. Несмотря на интерес и актуальность к проблеме здорового образа жизни, проблема ценностного отношения к самосохранению, продвижению и поддержания здоровья среди молодежи является недостаточно изученной.

Актуальность данного исследования определяется тем, что формирование представлений о здоровье и здоровом образе жизни обязательно включает в себя трансляцию такого понимания ценностных ориентаций и смыслов, которые приняты в данной культуре и возрастной группе. Студенческая молодежь является отдельной социально-демографической группой, обладающей определенной спецификой и требующей разработки профилактических и образовательных программ и исследований в рамках социальной работы.

Целью данного исследования является изучение социально-психологических проблем здоровья и ценностное отношение студентов вуза к здоровому образу жизни.

В ходе исследования решались следующие задачи:

- 1) анализ основных теоретических подходов к проблеме психологического здоровья в зарубежной и отечественной психологии;
- 2) изучение отношения студенческой молодежи по вопросам здоровья и здорового образа жизни;
- 3) сравнительный анализ представлений студенческой молодежи о здоровье и отношении к проблеме здорового образа жизни по различным критериям.

При организации и проведении исследования применялись следующие методы: теоретико-методологический анализ научных источников, опросные методы и методы математической статистики. Выбор комплекса методов исследования определяется целями и задачами исследования. Исследование проводилось на базе КемГУ среди студентов 2 – 3 курсов юридического факультета, в возрасте от 18 до 21 года. Всего в исследовании приняли участие 81 человек. Выборка является гетерогенной по фактору пола. В ходе исследования участники были разделены на 2 группы: 1 группа – 42 женщины; 2 группа – 39 мужчин.

Среди опрошенных преобладали лица в возрасте 17 – 18 лет – 45 %, 19 лет – 38 %, 20 – 21 год – 18 %. Из общего числа студентов, принявших участие в исследовании, 83 % проживают с родителями, 10 % проживают в общежитии, 8 % имеют отдельную квартиру и 5 % снимают жилье. Среди опрошенных 93 % не состоят в браке, 5 % находятся в гражданском браке, в официальном браке состоят 3 % из общего числа опрошенных.

С помощью анкетного опроса оценивались: значимость здоровья в системе жизненных ценностей студентов, отношение к здоровью, степень влияния

социальных и психологических факторов на здоровье и здоровый образ жизни (ЗОЖ). Анализ результатов проведенного исследования позволяет сделать ряд выводов относительно представлений о здоровом образе жизни женщин и мужчин. При сопоставлении данных в группах студентов – мужчин и женщин, достоверные различия выявлены ($p \geq 0,05$): в оценке родителями влияния на здоровье вредных привычек; способах получения информации о здоровом образе жизни, в частности, сохранении психологического благополучия; факторах, негативно влияющих на здоровье; условиях, необходимых для ведения здорового образа жизни в вузе и т. д.

Значимые достоверные различия ($p \geq 0,05$) получены в группах студентов 17–18 лет (1 группа), 19 лет (2 группа) и 20 – 21 год (3 группа). Вопросы, связанные со здоровьем, в большей степени интересуют студентов 1 группы.

Значимость жизненных ценностей в обеих группах испытуемых распределилась следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Средний результат значимости жизненных ценностей, полученный в группах респондентов

<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>
1. Взаимоотношения в семье	1. Взаимоотношения в семье
2. Здоровье (психическое и физическое)	2. Здоровье (психическое и физическое)
3. Материальное благополучие	3. Успех у противоположного пола
4. Любовь	4. Общение с друзьями
5. Уверенность в себе	5. Учеба

Итак, анализ анкетного опроса по вопросу значимости жизненных ценностей выявил значимые различия жизненных ценностей: 1 группа респондентов указала такие жизненные ценности, как взаимоотношения в семье, здоровье, материальное благополучие, любовь, уверенность в себе. По мнению 2 группы респондентов, взаимоотношения в семье, здоровье, успех у противоположного пола, общение с друзьями, учеба являются значимыми жизненными ценностями (таблица 1). Можно отметить, что жизненные ценности в обеих группах схожи, это можно объяснить особенностями возраста испытуемых. Большинство студентов обеих групп отдают приоритет среди прочих жизненных ценностей именно здоровью (психическому и физическому). Вместе с тем женщины придают в целом большее значение здоровью, чем мужчины. В среднегрупповом ранге жизненных ценностей у девушек здоровье занимает 2-ю позицию, в группе юношей – 3-ю позицию.

В ходе исследования мы также выясняли степень значимости влияния социальных и психологических факторов на здоровье по оценкам студентов.

В целом полученные результаты дают нам основания говорить о том, что оценка представителями различных гендерных групп испытуемых степени значимости влияния социальных и психологических факторов на здоровье различна (рис. 1). Среди первой группы испытуемых наиболее высокие оценки

получили такие факторы, как: трудные жизненные ситуации (утрата близких, изменение социального статуса и т. д.), стрессы, отсутствие комфортных условий проживания, дисгармоничные отношения в семье, качество и доступность медицинской помощи. Во второй группе испытуемых высокие оценки получили такие факторы, как: трудные жизненные ситуации (утрата близких, изменение социального статуса и т. д.), материальные возможности, дисгармоничные отношения в семье, качество и доступность медицинской помощи. Как следует из приведенных результатов, оценка социальных и психологических факторов, влияющих на здоровье, не носит особых гендерных различий.

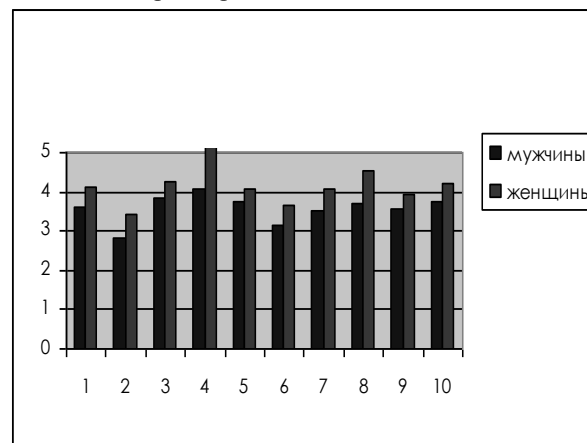

Рис. 1. Степень значимости влияния социальных и психологических факторов на здоровье,

* где 1 – отсутствие комфортных условий проживания; 2 – условия обучения; 3 – качество и доступность медицинской помощи; 4 – трудные жизненные ситуации; 5 – материальные возможности; 6 – интеллектуальные нагрузки; 7 – психоэмоциональный дискомфорт; 8 – стрессы; 9 – конфликты; 10 – дисгармоничные отношения в семье.

Сравнительный анализ представлений о здоровом образе жизни в двух группах показал, что ключевыми категориями представлений о здоровом образе жизни в первой группе испытуемых является здоровый образ жизни как идеальное состояние полного физического, психологического, социального благополучия, к которому стоит стремиться (70 %), отсутствие вредных привычек (48 %), установка на сохранение и укрепление здоровья (45 %), активная жизненная позиция (33 %). Вторая группа испытуемых в понятие «здоровый образ жизни» вкладывает идеальное состояние полного физического, психологического, социального благополучия, к которому стоит стремиться (74 %), отсутствие вредных привычек (51 %), физическая активность (46 %), активная жизненная позиция (28 %), стратегии активного поведения по самосохранению своего здоровья (20 %). Наиболее согласованным пониманием здорового образа жизни является «идеальное состояние полного физического, психологического, социального благополучия человека, к которому стоит стремиться» в обеих группах респондентов.

Сравнение процентного соотношения собственного мнения респондентов о том, насколько их зна-

ния о здоровье и здоровом образе жизни являются достаточным, показал: полностью владеют информацией и не нуждаются в дополнительной 26 % в первой группе испытуемых и 33 % во второй группе испытуемых. Владеют основной информацией, но хотелось бы знать больше, в 1 группе испытуемых 52 %, а во 2 группе испытуемых 56 %. Выявлены различия в оценивании испытуемых своих знаний в сфере здорового образа жизни. Так, женщины больше стремятся к получению новых знаний. Было

установлено, что наиболее значимой информацией об образе жизни студенты обеих групп считают информацию о здоровом питании, рациональном распределении времени на учебную деятельность и досуг, способах сохранения психологического благополучия. Здоровье представляется как нечто требующее приложения усилий, выполнения определенного поведения.

Таблица 2

Оценка студентами эффективности мер поддержания здоровья и пропаганды здорового образа жизни в университете (%)

	<i>Варианты ответов</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>
1.	Оказание социальной помощи (поддержки)	43	36
2.	Оказание квалифицированной психологической помощи, основанной на принципах добровольного обращения и конфиденциальности	48	36
3.	Включение в учебный процесс знаний о ЗОЖ (лекции, семинары, беседы)	7	10
4.	Акции, информационные кампании в вузе	21	26
5.	Социальная реклама	29	41
6.	Социальная активность молодежи (вовлечение студентов в волонтерское движение)	24	18
7.	Трансляция актуального положительного опыта жизни через кино (фильмогруппа)	24	26
8.	Внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс (рациональные учебные нагрузки, непрерывность и комплексность проведения оздоровительных мероприятий)	52	54
9.	Внедрение комплексной системы мониторинга социально-психологического благополучия студентов.	21	36

Наиболее эффективными мерами поддержания и пропаганды ЗОЖ в университете, по мнению студентов, является социальная реклама, внедрение комплексной системы мониторинга социально-психологического благополучия здоровья студентов, оказание социальной и психологической помощи.

Студенты 1 группы наиболее эффективными мерами поддержания и пропаганды здорового образа жизни в работе со студентами в университете считают включение в учебный процесс лекций, семинаров, бесед о ЗОЖ. Здоровый образ жизни, по мнению студентов 2 группы, в большей степени зависит от установки личности на сохранение и укрепление здоровья. Выявлены различия между 1 и 2 группами студентов в оценке индивидуальной ответственности по сохранению и поддержанию своего здоровья. При этом студенты 2 группы характеризуются более высокой степенью осознанности данного аспекта ЗОЖ.

Рассматривая проблему здоровья и здорового образа жизни среди студенческой молодежи, мы выяснили актуальность проблемы. Дальнейшее исследование проблемы ценностного отношения к здоровью позволит сформировать научное представление о феномене здоровья в свете интегративного подхода. Таким образом, проведенное нами исследование подтвердило, что ценностное отношение к здоровью среди студентов вуза имеет гендерные различия.

Литература

1. Бовина, И. Б. Социальная психология здоровья и болезни [Текст] / И. Б. Бовина. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 256 с.
2. Васильева, О. С. Психическое здоровье как интерактивная характеристика личности [Текст] / О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов // Психологический вестник. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. – 1998. – № 3. – С. 418.
3. Журавлева, И. В. Поведенческий фактор и здоровье населения [Текст] / И. В. Журавлева // Методологические аспекты. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 72.
4. Ивахненко, Г. А. Здоровье московских студентов: социологический анализ самосохранительного поведения [Текст] / Г. А. Ивахненко // СОЦИС. – 2006. – № 5.
5. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики. [Текст] / А. Маслоу. – СПб., 1997. – С. 430.
6. Платон. Законы [Текст] // Собр. соч.: в 4 т. – М., 1994. – Т. 4.
7. Сайко, Э. В. Здоровье как явление социального бытия и основание действенной силы человека в его эволюции [Текст] / Э. В. Сайко // Мир психологии. – 2000. – № 1(21). – С. 3 – 11.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Авилов Г. М. e-mail: avilg@mail.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	10
Антропова М. Н. e-mail: martt@kemsu.ru	– магистр по направлению подготовки «Технологии социальной работы» кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	145
Аргентова Л. В. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	5
Аргентова Т. Е. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	5
Белогай К. Н. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	20
Бирюкова А. С. e-mail: martt@kemsu.ru	– магистрант по направлению подготовки «Технологии социальной работы» кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	150
Богомолов А. М. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	26
Борисенко Ю. В. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	31
Браун О. А. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	37
Будич Н. Ю. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	43
Волкова А. В. e-mail: martt@kemsu.ru	– ассистент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	156
Воробьева Н. А. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	48
Гольдимиц Е. С. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	54
Грабчук К. М. e-mail: martt@kemsu.ru	– ассистент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	161
Григорьева Е. В. e-mail: spf@kemsu.ru	– старший преподаватель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	62
Игнатьева А. С. e-mail: martt@kemsu.ru	– магистрант направления обучения «Технологии социальной работы», социально-психологический факультет КемГУ	167
Карась Д. В. e-mail: spf@kemsu.ru	– научный сотрудник НИИ комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний СО РАМН	66
Киенко Е. В. e-mail: evm777@pisem.net	– аспирант кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	69
Колотилина В. В. e-mail: spf@kemsu.ru	– студентка кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	78
Кривцова Е. В. e-mail: martt@kemsu.ru	– старший преподаватель кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы социально-	173

Лычагина В. В. e-mail: martt@kemsu.ru	психологического факультета КемГУ – магистрант по направлению подготовки «Технологии социальной работы» социально-психологического факультета КемГУ	177
Ляхова М. А. e-mail: spf@kemsu.ru	– ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	82
Мартынова Татьяна Николаевна e-mail: martt@kemsu.ru	– кандидат педагогических наук, доцент заведующая кафедрой социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ.	183
Миллер Н. А. e-mail: spf@kemsu.ru	– студент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	66
Морозова Ирина Станиславовна e-mail: evm777@pisem.net	– доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	69, 99
Нилов Э. В. e-mail: martt@kemsu.ru	– студент кафедры менеджмента социальной сферы КемГУ	192
Портнова Алла Георгиевна e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития, КемГУ	89
Решетникова Н. Н. e-mail: martt@kemsu.ru	– аспирант Прокопьевского филиала КемГУ	197
Романчук А. А. e-mail: martt@kemsu.ru	– магистрант по направлению подготовки «Технологии социальной работы», социально-психологического факультета КемГУ	203
Русакова Н. Н. e-mail: spf@kemsu.ru	– студентка кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	37
Самодумова Е. О. e-mail: spf@kemsu.ru	– студентка кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	10
Сафонова Т. О. e-mail: evm777@pisem.net	– ассистент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	99
Семенова М. Б. e-mail: spf@kemsu.ru	– студентка 5 курса социально-психологического факультета КемГУ	106
Серый Андрей Викторович e-mail: grey@kemsu.ru	– доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	106
Симкин М. Ф. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	110
Симкина Е. М. e-mail: spf@kemsu.ru	– аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	110, 113
Сирота Е. Ю. e-mail: spf@kemsu.ru	– кафедра социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	115
Сухотина Е. В. e-mail: spf@kemsu.ru	– педагог-психолог	119
Тараканов А. В. e-mail: bgd.kemsu@mail.ru	– кандидат исторических наук, доцент кафедры безопасности жизнедеятельности КемГУ	215
Теплинских Марина Валентиновна e-mail: spf@kemsu.ru	– заведующая методическим кабинетом кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ	122
Филатова Е. В. e-mail: martt@kemsu.ru	– кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	209
Хакимова Н. Р. e-mail: spf@kemsu.ru	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	119

Холодцева А. Е. e-mail: evm777@pisem.net	– педагог-психолог	89
Холодцева Е. Л. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	127
Хорошилов А. В. e-mail: bgd.kemsu@mail.ru	– аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ	215
Чигаева В. Ю. e-mail: martt@kemsu.ru	– кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	219
Шамовская Т. В. e-mail: evm777@pisem.net	– кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ	133
Шулаева М. А. e-mail: spf@kemsu.ru	– магистрант по направлению «технология социальной работы», кафедра социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ	224
Яницкий Михаил Сергеевич e-mail: spf@kemsu.ru	– профессор, доктор психологических наук кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий, декан социально-психологического факультета КемГУ	139

AUTHORS OF THE EDITION

Antropova M. N.	– masters in the direction of training, Technology Social Work Socio-psychological faculty KemSU	145
Argentova L. V.	– candidate of psychological Sciences, of General Psychology and psychological development KemSU	5
Argentova T. E.	– Ph.D., associated professor of the Chair of Social Work and Management of Social Sphere, the Department of Psychology of the KemSU	5
Avilov G. M.	– the senior lecturer, the candidate of psychological sciences, KemSU	10
Belogai K. N.	– PhD, Associate Professor The General and Developmental Psychology Department Social-Psychological Faculty KemSU	20
Biryukova A. S.	– master of the direction of training, Technology Social Work Socio-psychological faculty KemSU	150
Bogomolov A. M.	– an associate professor of the sub-faculty of general and developmental psychology of the KemSU	26
Borisenko J. V.	– PhD, Associate Professor The General and Developmental Psychology Department Social-Psychological Faculty KemSU	31
Braun O. A.	– Ph.D., Social-Psychological department, KemSU	37
Budich N. Y.	– The Candidate of psychological sciences, the senior lecturer of department of the general psychology and psychology of development KemSU	43
Chigaeva V. Y.	– the candidate of historical sciences, the senior teacher of chair of social work and management of social sphere KemSU	219
Filatova H. V.	– associated professor of the Chair of Social Work and Management of Social Sphere, the Department of Psychology and Social Work of the KemSU	209
Goldschmidt E. S.	– candidate of psychological Sciences, assistant Professor of General Psychology and psychological development KemSU	54
Grabchuk K. M.	– the assistant of the Chair of Social Work and Management of Social Sphere, the Department of Psychology and Social Work of the KemSU	161
Grigoryeva E. V.	– the senior teacher of chair of social psychology and psychosocial technologies KemSU	62
Ignatieva A. S.	– undergraduate areas of Learning Technologies, Social Work Socio-Psychological Department KemSU	167
Janitsky M. S.	– the doctor of psychological sciences, the professor, the dean of socially-psychological faculty of the KemSU	139
Karas D. V.	– scientific research institute of complex problems of cardiovascular diseases The Siberian branch of the Russian Academy of Medical Science, the scientific employee	66
Khakimova H. R.	– the candidate of psychological sciences, the senior lecturer of department of the general psychology and psychology development of KemSU	119
Kholodtseva A. E.	– psychologist	89
Kholodtseva E. L.	– candidate of psychological Sciences, the senior lecturer, Assistant Professor of General Psychology and psychological development KemSU	127
Khoroshilov A. V.	– ph. D. student of the Newest Russian history KemSU	215
Kienko E. V.	– aspirant of General Psychology and psychological development KemSU	69
Kolotilina V. V.	– the student of chair of social psychology and psychosocial technologies the KemSU	78
Krivtsova E. V.	– the senior teacher of chair «Social work and management of social sphere» Socially-psychological faculty of the KemSU	173
Lyahova M. A.	– assistant Teacher Department (Chair) of Social Psychology and Psychosocial Technologies KemSU	82
Lychagina V. V.	– masters in the direction of training, Technology Social Work Socio-psychological faculty KemSU	177
Martynova T. N.	– the candidate of pedagogical sciences, Head of department of social work and management of social sphere of KemSU	183
Miller N. A.	– the student the state educational institution of the higher vocational training KemSU, social-psychological faculty	66

Morosova I. S.	– the doctor of psychological sciences, the professor, Head of department the general psychology and psychological development of the KemSU	69, 99
Nilov E. V.	– the student of chair of management of social sphere of KemSU	192
Portnova A. G.	– candidate of psychological Sciences, Assistant Professor of General Psychology and psychological development, KemSU	89
Reshetnikova N. N.	– the competitor of interuniversity chair of the general and high school pedagogic of the KemSU	197
Romanchuk A. A.	– master student in the direction of preparation «Technology social work», socio-psychological faculty KemSU	203
Rusakova N. N.	– student Social-Psychological department, KemSU	37
Safonova T. O.	– assistant of department General Psychology and psychological development of the KemSU	99
Samodumova E. O.	– the student of KemSU	10
Semenova M. B.	– the student 5 courses of socially-psychological faculty of the Kemerovo state university	106
Seriy A. V.	– the doctor of psychological sciences, the professor of chair of social psychology and psychosocial technologies of the Kemerovo state university	106
Shamovskaya T. V.	– candidate of Sciences (Philosophy), Senior lecturer of the department of general psychology and developmental psychology KemSU	133
Shulaeva M. A.	– graduate in the direction of «technology of social work», Department of Social Work and Social Sphere of Kemerovo State University of Management KemSU	224
Simkin M. F.	– the candidate of pedagogical sciences, the senior lecturer of departament of social psychology and psychosocial technologies of the KemSU	110
Simkina E. M.	– the post-graduate student of faculty of departament of social psychology and psychosocial technologies of the KemSU	110, 113
Sirota E. J.	– the student Chair of social psychology and psychosocial technologies The KemSU	115
Sukhotina E. V.	– the teacher-psychologist	119
Tarakanov A. V.	– assistant professor of safety of human life KemSU	215
Teplinskih M. V.	– manager of the methodical office of chair of social psychology and psychosocial technologies of KemSU	122
Volkova A. V.	– assistant lecturer of social work and management of social sphere of the KemSU	156
Vorobyeva N. A.	– the senior lecturer, the candidate of psychological sciences, the senior lecturer of chair of social psychology and psychosocial technologies of the KemSU	48

Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «Пресса России», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала и правила оформления статей представлены на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной Электронной Библиотеке eLIBRARY.RU и включена в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК);
2. Название статьи;
3. Инициалы и фамилия автора (авторов);
4. Аннотация/реферат;
5. Ключевые слова;
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами;
7. Список литературы;
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1, поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация - книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе - автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) - строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов - 5-7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например,

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2} k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата .jpg. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация - подрисуночная по центру.

Например,

Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица 1

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например,

Ссылка на полный текст документа [6]

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24-28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.12-93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде концевых сносок.

13. В конце текста статьи указываются: полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (на русском и английском языках).

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4-7 страниц компьютерного набора формата А4 (210×297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 140.8(470+571)''19''

ФОКУСНЫЕ ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НАЧАЛА XX в.

В. И. Красиков

FOCUS DISCUSSIONS IN PATRIOTIC IDEA OF THE BEGINNING XX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье анализируются наиболее значимые дискуссии начала XX в., в которых формировались основные позиции в отечественной философии того времени. Это широкие дискуссии – обсуждения знаменитых сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи». Также это академические дискуссии: обсуждение книг Н. Лосского и В. Савальского. Исследуются ход дискуссий, их состав и смысл.

Very important discussions in the Russian Philosophy of the Beginning of XX Century that formed main positions of intellectual field are considered. There are public discussions about prominent collections "Problems of Idealism" and "Vechi". There are also academic discussions about books of N. Lossky and V. Savalsky. There are showed a logics of discussions, its participants and its sense.

Ключевые слова: фокусные дискуссии, поле интеллектуального внимания, русская философия начала XX века.

Key words: focus discussions, field of intellectual attention, Russian philosophy of the beginning of XX century.

Текст...

Литература

Красиков Владимир Иванович

e-mail: krasikov1958@yahoo.com

тел.: 8(3842) 72-77-75

- доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Кемеровский государственный университет» (КемГУ)
650043, Кемерово, ул. Красная, 6,
Редакция журнала «Вестник КемГУ»

Электронный адрес:

gos@kemsu.ru

Телефон:

(3842) 58-28-39

ПОДПИСКА – 2010

на январь – декабрь по Объединенному каталогу «Пресса России».

На почте с января 2010 г. проводится подписная кампания на журнал
«Вестник Кемеровского государственного университета»

по Объединенному каталогу Пресса России «ПОДПИСКА-2010»
*по индексу **42150***

Условия оформления подписки (аннотация, индекс, стоимость)

*Вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.*

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!